

Магарага

МИМТЧЕЛЛ

Унесенные ветрами

«Унесенные ветром» – единственный роман Маргарет Митчелл (1900—1949). Ее жизнь рано оборвалась из-за трагической случайности, но образам Скарлетт О'Хара и Ретта Батлера, рожденным воображением «маленькой смелой женщины» – как называли писательницу американские критики, – суждено жить вечно.

Это книга о любви и о войне, о предательстве и верности, о жестокости и о красоте самой жизни. Это одна из тех книг, к которым возвращаешься снова спустя годы и испытываешь радость от встречи...

- [Маргарет Митчелл](#)
 -
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)

- [notes](#)
 - [Note1](#)
 - [Note2](#)
 - [Note3](#)
 - [Note4](#)
 - [Note5](#)
 - [Note6](#)
 - [Note7](#)
 - [Note8](#)
 - [Note9](#)
 - [Note10](#)
-

Благодарим Вас за использование нашей библиотеки Librs.net.

Маргарет Митчелл
УНЕСЕННЫЕ ВЕТРОМ
Том 1

Скарлетт О'Хара не была красавицей, но мужчины вряд ли отдавали себе в этом отчет, если они, подобно близнецам Тарлтонам, становились жертвами ее чар. Очень уж причудливо сочетались в ее лице утонченные черты матери – местной аристократки французского происхождения – и крупные, выразительные черты отца – пышущего здоровьем ирландца. Ширококосулое, с точеным подбородком лицо Скарлетт невольно приковывало к себе взгляд. Особенно глаза – чуть раскосые, светло-зеленые, прозрачные, в оправе темных ресниц. На белом, как лепесток магнолии, лбу – ах, эта белая кожа, которой так гордятся женщины американского Юга, бережно охраняя ее шляпками, вуалетками и митенками от жаркого солнца Джорджии! – две безукоризненно четкие линии бровей стремительно взлетали косо вверх – от переносицы к вискам.

Словом, она являла взору очаровательное зрелище, сидя в обществе Стюарта и Брента Тарлтонов в прохладной тени за колоннами просторного крыльца Тары – обширного поместья своего отца. Шел 1861 год, ясный апрельский день клонился к вечеру. Новое зеленое в цветочек платье Скарлетт, на которое пошло двенадцать ярдов муслина, воздушными волнами лежало на обручах кринолина, находясь в полной гармонии с зелеными сафьяновыми туфельками бел каблуков, только что привезенными ей отцом из Атланты. Лиф платья как нельзя более выгодно обтягивал безупречную талию, бесспорно самую тонкую в трех графствах штата, и отлично сформировавшийся для шестнадцати лет бюст. Но ни чинно расправленные юбки, ни скромность прически – стянутых тугим узлом и запрятанных в сетку волос, – ни степенно сложенные на коленях маленькие белые ручки не могли ввести в обман: зеленые глаза – беспокойные, яркие (о сколько в них было своенравия и огня!) – вступали в спор с учтивой светской сдержанностью манер, выдавая подлинную сущность этой натуры. Манеры были результатом нежных наставлений матери и более суровых нахлобучек Мамушки. Глаза дала ей природа.

По обе стороны от нее, небрежно развалившись в креслах, вытянув скрещенные в лодыжках, длинные, в сапогах до колен, мускулистые ноги первоклассных наездников, близнецы смеялись и болтали, солнце било им в лицо сквозь высокие, украшенные лепным орнаментом стекла, заставляя жмуриться. Высокие, крепкотелье и узкобедрые, загорелые, рыжеволосые, девятнадцатилетние, в одинаковых синих куртках и горчичного цвета бриджах, они были неотличимы друг от друга, как две коробочки хлопка.

На зеленом фоне молодой листвы белоснежные кроны цветущих кизиловых деревьев мерцали в косых лучах закатного солнца. Лошади близнецов, крупные животные, золотисто-гнедые, под стать шевелюрам своих хозяев, стояли у коновязи на подъездной аллее, а у ног лошадей переругивалась свора поджарых нервных гончих, неизменно сопровождавших Стюарта и Брента во всех их поездках В некотором отдалении, как оно и подобает аристократу, возлежал, опустив морду на лапы, пятнистый далматский дог и терпеливо ждал, когда молодые люди отправятся домой ужинать.

Близнецы, лошади и гончие были не просто неразлучными товарищами – их роднили более крепкие узы. Молодые, здоровые, ловкие и грациозные, они были под стать друг другу одинаково жизнерадостны и беззаботны, и юноши не менее горячи, чем их лошади, – горячи, а подчас и опасны, – но при всем том кротки и послушны в руках тех, кто знал, как ими нужно управлять.

И хотя все трое, сидевшие на крыльце, были рождены для привольной жизни плантаторов и с пеленок воспитывались в довольстве и холе, окруженные сонмом слуг, лица их не казались ни

безвольными, ни изнеженными. В этих мальчиках чувствовалась сила и решительность сельских жителей, привыкших проводить жизнь под открытым небом, не особенно обременяя свои мозги скучными книжными премудростями. Графство Клейтон в Северной Джорджии было еще молодо, и жизнь там, на взгляд жителей Чарльстона, Саванны и Огасть, пока что не утратила некоторого налета грубости. Более старые и степенные обитатели Юга смотрели сверху вниз на новопоселенцев, но здесь, на севере Джорджии, небольшой пробел по части тонкостей классического образования не ставился никому в вину, если это искупалось хорошей сноровкой в том, что имело подлинную цену. А цену имело умение вырастить хлопок, хорошо сидеть в седле, метко стрелять, не ударить в грязь лицом в танцах, галантно ухаживать за дамами и оставаться джентльменом даже во хмелю.

Все эти качества были в большой мере присущи близнецам, которые к тому же широко прославились своей редкой неспособностью усваивать любые знания, почерпнутые из книг. Их родителям принадлежало больше денег, больше лошадей, больше рабов, чем любому другому семейству графства, но по части грамматики близнецы уступали большинству своих небогатых соседей – «голодранцев», как называли белых бедняков на Юге.

Как раз по этой причине Стюарт и Brent и бездельничали в эти апрельские послеполуденные часы на крыльце Тары. Их только что исключили из университета Джорджии – четвертого за последние два года университета, указавшего им на дверь, и их старшие братья. Том и Бойд, возвратились домой вместе с ними, не пожелав оставаться в стенах учебного заведения, где младшие пришли не ко двору. Стюарт и Brent рассматривали свое последнее исключение из университета как весьма забавную шутку, и Скарлетт, ни разу за весь год – после окончания средней школы, Фейетвиллского пансиона для молодых девиц, – не взявшая по своей воле в руки книги, тоже находила это довольно забавным.

– Вам-то, я знаю, ни жарко ни холодно, что вас исключили, да и Тому тоже, – сказала она, – А вот как же Бойд? Ему как будто ужасно хочется стать образованным, а вы выгнали его и из Виргинского, и из Алабамского, и из Южно-Каролинского университетов, а теперь еще и из университета Джорджии. Если и дальше так пойдет, ему никогда не удастся ничего закончить.

– Ну, он прекрасно может изучить право в конторе судьи Пармали в Фейетвилле, – беспечно отвечал Brent. – К тому же наше исключение ничего, в сущности, не меняет. Нам все равно пришлось бы возвратиться домой еще до конца семестра.

– Почему?

– Так ведь война, глупышка! Война должна начаться со дня на день, и не станем же мы корпеть над книгами, когда другие воюют, как ты полагаешь?

– Вы оба прекрасно знаете, что никакой войны не будет, – досадливо отмахнулась Скарлетт. – Все это одни разговоры. Эшли Уилкс и его отец только на прошлой неделе говорили папе, что наши представители в Вашингтоне придут к этому самому... к обоюдодоприемлемому соглашению с мистером Линкольном по поводу Конфедерации. Да и вообще янки слишком боятся нас, чтобы решиться с нами воевать. Не будет никакой войны, и мне надоело про нее слушать.

– Как это не будет войны! – возмущенно воскликнули близнецы, словно открыв бессовестный обман.

– Да нет же, прелесть моя, война будет непременно, – сказал Стюарт. – Конечно, янки боятся нас, но после того, как генерал Борегад выбил их позавчера из форта Самтер, им ничего не остается, как сражаться, ведь иначе их ославят трусами на весь свет. Ну, а Конфедерация...

Но Скарлетт нетерпеливо прервала его, сделав скучающую гримасу:

– Если кто-нибудь из вас еще раз произнесет слово «война», я уйду в дом и захлопну дверь перед вашим носом. Это слово нагоняет на меня тоску... да и еще вот – «отделение от Союза».

Папа говорит о войне с утра до ночи, и все, кто бы к нему ни пришел, только и делают, что вопят: «форт Самтер, права Штатов, Эйби Линкольн!», и я прямо-таки готова визжать от скуки! Ну, и мальчики тоже ни о чем больше не говорят, да еще о своих драгоценных эскадронах. Этой весной на всех вечерах царила такая тоска, потому что мальчики разучились говорить о чем-либо другом. Я очень рада, что Джорджия не вздумала отделяться от святок, иначе у нас были бы испорчены все рождественские балы. Если я еще раз услышу про войну, я уйду в дом.

И можно было не сомневаться, что она сдержит слово. Ибо Скарлетт не выносила разговоров, главной темой которых не являлась она сама. Однако плутовка произнесла свои угрозы с улыбкой, – памятуя о том, что от этого у нее заиграют ямочки на щеках, – и, словно бабочка крыльшками, взмахнула длинными темными ресницами. Мальчики были очарованы – а только этого она и стремилась достичь – и поспешили принести извинения. Отсутствие интереса к военным делам ничуть не уронило ее в их глазах. По правде говоря, даже наоборот. Война – занятие мужское, а отнюдь не дамское, и в поведении Скарлетт они усмотрели одно лишь свидетельство ее безупречной женственности.

Уведя собеседников в сторону от надоевшей темы войны, Скарлетт с увлечением вернулась к их личным делам:

– А что сказала ваша мама, узнав, что вас обоих снова исключили из университета?

Юноши смутились, припомнив, как встретила их мать три месяца назад, когда они, изгнанные из Виргинского университета, возвратились домой.

– Да, видишь ли, – сказал Стюарт, – она пока еще не имела возможности ничего сказать. Мы вместе с Томом уехали сегодня из дома рано утром, пока она не встала, и Том засел у Фонтейнов, а мы поскакали сюда.

– А вчера вечером, когда вы явились домой, она тоже ничего не сказала?

– Вчера вечером нам повезло. Как раз перед нашим приездом привели нового жеребца, которого ма купила в прошлом месяце на ярмарке в Кентукки, и дома все было вверх дном. Ах, Скарлетт, какая это великолепная лошадь, ты скажи отцу, чтобы он приехал поглядеть! Это животное еще по дороге едва не вышибло дух из конюха и чуть не насмерть затоптало двух маминых чернокожих, встречавших поезд на станции в Джонсборо. А как раз когда мы приехали, жеребец только что разнес в щепы стойло, едва но убил мамину любимую лошадь Земляничку, и ма стояла в конюшне с целым мешком сахара в руках – пыталась его улестить, и, надо сказать, не без успеха. Чернокожие повисли от страха на стропилах и тарасили на ма глаза, а она разговаривала с жеребцом, прямо как с человеком, и он брал сахар у нее из рук.

Никто не умеет так обращаться с лошадьми, как ма. Тут она увидела нас и говорит: «Боже милостивый, что это вас опять принесло домой? Это же не дети, а чума египетская!» Но в эту минуту жеребец начал фыркать и лягаться, и ма сказала: «Пошли вон отсюда! Не видите, что ли, – он же нервничает, мой голубок! А с вами я утром потолкую!» Ну, мы легли спать и поутру ускакали пораньше, пока она в нас не вцепилась, а Бойд остался ее умасливать.

– Как вы думаете, она вздует Бойда? – Скарлетт, как и все жители графств, просто не могла освоиться с мыслью, что «крошка» миссис Тарлтон держит в ежовых рукавицах своих великовозрастных сыновей, а по мере надобности и прохаживается по их спинам хлыстом.

Беатриса Тарлтон была женщина деловая и несла на своих плечах не только заботу о большой хлопковой плантации, сотне негров-рабов и восьми своих отпрысках, но вдобавок еще и управляла самым крупным конным заводом во всем штате. Нрав у нее был горячий, и она легко впадала в ярость от бесчисленных проделок своих четырех сыновей, и если телесные наказания для лошадей или для негров находились в ее владениях под строжайшим запретом, то

мальчишкам порка время от времени не могла, по ее мнению, принести вреда.

– Нет, конечно, Бойда она не тронет. С Бойдом ма не особенно крепко расправляется, потому как он самый старший, а ростом не вышел, – сказал Стюарт не без тайной гордости за свои шесть футов два дюйма. – Мы потому и оставили его дома объясняться с ней. Да, черт побери. Пора бы уж ма перестать задавать нам трепку! Нам же по девятнадцати, а Тому двадцать один, а она обращается с нами, как с шестилетними.

– Ваша мама поедет завтра на барбекю [note 1](#) к Уилксам на этой новой лошади?

– Она поехала бы, да папа сказал, что это опасно, лошадь слишком горяча. Ну и девчонки ей не дадут. Они заявили, что она должна хотя бы раз приехать в гости, как приличествует даме – в экипаже.

– Лишь бы завтра не было дождя, – сказала Скарлетт. – Уже целую неделю почти ни одного дня без дождя. Ничего нет хуже, как испорченное барбекю, когда все переносится в дом и превращается в пикник в четырех стенах.

– Не беспокойся, завтра будет погожий день и жарко, как в июне, – сказал Стюарт. – Погляди, какой закат – я никогда еще, по-моему, не видал такого красного солнца! Погоду всегда можно предсказать по закату.

Все поглядели туда, где на горизонте над только что вспаханymi безбрежными хлопковыми полями Джералда О'Хара пламенел закат. Огненно-красное солнце опускалось за высокий холмистый берег реки Флинт, и на смену апрельскому теплу со двора уже потянуло прохладой.

Весна рано пришла в этом году – с частыми теплыми дождями и стремительно вскипающей бело-розовой пеной в кронах кизилых и персиковых деревьев, осыпавших темные заболоченные поймы рек и склоны далеких холмов бледными звездочками своих цветов. Пахота уже подходила к концу, и багряные закаты окрашивали свежие борозды красной джорджианской глины еще более густым багрецом. Влажные, вывороченные пласты земли, малиновые на подсыхающих гребнях борозд, лиловато-пунцовые и бурые в густой тоне, лежали, алкая хлопковых зерен посева. Выбеленный известкой кирпичный усадебный дом казался островком среди потревоженного моря вспаханной земли, среди красных, вздыбившихся, серповидных волн, словно бы окаменевших в момент прибоя. Здесь нельзя было увидеть длинных прямых борозд, подобных тем, что радуют глаз на желтых глинистых плантациях плоских пространств Центральной Джорджии или на сочном черноземе прибрежных земель. Холмистые предгорья Северной Джорджии вспахивались зигзагообразно, образуя бесконечное количество спиралей, дабы не дать тяжелой почве сползти на дно реки.

Это была девственная красная земля – кроваво-алая после дождя, кирпично-пыльная в засуху, – лучшая в мире для выращивания хлопка. Это был приятный для глаз край белых особняков, мирных пашен и неторопливых, мутно-желтых рек... И это был край резких контрастов – яркого солнца и глубоких теней. Расчищенные под пашню земли плантаций и тянувшиеся миля за милей хлопковые поля безмятежно покоились, прогретые солнцем, окаймленные нетронутым лесом, темным и прохладным даже в знойный полдень, – сумрачным, таинственным, чуть зловещим, наполненным терпеливым, вековым шорохом в верхушках сосен, похожим на вздох или на угрозу: «Берегись! Берегись! Ты уже зарастало однажды, поле. Мы можем завладеть тобою снова!» До слуха сидевших на крыльце донесся стук копыт, позвякивание упряжки, смех и переключка резких негритянских голосов – работники и мулы возвращались с поля. И тут же из дома долетел нежный голос Эллин О'Хара, матери Скарлетт, подзывавшей девчонку-негритянку, носившую за ней корзиночку с ключами.

– Да, мэм, – прозвучал в ответ тоненький детский голосок, и с черного хода донесся шум шагов, удалявшихся в сторону коптильни, где Эллин ежевечерне по окончании полевых работ

раздавала пищу неграм. Затем стал слышен звон посуды и столового серебра: Порк, соединявший в своем лице и лакея и дворецкого усадьбы, начал накрывать на стол к ужину.

Звуки эти напомнили близнецам, что им пора возвращаться домой. Но мысль о встрече с матерью страшила их, и они медлили на крыльце, смутно надеясь, что Скарлетт пригласит их поужинать.

– Послушай, Скарлетт, а как насчет завтрашнего вечера? – сказал Брепт. – Мы тоже хотим потанцевать с тобой – ведь мы не виноваты, что ничего не знали ни про барбекю, ни про бал. Надеюсь, ты еще не все танцы расписала?

– Разумеется, вес! А отдула мне было знать, что вы прискачете домой? Не могла же я беречь танцы для вас, а потом остаться с носом и подпирать стенку!

– Это ты-то? – Близнецы оглушительно расхохотались.

– Вот что, малютка, ты должна отдать мне первый вальс, а Сью – последний и за ужином сесть с нами. Мы разместимся на лестничной площадке, как на прошлом балу, и позовем Джинси, чтобы она опять нам погадала.

– Мне не нравится, как она гадает. Вы же слышали – она предсказала, что я выйду замуж за жгучего брюнета с черными усами, а я не люблю брюнетов. – Ты любишь рыжеволосых, верно, малютка? – ухмыльнулся Брент. – В таком случае пообещай нам все вальсы и ужин.

– Если пообещаешь, мы откроем тебе один секрет, – сказал Стюарт.

– Вот как? – воскликнула Скарлетт, мгновенно, как дитя, загоревшись любопытством.

– Это ты про то, что мы слышали вчера в Атланте. Сью? Но ты помнишь – мы дали слово молчать.

– Ладно уж. В общем, мисс Питти сказала нам кое-что.

– Мисс – кто?

– Да эта, ты ее знаешь, кузина Эшли Уилкса, которая живет в Атланте, – мисс Питтипэт Гамильтон, тетка Чарльза и Мелани Гамильтонов. – Конечно, знаю и могу сказать, что более глупой старухи я еще отродясь не встречала.

– Так вот, когда мы вчера в Атланте дожидались своего поезда, она проезжала в коляске мимо вокзала, остановилась поболтать с нами и сказала, что завтра у Уилксов на балу будет оглашена помолвка.

– Ну, это для меня не новость, – разочарованно протянул Скарлетт. – Этот дурачок, Чарли Гамильтон, ее племянник, обручился с Милочкой Уилкс. Всем уже давным-давно известно что они должны пожениться, хотя он, мне кажется, не очень-то к этому рвется.

– Ты считаешь его дурачком? – спросил Брент. – Однако па святках ты позволяла ему всю увиваться за тобой.

– А как я могла ему запретить? – Скарлетт небрежно пожала плечами. – Все равно, по моему, он ужасная размазня.

– И к тому же это вовсе не его помолвка будет завтра объявлена, а Эшли с мисс Мелани, сестрой Чарльза! – торжественно выпалил Стюарт.

Скарлетт не изменилась в лице, и только губы у нее слегка побелели. Так бывает, когда удар обрушивается внезапно и человек не успевает охватить сознанием то, что произошло. Столь неподвижно было ее лицо, когда она, не проронив ни слова, смотрела на Стюарта, что он, не будучи от природы слишком наблюдателен, решил: это известие, как видно, здорово удивило и заинтриговало ее.

– Мисс Питти сказала нам, что они собирались огласить помолвку только в будущем году, потому как мисс Мелани не особенно крепка здоровьем, но сейчас только и разговора что о войне, и вот оба семейства решили поторопиться со свадьбой. Помолвка будет оглашена завтра за ужином. Видишь, Скарлетт, мы открыли тебе секрет, и ты теперь должна пообещать, что

сядешь ужинать с нами.

– Ну конечно, с вами, – машинально пробормотала Скарлетт.

– И обещаешь отдать нам все вальсы?

– Обещаю.

– Ну, ты – прелесть. Воображаю, как все мальчишки взбесятся!

– А пускай себе бесятся, – сказал Brent. – Мы вдвоем легко с ними управимся. Послушай,

Скарлетт, посиди с нами и утром, на барбекю.

– Что ты сказал?

Стюарт повторил свою просьбу.

– Ладно.

Близнецы переглянулись – торжествующе, но не без удивления. Для них было непривычно столь легко добиваться знаков расположения этой девушки, хотя они и считали, что она отдает им некоторое предпочтение перед другими. Обычно Скарлетт все же заставляла их упрашивать ее и умолять, водила за нос, не говоря ни «да», ни «нет», высмеивала их, если они начинали дуться, и напускала на себя ледяную холодность, если они пробовали рассердиться. А сейчас она, в сущности, пообещала провести с ними весь завтрашний день – сидеть рядом на барбекю, танцевать с ними все вальсы (а уж они позаботятся, чтобы вальс вытеснил все другие танцы!) и ужинать вместе. Ради этого стоило даже вылететь из университета!

Окрыленные своим неожиданным успехом, близнецы не спешили откланяться и продолжали болтать о предстоящем барбекю, о бале, о Мелани Гамильтон и Эшли Уилксе, отпуская шутки, хохоча, перебивая друг друга и довольно прозрачно намекая, что приближается время ужина. Молчание Скарлетт не сразу дошло до их сознания, а она за все это время не проронила почти ни слова. Наконец и они ощутили какую-то перемену. Сияющий вечер словно бы потускнел – только близнецы не могли бы сказать, отчего это произошло. Скарлетт, казалось, совсем их не слушала, хотя ни разу не ответила невпопад. Чувствуя, что происходит нечто непонятное, сбитые с толку, раздосадованные, они пытались еще некоторое время поддерживать разговор, потом поглядели на часы и нехотя поднялись.

Солнце стояло уже совсем низко над свежевспаханым полем, и за рекой черной зубчатой стеной воздвигся высокий лес. Ласточки, выпорхнув из застрех, стрелой пронеслись над двором, а куры, утки и индюки, одни – важно вышагивая, другие – переваливаясь с боку на бок, потянулись домой с поля.

Стюарт громко крикнул:

– Джимс!

И почти тотчас высокий негр, примерно одного с близнецами возраста, запыхавшись, выбежал из-за угла дома и бросился к коновязи. Джимс был их личным слугой и вместе с собаками сопровождал их повсюду. Он был неразлучным товарищем их детских игр, а когда им исполнилось десять лет, они получили его в собственность в виде подарка ко дню рождения. Завидя Джимса, гончие поднялись, отряхивая красную пыль, и замерли в ожидании хозяев. Юноши распрощались, пообещав Скарлетт приехать завтра к Уилксам пораньше и ждать ее там. Затем сбежали с крыльца, вскочили в седла и, сопровождаемые Джимсом, пустили лошадей в галоп по кедровой аллее, что-то крича на прощание и размахивая шляпами.

За поворотом аллеи, скрывшим из глаз дом, Brent остановил лошадь в тени кизилковых деревьев. Следом за ним остановился и Стюарт. Мальчишка-негр остановился в некотором отдалении. Лошади, почувствовав ослабевшие поводья, принялись пощипывать нежную весеннюю траву, а терпеливые собаки снова улеглись в мягкую красную пыль, с вожделием поглядывая на круживших в сгущающихся сумерках ласточек. На широком простодушном лице Brentа было написано недоумение и легкая обида.

– Послушай, – сказал он. – Не кажется ли тебе, что она могла бы пригласить нас поужинать?

– Я, признаться, тоже этого ждал, да так и не дождался, – отвечал Стюарт. – Что ты скажешь, а?

– Не знаю, что и сказать. Странно как-то. В конце концов, мы ведь давно не виделись и, как приехали, – прямо к ней. И даже почти ничего еще не успели и рассказать.

– Мне показалось, что она поначалу здорово обрадовалась, увидав нас.

– Да, мне тоже так подумалось.

– А потом вдруг как-то притихла, словно у нее голова разболелась.

– Да, я заметил, но не придал этому значения. Что это с ней, как ты думаешь?

– Не пойму. Может, мы сказали что-нибудь такое, что ее рассердило?

На минуту оба погрузились в размышления.

– Ничего такого не могу припомнить. И притом, когда Скарлетт разозлится, это же сразу видно. Она не то что другие девчонки – у нее тут же все вырывается наружу.

– Да, это мне как раз в ней и нравится. Она, когда сердится, не превращается в ледьшку и не обливает тебя презрением, а просто выкладывает все начистоту. И все-таки, видно, мы что-то не то сказали или сделали – почему она вдруг примолкла и стала какая-то скучная. Могу поклясться, что она обрадовалась, увидав нас, и, похоже, хотела пригласить поужинать.

– Может, это потому, что нас опять вышвырнули из университета?

– Ну да, черта с два! Не будь идиотом. Она же хохотала как чумовая, когда мы ей об этом рассказывали. Да она не больше нашего уважает всю эту книжную премудрость.

Брент, повернувшись в седле, кликнул своего негра-грума.

– Джимс!

– Да, сэр!

– Ты слышал наш разговор с мисс Скарлетт?

– Не-е, сэр, мистер Брент! Вы уж скажете! Да чтоб я стал подслушивать за белыми господами!

– А то нет, черт побери! У вас, черномазых, всегда уши на макушке! Я же видел, как ты, врунишка, слонялся вокруг крыльца и прятался за жасминовым кустом у стены. Ну-ка, вспомни, не сказали ли мы чего-нибудь такого, что могло бы рассердить или обидеть мисс Скарлетт?

После такого призыва к его сообразительности Джимс бросил притворство и сосредоточенно сдвинул черные брови.

– Не-е, сэр, такого я не заметил, она вроде не сердилась. Она вроде очень обрадовалась, похоже, сильно без вас скучала и, покамест вы не сказали про мистера Эшли и мисс Мелли Гамильтон – про то, что они поженятся, – все щебетала как птичка, а тут вдруг вся съежилась, будто ястреба увидела.

Близнецы переглянулись и кивнули, но на их лицах все еще было написано недоумение.

– Джимс прав, – сказал Стюарт. – Но в чем тут дело, в толк не возьму. Черт подери, она же никогда не интересовалась Эшли – он для нее просто друг. Она нисколько им не увлечена. Во всяком случае, не так, как нами.

Брент утвердительно кивнул.

– А может, ей обидно, что Эшли ничего не сказал ей про завтрашнее оглашение – они же как-никак друзья детства? Девчонки любят узнавать такие новости первыми – это для них почему-то важно.

– Может, и так. Да только... ну, что с того, что не сказал? Это ведь держалось от всех в тайне, потому что было задумано как сюрприз. И в конце концов, разве человек не имеет права молчать о своей помолвке? Мы бы ведь тоже ничего бы не узнали, не проболтайся нам тетушка

мисс Мелли. К тому же Скарлетт не могла не знать, что Эшли рано или поздно женится на мисс Мелли. Мы-то знаем про это давным-давно. Так уж у них повелось – у Гамильтонов и Уилксов: жениться на кузинах. Всем было известно, что Эшли когда-нибудь женится на мисс Мелли, а Милочка Уилкс выйдет замуж за ее брата Чарльза.

– Ладно, не желаю больше ломать себе над этим голову. Жаль только, что она не пригласила нас поужинать. Признаться, мне страсть как неохота домой и выслушивать маменькины вопли по поводу нашего исключения из университета. А ведь пора бы ей и привыкнуть.

– Будем надеяться, что Бойду уже удалось ее умаслить. Ты же знаешь, как у этого хитреца ловко подвешен язык. Он всегда умеет ее задобрить.

– Да, конечно, но па это ему нужно время. Он будет кружить вокруг да около, пока не заговорит ей зубы и она не сложит оружие и не велит ему приберечь свое красноречие для адвокатской практики. А Бойду небось даже не удалось пока что и подступиться к ма. Бьюсь об заклад, что она все еще в таком упоении от своего нового жеребца, что о нас и думать забыла и вспомнит про наше исключение, только когда сядет ужинать и увидит за столом Бойда. Ну, а к концу ужина она уже распалится вовсю и будет метать громы и молнии. А часам к десяти, и никак не раньше, Бойду удастся втолковать ей, что было бы унижительно для любого из ее сыновей оставаться в учебном заведении, где ректор позволил себе разговаривать с нами в таком тоне. И лишь к полуночи Бойд наконец так заморочит ей голову, что она взбесится и будет кричать на него – почему он не пристрелил ректора. Нет, раньше, как к ночи, нам домой лучше не соваться.

Близнецы хмуро поглядели друг на друга. Они, никогда не робевшие ни в драке, ни перед необъезженным скакуном, ни перед разгневанными соседями-плантаторами, испытывали священный трепет перед беспощадным языком своей рыжеволосой матушки и ее хлыстом, который она без стеснения пускала прогуляться по их задкам.

– Знаешь что, – сказал Brent. – Давай поедем к Уилксам. Эшли и барышни будут рады, если мы поужинаем с ними. Но Стюарт, казалось, смутился.

– Нет, не стоит к ним ехать. У них там небось дым коромыслом – готовятся к завтрашнему барбекю, и притом...

– Ах да, я и забыл, – поспешно перебил его Brent. – Нет, туда мы не поедем.

Они прищелкнули языком, трогая лошадей с места, и некоторое время ехали в полном молчании. Смуглые щеки Стюарта порозовели от смущения. До прошлого лета он усиленно ухаживал за Индией Уилкс с молчаливого одобрения своих и ее родителей и всей округи. Все жители графства полагали, что спокойная, уравновешенная Индия Уилкс может оказать благотворное влияние на этого малого. Во всяком случае, они горячо на нее уповали. И Стюарт мог бы заключить этот брачный союз, но Brentу это было не по душе. Нельзя сказать, чтобы Индия совсем не нравилась Brentу, но он все же находил ее слишком простенькой и скучной и никакими силами не мог заставить себя влюбиться в нее, чтобы составить Стюарту компанию. Впервые за всю жизнь близнецы разошлись во вкусах, и Brentа злило, что его брат оказывает внимание девушке, ничем, по его мнению, не примечательной.

А потом, прошлым летом, на политическом митинге в дубовой роще возле Джонсборо внимание обоих внезапно привлекла к себе Скарлетт О'Хара. Они дружили с ней не первый год, и еще со школьных лет она была неизменной участницей всех их детских проказ, так как скакала верхом и лазила по деревьям почти столь же ловко, как они. А теперь, к полному их изумлению, внезапно превратилась в настоящую молодую леди, и притом прелестнейшую из всех живущих на земле.

Они впервые заметили, какие искорки пляшут в ее зеленых глазах, какие ямочки играют на

щеках, когда она улыбается, какие у нее изящные ручки и маленькие ножки и какая тонкая талия. Близнецы отпускали шутки, остряли, а она заливалась серебристым смехом, и, видя, что она отдает им должное, они лезли из кожи вон.

Это был памятный в их жизни день. Впоследствии, не раз возвращаясь к нему в воспоминаниях, близнецы только диву давались, как это могло случиться, что они столь долго оставались нечувствительными к чарам Скарлетт О'Хара. Они так и не нашли ответа на этот вопрос, а секрет состоял в том, что в тот день Скарлетт сама решила привлечь к себе их внимание. Знать, что кто-то влюблен не в нее, а в другую девушку, всегда было для Скарлетт сущей мукой, и видеть Стюарта возле Индии Уилкс оказалось для этой маленькой хищницы совершенно непереносимым. Не удовольствовавшись одним Стюартом, она решила заодно пленить и Брента и проделала это с таким искусством, что ошеломила обоих.

Теперь они оба были влюблены в нее по уши, а Индия Уилкс и Летти Манро из имения Отрада, за которой от нечего делать волочился Брент, отступили на задний план. Каково будет оставшемуся с носом, если Скарлетт отдаст предпочтение одному из них, – над этим близнецы не задумывались. Когда придет срок решать, как тут быть, тогда они и решат. А пока что оба были очень довольны гармонией, наступившей в их сердечных делах, ибо ревности не было места в отношениях братьев. Такое положение вещей чрезвычайно возбуждало любопытство соседей и раздражало их мать, недолюбливавшую Скарлетт.

– Поделом вам обоим будет, если эта продувная девчонка надумает заарканить одного из вас, – сказала маменька. – А может, она решит, что двое лучше одного, и тогда вам придется переселиться в Юту, к мормонам... если только они вас примут, в чем я сильно сомневаюсь. Боюсь, что в один прекрасный день вы просто-напросто напьетесь и перестреляете друг друга из-за этой двуличной зеленоглазой вертушки. А впрочем, может, оно бы и к лучшему.

С того дня – после митинга – Стюарт в обществе Индии чувствовал себя не в своей тарелке. Ни словом, ни взглядом, ни намеком не дала ему Индия понять, что заметила резкую перемену в его отношении к ней. Она была слишком хорошо для этого воспитана. Но Стюарт не мог избавиться от чувства вины и испытывал поэтому неловкость. Он понимал, что вскружил Индии голову, понимал, что она и сейчас все еще любит его, а он – в глубине души нельзя было в этом не признаться – поступает с ней не по-джентльменски. Он по-прежнему восхищался ею и безмерно уважал ее за воспитанность, благородство манер, начитанность и прочие драгоценные качества, коими она обладала. Но, черт подери, она была так бесцветна, так тоскливо-однообразна по сравнению с яркой, изменчивой, очаровательно-капризной Скарлетт. С Индией всегда все было ясно, а Скарлетт была полна неожиданностей. Она могла довести своими выходками до бешенства, но в этом и была ее своеобразная прелесть.

– Ну, давай поедem к Кэйдю Калверту и поужинаем у него. Скарлетт говорила, что Кэтлин вернулась домой из Чарльстона. Быть может, она знает какие-нибудь подробности про битву за форт Самтер.

– Это Кэтлин-то? Держу пари, она не знает даже, что этот форт стоит у входа в гавань, и уж подавно ей не известно, что там было полным-полно янки, пока мы не выбили их оттуда. У нее на уме одни балы и поклонники, которых она, по-моему, коллекционирует.

– Ну и что? Ее болтовню все равно забавно слушать. И во всяком случае, мы можем переждать там, пока ма не уляжется спать.

– Ладно, черт побери! Я ничего не имею против Кэтлин, она действительно забавная, и всегда интересно послушать, как она рассказывает про Кэро Ретта и всех прочих, кто там в Чарльстоне. Но будь я проклят, если усажу за столом с этой янки – ее мачехой.

– Ну, чего ты так на нее взъелся, Стюарт? Она же полна самых лучших побуждений.

– Я на нее не взъелся – мне ее жалко, а я не люблю людей, которые вызывают во мне

жалость. А она уж так хлопочет, так старается, чтобы все было как можно лучше и все чувствовали себя как дома, что непременно скажет что-нибудь невпопад. Она действует мне на нервы! И при этом она ведь считает всех нас, южан, дикарями. Даже прямо так и сказала ма. Она, видите ли, боится южан. Белеет как мел всякий раз при нашем появлении. Ей-богу, она похожа на испуганную курицу, когда сидит на стуле, прямая как палка, моргает блестящими, круглыми от страха глазами, и так и кажется, что вот-вот захлопает крыльями и закудахчет, стоит кому-нибудь пошевелиться.

– Так и не удивительно. Ты же прострелил Кэйдну ногу.

– Я был пьян, иначе не стал бы стрелять, – возразил Стюарт. – И Кэйд не держит на меня зла. Да и Кэтлин, и Рейфорд, и мистер Калверт. Одна только эта их мачеха-северянка подняла крик, что я, дескать, варвар и порядочным людям небезопасно жить среди этих нецивилизованных дикарей-южан.

– Что ж, она по-своему права. Она ведь янки, откуда ей набраться хороших манер. И в конце-то концов, ты же все-таки стрелял в него, а он ее пасынок.

– Да черт подери, разве это причина, чтобы оскорблять меня! А когда Тони Фонтейн всадил пулю тебе в ногу, разве ма поднимала вокруг этого шум? А ведь ты ей не пасынок, как-никак – родной сын. Однако она просто послала за доктором Фонтейном, чтобы он перевязал рану, и спросила – как это Тони угораздило так промахнуться. Верно, он был пьян, сказала она. Помнишь, как взбесился тогда Тони?

И при этом воспоминании оба так и покатались со смеху.

– Да, мать у нас что надо! – с нежностью в голосе заметил Brent. – На нее всегда можно положиться – уж она-то поступит как нужно и не оконфузит тебя в глазах друзей.

– Но похоже, она может здорово оконфузить нас в глазах отца и девчонок, когда мы заявимся сегодня вечером домой, – угрюмо изрек Стюарт. – Знаешь, Brent, сдается мне, ухнула теперь наша поездка в Европу. Ты помнишь, ма сказала: если нас снова вышибут из университета, не видать нам большого турне как своих ушей.

– Ну и черт с ним, верно? Чего мы не видали в Европе? Чем, скажи на милость, могут эти иностранцы похвалиться перед нами, что у них там такое есть, чего нет у нас в Джорджии? Держу пари, что девушки у них не красивее наших и лошади не быстрее, и могу поклясться, что их кукурузному виски далеко до отцовского.

– Эшли Уилкс говорит, что у них потрясающая природа и замечательная музыка. Эшли очень нравится Европа. Он вечно про нее рассказывает.

– Ты же знаешь, что за народ эти Уилксы. Они ведь все прямо помешаны на музыке, на книгах и на красивых пейзажах. Мать говорит – это потому, что их дедушка родом из Виргинии. Она утверждает, что они все там только этим и интересуются.

– Ну и пусть забирают себе все это. А мне дайте резвую лошадь, стакан хорошего вина, порядочную девушку, за которой можно приволкнуться, и не очень порядочную, с которой можно поразвлечься, и заберите себе вашу Европу, нужна она мне очень... Не пустят нас в это турне – ну и наплевать! Представь себе, что мы сейчас были бы в Европе, а тут, того и гляди, начнется война? Нам бы нипочем не поспеть назад! Чем ехать в Европу, я лучше пойду воевать.

– Да и я, в любую минуту... Слушай, Brent, я знаю, куда нам можно поехать поужинать: дернем-ка прямо через болота к Эйблу Уиндеру и скажем ему, что мы опять дома, все четверо, и в любую минуту готовы стать под ружье.

– Правильно! – с жаром поддержал его Brent. – И там мы уж наверняка узнаем все последние новости об Эскадроне и что они в конце концов решили насчет цвета мундиров. – А вдруг они подумают нарядить нас, как зуавов? Будь я проклят, если запишусь тогда в их войско! Я же буду чувствовать себя девчонкой в этих широких красных штанах! Они, ей-богу, как две

капли воды похожи на женские фланелевые панталоны.

– Да вы никак собрались ехать к мистеру Уиндеру? – вмешался Джимс. – Что ж, езжайте, только не ждите, что вам там добрый ужин подадут. У них кухарка померла, а новой они еще не купили. Стряпает пока одна негритянка с плантации, и мне тамошние негры сказывали, что такой поганой стряпни не видано нигде во всем белом свете.

– Вот черт! А чего ж они не купят новой поварихи!

– Да откуда у такой нищей белой швали возьмутся деньги покупать себе негров? У них сроду больше четырех рабов не было.

В голосе Джимса звучало нескрываемое презрение. Ведь его хозяевами были Тарлтоны – владельцы сотни негров, и это возвышало его в собственных глазах; подобно многим неграм с крупных плантаций, он смотрел свысока на мелких фермеров, у которых рабов было раз-два и обчелся.

– Я с тебя сейчас шкуру за эти слова спущу! – вскричал взбешенный Стюарт. – Да как ты смеешь называть Эйбла Уивдера «нищей белой швалью»? Конечно, он беден, но вовсе не шваль, и я, черт побери, не позволю никому, ни черному, ни белому, отвиваться о нем дурно. Он – лучший человек в графстве, иначе его не произвели бы в лейтенанты.

– Во-во, я и сам диву даюсь, – совершенно невозмутимо ответил Джимс. – По мне, так им бы надоть избрать себе офицеров из тех, кто побогаче, а не какую попало шваль.

– Он не шваль. Ты не равняй его с такой, к примеру, швалью, как Слэттери. Эйбл, правда, не богат. Он не крупный плантатор, просто маленький фермер, и если ребята сочли его достойным чина лейтенанта, не твоего ума дело судить об этом, черномазый. В Эскадроне знают что делают.

Кавалерийский Эскадрон был создан три месяца назад, в тот самый день, когда Джорджия откололась от Союза Штатов, и сразу же начался призыв волонтеров. Новая войсковая часть еще не получила никакого наименования, но отнюдь не из-за отсутствия предложений. У каждого было наготове свое, я никто не желал от него отказываться. Точно такие же споры разгорелись и по вопросу о цвете и форме обмундирования. «Клейтонские тигры», «Пожиратели огня», «Гусары Северной Джорджии», «Зуавы», «Территориальные винтовки» (последнее – невзирая на то, что кавалерию предполагалось вооружить пистолетами, саблями и охотничьими ножами, а вовсе не винтовками), «Клейтонские драгуны», «Кровавые громовержцы», «Молниеносные и беспощадные» – каждое из этих наименований имело своих приверженцев. А пока вопрос оставался открытым, все называли повое формирование просто Эскадроном, и так оно и просуществовало до самого конца, хотя впоследствии ему и было присвоено некое весьма пышное наименование.

Офицеры избирались самими волонтерами, ибо, кроме некоторых ветеранов Мексиканской и Семинольской кампаний, никто во всем графстве не обладал ни малейшим военным опытом, а подчиняться приказам ветеранов, если они не вызывали к себе личной симпатии и доверия, ни у кого не было охоты. Четверо тарлтонских юношей были всем очень по сердцу, так же как и трое молодых Фонтейнов, но, к общему прискорбию, за них не пожелали голосовать, ибо Тарлтоны легко напивались и были буйны во хмелю, а Фонтейны вообще, отличались вспыльчивым нравом и слыли отчаянными головорезами. Эшли Уилксу присвоили звание капитана, поскольку он был лучшим наездником графства, а его хладнокровие и выдержка могли обеспечить некое подобие порядка в рядах Эскадрона, Рейфорд Калверт был назначен старшим лейтенантом, потому что Рейфа любили все, а звание лейтенанта получил Эйбл Уиндер, сын старого траппера и сам владелец небольшой фермы.

Эйбл был огромный здоровяк, старше всех в Эскадроне по возрасту, добросердечный, не, шибко образованный, но умный, смекалистый и весьма галантный в обхождении с дамами. Дух

снобизма был Эскадрону чужд. Ведь в его составе насчитывалось немало таких, чьи отцы и деды нажили свое состояние, начав с обработки небольшого фермерского участка. А Эйбл был лучшим стрелком в Эскадроне, непревзойденно метким стрелком попадал в глаз белке с расстояния в семьдесят пять ярдов – и к тому же знал толк в бивачной жизни: был отличным следопытом, умел разжечь костер под проливным дождем и найти ключевую году. Эскадрон оценил его по заслугам, он пришелся всем по душе, и его сделали офицером. Он принял оказанную ему честь с достоинством и без излишнего зазнайства – просто как положенное. Однако жены и рабы плантаторов, в отличие от своих мужей и хозяев, не могли забыть, что Эйбл Уиндер выходец из низов. На первых порах в Эскадрон набирали только сыновей плантаторов, это было подразделение джентльменов, и каждый вступал в него со своим конем, собственным оружием, обмундированием, прочей, экипировкой и слугой-рабом. Но в молодом графстве Клейтон богатых плантаторов было не так-то много, и для того, чтобы сформировать полноценную войсковую единицу, возникла необходимость набирать волонтеров среди сыновей мелких фермеров, трапперов, охотников за пушным зверем и болотной дичью, а в отдельных редких случаях – даже из числа белых бедняков, если они по личным достоинствам несколько возвышались над своим сословием.

Эти молодые люди, так же как и их богатые соотечественники, горели желанием сразиться с янки, если война все же начнется, – но тут возникал деликатный вопрос денежных расходов. Редко кто из мелких фермеров имел лошадей. Они возделывали свою землю на мулах, да и в этих животных у них не было излишка, – в лучшем случае две-три пары. Пожертвовать своими мулами для военных нужд они не могли, даже если бы в Эскадроне возникла потребность в мулах, чего, разумеется, никак не могло произойти. А белые бедняки почитали себя на вершине благоденствия, если имели хотя бы одного мула. Что же до охотников и трапперов, то у тех и подавно не было ни лошадей, ни мулов. Они питались тем, что приносил им их клочок земли, или подстреленной дичью, а также за счет простого товарообмена: пятидолларовая бумажка раз в году являлась большой редкостью в их руках, и ни о каких лошадях и мундирах им не приходилось и помышлять. Однако они в своей бедности были столь же непреклонно горды, как плантаторы в своем богатстве, и никогда не приняли бы от богатых соседей никакой подачки, ничего, хотя бы отдаленно смахивающего на милостыню. А посему, дабы сформировать Эскадрон, не уязвляя при этом ничьего самолюбия, отец Скарлетт, Джон Уилкс, Бак Манро, Джим Тарлтон, Хью Калверт и другие, а в сущности, каждый крупный плантатор графства, за исключением одного только Энгуса Макинтоша, выложили денежки на экипировку и лошадей для Эскадрона. В конечном счете каждый плантатор согласился внести деньги на экипировку своих сыновей и еще некоторого количества чужих молодцов, но все это было облечено в такую форму, что менее имущие члены Эскадрона могли получить обмундирование и лошадь без малейшего ущемления своей гордости.

Дважды в неделю Эскадрон собирался в Джонсборо – проходить строевую подготовку и молить бога, чтобы поскорее началась война. Нехватка в лошадях еще была, но те, кто уже сидел в седле, проводил – как это им представлялось – кавалерийские маневры в поле позади здания суда, поднимая облака пыли, надрывая глотки до хрипоты и размахивая саблями времен Войны за независимость, снятыми со стен гостиных или кабинетов. Те же, кто еще не обзавелся конем, сидели на приступочке перед лавкой Булларда, наблюдали за своими гарцующими на лошадях товарищами по оружию, жевали табак и делились слухами. А порой состязались в стрельбе. Особой нужды в обучении этих парней стрельбе не возникало. Большинство южан приобщались к огнестрельному оружию чуть не с колыбели, а повседневная охота на всевозможную дичь сделала каждую из них метким стрелком.

Самые разнообразные виды огнестрельного оружия поступали из домов плантаторов и

хижин трапперов всякий раз, как Эскадрон объявлял сбор. Длинноствольные ружья для охоты на белок, бывшие в ходу еще в те годы, когда поселенцы впервые перевалили за Аллеганы: старые, заряжающиеся с дула мушкеты, имевшие на своем счету немало индейских душ во времена освоения Джорджии: кавалерийские пистолеты, сослужившие службу в 1812 году в стычках с индейским племенем семинолов и в Мексиканской войне; дуэльные пистолеты с серебряной насечкой: короткоствольные крупнокалиберные пистолеты; охотничьи двустволки и красивые новые винтовки английской выделки с блестящими отполированными ложами из благородных пород дерева.

Обучение всегда заканчивалось в салунах Джонсборо, и к наступлению ночи вспыхивало столько драк, что офицеры были бессильны уговорить своих сограждан не наносить друг другу увечья – подождать, пока это сделают янки. В одной из таких стычек и всадил Стюарт Тарлтон пулю в Кэйда Калверта, а Тони Фонтейн – в Брента. В те дни, когда формировался Эскадрон, близнецы, только что изгнанные из Виргинского университета, возвратились домой и с воодушевлением завербовались в его ряды. Однако после упомянутой перестрелки, два месяца назад, их матушка снова отправила своих молодцов в университет – на этот раз в Джорджии, – с приказом: оттуда ни шагу. Пребывая там, они, к великому огорчению, пропустили радости и волнения учебных сборов и теперь сочли, что университетским образованием вполне можно пожертвовать ради удовольствия скакать верхом, стрелять и драть глотку в компании приятелей.

– Ладно, поехали к Эйблу, – решил Brent. – Мы можем переправиться через реку вброд во владениях мистера О’Хара, а потом в два счета доберемся туда через фонтейновские луга.

– Только не ждите, что вас там чем-нибудь накормят, кроме жаркого из опоссума и бобов, – бубнил свое Джимс.

– А ты вообще не получишь ничего, – усмехнулся Стюарт. – Потому как ты сейчас отправишься к ма и скажешь ей, чтоб нас не ждали к ужину.

– Ой нет, не поеду! – в ужасе вскричал Джимс. – Не поеду, нет! Больно-то мне надо, чтоб хозяйка с меня, вместо вас, шкуру спустила! Перво-наперво она спросит, как это я недоглядел, что вас опять из ученья выперли. А потом я буду виноват, что вы сейчас из дома улизнули и она не может дать вам взбучку. Йот тут она и начнет меня трепать, как утка дождевого червя, и н один стану за все в ответе. Нет уж, ежели вы не возьмете меня с собой к мистеру Уиндеру, я убегу в лес, схоронюсь там на всю ночь, и пушай меня забирает патруль – все лучше, чем попасться хозяйке под горячую руку.

Близнецы негодуя и растерянно поглядели на исполненного решимости чернокожего мальчишку.

– С этого идиота и вправду хватит нарваться на патруль, и тогда ма не успокоится еще неделю. Честное слово, с этими черномазыми одна морока. Иной раз мне кажется, что аболиционисты не так-то уж и плохо придумали.

– Нечестно, если на то пошло, заставляя Джимса расплачиваться за нас. Придется взять его с собой. Но слушай ты, черномазый негодник, посмей только задирать нос перед тамошними неграми и хвалиться, что у нас жарят цыплят и запекают окорока, в то время как они питаются только кроликами да опоссумами, и я... я, пожалуй, на тебя ма. И мы не возьмем тебя с собой на войну.

– Задирать нос? Чтоб я стал задирать нос перед этими нищими неграми? Нет, сэр, я не так воспитан. Миссис Беатриса научила меня по части хороших манер, почитай что не хуже вас умею.

– Ну, в этом деле она не слишком-то преуспела – что с нами, что с тобой, – сказал Стюарт, – Ладно, поехали.

Он осадил своего крупного гнедого жеребца, а затем, дав ему шпоры, легко поднял над

редкой изгородью из жердей и пустил по вспаханному полю Джералда О'Хара. Brent послал свою лошадь за гнедым жеребцом, а следом за юношами перемахнул через изгородь и Джимс, прильнув к луке и вцепившись в гриву. Джимс не испытывал ни малейшей охоты перепрыгивать через изгороди, но ему приходилось брать и более высокие препятствия, дабы не отставать от своих хозяев. В сгущавшихся сумерках они поскакали по красным бороздам пашни и, спустившись с холма, уже приближались к реке, когда Brent крикнул брату:

– Послушай, Сью, а ведь, что ни говори, Скарлетт должна была бы пригласить нас поужинать?

– Да я все время об этом думаю, – крикнул в ответ Стюарт. – Ну а почему, как ты полагаешь...

Когда близнецы ускакали и стук копыт замер вдали, Скарлетт, в оцепенении стоявшая на крыльце, повернулась и, словно сомнамбула, направилась обратно к покинутому креслу. Она так старалась ничем не выдать своих чувств, что лицо у нее от напряжения странно онемело, а на губах еще дрожала вымученная улыбка. Она тяжело опустилась в кресло, поджав под себя одну ногу и чувствуя, как сердцу становится тесно в груди от раздиравшего его горя. Она болезненно ощущала его короткие частые толчки и свои странно заледеневшие ладони, и чувство ужасного, непоправимого несчастья овладело всем ее существом. Боль и растерянность были написаны на ее лице – растерянность избалованного ребенка, привыкшего немедленно получать все, чего ни попросит, и теперь впервые столкнувшегося с неведомой еще теневой стороной жизни.

Эшли женится на Мелани Гамильтон!

Нет, это неправда! Близнецы что-то напутали. Или, как всегда, разыгрывают ее. Не может, не может Эшли любить Мелани Да и кто полюбит этого бесцветного мышонка! Скарлетт с инстинктивным презрением и сознанием своего превосходства воскресила в памяти тоненькую детскую фигурку Мелани, ее серьезное личико, напоминающее своим овалом сердечко – такое простенькое, что его можно было даже назвать некрасивым. К тому же Эшли не виделся с ней месяцами. После тех танцев в прошлом году в Двенадцати Дубах он был в Атланте не более двух раз. Нет, Эшли не любит Мелани, потому что... – вот тут уж она никак не может ошибаться – потому что он влюблен в нее, в Скарлетт! Он любит ее – это-то она знает твердо!

Скарлетт услышала, как под тяжелой поступью Мамушки в холле задрожал пол, и, поспешно выбросив из-под себя ногу, постаралась придать лицу настолько возможно безмятежное выражение. Ни под каким видом нельзя допустить, чтобы Мамушка заподозрила что-то неладное. Мамушка считала всех О'Хара во ей непререкаемой собственностью, принадлежащей ей со всеми потрохами, со всеми мыслями, чувствами, и полагала, что у них не может быть от нее секретов, а потому малейшего намека на какую-либо тайну достаточно было, чтобы пустить ее по следу, неутомимую и беспощадную, словно гончая. Скарлетт по опыту знала: если только любопытство Мамушки не будет немедленно удовлетворено, она тут же побежит к хозяйке, и тогда, хочешь не хочешь, придется во всем признаваться или придумывать какую-нибудь более или менее правдоподобную историю.

Мамушка всплыла из холла. Эта пожилая негритянка необъятных размеров с маленькими, умными, как у слона, глазками и черной лоснящейся кожей чистокровной африканки была душой и телом предана семейству О'Хара и являлась главным оплотом хозяйки дома, грозой всех слуг и нередко причиной слез трех хозяйских дочек. Да, кожа у Мамушки была черная, но по части понятия о хороших манерах и чувства собственного достоинства она ничуть не уступала белым господам. Она росла и воспитывалась в спальне Соланж Робийяр, матери Эллин О'Хара, изящной и невозмутимой, высокомерной француженки, одинаково жестко каравшей как детей своих, так и слуг за малейшее нарушение приличий. Будучи приставлена к Эллин, Мамушка, когда Эллин вышла замуж, прибыла вместе с ней из Саванны в Северную Джорджию. Кого люблю, того уму-разуму учу – было для Мамушки законом, а поскольку она и любила Скарлетт, и гордилась ею безмерно, то и учить ее, уму-разуму не уставала никогда.

– А где ж жентмуны – никак уехали? Как же вы не пригласили их отужинать, мисс Скарлетт? Я уже велела Порку поставить два лишних прибора. Где ваши майеры, Мисс?

– Ах, мне так надоело слушать про войну, что и просто была не в состоянии терпеть эту пытку еще и за ужином. А там, глядишь, и папа присоединился бы к ним и ну Громить Линкольна.

– Вы ведете себя не лучше любой негритянки с плантация, мисс, и это после всех-то наших с вашей маменькой трудов! Да еще сидите тут на ветру без шали! Сколько раз я вам толковала – попомните мое слово, схватите лихорадку, ежели будете сидеть ввечеру с голыми плечами. Марш в дом, мисс Скарлетт!

Скарлетт с деланным безразличием отвернулась от Мамушки, радуясь, что та, озабоченная отсутствием шали, не заметила ее расстроенного лица.

– Не хочу. Я посижу здесь, полюбуюсь на закат. Он так красив. Пожалуйста, Мамушка, принеси мне шаль, а я подожду здесь папу.

– Да вы, похоже, уже простыли – голос-то какой хриплый, – еще пуще забеспокоилась Мамушка.

– Вовсе нет, – досадливо промолвила Скарлетт. – Принеси мне шаль.

Мамушка заковыляла обратно в холл, и до Скарлетт долетел ее густой голос – звавший одну из горничных, прислуживавших на верхнем этаже, – Эй, Роза! Сбрось-ка мне сюда шаль мисс Скарлетт! – Затем последовал еще более громкий возглас: – Вот безмозглое созданье! Ну, чтоб хоть был от нее какой-то прок! Нет, видать, придется самой лезть наверх!

Скарлетт услышала, как застонали ступеньки лестницы, и тихонько поднялась с кресла. Сейчас вернется Мамушка и снова примется отчитывать ее за нарушение правил гостеприимства, а Скарлетт чувствовала, что не в силах выслушивать весь этот вздор, когда сердце у нее рвется на части. Она стояла в нерешительности, раздумывая, куда бы ей укрыться, пока не утихнет немного боль в груди, и тут ее осенила неожиданная мысль, и впереди сразу забрезжил луч надежды. Отец уехал после обеда в Двенадцать Дубов с намерением откупить у них Дилси – жену Порка, его лакея. Дилси была повивальной бабкой в Двенадцати Дубах и старшей над прислугой, и Порк денно и ночью изводил хозяина просьбами откупить Дилси, чтобы они могли жить вместе на одной плантации. Сегодня Джералд, сдавшись на его мольбы, отправился предлагать выкуп за Дилси.

«Ну конечно же, – думала Скарлетт, – если это ужасное известие – правда, то папа уж непременно должен знать. Ему, разумеется, могут ничего и не сказать, но он сам заметит, если там, у Уилксов, происходит что-то необычное и все чем-то взволнованы. Мне бы только увидеться с ним с глазу на глаз до ужина, и я все разужнаю – быть может, просто эти паршивцы-близнецы снова меня разыгрывают».

Джералд с минуты на минуту должен был возвратиться домой. Значит, чтобы увидеть отца без свидетелей, надо перехватить его, когда он будет сворачивать с дороги на подъездную аллею. Скарлетт неслышно спустилась по ступенькам крыльца, оглядываясь через плечо – не следит ли за ней Мамушка из верхних окон. Не обнаружив за колеблемыми ветром занавесками широкого черного лица в белоснежном чепце и укоряющих глаз, Скарлетт решительным жестом подобрала подол своей цветастой зеленой юбки, и ее маленькие ножки в туфлях без каблуков, перехваченные крест-накрест лентами, быстро замелькали по тропинке, ведущей к подъездной аллее.

Темноголовые кедры, сплетаясь ветвями, превратили длинную, посыпанную гравием аллею в Некое подобие сумрачного туннеля. Укрывшись от глаз под надежной защитой их узловатых рук, Скарлетт умерила шаг. Она с трудом переводила дыхание из-за туго затянутого корсета: бежать она не могла, но шла все же очень быстрое. Вскоре она достигла конца подъездной аллеи и вышла на дорогу, но продолжала идти вперед, пока за поворотом высокие Деревья не скрыли из виду усадебного дома.

Раскрасневшаяся, запыхавшаяся, она присела на поваленное дерево и стала ждать отца. Он запаздывал, но Она была этому даже рада. Есть время успокоиться, отдышаться и встретит его с безмятежным видом, не возбуждая подозрений. Еще минута, и до них долетит стук подков и она

увидит: вот он бешеным, как всегда, галопом гонит коня вверх по крутому откосу. Но минуты бежали одна за другой, а Джералд не появлялся. В ожидании его она смотрела вниз с холма, и сердцем у нее снова заньло.

«Нет, неправда это! – убеждала себя дна. – Но почему он не едет?» Она смотрела на вьющуюся по склону холма дорогу, багрово-красную после утреннего дождя, и мысленно прослеживала ее всю, вплоть до илистой поймы ленивой реки Флинт, и дальше вверх по холму до Двенадцати Дубов – усадьбы Эшли. Теперь в ее глазах эта дорога имела только одно значение – она вела к Эшли, к красивому дому с белыми колоннами, венчавшему холм наподобие греческого храма.

«Ах, Эшли, Эшли!» – беззвучно воскликнула она, и сердце ее заколотилось еще сильнее.

Холодное, тревожное предчувствие беды, не перестававшее терзать ее с той минуты, как близнецы принесли страшную весть, вдруг ушло куда-то в глубь сознания, будучи вытеснено уже знакомы лихорадочным жаром, томившим ее на протяжении последних дух лет.

Теперь ей казалось странным, что Эшли, вместе с которым она росла, никогда Прежде не привлекал к себе ее внимания. Он появлялся и исчезал, ни на минуту не занимая собой ее мыслей. И так было до того памятного дня, два года назад, когда он, возвратясь домой поиле своего трехгодичного путешествия по Европе, приехал к ним с визитом, и она полюбила его. Вот так вдруг полюбила, и все!

Она стояла на ступеньках крыльца, а он – в сером костюме из тонкого блестящего сукна, с широким черным галстуком, подчеркивавшим белизну его плоеной сорочки, – внезапно появился на подъездной аллее верхом на лошади. Она помнила все до мельчайших деталей: блеск его сапог, камею с головой медузы в булавке, которой был заколот галстук, широкополую панаму, стремительным жестом снятую с головы, как только он увидел ее, Скарлетт. Он спешил, бросил поводья негритенку и стал, глядя на нее; солнце играло в его белокурых волосах, превращая их в серебряный шлем, и его мечтательные серые глаза улыбались ей. Он сказал: «О, вы стали совсем взрослой, Скарлетт!» И, легко взбежав по ступенькам, поцеловал ей руку. Ах, этот голос! Никогда не забыть ей, как забилося ее сердце при звуках этого медлительного, глубокого, певучего, как музыка, голоса. Так забилося» словно она слышала его впервые.

И в этот самый миг в ней вспыхнуло желание. Она захотела, чтобы он принадлежал ей, захотела не рассуждая, так же естественно и просто, как хотела иметь еду, чтобы утолять голод, лошадь, чтобы скакать верхом, мягкую постель, чтобы на ней покоиться.

Два года он сопровождал ее на балы и на теннисные матчи, на рыбную ловлю и на пикники, разъезжал с ней по всей округе, хотя и не столь часто, как братья-близнецы Тарлтоны или Кейд Калверт, и не был столь назойлив, как братья Фонтейны, и все же ни одна неделя не проходила без того, чтобы Эшли Уилкс не появился в поместье Тара.

Правда, он никогда не домогался ее любви и в его ясном сером взоре никогда не вспыхивало того пламени, которое она привыкла подмечать в обращенных на нее взглядах других мужчин. И все же.. все же.., она знала, что он любит ее. Тут она ошибиться не могла. Ей говорил это ее инстинкт – тот, что проникательнее рассудка и мудрее жизненного опыта. Часто она исподтишка ловила на себе его взгляд, в котором не было присущей ему отрешенности, а какая-то неутоленность и загадочная для нее печаль. Она знала, что Эшли любит ее. Так почему же он молчал? Этого она понять не могла. Впрочем, она многого в нем не понимала.

Он всегда был безупречно внимателен к ней – но как-то сдержанно, как-то отчужденно. Никто, казалось, не мог проникнуть в его мысли, а уж Скарлетт и подавно. Эта его сдержанность всех выводила из себя – ведь здесь все привыкли сразу выпаливать первое, что приходило на ум. В любых традиционных развлечениях местной молодежи Эшли никому не

уступал ни в чем: он был одинаково ловок и искусен и на охоте, и на балу, и за карточным столом, и в политическом споре и считался, притом бесспорно, первым наездником графства. Но одна особенность отличала Эшли от всех его сверстников: эти приятные занятия не были смыслом и содержанием его жизни. А в своем увлечении книгами, музыкой и писанием стихов он был совершенно одинок.

О боже, почему же этот красивый белокурый юноша, такой изысканно, но холодно учтивый, такой нестерпимо скучный со своими вечными разглагольствованиями о европейских странах, о книгах, о музыке, о поэзии и прочих совершенно неинтересных вещах, был столь притягателен для нее? Вечер за вечером Скарлетт, просидев с Эшли в сумерках на крыльце допоздна, долго не могла потом сомкнуть глаз и находила успокоение лишь при мысли о том, что в следующий вечер он несомненно сделает ей предложение. Но вот наступал следующий вечер, а за ним еще следующий, и все оставалось по-прежнему. А сжигавшее ее пламя разгоралось все жарче.

Она любила его и желала, но он был для нее загадкой. Все в жизни представлялось ей непреложным и простым – как ветры, дующие над плантацией, как желтая река, омывающая холм. Все сложное было ей чуждо и непонятно, и такой суждено ей было оставаться до конца дней своих. А сейчас впервые судьба столкнула ее лицом к лицу с натурой несравненно более сложной, чем она.

Ибо Эшли был из рода мечтателей – потомок людей, из поколения в поколение посвящавших свой досуг раздумьям, а не действиям, упивавшихся радужными грезами, не имевшими ничего общего с действительностью». Он жил, довольствуясь своим внутренним миром, еще более прекрасным, на его взгляд, чем Джорджия, и лишь нехотя возвращался к реальной действительности. Взвизывая на людей, он не испытывал к ним ни влечения, ни антипатии. Взвизывая на жизнь, он не омрачался и не ликовал. Он принимал существующий миропорядок и свое место в нем как нечто данное, раз и навсегда установленное, пожимал плечами и возвращало» в другой, лучший мир – к своим книгам и музыке.

Скарлетт не понимала, как мог он, чья душа была для нее потемки, околдовать ее. Окружавший его ореол тайны возбуждал ее любопытство, как дверь, к которой нет ключа. Все, что было в нем загадочно, заставляло ее лишь упорнее тянуться к нему, а его необычная сдержанная обходительность лишь укрепляла ее решимость полностью им завладеть. Она была молода, избалованна, она еще не знала поражений и ни секунды не сомневалась в том, что рано или поздно Эшли попросит ее стать его женой. И вдруг как гром среди ясного неба – эта ужасная весть. Эшли сделал предложение Мелани! Да нет, не может быть!

Как же тай! Веди не далее как на прошлой неделе, когда они в сумерках возвращались верхом с прогулки, он неожиданно произнес: «Мне нужно сказать вам нечто очень важное, Скарлетт, но я просто не знаю, с чего начать».

У нее бешено заколотилось сердце от сладкого предчувствия, и, понимая, что желанный миг наконец настал, она скромно опустила глаза, но тут Эшли прибавил: «Впрочем, нет, не сейчас. Мы уже почти дома, у нас не будет времени на разговор. Ах, какой же я трус, Скарлетт!» И, прищпорив коня, он следом за ней взлетел на холм, к усадьбе.

Сидя на поваленном дереве, Скарлетт вспомнила эти слова, переполнившие ее тогда такой радостью, и внезапно они обрели для нее совсем иной, ужасный смысл. А может быть, он просто хотел сообщить, что обручен с другой?

Господи! Хоть бы папа вернулся! Она не в силах была больше выносить это состояние неизвестности. Снова и снова нетерпеливо вглядывалась она в даль, но все было напрасно.

Солнце уже закатилось, и багряный край небес поблек, став тускло-розовым: лазурь над головой постепенно окрашивалась в нежные, зеленовато-голубые, как яйцо зорянки, тона, и таинственная сумеречная тишь природы неслышно обступала Скарлетт со всех сторон.

Призрачный полумрак окутывал землю. Красные борозды пахоты и красная лента дороги, утратив свой зловеще-кровавый оттенок, превратились в обыкновенную бурую землю. На выгоне, по ту сторону дороги, лошади, коровы и мулы тихо стояли возле изгороди в ожидании, когда их погонят к конюшням, коровникам и к ужину. Их пугал темный силуэт зарослей вдоль реки, и они прядали ушами в сторону Скарлетт, словно радуясь соседству человека.

В этом призрачном полумраке высокие сосны в пойме реки, такие сочно-зеленые при свете дня, казались совершенно черными на блеклой пастели неба, – могучие, величественные гиганты, они стояли сомкнутым строем, преграждая доступ к неспешно бегущей желтой воде. Белые трубы усадьбы Уилксов на том берегу реки, на холме, меркли все больше среди густой темной зелени дубов, и только мерцавшие кое-где огоньки зажженных к ужину ламп манили на ночлег. Влажное, теплое дыхание весны, напоенное запахом свежевспаханной земли и молодых, рвущихся к небу побегов, сладко обволакивало Скарлетт.

Весна, закаты, нежно-зеленая поросль никогда не пробуждали в душе Скарлетт ощущения чуда. Прекрасное было повседневностью, частицей жизни, как воздух, как вода. Ее сознание было восприимчиво к красоте лишь вполне конкретных, осязаемых предметов – породистых лошадей, женских лиц, нарядных одеяний... И все же торжественная тишина этих сумерек, спустившихся на возделанные земли Тары, принесла успокоение ее взбаламученной душе. Она любила эту землю – любила безотчетно и беззаветно, как любила лицо матери, склоненное в молитве при свете лампы.

А Джералда все еще не было видно на безлюдной извилистой дороге. Если сидеть здесь и ждать, Мамушка, без сомнения, отыщет ее и прогонит в дом. Продолжая вглядываться в уходящую во мрак дорогу, она вдруг услышала стук копыт, долетевший от подножия холма со стороны выгона, и увидела разбегающихся в страхе коров и лошадей. Джералд О'Хара возвращался домой напрямик через поля и гнал коня во весь опор.

Он взлетел на холм на своем плотном, длинноногом гунтере, похожий издали на мальчишку, оседлавшего коня себе не по росту. Седые волосы его стлались на скаку по ветру, он стегал лошадь хлыстом и понукал криком.

Забыв на мгновение а с недавней ее тревоге, Скарлетт с гордостью и нежностью любовалась отцом, ибо, что ни говори, а Джералд О'Хара был лихим наездником.

«Стоит ему выпить, и его тут же понесет махать через изгороди, – подумала Скарлетт. – А ведь как раз на этом месте в прошлом году он вылетел из седла и сломал ногу. Хороший вроде бы получил урок. Да еще клятвенно пообещал маме прекратить эти штуки».

Скарлетт не испытывала ни малейшего страха перед отцом. Он был как бы ее сверстником – даже больше, чем сестры, – ведь Джералд, словно мальчишка, любил втайне от жены скакать по полям напрямик, а Скарлетт – тоже большая охотница до всяких эскапад – была его верной союзницей против Мамушки. Она поднялась с дерева – поглядеть, как он будет прыгать.

Высокий жеребец приблизился к ограде и, подобравшись, без малейшего, казалось, усилия взял препятствие под ликующие возгласы седовласого всадника, махавшего в воздухе хлыстом. Не замечая дочери, стоявшей в тени под деревьями, Джералд одобрительно потрепал лошадь по холке и свернул на дорогу.

– Любому коню в округе дашь сто очков, а может, и во всем штате, – гордо поведал он своему жеребцу, и ирландский акцент, от которого ему так и не удалось избавиться за все тридцать девять лет жизни в Америке, отчетливо прозвучал в его речи. Затем он поспешно принялся приглаживать волосы и оправлять мятую, выбившуюся из-за пояса сорочку и съехавший набок галстук. Скарлетт понимала, что эти прихорашиваний нужны для того, чтобы предстать перед женой в таком виде, какой подобает джентльмену, степенно возвратившемуся домой верхом после визита к соседям. И тут же она сообразила, что это дает ей повод начать

разговор, не открывая истинной цели своего появления здесь.

Она звонко рассмеялась. Джералд, как она и ожидала, вздрогнул от неожиданности, затем увидел ее и придержал жеребца; вид у него сделался сконфуженный и вместе с тем вызывающий. Он спешил с трудом – поврежденное колено еще давало о себе знать – и, ведя лошадь в поводу, направился к дочери.

– Так-так, мисс, – сказал он и ущипнул ее за щеку, – вы, значит, взялись шпионить за мной и, совсем как ваша сестрица Сьюлин на прошлой неделе, побежите жаловаться маменьке?

Голос его звучал негодуяще и в то же время жалобно, и Скарлетт, желая немного подразнить его, насмешливо прищелкнула языком и потянулась поправить ему галстук. На нее пахло крепким запахом виски и более слабым – свежей мяты. И еще пахло жевательным табаком, кожей и лошадьми. Этот с детства любимый запах был всегда связан в ее представлении с отцом, но безотчетно нравился ей и как принадлежность других мужчин.

– Пет, па, я же не ябеда, вроде Сьюлин, – заверила она отца и, отступив на шаг, окинула его оценивающим взглядом, дабы удостовериться, что все в порядке.

Джералд был невысок ростом – чуть больше пяти футов, – по обладал таким массивным торсом и могучей шеей, что, сидя, производил впечатление крупного мужчины. Этот могучий торс держался на двух коротких, но чрезвычайно крепких ногах, неизменно обутых в сапоги из самой лучшей кожи и столь же неизменно широко расставленных, как у задиристого мальчишки. Низкорослые мужчины обычно кажутся немного смешными, если начинают пыжиться и напускать на себя важность, но бойцовский петух, даже если он мал, всегда пользуется уважением на птичьем дворе, и то же самое можно было сказать о Джералде О’Хара. Ни одному самому отчаянному смельчаку не пришлось бы и голову отозваться о Джералде О’Хара как о смешном маленьком коротышке.

Ему уже стукнуло шестьдесят, и его жесткие курчавые волосы выбелила и посеребрила седина, но на лукавом лице этого жизнелюбца еще не обозначилось морщин, а небольшие голубые глаза были по-прежнему молоды и взгляд юношески безмятежен и тверд, ибо Джералд О’Хара не привык терзать свой мозг отвлеченными проблемами, выходящими за пределы целесообразности прикупа или блефа при игре в покер. И более, типичную ирландскую физиономию – широкоскулую, краснощекую, боль, шеротую, курносую и воинственную – не так-то легко было бы сыскать на всем пространстве его далекой, давно покинутой родины.

А под этой холерической внешностью скрывалось нежнейшее из сердец. Вопли раба, получавшего, быть может, и заслуженную порку, детский плач или жалобное мяуканье котенка были невыносимы для его ушей. Но пуще всего на свете он страшился, как бы эта его слабость не была кем-нибудь подмечена, и даже не подозревал, что через пять минут знакомства с ним его доброта бросалась в глаза каждому: такое открытие нанесло бы самолюбию Джералда чувствительнейший удар. Ведь ему казалось, что, заслышав громовые раскаты голоса хозяина, все, трясаясь от страха, опрометью бросаются исполнять его волю. Он был далек от мысли о том, что только одному голосу – негромкому голосу его жены – повиновалось все в поместье. Это должно было навеки остаться для него тайной, ибо все, начиная с Эллин и кончая самым тупым негритенком, были участниками безмолвного деликатного заговора: хозяин должен считать, что здесь его слово – закон.

А уж Скарлетт бурные вспышки его гнева не пугали и по давню. Она была старшей из детей Джералда, и теперь, когда двое его сыновей лежали в могилах на семейном кладбище и стало очевидно, что он уже не будет иметь наследника, у него мало-помалу образовалась привычка беседовать со Скарлетт как мужчина с женщиной, что весьма льстило ее тщеславию, и она любила эти беседы. Скарлетт больше походила характером на отца, чем ее сестры – мечтательная, хрупкая Кэррин, в крещении Кэролайн-Айрин, и изящная Сьюлин, крещенная

Сьюзин-Элино, чрезвычайно гордившаяся своими аристократическими манерами.

Более того – Джералда и Скарлетт связывали узы взаимного укрывательства. Если Джералд ловил Скарлетт на месте преступления, когда она, ленив прогуляться полмили до ворот, перелезала через ограду или засиживалась допоздна на ступеньках крыльца с очередным поклонником, он самолично яростно отчитывал ее, но никогда не сообщал об этом ни Эллин, ни Мамушке. Если же Скарлетт видела, что отец, невзирая на данное жене обещание, скачет верхом через изгороди, или ненароком узнавала от местных кумушек подлинную сумму его карточного проигрыша, она, в свою очередь, тоже воздерживалась за ужином от упоминания об этих его провинностях, не в пример Сьюлин, выдававшей его секреты с деланно невинным видом. Джералд и Скарлетт торжественно заверяли друг друга, что все эти мелочи только зря взволновали бы Эллин и посему никакая сила на свете не заставит их ранить ее нежные чувства.

Скарлетт, вглядываясь в смутно различимое в меркнувшем свете лицо отца, безотчетно почувствовала себя увереннее от его близости. Его грубоватая простота, исходившая от него жизненная сила находили в ней живой отклик. Будучи от природы совершенно неспособной к самоанализу, она не отдавала себе отчета в том, что те же свойства присущи и ей, несмотря на все усилия Эллин и Мамушки, пытавшихся на протяжении шестнадцати лет перекроить ее на свой лад.

– Ну, теперь у вас вполне благопристойный вид, – сказала она, – и если вы будете держать язык за зубами, никто не заподозрит, что вы опять откалывали свои номера. Хотя, после того как вы в прошлом году сломали ногу, прыгая через эту самую изгородь, мне кажется...

– Не хватало еще, черт побери, чтобы я получал указания от дочери, через что мне дозволено прыгать – загремел Джералд, снова ущипнув ее за щеку. – Моя шея, надо полагать, это моя шея, и только моя. А вот что вы, мисс, делаете здесь, да еще в таком виде, без шали?

Понимая, что отец пользуется своим излюбленным способом, чтобы увильнуть от неприятного разговора, Скарлетт сказала, беря его под руку:

– Я дожидалась вас. Я же не знала, что вы так задержитесь. Мне хотелось узнать, удалось ли вам купить Дилси.

– Купил, купил. Отвалили за нее больше денег, чем мне по карману. И ее купил, и эту ее девчонку, Присси. Джон Уилкс хотел мне их подарить, но Джералд О'Хара никогда не допустит, чтобы про него говорили, будто он способен использовать дружбу в корыстных целях при заключении торговой сделки. Я заставил Джона взять с меня за них три тысячи.

– Боже милостивый, неужели три тысячи, папа! И совершенно ни к чему было покупать еще и Присси!

– Вот как! Оказывается, я уже дожил до того, что моя поступки выносятся теперь на суд моей дочери? – высокопарно изрек Джералд. – Присси – славная девчушка, и посему...

– Я прекрасно ее знаю. Хитрое, глупое создание, – спокойно стояла на своем Скарлетт, нимало не испугавшись взрыва его негодования. – И купили вы ее только потому, что об этом просила Дилси.

Очередной раз уличенный в добром поступке, Джералд, как всегда, смутился и обескураженно умолк, а Скарлетт откровенно рассмеялась над его бесхитростной ложью.

– Ну и что с того? А какой был бы толк покупать Дилси, если бы она все время убивалась из-за дочки? Ладно, больше ни одному своему негру не позволю жениться на негритянке с чужой плантации. Слишком дорого обходится. Однако пора, пошли ужинать, малышка.

Сумрак сгущался, последние отблески заката догорели на небе, и в теплом, напоенном весенними ароматами воздухе уже ощущалась ночная прохлада. Но Скарлетт медлила, не зная, как навести разговор на Эшли так, чтобы отец не разгадал ее мыслей. Это было непросто, ибо Скарлетт отнюдь не отличалась изворотливостью ума, и Джералд столь же легко распознавал ее

уловки, как она – его, и не проявлял при этом особого такта.

– Как они там все в Двенадцати Дубах?

– Да как обычно. Заезжал Кэйд Калверт, и, покончив насчет Дилси, мы посидели на веранде, выпили пунша. Кэйд только что вернулся из Атланты, а там все очень взволнованы слухами о войне, только и разговору что об этом...

Скарлетт вздохнула. Если Джералд пустился рассуждать о войне и выходе Джорджии из Союза Штатов, этого хватит на целый час. Она прервала его, направив разговор в другое русло:

– А о завтрашнем барбекю разговора не было?

– Говорили, припоминаю. Мисс... постой, как же ее звать-то, ну, ты знаешь, славная такая малютка, двоюродная сестричка Эшли, та, что была у нас в прошлом году... Вспомнил – мисс Мелани Гамильтон! Она только что приехала из Атланты со своим братом Чарльзом и...

– О, вот как! Уже приехала?..

– Да, да, приехала. Очень милое создание, держится так скромно, как и подобает девушке. Ну, пошли же, чего ты опять стала, твоя маменька хватится нас.

Сердце Скарлетт упало, Она еще витала безрассудную надежду, что какие-нибудь обстоятельства Помешают Мелани Гамильтон покинуть родную Атланту, но похвалы отца, расточаемые всюду, что в этой: девушке было так чуждо ей самой, заставили ее пойти напролом!

– А Эшли тоже был там?

– И Эшли был, – Джералд выпустил руку дочери и, повернувшись, пытливо На нее поглядел. – За этим ты сюда и пришла? К чему же ходить вокруг да около?

Скарлетт растерялась и с досадой почувствовала, что краснеет.

– Ну, что ж ты молчишь?

Ода по-прежнему не проронила ни звука, сожалея в душе, что отца нельзя схватить за плечи, потрянуть, заставить замолчать.

– Он был там и очень ласково расспрашивал о тебе, так же как и его сестры, и все выражали надежду, что ты непременно побываешь у них завтра на барбекю. И я, – не без лукавства добавил он, – заверяя их, что, конечно, ничто не может тебе помешать. Ну, а теперь выкладывай, что у тебя с Эшли?

– Ничего, – сказала Скарлетт и потянула его за рукав. – Пошли домой, папа.

– Так. Теперь ты заторопилась домой, – промолвил он. – Ну, а я намерен теперь стоять здесь, пока ты мне все не объяснишь. Последнее время с тобой похоже, творится что-то неладное. Он что, заигрывал с тобой? Может, делал тебе предложение?

– Нет! – отрезала Скарлетт.

– И не сделает, – сказал Джералд. Скарлетт вспыхнула, но Джералд властным жестом не дал ей заговорить.

– Помолчите, мисс! Сегодня Джон Уилкс сообщил мне под большим секретом, что Эшли женится на мисс Мелани. И завтра будет объявлена их помолвка.

Рука Скарлетт, вцепившаяся в его рукав, безжизненно повисла. Значит, это все-таки правда! Боль, словно хищный зверь, вонзила когти в ее сердце. Она перехватила взгляд отца – и уловила в нем и сострадание и досаду: эта проблема была совсем не по его части, и он не знал, как к ней подступиться. Любя дочь, он вместе с тем чувствовал себя не в своей тарелке из-за того, что Скарлетт вынуждала его улаживать ее детские беды. Эллин – та знает, как в таких случаях надлежит поступать. Скарлетт следовало бы обратиться к матери.

– Зачем ты выставляешь себя на посмешище – позоришь и себя и всех нас? – заговорил он, как всегда в минуты волнения повышая голос. – Вешаешься на шею парню, который тебя знать не хочет? А ведь к тебе готов посвататься любой самый видный жених в графстве.

Гнев и оскорбленная гордость заглушили на мгновение боль.

– Я не вешалась ему на шею. Просто эта новость удивила меня.

– А ведь ты врешь. – сказал Джералд и, взглядевшись в ее убитое горем лицо, добавил в порыве доброты и жалости: – Прости меня, доченька. Но ведь ты же еще ребенок, и поклонников у тебя хоть пруд пруди.

– Маме было пятнадцать лет, когда она выходила за вас замуж, а мне уже шестнадцать, – глухо пробормотала Скарлетт.

– Твоя мать другое дело, – сказал Джералд. – Она никогда не была такой вертихвосткой, как ты. Ну, ну, дочка, голову выше! На будущей неделе мы с тобой поедем в Чарльстон к твоей тетушке Евлалии, и ты как слушаешь, что они там рассказывают про форт Самтер, так тут же и думать перестанешь о своем Эшли.

«Он считает меня ребенком, – подумала Скарлетт. Горе и досада на отца сковали ей язык. – Куплю ей, дескать, новую погремушку, и она забудет, что набила себе на лбу шишку!» – И нечего смотреть на меня бешеными глазами, – Оказал Джералд, – Будь у тебя в голове побольше мозгов, давно смогла бы выйти замуж хоть за Брента, хоть за Стюарта Тарлтона. Подумай-ка над этим, дочка. Выходи замуж за одного из близнецов, и мы с, Джимом Тарлтоном соединим наши плантации, а Для тебя построим красивый дом как раз посередине, на границе между ними, там, где большая сосновая роща, и...

– Да перестаньте вы разговаривать со мной, как с ребенком! – не выдержала Скарлетт. – Не хочу я ехать ни в какой Чарльстон, и не нужен мне ваш дом, и не желаю я выходить замуж ни за одного из близнецов! Никто мне не нужен... – Она прикусила язык, но, увы, слишком поздно.

Голос Джералда звучал на этот раз странно спокойно, и слова падали медленно, словно он раздумчиво выбирал их из того запаса, к которому редко приходилось прибегать:

– Никто, значит, тебе не нужен, кроме Эшли, а его-то ты получить и не можешь. И если бы даже он захотел жениться на тебе, я бы с большой неохотой дал свое согласие, хотя Джон Уилкс и лучший мой друг. – И, видя, что его слова поразили Скарлетт, он добавил: – Я хочу видеть мою дочь счастливой, а ты никогда не была бы счастлива с ним.

– О да, да, я была бы счастлива! Очень!

– Нет, дочка, никогда. Чтобы брак был счастливым, муж и жена должны быть из одного теста.

У Скарлетт едва не слетели с языка неосторожные слова:

«Но вы же счастливы, хотя совсем не из одного теста с мамой», – однако она вовремя удержалась, понимая, что за подобную наглость может заработать пощечину.

– Уилксы совсем другого сорта люди, не такие, как мы, – продолжал Джералд, все так же медленно подбирая слова. – Да они и ни на кого во всей нашей округе не похожи, я таких, как они, больше и не встречал нигде. Они – странный народ, и это хорошо, что в их роду так повелось – жениться на своих двоюродных сестрах и оставлять, так сказать, все свои странности при себе.

– Да нет же, папа, Эшли вовсе не...

– Придержи язык, котенок! Ничего плохого я про этого малого сказать не хочу, он мне нравится. Я говорю «странный» не в смысле поврежденный в уме. И таких подвигов, как за Калвертами, которые могут просадить на скачках все состояние, или как за Тарлтонами, у которых один-два пьяницы в каждом поколении, или как за Фонтейнами, которые все отпетые буяны и готовы пристрелить человека за любую безделицу, – таких подвигов за ним, конечно, не водится. Но только это все обычные дела, каждому понятные, и если бог уберег от такого Джералда О'Хара, так это ему просто повезло! И опять же я вовсе не считаю, что Эшли стал бы тебя поколачивать или наставлять тебе рога. Впрочем, это бы еще полбеды, потому что тут ты, может, сумела бы его понять. Но он совсем по-особому странный человек, и понять его

невозможно. Я его люблю, но зарежь меня, если я понимаю хоть половину из того, что он говорит. Ну, скажи мне, доченька, скажи положи руку на сердце, ты, что-нибудь понимаешь во всей этой галиматье, которую он несет про книжки, музыку, стихи, картины и прочую чепуховину?

– Ах, папа, – нетерпеливо вскричала Скарлетт, – будь я его женой, со мной он стал бы совсем иным!

– Вот оно что, ты так полагаешь? – язвительно промолвил Джералд, бросив на нее испытующий взгляд. – Плохо же ты знаешь мужчин, не говоря уже об Эшли. Ни одна жена на всем свете не сумела еще переделать мужа, и советую тебе зарубить это себе на носу. А уж чтоб переделать кого-нибудь из Уилксов – да тут сам всемогущий бог тебе не поможет, дочка! Весь род у них такой, такими они были испокон веков. И такими, верно, и останутся. Говорю тебе – это у них в крови. Ты что, не видишь, как они носятся то в Нью-Йорк, то в Бостон – послушать оперу или поглядеть на какие-то там масляные полотна. И целыми ящиками заказывают себе, у янки французские и немецкие книжки. А потом дни и ночи просиживают за этими книжками или раздумывают бог весть о чем, вместо того чтобы поехать на охоту или составить партию в покер, как подобает настоящим мужчинам.

– Во всем графстве никто лучше не сидит в седле, чем Эшли! – вне себя воскликнула Скарлетт, глубоко задетая тем, что ее любимого заподозрили в недостатке мужественности. – Никто, разве что его отец. И кто, как не Эшли, всего на прошлой неделе выставил вас в Джонсборо на двести долларов в покер?

– Откуда тебе известно, что на двести, – калвертские мальчишки опять распустили язык? – сердито пробормотал Джералд. – Эшли никому не уступит ни в седле, ни за карточным столом – разве я против этого спорю, дочка? Да и во хмелю он крепок и любого из тарлтонских мальчишек свалит под стол. Это все так, да только у него к этому вовсе не Лежит душа. Вот почему я говорю, что странный он человек.

Скарлетт молчала. У нее стало еще тяжелее на сердце. Ей нечего было возразить отцу, она понимала, что он прав. Эшли нисколько не тянуло ко всем этим лихим забавам, в которых он принимал участие с таким блеском. Он просто проявлял вежливый интерес к тому, чему другие отдавали душу.

Правильно разгадав причину ее молчания, Джералд потрепал ее по плечу и торжествующе произнес:

– Вот видишь, Скарлетт. Ты сама понимаешь, что я нрав. Ну, на что тебе такой муж, как Эшли? У всех у них мозги набекрень, у этих Уилксов. – И, помолчав, прибавил вкрадчиво: – А Тарлтонов я просто так помянул, не нравятся – не надо. Они славные парни, но если тебе больше по сердцу Кейд Калверт, то, по мне, и он хорош. Калверты все – добрый народ, хоть старик и взял себе в жены янки. А когда пробьет мой час... Слушай, детка! Я завещаю Тару тебе и Кэйду...

– Не пойду я за Кэйда, хоть меня озолоти! – со злостью выкрикнула Скарлетт. – И перестаньте же навязывать его мне, слышите! И не нужна мне ваша Тара и ваши дурацкие плантации. К чему все это, если...

Она хотела сказать: «если я не могу иметь того, кого хочу», но Джералд, ужаленный в самое сердце пренебрежением, с Каким был отвергнут его великодушный дар – его Тара, которая, не считая, разумеется, Эллин, была ему дороже всего на свете, не дал ей договорить:

– От вас ли я это слышу, Скарлетт О'Хара! По-вашему, значит, Тара – ничего не стоящий клочок земли?..

Скарлетт упрямо мотнула головой. Она была так несчастна, что ей уже было все равно – отец рассвирепеет, ну и пусть...

– Земля – единственное на свете, что имеет ценность, – воскликнул Джералд, вне себя от возмущения воздев над головой свои короткие руки, словно призывая небо в свидетели, – потому что она – единственное, что вечно, и не мешало бы тебе зарубить себе это на носу! Единственное, ради чего стоит трудиться, за что стоит бороться... и умереть!

– Ах, папа, – презрительно молвила Скарлетт, – вы рассуждаете, как настоящий ирландец!

– А разве я когда-нибудь этого стыдился? Напротив, я этим горжусь. И вы тоже наполовину ирландка, не забывайте, мисс! А для того, у кого есть хоть капля ирландской крови в жилах, его земля – это то же, что родная мать. И мне сейчас стыдно за тебя. Я предложил тебе в дар прекраснейшую из всех земель, не считая, конечно, графства Мит в Старом Свете, а ты что? Презрительно фыркнула!

Джералд в своем праведном гневе распалялся все больше и больше, но что-то в потухшем лице Скарлетт заставило его изменить тон:

– Впрочем, ты еще молода. Она еще пробудится в тебе – любовь к своей земле. Иначе и быть не может, ведь ты тоже ирландка. А сейчас ты еще ребенок, и у тебя одни мальчишки на уме. Станешь постарше, сама все поймешь... А пока подумай насчет Кэйда, или одного из близнецов, или кого-нибудь из сынков Эвана Манро, и ты увидишь, какую шикарную я тебе закачу свадьбу!

– Ах, папа!

Но разговор этот уже донельзя утомил Джералда, и терпение его истощалось – надо же, чтобы все это свалилось именно на его плечи! И особенно досадно было то, что Скарлетт все еще казалась удрученной, после того как он предложил ей на выбор лучших женихов графства и Тару в придачу. Джералд привык, чтобы его дары принимались с благодарными поцелуями и аплодисментами.

– Ну, хватит дуться, мисс. Кого ты выберешь себе в мужа – не имеет большого значения, если это будет джентльмен, южанин и человек достойный. А любовь приходит к женщине уже в браке.

– Ах, папа, какие у вас старомодные взгляды!

– И очень правильные, кстати! На что нам вся эта любовная чепуха на новомодный манер, все эти браки по любви, как у слуг или как у явки! Лучшие браки – это те, когда родители сами выбирают супруга для своей дочери. Ну разве может такая глупышка, как ты, разобраться, где хороший человек, а где негодяй? Погляди хоть на Уилксов. Откуда в них такая сила, такое достоинство – у всех, из поколения в поколение? Да потому, что они заключают браки среди своей родни, женятся на двоюродных сестрах – так уж у них заведено.

– Ах, боже мой! – вскричала Скарлетт. Слова отца снова разбередили рану, напомнив, ей о неотвратимости предстоящего союза. Джералд беспомощно потоптался на месте, глядя на ее понурюю голову.

– Да ты никак ревешь? – спросил он, неуклюже взяв ее за подбородок и стараясь запрокинуть ей голову и сам уже чуть не плача от жалости.

– Нет! – выкрикнула она, резко отстраняясь от него.

– Ты лжешь, и за это я тобой горжусь. Я рад, что в тебе есть гордость, котенок. И завтра на этом барбекю ты должна держаться гордо. Не хватает только, чтобы тебя подняли на смех и по всей округе пошли сплетни, что ты бегаешь за парнем, который никогда не предлагал тебе ничего, кроме дружбы.

«И вовсе это не так, – с грустью думала Скарлетт. – Я для него не просто друг, я же знаю. Я чувствую это. Будь у меня еще хоть немножко времени, я бы заставила его заговорить... Все ведь это только потому, что у этих Уилксов принято жениться на кузинах!» Джералд взял ее руку и продел под свой локоть.

– А теперь мы пойдём ужинать, и весь этот разговор останется между нами. Я не хочу расстраивать твою мать и тебе не советую. А ну-ка, давай, дочка, высморкайся.

Скарлетт высморкалась в свой истерзанный носовой платок, и они рука об руку зашагали по темной аллее, а лошадь медленно пошла за ними. Возле дома Скарлетт хотела было снова что-то сказать, но тут на ступеньках крыльца она различила фигуру матери. Эллин была в шляпе, шали и митенках, а за ее спиной, с лицом мрачнее тучи, держа в руках черную кожаную сумку с бинтами и лекарствами, стояла Мамушка. Эту сумку Эллин О’Хара всегда брала с собой, когда на плантации кто-нибудь заболел и она шла оказать больному помощь. В минуты возмущения и без того оттопыренная нижняя губа Мамушки выпячивалась еще дальше, и Скарлетт с одного взгляда поняла: что-то вызвало неодобрение Мамушки и она вся кипит.

– Мистер О’Хара! – заметив их приближение, окликнула мужа Эллин. Мать Скарлетт принадлежала к тому поколению, которое считало необходимым соблюдать известный декорум в отношениях между супругами, даже после семнадцати лет брака, увенчанного появлением на свет шестерых детей. – Мистер О’Хара, у Слэттери беда: Эмми разрешилась от бремени, но ребенок умирает, и его надо окрестить. Мы с Мамушкой хотим пойти туда, поглядеть, чем можно помочь.

В голосе ее звучала вопросительная интонация, словно она спрашивала у Джералда согласия, что, разумеется, было простой формальностью, но чрезвычайно льстило Джералду.

– Час от часу не легче! – сразу вспыхнул Джералд. – Неужели эта белая рвань не может дать нам спокойно поужинать! А мне как раз не терпится рассказать вам, что говорят в Атланте о войне! Что ж, ступайте, миссис О’Хара, вы же иначе не сомкнете глаз до утра – все будете терзаться, что у кого-то беда, а вас там не было.

– Да она только голову на подушку и тут же опять вскочит и бежать. То надо какого-то негра полечить, то кого-то из этих белых бедняков, будто уж они сами о себе позаботиться не могут! – глухо проворчала Мамушка, спускаясь с крыльца и направляясь к стоявшей в боковой аллее коляске.

– Замени меня за столом, дорогая, – сказала Эллин, и ее обтянутая митенкой рука нежно коснулась щеки Скарлетт.

Немеркнущая магия этого прикосновения, тонкий аромат сухих духов лимонной вербены и легкий шелест шелкового платья, как всегда, трепетом отозвались в сердце Скарлетт, несмотря на душившие ее слезы. В присутствии Эллин у Скарлетт захватывало дух – мать была неким чудом, по странному волшебству обитающим под одной с ней кровлей, неотразимо прекрасным, внушающим благоговейный трепет и неизменно приносящим утешение во всех горестях.

Джералд помог жене сесть в коляску и дал кучеру наставление не гнать лошадей и ехать с осторожностью. Тоби, двадцать лет ходивший за лошадьми Джералда, негодуя скривил губы – хозяин мог бы и не совать нос в его дела. Мамушка восседала рядом с ним, дополняя собой картину нескрываемого африканского недовольства поведением хозяев. «Если бы мы поменьше помогали этим несчастным Слэттери, – хмуро раздумывал Джералд, – они бы с охотой продали мне свои жалкие несколько акров болотистой низины и освободили бы графство от своего присутствия». Но тут в мозгу у него привычно мелькнула мысль о хорошей шутке, и, повеселев, он сказал:

– Давай-ка, дочка, скажем Порку, что я решил не покупать Дилси, а вместо этого продал его самого Джону Уилксу.

Бросив поводья болтавшемуся поблизости негритенку, Джералд поднялся на крыльцо. Горести Скарлетт были им уже позабыты, а мысли полны одним: как получше разыграть своего черного лакея. Скарлетт медленно, чувствуя холодную тяжесть в ногах, последовала за отцом. Ее брак с Эшли выглядел бы в конце концов ничуть не более странным, чем союз ее отца с Эллин

Робийяр, в супружестве Эллин О'Хара. И в который уж раз она с недоумением спросила себя, как это могло произойти, что ее недалекий, грубоватый папаша ухитрился взять себе в жены такую женщину, как ее мать, ибо двух более несхожих по рождению, воспитанию и образу мыслей людей просто невозможно было себе представить.

Эллин О'Хара исполнилось тридцать два года, она уже была матерью шестерых детей, из коих схоронила троих, и по существовавшим в те времена понятиям считалась женщиной среднего возраста. Она была почти на голову выше своего горячего, вспыльчивого коротышки-супруга, но спокойная грация движения, приковывая к себе внимание, заставляла забывать про ее высокий рост. Стоячий воротничок черного шелкового платья туго обтягивал округлую, тонкую, чуть смуглую шею. Голова была слегка откинута назад, словно под тяжестью густых темных волос, стянутых на затылке тугим узлом и уложенных в сетку. От своей француженки-матери, родители которой в 1791 году бежали на Гаити от революции, она унаследовала и эти темные волосы, и темные, с узким разрезом глаза, и иссиня-черные ресницы; от отца – офицера наполеоновской армии – прямой удлиненный нос и чуть заметную широкоскулость, смягченную нежной линией подбородка и щек. И уж верно, сама жизнь наградила Эллин и горделивой, без высокомерия осанкой, и изысканной грацией, и этой меланхоличностью взгляда без малейшей искорки веселья.

Чуть больше блеска в глазах, тепла в улыбке, живости в мелодично-нежном голосе, звучавшем музыкой в ушах ее близких и слуг, и красота Эллин О'Хара была бы неотразимой. В напевности ее говора была протяжность гласных, характерная для жителей прибрежной Джорджии, и легкий французский акцент. Голос Эллин никогда не повышался до крика – отдавала ли она приказания слугам или пробирала за шалости детей, – но все обитатели Тары повиновались ему беспрекословно и мгновенно, преспокойно игнорируя громы и молнии, которые привык метать ее супруг. И всегда, с тех пор как помнила себя Скарлетт, ее мать была такой – деятельной и невозмутимой среди всех ежедневных треволнений усадебной жизни; укоряла она или поощряла, голос ее был неизменно мягок и тих, спина пряма и дух несгибаем: она осталась такой даже после потери трех малюток-сыночек. Скарлетт ни разу не видела, чтобы мать, сидя в кресле, позволила себе откинуться на спинку. И руки у нее всегда были заняты рукоделием, если только она не сидела за обеденным столом, или за усадебными счетоводными книгами, или у постели больного. Иногда (в присутствии гостей) это могла быть изящная вышивка, в другой раз – просто рубашка Джералда или детское платьице, требующее починки. А не то, так она шила одежду для слуг. И шла ли она, шурша платьем, по дому, наблюдая за уборкой, заглядывала ли в кухню или в мастерскую, где шилась одежда для негров, занятых на полевых работах, на пальце у нее всегда блестел золотой наперсток, а по пятам за ней следовала девочка-негритянка, на которую была возложена обязанность носить за хозяйкой шкатулку розового дерева со швейными принадлежностями и выдергивать из готового шитья наметку.

Скарлетт никогда не видела, чтобы мать теряла самообладание или чтобы ее туалет, независимо от времени суток, не был в безупречном состоянии. Если Эллин О'Хара собиралась на бал, или в гости, или в Джонсборо для присутствия на сессии суда, ее туалет обычно занимал не менее двух часов и требовал услуг двух горничных и Мамушки, но если возникала необходимость действовать быстро, ее молниеносная готовность поражала всех.

Скарлетт в своей спальне, расположенной напротив материнской, с младенчества привыкла слышать на заре легкий торопливый топот босых ног по деревянному полу, тревожный стук в дверь к хозяйке, испуганные, приглушенные голоса, сообщавшие о начавшихся родах, или о чьей-то болезни, или смерти, приключившихся в одной из беленных известкой хижин. Не раз, подкравшись к своей двери, Скарлетт смотрела в щелку и видела, как мать, аккуратно причесанная, с медицинской сумкой в одной руке и высоко поднятой свечой в другой

появляется на пороге темной спальни, откуда доносится мерное похрапывание отца;

И на ее детскую душу сразу нисходило успокоение, когда она слышала сочувственный, но твердый шепот матери:

– Тише, не так громко. Вы разбудите мистера О’Хара. Никто не умрет, это не такая опасная болезнь.

Приятно было снова забраться в постель и уснуть, сознавая, что мать ушла туда, в ночь, и ничего страшного не случится.

А утром, не дождавшись помощи ни от старого доктора Фонтейна, ни от молодого, вызванных куда-то еще, и проведя у постели роженицы или у смертного одра всю ночь. Эллин О’Хара спускалась, как обычно, в столовую к завтраку. И если под глазами у нее залегли глубокие тени, то голос звучал бодро, как всегда, и ничто не выдавало пережитого напряжения. За величавой женственностью Эллин скрывались стальная выдержка и воля, державшие в почтительном трепете весь дом – и не только слуг и дочерей, но и самого Джералда, хотя он даже под страхом смерти никогда бы в этом не признался.

Порой, перед отходом ко сну, Скарлетт, поднявшись на цыпочки, чтобы дотянуться до материнской щеки, смотрела на нежный рот Эллин, казавшийся таким беззащитным, на ее тонкую верхнюю губу и невольно спрашивала себя: неужели этот рот тоже когда-нибудь беспечно улыбался и в ночной тишине шепотом поверял свои девичьи секреты на ухо подружке? Это казалось невообразимым. Для Скарлетт Эллин всегда была такой, как сейчас, – сильной, мудрой опорой для всех, единственным человеком на свете, знающим ответ на все вопросы.

По конечно, Скарлетт была не права. Эллин Робийяр из Саванны умела беззаботно улыбаться и заливаться беспричинным смехом, как любая пятнадцатилетняя девчонка этого живописного городка на берегу Атлантики, и, как все девчонки, поверяла по ночам свои секреты подружкам – все секреты, кроме одного. Так было вплоть до того дня, пока некий Джералд О’Хара, двадцатью восемью годами старше Эллин, не вошел в ее жизнь. И случилось это в тот самый год, когда Филипп Робийяр, ее беспутный черноглазый кузен с дерзким взглядом и отчаянными повадками, навсегда покинул город и унес с собой весь молодой жар ее сердца, оставив маленькому кривоногому коротышке-ирландцу только восхитительно женственную оболочку.

Но Джералду, который, женившись на Эллин, не помнил себя от счастья, и этого было довольно. И если какая-то частица ее души была мертва для него, он никогда от этого не страдал. Джералд был достаточно умен, чтобы понимать: если он, небогатый ирландец, без роду без племени, взял в жены девушку из самого богатого и родовитого семейства на всем побережье, – это почти что равносильно чуду. Ведь он был никто, человек, выбившийся из низов. Джералд О’Хара эмигрировал из Ирландии в Америку, когда ему едва исполнился двадцать один год. Отъезд был скоропалительным, как случалось не раз и с другими добрыми ирландцами и до него и после. Он уехал, без багажа, с двумя шиллингами в кармане, оставшимися после оплаты проезда, и крупной суммой, в которую была оценена его голова, более крупной, на его взгляд, чем совершенное им нарушение закона. Ни один оранжист, еще не отправленный в ад, не стоил в глазах британского правительства, да и самого сатаны, ста фунтов стерлингов; но если тем не менее правительство приняло так близко к сердцу смерть земельного агента какого-то английского помещика, давно покинувшего свое поместье, это значило, что Джералду О’Хара надлежало бежать, и притом побыстрее. Правда, он обозвал земельного агента «оранжистским ублюдком», но это, по мнению Джералда, еще не давало тому права оскорбительно насвистывать ему в лицо «Воды Война».

Битва на реке Войн произошла более ста лет тому назад, но для всех О’Хара и любого из их соседей этого промежутка времени как бы не существовало, словно только вчера их мечты и

надежды, вместе с их землями и состоянием, были развеяны по ветру в облаках пыли, поднятых копытами коня трусливого Стюарта, бежавшего с поля боя, оставив своих ирландских приверженцев на расправу Вилли Оранскому и его оголтелым наемникам с оранжевыми кокардами.

По этой и многим другим причинам семья Джералда не почла нужным рассматривать трагический исход вышеупомянутой ссоры как нечто заслуживающее серьезного внимания – помимо, разумеется, того, что он мог повлечь за собой серьезные последствия для них. На протяжении многих лет семья О’Хара, подозреваемая в тайных антиправительственных действиях, была на дурном счету у английских констеблей, и Джералд был не первым О’Хара, спешно покинувшим родину под покровом предрассветных сумерек. Он смутно помнил своих двух старших братьев Джеймса и Эндрю, молчаливых юношей, порой неожиданно появлявшихся ночью с какими-то таинственными поручениями, порой исчезавших на целые недели – к неизбывной тревоге матери – и сбежавших в Америку много лет назад, после того как на скотном дворе О’Хара под полом хлева был обнаружен небольшой склад огнестрельного оружия. Теперь оба они стали преуспевающими торговцами в Саванне («Одному господу известно, что это за город такой», – со вздохом говаривала их мать, вспоминая своих старших отпрысков мужского пола), и молодого Джералда отослали к ним.

Мать наскоро поцеловала его в щеку, жарко прошептав на ухо слова католической молитвы, отец же напутствовал его так:

«Помни, из какой ты семьи, и не позволяй никому задира́ть перед тобой нос». И с этим Джералд покинул родной кров. Пятеро высоченных братцев одарили его на прощание одобрительно-покровительственными улыбками, ибо он был в их глазах еще ребенком, да к тому же единственным недомерком в этом племени рослых здоровяков. Отец и все пять братьев были крепкого сложения и более шести футов росту, а коротышка Джералд в двадцать один год уже знал, что господь бог в своей неизреченной мудрости отпустил ему всего пять футов и четыре с половиной дюйма в длину. Но Джералд никогда не позволял себе на это сетовать и – такой уж у него был характер – отнюдь не считал, что низкий рост может быть для него в чем-либо помехой. Скорее, даже особенности телосложения и сделали его тем, чем он стал, ибо еще на пороге жизни он познал одну истину: маленький человек должен быть крепок, чтобы выжить среди больших. И в этом качестве Джералду отказать было нельзя.

Его рослые братья были немногословными, мрачноватыми парнями. Утрата былого величия их славного рода подспудной злобой жгла их души и прорывалась наружу язвительными дауточками. Будь Джералд таким же здоровенным верзилой, как они, он тоже пошел бы по темному извилистому пути всех О’Хара, примкнув к тайным мятежникам. Но Джералд был горячая голова, «задира и горлопан», по выражению его нежной матушки, чуть что – лез с кулаками, и его буйный нрав каждому мгновенно бросался в глаза. Он держался со своими могучими братьями как маленький, но храбрый бойцовый петух среди крупнопородистых представителей птичьего двора, и братья любили его и добродушно поддразнивали, забавляясь его яростью, а иной раз и поколачивали, чтобы он не слишком все же забывался и знал свое место.

Если запас знаний Джералда, с которым он прибыл в Америку, был весьма скуден, то сам он, вероятно, об этом не подозревал. Да и не придавал бы значения, открой ему кто-нибудь на это глаза. Мать научила его чтению и письму и выработала у него хороший почерк. Арифметика далась ему легко. И на этом его образование оборвалось. Латынь он знал постольку, поскольку мог повторить за священником, что положено повторять во время католической мессы, а его познания по истории ограничивались всевозможными фактами попрания исконных прав Ирландии. Из поэтов он знал только Мура, а по части музыки мог похвалиться недурным

знанием старинных ирландских песен. Питая искреннее уважение к людям, получившим хорошее образование, он, однако, ничуть не страдал от недостатка собственного. Да и на что оно ему было в этой новой, стране, где самый невежественный ирландец мог стать большим богачом? В стране, где от мужчины требовалась только сила, выносливость и любовь к труду.

Джеймсу и Эндрю, пристроившим его у себя в лавке в Саванне, тоже не приходилось сокрушаться по поводу его необразованности. Его четкий почерк, точность в подсчетах и хорошая торговая сметка вызывали к нему уважение, в то время как вздумай он похвалиться какими-либо познаниями по части литературы или музыки, его подняли бы на смех. Америка в те годы была еще гостеприимна к ирландцам. Джеймс и Эндрю, поначалу гонявшие фургоны с чужими товарами из Саванны в глубь Джорджии, преуспев, обзавелись собственной торговлей, и Джералд преуспевал вместе с ними.

Американский Юг пришелся ему по вкусу, и мало-помалу он стал южанином в собственных глазах. Кое в чем Юг и южане оставались для него загадкой, но он со свойственной ему цельностью и широтой натуры принял их такими, как он их понимал, принял их взгляды и обычаи: скачки, покер, дуэльный кодекс, страсть к политике, ненависть к янки, Права Юга, рабство и власть Короля Хлопка, презрение к «белой рвани» – к белым беднякам, не сумевшим выбиться в люди, – и подчеркнуто рыцарское отношение к женщинам. Он даже научился жевать табак. Учиться поглощать виски в неумеренных количествах не хмелея ему не было нужды – он владел этим даром от природы.

И все же Джералд оставался Джералдом. Образ его жизни и взгляды претерпели изменение, но менять свою манеру поведения он не стремился, даже если бы это было ему под силу. Он отдавал должное томной элегантности богатых хлопковых и рисовых плантаторов, приезжавших в Саванну из своих увитых плющом резиденций, гарцевавших по улицам на породистых лошадях, эскортируя экипажи не менее элегантных дам, за которыми катили фургоны с черной челядью. Однако самому Джералду элегантность не давалась, хоть умри. Протяжный ленивый говор приятно ласкал ему слух, но его собственный язык не был для этого приспособлен, и речь Джералда по-прежнему звучала резко и грубовато. Ему нравилась небрежная грация, с какой богатые южане заключали крупные сделки или ставили на карту раба, плантацию, целое состояние и расплачивались за проигрыш, ни на секунду не теряя хорошего расположения духа, так же легко и беспечно, как швыряли мелкую монетку негритенку. Но Джералд, знавший в жизни нужду, не мог невозмутимо и благодушно относиться к денежным потерям. Они были славный народ, эти южане с прибрежных плантаций – нежноголосы, горячие, забавные в своих непостижимых прихотях: они нравились Джералду. Но молодого ирландца, явившегося сюда из страны холодных влажных ветров. Дующих над повитыми туманом топами, не таящими в себе тлетворных миазмов, отличала такая крепкая жизненная хватка, какая и не снилась высокомерным отпрыскам благородных семей из края тропического солнца и малярийных болот.

Он перенимал у них то, что считал для себя полезным, и отбрасывал остальное. Он открывал, что покер и ясная голова во хмелю могут сослужить неплохую службу, и пришел к заключению, что покер – одно из самых полезных изобретений южан. Вот эта его врожденная смекалка в карточных играх и способность легко поглощать золотистое питье и принесли Джералду два самых драгоценных приобретения – его плантацию и его черного лакея. Третьим драгоценным приобретением была его жена, но за нее он мог благодарить лишь непостижимую милость господ бога.

Лакей по имени Порк, ослепительно черный, вышколенный, исполненный чувства собственного достоинства, знающий толк во всех тонкостях портняжного искусства и элегантности, перешел во владение Джералда в результате затянувшейся до утра партии в покер

с плантатором с острова Сент-Саймон, умевшим не менее стойко блефовать, чем Джералд, по проявившим меньшую стойкость по части новоорлеанского рома. И хотя прежний владелец Порка хотел потом откупить его обратно и предлагал двойную цену, Джералд отказался наотрез, ибо обладание первым в его жизни рабом, да к тому же еще «лучшим, черт подери, лакеем на всем побережье», явилось важным шагом на пути к исполнению его заветной мечты – стать и землевладельцем и рабовладельцем.

Он уже давно пришел к решению, что не будет, как Джеймс И Эндрю, всю жизнь заниматься торговлей и просиживать ночи при свечах, подбивая итог под колонками цифр. Не в пример братьям, он остро чувствовал своего рода социальное клеймо на тех, кого именовали здесь «торговым людом». Джералд хотел стать плантатором. Выходец из семьи ирландских арендаторов, некогда владевшей пахотными землями и охотничьими угодьями, он страстно желал насладиться видом зеленеющих акров собственных возделанных полей. Целеустремленно и безоглядно он мечтал о собственном Доме, собственной плантации, собственных лошадях, собственных рабах. И здесь, в этой новой стране, не ведающей двух главных опасностей, которые подстерегают землевладельца у него на родине, – налогов, пожирающих весь доход от урожая, и неизбежной угрозы конфискации, – он намерен был воплотить в жизнь свою мечту. Но шли годы, и он понял, что честолюбивые замыслы – одно, а осуществление их – нечто другое. Местная земельная знать оказалась крепостью, проникнуть внутрь которой у него не было никакой надежды.

И тут рука Судьбы и рука карточного игрока преподнесли ему кусок земли, который он впоследствии нарек Тарой, и подвигли его тем самым перебраться с побережья в глубь Северной Джорджии.

Однажды теплой весенней ночью в одном из салунов Саванны до ушей его случайно долетели слова какого-то незнакомца, заставившие его сразу обратиться в слух. Незнакомец, уроженец Саванны, только что возвратился в родной город после двенадцати лет; проведенных в глубине штата. Он был участником земельной лотереи, организованной штатом с целью поделить на участки обширную территорию Центральной Джорджии, уже очищенной от индейских племен за год до того, как Джералд прибыл в Америку. Человек этот отправился туда и основал плантацию, но дом, который он себе построил, сгорел, «проклятое это место» ему осточертело, и он был бы рад поскорее сбыть его с рук.

Джералд, никогда не расстававшийся с мечтой приобрести собственную плантацию, представился незнакомцу и с возрастающим интересом стал слушать его рассказ о том, что на север штата хлынули переселенцы из обеих Карелии и Виргинии. Джералд уже достаточно давно жил на побережье, чтобы усвоить характерный для местных жителей взгляд на остальную часть штата как на непроходимую лесную чащу, где за каждым деревом прячется индеец. Правда, по делам своих братьев он поднимался на сотню миль вверх по реке Саванне, побывал в Огасте и в старых городах еще дальше к западу. Он знал, что эта часть штата не менее заселена, чем побережье, но по рассказам незнакомца выходило, что его плантация расположена более чем в двухстах пятидесяти милях к северо-западу от Саванны, немного южнее реки Чаттахучи. Джералд считал, что земли к северу от этой реки еще заселены индейцами племени чероки, и поэтому был очень удивлен, когда незнакомец стал рассказывать, какие на этих новых землях возникли процветающие города и поместья, и посмеялся его вопросу – не тревожат ли их индейцы?

Через час беседа начала увядать, и тогда Джералд, уставив на незнакомца невиннейший взгляд ярко-голубых глаз и затаив на дне души коварнейший умысел, предложил составить партию в покер. Текли ночные часы, и стаканы бессчетно наполнялись и опустошались, остальные игроки мало-помалу выходили из игры, и лишь Джералд продолжал сражаться с

незнакомцем уже один на один. Незнакомец двинул на середину стола все свои фишки и прикрыл их сверху купчей на плантацию. Джералд тоже двинул все свои фишки, а поверх них бросил бумажник. Тот факт, что содержимое бумажника являлось собственностью фирмы братьев О'Хара, не слишком обременял совесть Джералда, и каяться в своем грехе завтра перед утренней мессой он не собирался. Джералд знал, чего хочет, а в этих случаях он всегда шел к цели напролом. К тому же он крепко верил в свою звезду и в то, что кривая вывезет, а потому даже не задумывался над тем, чем он будет отвечать, если партнер еще повысит ставку.

– Не стану утверждать, будто вам достался в руки клад, а как подумаю, что мне не надо больше платить налогов, так прямо гора с плеч, – сказал обладатель каре в тузах и крикнул, чтобы подали перо и чернила. – Дом сгорел год назад, поля заросли кустарником и молодой сосновой порослью, но, так или иначе, теперь это ваше.

– Никогда не мешай карты с виски, если ты не всосал ирландский самогон с материнским молоком, – наставительно сказал Джералд Порку в то утро, когда лакей помогал ему отойти ко сну.

И слуга, исполненный восхищения своим новым хозяином и уже начавший даже перенимать его ирландский акцент, отвечал, как положено, на такой смеси местного наречия с говором графства Мит, что это озадачило бы любого, кроме них двоих.

Илистая река Флинт, молчаливо проложившая себе путь между высокими темными стенами сосен и черных дубов, оплетенных диким виноградом, принимала в свои объятия новоприобретенных владения Джералда, омывая их с двух сторон. Глядя с невысокого холма, где когда-то стоял дом, на живую темно-зеленую стену, Джералд испытывал приятное чувство собственности, словно он сам возвел эту ограду вокруг своих владений. Он стоял на почерневшем каменном фундаменте сгоревшего дома, скользил взглядом по длинной аллее, тянувшейся от дома к проселочной дороге, и про себя чертыхался от радости, слишком глубокой, чтобы он мог выразить ее словами благодарственной молитвы. Эти два ряда величественных деревьев принадлежали ему, и эта заброшенная лужайка, заросшая сорной травой по пояс, и эти еще молоденькие магнолии, осыпанные крупными белыми звездами цветов. Неводеланные поля с порослью кустарников и проклюнувшимися из красной глины молоденькими сосенками, раскинувшиеся во все четыре стороны от этого холма, принадлежали ему, Джералду О'Хара, который, как истинный ирландец, умел пить не хмелея и не боялся, когда надо все поставить на карту.

Закрыв глаза, Джералд вслушивался в тишину этих еще не разбуженных к жизни полей: о» знал, что обрел свое гнездо. Здесь, на этом месте, где он стоит, подымутся кирпичные, беленные известкой стены его дома. Там, по ту сторону дороги, возникнет ограда, за которой будет пастись хорошо откормленный скот и чистокровные лошади, а красная земля, покато спускающаяся к влажной пойме реки, засверкает на солнце белым лебяжьим пухом хлопка – акрами хлопка! И слава рода О'Хара заблестит снова!

Одолжив у скептически настроенных братьев денег, забрав свою крохотную долю из их предприятия и раздобыв еще изрядную сумму под залог земли, Джералд получил возможность купить рабов для обработки полей, прибыл в Тару и поселился в четырехкомнатном домике управляющего в холостяцком одиночестве и сладком предвкушении последующего переселения в новый белостенный дом на холме.

Он возделал землю и посадил хлопок и занял еще денег у Джеймса и Эндрю, чтобы прикупить еще рабов. Братья О'Хара умели блюсти интересы своего клана и крепко держались друг за друга, как в удаче, так и в нужде, и не столько из родственных чувств, сколько из жестокой необходимости, ибо знали: чтобы выжить в трудные годы, семья должна противостоять судьбе единым фронтом. Они одолжили Джералду денег, и по прошествии

нескольких лет он возвратил им эти деньги с лихвой. Плантация расширялась: Джералд акр за акром прикупал соседние участки, и настал день, когда белый дом на холме из мечты превратился в реальность.

Дом был построен рабами: довольно неуклюжее, приземистое строение это глядело окнами на зеленый выгон, сбегавший вниз, к реке, но Джералд не уставал им любоваться, находя, что дом хотя и новый, а от него веет добротной стариной. Древние дубы, еще выдавшие пробиравшихся по лесу индейцев, обступали дом со всех сторон, простирая над его кровлей густой зеленый шатер ветвей. На лужайке, очищенной от сорняков, буйно разросся клевер и свинорой, и Джералд следил за тем, чтобы газону оказывался должный уход. Все в Таре – от подъездной кедровой аллеи до белых хижин на участке, отведенном для рабов, – выглядело солидным, прочным, сделанным на века. И всякий раз, когда Джералд возвращался верхом домой и за поворотом дороги его глазам открывалась крыша дома, выглядывавшая из-за зеленых крои деревьев, сердце его преисполнялось гордостью, словно он видел эту картину впервые.

Это дело его рук – этого крепколобого, задиристого коротышки Джералда!

Со всеми соседями у Джералда сразу установились самые дружеские отношения. Исключение составляли только Макинтоши, чья земля примыкала к его плантации слева, и Слэттери, чьи жалкие три акра тянулись справа – вдоль поймы реки, за которой находились владения Джона Уилкса.

Макинтоши были полукровками, смешанного шотландско-ирландского происхождения, а вдобавок еще оранжистами, и последнее обстоятельство – будь они даже причислены католической церковью к лику святых – наложило на них в глазах Джералда каинову печать. Правда, они переселились в Джорджию семьдесят лет назад, а до этого их предки жили в Каролине, но тем не менее глава их клана, первым ступивший на американскую землю, прибыл сюда из Ольстера, и для Джералда этого было достаточно.

Это была молчаливая угрюмая семейка, державшаяся замкнуто, особняком: браки они заключали только со своими Каролинскими родственниками, и Джералд оказался не единственным человеком в графстве, кому Макинтоши пришлись не по душе, ибо здешние поселенцы – народ общительный и дружелюбный – не отличались терпимостью по отношению к тем, кому этих качеств не хватало. А слухи об аболиционистских симпатиях Макинтошей никак не способствовали их популярности. Правда, старик Энгус за всю жизнь не отпустил еще на волю ни одного раба и совершил неслыханное нарушение приличий, продав часть своих негров заезжим работорговцам, направлявшимся на сахарные плантации Луизианы, но слухи тем не менее продолжали держаться.

– Он аболиционист, это точно, – сказал Джералд Джону Уилксу, – но у оранжиста шотландская скупость всегда возьмет верх над убеждениями.

Несколько иначе обстояло дело со Слэттери. Будучи бедняками, они не могли рассчитывать даже на ту крупницу невольного уважения, которая доставалась на долю угрюмых и независимых Макинтошей. Старик Слэттери, упрямо державшийся за свои несколько акров, несмотря на неоднократные предложения о продаже со стороны Джералда О'Хара и Джона Уилкса, был жалкий, вечно хнычущий неудачник. Жена его, блеклая, неопрятная, болезненного вида женщина, произвела на свет кучу угрюмых, пугливых, как кролики, ребятишек и продолжала регулярно из года в год увеличивать их число. Том Слэттери не имел рабов и вместе с двумя старшими сыновьями судорожно пытался обработать свой хлопковый участок, в то время как его жена с остальными ребятишками возилась в некоем подобии огородика. Но хлопок почему-то никак не желал уродиться, а овощей с огорода, благодаря плодovitости миссис Слэттери, никогда не хватало, чтобы накормить все рты.

Вид Тома Слэттери, обивающего пороги соседей, выклянчивая хлопковых семян для посева

или кусок свиного окорока, «чтобы перебиться», стал уже привычным для глаз. Слэттери, угадывая плохо скрытое за вежливым обхождением презрение, ненавидел соседей со всем пылом своей немощной души: однако самую лютую ненависть вызывали в нем эти «нахальные черномазые – челядь богачей. Черные слуги богатых плантаторов смотрели сверху вниз на „белых голодранцев“, и это уязвляло Слэттери, а надежно обеспеченный слугам кусок хлеба порождал в нем зависть. Его собственное существование рядом с этой одетой, обутой, сытой и даже не лишенной ухода в старости или на одре болезни челядью казалось ему еще более жалким. Слуги по большей части бахвалились положением своих господ и своей принадлежностью к хорошему дому, в то время как сам он был окружен презрением.

Том Слэттери мог бы продать свою ферму любому плантатору за тройную против ее истинной стоимости цену. Каждый посчитал бы, что его денежки не пропали даром, ибо Том был у всех как бельмо на глазу, однако сам он не находил нужным сниматься с места, довольствуясь тем, что ему удавалось выручить за тюк хлопка в год или выклянчить у соседей.

Со всеми прочими плантаторами графства Джералд был на дружеской и даже короткой ноге. Все лица – Уилксов, Калвертов, Тарлтонов, Фонтейнов – расплывались в улыбке, как только возникала на подъездной аллее невысокая фигура на большой белой лошади. Тотчас на стол подавалось виски в высоких стаканах с ложечкой сахара и толчеными листиками мяты на дне. Джералд всем внушал симпатию, и соседям мало-помалу открылось то, что дети, негры и собаки поняли с первого взгляда: за громоподобным голосом и грубоватыми манерами скрывались отзывчивое сердце и широкая натура, а кошелек Джералда был так же открыт для друзей, как и его душа.

Появление Джералда всегда сопровождалось неистовым лаем собак и радостными криками негрят, кидавшихся ему навстречу, отталкивая друг друга, корча хитрые рожи и улыбаясь во весь рот в ответ на его добродушную брань, причем каждый норовил первым завладеть брошенными им поводьями. Ребятишки плантаторов забирались к нему на колени и, пока он громил на чем свет стоит бесстыдство политиквв-янки, требовали, чтобы их «покатали». Дочери его приятелей поверяли ему свои сердечные тайны, а сыновья, страшась признаться родителям в карточных Долгах, знали, что могут рассчитывать на его дружбу в трудную минуту.

– Как же ты, шалопай эдакий, уже целый месяц не оплачиваешь долга чести! – гремел он. – Почему, черт побери, ты не попросил у меня денег раньше?

Давно привыкнув к его манере изъясняться, никто не был на него в обиде, и молодой человек смущенно улыбался и бормотал в ответ:

– Да видите ли, сэр, мне не хотелось обременять вас этой просьбой, а мой отец...

– Твой отец прекрасный человек, спору нет, но очень уж строг, так что вот, бери, и чтоб больше мы с тобой к этому разговору не возвращались.

Жены плантаторов капитулировали последними. Но после того, как миссис Уилкс, «настоящая, – по словам Джералда, – леди, иной раз просто ни словечка не проронит», сказала как-то вечером своему мужу, заслышав знакомый стук копыт по аллее:

«Язык у него ужасный, но тем не менее он джентльмен», – можно было считать, что Джералд занял подобающее место в обществе.

Сам же он даже не подозревал, что ему понадобилось на это почти десять лет, поскольку попросту не замечал косых взглядов соседей. С той минуты, как его нога ступила на землю Тары, он ни на секунду не усомнился в своей принадлежности к верхам местного общества.

Когда Джералду стукнуло сорок три и он стал еще румянее и смуглее и так раздался в плечах, что имел уже вид завязтого сквайра-охотника, прямо с обложки цветного иллюстрированного журнала, у него возникло решение: его бесценное поместье и распахнутые настежь сердца и двери местных плантаторов – это еще не все. Ему нужна жена.

Имению настоятельно требовалась хозяйка. Толстой поварихе-негритянке, переброшенной по необходимости со двора на кухню, никак не удавалось вовремя управиться с обедом, а негритянке-горничной, снятой с полевых работ, сменить в срок постельное белье и смести с мебели пыль, вследствие чего при появлении гостей в доме поднималась дикая суматоха. На Порка, единственного в Таре вышколенного слугу, было возложено общее наблюдение за челядью, но и он, при попустительстве не привыкшего к упорядоченной жизни Джералда, стал с годами небрежен и ленив. Своими обязанностями лакея он, правда, не пренебрегал, содержал комнату Джералда в порядке и прислуживал за столом умело и с достоинством, как заправский дворецкий, но в остальном предоставлял всему идти своим ходом.

С безошибочным природным инстинктом слуги-негры очень скоро раскусили нрав хозяина и, зная, что собака, которая громко брешет, кусать не станет, беззастенчиво этим пользовались. Воздух то и дело сотрясали угрозы распродать рабов с торгов или спустить с них шкуру, но с плантаций Тары еще не было продано ни одного раба, и только один получил порку – за то, что любимая лошадь Джералда после целого дня охоты осталась неухоженной.

От строгого взгляда голубых глаз Джералда не укрылось, как хорошо налажено хозяйство у его соседей и как умело управляют со своими слугами аккуратно причесанные, шуршащие шелковыми юбками хозяйки дома. Ну, а то, что они от зари до зари хлопчат то в детской, то на кухне, то в прачечной, то в бельевой, – это ему как-то не приходило на ум. Он видел только результаты этих хлопот, и они производили на него неотразимое впечатление.

Неотложная необходимость обзавестись женой стала ему окончательно ясна однажды утром, когда он переодевался, чтобы отправиться верхом на заседание суда, и Порк подал ему любимую плоеную рубашку, приведенную в столь плачевное состояние неумелой починкой служанки, что Джералду не оставалось ничего другого, как отдать ее лакею.

– Мистер Джералд, – сказал расстроенному хозяину Порк, благодарно складывая рубашку, – вам нужна супруга. Да такая, у которой в доме полным-полно слуг. Джералд не преминул отчитать Порка за нахальство, но в глубине души знал, что тот прав. Джералд хотел иметь жену и детей и понимал, что долго тянуть с этим делом нельзя, иначе будет поздно. Но он не собирался жениться на ком попало, подобно мистеру Калверту, обвенчавшемуся с гувернанткой-янки, пестовавшей его оставшихся без матери детей. Его жена должна быть леди, благородная леди, с такими же изящными манерами, как и миссис Уилкс, и с таким же умением управлять большим хозяйством.

Но на пути к браку вставали два препятствия. Первое: все невесты в графстве были наперечет. И второе, более серьезное:

Джералд был чужеземец и в какой-то мере «пришлый», хотя и обосновался тут десять лет назад. О его семье никому ничего не было известно. Правда, плантаторы Центральной Джорджии не держались столь обособленно и замкнуто, как аристократы побережья, однако и здесь ни одна семья не пожелала бы выдать дочку замуж за человека, дед которого никому не был известен.

Джералд знал, что, несмотря на искреннее к нему расположение всех, кто с ним охотился, выпивал и толковал о политике, ни один из них не просватает за него свою дочь. А ему отнюдь не улыбалось, чтобы пошли слухи о том, что, дескать, такой-то или такой-то плантатор должен был, к своему прискорбию, отказать Джералду О'Хара, добивавшемуся руки его дочери. Но, понимая это, он вовсе не чувствовал себя униженным. Чтобы Джералд О'Хара признал кого-то в чем-то выше себя – такого еще не бывало да и быть не могло ни при каких обстоятельствах. Просто в этом графстве были свои чудные обычаи, согласно которым девушек выдавали замуж лишь за тех, чьи семьи прожили на Юге не каких-то двадцать два года, а много больше, владели землей, рабами и предавались только тем порокам, которые вошли здесь в моду в эти годы.

– Укладывай пожитки. Мы едем в Саванну, – сказал Джералд Порку, – И если там у тебя хоть раз сорвется с языка: «Язви его душу!» или «Дуй его горой!», я тут же продам тебя с торгов. Ты видишь, я сам воздерживаюсь, теперь от таких выражений.

Джеймс и Эндрю, думал Джералд, глядишь, что-нибудь да присоветуют ему по части женитьбы. Быть может, у кого-нибудь из их приятелей есть дочь на выданье, отвечающая его требованиям, и он составит подходящую для нее партию. Джеймс и Эндрю выслушали его терпеливо, но ничего утешительного предложить не сумели. Родственников, которые могли бы посодействовать сватовству, у них в Саванне не было, так как оба брата прибыли сюда уже женатыми людьми. Л дочери их друзей все успели выйти замуж и обзавестись детьми.

– Ты человек небогатый и незнатный, – сказал Джеймс.

– Кой-какое состояние я себе сделал и сумею прокормить большую семью. А на ком попало я и сам не женюсь.

– Хочешь высоко залететь? – сухо заметил Эндрю. Все же они сделали для Джералда что могли. Джеймс и Эндрю были уже в преклонных годах и на хорошем счету в Саванне. Друзей у них было много, и они целый месяц возили Джералда из дома в дома на ужины, на танцы, на пикники.

– Есть тут одна, – признался в конце концов Джералд. – Очень она мне приглянулась. Ее, признаться, еще на свете не было, когда я здесь причалил.

– Кто же эта особа?

– Мисс Эллин Робийяр, – с деланной небрежностью отвечал Джералд, ибо взгляд темных миндалевидных глаз этой девушки проник ему в самое сердце. Она очаровала его сразу, несмотря на странное, казалось бы, для пятнадцатилетней девушки отсутствие резвости и молчаливость. И была в ее лице какая-то затаенная боль, так разбередившая ему душу, что ни к одному живому существу на свете он еще не проявлял столь участливого внимания.

– Да ты же ей в отцы годишься!

– Ну и что, я еще мужчина хоть куда! – воскликнул чрезвычайно задетый этими словами Джералд. Джеймс спокойно разъяснил ему:

– Послушай, Джерри. Во всей Саванне не сыщется более неподходящей для тебя невесты. Ведь этот Робийяр, ее отец, – он француз, а они все гордые, как сатана. И ее мать – упокой, господи, ее душу – была очень важная дама.

– А мне наплевать, – сказал Джералд. – Мать ее, кстати, уже в могиле, а старику Робийяру я пришелся по душе.

– Как мужчина мужчине – может быть, но только не как зять.

– Да и девушка никогда за тебя не пойдет, – вмешался Эндрю. – Она вот уже год как сохнет по этому повесе, Филиппу Робийяру, ее кузену, хотя вся семья денно и ночью уговаривает ее перестать о нем думать.

– Он уже месяц как уехал в Луизиану, – сказал Джералд. – Как ты это узнал?

– Узнал, – коротко ответил Джералд, не желая признаваться, что источником этих ценных сведений был Пори, и умолчав также о том, что Филипп уехал лишь по настоянию родителей. – Не думаю, чтобы она так уж была в него влюблена – это у нее пройдет. Какая там может быть любовь в пятнадцать лет.

– Все равно они скорее согласятся выдать ее за этого головореза-кузена, чем за тебя.

Словом, Джеймс и Эндрю были поражены не менее всех других, когда стало известно, что дочь Пьера Робийяра выходит замуж за того маленького ирландца из Северной Джорджии. В домах Саванны шептались и судачили по адресу Филиппа Робийяра, отбывшего на Запад, но пересуды пересудами, а толком никто ничего не знал, и для всех оставалось загадкой, почему самая красивая из девочек Робийяр решилась выйти замуж за шумного краснолицего ирландца,

ростом едва-едва ей по плечо.

Да и сам Джералд не очень-то хорошо был осведомлен о том, как все это произошло. Он понимал одно: чудо все-таки свершилось. И впервые в жизни ощутил совершенно несвойственные ему робость и смирение, когда Эллин, очень бледная, очень спокойная, легко прикоснувшись рукой к его руке, произнесла:

– Я согласна стать вашей женой, мистер О’Хара. Пораженное как громом этой вестью, все семейство лишь отчасти прозревало истинную подоплеку случившегося, и только Мамушка знала о том, как Эллин, проплакав всю ночь навзрыд, словно ребенок, наутро с твердостью внезапно повзрослевшей женщины объявила о своем решении.

Исполненная мрачных предчувствий Мамушка передала ей в тот вечер небольшой сверток, присланный из Нового Орлеана, с адресом, написанным незнакомой рукой. Эллин развернула сверток, вскрикнула и выронила из рук медальон со своим портретом на эмали. К медальону были приложены четыре письма Эллин к ее кузену и краткое послание нью-орлеанского священника, извещавшее о смерти Филиппа Робийяра, последовавшей в результате драки в одном из городских баров. – Это они заставили его уехать – отец, Полин и Евлалия. Я ненавижу их. Всех ненавижу. Видеть их не могу. Я уеду отсюда. Уеду, чтобы никогда больше их не видеть! Уеду из этого города, где все будет вечно напоминать мне о... о нем!

Ночь уже близилась к рассвету, когда Мамушка, тоже проливавшая горячие слезы, глядя темноволосую головку хозяйки, сделала робкую попытку возразить: – Бог с вами, голубка! Негоже это!

– Я уже решила! Он хороший, добрый человек! Я выйду за него замуж или приму постриг в чарльстонском монастыре.

Именно эта угроза и вынудила в конце концов растерянного, убитого горем Пьера Робийяра дать согласие на брак. Для убежденного пресвитерианина, хотя и происходившего из католической семьи, брак дочери с Джералдом О’Хара представлялся все же менее страшным, чем принятие ею монашеского обета. Если не считать того, что жених – человек без роду без племени, во всем остальном он был не так уж плох.

И вот Эллин, теперь уже Эллин О’Хара, покинула Саванну, чтобы никогда сюда более не возвращаться, и в сопровождении своего немолодого мужа. Мамушки и двадцати слуг-негров прибыла в Тару.

На следующий год родился их первый ребенок, и они окрестили девочку Кэти-Скарлетт – в честь матери Джералда. Сам Джералд был слегка разочарован, ибо ждал наследника, но тем не менее появление на свет темноголовой малютки доставило ему такую радость, что он выставил бочку рома для всех рабов Тары, да и сам был шумно и безудержно пьян.

Если Эллин в какую-нибудь горькую минуту и пожалела о своем скоропалительном решении выйти замуж за Джералда, то никто, а тем более Джералд, никогда об этом не узнал. И Джералда прямо распирало от гордости, когда он глядел на свою жену. А Эллин навсегда вычеркнула из памяти маленький приморский городок вместе со всем, что было с ним связано, и, ступив на землю Северной Джорджии, обрела там новую родину.

В памяти остался величавый и горделивый, как плывущий под всеми парусами корабль, дом ее отца – изящное здание во французском колониальном стиле: мягкие, женственно округлые линии, бледно-розовые оштукатуренные стены, высокий портал, плавно сбегаящие вниз широкие ступени парадной лестницы, окаймленные тонким кружевом чугунных перил... Богатый, изысканный и надменный дом. Здесь, в Северной Джорджии, ее встретил суровый край и закаленные в лишениях люди. Вдали, куда бы ни устремляла она взор с плато, раскинувшегося у подножия Голубого хребта, повсюду были красноватые пологие холмы с массивными выходами гранита и высокие мрачные сосны. Дикой, неукротенной представлялась ей эта

природа после привычной для глаз мягкой красоты прибрежных островов, поросших серым мягким мхом и темно-зеленой чащей кустарников, после белых лент пляжей, прогретых лучами субтропического солнца, и просторных, плоских песчаных равнин, зеленеющих пальмами и молодой нежной порослью.

Здесь же вслед за жарким летом наступила студеная зима, а в людях бурлила невиданная энергия и сила. Они отличались легким и веселым нравом, были добры, великодушны, любезны и в то же время необычайно упрямы, вспыльчивы и жизнестойки. На побережье мужчины гордились умением не утрачивать самообладания и хороших манер в любых обстоятельствах – будь то поединок или кровная месть, – тогда как здесь все проявляли необузданность и склонность к бешеным выходкам. Жизнь на побережье была окрашена в мягкие, ровные тона. Здесь она бурлила – молодая, неукротенная, жадная.

Все, кого знала Эллин в Саванне, казалось, были отлиты по одному образцу, столь мало различались их взгляды и привычки, теперь же она столкнулась с разными, непохожими друг на друга людьми. Поселенцы Северной Джорджии перекочевали сюда из самых разных уголков земного шара – из Каролины и Виргинии, из Европы и с далекого Севера – и из других частей Джорджии. Некоторые из них, подобно Джералду, были ново-пришельцами, искателями счастья. Другие, подобно Эллин, принадлежали к старинным родам, дальние отпрыски которых, не удовлетворенные жизнью на родине, решили обрести рай на чужбине. А немало было и тех, кого занесло в эти края случайным ветром или пригнало извечное беспокойство, бурлившее в крови и унаследованное от отцов-пионеров. Весь этот разношерстный люд, с очень несхожим прошлым, вел весьма непринужденный образ жизни, лишенный каких-либо стеснительных правил, с чем Эллин так никогда и не смогла до конца свыкнуться. На побережье она интуитивно знала, как поведут себя люди в тех или иных обстоятельствах. Как поступят жители Северной Джорджии – предугадать было невозможно.

А Юг в те дни процветал, и это убыстряло темп жизни. Весь мир требовал хлопка, и девственная, плодородная земля графства рождала его в изобилии. Он был ее дыханием, биением ее сердца, его посевы и сборы – пульсацией крови в ее жилах. В бороздах, пахоты произрастало богатство, а вместе с ним – самонадеянность и спесь: они росли вместе с зелеными кустами и акрами пушистых белых коробочек. Если хлопок может принести богатство нынешнему поколению, как же приумножат его последующие!

Эта уверенность в завтрашнем дне порождала неумную жажду жизни, алчную тягу ко всем ее благам, и жители графства со страстью, изумлявшей Эллин, предавались радостям бытия. У них было уже достаточно денег и рабов, чтобы хватило времени и на развлечения, а развлекаться они любили. Дело всегда, по-видимому, можно было бросить ради охоты, рыбалки и скачек, и не проходило недели, чтобы кто-нибудь не устроил пикника или не закатил бала.

Эллин так и не сумела, вернее, не смогла до конца слиться с новой жизнью – слишком большая часть ее души осталась в Саванне, – но она отдавала должное этим людям, и со временем их открытость и прямота, свобода от многих условностей и умение ценить человека по его заслугам стали вызывать в ней уважение.

Сама же она заслужила любовь всех соседей в графстве: добрая, но бережливая хозяйка, отличная мать, преданная жена. Разбитое сердце и отказ от личного счастья, не приведя ее в монастырь, дали ей возможность целиком посвятить себя детям, дому и тому человеку, который увез ее из Саванны, увез от всех воспоминаний и ни разу не задал ни одного вопроса.

Когда Скарлетт – здоровой и чрезмерно озорной, по мнению Мамушки, девочке – пошел второй год, у Эллин снова родилась дочь, Сьюзен-Элино, сокращенно и навечно переименованная в Сьюлин, а затем настал черед и для Каррин, записанной в семейных святцах как Кэролайн-Айрин. После них один за другим на свет появились три мальчика, но все трое

умерли, еще не научившись ходить, и были похоронены на семейном кладбище в ста ярдах от дома, под сенью узловатых кедров, под тремя каменными плитами с одинаковой на всех трех надписью: «Джералд О'Хара, младший».

Многое изменилось в Таре с тех пор, как здесь впервые появилась Эллин. Пятнадцатилетняя девочка не убоилась ответственности, налагаемой на нее званием хозяйки большого поместья. По тогдашним понятиям, до брака от девушки требовалось прежде всего быть красивой, приятной в обхождении, иметь хорошие манеры и служить украшением любой гостиной. А вступив в брак, она должна была уметь вести хозяйство и управляться с сотней, а то и больше, черных и белых слуг. И Эллин, как всякая девушка из хорошей семьи, была воспитана в этих понятиях, а помимо того, при ней была Мамушка, умевшая вдохнуть энергию в самого непутевого из слуг. И Эллин быстро навела порядок в хозяйстве Джералда, придав поместью на диво элегантный и респектабельный вид.

Господский дом был построен без малейшего представления о каком-либо архитектурном замысле, а впоследствии к нему, по мере того как в этом возникала нужда, то там, то здесь делались новые пристройки. И все же, невзирая на это, усилиями Эллин дому был придан уютный вид, возместивший отсутствие гармонии. Тенистая темно-зеленая кедровая аллея, ведущая от дороги к дому, – обязательная принадлежность каждого плантаторского особняка в Джорджии, – создавала приятный для глаз контраст с яркой зеленью остальных деревьев, окружавших дом. Оплетавшая веранды глициния красиво выделялась на белой известке стен, а курчаво-розовые кусты мирта возле крыльца и белоснежные цветы магнолий в саду хорошо маскировали угловатые линии дома.

Весной и летом изумрудная зелень клевера и свинороя на газоне становилась слишком притягательной для индюков и белых гусей, коим надлежало держаться в отведенной для них части двора за домом. Предводители их стай то и дело, совершали украдкой набеги на запретную зону перед домом, привлекаемые не только зеленью газона, но и сочными бутонами жасмина и пестрыми цинниями цветочных клумб. Дабы воспрепятствовать их вторжению, на крыльце постоянно дежурил маленький черный страж с рваным полотенцем в руках. Сидящая на ступеньках несчастная фигура негритенка была неотъемлемой частью общей картины поместья – несчастен же он был потому, что ему строго-то настрого было наказано лишь отпугивать птиц, махая полотенцем, но ни под каким видом не стегать их.

Через руки Эллин прошли десятки маленьких черных мальчишек, которых она обучала этой нехитрой премудрости – первой ответственной обязанности, возлагавшейся на мужскую половину черной детворы в Таре. Потом, когда им исполнялось десять лет, их отдавали в обучение Папаше-сапожнику, или Эмосу – плотнику и колесных дел мастеру, или скотнику Филиппу, или погонщику мулов Каффи. Если мальчишка не проявлял способностей ни в одном из этих ремесел, его посылали работать в поле, и он в глазах негров-слуг терял всякое право на привилегированное положение и Попадал в разряд обыкновенных рабов. Никто не назвал бы жизнь Эллин легкой или счастливой, но легкой жизни она и не ждала, а если на ее долю не выпало счастья, то таков, казалось ей, женский удел. Мир принадлежал мужчинам, и она принимала его таким, собственность принадлежала мужчине, а женщине – обязанность ею управлять. Честь прослыть рачительным хозяином доставалась мужчине, а женщине полагалось преклоняться перед его умом. Мужчина ревел как бык, если загонял себе под коготь занозу, а женщина, рожая, должна была глушить в груди стоны, дабы не потревожить покоя мужа. Мужчины были несдержанны на язык и нередко пьяны. Женщины пропускали мимо ушей грубые слова и не позволяли себе укоров, укладывая пьяного мужа в постель. Мужчины, не стесняясь в выражениях, могли изливать на жен свое недовольство, женщинам полагалось быть терпеливыми, добрыми и снисходительными.

Полученное Эллин светское воспитание требовало, чтобы женщина среди всех тягот и забот не теряла женственности, и Эллин хотелось воспитать трех своих дочерей настоящими леди. Со средней дочерью она легко добивалась успеха, ибо Сьюлин так хотелось всем нравиться, что она с величайшей готовностью внимала материнским наставлениям, а младшая, Кэррин, была кротка и послушна от природы. Но Скарлетт, плоть от плоти своего отца, усваивала светские манеры с большим трудом.

К вящему негодованию Мамушки, Скарлетт предпочитала играть не со своими тихими сестричками и не с благовоспитанными барышнями Уилкс, а с черными ребятишками с плантации и с соседскими, мальчишками, не уступая им в искусстве лазать по деревьям или швырять камнями. Мамушка была не на шутку обескуражена, видя, как у дочери Эллин проявляются такие замашки, и то и дело старалась внушить Скарлетт, что она должна вести себя «как маленькая леди». Однако Эллин оказалась в этом вопросе более терпимой и дальновидной. Она считала, что всему своя пора, товарищи детских игр превратятся со временем в юношей и кавалеров, и Скарлетт поймет, что главная жизненная задача каждой девушки – выйти замуж. Скарлетт просто очень живой ребенок, говорила себе Эллин, она еще успеет постичь науку быть привлекательной для мужчин.

И Скарлетт превзошла все ожидания в достижении той цели, к которой были направлены совместные усилия Эллин и Мамушки. Подрастая, она постигала вышеупомянутую науку в совершенстве, хотя и не слишком преуспевала во всех остальных. Гувернантки менялись одна за другой, после чего Скарлетт на два года была заточена в стенах частного пансиона для молодых девиц в Фейетвилле, и если полученные ею знания были несколько хаотичны, то танцевала она бесспорно лучше всех девушек графства. И она знала цену своей улыбке и игре ямочек на щеках, умела пройтись на цыпочках так, чтобы кринолин соблазнительно заколыхался, и, поглядев в лицо мужчине, быстро опустить затрепетавшие ресницы, как бы невольно выдавая охватившее ее волнение. – А превыше всего познала она искусство таить от мужчин острый и наблюдательный ум, маскируя его невинно-простодушным, как у ребенка, выражением лица.

Мягкие наставления Эллин и неустанные укоры Мамушки сделали все же свое дело, внедрив в нее некоторые качества, безусловно ценные в будущей супруге.

– Ты должна быть мягче, скромнее, моя дорогая, – говорила Эллин дочери, – Нельзя вмешиваться в разговор джентльменов, даже если знаешь, что они не правы и ты лучше, осведомлена, чем они. Джентльмены не любят чересчур самостоятельно мыслящих женщин.

– Попомните мое слово: барышни, которые все хмурятся да задирают нос – «Нет, не хочу!» да «Нет, не желаю!» – всегда засиживаются в старых девах, – мрачно пророчествовала Мамушка. – Молодые леди должны опускать глаза и говорить: «Конечно, сэр, да, сэр, как вы скажете, сэр!» Они старались сделать из нее по-настоящему благородную даму, на Скарлетт усваивала лишь внешнюю сторону преподаваемых ей уроков. Внутреннее благородство, коим должна подкрепляться внешняя благопристойность, оставалось для нее недостижимым, да она и не видела нужды его достигать. Достаточно было научиться производить нужное впечатление – воплощенной женственности и хороших манер, – ведь этим завоевывалась популярность, а ни к чему другому Скарлетт и не стремилась. Джералд хвастливо утверждал, что она – первая красавица в пяти графствах, и, надо сказать, утверждал не без оснований, ибо ей уже сделали предложение руки и сердца почти все молодые люди из соседних поместий, а помимо них и кое-кто еще из таких отдаленных городов, как Атланта и Саванна.

К шестнадцати годам Скарлетт, следуя наставлениям Эллин и Мамушки, приобрела репутацию очаровательного, кроткого, беспечного создания, будучи в действительности своенравна, тщеславна и крайне упряма. От своего отца-ирландца она унаследовала горячий, вспыльчивый нрав и от своей великодушной и самоотверженной матери – ничего, кроме

внешнего лоска. Эллин никогда не догадывалась о том, в какой мере кротость дочери была показной, ибо в отношениях с матерью Скарлетт всегда проявляла себя с лучшей стороны: она ловко скрывала от Эллин кое-какие выходки и умела обуздать свой нрав и казаться воплощением кротости, ибо одного укоряющего взгляда матери было достаточно, чтобы пристыдить ее до слез.

И только Мамушка не питала особых иллюзий насчет своей питомицы и была всегда начеку, зная, что природа может взять верх над притворством. Глаз Мамушки был куда более зорок, чем глаза Эллин, и Скарлетт не могла припомнить, чтобы ей хоть раз удалось всерьез ее одурачить.

Само собой разумеется, обе строгие наставницы вовсе не сокрушались по поводу того, что Скарлетт очаровательна и жизнь в ней бьет ключом. Этими качествами женщины-южанки привыкли даже гордиться. Упрямство и своеволие Скарлетт, унаследованные от Джералда, – вот что повергло Эллин и Мамушку в смущение: а ну, как не удастся скрыть от посторонних глаз эти ужасные пороки и они помешают ей сделать хорошую партию! Но Скарлетт, твердо решив про себя, что выйдет замуж за Эшли, и только за Эшли, готова была всегда казаться скромной, уступчивой и беспечной, раз эти качества столь привлекательны в глазах мужчин. Что мужчины находят в них ценного, она не понимала. Знала одно: это способ проверенный и оправдывает себя. Вдумываться в причину этого ей не хотелось, ибо у нее никогда не возникало потребности разобраться во внутренних движениях чьей-то или хотя бы собственной души. Она просто знала: если она поступит так-то и так-то или скажет то-то и то-то, мужчины неминуемо отзовутся на это таким-то или таким-то весьма для нее лестным образом. Это было как решение простенькой арифметической задачи, а арифметика была единственной наукой, которая еще в школьные годы давалась Скарлетт без труда.

И если оно не очень-то разбиралась в душах мужчин, то еще того меньше – в душах женщин, ибо они и интересовали ее куда меньше. У нее никогда не было закадычной подружки, но она никогда от этого не страдала. Все женщины, включая собственных сестер, были для нее потенциальными врагами, ибо все охотились на одну и ту же дичь – все стремились поймать в свои сети мужчину.

Все женщины. Единственным исключением являлась ее мать.

Эллин О'Хара была не такая, как все. Она казалась Скарлетт почти святой, стоявшей особняком от всего человечества. Когда Скарлетт была ребенком, мать часто представлялась ей в образе пресвятой Девы Марии, но и подрастая, она не захотела отказаться от этого представления. Только Эллин и небеса могли дать ей ощущение незыблемости ее мира. Для Скарлетт мать была воплощением правды, справедливости, нежности, любви и глубочайшей мудрости. И она была настоящая леди.

Скарлетт очень хотелось быть похожей на мать. Беда заключалась лишь в том, что, оставаясь всегда правдивой, честной, справедливой, любящей и готовой на самопожертвование, невозможно наслаждаться всеми радостями жизни и наверняка упустишь очень многое, в первую очередь – поклонников. А жизнь так коротка. Она еще успеет потом, когда выйдет замуж за Эшли, и состарится, и у нее будет много свободного времени, стать такой, как Эллин. А пока что...

В этот вечер за ужином Скарлетт машинально исполняла роль хозяйки, заменяя отсутствующую мать, но мысли ее неотступно возвращались к страшной вести о браке Эшли и Мелани. В отчаянии она молила бога, чтобы Эллин поскорее возвратилась от Слэттери: без нее она чувствовала себя совсем потерянной и одинокой. Что за свинство со стороны этих Слэттери вечно навязываться Эллин со своими нескончаемыми болезнями; в то время как она так нужна ей самой!

На протяжении всего этого унылого ужина громкий голос Джералда бил в ее барабанные перепалки, и минутами ей казалось, что она этого не выдержит. Недавний разговор с дочерью уже вылетел у Джералда из головы, и он теперь произносил длинный монолог о последних сообщениях, поступивших из форта Самтер, подкрепляя свои слова взмахом руки и ударом кулака по столу. У Джералда вошло в привычку разглагольствовать при всеобщем молчании за столом, и обычно Скарлетт, погруженная в свои мысли, попросту его не слушала. Но сегодня, напряженно ожидая, когда наконец подкатит к крыльцу коляска с Эллин, она не могла отгородиться от звуков этого громкого голоса.

Конечно, она не собиралась открывать матери, какая тяжесть лежит у нее на сердце. Ведь Эллин пришла бы в ужас, узнай она, что ее дочь убивается по человеку, помолвленному с другой: ее огорчение было бы беспредельным. Но Скарлетт просто хотелось, чтобы в эти минуты ее первого большого горя мать была рядом. Возле матери она всегда чувствовала себя как-то надежней: любая беда была не так страшна, когда Эллин рядом.

Заслышав стук копыт на аллее, она вскочила, но тут же снова опустилась на стул; коляска завернула за угол, к заднему крыльцу. Значит, это не Эллин – она бы поднялась по парадной лестнице. С окутанного мраком двора донесся нестройный гомон взволнованных негритянских голосов и залиvistый смех. Бросив взгляд в окно, Скарлетт увидела Порка, который только что покинул столовую: он держал в руке смолистый факел, а из повозки спускались на землю какие-то неразличимые в темноте фигуры. Мягкие, гортанные и звонкие, мелодичные голоса долетали из мрака, сливаясь в радостный, беззаботный гомон. Затем на заднем крыльце и в коридоре, ведущем в холл, послышался шум шагов. Шаги замерли за дверью столовой. С минуту оттуда доносилось перешептывание, после чего на Пороге появился Порк: глаза его округлились от радостного волнения, зубы сверкали, он даже позабыл принять свою величественную осанку.

– Мистер Джералд! – провозгласил он, с трудом переводя дыхание от распиравшей его гордости. – Ваша новая служанка прибыла!

– Новая служанка? Я не покупал никаких служанок! – отвечал Джералд, уставя притворно гневный взгляд на своего лакея.

– Да, да, сэр, мистер Джералд, купили! Да, сэр! И она там, за дверью, и очень хочет поговорить с вами! – Порк хихикнул и хрустнул пальцами от волнения.

– Ладно, тащи сюда свою женушку, – сказал Джералд, и Порк, обернувшись, поманил жену, только что прибывшую из Двенадцати Дубов, чтобы стать принадлежностью Тары. Она вступила в столовую, а следом за ней, прижимаясь к матери, полускрытая ее накрахмаленными ситцевыми юбками, появилась двенадцатилетняя дочь.

Дилси была высокая женщина, державшаяся очень прямо. Определить ее возраст было невозможно – тридцать лет, шестьдесят? На спокойном бронзовом лице не было ни морщинки. Перевес индейской крови над негритянской сразу бросался в глаза. Красноватый оттенок кожи, высокий, сдавленный у висков лоб, широкие скулы и нос с горбинкой, неожиданно расплюснутый книзу, над толстыми негроидными губами, ясно указывали на смешение двух

рас. Держалась Дилси уверенно и с таким чувством собственного достоинства, до которого далеко было даже Мамушке, ибо у Мамушки оно было благоприобретенным, а у Дилси – в крови.

И она не так коверкала слова, как большинство негров, речь ее была правильнее.

– Добрый вечер вам, мисс, и вам, мисс. И вам, мистер Джералд. Извините за беспокойство, да уж больно мне хотелось поблагодарить вас, что вы купили меня и мою дочку. Меня-то кто хошь купит, а вот чтоб Присси, чтоб мне не тосковать по ней, – таких нет, и я благодарствую вас. Уж я буду стараться служить вам и никогда не позабуду, что вы для меня сделали.

– Хм-хм... – Джералд откашлялся и пробормотал что-то невнятное, чрезвычайно смущенный тем, что его так явно уличили в содеянном добре.

Дилси повернулась к Скарлетт, и затаенная улыбка собрала морщинки в уголках ее глаз.

– Мисс Скарлетт, Порк сказывал мне, как вы просили мистера Джералда купить меня. И я хочу отдать вам мою Присси в служанки.

Пошарив позади себя рукой, она вытолкнула вперед дочь – маленькое коричневое создание с тоненькими птичьими ножками и бесчисленным множеством торчащих в разные стороны косичек, аккуратно перевязанных веревочками. У девочки был умный наблюдательный взгляд, зорко подмечавший все вокруг, в тщательно усвоенное глуповатое выражение лица.

– Спасибо, Дилси, – сказала Скарлетт, – но боюсь. Мамушка станет возражать. Ведь она мне прислуживает с того дня, как я появилась на свет.

– Мамушка-то уж совсем старенькая, – невозмутимо возразила Дилси с такой уверенностью, которая несомненно привела бы Мамушку в ярость. – Она – хорошая няня, да только ведь вы-то теперь уже леди и вам нужна умелая горничная, а моя Присси целый год прислуживала мисс Индии. Она и шить может, и не хуже всякой взрослой вас причешет.

Дилси подтолкнула дочь; Присси присела и широко улыбнулась Скарлетт, и та невольно улыбнулась в ответ.

«Шустрая девчонка», – подумала Скарлетт и сказала:

– Ладно, Дилси, спасибо, когда мама вернется, я поговорю с ней.

– И вам спасибо, мэ. Пожелаю вам спокойной ночи, – сказала Дилси и покинула столовую вместе с дочкой, а Порк поспешил за ними. Со стола убрали, и Джералд снова принялся ораторствовать, без всякого, впрочем, успеха у своей аудитории и потому без особого удовольствия для себя. Его грозные предсказания близкой войны и риторические возгласы: «Доколе же Юг будет сносить наглость янки!» – порождали у скучающих слушательниц лишь односложные: «Да, папа» и «Нет, папа». Кэррин, сидя на подушке, брошенной на пол под большой лампой, была погружена в романтическую историю некой девицы, постригшейся в монахини после смерти своего возлюбленного: слезы восторга приятно щекотали ей глаза, и она упоенно воображала себя в белом монашеском чепце. Сьюлин что-то вышивала – «для своего приданого», как она объяснила, стыдливо хихикнув, – и прикидывала в уме, удастся ли ей на завтрашнем барбекю отбить Стюарта Тарлтона у Скарлетт, очаровав его своей женственной мягкостью и кротостью, которыми Скарлетт не обладала. А Скарлетт была в смятении чувств из-за Эшли.

Как может папа без конца толковать о форте Самтер и об этих янки, когда у нее сердце рвется на части и он это знает? Будучи еще очень юной, она находила непостижимым, что люди могут быть так эгоистично равнодушны к ее страданиям и в мире все продолжает идти своим путем, в то время как ее сердце разбито.

В душе ее бушевала буря, а все вокруг выглядело таким спокойным, таким безмятежным, и это казалось ей странным. Тяжелый буфет и стол красного дерева, массивное серебро, пестрые лоскутные ковры на натертом до блеска полу – все оставалось ни своих местах, словно ничего не

произошло. Это была уютная, располагающая к дружеской беседе комната, и обычно Скарлетт любила тихие вечерние часы, которые семья проводила здесь после ужина, но сегодня вид этой комнаты стал ей ненавистен, и если бы не страх перед резким окриком отца, она выскользнула бы за дверь и, стремительно прокравшись через темный холл, наплакалась бы вволю на старой софе в маленьком кабинетике Эллин.

Это была самая любимая комната Скарлетт. Здесь Эллин каждое утро сидела за высоким секретером, проверяя счета и выслушивая доклады Джонаса Уилкерсона, управляющего именем. Здесь нередко собиралось и все семейство: Эллин что-то записывала в тяжелые гроссбухи, Джералд дремал в старой качалке, дочки примостились на продавленных подушках софы, тоже уже слишком ветхой, чтобы украшать собой парадные покои. И Скарлетт сейчас хотелось только одного: остаться там вдвоем с Эллин и выплакаться, уткнувшись головой ей в колени. Когда же наконец вернется мама?

Но вот на аллее заскрипел гравий под колесами и негромкий голос Эллин, отпускаящей кучера, донесся в столовую. Взгляды всех устремились к двери. Шурша кринолином, она быстро вошла в комнату – лицо ее было усталым и грустным. Повяло легким ароматом вербены, навечно, казалось, угнездившимся в складках ее платья, – ароматом, который для Скарлетт был неотторжим от образа матери. Мамушка – хмурая, с недовольно выпяченной нижней губой и кожаной сумкой в руках – следовала за хозяйкой чуть поодаль. Она что-то нечленораздельно бормотала себе под нос – достаточно тихо, чтобы нельзя было разобрать слов, и достаточно громко, чтобы ее неодобрение не осталось незамеченным.

– Извините, что задержалась, – сказала Эллин, сбрасывая шотландскую шаль со своих усталых плеч на руки Скарлетт, и, проходя, погладила дочь по щеке.

При появлении жены лицо Джералда мгновенно просияло.

– Ну что – окрестили это отродье? – спросил он.

– Да, окрестили бедняжку и оплакали, – сказала Эллин. – Я боялась, что Эмми тоже отдаст богу душу, но, мне кажется, она оправится.

Дочери обратили к ней исполненные любопытства вопрошающие взгляды, а Джералд философски покачал головой:

– Ну, может, это и к лучшему, что он помер, несчастный ублю...

– Ой, как поздно! Пора прочесть молитву, – как бы невзначай перебила его Эллин, и если бы Скарлетт хуже знала мать, она бы даже не заподозрила, что Эллин перебила Джералда намеренно.

А было бы все же любопытно узнать, кто отец ребенка Эмми Слэттери, но Скарлетт понимала, что у матери про это не дознаешься. Сама Скарлетт подозревала, что это Джонас Уилкерсон – она не раз видела, как он прогуливался по вечерам с Эмми. Джонас был янки и холостяк, а должность управляющего, которую он занимал, отрезала ему все пути в дома богатых плантаторов. Он не мог бы посвататься ни к одной из их дочерей и был лишен возможности водить компанию с кем-либо, кроме таких бедняков, как Слэттери, и им подобных отщепенцев. Вместе с тем по своему образованию он был на голову выше этих Слэттери, и Скарлетт казалось вполне естественным, что он и не подумает жениться на Эмми, хотя частенько гулял с ней в сумерках..

Скарлетт вздохнула – любопытство ее было задето. На глазах у ее матери происходило многое, но она этого как бы не замечала. Эллин умела проходить мимо всего, что противоречило ее понятиям о благопристойности, и старалась научить этому и Скарлетт – впрочем, без особого успеха.

Эллин шагнула к камину, где в маленькой инкрустированной шкатулке, стоявшей на полке, хранились ее четки, во решительный голос Мамушки заставил ее остановиться:

– Миссис Эллин, вам бы надо поесть хоть малость, прежде чем читать молитву.

– Спасибо, Мамушка, я не голодна.

– Я сейчас подам вам ужин, и чтоб вы поели, – с хмурым упрямством заявила Мамушка и возмущенно зашагала на кухню. – Порк! – крикнула она, – Скажи кухарке, чтобы развела огонь. Мисс Эллин вернулась.

В холле закрипели половицы под тяжелой ступней, и до ушей сидевших в столовой донеслось бормотание, звучавшее все явственней по мере того, как Мамушка удалялась:

– Твердишь, твердишь – все понапрасну... Не стоят они того, чтобы так для них стараться. Никчемный, неблагодарный народ, хуже нет во всем графстве, чем эта белая рвань. И нечего мисс Эллин утруждать себя. Будь у них голова на плечах, имели бы, как другие, своих ниггеров. Да разве ей втолкуешь...

Воркотня замерла, когда Мамушка скрылась с глаз в крытой галерее, соединявшей холл с кухней. У старой служанки был особый способ доводить до сведения господ свою точку зрения по тому или иному вопросу. Она знала, что достоинство не позволяет белым господам обращать хоть малейшее внимание на воркотню черных слуг, и чтобы не уронить своего достоинства, они должны делать вид, будто ничего не слышат, как бы громко она ни разворчалась, едва ступив за порог. Это спасало ее от возможности получить нагоняй и в то же время позволяло вполне недвусмысленно высказывать свое мнение.

Вошел Порк с тарелками, прибором и салфеткой. Следом за ним, застегивая на ходу белую полотняную куртку, спешил Джек, маленький десятилетний негритенок. Он держал в руке самодельное орудие для отпугивания мух в виде тонкой жерди длиной в два его роста, с привязанными к ней узкими подосками газетной бумаги. У Эллин имелось очень красивое опахало из павлиньих перьев, но им пользовались лишь в особо торжественных случаях, и то лишь после небольшой домашней междоусобицы, ибо Порк, кухарка и Мамушка считали, что перья павлина приносят несчастье.

Эллин опустила на стул, который поспешил пододвинуть ей Джералд, и четыре голоса атаковали ее разом:

– Мама, у меня на бальном платье отпоролись кружева, а я хотела надеть его завтра, когда мы поедем в Двенадцать Дубов. Может быть, ты починишь?

– Мама, новое платье Скарлетт гораздо красивее моего, и вообще я выгляжу ужасно в розовом. Почему бы ей не надеть мое розовое, а я надену ее зеленое. Ей розовый цвет к лицу.

– Мама, можно, я завтра тоже останусь на танцы? Мне ведь уже тринадцать...

– Ну, доложу я вам, миссис О'Хара... Тише вы, трещотки, пока я не надрал вам уши!.. Кэйд Калверт был сегодня утром в Атланте... Вы дадите мне слово сказать или нет?.. И говорит, что все там в страшном волнении и только и разговору что о войне, военных учениях и формировании войсковых частей. И вроде бы, если верить слухам, в Чарльстоне решили не давать больше спуска янки.

Эллин устало улыбнулась, слушая эту разноголосицу, и, как подобает почтительной супруге, первому ответила Джералду.

– Если наиболее достойные люди Чарльстона придерживаются такого мнения, то я полагаю, что и мы не заставим себя ждать и присоединимся к ним, – сказала она, ибо была воспитана в убеждении, что, за исключением Саванны, самая лучшая и самая родовитая часть населения континента сосредоточена в этом маленьком портовом городке, и убеждение это, кстати сказать, полностью разделялось самими чарльстонцами.

– Нет, Кэррин, пока нельзя, моя дорогая. В будущем году ты будешь носить длинные платья и танцевать на балах, и эти розовые щечки еще ярче разругаются от удовольствия. Ну, не надувай губок, детка! Ты же можешь поехать на барбекю и даже остаться на ужин, понимаешь?

Но никаких балов, пока тебе не сравнялось четырнадцать.

– Принеси мне твоё платье, Скарлетт. Я пришью кружева, когда мы встанем из-за стола.

– Мне не нравится твой тон, Сьюлин. Твоё розовое платье очень красиво, и цвет этот ничуть не меньше идет тебе, чем зелёный – Скарлетт. Но я разрешаю тебе надеть завтра моё гранатовое колье.

Сьюлин за спиной матери торжествующе показала Скарлетт нос, ибо та собиралась выпросить колье для себя. Скарлетт в ответ высунула язык. Сьюлин страшно злила Скарлетт своим постоянным хныканьем и эгоизмом и не раз получала бы от Скарлетт затрепину, не будь умиротворяющая рука Эллин всегда начеку.

– А теперь, мистер О'Хара, я хотела бы узнать подробнее, что, по словам мистера Калверта, происходит в Чарльстоне, – сказала Эллин.

Скарлетт прекрасно понимала, что мать нисколько не интересуется ни войной, ни политикой, считая их чисто мужским делом, в которое ни одна умная женщина не должна совать нос. Но Джералд любил порассуждать на эти темы, а Эллин была неизменно внимательна к мужу и готова сделать ему приятное, и Пока Джералд выкладывал свои новости. Мамушка поставила перед хозяйкой прибор, подала золотистые гренки, грудку жареного цыпленка и желтый ямс, от которого поднимался в воздух пар, а из разреза капало растопленное масло. Мамушка ущипнула Джека, и он поспешно принялся за дело – бумажные ленты медленно поплыли вверх и вниз за спиной Эллин. Мамушка стояла: возле хозяйки, пристально следя за каждым подцепленным на вилку и отправленным в рот куском, словно вознамерившись силой своего взгляда пропихнуть еду в пищевод, если Эллин вздумает отлынивать. Эллин прилежно поглощала пищу, но Скарлетт видела, что мать от усталости даже не замечает, что она ест. И только непреклонное выражение лица Мамушки заставляло ее не бросать вилку.

Но вот с едой было покончено, и хотя Джералд еще не перестал громить этих жуликов-янки, требующих освобождения негров и не желающих ни единого пенни заплатить за их свободу, Эллин поднялась из-за стола.

– Будем читать молитву? – без особого энтузиазма спросил Джералд.

– Да, час поздний. Уже десять бьет. – Часы, немного похрипев, пробили десять, – Кэррин давно пора в постель. Порк, пожалуйста, лампу пониже. Мамушка, мой молитвенник.

Повинуясь сердитому шепоту Мамушки, Джек поставил свое опахало в угол и принялся убирать посуду, а Мамушка извлекла из ящика буфета старенький молитвенник Эллин. Порк, став на цыпочки, немного отпустил цепочку лампы, чтобы свет переместился с потолка на стол. Эллин, расправив юбку, опустилась на колени, положила раскрытый молитвенник на край стола, и сложенные для молитвы руки ее легли поверх молитвенника. Джералд стал на колени рядом с ней, а Скарлетт и Сьюлин заняли свои места по другую сторону стола, подоткнув пышные юбки под колени, чтобы не так больно было стоять на твердом полу. Кэррин из-за ее маленького роста трудно было дотягиваться до стола, и она стала на колени возле стула, положив руки на сиденье. Эта поза вполне ее устраивала, давая возможность незаметно для материнского глаза вздремнуть во время чтения молитвы.

Шелест и шорохи в холле возвестили о том, что слуги преклонили колени за раскрытыми дверями столовой. Слышно было, как Мамушка громко кряхтит, опускаясь на колени. Порк, и коленопреклоненный, держался прямо, словно шест проглотил: горничные Роза и Тина опустились на колени очень грациозно, широко раскинув по полу пестрые ситцевые юбки. Лицо кухарки под белоснежной повязкой казалось еще более темным и худым.

Джек, у которого уже слипались глаза, все же нашел в себе достаточно соображения, чтобы устроиться подальше от Мамушкиных щипков. Черные глаза слуг выжидательно блестели, так как ежевечерняя молитва вместе с белыми господами всегда была для них главным событием

дня. Древние образы литании с их восточной красочностью оставались для них малопонятными, но они задевали какие-то струны в их душе, заставляя покачиваться в такт, когда они повторяли следом за Эллин: «Помилуй нас, господи!», «Боже, милостив буди к нам, грешным!» Эллин, закрыв глаза, читала молитву. Голос ее то креп, то замирал, убаюкивая, утешая. В желтом кругу света видны были склоненные головы, когда она произносила благодарственные слова за благополучие своего дома, семьи, слуг. Помолвившись за всех обитателей Тары, за своего отца, мать, сестер, трех своих покойных младенцев и за всех «страдальцев доли земной», Эллин, перебирая в длинных пальцах белые четки, начала читать молитву божьей матери – и словно шелест ветра пронесся по комнате, когда губы белых и черных зашевелились, повторяя следом за ней:

– Пресвятая Дева Мария, моли бога за нас, грешных, и ныне и присно и во веки веков. И как всегда в эти минуты, Скарлетт почувствовала, что к ней приходит успокоение, хотя невыплаканные слезы еще жгли ей глаза. Горечь пережитого разочарования и страх перед завтрашним днем отступили, дав место надежде. Но губы ее лишь машинально повторяли слова молитвы, и не вера в бога принесла ей облегчение, а торжественно-спокойное лицо матери и ее взор, обращенный к престолу господя, испрашивающий благословения всем дорогим для нее существам. Скарлетт была твердо убеждена, что небеса не могут оставаться глухи к мольбе Эллин, когда она прибегает к ним за помощью.

Голос Эллин умолк, и настала очередь Джералда, а поскольку он никогда не успевал вовремя найти свои четки, то ему пришлось, читая молитву, украдкой загибать пальцы. Под его монотонное, чтение Скарлетт невольно отвлеклась, хотя она знала, что ей сейчас надлежит, как учила ее Эллин, углубиться в себя, допросить свою совесть, вспомнить все проступки, совершенные за день, раскаяться в них и испросить у бога прощения, дабы он даровал ей силы никогда их больше не повторять. Но сердце Скарлетт брало верх над ее совестью.

Уронив голову на скрещенные на столе руки, чтобы мать не могла видеть ее лица, она устремилась своими печальными мыслями к Эшли. Как может он думать о женитьбе на Мелани, когда на самом-то деле любит ее, Скарлетт? И знает, что и она любит его. Как может он по собственной воле делать ее несчастной? И тут внезапно совершенно новая, ослепительная мысль сверкнула в ее мозгу:

«Да ведь Эшли и не подозревает, что я влюблена в него!» Эта мысль так поразила ее, что она едва не вскрикнула от неожиданности. На мгновение ее мозг словно застыл, а затем заработал с лихорадочной быстротой.

«Откуда ему знать? Я всегда держалась с ним такой недотрогой, изображала из себя такую кисейную барышню... Он, верно, думает, что я не питаю к нему ничего, кроме дружеских чувств. Ну, ясно! Поэтому он и не признался мне до сих пор! Он думает, что его любовь безответна. Вот почему он так странно смотрит на меня порой...» Ей сразу вспомнилось. Как она не раз ловила на себе этот взгляд, когда в серых глазах Эшли, таких непроницаемых обычно, ей вдруг словно бы открывалось что-то, и она, казалось, читала в них безнадежность и боль.

«Он убивается по мне, думает, что я увлечена Брентом, или, может, Стюартом, или Кэйдом. И наверно, решил, что раз я все равно ему не достанусь, почему бы не пойти навстречу желанию семьи и не жениться на Мелани. А знай он, что я люблю его...» И воскресшая душа ее, только что погруженная в бездну отчаяния, воспарила на вершину блаженства. Вот и решение этой загадки – почему Эшли так странно ведет себя, почему он молчит! Он ни о чем не догадывается! Тщеславие подхлестнуло желание поверить в то, во что так хотелось верить, желание поверить превратилось в уверенность. Знай Эшли, что она любит его, он был бы у ее ног. Ей нужно только...

«Ах! – подумала она, сжимая пальцами пылающий лоб. – Какая же я была идиотка, как не

подумала об этом! Надо найти какой-то способ открыть ему глаза. Он не женится на ней, если узнает, что я люблю его! Никогда не женится!» Внезапно она опомнилась, заметив, что Джералд кончил читать молитву и мать смотрит на нее. Перебирая четки, она стала произносить привычные слова, но в голосе ее звучало такое глубокое волнение, что Мамушка от удивления открыла глаза и бросила на нее испытующий взгляд. За ней прочитала молитву Сьюлин, затем Кэррин, но Скарлетт, окрыленная сделанным ею открытием, все еще парила мыслями в облаках...

Конечно, и сейчас еще не поздно! Бывали ведь случаи, когда графство потрясала весть о том, что жених (а иной раз невеста) бежали с кем-то прямо из-под венца. А помолвка Эшли пока даже не была объявлена! О нет, еще не поздно!

Если Эшли связан с Мелани не любовными узами, а всего лишь словом, данным бог весть когда, что может помешать ему взять свое слово обратно и жениться на ней, на Скарлетт? Конечно, Эшли так бы и поступил, знай он, что она его любит. Значит, надо, чтобы он об этом узнал. Она должна найти способ открыть ему глаза! А тогда...

Перестав повторять респонсорий [note 2](#), Скарлетт была сброшена с облаков на землю укоряющим взором матери. Спихотившись, она начала произносить молитвенные слова, украдкой оглядывая комнату. Коленопреклоненные фигуры в мягком свете лампы, покачивающиеся тени в глубине, там, где стояли негры, все знакомые предметы, вызывавшие в ней глухое раздражение час назад, теперь окрасились в радужные тона ее возрожденных надежд, и комната снова показалась ей привлекательной и уютной. Это мгновение, вся эта сцена навсегда останутся в ее памяти!

– Матерь божия, – нараспев произносила Элин слова молитвы, и, вторя ее мягкому контральто, Скарлетт послушно подхватывала:

– Моли бога о нас.

С самого раннего детства для Скарлетт это были минуты поклонения не столько божьей матери, сколько Элин, которую она обожествляла. Повторяя древние слова Священного писания, Скарлетт кощунственно видела перед собой сквозь смеженные веки не образ Девы Марии, а обращенное к небесам лицо Элин, и слова эти – «Исцеление болящих», «Грешников прибежище», «Престол мудрости», «Врата вечного блаженства» – казались ей прекрасными, ибо они сливались для нее с образом матери. Но в этот вечер в приглушенных голосах, в повторяемых шепотом словах респонсория ее взволнованной душе открылась какая-то новая, необычная красота. И она от всего сердца возблагодарила господина за то, что он указал ей путь из глубины отчаяния... прямо в объятия Эшли.

Прозвучало последнее «аминь», и все – кое-кто с трудом, Мамушка – с помощью Тины и Розы, – поднялись, с колеи. Порк взял с каминной полки длинный жгут из бумаги, зажег его от лампы и вышел в холл. Там, напротив полукружия лестницы, стоял огромный, не поместившийся в столовой буфет орехового дерева, а на его широкой доске вытянулись в ряд несколько ламп и с десятков свечей в подсвечниках. Порк зажег лампу и три свечи и с важным видом первого камергера двора, провожающего королевскую чету в опочивальню, начал подниматься по лестнице, держа лампу высоко над головой. Элин под руку с Джералдом следовала за ним, а девочки – каждая со свечой в руке – замыкали шествие.

Скарлетт вошла к себе в спальню, поставила свечу на высокий комод и принялась шарить в платяном шкафу, разыскивая нуждавшееся в починке бальное платье. Перекинув его через руку, она по галерее, окружавшей холл, направилась к спальне родителей. Дверь в спальню была приотворена, и прежде, чем Скарлетт успела постучать, до нее долетел тихий, но твердый голос Элин:

– Мистер О'Хара, вы должны рассчитать Джонаса Уилкерсона.

Джералд мгновенно вскипел:

– А где прикажете мне достать другого управляющего, который не обирал бы меня до последней нитки?

– Он должен быть уволен немедленно, завтра же утром. Большой Сэм хороший надсмотрщик и может заменить Джонаса, пока вы не наймете другого управляющего.

– А, вот оно что! Понятно, Уважаемый Джонас дабрюхатил...

– Его надо уволить.

«Так, значит, это он – отец ребенка Эмми Слэттери, – подумала Скарлетт. – Прекрасно. Чего еще можно ожидать от янки и от девчонки из такой семьи, как эта белая рвань!» Скромно выждав за дверью, чтобы дать Джералду время утихомириться, Скарлетт постучалась, вошла и протянула матери платье.

Пока Скарлетт раздевалась и, задув свечу, укладывалась в постель, в голове ее уже полностью созрел план завтрашних действий. План был крайне прост, ибо с унаследованной от Джералда целеустремленностью она ясно видела перед собой только то, чего хотела достичь, и шла к этой цели наикратчайшим путем.

Прежде всего надо быть гордой, как наставлял Джералд. Появиться в Двенадцати Дубах веселой и оживленной, как никогда. Ни одна душа не должна заподозрить, что она убита союзом Эшли с Мелани. Она будет кокетничать напропалую со всеми мужчинами подряд.. Это, конечно, жестоко по отношению к Эшли, но зато его еще сильнее потянет к ней. Она не оставит без внимания ни одного из возможных претендентов на ее руку, начиная от рыжеусого перестарка Фрэнка Кеннеди, ухажера Сьюлин, и кончая тихим, скромным, застенчивым, как девушка, Чарльзом Гамильтоном, братом Мелани. Все они будут виться вокруг нее, как пчелы вокруг цветка, и, само собой разумеется, Эшли покинет Мелани и присоединится к свите ее поклонников. Тогда она как-нибудь улучит минутку, чтобы остаться с ним наедине. Она надеялась, что все произойдет именно так, – ведь иначе привести ее план в исполнение будет нелегко. Ну, а уж если Эшли не сделает первого шага, ей просто придется сделать его самой.

А когда они наконец останутся вдвоем, он мысленно все еще будет видеть ее, окруженную роем поклонников, стремящихся добиться ее расположения, и в глазах его снова появится знакомое ей выражение обреченности и боли. И тогда она осчастливит его. Она откроет ему, что для нее, столь для всех желанной, всех на свете желанней он. И когда она сделает ему свое признание, он увидит, как она мила и скромна и сколько в ней других бесценных качеств. Конечно, она сделает это с достоинством, как настоящая леди. Она не собирается бросаться ему на шею с криком: «Я люблю вас!» Это не годится. Впрочем, вопрос о том, в какой форме признаться ему в своем чувстве, не слишком ее тревожил. Она уже бывала в такого рода положениях не раз, сумеет и теперь.

Лежа в постели, вся залитая лунным светом, она мысленно рисовала себе эту сцену. Перед ней возникало изумленное и счастливое лицо Эшли, внимающего ее любовному признанию, и она слышала его голос, произносящий заветные слова: «Я прошу вас стать моей женой».

Конечно, она ответит, что не может принять предложение человека, помолвленного с другой, но он будет настаивать, и она в конце концов уступит. И тогда они примут решение в этот же вечер бежать из дому, добраться до Джонсборо и...

Да, завтра в этот час она, быть может, уже станет миссис Эшли Уилкс!

Скарлетт села в постели, обхватив колени руками, и на несколько счастливейших в ее жизни минут почувствовала себя миссис Эшли Уилкс, женой Эшли! А потом легкий холодок сомнения закрался в ее сердце. А что, если не получится так, как она задумала? Что, если Эшли не предложит ей бежать с ним? Но она тут же прогнала прочь эту мысль.

«Не стану думать об этом сейчас, – твердо сказала себе она. – Начну думать – только еще

больше расстроюсь. Все должно получиться так, как я хочу... если он меня любит. А он любит меня, я это знаю!» Она закинула голову, и в ее светлых, в темной оправе ресниц глазах сверкнули отблески луны. Эллин не открыла ей одной простой истины: желать – это еще не значит получить. А жизнь еще не научила тому, что победа не всегда достается тем, кто идет напролом. Она лежала в пронизанном лунным сиянием полумраке, и в ней росла уверенность, что все будет хорошо, и она строила смелые планы – как строят их в шестнадцать лет, когда жизнь так прекрасна, что возможность поражения кажется невозможной, а красивое платье в сочетании с нежным цветом лица – залогом победы над судьбой.

Было десять часов утра. На редкость горячее апрельское солнце струило сквозь голубые занавески в спальне Скарлетт золотистый поток лучей. Солнечные блики играли на кремовых стенах, отражались в темно-красной, как вино, глуби старинной мебели и заставляли пол сверкать точно зеркало там, где их не поглощали пестрые пятна ковров. Дыхание лета уже чувствовалось в воздухе – первое дуновение зноя, который придет на смену весне, начинавшей мало-помалу сдавать свои позиции. В теплых струях, проникавших из сада в комнату, был разлит бархатистый аромат молодой листвы, цветов и влажной, свежевспаханной земли. За окнами поражало глаз белоснежное буйство нарциссов, распутившихся по обеим сторонам усыпанной гравием подъездной аллеи, а позади них – пышные, округлые, похожие на юбки с кринолином кусты желтого жасмина склоняли до земли свои отягощенные золотыми цветами ветви. Пересмешники и сойки, занятые извечной борьбой за обладание растущей под окном магнолией, затеяли очередную перебранку: крики соек звучали язвительно и резко, голоса пересмешников – жалобно и певуче.

В такое ослепительное утро Скарлетт обычно сразу подбегала к окну и, положив локти на подоконник, впивала в себя ароматы и звуки Тары. Но сегодня сияние солнца и лазурь небес пробудили в ней только одну мысль: «Слава богу, дождя не будет!» На постели стояла картонная коробка с бережно уложенным в нее светло-зеленым муаровым платьем с воланами из кремовых кружев, приготовленным для отправки в Двенадцать Дубов, дабы Скарлетт могла сменить там свой туалет перед балом, но она, скользнув по платью взглядом, лишь пожалала плечами. Если все пойдет так, как она задумала, это платье не понадобится ей сегодня вечером. Задолго до начала бала они с Эшли будут уже на пути к Джонсборо, к венцу. Сейчас ее волновал совсем другой вопрос: какое платье надеть на барбекю?

Какое платье сделает ее особенно неотразимой в глазах Эшли? С восьми часов утра она примеряла то одно, то другое и теперь стояла расстроенная, подавленная, в кружевных панталонах, корсете и в трех пышных полотняных, отделанных кружевом нижних юбках. А отвергнутые платья пестрыми горами шелка, оборок и лент громоздились вокруг нее на полу, на постели, на стульях.

Розовое платье из оргаиди с длинным ярко-красным поясом, несомненно было ей к лицу, но она надевала его прошлым летом, когда Мелани приезжала в Двенадцать Дубов, и та, конечно, могла его запомнить. А значит, ничто не помешает ей съязвить на этот счет. Черное бомбазиновое с буфами на рукавах и большим стоячим кружевным воротником выгодно оттеняет ее ослепительную кожу, но нельзя не признаться, что оно ее чуточку старит. Скарлетт озабоченно шагнула к зеркалу и взгляделась в свою шестнадцатилетнюю мордашку, словно боясь увидеть морщины или дряблый подбородок. Но Мелани так юна и свежа – ни в коем случае нельзя казаться возле нее старше своих лет. Сиреневое в полоску муслиновое платье с большими кружевными медальонами и тюлевым воланом красиво, но не в ее стиле. Кэррин с ее тонким профилем и бесцветным личиком выглядела бы в нем недурно, сама же она в этом платье будет похожа на школьницу, а это уж никак не годится – походить на школьницу рядом со спокойной, исполненной достоинства Мелани. Клетчатое платье из зеленой тафты, все в мелких оборочках, обшитых по краю зеленой бархатной лентой, шло ей бесподобно, и вообще это было ее любимое платье – когда она его надевала, глаза ее приобретали совсем изумрудный оттенок, – но, увы, спереди на лифе отчетливо виднелось жирное пятно. Конечно, можно было бы замаскировать пятно, приколов брошь, но как знать, может быть, у Мелани очень зоркий глаз. Значит, оставались пестрые ситцевые платья, недостаточно нарядные для такого случая, либо бальные

платья, либо зеленое муслиновое в цветочек, которое она надевала вчера. Но это было скорее вечернее платье, не слишком подходящее для барбекю, с глубоким вырезом, почти как у бального платья, и крошечными буфами вместо рукавов. И все же она не видела другого выхода, как остановить свой выбор на нем. В конце концов, ей не приходится стыдиться своей шеи, плеч и рук, даже если и не очень пристало обнажать их с утра.

Стоя перед зеркалом, она изогнулась в талии, чтобы оглядеть себя сбоку, и не обнаружила в своей фигуре ни малейшего изъяна. Не слишком длинная шея была приятно округлой и соблазнительной, как и руки, да и выглядывавшие из корсета груди были очень милы. Не в пример многим шестнадцатилетним девчонкам, ей никогда не приходилось пришивать крошечные шелковые оборочки к подкладке лифа, чтобы придать фигуре более пышные формы. Ее радовало, что у нее, как у Элин, тонкие, длинные кисти рук и маленькие ступни, и, конечно, ей хотелось бы стать такой же высокой, как Элин, но в общем Скарлетт была вполне довольна своим ростом. Обидно, что платье закрывает ноги, подумала она, приподняв нижние юбки и окидывая взглядом округлые стройные ножки, выглядывавшие из-под панталон. Что говорить, у нее очень хорошенькие ножки. Даже девочки в фейетвиллском пансионе всегда ими восхищались. И уж конечно, такой тонкой талии, как у нее, нет ни у кого, не только в Фейетвилле и Джонсборо, а, пожалуй, и во всех трех графствах, если на то пошло.

Мысль о талии заставила ее вернуться к практическим делам. Мамушка затянула ее корсет в талии до восемнадцати дюймов – для бомбазинового платья, а зеленое муслиновое требует, чтобы было не больше семнадцати. Надо велеть ей затянуть потуже. Скарлетт приотворила дверь, прислушалась: на холла доносилась тяжелая поступь Мамушки. Скарлетт нетерпеливо окликнула ее, зная, что в этот час она может как угодно покрикивать на слуг, потому что Элин сейчас в копильне – выдает кухарке продукты.

– Похоже, кому-то кажется, что у меня за спиной крылья, – проворчала Мамушка, поднимаясь по лестнице. Она с трудом переводила дух, и лицо ее выражало неприкрытую готовность к битве. В больших черных руках покачивался поднос, над которым поднимался пар от двух крупных, политых маслом ямсов, груды гречишных оладий в сиропе и большого куска ветчины, плавающего в подливке. При виде этой ноши легкое раздражение, написанное на лице Скарлетт, сменилось выражением воинственного упрямства. Волнение, связанное с выбором платья, заставило ее забыть установленное Мамушкой железное правило: прежде чем девочки отправятся в гости, их следует так напичкать едой дома, чтобы там они уже не могли проглотить ни кусочка.

– Зря притащила. Я не стану есть. Унеси обратно на кухню. Мамушка поставила поднос на стол, выпрямилась, уперла руки в бока.

– Нет, мисс, кушать вы будете! Нужно мне больно, чтоб опять трепали языком, как в тот раз: видать, нянька ее дома не покормила! Все скушайте до последнего кусочка!

– Нет, не стану! Поди сюда, затяни мне корсет потуже, я и так опаздываю. Экипаж уже подан – я слышала, как он подъехал. Теперь Мамушка заговорила вкрадчиво:

– Ну же, мисс Скарлетт, будьте умницей, поешьте немножко. Кэррин и мисс Сьюлин скушали все до капельки.

– Еще бы им не скушать, они же трусливые, как Кролики, – презрительно сказала Скарлетт. – А я не стану. Убери поднос! Я прекрасно помню, как я уплела все, что ты притащила, а потом у Калвертов было мороженое, для которого они получили лед из самой Саванны, а я не смогла съесть ни ложечки. А сегодня я буду есть в свое удовольствие все, что захочу.

Такой открытый бунт заставил Мамушку грозно сдвинуть брови. Что положено делать воспитанной барышне и чего не положено, было в ее глазах непререкаемо и так же отличалось

одно от другого, как белое от черного. Никакой середины тут быть не могло. Сьюлин и Кэррин были воском в ее мощных руках и внимательно прислушивались к ее наставлениям. А бот внушить Скарлетт, что почти все ее естественные природные наклонности противоречат требованиям хорошего тона, было нелегко. Каждая победа, одержанная Мамушкой над Скарлетт, завоевывалась с великим трудом и с помощью различных коварных уловок, недоступных белому уму.

– Ну, может, вам наплевать, как судачат про вашу семейку, а мне это ни к чему, – ворчала она. – Не больно-то приятно слушать, когда про вас, мисс Скарлетт, говорят, что у вас воспитание хромает. А уж я ли вам не толковала, что настоящую-то леди всегда видать по тому, как она ест, – клюнет, словно птичка, и все. Прямо сказать, не по нутру мне это, не допущу я, чтобы вы у господ Уилксов набросились, как ястреб, на еду и начали хватать с тарелок что ни попадя.

– Но ведь мама же – леди, а она ест в гостях, – возразила Скарлетт.

– Вот станете замужней дамой и ешьте себе на здоровье, – решительно заявила Мамушка. – А когда мисс Эллин была, как вы, барышней, она ничего не ела в гостях, и ваша тетушка Полин, и тетушка Евлалия – тоже. И все они вышли замуж. А кто много ест в гостях, тому не видать женихов как своих ушей.

– Неправда! Как раз на том пикнике, когда ты меня не напичкала заранее, потому что была больна, Эшли Уилкс сказал мне, что ему нравится, если у девушки хороший аппетит.

Мамушка зловеще покачала головой.

– Одно дело, что жентмуны говорят, а другое – что у них на уме. Я что-то не слыхала, чтоб мистер Эшли хотел на вас жениться.

Скарлетт нахмурилась, резкий ответ готов был слететь у нее с языка, но она сдержалась. Слова Мамушки попали в точку, возразить было нечего. Мамушка же, заметив смятенное выражение ее лица, коварно переменяла тактику: она взяла поднос и, направляясь к двери, испустила тяжелый вздох.

– Что ж, будь по-вашему. А я-то еще говорила кухарке, когда она собирала поднос: «Настоящую леди всегда видать по тому, как она ничего не ест в гостях. Взять, к примеру, сказала я, мисс Мелли Гамильтон, что приезжала в гости к мистеру Эшли... то бишь – к мисс Индии. Никто не ест меньше ее даже среди самых благородных белых леди».

Скарлетт бросила на нее исполненный подозрения взгляд, но широкое лицо Мамушки выражало только искреннее сожаление по поводу того, что Скарлетт далеко до такой настоящей леди, как мисс Мелани Гамильтон.

– Поставь поднос и зашнуруй мне корсет потуже, – с досадой молвила Скарлетт. – Может быть, я перекушу немного потом. Если я поем сейчас, корсет не затянется.

Не подавая виду, что победа осталась за ней, Мамушка поставила поднос.

– А какое платье наденет мой ягненочек?

– А вот это, – сказала Скарлетт, указывая на пену зеленого муслина в цветочек. В мгновение ока Мамушка изготавилась к новой схватке.

– Ну уж нет! Совсем негоже этак обряжаться с утра. Кто это выставляет груди напоказ до обеда, а у этого платья ни воротника, ни рукавчиков! И веснушки, ей-же-ей, опять высыпят. Вы что, позабыли уж, на что стали похожи летом, как посидели в Саванне на бережку, и сколько я на вас за зиму пахтанья извела? Пойду спрошу мисс Эллин, чего она велит вам надеть.

– Если ты скажешь ей хоть слово, прежде чем меня оденешь, я не проглочу ни кусочка, – холодно произнесла Скарлетт. – Потом она уже не пошлет меня переодеваться, времени не хватит.

Мамушка снова вздохнула – на этот раз признавая себя побежденной, и выбрала из двух зол

меньшее: пусть уж вырядится в вечернее платье с утра – все лучше, чем уплетать за обе щеки за чужим столом.

– Ухватитесь за что-нибудь покрепче и втяните живот, – распорядилась она.

Скарлетт послушно выполнила приказ, вцепившись обеими руками в спинку кровати. Мамушка, поднатужившись, затянула шнуровку, и когда тоненькая, зажатая между пластинок из китового уса талия стала еще тоньше, взгляд ее выразил восхищение и гордость.

– Да уж, такой талии, как у моего ягненочка, поискать! – одобрительно промолвила она, – Попробуй затяни так мисс Сьюлин, она тут же – хлоп в обморок!

– Ух! – выдохнула Скарлетт. – Я еще ни разу в жизни не падала в обморок, – с трудом вымолвила она.

– А другой раз не мешает и упасть, – наставительно сказала Мамушка. – Уж больно-то вы храбрая, мисс Скарлетт. Я давно хотела вам сказать: хорошего мало, ежели вот так-то, как вы, ничего не пугаться – ни тебе змей, ни мышей, ни Чего другого, и не уметь падать в обморок. Дома, понятно, оно ни к чему, а вот ежели на людях... Сколько уж я вам толковала...

– Давай скорей. Не болтай так много. Вот посмотришь, я выйду замуж, даже если не буду взвизгивать и лишаться чувств. Господи, до чего ж туго ты меня зашнуровала! Давай сюда платье.

Мамушка аккуратно расправила двенадцать ярдов зеленого в цветочек муслина поверх торчащих накрахмаленных юбок и принялась застегивать на спине низко вырезанный лиф платья.

– Упаси вас бог скидать шарф али шляпу, ежели солнце станет припекать, – наказывала она. – Не то вернетесь черная, как старуха Слэттери. Ну, теперь поешьте, голубка, только не торопись. Мало толку, если все пойдет обратно.

Скарлетт покорно присела к столу, исполненная сомнений: сможет ли она дышать, если проглотит хоть кусочек? Мамушка сняла с вешалки большое полотенце, осторожно повязала его Скарлетт на шею и расправила белые складки у нее на коленях. Скарлетт принялась сначала за свою любимую ветчину и, хотя и не без труда, проглотила первый кусок.

– Боже милостивый, поскорее бы уж выйти замуж! – возмущенно заявила она, с отвращением втыкая вилку в яме, – Просто невыносимо вечно придуриваться и никогда не делать того, что хочешь. Надоело мне притворяться, будто я ем мало, как птичка, надоело степенно выступать, когда хочется побегать, и делать вид, будто у меня кружится голова после тура вальса, когда я легко могу протанцевать двое суток подряд. Надоело восклицать: «Как это изумительно!», слушая всякую ерунду, что несет какой-нибудь олух, у которого мозгов вдвое меньше, чем у меня, и изображать из себя круглую дуру, чтобы мужчинам было приятно меня просвещать и мнить о себе невесть что... Не могу я больше съесть ни крошки!

– Одну оладушку, пока не простыли, – непреклонно произнесла Мамушка.

– Почему девушка непременно должна казаться дурой, чтобы поймать жениха?

– Да думается мне, это оттого, что жентмуны сами не знают, чего им нужно. Они только думают, что знают. Ну, а чтоб не горевать целый век в старых девах, надо делать так, как они хотят. А жентмунам-то кажется, что им нужны тихие маленькие дурочки, у которых и аппетиту и мозгов не больше, чем у птичек. Сдается мне, ни один жентмун не сделает предложения девушке, ежели заметит, что она кое в чем смыслит больше него.

– Значит, для них большая неожиданность, когда они после свадьбы обнаруживают, что их супруги не полные идиотки?

– Ну, тогда уж все равно Поздно. Они ведь женились уже. Да, сдается мне, жентмуны догадываются малость, что у их жен есть кой-что в голове.

– Когда-нибудь я стану говорить и делать все, что мне вздумается, и плевать я хотела, если

это кому-то придется не по нраву.

– Не бывать этому, – угрюмо сказала Мамушка. – Нет, пока я жива. Ну, ешьте оладьи. Да обмакните их в соус, моя ласточка.

– Не думаю, чтобы все девушки-янки разыгрывали из себя таких дурочек. Когда в прошлом году мы были в Саратогге, я заметила, что многие из них проявляли здравый смысл, и притом в присутствии мужчин тоже.

Мамушка фыркнула.

– Янки! Да уж, мэ, эти янки говорят все, что им взбредет на ум, только что-то я не заметила, чтобы к ним много сватались.

– Но ведь рано или поздно они все равно выходят замуж, – возразила Скарлетт. – Янки же не вырастают просто так из-под земли. Значит, они выходят замуж и рожают детей, и притом их там очень много.

– Мужчины женятся на них ради денег, – убежденно заявила Мамушка.

Скарлетт окунула кусок оладьи в соус и отправила в рот. Может, Мамушка и знает, о чем толкует. Может, в этом и вправду что-то есть, ведь Эллин в общем-то говорит то же самое, только выражается по-другому, более деликатно. Да в сущности, матери всех ее подруг внушают своим дочерям, что они должны казаться беспомощными, незащищенными, кроткими, как голубки, неземными существами. Ведь не зря же было выработано и так прочно внедряется это притворство! Может, она к впрямь вела себя слишком смело? Иной раз она спорила с Эшли и позволяла себе открыто высказывать свое мнение. Что, если это, а также и пристрастие к далеким прогулкам пешком или верхом, оттолкнуло от нее Эшли и заставило обратить внимание на хрупкую Мелани? Быть может, поведи она себя по-другому... Однако она чувствовала, что перестанет уважать Эшли, если окажется, что он способен попасться на крючок таких обдуманных женских уловок. Ни один мужчина, который настолько глуп, чтобы приходить в восторг от этого жеманства, притворных обмороков и лицемерных «О, какой вы замечательный!», не стоит того, чтобы за него бороться. И тем не менее, по-видимому, всем мужчинам это нравится.

Если до сих пор она неправильно вела себя с Эшли... Ну что ж, что было, то было, ничего тут не поделаешь. С этого дня она попробует по-другому, применит более правильную тактику. Но в ее распоряжении всего несколько часов, чтобы заполучить его, и если для этого нужно падать в обморок или делать вид, что падаешь, так она это сумеет. Если жеманством и наивно-глупым кокетством можно его привлечь, что ж, пожалуйста, она прикинется такой пустоголовой кокеткой, что даст сто очков вперед даже этой безмозглой Кэтлин Калверт. А если понадобится действовать более смело, она готова и к этому. Сегодня или никогда! И, увы, не нашлось человека, который помог бы Скарлетт понять, что все, заложенное в ней от природы, даже ее беспощадная жизненная хватка, куда привлекательнее, чем любая личина, которую она сумеет на себя нацепить. Впрочем, хотя ей и было бы приятно это услышать, она бы все равно не поверила. Да и весь тот мир, плотью от плоти которого она была, тоже не принял бы такого воззрения, ибо простота и непосредственность в женщине никогда не имели большой цены в глазах этих людей.

Пока коляска, поднимая красную пыль, катилась по дороге к Двенадцати Дубам, Скарлетт, не без некоторых угрызений совести, радовалась тому, что ни Эллин, ни Мамушка не будут присутствовать на барбекю. Не будет никого, чьи чуть заметно приподнятые брови или невольно выпяченная нижняя губа могли бы помешать ей привести в исполнение свой план. Конечно, Сьюлин наябедничает им завтра, но если осуществится, как задумано, семья будет слишком взволнована ее обручением с Эшли и их бегством, чтобы выразить недовольство ее поведением на барбекю. И Скарлетт радовало, что Эллин была вынуждена остаться дома.

Джералд, с утра подкрепившись бренди, дал Джонасу Уилкерсону расчет, и Эллин осталась дома, чтобы принять у него дела и проверить отчетность. Скарлетт поцеловала мать на прощание в маленьком кабинетике, где Эллин сидела перед высоким, набитым всяческими бумагами секретером. Джонас Уилкерсон со шляпой в руке и плохо скрытым выражением бешенства на худом смуглом лице стоял перед нею: шутка ли – так бесцеремонно лишить его столь выгодной должности, какой не сыщешь больше во всем графстве! И все из-за такого пустяка, как маленькая шалость на стороне. Сколько он ни старался вдолбить Джералду – который, впрочем, с ним и не спорил, вполне разделяя его точку зрения, – что отцом ребенка Эмми Слэттери с такой же долей вероятности может оказаться любой другой мужчина, это никак не меняло дела в глазах Эллин. Джонас пылал ненавистью ко всем южанам. Он ненавидел их холодную учтивость и их высокомерное презрение к людям его круга, отчетливо проступавшее сквозь эту учтивость. И с особенной силой ненавидел он Эллин О’Хара, ибо она была олицетворением всего, столь ненавистного ему в южанах.

Мамушка, как главная над всей дворовой челядью тоже осталась, чтобы помогать Эллин, и на козлах, рядом с Тоби, держа на коленях длинную картонку с бальными платьями, восседала Дилси. Джералд верхом на своем могучем гунтере ехал рядом с коляской, разогретый бренди и очень довольный собой: это неприятное дело с увольнением было позади и управился он с ним неожиданно быстро. Просто предоставил Эллин довести все до конца, ни на секунду даже не подумав о том, каким», это будет для нее разочарованием – не побывать на барбекю и не повидаться с друзьями. Был прекрасный весенний день, щебетали птицы, вокруг, лаская взор, расстилались земли Тары, и настроение у Джералда было самое игривое: он чувствовал себя молодым, и серьезные мысли не шли ему на ум. Временами его вдруг прорывало какой-нибудь веселой ирландской песенкой, вроде «В повозке с верхом откидным» или же меланхолической элегией в честь Роберта Эммета [note 3](#) «На чужой стороне пал бесстрашный герой»...

Он был счастлив, с удовольствием предвкушая веселый денек с друзьями, возможность вволю подрать глотку, проклиная янки и призывая на их голову войну, а когда он взглядывал на своих трех прелестных дочек в ярких платьях с кринолинами и с этими крошечными дурацкими зонтиками в руках, сердце его преисполнялось гордостью. Вчерашний разговор со Скарлетт нимало его не тревожил, ибо начисто испарился из его памяти. Он просто думал о том, какая она хорошенькая, и как все будут ему завидовать, и что глаза у нее сегодня кажутся такими ярко-зелеными, как холмы Ирландии... И, ощутив в душе поэтическую жилку, он, окончательно возгордившись, осчастливил дочерей громким, хотя и несколько фальшивым исполнением «Увенчав себя зеленым клевером».

Скарлетт поглядывала на него снисходительно-насмешливым оком, как мать на маленького хвастунишку-сына. Она знала наперед, что к вечеру он будет мертвецки пьян. Возвращаясь домой в полном мраке, он, как всегда, будет пытаться перемахнуть через все изгороди на пути от Двенадцати Дубов к Таре, а ей останется только полагаться на милость Провидения и на здравый смысл лошади и надеяться, что он не свернет себе шеи. Презрев все мосты на свете, он, разумеется, пустит лошадь вплавь через реку и, возвратясь домой, будет орать во всю глотку, требуя, чтобы Порк уложил его спать в кабинете на диване, а Порк, как всегда в этих случаях, уже будет дожидаться его в холле с зажженной лампой в руке.

Он, конечно, приведет в негодность свой новый серый поплиновый костюм и будет страшно чертыхаться поутру, во всех подробностях описывая Эллин, как лошадь угораздило свалиться в темноте с моста в реку, и эта явная ложь будет принята всеми как должное, хотя никто, разумеется, ей не поверит, а он будет чувствовать себя при этом великим хитрецом.

«Какой же он славный, безответственный, эгоистичный ребенок», – с внезапным приливом нежности подумала Скарлетт. Она чувствовала себя такой приятно взволнованной и счастливой

сегодня, что ей хотелось обнять и Джералда, и весь мир. Она была красива и сознавала это. Нежно пригревало солнце, вокруг во всем своем великолепии блистала весна, и Скарлетт знала, что еще до заката Эшли будет у ее ног. Сочно-красная земля в глубоких, размытых зимними дождями придорожных канавах просвечивала сквозь нежную зеленую поросль куманики. Голые глыбы гранитных валунов, разбросанные по красной глине, уже оплетались стеблями, диких роз, а полчища нежно-лиловых фиалок шли в наступление со всех сторон. Осыпанные белым цветом кизилловые леса на холмах за рекой блистали на солнце, подобно вершинам снежных гор. Белорозовое буйство весны увенчало цветами ветви яблонь, а под деревьями, там, куда проникали солнечные лучи, испещренный бликами многоцветный пестрый ковер жимолости отливал пурпурным, оранжевым и алым. Легкий ветерок приносил откуда-то тонкий аромат цветущих кустарников, и воздух был так насыщен благоуханием, что его приятный привкус, казалось, можно было ощутить на языке.

«До конца жизни я буду помнить, как прекрасен был этот день! – подумала Скарлетт. – И быть может, он станет днем моего венчанья с Эшли».

И у нее сладко замерло сердце при мысли о том, что сегодня на закате дня она будет скакать верхом бок о бок с Эшли среди этой зеленой многоцветной красоты, спеша в Джонсборо, под венец. Или ночью, при луне. Конечно, потом они сыграют настоящую свадьбу в Атланте, но об этом уж позаботятся Эллин и Джералд. На мгновение ей стало не по себе, когда перед ней вдруг возникло лицо Эллин, побелевшее от ужаса и стыда при вести о том, что ее дочь бежала с чужим женихом, уводя его из-под венца. Впрочем, Скарлетт не сомневалась, что Эллин простит ее, когда увидит, как она счастлива. И Джералд, конечно, будет рыдать и браниться на чем свет стоит. Но какие бы он ни приводил вчера доводы против ее брака с Эшли, в душе-то он будет рад-радешенек породниться с Уилксами.

«И вообще, я успею обо всем этом подумать, когда уже стану его женой», – сказала она себе, отгоняя тревогу прочь.

Под этим теплым солнцем, в этот яркий весенний день, когда вддали на холме за рекой уже показались печные трубы Двенадцати Дубов, таким трепетным предвкушением счастья была полна ее душа, что в ней не оставалось места для других чувств. «Здесь я буду жить весь остаток моих дней, и пятьдесят, а может, и больше весен будут приходиться одна на смену другой, и я расскажу моим детям и внукам, как прекрасна была эта весна – прекрасней всех, какие были и будут на земле». И мысль эта переполнила ее такой радостью, что она невольно подхватила припев «Зеленого клевера», заслужив этим шумное одобрение Джералда.

– Чему это ты так радуешься сегодня с утра? – сварливо заметила Сьюлин, которая все еще злилась из-за того, что зеленое шелковое бальное платье Скарлетт было бы куда больше к лицу ей, чем его законной обладательнице. И почему Скарлетт всегда такая жадная – нипочем не даст поносить ни платья, ни шляпки? И почему мама всегда берет сторону Скарлетт и утверждает, что ей, Сьюлин, не идет зеленый цвет? – Тебе ведь не хуже моего известно, что сегодня будет «оглашена помолвка Эшли. Папа мне с утра сказал. А я-то знаю, что ты уже не первый месяц сохнешь по нему.

– А больше, ты ничего не знаешь? – отпарировала Скарлетт и показала ей язык. Она не даст испортить себе настроение в такой день. Интересно, что скажет мисс Сьюлин в это время завтра!

– Это же неправда, Сьюзи! – возразила шокированная ее словами Кэррин. – Скарлетт нравится не он, а Brent.

Смеющиеся зеленые глаза Скарлетт скользнули по лицу младшей сестренки: эта ангельская доброта была для нее просто непостижима. Каждому человеку в доме было известно, что тринадцатилетняя Кэрри отдала свое сердце Brentу Тарлтону, хотя для него она всего-навсего

младшая сестренка Скарлетт, и только. И за спиной Эллин все остальные члены семьи постоянно дразнили ее этим, доводя до слез.

– Я и думать забыла о Брейте, моя дорогая, – заявила Скарлетт, от полноты своего счастья проявляя великодушие. – А он я думать забыл обо мне. Он ждет, когда ты подрастешь.

Круглое личико Кэррин порозовело: радость боролась в ней с недоверием.

– Что ты, Скарлетт! Неужели правда!

– Ты же знаешь, Скарлетт, что говорит мама? Кэррин еще слишком мала, чтобы думать о поклонниках. Зачем ты морочишь ей голову?

– Ну и ступай, наябедничай, мне наплевать. Ты хочешь, чтобы она всегда ходила в малышках, потому что знаешь: через год-два она, как подрастет станет красивее тебя.

– Придержи-ка хоть сегодня свой язык, не то отдаешь у меня хлыста; – предостерег Скарлетт отец. – Тихо мне! Слышите – колеса гремят? Верно. Тарлтоны или Фонтейны.

Они приближались к пересечению с дорогой, спускавшейся по лесистому склону от Мимозы и Прекрасных Холмов, и из-за высокой, плотной стены деревьев стал отчетливее доноситься стук копыт, скрип колес и веселый гомон женских голосов. Джералд, ехавший чуть впереди, натянул поводья и сделал Тоби знак остановить коляску у перекрестка.

– Это Тарлтонские дамы, – сообщил он дочери, и его румяное лицо расцвело в улыбке, так как из всех женщин в округе рыжеволосая миссис Тарлтон пользовалась у него наибольшей симпатией, не считая, разумеется, Эллин. – И небось сама хозяйка на козлах. Да уж, эта женщина умеет править лошадьми! Легкая, как перышко, а крепка, что твоя сырмятная плеть, и чертовски недурна к тому же. Можно только пожалеть, что всем вам, с вашими нежными ручками, далеко до нее, – добавил он, окинув неодобрительным взглядом дочерей, – Кэррин – та вообще боится бедных лошадок, словно диких зверей, у Сю руки делаются как крюки, стоит ей взяться за вожжи, да и ты, к кошечка...

– Ну, меня-то, по крайней мере, еще ни одна лошадь не сбросила, – возмущенно воскликнула Скарлетт. – А миссис Тарлтон на каждой охоте вылетает из седла.

– И, сломав ключицу, держится как настоящий мужчина, – сказал Джералд. – Ни обмороков, ни ахов-охов. Ладно, хватит, вот она едет.

Приподнявшись на стремянах, он снял шляпу и приветственно взмахнул ею над головой, когда коляска Тарлтонов – все девушки в ярких платьях, с развевающимися вуалями, с зонтиками от солнца, миссис Тарлтон, как и предрекал Джералд, на козлах – показалась из-за поворота. Да для кучера и не хватило бы места: четыре дочки, мать, няня и куча длинных картонок с бальными платьями заполняли всю коляску. К тому же Беатриса Тарлтон с неохотой отдавала вожжи в чужие – будь то белые, будь то черные – руки, если ее собственные не были в лубках. Хрупкая, узкобедрая и такая белокожая, словно ее огненно-рыжие волосы впитали в себя все краски, отпущенные ей природой, она обладала цветущим здоровьем и неутомимой энергией. Родив восьмерых детей, таких же огненно-рыжих и жизнестойких, как она сама, миссис Тарлтон, по мнению графства, неплохо сумела их воспитать, дрессируя совершенно так же, как своих любимых жеребят, – строго, любовно и не слишком стесняя их свободу. «Держи в узде, но не превращай в слюнтяев» – таков был ее девиз.

Лошади были ее страстью, и о них она могла говорить не умолкая. Она знала в них толк и умела с ними обходиться не хуже любого мужчины в графстве. Жеребята резвились на выгоне, и на газоне перед домом, а восемь ее отпрысков носились по всему звеневшему от их криков дому на холме, и в каком бы уголке плантации ни показалась миссис Тарлтон, за ней неизменно следовала целая свита мальчишек, девчонок, жеребят и гончих. Все лошади, а в особенности гнедая кобыла Нелли, обладали, по ее словам, недюжинным умом, и если какие-либо хлопоты по дому задерживали хозяйку позже установленного для верховой прогулки часа, она говорила,

вручая одному из негритят сахарницу:

– Ступай, отнеси Нелли и скажи ей, что я буду, как только управлюсь.

Почти всегда, за редчайшим исключением, она носила амазонку, ибо если не сидела верхом, то в любую минуту готова была вскочить в седло и потому, встав со сна, сразу же приводила себя в боевую готовность. Каждое утро, хоть в ведро, хоть в ненастье, Нелли седлали и прогуливали перед домом, ожидая, когда миссис Тарлтон улучит часок для верховой езды. Но управлять плантацией Прекрасные Холмы было делом нещуточным, урвать свободную минуту тоже не так-то легко, так что Беатриса Тарлтон, небрежно перекинув шлейф амазонки через руку и сверкая начищенными сапогами, мелькала по дому.

И сегодня в темном шелковом платье с небольшим не по моде, кринолином она выглядела так, словно и на этот раз надела амазонку, ибо платье было, в сущности, такого же строгого покроя а маленькая черная шляпка с длинным черным пером, слегка сдвинутая набок над карим смеющимся глазом, казалась точной копией потрепанного старого котелка, в котором миссис Тарлтон обычно выезжала на охоту.

Увидав Джералда, она помахала ему хлыстом и осадила пару своих игривых гнедых лошадок, а четыре девушки, перегнувшись через борт коляски, огласили воздух такими громкими приветственными кликами, что испуганная упряжка затанцевала на месте. Стороннему наблюдателю могло показаться, что Тарлтоны встретились с О'Хара никак не после двухдневной, а по меньшей мере после многолетней разлуки. Это была приветливая, общительная семья, очень расположенная к своим соседям и особенно к девочкам О'Хара. Точнее говоря – к Сьюлин и Кэррин. Ни одна девушка во всей округе – разве что за исключением глупышки Кэтлин Калверт не испытывала симпатии к Скарлетт О'Хара.

Летом пикники и балы устраивались в округе почти каждую неделю, но рыжеволосые Тарлтоны, с их непревзойденной способностью веселиться от души, радовались любому балу и любому пикнику так, словно он был первым в их жизни. Они с трудом разместились в коляске – эти четыре миловидные цветущие девушки в пышных платьях с кринолинами и воланами, никак не вмещавшимися в экипаж и торчащими над колесами, в больших соломенных шляпах, украшенных розами и завязанных под подбородком черными бархатными лентами, с зонтиками в руках то и дело приходившими в столкновение из-за недостатка места. Все оттенка рыжих кудрей выглядывали из-под шляп: ярко-рыжие – у Хэтти, светлые, рыжевато-золотистые – у Камиллы каштановые, отливающие бронзой, у Рэнды и почти морковной, красные у маленькой Бетси.

– Какой прелестный рой бабочек, мэ, – галантно произнес Джералд, поравнявшись с коляской. – Но всем им далеко до их матушки.

Золотисто-карие глаза миссис Тарлтон насмешливо округлились но она так задорно закусила нижнюю губу, что это можно было принять за поощрение, и дочери закричали хором, перебивая – Ма, перестань строить глазки мистеру О'Хара, не то мы все расскажем папе!

– Право же, мистер О'Хара, стоит появиться интересному мужчине, вроде вас, как она тут же старается его у нас отбить!

Скарлетт смеялась их шуткам вместе со всеми, но, как всегда фамильярное обращение тарлтонских барышень со своей матерью шокировало ее. Они держали себя с ней, как с ровней, словно ей тоже было от силы шестнадцать лет. Одна мысль о том, что можно разговаривать в таком тоне с Эллин, казалась Скарлетт кощунственной. И все же... и все же было что-то необыкновенно притягательное в отношениях, существовавших между миссис Тарлтон и ее дочками: они ведь боготворили мать, хотя и позволяли себе подтрунивать над ней и критиковать ее и дразнить. Нет, конечно, – заговорило в Скарлетт тотчас пробудившееся чувство привязанности, – это вовсе не значит, что такая мать, как миссис Тарлтон, кажется ей чем-то

лучше Эллин... Просто забавно было бы пошалить и порезвиться с мамой. Но она устыдилась такой мысли, почувствовав даже в этом какое-то неуважение к Эллин. Она знала, что ни под одну из этих соломенных шляпок, колыхавшихся там, над коляской, подобные мысли никогда не заползают, и чувство досады и неясного беспокойства охватило ее, как бывало всякий раз, когда она замечала свою несхожесть с другими.

Наделенная от природы живым, но неспособным к анализу умом, она все же подсознательно чувствовала, что взбалмошные, как дикие кошки, и своевольные, как необъезженные кобылицы, девочки Тарлтон отличаются вместе с тем какой-то необычайной цельностью. И отец и мать их были уроженцами Джорджии, Северной Джорджии, прямыми потомками пионеров этого края. Это придавало им уверенность в себе и устойчивость их образу жизни. Они инстинктивно, но так же отчетливо, как Уилксы, знали, к чему стремятся, только стремления их были направлены совсем на другое. Их никогда не раздирали противоречия, так часто терзавшие Скарлетт, в жилах которой кровь сдержанной, утонченной аристократки восточного побережья Атлантики смешалась с кровью жизнелюбивого, смышленного ирландского земледельца. Скарлетт, преклонявшейся перед матерью и обожествлявшей ее, хотелось порой растрепать ей прическу и какой-нибудь дерзостью вывести ее из себя. И вместе с тем она понимала, что одно несовместимо с другим. Двойственность ее проявлялась также и в том, что ей хотелось казаться своим поклонникам хорошо воспитанной, утонченной молодой леди и в то же время – этаким задорным бесенком, который не прочь позволить поцеловать себя разок-другой.

– А где же Эллин? – спросила миссис Тарлтон.

– Ей надо уволить нашего управляющего, и она осталась дома, чтобы принять у него отчет.

А где сам и мальчики?

– Они уже давно ускакали в Двенадцать Дубов – дегустировать пунш, достаточно ли он, видите ли, крепок. Можно подумать, что до завтрашнего утра у них не хватит на это времени. Придется попросить Джона Уилкса, чтобы он пристроил их куда-нибудь на ночь, хоть в конюшню. Пять пьяных мужчин в доме – это, знаете ли, тяжело для меня. С тремя я еще могу управиться, но уж...

Джералд поспешил переменить предмет разговора. Он чувствовал, как дочка хихикает у него за спиной, вспоминая, в каком состоянии возвратился домой их отец от Уилксов с последнего пикника прошлой осенью.

– А почему вы сегодня не в седле, миссис Тарлтон? Я вас как-то не привык видеть без вашей Нелли. Вы же настоящая Бавкирия.

– Валькирия вы, может быть, хотели сказать, мой дорогой неуч, – воскликнула миссис Тарлтон, ловко подражая его ирландскому говору. – Так как на Бавкиду-то я уж никак не похожа, разумеется. Это была не женщина, а цветочек.

– Ну, Валькирия так Валькирия, какая разница, – ничуть не смутившись своей ошибкой, отвечал Джералд. – Я хочу сказать, что когда вы на охоте и гоните собак, так любой мужчина позавидует вашей посадке и вашему голосу.

– Ну, что, мама, получила? – сказала Хэтти. – Сколько раз я тебе говорила, что ты дерешь глотку, как команч, стоит тебе завидеть лисицу.

– Да ты визжишь еще громче, когда няня моет тебе уши, – не осталась в долгу миссис Тарлтон. – А ведь тебе шестнадцать стукнуло! Ну, а не в седле я потому, что Нелли сегодня утром, ожеребилась.

– Вот как! – с неподдельным интересом воскликнул Джералд – страстный, как все ирландцы, лошади, и у него заблестели глаза, а Скарлетт снова была шокирована, невольно сравнив миссис Тарлтон со своей матерью. Ведь для Эллин кобылы никогда не жеребятся, а

коровы не телятся, да, в сущности, и куры едва ли несут яйца. Эллин полностью игнорировала эти факты жизни. Ну, а миссис Тарлтон вовсе не свойственна была такая стыдливость.

– И кто у нее – кобылка?

– Нет, чудесный жеребеночек, ноги в два ярда длиной. Непременно приезжайте поглядеть на него, мистер О'Хара. Это настоящий племенной тарлтоновский жеребец. Рыжий, совсем как кудри у нашей Хэтти.

– Да он и вообще вылитая Хэтти, – сказала Камилла и тут же с визгом исчезла в каскаде юбок, панталон и слетевших на сторону шляп, так как Хэтти, удлинненным овалом лица и впрямь напоминавшая лошадку, бросилась на нее, пытаясь ущипнуть.

– Мои девочки так расшалились с утра, что их просто не унять, – сказала миссис Тарлтон. – Это известие о помолвке Эшли с его кузиночкой из Атланты почему-то привело их в телячий восторг. Как, кстати, ее зовут? Мелани? Славная крошка, но, хоть убей, не могу запомнить ни имени ее, ни лица. Наша кухарка замужем за их дворецким, и он вчера сообщил ей, что помолвка будет оглашена сегодня вечером, ну, а кухарка утром сказала об этом нам. Девчонок это страшно разволновало, хотя совершенно непонятно – почему. Всем давным-давно было известно, что Эшли женится на ней, если, конечно, не выберет себе в жены какую-нибудь другую из своих кузин, дочек Бэрра из Мейкона. А Милочка Уилкс выйдет замуж за брата Мелани – Чарльза. Объясните мне, мистер О'Хара, что им мешает жениться на ком-нибудь, кроме своих родственников? Потому как...

Скарлетт уже не слышала конца этой со смехом произнесенной фразы. На мгновение солнце, казалось, скрылось за тучей, все вокруг потемнело, и мир утратил краски. Молодая листва приобрела какой-то зловещий оттенок, кизилловые деревья поблекли, и дикая яблоня, вся в цвету, такая нежно-розовая минуту назад, уныло поникла. Скарлетт вонзила ногти в обивку сиденья, и зонтик, который она держала над головой, задрожал в ее руке. Одно дело – знать, что Эшли помолвлен, и совсем другое дело – слышать, как кто-то так небрежно, вскользь, упоминает об этом. Но усилием воли она не позволила себе пасть духом, и снова весело заблестало солнце, возродив к жизни окружающую природу. Она ведь знает, что Эшли любит ее. В этом не может быть сомнения. И она улыбнулась при мысли о том, как изумится миссис Тарлтон, когда оглашение помолвки не состоится, и как еще больше изумится, узнав об их с Эшли тайном побеге, и будет говорить всем, какая это продувная девчонка, Скарлетт, – сидела и словно ни в чем не бывало слушала про помолвку Мелани, в то время как они с Эшли уже давно... При этой мысли ямочки на ее щеках заиграли, и Хэтти, внимательно следившая, какое впечатление произведут на Скарлетт слова матери, откинулась на спинку сиденья, недоуменно наморщив лоб.

– Нет, что вы ни говорите, мистер О'Хара, – настойчиво продолжала миссис Тарлтон, – а все эти браки между двоюродными братьями и сестрами совершеннейшая нелепость. Мало того, что Эшли женится на этой малютке Гамильтон, но чтоб еще и Милочка вышла замуж за этого худосочного Чарльза Гамильтона...

– Да если она не выйдет за Чарльза, то так и останется старой девой, – безжалостно сказала Рэнда, исполненная спокойного сознания, что ей-то уж такая участь никак не грозит. – За ней же никогда никто не ухаживал, кроме него. И он-то – не похоже, чтобы был в нее влюблен, хоть они и помолвлены. Ты помнишь, Скарлетт, как он приударял за тобой на прошлых рождественских праздниках?

– Придержите свой скверный язык, мисс, – осадила ее мать. – И все же не следует жениться на двоюродных и даже троюродных сестрах. Это приводит к вырождению. Люди не лошади. Можно вывести породу, повязав кобылу с ее братом, если он хороший производитель, или с отцом, но с людьми это дело не пройдет. Экстерьер, может, будет и неплох, но ни силы, ни

выносливости не жди. Вы...

– Тут мы с вами, пожалуй, поспорим, мэм. Много ли можете вы назвать мне людей лучше Уилксов? А они заключают внутрисемейные браки с тех пор, как Брайан Бору был еще совсем мальчишкой.

– Вот и пора это прекратить: результаты-то начинают сказываться. На Эшли это еще не так заметно – он, конечно, чертовски привлекательный малый, хотя, впрочем, и он... Но вы поглядите на этих двух бедных девочек Уилкс – что за бесцветные, малокровные создания! Они славные девчушки, спору нет, но какие же безжизненные! А эта малютка мисс Мелани! Тоненькая, как былиночка, – ветер дунет, и нет ее. И никакого темперамента. И ни малейшего проявления личности. «Да, мэм! Нет, мэм!» Ни слова от нее больше не добьешься. Вы понимаете, что я хочу сказать? В эту семью нужно влить новую кровь – хорошую, сильную кровь для потомства. Таковую, как у моих рыжеволосых сорванцов или у вашей Скарлетт. Только не поймите меня неправильно. Уилксы по-своему очень славные люди, и я их всех люблю, но будем откровенны! Слишком уж они утонченные, они вырождаются. Разве не так? На добром ипподроме в солнечный день они могут показать неплохую резвость, но на трудной дороге я на Уилксов не поставлю. Вырождение обескровило их, лишило стойкости, и случись какая-нибудь катастрофа, им не выстоять в неравной борьбе. Это изнеженное племя. А мне подавай такую лошадь, которая вынесет меня в любую погоду! И смотрите, как они не похожи на весь здешний народ, – это все результат их родственных союзов. Вечно сидят, уткнувшись в книгу, или бренчат на рояле. Ручаюсь, Эшли всегда предпочтет книгу охоте! Ей-богу! Хотите поспорим, мистер О'Хара? И поглядите, какие они все узкоплечие, узкобедрые. Им нужны хорошие производители и женщины с горячей кровью.

– Хм, да, да, – смущенно пробормотал Джералд, до сознания которого вдруг дошло, что этот чрезвычайно интересный и вполне, на его взгляд, приличный разговор, вероятно, показался бы совсем неуместным его жене. Да, узнай Эллин, что в присутствии ее дочерей шла беседа на столь откровенную тему, она не оправилась бы от этого Потрясения до конца своей жизни. Но миссис Тарлтон, как обычно, не было дела до чужих взглядов, Тем более что она уже села на своего любимого конька – выведение хорошей породы. Людей ли, лошадей ли – все едино.

– Поверьте, я знаю, что говорю. У меня тоже есть кузен, который женился на своей кузине, так поглядели бы вы на их детей! Все как один пучеглазые, что твои лягушки, бедные крошки! И когда мои родители вздумали выдать меня за моего троюродного братца, я брыкалась и лягалась, как молодая кобыла. Я сказала: «Нет, мама, это не для меня. Не хочу, чтобы у моих детей были ветры и вздутые животы или костный шпат». Мать лишилась чувств, когда я сказала про ветры, но я стояла насмерть, и бабушка меня поддержала. Она, понимаете, тоже знала толк в лошадях и в выведении породы и заявила, что я права. И помогла мне бежать с мистером Тарлтоном. А теперь поглядите на моих детей! Все здоровые, крепкие, ни одного заморыша или недомерка, хотя в Бойде, правду сказать, только пять футов десять дюймов. А вот Уилксы...

– Да бог с ними, мэм! – торопливо перебил ее Джералд, перехватив растерянный взгляд Кэррин и заметив, с каким жадным любопытством прислушивается к их разговору Сьюлин. Чего доброго, начнут еще приставать к Эллин с глупыми вопросами, и тогда сразу вскрыется, какой никудышной оказался он дуэньей. Одна только Скарлетт, – с удовлетворением отметил он про себя, – казалось, витала мыслями где-то далеко, как и подобает благовоспитанной леди.

Хэтти Тарлтон неожиданно пришла к нему на выручку:

– Ну, поехали же, ма! Сколько мы будем тут стоять! – нетерпеливо воскликнула она. – Я уже совсем испеклась на солнце, просто чувствую, как на шее проступают веснушки.

– Одну минуточку, пока вы не уехали, мэм, – сказал Джералд. – Что вы решили насчет продажи лошадей для нашего Эскадрона? Война может начаться со дня на день, и ребята хотят,

чтобы этот вопрос был решен. Это же Эскадрон графства Клейтон, и, значит, лошади для него тоже должны быть из графства Клейтон. Но вас, упрямица вы такая, мы все никак не можем уломать: продайте же нам ваших красавцев. – Да, может, еще и не будет никакой войны, – старалась выиграть время миссис Тарлтон, сразу позабыв о странных матримониальных обычаях семейства Уилксов. – Нет, мэм, вы уж не...

– Ма, – снова вмешалась Хэтти, – разве нельзя поговорить с мистером О'Хара о лошадях не на дороге, а в Двенадцати Дубах?

– В этом-то все и дело, мисс Хэтти, что нельзя, – сказал Джералд. – Но я задержу вас лишь на минуту. Сейчас мы приедем в Двенадцать Дубов, и все мужчины там, от мала до велика, первым делом, спросят про лошадей. А у меня просто сердце кровью обливается, когда я вижу, что столь прелестная благородная дама, как ваша матушка, и вдруг так держится за своих лошадок! Да где же ваш патриотизм, миссис Тарлтон! Или уж Конфедерация пустой для вас звук?

– Ма! – закричала вдруг Бетси, младшая из дочерей. – Рэнда села мне на платье, оно теперь будет все мятое!

– Вытащи его из-под Рэнды и перестань голосить! А вы, Джералд О'Хара, послушайте, что я вам скажу! – Глаза миссис Тарлтон сверкнули. – Может быть, вы не будете указывать мне мой долг перед Конфедерацией? У меня четверо сыновей стали под ружье, а у вас ни одного, так что, думается мне, Конфедерация для меня не меньше значит, чем для вас. Но мои мальчишки могут сами постоять за себя, а мои лошади не могут. Я бы с радостью отдала вам своих лошадей даже бесплатно, если бы знала тех, кто будет сидеть на них в седле, если бы знала, что это джентльмены, понимающие толк в чистокровных скакунах.

Да я бы ни минуты тогда не колебалась! Но чтоб мои красавцы попали в руки каких-то дикарей, каких-то голодранцев, умеющих обращаться только с мулами? Нет, сэр, этому не бывать! Да меня всю ночь будут мучить кошмары при мысли, что за ними плохо ходят и седлают их, невзирая на нагнеты. И вы могли подумать, что я позволю каким-то невежественным мужланам скакать на моих красавцах, стегать их хлыстом и раздирать им рот удилами до тех пор, пока их гордый дух не будет сломлен? Господи, да у меня при одной мысли об этом мурашки по спине бегут! Нет, мистер О'Хара, я, конечно, польщена, что вам пришлось по вкусу мои лошадки, но придется вам поехать в Атланту и купить там каких-нибудь старых одров для ваших деревенских пахарей. Они все равно не заметят разницы.

– Ма, может быть, поедем, наконец? – присоединилась на сей раз и Камилла к хору нетерпеливых голосов. – Ты же прекрасно знаешь, чем это кончится. Ты все равно рано или поздно отдашь им своих любимцев. Когда па и мальчишки прожужжат тебе все уши о том, как у них там в Конфедерации не хватает лошадей, ты заплачешь и отдашь.

Миссис Тарлтон усмехнулась и шевельнула вожжи.

– Никогда этому не бывать, – сказала она и легонько пощекотала лошадь кнутом. Коляска резво покатила по дороге.

– Чудо что за женщина! – сказал Джералд, надел шляпу и вернулся к своему экипажу. – Ну, поехали, Тоби! Я ее еще доконаю и раздобуду-таки лошадей. Конечно, она права. Права. Если человек не джентльмен, нечего ему лезть в седло. Его место на пашне. Тем более обидно, что из одних только сыновей плантаторов никак не склотишь в этом графстве Эскадрона. Что ты сказала, котенок?

– Па, будь добр, поезжай либо позади нас, либо впереди. Мы просто задыхаемся, такую ты поднимаешь пыль! – сказала Скарлетт, чувствуя, что она не в силах больше поддерживать разговор. Это отвлекало ее, а ей надо было собраться с мыслями и придать нужное выражение своему лицу, прежде чем коляска подъедет к Двенадцати Дубам. Джералд послушно дал шпоры

коню и скрылся в облаках красной пыли, устремясь следом за тарлтоновским экипажем, чтобы продолжить разговор о лошадях.

Они переправились по мосту на тот берег и стали Подниматься в гору. Дом еще не был виден, но Скарлетт заметила голубоватый дымок, лениво стлавшийся над кронами высоких деревьев, и вдохнула аппетитный пряный запах жарящихся на вертеле бараньих и свиных туш и горящих пекановых поленьев. Ямы для барбекю были вырыты еще с вечера, и в них медленно тлели багрово-алые поленья, над которыми на длинных вертелах висели туши, и жир с шипеньем капал на раскаленные угли.

Скарлетт знала, что ароматы, приносимые легким ветерком, долетают сюда из старой дубовой рощи за домом. Там, на невысоком пригорке, полого спускавшемся к розарию, Джон Уилкс обычно устраивал свои барбекю. Это было приятное тенистое местечко, куда более уютное, чем то, что облюбовали для своих пикников Калверты. Миссис Калверт не любила приготовленного на вертелах мяса и утверждала, что запах его не выветривается из комнат сутками, и ее гости обычно пеклись на солнце на небольшой открытой лужайке в четверти мили от дома. Но Джон Уилкс, славящийся на весь штат своим гостеприимством, по-настоящему знал толк в таких вещах.

Длинные столы – доски, положенные на козлы и покрытые тончайшими полотняными скатертями из уилксовских кладовых, – всегда устанавливались в густой тени. Вдоль столов – простые скамейки без спинок, а для тех, кому скамейки могли оказаться не по вкусу, по всей поляне были разбросаны принесенные из дома стулья, пуфики и подушки. Туши жарились на вертелах в отдалении – так, чтобы дым не беспокоил гостей, – и там же стояли огромные чугунные котлы, над которыми плавал сочный аромат соусов для мяса и подливки по-брауншвейгски. Не меньше дюжины негров бегали с подносами туда и сюда, обслуживая гостей. А за амбарами была вырыта еще одна яма, для другого барбекю – там обычно пировала домашняя прислуга, кучера и служанки гостей, наедаясь до отвала кукурузными лепешками, ямсом и свиными рубцами, столь дорогими сердцу каждого негра, а в сезон сбора овощей – и арбузами.

Почувяв вкусный запах свежих свиных шкварок, Скарлетт чуть сморщила носик, теща себя надеждой, что к тому времени, когда мясо будет готово, у нее уже разыграется аппетит. А пока что она была напичкана едой до отвала и притом так затянута в корсет, что ежеминутно боялась, как бы не рыгнуть. Этим можно погубить все – ведь лишь очень пожилые мужчины и дамы могли себе позволить такое, не упав в глазах общества.

Подъем закончился, и белое здание открылось их глазам во всей гармонии своих безукоризненных пропорций – с высокими колоннами, широкими верандами и плоской кровлей, – горделивое и равнодушное, как женщина, которая, зная силу своих чар, щедра и приветлива ко всем. Скарлетт любила Двенадцать Дубов за величавую, спокойную красу, любила, казалось ей, сильнее даже, чем отчий дом.

На полукружии широкой подъездной аллеи было уже тесно от экипажей и верховых лошадей. Гости громко приветствовали друг друга, спускаясь на землю из коляски или спрыгивая с седла. Черные слуги, взбудораженные, как всегда, приездом гостей, уводили лошадей на скотный двор, чтобы выпрячь их и расседлать. Тучи ребятишек, белых и черных, носились по свежей зелени газона – кто играл в чехарду, кто в пятнашки, и каждый хвалился перед другими, сколько и чего сможет съесть. Просторный, во всю ширину дома, холл был уже полон гостей, и когда коляска О'Хара остановилась у парадного входа, у Скарлетт зарябило в глазах: девушки в ярких платьях с кринолинами, словно пестрый рой мотыльков, заполняли лестницу, ведущую на второй этаж, – одни поднимались, другие спускались по ней, обняв друг

друга за талию, или, перегнувшись через резные перила, со смехом кричали что-то молодым людям, стоявшим внизу, в холле.

В распахнутые настежь высокие стеклянные двери видны были женщины постарше, в темных платьях, степенно сидевшие в гостиной, обмахиваясь веерами; они вели неспешную беседу о детях, о болезнях, о том, кто, когда и за кого вышел замуж и почему. В холле дворецкий Уилксон Тос с серебряным подносом в руках, уставленным высокими бокалами, учтиво улыбаясь и кланяясь, обносил напитками молодых людей в светло-серых и светло-коричневых бриджах и тонких с гофрированными манишками рубашках.

Залитая солнцем веранда перед домом была заполнена гостями. Похоже, съехались со всей округи, подумала Скарлетт. Все четверо братьев Тарлтонов вместе с отцом стояли, прислонясь к высоким колоннам: близнецы, Стюарт и Brent, поодаль, неразлучные как всегда; Бойд и Том – возле отца. Мистер Калверт стоял подле своей жены-янки, у которой даже теперь, после пятнадцати лет, прожитых в Джорджии, по-прежнему был какой-то неприкаянный вид. Ему было неловко за нее, и потому все старались быть с ней как можно любезнее и предупредительнее, и все же никто не мог забыть, что, помимо изначальной, совершенной ею в момент появления на свет ошибки, она была еще и гувернанткой детей мистера Калверта. Сыновья Калверта, Рейфорд и Кейд, тоже были здесь со своей шальной белокурой сестрицей Кэтлин, уже принявшей поддразнивать смуглолицего Джо Фонтейна очаровательную Салли Маяро, которую прочили ему в жены. Алекс и Тони Фонтейны что-то нашептывали в уши Димити Манро, и она то и дело прыскала со смеху. Здесь были и семьи, прибывшие издалека – из Лавджоя, за десять миль отсюда, и из Фейетвилла и Джонсборо, и даже несколько семейств из Атланты и Мейкона. Толпа гостей, казалось, заполнила дом до отказа, и над ней – то чуть затихая, то усиливаясь – звучал неумолчный гул голосов, пронзительные женские возгласы, смех.

На Ступеньках веранды стоял Джон Уилкс, стройный, седовласый, излучая радушие, столь же неизменно теплое, как летнее солнце Джорджии. Рядом с ним Милочка Уилкс, получившая это прозвище из-за своей неискоренимой привычки ко всем, начиная с отца и кончая последним негром на плантации, обращаться не иначе как с присовокуплением этого ласкового словечка, вертелась от волнения во все стороны, улыбалась и нервно хихикала, принимая гостей.

Суевливое, неприкрытое стремление Милочки понравиться каждому мужчине, попавшему в поле ее зрения, особенно бросалось в глаза по сравнению с исполненными достоинства манерами ее отца, и у Скарлетт мелькнула мысль, что, пожалуй, в словах миссис Тарлтон есть все же какая-то доля правды. В этом семействе красота досталась в удел только мужчинам. Густые золотисто-бронзовые ресницы, так красиво обрамлявшие светло-серые глаза Джона Уилкса и Эшли, выродились в редкие бесцветные волоски, украшавшие веки Милочки и ее сестры Индии. Это почти полное отсутствие ресниц придавало глазам Милочки какое-то сходство с кроличьими. А про Индию и говорить нечего, она была просто некрасива, и все тут.

Индии нигде не было видно, но Скарлетт знала, что она скорее всего на кухне – отдает последние распоряжения по хозяйству. «Бедняжка Индия, – подумала Скарлетт, – после смерти матери на нее обрушилось столько дел по дому, что, конечно, где уж ей было поймать жениха; хорошо хоть, что Стюарт Тарлтон подвернулся, а если он находит меня красивее ее, я-то здесь при чем?» Джон Уилкс спустился с веранды, чтобы предложить Скарлетт руку. Выходя из коляски, Скарлетт видела, как Сьюлин расцвела улыбкой. «Верно, заметила среди гостей Франка Кеннеди», – подумала Скарлетт.

«Нет уж, у меня будет жених лучше этой старой девы в штанах», – высокомерно решила она, не забыв при этом поблагодарить Джона Уилкса улыбкой.

А Франк Кеннеди уже спешил к коляске, чтобы помочь Сьюлин, и Скарлетт захотелось дать

сестре пинка в зад, потому что Сьюлин загораживала ей дорогу. Конечно, у Франка Кеннеди столько земли, как ни у кого в графстве, и очень может быть, что у него доброе сердце, но какое все это имеет значение, когда ему уже стукнуло сорок и у него жидкая рыжеватая бороденка, хилый вид и какая-то странная, суетливая, как у старой девы, манера держать себя. Тем не менее, вспомнив выработанный ею план действий, Скарлетт подавила в себе чувство брезгливого презрения и одарила Франка такой ослепительной улыбкой, что он на мгновение застыл на месте с протянутой к Сьюлин рукой, обрадованно и оторопело глядя на Скарлетт.

Скарлетт, продолжая мило болтать с Джоном Уилксом, окинула взглядом толпу гостей в надежде увидеть среди них Эшли, но его на веранде не было. Со всех сторон раздались приветствия, а Стюарт и Brent тотчас направились к ней.

Барышни Манро начали ахать и охать, разглядывая ее платье, и вскоре она уже была окружена, и все что-то восклицали, стараясь перекричать друг друга, и шум все рос и рос. Но где же Эшли? И Мелани? И Чарльз? Она посматривала украдкой по сторонам и старалась незаметно заглянуть в холл, откуда доносились взрывы смеха.

Смеясь, болтая и время от времени бросая взгляд то, в сад, то в холл, она заметила, что какой-то незнакомый мужчина, стоя несколько поодаль от остальных гостей, не сводит с нее глаз и так холодно-беззастенчиво ее разглядывает, что это невольно заставляло насторожиться. Она испытала странное смешанное чувство: ее женское тщеславие было польщено – ведь она явно привлекла к себе внимание незнакомца, – но к этому примешивалось смущение, так как она вдруг отчетливо осознала, что лиф ее платья вырезан слишком глубоко. Незнакомец был уже не юноша – высокий, атлетически сложенный мужчина на вид лет тридцати пяти, не меньше. Скарлетт подумала, что ни у кого не видела таких широких плеч, такой мускулистой фигуры – пожалуй, даже слишком мускулистой для человека из общества. Когда глаза их встретились, незнакомец улыбнулся, и в его белозубой улыбке под темной ниточкой усов ей почудилось что-то хищное. Он был смугл, как пират, и в его темных глазах она прочла откровенный вызов, словно его пиратский взгляд видел перед собой судно, которое надо взять на абордаж, или женщину, которой надо овладеть. Взгляд был спокойный и дерзкий, и когда незнакомец насмешливо и нагло улыбнулся ей, у нее перехватило дыхание. Она понимала, что такой взгляд оскорбителен для женщины, и была раздосадована тем, что не чувствовала себя оскорбленной. Она не знала, кто он, но одно было бесспорно: этот высокий лоб, тонкий орлиный нос над крупным ярким ртом, широко расставленные глаза... да, несомненно, в чертах его смуглого лица чувствовалась порода.

Она отвела взгляд, не ответив на его улыбку, и в тот же миг отвернулся и он, услышав, как кто-то его окликнул:

– Ретт! Ретт Батлер! Идите сюда! Я хочу представить вас самой жестокосердной девушке в Джорджии.

Ретт Батлер? Что-то знакомое прозвучало в этом имени, что-то приятно щекочущее любопытство и смутно связанное с чем-то скандальным, но мысли ее были полны Эшли, и она тотчас выбросила все это из головы.

– Мне надо подняться наверх, поправить прическу, – сказала она Стюарту и Brentу, которые старались оттеснить ее от толпы гостей и увлечь в сторону. – А вы, мальчики, ждите меня здесь и не вздумайте скрыться куда-нибудь с другой девушкой, не то я рассержусь.

Скарлетт видела, что со Стюартом сегодня не оберешься хлопот, если она вздумает пофлиртовать с кем-нибудь другим. Он был уже изрядно пьян, и на лице его появилось не развиденное его нахальное выражение, не предвещающее добра: ясно – он будет нарываться на драку. Она немного постояла в холле, поболтала со знакомыми, поздоровалась с Индией, которая появилась наконец из задних комнат, вся вострепанная, с капельками пота на лбу.

Бедняжка! Как это ужасно – иметь такие бесцветные волосы и ресницы, такой тяжелый упрямый подбородок, да еще двадцать лет за плечами и перспективу остаться в старых девах в придачу! Интересно, очень ли задело Индию то, что она увела у нее Стюарта? Все говорят, будто она до сих пор любит его, но разве можно знать наверняка, что у этих Уилксов на уме. Во всяком случае, Индия ничем не дала Скарлетт понять, насколько ей это больно, и держала себя с ней совершенно так же, как всегда, – любезно и чуточку отчужденно.

Приветливо поздоровавшись с Индией, Скарлетт стала подниматься по широкой лестнице и услышала, как кто-то робко ее окликает. Обернувшись, она увидела Чарльза Гамильтона. Это был очень милый юноша: небрежные завитки каштановых кудрей над высоким белым лбом и темно-карие глаза, нежные и чистые, как у шотландской овчарки. Одет он был элегантно – в черный сюртук и горчичного цвета брюки: поверх белой рубашки с плоеной грудью был повязан широкий модный черный галстук. Когда Скарлетт обернулась к нему, щеки его слегка зарделись – Чарльз Гамильтон был всегда застенчив с девушками. И как всех застенчивых мужчин, его особенно влекли к себе живые, задорные девушки, всегда и везде чувствующие себя непринужденно, – такие, как Скарлетт. Обычно она не уделяла ему внимания, ограничиваясь какой-нибудь вскользь брошенной вежливой фразой, и он был ошеломлен, когда, сияя обворожительной улыбкой, она протянула ему обе руки.

– О, Чарльз Гамильтон, вы убийственно хороши сегодня, мой дорогой. Ручаюсь, вы нарочно приехали из Атланты, чтобы разбить мое бедное сердечко!

Сжимая ее горячие маленькие ручки, глядя в беспокойные зеленые глаза, Чарльз пробормотал что-то, заикаясь от волнения. Никто еще не обращался к нему с такими речами. Правда, ему случалось слышать, как девушки говорили такое другим мужчинам, однако ему – никогда. Почему-то все они относились к нему, как к младшему брату – были всегда приветливы с ним, но не давали себе труда хотя бы подразнить его. Ему ужасно хотелось, чтобы девушки шутили и кокетничали с ним, как с другими юношами, зачастую менее красивыми и обладающими меньшими достоинствами, нежели он. Бывало, правда нечасто, что они снисходили и до него, но в этих случаях на него нападала странная немота, он не знал, о чем с ними говорить, не мог подобрать слов, смущался и мучительно страдал. А потом, лежа ночью без сна, перебирал в уме всевозможные галантные шутки и различные подходящие к случаю комплименты. Но ему редко удавалось употребить их, так как девушки обычно после двух-трех неудачных попыток оставляли его в покое.

И даже с Милочкой, которая знала, что им предстоит пожениться, после того как он будущей осенью вступит во владение своей долей имения, Чарльз был робок и молчалив. Временами у него возникало не слишком окрыляющее ощущение, что ее откровенное кокетство и собственническая манера держаться с ним вовсе не делают ему чести. Она так помешана на мальчишках, думал он, что вела бы себя точно так же с любимым, кто дал бы ей для этого повод. Мысль, что Милочка станет его женой, совсем не приводила его в восторг: эта девушка отнюдь не пробуждала в нем тех страстных романтических порывов, которые, если верить его любимым романам, должен испытывать влюбленный жених. Чарльзу всегда рисовалось в мечтах, что его полюбит какая-нибудь полная жизни, огня и задорного лукавства красотка.

И вот перед ним стоит смеющаяся Скарлетт О'Хара и утверждает, что он разбил ей сердце! Он мучительно старался придумать что-нибудь в ответ и не мог и был молча благодарен ей за то, что она продолжала болтать, освобождая его от необходимости поддерживать разговор. Это походило на сон или на сказку.

– А теперь ждите меня здесь, потому что я хочу, чтобы на барбекю вы были возле меня. – Тут она, взмахнув темными ресницами, опустила зеленые глаза долу, на щеках ее заиграли ямочки, а с ярких губ слетели совершенно уж непостижимые слова: – И не вздумайте волочиться

за другими девушками, не то я стану жутко вас ревновать.

– Не буду, – едва нашел Он в себе силы пробормотать, никак не подозревая, что в эту минуту казался ей похожим на теленка, которого ведут на заклание.

Легонько стукнув его сложенным веером по плечу, она отвернулась, и взгляд ее снова задержался на человеке по имени Ретт Батлер, стоявшем позади Чарльза, в стороне от всех. Повидимому, он слышал их разговор от слова до слова, потому что насмешливо улыбнулся, снова окинув ее взглядом всю, с головы до пят, и притом так нахально, как никто не позволял себе ее разглядывать.

«Пропади ты пропадом! – возмущенно ругнулась про себя Скарлетт, прибегнув к излюбленному выражению Джералда. – Смотрит так, словно... словно я стою перед ним нагишом». И, тряхнув локонами, она стала подниматься по лестнице.

В спальне, где все побросали свои накидки и шали, она увидела Кэтлин, которая охорашивалась перед зеркалом и покусывала губы, чтобы они порозовели. К поясу у нее были приколоты розы – в тон ее румяным щечкам, васильковые глаза лихорадочно блестели от возбуждения.

– Кэтлин, кто этот гадкий тип по фамилии Батлер? – спросила Скарлетт, безуспешно стараясь подтянуть край лифа повыше.

– Как, разве ты не знаешь? – Покосившись на дверь в соседнюю комнату, где Дилси и нянька Уилксов чесали языки, она зашептала возбужденно: – Мистер Уилкс, верно, чувствует себя ужасно, принимая его в своем доме, но получилось так, что он гостил у мистера Кеннеди в Джонсборо – что-то насчет покупки хлопка, и мистеру Кеннеди ничего не оставалось, как взять его с собой. Не мог же он уехать и бросить гостя.

– А чем он, собственно, пришелся не ко двору?

– Дорогая, его же не принимают!

– Ах, вот как!

– Конечно.

Скарлетт, никогда еще не бывавшая под одной крышей с чело-, веком, которого не принимают в обществе, промолчала, стараясь определить свое к нему отношение. Ощущение было волнующее.

– А что он такое натворил?

– Ах, у него совершенно чудовищная репутация. Его зовут Ретт Батлер, он из Чарльстона и принадлежит к одному из лучших семейств города, но никто из его близких с ним даже не разговаривает. Кэро Ретт рассказывала мне о нем прошлым летом. Он с ней не в родстве, но ей все о нем известно, как, впрочем, и всем другим. Его выгнали из Вест-Пойнта, можешь себе представить? И за такие проделки, которые просто не для ее ушей. Ну, а потом произошла эта история с девчонкой, на которой он не пожелал жениться.

– Какая история, расскажи!

– Дорогая, да неужто ты ничего не знаешь? Кэро все рассказала мне еще в прошлом году. Ее маму хватил бы удар, узнай она, что Кэро посвящена в эти сплетни. Понимаешь, этот мистер Батлер как-то раз под вечер повез одну чарльстонскую девицу кататься в кабриолете. Кто эта девица – не говорят, но я кое о чем догадываюсь. Она, конечно, не из очень хорошего общества, иначе не поехала бы с ним кататься в такой поздний час без провожатой. И вообрази, моя дорогая, они пропадали где-то почти всю ночь, до утра, потом возвратились домой пешком и объяснили, что лошадь понесла, разбила кабриолет, а они заблудились в лесу. И как ты думаешь, что?

– Ничего не думаю, продолжай! – нетерпеливо потребовала Скарлетт, ожидая услышать самое ужасное.

– На следующий день он отказался на ней жениться!

– А-а, – разочарованно протянула Скарлетт.

– Заявил, мм... что он ее и пальцем не тронул и не понимает, почему должен на ней жениться. Ну, и ее брат, понятно, вызвал его на дуэль, а он сказал, что предпочитает получить пулю в лоб, чем дуру в жены. Словом, они стрелялись, и мистер Батлер ранил брата этой девицы, и тот умер, а мистеру Батлеру пришлось покинуть Чарльстон, и его теперь не принимают в домах! – торжественно и как раз вовремя закончила Кэтлин, так как в дверях уже появилась Дилси – поглядеть, в порядке ли туалет ее госпожи.

– У нее был ребенок? – прошептала Скарлетт на ухо Кэтлин. Эту мысль Кэтлин отвергла, очень решительно помотав головой.

– Но тем не менее ее репутация погибла, – так же шепотом ответила она.

«Хорошо бы сделать так, чтобы Эшли скомпрометировал меня! – неожиданно мелькнуло у Скарлетт в голове. – Он-то слишком джентльмен, чтобы не жениться». Но против воли она почувствовала в душе нечто вроде уважения к мистеру Батлеру, оттого что он отказался жениться на дуре.

Скарлетт сидела на высоком пуфике розового дерева в тени старого дуба за домом; кончик зеленой сафьяновой туфельки на два дюйма – ровно на столько, сколько допускали правила приличия, – высывался из-под зеленой пены воланов и оборочек. В руке у нее была тарелка с едой, к которой она почти не притронулась; семеро кавалеров окружали ее плотным кольцом. Прием гостей был в самом разгаре, в весеннем воздухе стоял гомон веселых голосов, смех, звон серебра, фарфора, густой, крепкий запах жареного мяса и душистых подливок. Временами легкий ветерок, изменив направление, приносил струйки дыма от длинных, полных углей ям и производил среди дам шуточный переполох, всякий раз сопровождавшийся энергичной работой пальмовых вееров. Большинство девушек разместились вместе со своими кавалерами на длинных скамейках за столами, но Скарлетт, рассудив, что у каждой девушки только две руки и она может посадить на скамейку только двух кавалеров – по одну руку и по другую, – решила сесть поодаль и собрать вокруг себя столько кавалеров, сколько удастся.

Увитая зеленью беседка была отведена для замужних дам, чьи темные платья чинно оттеняли царившую вокруг пестроту и веселье. Замужние женщины, независимо от возраста, всегда, по обычаю Юга, держались особняком – в стороне от шустроглазых девиц, их поклонников и неумолчного смеха. Все – от бабули Фонтейн, страдавшей отрыжкой и не скрывавшей этого, пользуясь привилегией своего возраста, до семнадцатилетней Элис Манро, носившей своего первого ребенка и подверженной приступам тошноты, – сблизив головы, оживленно обсуждали чьи-то родословные и делились акушерскими советами, и это придавало таким собраниям познавательный интерес и увлекательность.

Мельком взглянув в их сторону, Скарлетт презрительно подумала, что они похожи на стаю жирных ворон. Жизнь замужней женщины лишена развлечений. У Скарлетт не возникло даже мысли о том, что, выйдя замуж за Эшли, она механически переместится в общество степенных матрон в тусклых шелках и сама в таком же тусклом шелковом платье будет так же степенно восседать в беседках и гостиных, не принимая участия в играх и развлечениях. Подобно большинству своих сверстниц, она не уносилась мечтами дальше алтаря. К тому же в эту минуту она чувствовала себя слишком несчастной, чтобы предаваться отвлеченным рассуждениям.

Опустив глаза в тарелку, она привередливо ковыряла ложечкой воздушный пирог, проделывая это с таким изяществом и полным отсутствием аппетита, что бесспорно заслужила бы одобрение Мамушки. Да, она чувствовала себя глубоко несчастной, невзирая на небывалое

изобилие поклонников. По какой-то непонятной ей причине выработанный накануне ночью план во всем, что касалось Эшли, потерпел полный крах. Ей удалось окружить себя толпой поклонников, но Эшли не было в их числе, и страхи, терзавшие ее вчера, ожили вновь, заставляя сердце то бешено колотиться, то мучительно замирать, а кровь то отливает от щек, то обжигать их румянцем.

Эшли не сделал ни малейшей попытки присоединиться к ее свите; она не имела возможности ни секунды побыть с ним наедине, да, в сущности, после первых приветствий они не перемолвились ни единым словом. Он подошел поздороваться с ней, когда она спустилась в сад за домом, но подошел под руку с Мелани, чья голова едва достигала ему до плеча.

Это было крохотное хрупкое существо, производившее впечатление ребенка, нарядившегося для маскарада в огромный кринолин своей матери: застенчивое, почти испуганное выражение огромных карих глаз еще усиливало эту иллюзию. Пушистая масса курчавых темных волос была безжалостно упрятана на затылке в сетку, а спереди разделена на прямой пробор, так что две гладкие пряди, обрамлявшие лоб, сходились над ним под острым углом, подчеркивали своеобразный овал ее чуточку слишком широкоскулого, чуточку слишком заостренного к подбородку лица, что придавало ему сходство с сердечком. Застенчивое это лицо было по-своему мило, хотя никто не назвал бы его красивым, к тому же ни одна из обычных женских уловок не была пущена в ход, чтобы сделать его привлекательней. Мелани казалась – да такой она и была – простой, как земля, надежной, как хлеб, чистой, как вода ручья. Но эта миниатюрная, неприметная с виду семнадцатилетняя девочка держалась с таким спокойным достоинством, что выглядела старше своих лет, и было в этом что-то странно трогательное.

Пышные оборки светло-серого платья из органди, перетянутого вишневым атласным поясом, скрывали еще по-детски не оформившуюся фигурку, а желтая шляпа с длинными вишневыми лентами отбрасывала золотистый отблеск на нежное, чуть тронутое загаром лицо. На висках, возле самых глаз, тяжелые подвески с золотой бахромой были пропущены сквозь ячейки стягивавшей волосы сетки, и золотые блики играли в карих глазах, ясных, как гладь лесного озера, когда сквозь воду просвечивает желтизна упавших на дно осенних листьев. Мелани застенчиво-ласково улыбнулась Скарлетт и похвалила ее зеленое платье, а Скарлетт едва нашла в себе силы что-то учтиво проговорить в ответ, так страстно хотелось ей остаться наедине с Эшли. И с этой минуты Эшли сидел на скамеечке у ног Мелани в стороне от остальных и улыбался ей своей тихой мечтательной улыбкой, которую так любила Скарлетт. И в довершение всего, улыбка эта зажигала искорки в глазах Мелани, отчего она становилась почти хорошенькой, и даже Скарлетт не могла этого не признать. Когда Мелани смотрела на Эшли, ее простенькое личико светилось таким внутренним огнем, какой порождается только любовью, и если глаза – зеркало Души, то Мелани Гамильтон являла тому самый яркий пример.

Скарлетт старалась не глядеть на этих двух и все же не могла удержаться, и всякий раз, посмотрев в их сторону, она удваивала свои старания казаться веселой, и заливалась смехом, и дразнила своих кавалеров, и отпускала смелые шутки, и в ответ на их комплименты так задорно трясла головой, что серьги у нее в ушах отплясывали какой-то буйный танец.

– Вздор, вздор! – твердила она и заявляла, что ни один из ее поклонников не говорит ни слова правды, и клялась, что никогда не поверит ни единому слову, сказанному мужчиной. Но Эшли, казалось, просто не замечал ее присутствия. Он видел только Мелани, разговаривал только с ней, сидя на скамеечке и глядя на нее снизу вверх, а Мелани, опустив глаза, смотрела на него и, не таясь, лучилась счастьем оттого, что она – его избранница. И Скарлетт была несчастна.

Со стороны же все выглядело так, словно на свете не могло быть девушки счастливее ее. Она бесспорно была царицей этого сборища, центром всеобщего внимания. Успех, которым она

пользовалась у мужчин, и зависть, снедавшая девушек, в любое другое время доставили бы ей несказанную радость.

Чарльз Гамильтон, окрыленный ее вниманием, занял твердую позицию по правую ее руку, и даже объединенных усилий близнецов оказалось недостаточно, чтобы вытеснить его оттуда. В одной руке он держал веер Скарлетт, в другой – свою тарелку с куском жаркого, к которому он даже не притронулся, и его глаза упорно избегали взгляда готовой расплакаться от обиды Милочки. Кэйд небрежно развалился на траве слева от Скарлетт, время от времени дергая ее за юбку, чтобы привлечь к себе внимание, и бросая испепеляющие взгляды на Стюарта. Он успел обменяться с близнецами довольно грубыми эпитетами, и атмосфера становилась все более накаленной. Фрэнк Кеннеди суетился вокруг Скарлетт, словно насадка вокруг своего единственного цыпленка, и то и дело бегал от дуба к столу и обратно, притаскивая различные деликатесы, будто для этого мало было дюжины сновавших туда и сюда слуг, в результате чего выдержка и хорошее воспитание изменили Сьюлин, и она, не скрывая своего возмущения, в бешенстве смотрела на Скарлетт. У малышки Кэррин глаза были полны слез, ибо, вопреки утренним заверениям Скарлетт, Brent ограничился тем, что воскликнул: «Хэлло, малышка!», дернул ее за ленточку в волосах и перенес все свое внимание на Скарлетт. Обычно он бывал очень внимателен к Кэррин и держался с такой шуточной почтительностью, что она втайне предавалась мечтам о том дне, когда ей позволено будет сделать парадную прическу, надеть длинную юбку и причислить Brentа к разряду своих поклонников. А теперь похоже было, что им полностью завладела Скарлетт. Барышни Манро, умело скрывая свою обиду на изменивших им смуглых братьев Фонтейнов, все же были явно раздражены тем, что Тони и Алекс торчат под дубом и всячески норовят протиснуться поближе к Скарлетт, как только кто-нибудь покинет свой пост возле нее.

Свое возмущение поведением Скарлетт девицы Манро протелеграфировали Хэтти Тарлтон, слегка, но выразительно подняв брови, «Бесстыдница!» – был единодушный молчаливый приговор. Все три юные леди раскрыли как по команде свои кружевные зонтики, заявили, что они уже вполне сыты, спасибо за угощение, и, взяв под руку находившихся поблизости молодых людей, громко прощобетали о своем желании прогуляться к ручью и к оранжерее полюбоваться розами. Этот стратегический демарш по всем правилам военного искусства не прошел незамеченным ни для одной из присутствующих дам, но не привлек к себе внимания ни одного из мужчин.

Скарлетт усмехнулась, увидев, как под предлогом обзора предметов, знакомых всем с детских лет, трое мужчин были насильно выведены из-под огня ее чар, и быстро скосила глаза в сторону Эшли – заметил ли он, что произошло. Но он, закинув голову и играя концом вишневого пояса, смотрел на Мелани и улыбался ей. Сердце Скарлетт болезненно сжалось. Она почувствовала, что с удовольствием вонзила бы свои ногти в это бледное личико и расцарапала бы его в кровь.

Оторвав взгляд от Мелани, она увидела Ретта Батлера. Он стоял в стороне и разговаривал с Джоном Уилксом. Он, должно быть, наблюдал за ней и, когда их глаза встретились, откровенно рассмеялся ей в лицо. У Скарлетт возникло странное, тягостное ощущение, что этот человек, для которого закрыты двери хороших домов, – единственный из всех присутствующих догадывается о том, что кроется под ее отчаянной напускной веселостью, и забавляется, словно получает от этого какое-то желчное удовольствие. Она была бы не прочь расцарапать физиономию и ему.

«Скорей бы уж все это кончилось, – подумала Скарлетт. – Когда девчонки подымутся наверх и лягут вздремнуть перед балом, я останусь внизу и подкараулю Эшли. Конечно же, он не мог не заметить, каким я пользуюсь сегодня успехом». И она, снова стала утешать себя, снова возрождать в себе надежды. В конце концов, Эшли не мог не оказывать внимания Мелани, ведь

она же его кузина, а поскольку на нее никто смотреть не хочет, ей бы пришлось просидеть все время одной, не приди он ей на выручку.

Эта мысль помогла ей воспрянуть духом, и она с удвоенным усердием принялась обольщать Чарльза, который не сводил с нее загоревшегося взора своих карих глаз. Это был фантастический, сказочный день в жизни Чарльза, и он, сам еще того не понимая, мгновенно влюбился в Скарлетт по уши. Это новое чувство так захватило его, что образ Милочки растаял где-то в туманной дали. Милочка была сереньким воробышком, а Скарлетт многоцветной колибри. Она поддразнивала его и поощряла, задавала ему вопросы и отвечала на них сама, так что он казался себе умным и находчивым, хотя не произнес почти ни слова. Видя ее нескрываемый интерес к Чарльзу, остальные юноши были раздосадованы и озадачены, ибо они знали, что он от застенчивости не в силах связать двух слов, и клокотавшее в них раздражение подвергало их вежливость суровому испытанию. Они были просто вне себя, и Скарлетт вполне могла бы насладиться своим триумфом, если бы не мысль об Эшли.

Но вот уже с тарелок исчезли последние кусочки свинины, баранины и цыплят, и Скарлетт пришла к выводу, что пора бы Индии подняться из-за стола и предложить дамам пройти в дом и отдохнуть. Было уже два часа пополудни, солнце стояло высоко над головой, но Индия, замученная трехдневными приготовлениями к приему гостей, рада была посидеть еще немного в беседке, громко крича что-то на ухо старому глухому джентльмену из Фейетвилла.

Всех мало-помалу охватывала ленивая дремота. Негры не спеша убирали со столов. Оживление спало, смех затихал, и то в одной группе гостей, то в другой разговор понемногу замирал совсем. Все ждали, чтобы хозяева подали знак к окончанию утренней части праздника. Медленнее колыхались в воздухе пальмовые веера, и иные из джентльменов, разморенные жарой и перевариванием неумеренного количества пищи, начинали клевать носом. Барбекю подошел к концу, и всех тянуло на покой, пока солнце было еще в зените.

В этом промежутке между барбекю и балом все обычно бывали безмятежно и миролюбиво настроены. Только молодые люди оставались по-прежнему неугомонны и полны задора. Переходя с места на место, перебрасываясь фразами, они напоминали красивых породистых жеребцов и порой были не менее опасны. Полуденная истома овладевала всеми, но тлевший в глубине жар в любую секунду грозил дать вспышку, и тогда страсти разгорались мгновенно и кого-то могли недосчитаться в живых. Все эти люди – мужчины и женщины равно, – такие красивые, такие учтиво любезные, обладали довольно бешеным и не до конца еще укрощенным нравом.

Солнце припекало все сильнее, и Скарлетт – да и не она одна – снова поглядели на Индию. Разговоры замерли совсем, и в наступившей тишине все слышали сердитый голос Джералда – он стоял в отдалении у праздничных столов и пререкался с Джоном Уилксом.

– Да чтоб мне пропасть! Стараться миром уладить дело с янки?

После того, как мы выбили этих негодяев из форта Самтер? Миром? Нет, Юг должен с оружием в руках показать, что он не позволит над собой издеваться и что мы не с милостивого соизволения Союза вышли из него, а по своей воле, и за нами сила!

«О боже! – подумала Скарлетт. – Ну вот, теперь он сел на своего конька, и мы проторчим тут до ночи!» И в то же мгновение словно искра пробежала по рядам лениво-апатичных людей и их сонливость как ветром сдуло. Мужчины повскакали со стульев и скамеек и, размахивая руками, старались перекричать друг друга. Исполняя просьбу мистера Уилкса, считавшего, что нельзя заставлять дам скучать, мужчины за все утро не проронили ни слова о войне или о политике. Но вот у Джералда громко вырвалось «форт Самтер», и все мужчины как один забыли предостережения хозяина.

– Само собой разумеется, мы будем драться...

– Янки мошенники...

– Мы разобьем их за один месяц...

– Да один южанин стоит двадцати янки...

– Мы их так проучим, они нас, долго не забудут...

– Мирным путем? А они-то разве мирным путем?

– А вы помните, как мистер Линкольн оскорбил наших уполномоченных?..

– Ну да – заставил их торчать там неделями и все уверял, что эвакуирует Самтер...

– Они хотят войны?..

– Ну, мы так накормим их войной – будут сыты по горло... И, заглушая весь этот галдеж, гремел зычный голос Джералда.

– Права Юга, черт побери! – снова и снова долетало до Скарлетт. Джералд, в отличие от дочери, наслаждался – он был в своей стихии.

Выход из Союза, война – все эти слова давно набили у Скарлетт оскомину, но сейчас она начинала испытывать к ним даже острую ненависть, потому что для нее они значили только одно – теперь мужчины будут часами торчать там и держать друг перед другом воинственные речи, и ей не удастся завладеть Эшли. И ни какой к тому же не будет войны, и все они прекрасно это знают. Им просто нравится ораторствовать и слушать самих себя.

Чарльз Гамильтон не встал, когда все поднялись: новое чувство придало ему смелости, и, оказавшись в какой-то мере наедине со Скарлетт, он придвинулся к ней ближе и прошептал:

– Мисс О’Хара, я... я уже принял решение: если и в самом деле начнется война, я отправлюсь в Южную Каролину и вступлю в их войска. Говорят, что мистер Уэйд Хэмптон создает там кавалерийский отряд, и я хочу служить под его началом. Он замечательный человек и был лучшим другом моего покойного отца.

«Что, по его мнению, должна я теперь сделать – трижды прокричать ура?» – подумала Скарлетт, так как Чарльз шептал все это с таким заговорщическим видом, словно открывал ей свою самую сокровенную тайну. Не находя слов для ответа, она просто смотрела на него, изумляясь глупости мужчин, которые думают, что такие вещи Могут представлять интерес для женщин. Он же решил, что она ошеломлена, но одобряет его, И, осмелев еще больше, продолжал скороговоркой:

– Если я так поступлю, вы... вы будете огорчены, мисс О’Хара?

– Я буду каждую ночь орошать слезами мою подушку, – сказала Скарлетт, желая пошутить, но он принял ее слова всерьез и покраснел от удовольствия. Сам поражаясь своей смелости и неожиданной благосклонности Скарлетт, он нащупал ее руку меж складками платья и пожал.

– Вы будете молиться за меня?

«Боже, какой дурак!» – со злостью подумала Скарлетт и украдкой скосила глаза в надежде, что кто-нибудь избавит ее от продолжения этой беседы.

– Будете?

– Ну как же, конечно, мистер Гамильтон! Трижды переберу четки, отходя ко сну!

Чарльз быстро поглядел по сторонам, почувствовал, как напряглись у него мускулы, и затаил дыхание. Они, в сущности, были одни, и такого случая могло больше не представиться. И даже если судьба будет снова так же к нему благосклонна, в другой раз у него может не хватить духу.

– Мисс О’Хара... Я должен вам что-то сказать... Я люблю вас.

– Что? – машинально переспросила Скарлетт, стараясь за группой громко разговаривавших мужчин разглядеть Эшли, все еще сидевшего у ног Мелани.

– О да, люблю! – восторженно прошептал Чарльз, окрыленный тем, что Скарлетт не расхохоталась, не взвизгнула и не упала в обморок, что, по его мнению, обязательно происходит

с девушками при подобных обстоятельствах. – Я люблю вас! Вы самая... самая... – И тут впервые в жизни у него вдруг развязался язык: – Вы самая красивая, самая добрая, самая очаровательная девушка на свете! Вы обворожительны, и я люблю вас всем сердцем. Я не смею и помыслить о том, чтобы вы могли полюбить такого, ничем не замечательного человека, как я, но если вы, дорогая мисс О'Хара, подадите мне хоть искру надежды, я сделаю все, чтобы заслужить вашу любовь. Я...

Чарльз умолк, будучи не в состоянии придумать никакого подвига, достаточно трудного, чтобы он мог послужить доказательством глубины его чувства, и сказал просто:

– Я прошу вас стать моей женой.

При слове «женой» Скарлетт показалось, что ее внезапно сбросили с облаков на землю. В эту минуту она в мечтах уже видела себя женой Эшли и потому с плохо скрытым раздражением взглянула на Чарльза. Нужно же, чтобы этот глупый теленок навязывался ей со своими чувствами именно в этот день, когда у нее ум за разум заходит от тревоги! Она взглянула в карие, полные мольбы глаза и не сумела прочесть в них ни первой робкой любви, делавшей их прекрасными, ни преклонения перед нашедшим свое живое воплощение идеалом, ни нежности, ни восторженной надежды па счастье, горевшей как пламя. Для Скарлетт было не внове выслушивать предложения руки и сердца, притом от куда более привлекательных, на ее взгляд, мужчин, чем этот Чарльз Гамильтон, и у каждого из них хватило бы деликатности не заниматься этим на барбекю, когда голова у нее была забита своими, несравненно более важными проблемами. Она видела перед собой просто двадцатилетнего мальчишку, заливавшегося краской от смущения и выглядевшего крайне глупо. Ее так и подмывало сказать ему, какой у него нелепый вид. Но наставления Эллин невольно сделали свое дело, и она, по привычке скромно опустив глаза, машинально пробормотала подобающие Для такого случая слова:

– Мистер Гамильтон, я, разумеется, высоко ценю честь, которую вы оказали мне, прося стать вашей женой, но это такая для меня неожиданность, что, право, я не знаю, что вам ответить.

Это был изящный способ, не задевая самолюбия поклонника, не дать ему сорваться с крючка, и Чарльз проглотил приманку с ретивостью неофита.

– Я готов ждать вечность! Пусть это будет лишь тогда, когда у вас не останется сомнений. О мисс О'Хара, могу ли я надеяться!

– Хм, – произнесла Скарлетт, чей острый взгляд заметил, что Эшли не присоединился к мужчинам, чтобы принять участие в разговоре о войне, и все так же продолжает с улыбкой глядеть снизу вверх на Мелани. Если бы этот домогающийся ее руки дурачок помолчал с минуту, может быть, ей удалось бы услышать, о чем они там беседуют. Ей это просто необходимо. Почему с таким интересом смотрит сейчас Эшли на Мелани, что могла она сообщить ему особенного?

Восторженное бормотание Чарльза заглушало их голоса.

– Ах, помолчите! – прошипела Скарлетт, машинально сжав его руку и даже не поглядев на него, Обиженный, ошеломленный Чарльз покраснел еще сильнее, но тут он заметил, что взгляд Скарлетт прикован к его сестре, и облегченно вздохнул. Скарлетт, конечно, просто боится, как бы его слова не долетели до чьих-нибудь ушей. Она, естественно, смущена, ее природная стыдливость задета, и она в ужасе, что их разговор может быть услышан. Мужская гордость разыграла в Чарльзе с небывалой дотоле силой – ведь впервые в жизни он сумел смутить девушку. Ощущение было захватывающим. Он постарался придать лицу выражение небрежного безразличия и украдкой сжал в свою очередь руку Скарлетт, показывая, что он человек светский, все понимает и не в обиде на нее. А она даже не заметила его пожатия, так как в эту минуту до нее отчетливо долетел нежный голосок Мелани – бесспорно главное орудие ее чар:

– Боюсь, я никак не могу согласиться с вами. Мистер Теккерей – циник. Мне кажется, ему далеко до мистера Диккенса – вот тот уж истинный джентльмен.

«Господи, о какой чепухе она разговаривает с мужчиной! – подумала, едва не фыркнув, Скарлетт, у которой сразу отлегло от сердца. – Да она же просто синий чулок, а ведь общеизвестно, как относятся мужчины к таким девушкам... Чтобы заинтересовать мужчину и удержать его при себе, нужно сначала вести разговор о нем самом, а потом постепенно, незаметно перевести на себя и дальше уже придерживаться этой темы». Скарлетт, несомненно, забеспокоилась бы, скажи Мелани примерно следующее: «Как это замечательно, то, что вы сказали!» или: «Какие необычные мысли роятся у вас в голове! Мой бедный умишко лопнет от натуги, если я стану думать о таких серьезных вещах!» А Мелани вместо этого, глядя на мужчину у своих ног, разговаривает с таким постным лицом, словно сидит в церкви. Будущее снова предстало перед Скарлетт в розовом свете, и она опять настолько воспряла духом, что глаза ее сияли, а на губах играла радостная улыбка, когда она повернулась, наконец, к Чарльзу. Вдохновленный этим доказательством расположения, он схватил ее веер и с таким усердием принялся им махать, что у нее растрепалась прическа.

– А вашего мнения мы еще не удостоились услышать, – сказал, обращаясь к Эшли, Джим Тарлтон. Он стоял поодаль, в группе громко споривших о чем-то мужчин, и Эшли, извинившись перед Мелани, встал. «Он самый красивый мужчина здесь», – подумала Скарлетт, любуясь непринужденной грацией его движений и игрой солнца в белокурых волосах. Даже мужчины постарше умолкли, прислушиваясь к его словам.

– Что ж, господа, если Джорджия будет сражаться, я встану под ее знамена. Для чего бы иначе вступил я в Эскадрон? – Всякий налет мечтательности исчез из его широко раскрытых серых глаз, уступив место выражению такой решимости, что Скарлетт была поражена. – Но я разделяю надежду отца, что янки не станут вторгаться в нашу жизнь и нам не придется воевать. – Он, улыбаясь, поднял руку, когда братья Фонтейны и Тарлтоны что-то загалдели наперебой. – Да, да, я знаю, мы подвергались оскорблениям, нас обманывали... но будь мы на месте янки и захоти они выйти из Союза, как бы поступили мы? Да примерно так же. Нам бы это не понравилось.

«Ну конечно, как всегда, – подумала Скарлетт. – Вечно-то он старается поставить себя на место другого». Она не считала, что в споре каждая сторона может быть по-своему права. Порой она просто не понимала Эшли.

– Не будем слишком горячиться и очертя голову лезть в драку. Многие бедствия мира проистекали от войн. А потом, когда война кончалась, никто, в сущности, не мог толком объяснить, к чему все это было.

Скарлетт даже фыркнула. Счастье для Эшли, что у него такая неуязвимая репутация – никому даже в голову не придет усомниться в его храбрости, не то он мог бы нарваться на оскорбление. И не успела она это подумать, как шум в группе молодежи, окружавшей Эшли, усилился, послышались гневные возгласы.

В беседке старый глухой джентльмен из Фейетвилла дернул Индию за рукав:

– О чем это они? Что случилось?

– Война! – крикнула Индия, приставив руку к его уху. – Они хотят воевать с янки.

– Война? Вон оно что! – воскликнул старик, нашарил свою палку и так резко вскочил со стула, что удивил всех, знавших его много лет. – Я могу им кое-что порассказать на этот счет. Я был на войне. – Мистеру Макра нечасто выпадала такая возможность поговорить о войне – чаще всего женская половина его семейства успевала заткнуть ему рот.

Размахивая палкой и что-то восклицая, мистер Макра поспешно зашагал к стоявшей поодаль группе мужчин, а поскольку он был глух как пробка и не мог слышать своих

оппонентов, те вынуждены были вскоре сложить оружие.

– Эй вы, отчаянные молодые головы, послушайте меня – старика. Не нужна вам эта война. Я-то воевал и знаю. Участвовал и в Семинольской кампании, был, как дурак, и на Мексиканской войне. Никто из вас не знает, что такое война. Вы думаете, это – скакать верхом на красавце коне, улыбаться девушкам, которые будут бросать вам цветы, и возвратиться домой героем. Так это совсем не то. Да, сэр! Это – ходить не жравши, спать на сырой земле и болеть лихорадкой и воспалением легких. А не лихорадкой, так поносом. Да, сэр, война не щадит кишок – тут тебе и дизентерия, и...

Щеки дам порозовели от смущения. Мистер Макра, подобно бабуле Фонтейн с ее ужасно громкой отрыжкой, был живым напоминанием об ушедшей в прошлое более грубой эпохе, которую все стремились забыть.

– Ступай, уведи оттуда дедушку, – прошипела одна из дочерей старика на ухо стоявшей рядом дочке. – Право же, он день ото дня становится все невыносимей, – шепотом призналась она окружавшим ее раскудахтавшимся матронам. – Вообразите, не далее как сегодня утром он сказал Мэри – а ей всего шестнадцать... – Дальше шепот стал еле слышным, и внучка выскользнула из беседки, чтобы сделать попытку увести мистера Макра обратно на его место в тень.

Среди всей этой разгуливающей под деревьями толпы – оживленно разговаривающих мужчин и взволнованно улыбающихся девушек – только один человек оставался, казалось, совершенно невозмутимым. Скарлетт снова поглядела на Ретта Батлера: он стоял, прислонясь к дереву, засунув руки в карманы брюк, стоял совсем один – с той минуты, как мистер Уилкс отошел от него, – и не проронил ни слова, в то время как среди мужчин спор разгорался все жарче. По его губам, под тонкими темными усиками скользила едва заметная улыбка, и в темных глазах поблескивала снисходительная усмешка, словно он слушал забавлявшую его похвальбу раззадорившихся ребятишек. «Какая неприятная у него улыбка», – подумалось Скарлетт. Он молча прислушивался к спору, пока Стюарт Тарлтон, рыжий, взлохмаченный, с горящим взором, не выкрикнул в который уже раз:

– Мы разобьем их в один месяц! Что может этот сброд против истинных джентльменов! Да какое там в месяц – в одном сражении...

– Джентльмены, позволено ли мне будет вставить слово? – сказал Ретт Батлер, не изменив позы, не вынув рук из карманов и лениво, на чарльстонский лад растягивая слова.

В голосе его и во взгляде сквозило презрение, замаскированное изысканной вежливостью, которая в свою очередь смахивала на издевку.

Все мужчины обернулись к нему и замолчали, преувеличенной любезностью подчеркивая, что он не принадлежит к их кругу.

– Задумывался ли кто-нибудь из вас, джентльмены, над тем, что к югу от железнодорожной линии Мейкон – Диксон нет ни одного оружейного завода? Или над тем, как вообще мало литейных заводов на Юге? Так же как и ткацких фабрик, и шерстопрядильных и кожевенных предприятий? Задумывались вы над тем, что у нас нет ни одного военного корабля и что флот янки может заблокировать наши гавани за одну неделю, после чего мы не сможем продать за океан ни единого тюка хлопка? Впрочем, само собой разумеется, вы задумывались над этим, джентльмены.

«Да он, кажется, считает наших мальчиков просто кучей идиотов!» – возмущенно подумала Скарлетт, и кровь прилила к ее щекам.

По-видимому, такая мысль пришла в голову не ей одной, так как кое-кто из юношей с вызовом поглядел на говорившего. Но Джон Уилкс тут же как бы случайно оказался возле Ретта Батлера, словно желая напомнить всем, что это его гость и к тому же здесь присутствуют дамы.

– Вся беда у нас, южан, в том, что мы мало разъезжаем по свету или мало наблюдений выносим из наших путешествий. Ну, конечно, все вы, джентльмены, много путешествовали. Но что вы видели? Европу, Нью-Йорк и Филадельфию, и дамы, – он сделал легкий поклон в сторону беседки, – без сомнения, побывали в Саратоге. Вы видели отели и музеи, посещали балы и игорные дома. И возвратились домой, исполненные уверенности в том, что нет на земле места лучше нашего Юга. Что до меня, то я родился в Чарльстоне, но последние несколько лет провел на Севере. – Он усмехнулся, сверкнув белыми зубами, словно давая понять, что ни для кого из присутствующих, конечно, не секрет, почему он больше не живет в Чарльстоне, только ему на это наплевать. И я видел многое, чего никто из вас не видел. Я видел тысячи иммигрантов, готовых за кусок хлеба и несколько долларов сражаться на стороне янки, я видел заводы, фабрики, верфи, рудники и угольные копи – все то, чего у нас нет. А у нас есть только хлопок, рабы и спесь. Это не мы их, а они нас разобьют в один месяц.

На мгновение воцарилась мертвая тишина. Ретт Батлер достал из кармана тонкий полотняный носовой платок и небрежно смахнул пыль с рукава. Затем зловещий шепот пронесся над толпой гостей, а беседка загудела, как потревоженный улей. И хотя щеки Скарлетт еще пылали от гнева, в практичном уме ее промелькнула мысль, что человек этот прав – слова его не лишены здравого смысла. И в самом деле, она в жизни не видала ни одного завода или хотя бы человека, который бы своими глазами видел завод. Но все равно этот Батлер не джентльмен, он проявил дурное воспитание, позволив себе такое утверждение, да еще на пикнике, где люди собрались, чтобы повеселиться.

Стюарт Тарлтон, сдвинув брови, шагнул вперед, – Brent – за ним. Конечно, близнецы слишком хорошо воспитаны – они не затеют драки прямо на барбекю, как бы ни чесались у них кулаки. Тем не менее все дамы были приятно возбуждены – ведь им так редко выпадала удача быть свидетельницами публичных ссор. Обычно все приходилось узнавать от третьих лиц.

– Сэр, – угрожающе начал Стюарт, – что вы хотели этим сказать?

Ретт ответил вежливо, но в глазах его мелькнула насмешка:

– Я хотел сказать, что Наполеон – вы, вероятно, слышали о нем – заметил как-то раз: «Бог всегда на стороне более сильной армии!» – И, обращаясь к Джону Уилксу, произнес с почтительностью, в которой не было ничего наигранного: – Вы обещали показать мне вашу библиотеку, сэр. Не слишком ли я злоупотреблю вашей любезностью, если попрошу вас сделать это сейчас? Боюсь, мне скоро придется отбыть в Джонсборо – там у меня маленькое, но неотложное дело.

Повернувшись к остальным гостям, он щелкнул каблуком, отвесил низкий, как в танце, поклон – неожиданно легкий и грациозный для такого атлетически сложенного мужчины и одновременно вызывающий, как пощечина, – и последовал за Джоном Уилксом к дому, высоко неся свою темноволосую голову. До оставшихся на лужайке долетел его раздражающе саркастический смех.

На мгновение наступило растерянное молчание, а затем голоса загудели вновь. Индия устало поднялась со стула возле беседки и направилась к рассвирепевшему Стюарту Тарлтону. Слов Индии Скарлетт не слышала, но то, что она прочла в устремленном на Стюарта взгляде, заставило ее испытать нечто похожее на укол совести. Это был тот же отрешенный от себя взгляд, какой был у Мелани, когда она смотрела на Эшли, только Стюарт этого не видел. Так, значит, Индия любит его! Невольно у Скарлетт мелькнула мысль, что не начни она тогда, на этом политическом сборище, так отчаянно кокетничать со Стюартом, может быть, он давно женился бы на Индии. Но она тут же успокоилась, сказав себе: не ее это вина, если некоторые девушки не умеют удержаться возле себя мужчину.

Но вот Стюарт явно принужденно улыбнулся Индии и кивнул. Должно быть, Индия

уговорила его оставить мистера Батлера в покое и не затевать ссоры. Под деревьями все пришло в движение, гости поднимались, стряхивая с платья крошки, замужние женщины окликали ребятшек и нянек и собирали под крылышко своих птенцов, дабы отправиться восвояси, а девушки небольшими группками, болтая я смеясь, направились к дому, чтобы там, в верхних комнатах, вволю посплетничать и вздремнуть.

Все дамы покинули тень дубов и беседку, предоставив их в распоряжение мужчин, и только миссис Тарлтон пришлось задержаться – Джералд, мистер Калверт и кто-то еще хотели получить у нее ответ: даст она лошадей для Эскадрона или нет.

Эшли, задумчиво и чуточку насмешливо улыбаясь, направился туда, где сидели Скарлетт и Чарльз.

– Дерзкий малый, что вы скажете? – заметил он, глядя вслед удалившемуся Ретту Батлеру. – Ну прямо герцог Борджиа.

Скарлетт постаралась напрячь память, перебирая в уме все знатные семейства графства и даже Атланты и Саванны, но решительно не могла припомнить такой фамилии.

– Кто они? Я таких что-то не знаю. Он их родственник? Чарльз как-то странно посмотрел на нее – недоумевающе и смущенно, но любовь тут же превозмогла все. Любовь подсказала ему, что для девушки достаточно быть красивой, доброй и обаятельной, а образованность может только нанести ущерб ее чарам, и сказал поспешно:

Борджиа были итальянцами.

– А, иностранцы, – протянула Скарлетт, сразу потеряв к ним всякий интерес.

Она подарила Эшли самую чарующую из своих улыбок, но он почему-то избегал ее взгляда. Он смотрел на Чарльза с каким-то странным выражением сочувствия и понимания.

Скарлетт стояла на площадке лестницы и украдкой поглядывала вниз. Холл был пуст. Из спален наверху, то замирая, то вновь набирая силу, доносился неумолчный гул голосов, взрывы смеха, отрывочные восклицания: «Неужели! Не может быть!», «И что же он тогда сказал?». В шести просторных спальнях девушки, скинув платья, расшнуровав корсеты, распустив по плечам волосы, отдыхали – кто на кроватях, кто на кушетках. Обычай спать после обеда неукоснительно соблюдался в этих краях, а в такие дни, когда празднество начиналось с утра и заканчивалось балом, отдых был просто необходим. Полчаса девушки будут болтать и смеяться, а затем придут слуги и закроют ставни, и в теплом полумраке громкая переключка голосов перейдет в шепот, потом замрет совсем, и только тихий, равномерный звук дыхания будет нарушать тишину.

Убедившись, что Мелани уже улеглась в постель вместе с Милочкой и Хэтти Тарлтон, Скарлетт выскользнула из спальни и стала спускаться в холл. В окно на площадке лестницы ей была видна беседка и фигуры сидевших там мужчин. Все пили вино из высоких бокалов, и Скарлетт знала, что это занятие продлится у них до вечера. Она пригляделась внимательно, но не обнаружила среди них Эшли. И вдруг услышала его голос. Ее надежды оправдались: он был во дворе перед домом – провожал отъезжавших матрон с детьми.

Чувствуя, как колотится у нее сердце, Скарлетт поспешила вниз. А что, если она столкнется с мистером Уилксом? Какую придумать отговорку, как объяснить ему, почему она бродит по дому, а не легла вздремнуть по примеру всех остальных девушек? Делать нечего, придется рискнуть.

Спускаясь по лестнице, она услышала, как слуги под руководством дворецкого выносят из столовой столы и стулья, освобождая место для танцев. Дверь в глубине холла, ведущая в библиотеку, была приотворена, и она бесшумно проскользнула туда. Она подождет здесь, пока Эшли проводит гостей, и окликнет его, когда он будет проходить через холл.

В библиотеке царил полумрак, жалюзи на окнах были спущены. Скарлетт почувствовала себя неуютно среди этих высоких стен, среди смотревших на нее отовсюду темных корешков книг. Будь на то ее воля, совсем другое место выбрала бы она для такого свидания, какое, по ее расчетам, должно было здесь состояться. Вид множества книг всегда нагонял на нее тоску – совершенно, так же, впрочем, как и люди, поглощавшие книги в таком количестве. Все, за исключением, конечно, Эшли. Она различала неясные очертания старинной мебели: глубоких кресел с высокой спинкой, с широкими подлокотниками – для рослого мужского племени Уилксов, и низеньких, мягких, обитых бархатом кресел с брошенными перед ними на пол подушками – для дам. Стоявший в дальнем углу комнаты перед камином длинный диван с высокой спинкой – излюбленное место отдыха Эшли – был; похож на большое спящее животное.

Скарлетт притворила дверь, оставив небольшую щелку, и замерла, стараясь унять сердцебиение. Она обнаружила, что не может припомнить ни единого слова из того, что еще ночью приготовилась сказать Эшли. То ли все это вылетело у нее из головы, то ли она больше думала тогда о том, что он скажет ей? Теперь она не могла вспомнить ничего и внезапно похолодела от страха. Если бы хоть сердце перестало так бешено колотиться, может быть, она еще чего-нибудь и придумала бы. Но глухие удары только участились, когда она услышала, как Эшли, еще раз крикнув что-то на прощание, вошел в холл.

Все мысли исчезли, осталось только одно: она любит его. Любит гордую посадку его белокурой головы, все, все в нем любит, даже блеск его узких черных сапог, и его смех, так часто ставивший ее в тупик, и его загадочную, повергавшую ее в смущение молчаливость. Ах, если бы он просто вошел сюда, заключил ее в объятия и избавил от необходимости что-то говорить. Ведь он же любит ее... «Может, если помолиться?..» Она крепко зажмурилась и зашептала скороговоркой:

– Пресвятая мать божия, владычица...

– Как? Это вы, Скарлетт? – услышала она голос Эшли сквозь бешеный стук сердца, отдававшийся у нее в ушах, и, открыв глаза, замерла в страшной растерянности. Он стоял за приотворенной дверью и смотрел на нее; шутливо-вопросительная улыбка играла на его губах.

– От кого вы тут прячетесь – от Чарльза или от Тарлтонов? От радости у нее перехватило дыхание. Значит, он заметил, как они все вертелись вокруг нее! Она взглянула в его смеющиеся глаза и снова почувствовала, как он бесконечно дорог ей. А он стоял, не замечая охватившего ее волнения. Она не могла произнести ни слова и молча, вцепилась в его рукав, потянула за собой в библиотеку. Удивленный, заинтригованный, он видел, что она вся словно натянутая струна, видел, как странно, лихорадочно блестят в полумраке ее глаза и пылают щеки. Почти бессознательно он притворил за собой дверь и взял ее за руку.

– Что случилось? – спросил он, невольно понизив голос до шепота.

При его прикосновении она задрожала. Вот! Это произойдет сейчас – все будет так, как она мечтала! Беспорядочные мысли кружились в ее мозгу, но ни одна из них не находила выражения в словах. Вся дрожа, она смотрела ему в глаза. Почему он молчит?

– Так что же случилось? – повторил он. – Вы хотите поведать мне какой-то секрет?

Внезапно она обрела дар речи, и в тот же миг все наставлений Эллин улетучились из ее сознания, и ирландская кровь Джералда необузданно заговорила в ней.

– Да, хочу... Я люблю вас.

В воцарившейся на мгновение тишине не слышно было, казалось, даже ее дыхания. И охватившая ее дрожь тут же унялась – счастливая и гордая, она подумала: почему не призналась она ему раньше? Насколько это проще, чем всевозможные женские уловки, которым ее учили! И она посмотрела ему в глаза.

Она прочла в них испуг, недоверие и что-то еще, другое... Да, такой же взгляд был у

Джералда, когда он смотрел на свою любимую лошадь, которую должен был пристрелить, потому что она сломала ногу. Почему вспомнилось ей это сейчас? Что за идиотская мысль! И почему Эшли смотрит на нее так странно и молчит? Но тут лицо его приняло обыденное выражение – он словно бы надел свою привычную маску и улыбнулся.

– Разве вам мало того, что вы покорили здесь сегодня все сердца? – спросил он с прежней ласково-насмешливой ноткой в голосе. – Вам нужна еще одна, завершающая победа? Но мое сердце всегда принадлежало вам, вы же это знаете. Вы можете терзать его, рвать на части.

Что-то было не так. Все получалось совсем, совсем не так. Не так, как она это себе представляла. Среди сумбура мыслей, вихрем пронесившихся в ее голове, одна мысль приобрела отчетливость, неоспоримость: почему-то, по какой-то непонятной причине Эшли ведет себя так, словно думает, что она просто решила пофлиртовать с ним. Но в глубине души он знает, что это не так. Она чувствовала, что он это знает.

– Эшли, Эшли... скажите мне... вы должны сказать... Ах, перестаньте дразнить меня! Ведь ваше сердце принадлежит мне? О, мой дорогой, я люб...

Его рука мягко зажала ей рот. Маска слетела с его лица.

– Вы не должны говорить так, Скарлетт! Не должны! Вы этого не думаете. И вы возненавидите себя за эти слова и меня за то, что я их слушал!

Она тряхнула головой. Почувствовала, как жаркой волной обдало ее всю с головы до пят.

– Никогда, никогда! Я люблю вас, и я знаю, что и вы тоже... Потому что... – Внезапно она умолкла, пораженная глубиной страдания, написанного на его лице. – Эшли, но вы же любите меня, любите, правда?

– Да, – проговорил он глухо. – Да, люблю. Скажи он, что она ему ненавистна, и даже эти слова, верно, не испугали бы ее так. Она, онемев, вцепилась в его рукав. – Скарлетт, – сказал он, – расстанемся и забудем, навсегда то, что мы сейчас сказали друг другу.

– Нет, – прошептала она, – я не могу. Зачем же так? Разве вы... разве вы не хотите жениться на мне?

– Я женюсь на Мелани, – ответил он.

Как в тумане вспоминала она потом, что сидела на низеньком, обитом бархатом кресле, а Эшли – на подушке у ее ног. И он крепко-крепко сжимал ее руки и говорил что-то, звучащее для нее совершенно бессмысленно. Она ощущала странную пустоту в голове, все мысли, владевшие ею минуту назад, куда-то исчезли, и слова Эшли не проникали в ее сознание – Они были как капли дождя, которые скатываются со стекол, не оставляя на них следа. Он говорил с ней, словно отец с обиженным ребенком, но этот быстрый, нежный, полный сострадания шепот падал в пустоту.

Имя Мелани вернуло ее к действительности, и она взглянула в его прозрачно-серые глаза. В них снова была та отчужденность, которая всегда озадачивала ее, и – как ей показалось – словно бы презрение к самому себе.

– Сегодня отец должен объявить о нашей помолвке. Мы скоро поженимся. Мне следовало сказать это вам, но я думал, что вы уже знаете. Я полагал – это известно всем... не первый год известно. Я никогда не думал, что вы... У вас столько поклонников. Мне казалось, Стюарт...

Жизнь понемногу возвращалась к ней, чувства оживали, и его слова стали проникать в ее сознание.

– Но вы же сейчас, минуту назад, сказали, что любите меня? Он с силой сжал ее руки в своих горячих ладонях...

– Дорогая, не вынуждайте меня говорить то, что может причинить вам боль.

Но она молчала, и он сказал:

– Ну как могу я заставить вас посмотреть на вещи моими глазами, дорогая? Вы так молоды,

так беспечны, вы не знаете, что такое брак.

– Я знаю, что люблю вас.

– Мы с вами слишком разные люди, Скарлетт, а для счастья в браке одной любви недостаточно. Ведь вы же захотите, чтобы мужчина принадлежал вам весь, без остатка – душой и телом, всеми своими помыслами, – иначе вы будете несчастны. Ля вам этого дать не могу. Никому не могу я отдать всего себя. И от вас я не могу потребовать того же. И это будет вас оскорблять, и в конце концов вы возненавидите меня... О, как жестоко вы меня возненавидите! Вы возненавидите книги, что я читаю, и музыку, которую я люблю, – ведь они будут отнимать меня у вас. И я... быть может, я...

– Вы любите ее?

– Мы с ней одна плоть и кровь, мы понимаем друг друга с полуслова. Ах, Скарлетт, Скарлетт! Как мне убедить вас, что брак не может принести счастья, если муж и жена, совсем разные люди!

Кто-то уже сказал это однажды: «Чтобы брак был счастливым, муж и жена должны быть из одного теста». Чьи это слова? Они принесли к ней откуда-то из дальней дали, словно с тех пор, как она их услышала, протекли столетия. Но все равно она не могла уразуметь их смысл.

– Но вы сказали, что любите меня.

– Я не должен был этого говорить. Где-то в глубине ее души медленно разгоралось пламя, и вот гнев вспыхнул, затемнив рассудок.

– Но раз уж у вас хватило низости сказать это... Лицо Эшли побелело.

– Да, это было низко, потому что я женюсь на Мелани. Я дурно поступил с вами и еще хуже с Мелани. Я не должен был этого говорить, зная наперед, что вы не поймете меня. Как могу я не любить вас с вашей неумной жадной жизни, которой я обделен? Вас, умеющую любить и ненавидеть с такой страстью, которая мне недоступна! Вы как огонь, как ветер, как что-то дикое, и я...

Скарлетт вдруг вспомнила Мелани – ее кроткие карие глаза и мечтательный взгляд, ее хрупкие маленькие ручки в черных кружевных митенках, ее вежливую молчаливость... Ярость закипела в ее крови – все то неистовое, что толкнуло Джералда на убийство, что толкало его предков на преступления, приводившие их в петлю. Ничего не осталось в ней от воспитанных, невозмутимых Робийяров, умевших в холодном спокойствии принимать любые удары судьбы.

– Да бросьте вы мне зубы заговаривать, вы просто трус! Вы боитесь жениться на мне! И со страху женитесь на этой маленькой жалкой дурочке, которая кроме «да» и «нет» слова произнести не может и нарожает вам таких же трусливых, безъязыких котят, как она сама! И...

– Вы не должны так говорить о Мелани!

– Да пошли вы к черту с вашей Мелани! Кто вы такой – указывать мне, что я должна и чего не должна говорить! Вы трус, вы низкий человек, вы... Вы заставили меня поверить, что женитесь на мне...

– Ну, будьте же справедливы! – взмолился Эшли. – Разве я когда-нибудь...

Но она не желала быть справедливой, хотя и понимала, что он прав. Его поведение всегда было чисто дружеским, и только, и при мысли об этом ее гнев запылал с удвоенной силой, подогретый уязвленной женской гордостью и самолюбием. Она вешается ему на шею, а он ее знать не хочет! Он предпочел ей эту бесцветную дурочку! Ах, почему она не послушалась наставлений Эллин и Мамушки! Он не должен был даже подозревать о ее чувстве! Пусть бы он никогда-никогда не узнал об этом – все лучше, чем так сгорать со стыда!

Она вскочила на ноги, сжав кулаки. Он тоже поднялся и стоял, глядя на нее сверху вниз с выражением обреченности и страдания.

– Я буду ненавидеть вас всегда, до самой смерти! Вы низкий, бесчестный... – Она никак не

могла припомнить нужное, достаточно оскорбительное слово.

– Скарлетт... поймите...

Он протянул к ней руку, и она с размаху, изо всей силы ударила его по лицу. Звук пощечины, нарушивший тишину комнаты, был похож на звонкий удар бича, и внезапно вся ее ярость куда-то ушла и в сердце закралось отчаяние.

Красное пятно от пощечины отчетливо проступило на его бледном усталом лице. Он молча взял ее безжизненно повисшую руку, поднес к губам и поцеловал. И прежде чем она успела промолвить хоть слово, вышел из комнаты, тихо притворив за собой дверь.

У нее подкосились ноги, и она упала в кресло. Он ушел, и его бледное лицо с красным пятном от пощечины будет преследовать ее до могилы.

Она слышала его затихающие шаги в холле, и чудовищность всего, что она натворила, постепенно все глубже и глубже проникала в ее сознание. Она потеряла его навсегда. Теперь он возненавидит ее и всякий раз, глядя на нее, будет вспоминать, как она навязывалась ему без всякого с его стороны повода.

«Я не лучше Милочки», – внезапно подумала она, припомнив вдруг, как все – а сама она еще пуще других – высмеивали развязное поведение Милочки. Ей живо представилось глупое хихиканье Милочки, повисшей на руке у какого-нибудь очередного кавалера, припомнились ее неуклюжие ужимки, и она почувствовала, как в ней снова закипает злоба – злоба на себя, на Эшли, на весь мир. Она ненавидела себя и ненавидела всех за свою первую детскую отвергнутую любовь и за свое унижение. В ее чувствах к Эшли немного подлинной нежности сплелось с большой долей тщеславия и самодовольной уверенности в силе своих чар. Она потерпела поражение, но сильнее, чем горечь этого поражения, был страх: что, если она сделалась теперь всеобщим посмешищем? Может быть, она своим поведением так же привлекала к себе внимание, как Милочка? Может быть, все смеются над ней? При этой мысли по спине у нее пробежала дрожь.

Рука ее упала на маленький столик, стоявший возле кресла, пальцы машинально сжали вазу для цветов, на которой резвились два фарфоровых купидона. В комнате было так тихо, что ей захотелось закричать, сделать что-то, чтобы нарушить эту тишину: ей казалось – еще мгновение, и она сойдет с ума. Она схватила вазу и что было сил запустила ею в камин. Пролетев над диваном, ваза ударилась о мраморную каминную полку и разбилась на мелкие осколки.

– Ну, это уж слишком, – прозвучало из-за спинки; дивана. От неожиданности и испуга Скарлетт на миг лишилась дара речи и ухватилась за кресло, чувствуя, что у нее подкашиваются ноги, а с дивана поднялся Ретт Батлер и отвесил ей преувеличенно почтительный поклон.

– Уж? достаточно неприятно, когда твой послеобеденный сон нарушают таким обменом любезностей, какой я вынужден был услышать, но зачем же еще подвергать мою жизнь опасности?

Это было не привидение. Это в самом деле был он. Но боже милостивый, он же все слышал! Призвав на помощь все свое самообладание, Скарлетт постаралась произнести с видом оскорбленного достоинства:

– Сэр, вы должны были оповестить о своем присутствии!

– В самом деле? – Белые зубы сверкнули, темные глаза открыто смеялись над ней. – Но ведь это вы вторглись в мою обитель. Будучи принужден дожидаться мистера Кеннеди и чувствуя, что я, по-видимому, персона нон грата среди собравшихся здесь, я благоразумно освободил их, от своей нежелательной особы и удалялся сюда, полагая, что тут меня не потревожат. Но, увы! – Он пожал плечами и негромко рассмеялся.

А в ней снова начинало закипать бешенство при мысли о том, что этот грубый, наглый человек мог слышать все – все ее слова, которые она теперь ценой жизни хотела бы вернуть

назад.

– Подслушивать! – возмущенно начала она.

– Подслушивая, можно порой узнать немало интересного и поучительного, – ухмыляясь, перебил он ее. Имея большой опыт по части подслушивания, я...

– Сэр, вы не джентльмен, – отрезала она.

– Очень, тонкое наблюдение, – весело, заметил он. – Так же, как и; вы, мисс, – не леди, – По-видимому, он находил ее крайне забавной, так как снова негромко рассмеялся. – Разве, леди может так поступать и говорить то, что мне довелось здесь услышать? Впрочем, настоящие леди редко, на мой взгляд, бывают привлекательными. Я легко угадываю их мысли, но у них не хватает смелости или недостатка воспитанности сказать то, что они думают. И это временами становится скучным. Но вы, дорогая мисс О'Хара, вы – женщина редкого темперамента, восхитительного темперамента, в я снимаю веред вами шляпу. Я отказываюсь понимать, чем элегантный мистер Уилкс мог обворожить девушку столь пылкого нрава, как вы. Он должен был бы коленопреклоненно благодарить небо за то, что девушка, обладающая такой – как это; он изволил выразиться? – «неуемной жаждой жизни», потянулась к нему, а этот малодушный бедняга...

– Да вы не достойны смахнуть пыль с его сапог! – в ярости выкрикнула она.

– А вы будете ненавидеть его до самой смерти! – Он снова опустился на диван, и до нее долетел его смех.

Она убила бы его, если бы могла. Но ей оставалось только уйти, что она, и сделала, изо всех сил стараясь сохранить достоинство и с шумом захлопнув за собой тяжелую дверь.

Скарлетт так быстро взлетела вверх по лестнице, что на площадке едва не потеряла сознание. Она стала, ухватившись за перила, чувствуя, что сердце готово выпрыгнуть у нее из груди: боль, гнев, обида раздирали ее душу. Она старалась вздохнуть поглубже, но Мамушка, слишком добросовестно затянула на ней корсет. Что будет, если она сейчас лишится чувств и ее наедут здесь, на лестнице? Что все подумают? О, все, что угодно – все они: и Эшли, и этот мерзкий Батлер, и все эти гадкие, завистливые девчонки! Впервые в жизни она пожалела, что не носит с собой нюхательных солей, как другие дамы, но у нее даже флакончика такого не было. Она всегда гордилась тем, что никогда не падает в обморок. Нет, она не допустит себя до этого и сейчас!

Мало-помалу ощущение дурноты стало проходить. Еще немножко, и она совсем придет в себя, незаметно проскользнет в маленькую гардеробную рядом со спальней Индии, распустил корсет, а потом тихонько прикорнет на кровати подле кого-нибудь. Она старалась унять сердцебиение и придать своему лицу спокойное выражение, понимая, что, вероятно, у нее сейчас совсем безумный вид. Если кто-нибудь из девушек не спит, они сразу смекнут: с ней что-то неладно. А этого нельзя допустить, никто ничего не должен заподозрить.

В большое окно на площадке лестницы ей был виден задний двор и мужчины, отдохавшие там в креслах под деревьями и в беседке. Как она завидовала им! Какое счастье быть мужчиной и не знать этих страданий, которые выпали: ей сейчас на долю!

Чувствуя, как слезы жгут ей глаза, и все еще испытывая легкую дурноту, она вдруг услышала дробный стук копыт по гравию подъездной аллеи и мужской взволнованный голос, громко осведомлявшийся о чем-то у слуг. Снова послышался звук рассыпающегося под копытами гравия, и Скарлетт увидела всадника, скакавшего по лужайке к группе развалившихся в креслах под деревьями мужчин.

Какой-то запоздалый гость. Только зачем его конь топчет газон, которым так гордится

Индия? Человек этот был ей незнаком, но когда он спешился и схватил за плечо Джона Уилкса, она увидела, что он крайне взволнован и возбужден. Все столпились вокруг, него, высокие бокалы с вином и пальмовые веера были забыты на столах и на траве. Даже сюда до нее долетали напряженные, взволнованные, вопрошающие голоса мужчин. Потом над всем этим нестройным гомоном взлетел ликующий, словно на охоте, в гоне, возглас Стюарта Тарлтона:

– Эге-ге-гей!

Так Скарлетт, сама о том не подозревая, впервые услышала боевой клич мятежников. Она увидела, как четверо братьев Тарлтонов, а за ними и Фонтейны отделились от группы гостей и бегом устремились к конюшне, крича на ходу:

– Джимс! Эй, Джимс! Седлай, живо!

«У кого-то пожар», – подумала Скарлетт. Но пожар пожаром, а ей все равно необходимо было улечься в постель, пока ее отсутствие не бросилось в глаза.

Сердце уже билось тише, и она на цыпочках стали подниматься дальше по лестнице. Дом стоял погруженный в, тяжелую жаркую дремоту, словно и он отдыхал, прежде чем во всем блеске восстать вечером от сна в сиянии свечей – под звуки музыки. Скарлетт бесшумно отворила дверь гардеробной, шагнула за порог и замерла, все еще держась за ручку; из неплотно притворенной двери напротив, ведущей в спальню, до нее долетел приглушенный почти до шепота голос Милочки Уилкс:

– Ну, Скарлетт сегодня разошлась вовсю!

Скарлетт почувствовала, лак сердце снова сделало бешеный скачок, и она бессознательно прижала руку к груди, словно пытаясь его унять. «Подслушивая, можно порой узнать немало поучительного», – вспомнился ей насмешливый голос. Уйти? Или внезапно появиться перед ними и вогнать Милочку в краску, как она того заслуживает? Но при звуках другого голоса она замерла. Упряжка мулов не сдвинула бы ее теперь с места – она услышала голос Мелани:

– Ах, Милочка, зачем ты так! Не будь злокой, Скарлетт просто очень живая, жизнерадостная девушка. По-моему, она очаровательна.

«Только этого не хватало! – подумала Скарлетт, бессознательно вонзая ногти в корсаж. – Теперь еще эта слащавая лицемерка будет за меня заступаться!» Слышать слова Мелани было тяжелей, чем откровенное злоречие Милочки. Скарлетт не испытывала доверия ни к одной женщине на свете и считала, что все они, кроме ее матери, руководствуются всегда исключительно эгоистическими побуждениями. Мелани знает, что прочно завладела Эшли, и поэтому может позволить себе немножко такого христианского милосердия. По мнению Скарлетт, это был лишь способ торжествовать, победу и одновременно проявлять незлобивость характера. Скарлетт сама не раз прибегала к такой уловке, обсуждая подруг со своими кавалерами, и всякий раз ей удавалось одурачить этих простофиль, заставив их поверить в ее кротость и добросердечие.

– Ну, дорогая, – язвительный голос Милочки звучал уже громче, – ты должно быть, слепая!

– Тише, Милочка, – прошипела Салли Манро. – Твой голос разносится по всему дому! Милочка понизила голос, – но не сдалась.

– Да вы же видели, как она кокетничала со всеми мужчинами, которых ей только удавалось подцепить, даже с мистером Кеннеди, а он ухаживает за ее родной сестрой. Это что-то неслыханное! И она явно заигрывает с Чарльзом. А ведь вы знаете, мы с Чарльзом... – Милочка стыдливо хихикнула.

– Вот как, в самом деле?! – раздалось возбужденные восклицания.

– Только никому не говорите, девочки... пока еще не надо! Заскрипели пружины матраца – кто-то прыгнул, на кровать, чтобы обнять Милочку, кто-то весело рассмеялся... Мелани негромко прошептала что-то о том, как она будет счастлива назвать Милочку своей сестрой.

– Ну, а я так совсем не была бы в восторге, если бы Скарлетт стала моей сестрой. Это самая нахальная девчонка на свете. – Голос Хэтти Тарлтон звучал удрученно. – Но она почти что помолвлена со Стюартом. Brent, правда, уверяет, что Стюарт нужен ей как прошлогодний снег, во ведь Brent сам от нее без ума.

– Если хотите знать, то Скарлетт нужен только один человек, – с таинственной важностью изрекла Милочка. – И этот человек – Эшли!

Перешептывания, восклицания, вопросы за дверью слились в невнятный гул, а Скарлетт похолодела от страха и чувства унижения. Милочка – пустышка, дурочка, совершенная тупица в отношении мужчин – обладала, как видно, – инстинктивной пронизательностью, когда дело касалось особ ее пола, и Скарлетт этого недооценивала. Там, в библиотеке, Эшли и Ретт Батлер ранили ее гордость, уязвили самолюбие, но все это было булавочным уколом по сравнению с тем, что она испытывала сейчас. На мужчин, даже на таких, как этот Батлер, можно положиться – мужчины умеют держать язык за зубами, но язык Милочки, разумеется, сорвется теперь с привязи, как гончая со сворки, и не пробьет еще и шести часов, как она развонит ее секрет на всю округу! Джералд прямо как в воду глядел, когда сказал вчера, что не хочет, чтобы вся округа потешалась над его дочерью! И можно себе представить, как они обрадуются! Липкий пот выступил у нее под мышками и заструился по телу.

Спокойный, размеренный, чуть укоризненный голос Мелани на мгновение прорвался сквозь всеобщий гомон:

– Милочка, но ты же сама знаешь, что это неправда. Зачем быть такой злокой!

– Очень даже правда, Мелли, и если бы ты не старалась изо всех сил видеть в людях только хорошее – даже в тех, в ком хорошего ни на грош, – ты: бы сама это заметила. А я рада, что Скарлетт в него втюрилась. Поделом ей. Всю жизнь Скарлетт О’Хара только тем и занималась, что старалась отбить поклонников у всех девушек по очереди и повсюду сеяла рознь... Вы же знаете, что она отбила Стюарта у Индии, хотя он ей вовсе не нужен. А сегодня она пыталась завладеть и мистером Кеннеди, и Эшли, и Чарльзом...

«Я уеду домой! – подумала Скарлетт. – Уеду домой».

Если бы можно было сейчас каким-нибудь чудом перенестись в Тару; укрыться там, спастись! Очутиться возле Эллин, прижаться к ее юбке, выплакаться, уткнувшись ей в колени, поведать ей все. Она не совладает с собой, если будет слушать еще, – ворвется туда и вцепится Милочке в ее распущенные волосы, выдернет полные пригоршни этих бесцветных волос и плюнет Мелани Гамильтон в лицо – пусть знает, какого она мнения о ее «милосердии». Нет, она, и так слишком вульгарно вела себя сегодня, совсем как плебейка, как эта белая рвань, – вот в чем беда!

Она крепко прижала руками юбки, чтобы они не шелестели, и неслышно, как кошка, попятилась назад. «Домой! – думала она, спускаясь по лестнице, спеша через холл, мимо закрытых дверей и таких безмолвных комнат, – Сейчас же домой!» Она уже ступила на веранду, когда новая мысль заставила ее замереть на месте: она не может вернуться сейчас домой! Не может так вот взять и убежать! Она должна пройти через это испытание, выдержать злобные выходки всех этих мерзких девчонок, испытать до дна и свое унижение, и горечь постигшего ее разочарования. Убежать – значило бы только дать им веем новое против себя оружие.

Скарлетт стукнула, кулаком по высокой белой колонне и пожалела, что нет у нее силы Самсона и она не может разрушить этот дом до основания, так, чтобы ни, одна душа не уцелела вод его развалинами. Но она им еще докажет. Она заставит их пожалеть обо всем.; Как это сделать, она еще не знала, но она это сделает. Им еще больше будет, чем ей.

На миг Эшли – Эшли, предмет ее грез, – был забыт. Сейчас он был для нее не тот высокий мечтательный юноша, которого она любила, а просто неотъемлемая часть всего семейства

Уилксов. Двенадцати Дубов, графства Клейтон – всех, кто сделал ее посмешищем и кого она ненавидела. В шестнадцать лет тщеславие оказалось сильнее любви и вытеснило из ее сердца все, кроме ненависти.

«Я не поеду домой» – подумала она. – Я останусь здесь я заставлю их пожалеть о том, что они тут наговорили. И ничего ее скажу маме. Никому не скажу, никогда». Она собралась с духом и повернулась, чтобы возвратиться в дом, подняться по лестнице и зайти в какую-нибудь другую спальню.

И в эту минуту она увидела Чарльза, входившего в дом с противоположной стороны. Заметив ее, он быстро направился к ней. Волосы у него растрепались, лицо стало пунцовым от волнения.

– Вы слышали, что произошло? – еще издали крикнул он. – Слышали, какую новость привез нам Пол Уилсон? Он только что прискакал из Джонсборо.

Он с трудом перевел дыхание и шагнул к ней. Она молчала я смотрела на него во все глаза.
– Мистер Линкольн поставил под ружье солдат – я имею в виду волонтеров. Семьдесят пять тысяч! Опять этот мистер Линкольн! Неужели мужчины так-таки не в состоянии думать ни о чем По-настоящему важном? И этот дурак, по-видимому, ждет, что она будет страх как взволнована выкрутасами мистера Линкольна, когда сердце ее разбито, а репутация висит на волоске!

Чарльз смотрел на нее с удивлением. Он заметил, что она бледна как мел, а в ее чуть раскосых зеленых глазах бушует пламя. Такого горящего взора, такого пылающего внутренним жаром девичьего лица ему еще никогда не доводилось видеть!

– Простите мое недомыслие, – произнес он. – г Я должен был подготовить вас. Я не подумал о том, как женщины чувствительны. Простите, что я вас так расстроил. Вам дурно? Принес ты воды?

– Не надо, – сказала Скарлетт и изобразила подобие улыбки.

– Пойдемте, посидим на скамейке, – предложил он и взял ее под локоть.

Она кивнула, и он бережно помог ей спуститься по ступенькам веранды и повел через газон к чугунной скамье под огромным дубом напротив входа в дом. «Какие нежные, хрупкие создания женщины! – думал Чарльз. – При одном упоминании о войне, о жестокости они могут лишиться чувств». Эта мысль усилила в нем сознание собственной мужественности, и он с удвоенной заботливостью усадил Скарлетт на скамью. Ее странный вид поразил его, и вместе с тем ее бледное и какое-то исступленное лицо было так красиво, что у него жарко забилося сердце. Неужели ее взволновала мысль, что он может уйти на войну? Нет, он слишком много возомнил о себе. Но почему же она так странно смотрит на него? Почему так дрожат ее пальцы, теребя кружевной платочек? И густые темные ресницы трепещут – совсем как в его любимых романах, – словно от смущения и затаенной любви.

Три раза он откашливался, хотел заговорить и не мог. Он опустил глаза – ее пронзительный взгляд, казалось, прожигал его насквозь зеленым огнем, и вместе с тем она смотрела на него, словно бы его не видя.

«Он очень богат, живет в Атланте, родители умерли, никто не будет мне докучать, – пронеслось у нее в голове, и тут же начал созревать план. – Если я сейчас соглашусь стать его женой, то тем самым сразу докажу Эшли, что несколько он мне не нужен, что я просто дурачилась, хотела вскружить ему голову. А Милочку это, конечно, убьет. Больше ей уже не удастся подцепить себе поклонника, и все умрут со смеху, гляди на нее. И Мелани тоже не очень-то обрадуется – она ведь так любит брата. И я насолю этим и Сью я Brentу...» Почему ей хотелось им насолить, она и сама не очень понимала – может быть, потому, что у них такие противные сестры. «То-то я утру им всем нос, когда приеду сюда в гости в элегантно» ландо с

кучей новых туалетов и у меня будет собственный дом. Больше им уже никогда, никуда не удастся посмеяться надо мной.

– Конечно, предстоят бои, – произнес наконец Чарльз после еще двух-трех неудачных попыток заговорить, – но вы не тревожьтесь, мисс Скарлетт, война закончится в один месяц, услышите, как они взвоят! О да, они взвоят! И я ни за какие блага в мире, не хочу остаться от этого в стороне. Боюсь только, что бал сегодня может сорваться, поскольку в Джонсборо назначен сбор Эскадрона. Тарлтоны поехали оповестить всех. Дамы, конечно, будут огорчены.

– О! – проронила Скарлетт, не сумев подыскать ничего более вразумительного, но ее собеседник удовлетворился и этим.

Самообладание начинало возвращаться к ней, мысли прояснились. Станный холод сковал ее душу, и ей казалось, что отныне уже ничто не согреет ее вновь. Почему бы ей не выйти замуж за этого красивого, пылкого мальчика? Он не хуже других, а ей теперь все равно. Ничто уже никогда не будет ей мило, доживи она хоть до девяноста лет.

– Я только еще никак не могу решить, вступить ли мне в Южно-Каролинский легион мистера Уэйда Хэмптона или в сторожевое охранение Атланты.

– О! – снова пролепетала она, их глаза встретились, и взмах ее ресниц решил его судьбу.

– Вы согласны ждать меня, мисс Скарлетт? Это было бы неизъяснимым счастьем для меня – знать, что вы ждете моего возвращения домой с победой! – Затаив дыхание, он ожидал ответа, видел, как улыбка шевельнула уголки ее рта, заметил в первый раз тень какой-то горечи в этой улыбке, и его потянуло прикоснуться губами к ее губам. Ее рука, чуть влажная и липкая от пота, скользнула в его ладонь.

– Я не хочу ждать, – сказала она, и взор ее затуманился. Он сидел, сжимая ее руку, приоткрыв от изумления рот. Искоса, украдкой наблюдая за ним, Скарлетт холодно подумала, что он похож на удивленного лягушонка. Он что-то пробормотал, запинаясь, закрыл рот, снова открыл и опять стал пунцовым, как герань.

– Могу ли я этому поверить – вы любите меня? Она ничего не ответила, просто опустила глаза, и Чарльза, схватил восторг, тут же сменившийся невероятным смущением. Наверное, мужчина не должен задавать девушке таких вопросов, И девушке, наверное, не пристало на них отвечать. По свойственной ему робости он еще ни разу не отваживался на такие объяснения и совсем растерялся, не зная, как поступить. Ему хотелось петь» кричать, прыгать по газону, сжать Скарлетт в объятиях, хотелось броситься рассказывать всем, что она, любит его. Но он только еще крепче сжал ее руку, отчего кольца больно впились ей в пальцы.

– Мы, поженимся сейчас, мисс Скарлетт?

– Угу, – пробормотала она, перебирая складки платья.

– Мы можем сыграть свадьбу в один день с Мел...

– Нет, – быстро сказала она, сердито сверкнув на него глазами.

Чарльз понял, что снова попал впросак. Ну конечно, для каждой девушки свадьба – это большое событие, и она не захочет делить свой триумф с кем-то еще. Как она добра, что прощает ему все его промахи! Ах, если бы уже стемнело и он под покровом благодатных сумерек мог осмелиться поцеловать ее руку и сказать ей все те слова, что жгли ему язык.

– Когда вы позволите мне поговорить с вашим отцом?

– Чем скорее, тем лучше – ответила она, думая лишь о том, чтобы он оставил в покое ее руку, прежде чем она будет вынуждена его об этом попросить.

Он вскочил, и ей в первый миг почудилось, что он сейчас запрыгает по газону, как щенок, но чувство достоинства все же возобладало в нем. Он заглянул ей в лицо, его ясные, простодушные глаза сияли. Никто еще не смотрел на нее так, и ей не суждено было еще раз увидеть такой обращенный на нее взгляд другого мужчины, но в своей внутренней

отчужденности она подумала только, что глаза у него совсем как у теленка.

– Я пойду и сейчас же разыщу вашего отца, – сказал он, весь лучась улыбкой. – Я не в состоянии откладывать это ни на минуту. Вы не рассердитесь, если я вас покину... дорогая? – Это нежное словечко далось ему с трудом, Но, единожды совершив, такой подвиг, он с наслаждением тут же повторил его снова.

– Нет, – сказала она. – Я подожду вас здесь. Под этим деревом так хорошо и прохладно.

Он пересек газон и скрылся в доме, и она осталась одна под шелестящей кроной дуба. Из конюшен один за другим выезжали всадники; слуги-негры – тоже верхом – спешили каждый за своим господином. Проскакали мимо брата Манро и прощально помахали ей шляпами, а за ними с, гиканьем промчались по аллее Фонтейны и Калверты. Четверо Тарлтонов скакали по газону прямо к ней, и Brent кричал:

– Матушка дает нам своих лошадей! Ого-го-го! Дерьн, полетел из-под копыт, юноши умчались, и она снова осталась одна.

Ей казалось, что и белый дом с его устремленными ввысь колоннами тоже отдаляется от нее, надменно и величественно отторгает ее от себя. Он уже никогда не станет ее домом. Эшли никогда не перенесет ее, новобрачную, на руках через этот порог. О, Эшли, Эшли! Что же она натворила! Что-то шевельнулось на дне души, что-то, упрятанное глубоко-глубоко, начинало пробиваться сквозь оскорбленное самолюбие и холодную расчетливость. Скарлетт становилась взрослой, и новое чувство рождалось в ее сердце, чувство более сильное, чем тщеславие и своеволие эгоизма. Она любила Эшли и понимала, что любит его, и никогда еще не был он ей так дорог, как в эту минуту, когда Чарльз исчез за поворотом усыпанной гравием аллеи.

Минуло две недели, и Скарлетт обвенчалась с Чарльзом, а еще через два месяца стала вдовой. Судьба быстро освободила ее от уз, которыми она так Поспешно и бездумно связала себя, но прежние беззаботные дни девичества навсегда остались позади. По пятам за браком пришло вдовство, а за ним – к ее смятению и ужасу – оповестило о своем приближении и Материнство.

Впоследствии, вспоминая те, апрельские дни 1861 года, Скарлетт обнаружила, что не может восстановить в памяти никаких подробностей. События переплетались, сталкивались, смещались во времени, как в тяжелом сне; они казались нереальными, лишенными смысла. В памяти были провалы, и она знала, что так это и останется навсегда, до самой ее смерти. Особенно смутно припоминались дни, протекшие между ее объяснением с Чарли и свадьбой. Две недели! В мирное время венчание не могло бы последовать за обручением так непостижимо быстро. Потребовался бы пристойный промежуток Длиною в год или по меньшей мере в шесть месяцев. Но Юг был уже охвачен пожаром войны, одни события так стремительно сменялись другими, словно их сметал, ревя, ураган, и медленное размеренное течение времени осталось лишь в воспоминании о былых днях. Эллин, ломая руки, умоляла Скарлетт не спешить со свадьбой, дать себе время подумать. Но Скарлетт – упрямая, насупленная – оставалась глуха к ее мольбам. Она хочет выйти замуж! И как можно быстрее! Через две, недели.

Узнав, что свадьба Эшли уже передвинута с осени на первое мая, с тем чтобы он мог присоединиться к Эскадрону, как только начнутся боевые действия, Скарлетт объявила, что ее венчание состоится днем раньше. Эллин возражала, но Чарльз, горя нетерпением отправиться в Южную Каролину и присоединиться к легиону Уэйда Хэмптона, с необычным для него красноречием заклинал ее не откладывать свадьбы, и Джералд стал на сторону жениха и невесты. Его уже охватила лихорадка войны, и, радуясь тому, что Скарлетт делает такую хорошую партию, он не видел причины чинить препоны юным сердцам в такие дни. Эллин, расстроенная, сбита с толку, в конце концов сложила оружие подобно десяткам других матерей по всему Югу. Их прежний неспешный, праздный мир был перевернут вверх тормашками, и все уговоры, мольбы, молитвы были бессильны перед грозными силами. Все сметавшими на своем пути.

Весь Юг был охвачен возбуждением, пьян войной. Все считали, что первый же бой положит конец войне, и молодые люди спешили завербоваться, пока война еще не кончилась, и обвенчаться со своими милыми, после чего можно будет скакать в Виргинию бить янки. Свадьбы играли в графстве дюжинами, и ни у кого уже не оставалось времени погоревать перед разлукой – все были слишком возбуждены, и погружены в хлопоты, чтобы проливать слезы или предаваться тягостным раздумьям. Дамы шили мундиры, вязали носки, скатывали бинты, а мужчины проходили строевую подготовку и упражнялись в стрельбе. Поезда с солдатами ежедневно шли через Джонсборо на север в сторону Атланты и Виргинии. Одни отряды отборных войск милиции выглядели пестро и весело в голубом, малиновом и зеленом; другая, небольшая часть отрядов была в домотканой одежде и енотовых; шапках; третьи были вообще без формы – в суконных сюртуках и тонких полотняных рубашках. И все были недообучены, недовооружены, и все возбужденно, весело кричали и шумели, словно направляясь на пикник. Вид этих вояк повергал в панику юношей графства: они смертельно боялись, что война окончится прежде, чем Они попадут в Виргинию, и подготовка к отправке Эскадрона велась усиленным темпом.

И среди всей этой суматохи своим чередом шла подготовка! к свадьбе Скарлетт, и не успела

она опомнится, как ее уже обрядили в венчальное платье и в фату Эллин, и отец повел дочь под руку по широкой лестнице вниз, в парадные комнаты Тары, где было полным-полно гостей. Впоследствии ей припоминалось – неотчетливо, словно полузабытый сон, – великое множество горящих свечей в канделябрах и настенных бра, нежное, чуть встревоженное лицо Эллин, ее губы, беззвучно шепчущие молитву, прося счастья для дочери, раскрасневшееся от бренди лицо Джералда, гордого тем, что его дочь подцепила жениха с деньгами и из хорошей семьи, да к тому же еще старинного рода... и лицо Эшли, стоявшего возле лестницы под руку с Мелани.

Увидев выражение его лица, она подумала: «Все это, верно, сон. Этого не может быть. Это страшный сон. Сейчас я проснусь, и сон кончится. Нет, нельзя думать об этом, не то я закричу на весь полный людей дом. Я не должна думать об этом сейчас. Я обо всем подумаю потом, когда найду в себе силы это выдержать... Когда не буду видеть его глаз».

Как во сне она прошла мимо расступившихся, улыбающихся гостей, как во сне взглянула в раскрасневшееся лицо Чарльза, услышала его запинаящийся голос и свои слова, звучавшие так ясно, так холодно-спокойно. А потом были поздравления, и поцелуи, и тосты, и танцы – и все как во сне. Даже прикосновение губ Эшли к ее щеке, даже нежный шепот Мелани: «Теперь мы по-настоящему породнились, стали сестрами», – все, казалось, было нереально. Даже всеобщий переполох, вызванный обмороком тетушки Чарльза мисс Питтипэт Гамильтон – толстой чувствительной старой дамы, – все было похоже на страшный сон.

Но когда отзвучали Тосты и отгремела бальная музыка, когда начала заниматься заря и все гости из Атланты улеглись спать: кто здесь, в доме, – на кроватях, на кушетках, на циновках, брошенных на под, кто – в домике управляющего, а все соседи отправились домой отдохнуть перед предстоящей на следующий день свадьбой в Двенадцати Дубах, – тогда сон внезапно оборвался, разлетелся на мелкие осколки, как хрупкое стекло, не устояв перед вторжением реальности, принявшей облик зардевшегося от смущения Чарльза, появившегося в почвой рубашке из гардеробной и старательно избегавшего ее испуганного взгляда, устремленного на него поверх натянутой до подбородка простыни.

Конечно, она знала, что супружеские пары спят в одной постели, но эта сторона брака никогда не занимала ее мыслей. Это казалось само собой разумеющимся, если речь шла о ее матери и отце, но к ней самой словно бы не имело отношения. И только теперь, впервые после злополучного барбекю, до ее сознания дошло, на что она себя обрекла. Позволить этому чужому юноше, за которого она, в сущности, совсем не хотела выходить замуж, лечь к ней в постель в то время, как душу ее раздирали мучительные сожаления о слишком поспешно принятом решении и дикая тоска по навеки потерянному для нее Эшли, – нет, это было уже выше ее сил. Когда он нерешительно приблизился к постели, она хрипло, торопливо прошептала: – Я закричу, если вы сделаете еще шаг. Я закричу! Закричу на весь дом! Убирайтесь отсюда! Не смейте прикасаться ко мне!

И Чарльз Гамильтон провел свою первую брачную ночь в большом кресле в углу спальни, не чувствуя себя, впрочем, чрезмерно несчастным, ибо понимал или ему казалось, что он понимает, скромность и целомудрие своей невесты. Он готов был бы ждать, пока ее боязнь не пройдет, если бы... если бы не... И, стараясь поудобнее устроиться в кресле, он тяжело вздыхал – ведь скоро ему предстояло идти воевать.

Если ее собственная свадьба была подобна страшному сну, то свадьба Эшли стала для нее еще более тяжким испытанием. Она стояла в своем яблочно-зеленом, сшитом специально для второго дня свадьбы платье в гостиной Двенадцати Дубов среди жаркого сияния сотен свечей, в точно такой же толпе гостей, как накануне, и видела расцветавшее от счастья простенькое личико Мелани Гамильтон, отныне Мелани Уилкс, видела, как оно, преображаясь, становится красивым. И она думала о том, что теперь Эшли ушел от нее навсегда. Ее Эшли. Нет, уже не ее.

Да и был ли он когда-нибудь ее? Все спуталось у нее в мозгу – она так устала, так истерзана. Он ведь сказал, что любит ее, но что-то их разлучило. Что же? Если бы она могла припомнить... Она вышла замуж за Чарльза и заставила всех сплетниц округи прикусить языки, но какое это имело теперь значение? Когда-то это казалось ей очень важным, а сейчас утратило всякую цепу в ее глазах. Единственное, что было важно, – это Эшли. А он теперь потерян для нее, и она замужем за человеком, которого не только не любит, хуже того – презирает.

Ах, какие муки сожалений испытывала она! Ей не раз доводилось слышать поговорку: «Жабу гото» проглотить, лишь бы другим насолить», но только теперь до нее полностью дошел смысл этих слов. Потому что к отчаянному желанию снова стать свободной от Чарльза, от брачных уз, стать незамужней девчонкой, вернуться под надежный отчий кров примешивалось мучительное сознание, что ей некого винить, кроме себя самой. Эллин пыталась удержать ее от этого шага, а она ее не послушалась.

Как в тумане, протанцевала она всю ночь, ночь свадьбы Эшли, до утра, смеялась, улыбалась, машинально произносила какие-то слова и, без особых на то оснований, удивлялась глупости окружающих, видевших в ней только счастливую молодую супругу и не понимавших, что сердце ее разбито. Да, слава богу, они ничего не понимали!

В эту ночь, после того как Мамушка помогла ей раздеться и удалилась и Чарльз стыдливо появился из гардеробной, полный опасений, не придется ли ему и вторую брачную ночь провести в жестком, набитом конским волосом кресле, она внезапно разрыдалась. Она плакала, и Чарльз наконец лег рядом с ней и попытался ее утешить, а она все плакала, беззвучно, пока не иссякли слезы, а потом заснула, тихонько всхлипывая, на его плече.

Не будь войны, всю следующую неделю новобрачные разъезжали бы по графству, отдавая визиты, всю неделю бы шли балы и устраивались пикники в честь двух молодых пар, после чего они отправились бы в свадебное путешествие в Саратогу и Уайт Салфор. Не будь войны, Скарлетт сшили бы новые платья для приемов в ее честь на третий, четвертый и пятый день – у Фонтейнов, Калвертов и Тарлтонов. Но шла война, и не было ни приемов, ни свадебных путешествий. Через неделю после венчания Чарльз уехал, чтобы присоединиться к полковнику Уэйдю Хэмптону, а две недели спустя отбыл и Эшли с Эскадром, оставив всех родных и друзей горевать и ждать.

За эти две недели Скарлетт ни разу не виделась с Эшли наедине, не обмолвилась с ним ни единым словом с глазу на глаз. Даже в страшную минуту прощания, когда он завернул в Тару по дороге на станцию, они ни на секунду не оставались вдвоем. Мелани, в шляпке и шали, еще более сдержанная, уравновешенная в своей новой роли замужней женщины, держала его под руку, и все обитатели усадьбы – как белые, так и черные – высыпали во двор проводить мистера Эшли на войну.

Мелани сказала:

– Ты должен поцеловать Скарлетт, Эшли. Она стала мне сестрой теперь. – И Эшли наклонился к ней и прикоснулся холодными губами к ее щеке. Лицо у него было замкнутое, напряженное. Поцелуй этот не доставил Скарлетт радости – ведь Эшли поцеловал ее по подсказке Мелани, и сердце ее было полно угрюмой злобы. Мелани же, прощаясь, чуть не задушила ее в объятиях.

– Непременно, непременно приезжайте в Атланту проведать меня и тетушку Питтипэт! О дорогая, мы так хотим, чтобы вы приехали! Мы хотим поближе узнать жену нашего Чарли!

Прошло пять недель. От Чарльза из Южной Каролины летели письма – полные любви, планов на будущее по окончании войны, стремления совершать подвиги на поле боя в честь Скарлетт и пылкового преклонения перед своим полковым командиром Уэйдом Хэмптоном. А на седьмой неделе пришла телеграмма от самого полковника Хэмптона и следом за телеграммой –

письмо с выражением почтительного соболезнования и добрых пожеланий. Чарльза не стало. Полковник известил бы о его болезни раньше, но Чарльз считал ее пустяковой и не хотел попусту тревожить близких. Судьба обманула незадачливого мальчика, не подарив ему ни любви, которую, как ему казалось, он завоевал, ни воинских подвигов на полях сражений. Он умер бесславно и быстро от кори, осложнившейся пневмонией, не успев покинуть лагерь в Южной Каролине, не успев встретиться в бою ни с одним явки.

В положенный срок появился на свет сын Чарльза и, следуя моде того времени, его нарекли по имени командира его покойного отца – Уэйдом Хэмптоном Гамильтоном. Скарлетт, открыв, что она беременна, рыдала от отчаяния и призывала к себе смерть. Но носила она ребенка, не испытывая никаких неудобств, роды протекали, на диво, легко, и оправилась она после них так быстро, что вызвала тайное неодобрение Мамушки: благородным дамам положено, мол, мучиться дольше. К ребенку Скарлетт не чувствовала особой привязанности, хотя и умела это скрывать. Она не хотела ребенка, всем своим существом восставала против его появления на свет, и когда он все-таки появился, ей как-то не верилось, что он – частица ее самой.

Хотя физически она и оправилась после родов в непозволительно короткий срок, душа ее была больна и потрясена, дух сломлен, и усилия всех обитателей поместья не могли возродить ее к жизни. Эллин ходила хмурая, тень заботы постоянно омрачала теперь ее чело, а Джералд бранился и сквернословил пуще прежнего и привозил Скарлетт бесполезные подарки из Джонсборо. Даже старый доктор Фонтейн был озадачен: его настойка из серы, трав и черной патоки не помогала Скарлетт воспрянуть духом. Он поведал Эллин свою догадку: сердце Скарлетт разбито, и от этого она то раздражается по пустякам, то впадает в апатию. Но Скарлетт, пожелай она признаться в этом, могла бы сказать им, что состояние ее объясняется совсем иными и куда более сложными причинами: смертельной скукой, и обузой материнства, а главное – исчезновением из ее жизни Эшли. Вот что ее угнетало.

Острая, убийственная скука никогда не покидала ее. После отбытия Эскадрона во всем графстве прекратились всякие развлечения и празднества. Все интересные молодые люди уехали на войну: все четверо братьев Тарлтонов, оба брата Калверты, Фонтейны, Манро, да и в Джонсборо, и в Фейетвилле, и в Лавджое не осталось молодых и привлекательных мужчин. Никого, кроме пожилых людей, калек и женщин, проводивших время за вязанием и шитьем или старавшихся вырастить для армии больше хлопка, больше кукурузы, больше овец, свиней, коров. Единственным мужчиной, появлявшимся на горизонте Скарлетт, был не слишком молодой уже обожатель Сьюлин, командир интендантского отряда Франк Кеннеди, приезжавший раз в месяц собрать поставки для армян. Среди его интендантов не на кого было посмотреть, а робкие ухаживания Франка за Сьюлин приводили Скарлетт в такое раздражение, что ей стоило немалого труда держаться с ним учтиво. Скорей бы уж они со Сьюлин довели это дело до конца!

Впрочем, если бы даже среди интендантов нашлись интересные мужчины, для нее ничего бы от этого не изменилось. Она была вдова, и сердце ее умерло и погребено в могиле. По крайней мере, так полагали все и, ждали, что соответственно этому она и будет себя вести. Это бесило Скарлетт, ибо, какие бы она ни прилагала старания, ей не удавалось воскресить в памяти образ Чарльза вспоминался лишь томный взгляд его телячьих глаз в то мгновение, когда он понял, что она согласна стать его женой. И даже это воспоминание тускнело с каждым днем. Тем не менее положение вдовы обязывало ее быть осмотрительной в своих поступках. Девичьи развлечения теперь не для нее. Она должна держаться степенно, с достоинством. Эллин настойчиво и пространно внушала ей это, после того как застала ее раз в саду с лейтенантом из отряда Фрэнка Кеннеди. Он качал Скарлетт на качелях, и она заливалась хохотом. Эллин, очень расстроенная, постаралась втолковать ей, как легко молодая вдова может дать пищу для пересудов. Вдова должна вести себя еще строже, чем замужняя дама.

«Господи, замужние женщины и так лишены всяких развлечений! – думала Скарлетт, послушно внимая мягким укорам матери. – А вдова, значит, должна просто заживо уложить себя в могилу».

Вдова обязана носить омерзительное черное платье без единой ленточки, тесемочки, кусочка кружев, – даже цветок не должен его оживлять, даже украшения, – разве что траурная брошь из оникса или кольцо, сплетенное из волос усопшего. Черная креповая вуаль должна непременно ниспадать с чепца до колен, я только после трех лет вдовства она может быть укорочен до плеч. Вдова ни в коем случае не должна оживленно болтать или громко смеяться. Она может позволить себе улыбнуться, но лишь печальной, трагической улыбкой. И что ужаснее всего, вдова не может проявлять ни малейшего интереса к обществу мужчин. А если кто-нибудь из джентльменов окажется столь невоспитан, что проявит к ней интерес, с достоинством по месту упомянутое имя покойного супруга должно немедленно превратить наглеца в соляной столб. «Конечно, – мрачно думала Скарлетт, – бывает все же, что вдовы выходят замуж вторично – чаще всего уже превратившись в жилистых старух, но одному только богу известно, как им это удается под неусыпным оком добрых соседей. И притом на них свалится обычно какой-нибудь доведенный до отчаяния вдовец с большой плантацией и дюжиной ребятишек».

Брак сам по себе был достаточно тяжким испытанием, во вдовство означало, что жизнь кончена навсегда! Как глупо рассуждают те, кто говорит, что маленький Уэйд Хэмптон должен служить для нее огромным утешением теперь, когда Чарльза не стало. Как нелепо их утверждение, что у нее появилась цель жизни! Все в один голос кричат, как это прекрасно, что он оставил ей залог своей любви. Она, конечно, не пытается поколебать их иллюзий. Но сколь же все они далеки от истины! Уэйд меньше всего занимает ее мысли, и порой они даже с трудом вспоминает о том, что он – ее сын.

Каждое утро в полудреме, предшествующей пробуждению, она снова была прежней Скарлетт О'Хара, и солнце играло в зелени магнолии за ее окном, и пересмешники свиристели, и аппетитный запах жареной грудинки щекотал ей ноздри. И она снова была молода и беззаботна. А потом раздавался жалобный крик крошечного проголодавшегося существа, и всякий раз в первый миг было только удивление, и мелькала мысль: «Что это – у нас в доме ребенок?» И тут же она спохватывалась: «Да это же мой сын!» И внезапное возвращение к действительности было тягостным.

А затем – Эшли! О, каждый миг снова Эшли, Эшли! Впервые в жизни она возненавидела Тару, возненавидела длинную красную дорогу, ведущую с холма к реке, возненавидела красные поля с прозеленью хлопка. Каждая пядь земли, каждое дерево и каждый ручей, каждая тропинка и верховая тропа напоминали ей о нем. Он принадлежал другой женщине и ушел на войну, но его призрак все еще незримо бродил в сумерках по дорогам, и мечтательные серые глаза улыбались ей из затененного угла веранды. И если на дороге, ведущей от Двенадцати Дубов вдоль реки, раздавался стук подков, сердце ее сладко замирало на миг – Эшли!

Она возненавидела теперь и Двенадцать Дубов, которые когда-то так любила. Она и ненавидела эту усадьбу, и против воли стремилась туда, чтобы услышать, как Джон Уилкс и его дочери говорят об Эшли, как они читают вслух его письма из Виргинии. Ей было больно, но она не могла не слушать. Ей Претили чопорность Индии и тупая болтовня Милочки, и она знала, что они ее тоже терпеть не могут, но не ездить к ним было выше ее сил. И всякий раз, вернувшись из Двенадцати Дубов, она угрюмо бросалась на постель, и отказывалась спуститься к ужину.

Именно эти отказы от пищи больше всего беспокоили Элин и Мамушку. Последняя появлялась в ее комнате с подносом, уставленным соблазнительными яствами, вкрадчиво давая понять, что теперь, став вдовой, она может есть сколько ее душевнике угодно. Но у Скарлетт не было аппетита.

Доктор Фонтейн с сумрачным ведем сказал однажды Эллин, что есть примеры, когда от безутешной скорби женщины начинали чахнуть и сходили в могилу, – Эллин побледнела: та же цель глодала и ее.

– Что же нам делать, доктор?

– Перемена обстановки была бы для нее лучшим лекарством, – сказал доктор, больше всего озабоченный тем, чтобы сбить с рук трудную пациентку. И вот Скарлетт вместе с младенцем отправилась, хотя и без особой охоты, навестить своих родственников О’Хара и Робийяров в Саванне, а затем сестер Эллин – Полин и Евлалия – в Чарльстоне. Но совершенно неожиданно для Эллин, ожидавшей ее на месяц позже, она без всяких объяснений возвратилась домой. В Саванне Скарлетт был оказан самый радушный прием, но какая скука сидеть смиреннько с этими стариками – Джеймсом и Эндрю и их женами – и слушать, как они вспоминают былое, которое ничуть не интересовало Скарлетт! То же повторилось и у Робийяров, а Чарльстон, по мнению Скарлетт, был омерзителен.

Тетушка Полин и ее супруг, маленький, хрупкий, церемонно-вежливый старичок с отсутствующим взглядом, бродивший мыслями где-то в прошлом веке, жили на плантации, еще более уединенной, чем Тара, на берегу реки. До ближайшего поместья было добрых двадцать миль сумрачными дорогами, через пустынные дубовые рощи, заросли кипариса я болота. При взгляде на виргинские дубы, оплетенные серой бахромой мха, Скарлетт пробирала дрожь: они пробуждали в ней воспоминания об ирландских духах, бродящих в мерцающем сером тумане, о которых часто рассказывал ей в детстве Джералд. Заняться здесь было совершенно нечем, к целыми днями она вязала, а вечерами слушала, как дядюшка Кари читал вслух нравоучительные творения Булвер-Литтона.

В Чарльстоне, в большом доме тетушки Евлалии, скрытом от глаз за высокой оградой и садом, было так же тоскливо. Скарлетт, привыкшей к свободным просторам полей и пологих красных холмов, все время казалось, что она в тюрьме. Жили здесь не столь замкнуто, как у тетушки Полин, но Скарлетт не нравились посещавшие этот дом люди – их чопорность, приверженность традициям, подчеркнутая кастовость. В их глазах она была плодом мезальянса. Все они дивились про себя, как одна из Робийяров могла выйти замуж за пришлого ирландца, и Скарлетт угадывала их мысли. Она чувствовала, что тетушка Евлалия постоянно просит для нее снисхождения за ее спиной. Это ее бесило, так как она не больше дорожила родовитостью, чем ее отец. Она гордилась Джералдом, сумевшим выбиться в люди без посторонней помощи, исключительно благодаря своей ирландской сметке.

К тому же чарльстонцы приписывали себе слишком большие заслуги в овладении фортом Самтер! Боже милостивый, неужели эти тупицы не понимали: если бы даже у них хватило ума не стрелять, рано или поздно выстрелил бы какой-нибудь другой идиот, и война все равно бы началась. Даже их тягучая речь казалась ей, привыкшей к быстрому, живому говору Северной Джорджии, жеманной. Порой она, боялась, что заткнет уши и завизжит, если еще раз услышит «псалмы» – вместо «пальмы» или «маа» и «паа» – вместо «ма» и «па». Все это так ее раздражало, что во время одного официального визита она, к вящему огорчению тетушки Евлалии, заговорила с провинциальным ирландским акцентом, ловко имитируя произношение Джералда.

После этого она вернулась домой. Лучше терзаться думами об Эшли, чем терзать свои уши чарльстонской речью.

Эллин, дни и ночи проводившая в трудах, стараясь поднять доходность имения на благо Конфедерации, пришла в ужас, когда ее старшая дочь – худая, бледная, злоязычная – возвратилась домой. Ночь за ночью, лежа рядом с безмятежно похрапывающим Джералдом, Эллин вспоминала, как сама пережила когда-то невозвратимую утрату, и ломала себе голову,

пытаясь придумать, чем облегчить страдания дочери. Тетушка Чарльза, мисс Питтипэт Гамильтон, уже не раз писала ей, настойчиво прося отпустить Скарлетт погостить у них в Атланте, и теперь Эллин впервые всерьез задумалась над этим предложением.

Тетушка и Мелани жили одни в большом доме, «без всякой мужской опеки теперь, когда не стало вашего дорогого Чарльза», писала мисс Питтипэт. «Конечно, есть еще мой брат Генри, но он не живет под одним с нами кровом. Вероятно, Скарлетт поведала Вам о Генри. Деликатность не позволяет мне более подробно касаться этой темы в письме. А нам с Мелани будет много легче и спокойней, если Скарлетт приедет погостить у нас. Одиноким женщинам втроем лучше, чем вдвоем. И может быть, дорогая Скарлетт найдет для себя утешение в горе, как делает это Мелани, ухаживая за нашими храбрыми мальчиками в здешнем госпитале, ну, и конечно, и Мелани и я жаждем увидеть ее драгоценного малютку...» Словом, вдовьи одеяния Скарлетт снова были собраны в дорогу, и она отбыла в Атланту с Уэйдом Хэмптоном, его нянькой Присси, сотней конфедератских долларов от Джералда и кучей наставлений, как ей надлежит себя вести, от Мамушки и Эллин. Не очень-то хотелось Скарлетт ехать в Атланту. Тетушка Питти в ее представлении была на редкость глупой старухой, и Скарлетт претила мысль о том, чтобы жить под одной крышей с женой Эшли. Но оставаться дома, где воспоминания обступали ее со всех сторон, дом для нее невыносимо, и она готова была бежать куда глаза глядят.

Майским утром 1862 года поезд уносил Скарлетт на север. При всей своей неприязни к Мелани и мисс Питтипэт, Скарлетт не без любопытства думала о переменах, которые могли произойти в Атланте с прошлой, еще довоенной, зимы, когда она последний раз побывала там, и о том, что как-никак этот город не может быть столь же невыносимо скучен, как Чарльстон или Саванна.

Атланта с детства интересовала Скарлетт больше других городов потому, что, по словам Джералда, этот город был ее ровесником. Джералд, как обычно, слегка погрешил против истины ради красного словца, и Скарлетт с годами это поняла, – но так или иначе. Атланта все равно была лишь, на девять лет старше ее и, следовательно, необычайно молода по сравнению с другими городами. Саванна и Чарльстон были старые, почтенные города – один приближался к концу своего второго столетия, другой уже шагнул в третье, и в глазах Скарлетт они были городами-бабушками, мирно греющими на солнце свои старые кости, обмахиваясь веерами. Атланта же принадлежала к одному с ней поколению – молодой, своевольный, необузданный город, под стать ей самой.

А ее ровесником Джералд сделал этот город потому, что свое последнее крещение Атланта получила в один год со Скарлетт, За девять лет до этого город сначала назывался Терминус, потом Мартасвилл и только в год рождения Скарлетт был переименован в Атланту.

Когда Джералд прибыл в Северную Джорджию, Атланты не было еще и в помине, не было даже крошечного поселка – сплошная дичь и глушь. Но уже в следующем, 1836 году, штат утвердил проект прокладки железной дороги на северо-запад – через только что очищенную от индейцев чероки территорию. Конечный пункт этой дороги – штат Теннесси на Западе – был уже четко обозначен, но откуда она должна была взять свое начало в Джорджии, никто толком не знал, пока годом позже некий безымянный строитель не воткнул палку в красную глину, обозначив исходную южную точку дороги и место будущего города Атланты, поначалу названного просто Терминус, то есть конечная станция.

В те годы в Северной Джорджии еще не проложили железных дорог, да и вообще они были тогда редкостью. Но незадолго до того года, когда Джералд сочетался браком с Эллин, крошечная фактория в двадцати пяти милях к северу от Тары превратилась в деревушку, и полотно будущей железной дороги медленно поползло от нее на север. А потом началась эра повсеместной прокладки железных дорог. От старого города Огасты потянулась через штат другая дорога – на запад, на пересечение с новой дорогой на Теннесси. Из другого старого города – Саванны – началось строительство третьей железной дороги – сначала до Мейкона, в Центральной Джорджии, а затем на север, через графство, где поселился Джералд, до Атланты, для соединения с двумя упомянутыми выше дорогами, что обеспечивало Саваннской гавани связь с западными территориями. А потом из этого железнодорожного узла, из молодого города Атланты, была проложена четвертая железная дорога – на юго-запад до Монтгомери и Мобайла.

Рожденный железными дорогами город рос и развивался вместе с ними. Когда все четыре железнодорожные линии были завершены, Атланта обрела прямую связь с западом, с югом и с побережьем, а через Огасту – с севером и востоком. Оказавшись на пересечении всех путей, маленькая деревушка расцвела. За короткий промежуток времени – Скарлетт тогда исполнилось семнадцать лет – на том месте, где в красную глину была воткнута палка, вырос преуспевающий городок Атланта, насчитывавший десять тысяч жителей и приковывавший к себе внимание всего штата. Более старые и более степенные города, взирая на кипучий молодой город, чувствовали себя в положении курицы, неожиданно высидевшей гусенка. Почему Атланта приобретала столь

отличный от всех других городов Джорджии облик? Почему она так быстро росла? В конце концов, она же ничем особенным похвалиться не могла, если не считать железных дорог и кучки весьма предприимчивых людей.

Ничего не скажешь, первые поселенцы, обосновавшиеся в Терминусе, переименованном затем в Мартасвилл, а позже в Атланту, бесспорно были людьми предприимчивыми. Деятельные, энергичные, они стекались на ранее освоенных областей Джорджии, да и из других отдаленных штатов в этот разрастающийся вокруг железнодорожного узла городок. Они приезжали сюда, исполненные веры в будущее. И строили свои склады и магазины по обочинам пяти красных раскисших дорог, пересекавшихся позади вокзала. Они воздвигали добротные дома на Уайтхолле и на улице Вашингтона и вдоль подножия высокого холма, где мокасины многих поколений индейцев протоптали путь, именуемый Персиковой тропой. Они гордились своим городом, гордились его быстрым ростом и собой, ибо это благодаря их усилиям он рос. Старые города могли давать Атланте какие угодно прозвища. Атланта не придавала этому значения.

Атланта привлекала Скарлетт именно тем, что заставляло Саванну, Огасту и Мейкон относиться к этому городу с презрением. В Атланте, как и в ней самой, старое причудливо переплелось с новым, и в этом единоборстве старое нередко уступало своеволию и силе нового. А сверх того, некоторую роль играли в этом и чисто личные причины – Скарлетт увлекала мысль о том, что этот город родился или, во всяком случае, был крещен одновременно с ней.

Ночь, проведенная в дороге, была ветреной и дождливой, но когда поезд прибыл в Атланту, жаркое солнце уже храбро взялось за работу и трудилось вовсю, стараясь высушить улицы, превратившиеся в потоки и водовороты грязи. Глинистая площадь перед вокзалом, вдоль и поперек изрытая колесами и копытами, представляла собой жидкое месиво, наподобие тех луж, в которых любят поваляться свиньи, и несколько повозок уже увязло в этом месиве по самые ступицы. Сквозь сутолоку и грязь непрерывной вереницей тянулись через площадь армейские фургоны и санитарные кареты, выгружая из вагонов боеприпасы и раненых, мулы тонули в этой жиже, возницы чертыхались, фонтаны грязи летели из-под колес.

Скарлетт стояла на нижней подножке вагона – бледная и очаровательная в своем черном траурном платье, с траурным крепом почти до пят. Она не решалась ступить на землю, боясь испачкать туфли и подол платья; оглядываясь по сторонам, ища глазами среди всех этих громыхающих повозок, колясок и карет пухленькое розовощекое личико мисс Питтипэт, она увидела, что к ней, с видом важным и величественным, направляется, шлепая по лужам, худой старый седовласый негр со шляпой в руке.

– А это, сдается мне, мисс Скарлетт? А я Питер – кучер мисс Питтипэт. Стойте, не лезьте в такую грязь! – сердито остановил он Скарлетт; которая, подобрав юбки, уже готова была спрыгнуть с подножки. – Вы, глядишь, не лучше мисс Питти, она что твое дитя малое – завсегда ноги промачивает. Давайте-ка я вас снесу. Он поднял Скарлетт на руки – поднял легко, невзирая на свой возраст и хилый вид, – и, заметив Присси, стоящую на площадке вагона с ребенком на руках, спросил:

– А эта девчушка – ваша нянька, что ли? Молода еще, чтобы нянчить единственного сыночка мистера Чарльза – вот что я вам скажу, мисс Скарлетт. Ну, да об этом опосля. Ступай за мной, да смотри ребенка-то не урони!

Скарлетт кротко выслушала нелестный отзыв о своем выборе няньки, высказанный весьма безапелляционным тоном, и столь же кротко позволила старику негру подхватить себя на руки. Пока он нес ее через площадь к коляске, а Присси, надув губы, шлепала за ним по лужам, ей

припомнилось, что рассказывал Чарльз про «дядюшку Питера»:

«Всю Мексиканскую кампанию он проделал бок о бок с отцом, выхаживал его, когда отец был ранен, короче говоря, спас ему жизнь. Он же, в сущности, и вырастил нас с Мелани, ведь мы остались совсем крошками после смерти отца и матери. Тетя Питти в то время рассорилась с дядей Генри, своим братом, переехала жить к нам и взяла на себя заботы о нас. Только она совершенно беспомощное создание, этаким славным добрым большой ребенок, и дядюшка Питер так к ней и относился – как к ребенку. Даже для спасения собственной жизни она ни по какому, самому простому вопросу не в состоянии принять самостоятельного решения, так что дядюшка Питер должен все решать за нее. Это он, когда мне сравнялось пятнадцать лет, решил, что надо увеличить сумму, отпускаемую на мои карманные расходы, и он же настоял, чтобы я заканчивал свое образование в Гарварде, в то время как дядя Генри хотел, чтобы я окончил местный университет. И когда Мелани подросла, тот же дядюшка Питер решал, можно ли уже позволить ей делать прическу и выезжать в свет. По его слову тетя Питти должна оставаться дома и не ездить с визитами, если он находит, что на дворе слишком холодно или слишком сыро, и он же указывает ей, когда нужно надеть шаль... Он самый умный, сметливый негр из всех, каких мне доводилось видеть, и самый преданный. Беда лишь в том, что все мы трое, со всеми потрохами, находимся в его безраздельной личной собственности, и он это превосходно понимает».

Слова Чарльза нашли подтверждение, как только дядюшка Питер влез на козлы и взял в руки кнут.

– Мисс Питти крепко расстроилась, что не поехала вас встретить. Боится, вы, может, не поймете, но я сказал ей, чтоб не ехала: она с мисс Мелли только в грязи выпачкаются и новые платья себе испортят. Ну, а я сам все вам растолкую. Мисс Скарлетт, вы бы взяли ребеночка-то на руки. Как бы эта пигалица его не уронила.

Скарлетт покосилась на Присси и вздохнула. Присси, конечно, была не лучшей из нянек. Недавнее превращение из тощей девчонки в короткой юбке, с тугими, торчащими в разные стороны косичками, в солидную особу в длинном ситцевом платье и белом накрахмаленном тюрбане приводило ее в состояние радостного возбуждения. Она никак не могла бы достичь столь высокого положения в столь раннюю пору жизни, если бы не война, с ее неотложными запросами. Интендантская служба предъявляла свои требования к поставкам с Тары, и Эллин просто не могла обойтись без Мамушке или Дилси или даже Розы или Тины. Присси еще ни разу в жизни не удалялась от Тары и Двенадцати Дубов больше чем на милю, и путешествие в поезде, да еще в непривычном высоком звании няньки, оказалось почти непосильным испытанием для ее бедного маленького умишка. Двадцатимильный переезд от Джонсборо до Атланты так ее взбудоражил, что Скарлетт пришлось все время самой держать ребенка на руках. Теперь же зрелище никогда не виданного скопления домов и людей окончательно деморализовало Присси. Она подпрыгивала на сиденье и вертелась во все стороны, так при этом подбрасывая ребенка, что он стал жалобно хныкать.

А Скарлетт с тоской вспоминала старые пухлые руки Мамушки, которой стоило только прикоснуться к ребенку, чтобы он тотчас затих. Но Мамушка осталась в Таре, и тут уж ничего нельзя было поделать. А брать маленького Уэйда к себе на руки не имело смысла. У нее на руках он будет орать ничуть не меньше, чем у Присси, да еще станет хвататься за ленты и стягивать с нее чепец и, конечно, помнет ей платье. И Скарлетт сделала вид, что не расслышала слов дядюшки Питера.

«Может быть, я со временем и научусь обращаться с детьми, – с досадой подумала Скарлетт, трясясь в коляске, с трудом выбиравшейся из привокзальной грязи. – Но все равно мне никогда не доставит удовольствия сюсюкать над ними». И, видя, что личико ребенка совсем побагровело от крика, она сказала раздраженно:

– Дай ему соску с сахаром. Присси, она у тебя в кармане. Сделай что-нибудь, уйми ребенка. Он, понятно, голоден, во я сейчас ничем не могу помочь.

Присси достала сахар, завернутый в марлю, который сунула ей утром на дорогу Мамушка, и ребенок затих, а Скарлетт стала поглядывать по сторонам, и ее настроение немного поднялось. Когда дядюшке Питеру удалось наконец выволочь коляску из глинистых рытвин и выбраться на Персиковую улицу, она почувствовала, что любопытство впервые за многие месяцы снова пробуждается в ней. Как вырос город! Всего лишь год с небольшим назад была она здесь в последний раз, и казалось просто непостижимым, что маленькая Атланта могла так перемениться за столь короткий срок.

Весь прошедший год Скарлетт была так погружена в свои несчастья, а постоянные разговоры о войне так ей прискучили, что она оставалась в неведении тех коренных перемен, которые начали совершаться в Атланте, лишь только прогремели первые выстрелы. Железные дороги, сделавшие Атланту центром пересечения всех торговых путей в мирное время, приобретали в дни войны важное стратегическое значение. Расположенный вдали от района боевых действий, город этот с его железнодорожным узлом стал связующим звеном между двумя армиями Конфедерации – армией Виргинии и армией Теннесси и Запада. И через ту же Атланту шли пути, соединявшие обе эти армии с глубинным Югом, откуда они черпали все необходимое для фронта. А теперь, отвечая нуждам войны, Атланта становилась и промышленным центром, и военно-санитарной базой, и главным арсеналом, и складом продовольствия, поступавшего для сражавшихся армий Юга.

Скарлетт глядела во все глаза, тщетно ища приметы того маленького городка, который был ей так хорошо знаком. Его не стало. Представший ее взору город был похож на младенца, в одну ночь превратившегося в огромного шумного неуклюжего детину.

Атланта гудела, как растревоженный улей, гордая сознанием своего значения для Конфедерации. И день и ночь здесь шла работа – сельскохозяйственный край стремительно превращался в индустриальный. До войны южнее Мериленда почти не было ни хлопкопрядильных, ни шерстомотальных фабрик, ни арсеналов, ни заводов – обстоятельство, коим всегда гордились южане. Юг поставлял государственных деятелей и солдат, плантаторов и врачей, адвокатов и поэтов, но уж никак не инженеров или механиков. Эти низменные профессии были уделом янки. Но теперь, когда военные корабли северян блокировали порты конфедератов и лишь ничтожное количество грузов могло просочиться сюда из Европы, Юг начал предпринимать отчаянные попытки самостоятельно производить боевую технику. Север мог со всех концов мира получать боеприпасы и подкрепление – тысячи ирландцев и немцев, привлеченные щедрыми Посулами, пополняли ряды армии северян. Юг мог рассчитывать только на себя.

В Атланте механические мастерские упорно и кропотливо перестраивали станки на производство боевой техники – кропотливо, ибо на Юге почти не было для этого образцов и чуть ли не каждый винтик и каждую шестеренку приходилось изготавливать по чертежам, доставляемым, минуя блокаду, из Англии. Немало чужеземных лиц можно было теперь встретить на улицах Атланты, и жители, чье внимание год назад сразу привлекал к себе даже легкий акцент уроженцев Запада, перестали подмечать непривычную для их слуха речь европейцев, проникавших в город через заблокированные порты, чтобы делать станки и производить снаряжение для армии конфедератов. Все это были умелые люди, без которых Конфедерация не получила бы своих пистолетов, винтовок, пушек и пороха.

Казалось, можно было слышать, как пульсирует сердце города, как оно неустанно, день и ночь гонит по железнодорожным артериям военное снаряжение к двум сражавшимся армиям. В любые часы суток ревели гудки паровозов: прибывали одни поезда, отбывали другие. Сажа из

вознесшихся над городом фабричных труб оседала на белые стены домов. Всю ночь пылали горны, и удары молотов еще долго продолжали гроыхать, в то время как жители уже покоились в своих постелях. Там, где год назад тянулись пустыри, теперь работали мастерские, изготавливая седла, упряжь, подковы; оружейные заводы производили винтовки и пушки; прокатные и литейные цехи – рельсы и товарные вагоны, которые должны были заменить те, что были уничтожены северянами. А на множестве различных предприятий выпускались пуговицы, шпоры, хомуты, палатки, уздечки, пистолеты и сабли. Литейные уже начинали ощущать нехватку металла, поскольку рудокопы ушли сражаться на фронт и алабамские рудники почти бездействовали, а ввоз через заблокированные порты стал почти невозможен. В Атланте уже не осталось чугунных оград, чугунных решеток, чугунных ворот и даже чугунных статуй на газонах – все, было отправлено в плавильни.

А вдоль Персиковой улицы и по всем прилегающим переулкам протянулись различные военные управления: интендантское, связи, почтовое, железнодорожное, главное управление военной полиции... и всюду, куда ни глянь, в глаза бросались военные мундиры. В пригородах расположились ремонтные службы с большими загонами для лошадей и мулов, а на окраинных улицах – госпитали. Слушая дядюшку Питера, Скарлетт начинала понимать, что Атланта стала городом раненых: здесь были общие госпитали, инфекционные госпитали, госпитали для выздоравливающих, – всех не перечесть. И каждый день продолжали прибывать поезда с новыми партиями раненых и больных.

От прежнего тихого городка не осталось и следа, и новый, быстро разраставшийся город шумел и бурлил с невиданной энергией. У Скарлетт, привыкшей к неспешному, ленивому течению сельской жизни и к тишине, просто дух захватывало от всей этой суматохи, но она пришлась ей по вкусу. Кипучая атмосфера Атланты приятно волновала и бодрила, и сердце Скарлетт учащенно забилося, словно ей передалось лихорадочное биение пульса города.

Пока коляска медленно пробиралась по грязным колдобинам главной улицы города, Скарлетт с интересом разглядывала новые здания и игровые лица. В толпе на тротуарах мелькали мундиры с нашивками, указывавшими на принадлежность к различным родам войск и различные звания. Узкая улица была сплошь запружена повозками, колясками, кабриолетами, санитарными и армейскими фургонами; мулы с трудом волокли их по разбитым колеям, возницы отчаянно чертыхались. Вестовые в серой форменной одежде носились, разбрызгивая грязь, из одной воинской части в другую, доставляя приказы и депеши; раненые ковыляли на костылях – нередко в сопровождении двух заботливых дам; с учебного плаца, где новобранцев в спешном порядке обучали строевой службе, доносилась дробь барабана, звуки горна, выкрики команды, и у Скарлетт перехватило дыхание, когда она – впервые в жизни – увидела воочию мундиры северян: дядюшка Питер, указав кнутом на группу мрачного вида людей в синих мундирах, шагавших в направлении вокзала в сопровождении отряда конфедератов с винтовками наперевес, сказал, что их ведут, чтобы погрузить в вагоны и отправить в лагерь для военнопленных.

«О! – мысленно воскликнула Скарлетт, впервые со дня памятного барбекю ощутив подлинную радость. – Кажется, мне здесь понравится. Жизнь тут кипит ключом, и все так интересно!

А жизнь в городе действительно кипела ключом, и отнюдь ее все стороны этой жизни были доступны взору Скарлетт: десятки новых салунов открывались один за другим; следом за войсками в город хлынули толпы проституток, и бордели процветали – к ужасу благочестивых горожан. Все гостиницы, пансионы и частные дома были забиты до отказа приезжими; к раненым, находившимся на излечении в переполненных госпиталях Атланты, родственники стекались отовсюду. Каждую неделю устраивались балы, приемы, благотворительные базары и

бесчисленные свадьбы на скорую руку, на военный лад; отпущенные на побывку женихи венчались в светло-серых с золотыми галунами мундирах, невесты – в пышных подвенечных уборах, прорвавших блокаду наряду с шампанским, пенившимся в бокалах, когда поднимались тосты в честь новобрачных; в церквах в проходах между скамьями повсюду торчали сабли, и за венчаниями следовали прощания и слезы. Всю ночь темные, обсаженные деревьями улицы гудели от топота танцующих ног, а из окон неслись звуки фортепьяно, и мужественные голоса воинов-отпускников, сплетаясь с нежными сопрано, выводили меланхолические напевы: «Горнисты в горн трубят» и «Письмо твое пришло, увы, так поздно», увлажняя слезами волнения юные глаза, еще не познавшие всей глубины истинного горя.

Коляска, увязая в жидкой грязи, катилась по улице, а у Скарлетт, не иссякая ни на мгновение, слетали с языка вопросы, и дядюшка Питер, гордый своей осведомленностью, отвечал на них, тыча то туда, то сюда кнутом.

– Вон там – это арсенал. Да, мэм, у них там винтовки и всякое такое прочее. Нет, мэм, это не лавки, это конторы тех, кто прорывает блокаду. Как, мэм, да неужто вы ничего не знаете про это? Это конторы чужеземцев – они покупают у нас хлопок и везут его морем из Чарльстона и Уилмингтона, а нам привозят порох. Нет, мэм, не знаю я, кто они такие. Мисс Питти говорит – они вроде бы англичане, да только никто ни слова не понимает, что они лопочут. Да, мам, большой дым, от этой копоти у мисс Питти совсем пропали ее шелковые занавески. Это все от прокатных и литейных цехов. А уж шуму-то от них по ночам – мочи нет! Никому спать не дают! Нет, мэм, смотреть – смотрите, а останавливаться я не могу. Пообещал мисс Питти привезти вас прямехонько домой... Мисс Скарлетт, поклонитесь-ка. Это мисс Мерриуэзер и мисс Элсинг здороваются с вами.

Скарлетт смутно припомнила двух вышеозначенных дам: они приезжали на ее свадьбу из Атланты... Кажется, это закадычные подруги мисс Питтипэт. Она поспешно обернулась в ту сторону, куда указывал кнут дядюшки Питера, и поклонилась. Дамы сидели а коляске перед мануфактурным магазином. Хозяин и два приказчика стояли перед ними на тротуаре, держа в руках рулоны хлопчатобумажных тканей. Миссис Мерриуэзер была высокая тучная дама, так исступленно затянутая в корсет, что, казалось, ее бюст, выпирая из корсажа, устремляется вперед, словно нос корабля. Ее черные с проседью волосы обрамляла бахрома безупречно каштановых искусственных локонов, упорно не желавших гармонировать с природным цветом волос, а круглое румяное лицо было хоть и добродушным, но и властным. Миссис Элсинг, худощавая, хрупкая, со следами былой красоты и годами несколько моложе своей спутницы, сохраняла остатки увядающей свежести и горделивую осанку покорительницы сердец.

Обе эти дамы, вкупе с третьей – миссис Уайтинг, были столпами светского общества Атланты. Они безраздельно управляли тремя церквами в своих приходах – их клиром, певчими и прихожанами. Они устраивали благотворительные базары, председательствовали в швейных кружках, руководили устройством балов и пикников. Им было точно известно, кто составил удачную партию и кто – нет, кто предается тайному пьянству, кто должен родить и когда. Они были непререкаемыми знатоками всех родословных, если речь шла о лицах, имевших какой-то вес в Джорджии, Южной Каролине и Виргинии, а все прочие в расчет не принимали, ибо, по твердому убеждению этих дам, всякий, кто был хоть кем-то, не мог быть выходцем ни из какого другого штата, кроме вышеупомянутых трех. Они точно знали, что прилично и что нет, и никогда не упустили случая заявить об этом во всеуслышание: миссис Мерриуэзер – громко и внятно, миссис Элсинг – изысканно-певучим замирающим голосом, миссис Уайтинг – трагическим шепотом, дающим представление о том, как ей тяжело говорить о подобных вещах. Все три дамы ненавидели друг друга и друг другу не доверяли с не меньшей искренностью и острой неприязнью, первый римский триумвират, и это, по-видимому, и служило основой их,

нерасторжимого союза.

– Я сказала Питти, что вы непременно должны быть в моем госпитале, – крикнула миссис Мерриуэзер, сияя улыбкой. – Не вздумайте что-нибудь пообещать миссис Мид или миссис Уайтинг!

– Ни за что, – отвечала Скарлетт, не имея ни малейшего представления о том, что подразумевает под этим миссис Мерриуэзер, но чувствуя, как у нее потеплело на сердце, оттого что ее так радушно приветствуют и она кому-то нужна. – Я надеюсь, мы скоро увидимся.

Коляска потащилась дальше, но тут же стала, давая дорогу двум дамам, пробиравшимся через улицу, прыгая с камня на камень, с полными бинтов корзинами в руках. В эту минуту внимание Скарлетт привлекла к себе чья-то яркая, необычно яркая для улицы одежда: на тротуаре, завернувшись в пеструю кашемировую шаль с бахромою до пят, стояла высокая красивая женщина с нагловатым лицом и копной ненатурально рыжих волос. Скарлетт еще никогда не видела женщины, которая бы так явно «что-то делала со своими волосами», и она уставилась на нее как зачарованная.

– Дядюшка Питер, кто это? – шепотом спросила она.

– Не знаю.

– Знаешь, знаешь. Я же вижу, что знаешь. Кто она?

– Ее зовут Красотка Уотлинг, – сказал дядюшка Питер, презрительно оттопырив нижнюю губу.

Скарлетт не преминула отметить про себя, что он не прибавил к имени ни «мисс», ни «миссис».

– А кто она такая?

– Мисс Скарлетт, – угрюмо произнес дядюшка Питер и вытянул кнутом никак этого не ожидавшую лошадь, – мисс Питти совсем будет не по нраву, что вы все спрашиваете про то, о чем вам вовсе не надобно спрашивать. Теперь » этом городе столько всякого непотребного народу, что о нем и говорить-то негоже.

«Боже милостивый! – подумала Скарлетт, сразу прикусив язык. – Должно быть, это падшая женщина!» Еще ни разу в жизни не доводилось ей видеть женщин такого сорта, и она чуть не свернула себе шею, разглядывая эту особу, пока та не затерялась в толпе.

Лавки и новые, возникшие за войну здания стали теперь попадаться все реже и реже, а между ними лежали пустыри. Наконец деловая часть города осталась позади и вдаль показались жилые кварталы. Скарлетт мгновенно узнавала их, как старых друзей: вот солидный, величественный дом Лейденов; вот белые колонны и зеленые жалюзи Боннеллов; вот красный кирпичный, накупившийся за невысокой дощатой оградой дом в георгианском стиле – это особняк Маклюров. Теперь они продвигались вперед еще медленнее, так как со всех крылечек, из всех палисадников, со всех дорожек к ней неслись приветствия. Кое-кого из хозяек этих домов Скарлетт немного знала, других припоминала очень смутно, но большей же части они были ей незнакомы. Тетя Питтипэт явно оповестила всех о ее приезде. Малютку Уэйда приходилось время от времени приподымать повыше, чтобы те дамы, которые рискнули, несмотря на грязь, приблизиться к коляске, могли громко выразить свое восхищение. И все они утверждали, что Скарлетт должна присоединиться именно к их вязальным и швейным кружкам и госпитальным комитетам и ни к каким другим, а она беспечно раздавала обещания направо и налево.

Когда коляска проезжала мимо покосившегося тесового домика, выкрашенного в зеленую краску, маленькая негритянка, стоявшая на крылечке, крикнула:

– Эй, она приехала! – И доктор Мид со своей супругой и тринадцатилетним Филом появились из дома, чтобы ее приветствовать. Скарлетт припомнила, что они тоже были у нее на

свадьбе. Миссис Мид взобралась на камень, возле которого приезжавшие останавливали лошадей, чтобы удобнее было сойти, и, вытянув шею, разглядывала ребенка, а доктор Мид прошлепал по грязи к самой коляске. Это был высокий, худой мужчина с остроконечной седоватой бородкой. Одежда болталась на его тощей фигуре, словно выброшенная на плечи только что пронесшимся ураганом. Он был кладезем мудрости в глазах всей Атланты и ее надежным оплотом, и потому нет ничего удивительного, если такого же мнения о себе отчасти придерживался и сам. Но, невзирая на его напыщенные манеры и привычку изрекать свое суждения тоном оракула, доктор был добрейшей душой в городе.

Поздоровавшись со Скарлетт, ткнув Уэйда пальцем в живот и похвалив его, доктор тут же заявил, что тетушка Питтипэт дала клятвенное обещание: Скарлетт будет скатывать бинты и работать в госпитале, в комитете у миссис Мид, я только у миссис Мид.

– О господи, что же мне делать! Я уже надавала обещаний нескольким десяткам дам! – воскликнула Скарлетт.

– В том числе, конечно, и миссис Мерриуэзер! – возмущенно вскричала миссис Мид. – Чтоб ей пусто было! Она, должно быть, днюет и ночует на вокзале!

– Я пообещала, потому что не имела представления, о чем она говорит, – призналась Скарлетт. – А что, кстати, это за комитеты?

Доктор и его супруга были, казалось, слегка шокированы проявленным Скарлетт невежеством.

– Ну, понятно, вы ведь были погребены у себя на плантации, откуда же вам знать, – поспешила найти для нее извинение миссис Мид. – У нас созданы комитеты сестер милосердия для обслуживания разных госпиталей по разным дням. Мы ухаживаем за ранеными, помогаем докторам, готовим перевязочный материал и одежду, а когда раневые поправляются настолько, что могут покинуть госпиталь, мы берем их к себе домой до полного выздоровления, после чего они возвращаются в армию. И мы заботимся о семьях раненых, поскольку некоторые из них терпят просто ужасную нужду. Наш комитет создан при том госпитале, где работает доктор Мид, и все в один голос утверждают, что доктор поистине творит чудеса...

– Хватит, хватит, миссис Мид, – ласково прервал ее супруг. – Нечего меня перед всеми расхваливать. Вы вот не пустили меня на фронт» а то, что я здесь делаю, это все пустяки.

– Не пустила? – возмущенно вскричала супруга, – Я не пустила? Это же город вас не отпустил, и вы это прекрасно знаете. Понимаете, Скарлетт; когда людям стало известно, что он намерен отбыть в Виргинию в качестве военного врача, все дамы в городе подписали петицию, умоляя его остаться здесь. Само собой понятно, что город не может обойтись без него.

– Ну будет, будет, миссис Мид, – повторил доктор, явно польщенный ее похвалами. – Что ж, пожалуй, хватит пока и одного сына на фронте.

– А на будущий год пойду на войну я! – воскликнул Фил, подпрыгивая на месте от волнения. – Барабанщиком!. Я уже учусь бить в барабан. Хотите послушать? Сейчас побегу, принесу барабан!

– Нет, не сейчас, – сказала миссис Мид и притянула к себе. Глубокое душевное волнение отразилось на ее лице. – Не на будущий год, дорогой. Еще через годик, может быть.

– Но война же тогда кончится! – обиженно закричал Фил, выскальзывая из материнских объятий, – А ты обещала!

Взгляды родителей встретились, и Скарлетт прочла все в их глазах. Дарси Мид сражался в Виргинии, и трепетная любовь родителей была устремлена на младшего, остававшегося с ними сына.

Дядюшка Питер откашлялся.

– Мисс Питти была страх в каком волнении, когда я уезжал. Надо ехать домой, она и так уж

небось лежит в обмороке.

– До свидания! Я наведаюсь к вам после обеда! – крикнула миссис Мид. – И передайте от меня Питти: если она не отдаст вас в мой комитет, ей еще не раз придется падать в обморок.

Коляска, раскачиваясь из стороны, в сторону в скользких глинистых колеях, потащила дальше, а Скарлетт, улыбаясь, откинулась на подушки. Впервые за много месяцев у нее посветлело на душе. Атланта с ее шумной уличной толпой, с ее неистовостью, спешкой, подспудным напряжением возбуждала в ней приятное волнение – она была ей куда милее пустынной плантации в окрестностях Чарльстона, где ночное безмолвие нарушали лишь крика аллигаторов, милее и самого Чарльстона, дремлющего в тени своих садов за высокими оградами, милее Саванны с ее широкими, обсаженными пальмами улицами и мутной рекой. И – пока что; быть может, милее даже Тары, дорогой ее сердцу Тары.

Этот город с узкими грязными улочками, раскинувшийся среди пологих краевых холмов, чем-то таинственно влек ее к себе; в нем крылась какая-то глубокая первозданная сила, находившая отклик в ее душе, где под тонкой оболочкой привитых усилиями Мамушки и Эллин понятий оставалось живо то, что было сродни этой силе. Здесь она внезапно почувствовала себя в своей стихии – здесь, а не среди спокойного величия старых городов, распластавшихся на равнине у желтых рек.

Теперь дома отстояли друг от друга все дальше и дальше, и вот, высунувшись из коляски, Скарлетт увидела красные кирпичные стены и шиферную крышу дома мисс Питтипэт. Дом стоял на отшибе, на северной окраине города. За ним Персиковая улица, сужаясь, превращалась в тропу, вьющуюся между высоченными деревьями, и скрывалась из глаз в тихой чаще леса. Аккуратная деревянная ограда сияла свежей белой краской, а цветник перед входом золотился желтыми звездочками последних в этом сезоне жонкилей. На крыльце стояли две женщины в черных платьях, а позади них огромная мулатка, скрестив под передником руки, расплывалась широченной белозубой улыбкой. Толстушка мисс Питтипэт переминалась от волнения на своих маленьких ножках, прижав руку к пышной груди, дабы унять биение растревоженного сердца. Скарлетт поглядела на стоящую рядом с ней Мелани и с мгновенно вспыхнувшим чувством неприязни поняла: вот она – ложка дегтя в бочке меда Атланты: эта хрупкая фигурка в траурном платье, с гривой непокорных темных кудрей, безжалостно стянутых в степенный тугой узел, с радостной приветливой улыбкой на нежном широкоскулом личике с острым подбородком.

Когда кому-нибудь из южан припадала охота собрать пожитки и, отправиться за двадцать миль проведать родных или друзей, визит этот редко продолжался менее четырех-пяти недель, а иной раз затягивался и дольше. Южане с равным энтузиазмом ездили в гости и принимали гостей у себя, и не было ничего из ряда вон выходящего, если, заглянув на рождество, родственники задерживались до июля. Нередко случалось также, что и новобрачные, заехав с обычным визитом, заживались, у радушных хозяев до появления на свет своего второго ребенка. И столь же часто бывало, что какой-нибудь престарелый дядюшка или тетушка, завернув в воскресенье отобедать, много лет спустя отправлялся из этого же дома на погост, так и не удосужившись убраться восвояси. Гости никого не утруждали, ибо дома были вместительны, в челяди недостатка не ощущалось, а прокормить несколько лишних ртов в этом краю изобилия не составляло труда. Во всех домах постоянно было полно гостей разного возраста я пола: приезжали с визитом новобрачные; приезжали молодые матери – похвалиться своим новорожденным; приезжали выздоравливающие – окрепнуть после болезни; приезжали удрученные горем молодые девушки, усланные родителями из дома, дабы уберечь их от нежелательного брака, и молодые девушки, достигшие критического возраста и еще не обручившиеся и отправленные к родственникам в надежде, что с их помощью и на новом месте удастся поймать подходящего жениха. Гости вносили разнообразие, оживляли неспешное

течение жизни Юга, и им всегда оказывали радушный прием.

Так и Скарлетт приехала в Атланту, не имея ни малейшего представления о том, как долго она здесь пробудет. Если ей покажется тут так же скучно, как в Саванне и Чарльстоне, она возвратится домой через месяц. Если понравится, она будет тут жить, сколько наживется. Однако не успела она приехать, как Тетушка Питти и Мелани повели на нее атаку, стараясь убедить ее обосноваться у них навечно. Все и всяческие аргументы были пущены в ход. Они хотят, чтобы она жила с ними, потому что они ее любят. Они очень одиноки, и по ночам им бывает ужасно страшно в этом большом доме, а Скарлетт такая храбрая, и с ней они ничего не будут бояться. Она такая очаровательная, сумеет развеять их печаль. Теперь, после смерти Чарльза, ее место и место его сына – здесь, с родней усопшего. К тому же, согласно завещанию Чарльза, половина дома принадлежит ей. И наконец: Конфедерации дорога каждая пара рук, чтобы шить, вязать, скатывать бинты и ухаживать за раневыми.

Дядюшка Чарльза, старый холостяк Генри Гамильтон, живший в отеле «Атланта» возле вокзала, также имел с ней серьезную беседу на этот счет. Дядюшка Генри – маленький, гневливый джентльмен с округлым брюшком, розовым личиком и длинной гривой седых волос – отличался свирепой нетерпимостью к тому, что он называл женским сюсюканьем и ломаньем: По этой причине он почти не общался со своей сестрой мясе Питтипэт. С детства они отличались резким несходством характеров, окончательный же разрыв произошел у них из-за несогласия дядюшки Генри с тем, как тетушка Питти воспитывала их племянника Чарльза:

«Делает какую-то слюнявую девчонку из сына солдата!» – возмущался дядюшка Генри. И несколько лет назад он позволил себе так оскорбительно высказаться по адресу тетушки Питти, что она теперь говорила о нем только приглушенным шепотом и с такими таинственными умолчаниями, что непосвященному человеку могло показаться, будто речь идет не о честном старом юристе, а по меньшей мере о потенциальном убийце. Оскорбление было нанесено в тот день, когда тетушка Питти пожелала изъять пятьсот долларов из доходов от своей недвижимости, опеку над которой осуществлял дядюшка Генри, дабы вложить эти деньги в несуществующие золотые рудники. Дядюшка наотрез отказался выдать ей эту сумму и сгоряча заявил, что у тетушки не больше здравого смысла, чем у блохи, и у него через пять минут Прерывания в ее обществе делаются нервные колики. С того дня тетя Питти встречалась с дядей Генри только раз в месяц на деловой почве: дядюшка Питер отвозил ее в контору, где она получала у дяди Генри деньги на ведение хозяйства, и всякий раз после этих коротких визитов – вся а слезах и с флаконом нюхательных солей в руке – укладывалась в постель на весь остаток дня. Мелани и Чарльз, находившиеся в наилучших отношениях со своим дядей, предлагали тетушке избавиться от этого тяжелого испытания, но она, упрямо сжав свой детский ротик, решительно мотала головой и отказывалась наотрез. Она должна до конца Вести свой крест, ниспосланный ей в лице дядюшки Генри. Чарльз и Мелани пришли к заключению, что эта периодическая нервная встряска – единственная в ее спокойной упорядоченной жизни – приносит ей глубокое удовлетворение. Дядюшке Генри Скарлетт с первого взгляда пришлась по душе, ибо, сказал он, несмотря на все ее глупые ужимки, сразу видно, что у нее есть крупница здравого смысла в голове. Дядя был доверенным лицом и вел дела не только тети Питти и Мелани, но ведал и той частью имущества, которая досталась Скарлетт в наследство от Чарльза. Для Скарлетт это было неожиданным и приятным сюрпризом: оказывается, она состоятельная молодая вдова – ведь Чарльз завещал ей вместе с половиной дома еще и землю и кое-какую собственность в городе. А стоимость доставшихся ей в наследство амбаров и товарных складов, размещившихся вдоль железнодорожного полотна за вокзалом, возросла за время войны втрое. Вот тут-то, делая обстоятельный доклад о состоянии ее недвижимой собственности, дядюшка Генри и предложил ей избрать местом постоянного жительства Атланту.

– Достигнув совершеннолетия, Уэйд Хэмптон станет богатым человеком, – сказал дядя Генри. – Атланта растет, и через двадцать лет недвижимое имущество мальчика будет стоить в десять, раз больше, чем теперь. Было бы только разумно, чтобы он жил там, где находится его собственность, дабы иметь возможность самому управлять ею, да и имуществом Питти и Мелани тоже. Вскоре он останется единственным мужским представителем рода Гамильтонов, поскольку мне ведь не жить вечно.

Дядюшка Питер просто с самого начала считал само собой разумеющимся, что Скарлетт приехала в Атланту, чтобы обосноваться здесь навсегда. У него как-то не укладывалось в голове, что единственный сын Чарльза будет воспитываться где-то далеки и он не сможет следить за его воспитанием. Скарлетт выслушивала все эти доводы с улыбкой, но не отвечала ничего. Она не хотела связывать себя какими-либо обещаниями, еще не будучи уверенной в том, понравится ли ей жизнь в Атланте и постоянное общение с ее новыми родственниками. К тому же она понимала, что Джералд и Эллин наверняка Воспротивятся этому. И кроме того – теперь, вдали от Тары, в ней уже пробуждалась мучительная тоска по дому – по красным, вспаханым полям, и по зеленым всходам хлопка, и по благоухающей тишине вечерних сумерек. Впервые она начинала смутно прозревать, что имел в виду Джералд, говоря о любви к этой земле, которая у нее в крови.

Поэтому она пока что ловко уклонялась от окончательного ответа, не раскрывая, как долго намерена погостить, и понемногу входя в жизнь красного кирпичного дома на тихом краю Персиковой улицы.

Ближе знакомясь с родственниками Чарльза, приглядываясь к дому, в котором он вырос, Скарлетт стала мало-помалу лучше понимать этого юношу, который так стремительно, за такой короткий срок успел сделать ее своей женой, матерью своего сына и вдовой. Теперь ей открылось, откуда была в нем эта застенчивость, это простодушие, эта мечтательность. Если даже Чарльз и унаследовал что-то от этого сурового, вспыльчивого, бесстрашного воина, каким был его отец, то изнеживающая, женственная атмосфера дома, где он рос, заглушила в нем еще в детстве наследственные черты характера. Он был глубоко привязан к тете Питти, так и оставшейся до старости ребенком, и необычайно горячо любил Мелани, в обе они были на редкость добры и на редкость не от мира сего.

Тетушку при крещении – это произошло шестьдесят лет тому назад – нарекли Сарой Джейн Гамильтон, но уже давно, с того самого дня, когда обожавший ее отец, заслышав быстрый легкий топот маленьких ножек, внезапно придумал ей прозвище, никто и никогда не звал ее иначе, как Питтипэт. С этого второго крещения прошло много лет, внешность тетушки претерпела роковые изменения, и прозвище стало казаться несколько неуместным. Маленькие ножки тети Питтипэт несли теперь слишком грузное для них тело, и разве что склонность к бездумному и несколько ребячливому лепету могла порой воскресить в памяти, забытый образ живой шаловливой девчушки. Тетя Питтипэт была теперь кругленькая, розовощекая, сереброволосая дама, страдающая легкой одышкой из-за слишком туго затянутого корсета, ее маленькие ножки, втиснутые в чрезмерно тесные туфельки, с трудом могли покрыть расстояние свыше одного квартала. При самомалейшем волнении сердце тетушки Питти начинало болезненно трепетать, и она бесстыдно ему потакала, позволяя себе лишаться чувств при каждом удобном,» неудобном случае. Всем и каждому было известно, что обмороки тетушки – не более как маленькие дамские притворства, но, любя ее, все предпочитали об этом умалчивать. Да» все любили тетушку и баловали, как ребенка, но никто не принимал ее всерьез – никто, кроме дядюшки Генри.

Самым излюбленным занятием тетушки было почесать язычок; она любила это даже больше, чем вкусно покушать, я могла часами добродушно и безобидно обсуждать чужие деда,

Не будучи в состоянии запомнить ни одного имени, ни одной даты или названия места, «на постоянно путала действующих лиц одной разыгравшейся в Атланте драмы с действующими лицами другое, что» впрочем, некого не вводило в заблуждение, так как никто не был настолько глуп, чтобы принимать ее слова на веру. К тому же ей никогда и ее рассказывали ничего по-настоящему скандального или неприличного, так как, невзирая на ее шестидесятилетний возраст, все считали своим долгом оберегать целомудрие этой старой девы, и благодаря молчаливому сговору ее добрых друзей она так и осталась на всю жизнь невинным, избалованным старым ребенком.

Мелани во многих отношениях походила на свою тетку. Она была так же скромна, так же застенчива, так же заливалась краской, однако при всем том вовсе не лишена здравого смысла. «Да, конечно, на свой лад», – невольно признавала в глубине души Скарлетт. Лицо Мелани, как и лицо тетушки Питти, было невинно и безоблачно, словно лицо ребенка, встречавшего в жизни лишь доброту и правдивость, искренность и любовь. Лицо ребенка, ни разу еще не столкнувшегося ни с жестокостью, ни; со злом я не сумевшего бы распознать их при встрече. Мелани была счастлива, и ей хотелось, чтобы все вокруг тоже были счастливы или хотя бы довольны своей судьбой. Поэтому она стремилась видеть в человеке только лучшие его стороны и всегда доброжелательно отзывалась о людях. В любом, самом тупом из слуг, она обнаруживала черты преданности и доброты, искупавшие в ее глазах тупость; в любой, самой уродливой и несимпатичной из знакомых девиц открывала благородство характера или приятное обхождение и о любом мужчине, сколь бы он ни был незначителен или скучен, старалась судить не по бросающимся в глаза недостаткам, а по скрытым в нем, быть может, достоинствам.

За искренние и непосредственные порывы ее великодушного сердца все любили Мелани и невольно тянулись к вех, ибо кто может остаться нечувствительным к чарам такого существа, умеющего открыть в других положительные черты характера, о коих сам их обладатель даже я не подозревает? И у Мелани было больше подруг, чем у любой другой женщины в городе, а также больше друзей-мужчин, хотя я меньше, чем у других девушек поклонников, так как она была лишена самоуверенности и эгоизма, играющих немалую роль в деле покорения мужских сердец.

Правила хорошего тона предписывали всем девушкам-южанкам стремиться к тому, чтобы окружающие чувствовали себя легко, свободно и приятно в их обществе, и Мелани всего лишь следовала общим канонам. Этот установленный женщинами неписанный кодекс поведения и придавал привлекательность обществу южан. Женщины Юга понимали, что тот край, где мужчины довольны жизнью, привыкли не встречать возражений я могут преспокойно тешить свое тщеславие, имеет все основания стать для женщин весьма приятным местом обитания.

И от колыбели до могилы женщины прилагали все усилия к тому, чтобы мужчины были довольны собой, а довольные собой мужчины щедро вознаграждали за это женщин своим поклонением я галантностью. В сущности, они от всей души были готовы одарить женщин всеми сокровищами мира, за исключением ума, которого никак не желали за ними признавать.

Скарлетт, умела быть столь же обходительной, как Мелани, но в бессознательно, а с хорошо отработанным мастерством, со знанием дела. Разница между ними заключалась в том, что Мелани говорила приятные, лестные слова, просто желая доставить людям хоть мимолетную радость, Скарлетт же всегда преследовала при этом какую-то свою цель.

От двух самых близких ему женщин Чарльз не мог почерпнуть знания жизни со всеми теньями ее сторонами – ничего, что помогло бы закалить его волю, и дом, в котором он жил и мужал, был похож на теплое, мягкое птичье гнездышко. Тихая, старомодно-чинная атмосфера этого дома ничем не напоминала Тару. Скарлетт не хватало здесь многого: мужского запаха – бренди, табака, фиксатуара; резких голосов и случайно слетавших с уст крепких словечек; ружей, бакенбард, седел, уздечек, путающихся под ногами гончих собак. Непривычно было не

слышать перебранки слуг за спиной у Эллин; извечных перепалок Мамушки с Пор-ком; пререканий Розы с Тиной; грозных окриков Джералда; не хватала и собственных ядовитых пикировок со Сьюлин. Не приходилось удивляться, что Чарльз, выросший в этом доме, был робок и застенчив, как пансионерка. Здесь не повышали голоса, не приходили в состояние азитации; все учтиво прислушивались к чужим мнениям, то в конечном счете черной седой властный автократ правил из своей кухни всем и вся. Скарлетт, рассчитывавшая стать сама себе хозяйкой, вырвавшись из-под Мамушкиной опеки, обнаружила, к своему огорчению, что дядюшка Питер придерживается еще более суровых понятий о том, как должна вести себя молодая дама, а тем более – вдова мистера Чарльза.

Тем не менее в атмосфере этого дома Скарлетт мало-помалу снова возрождалась к жизни, и незаметно для нее самой к ней возвращалась прежняя жизнерадостность. Ей едва минуло семнадцать лет, она обладала превосходным здоровьем и несокрушимой энергией, а родня Чарльза всячески старалась сделать ее жизнь приятной, и если это не всегда им удавалось, не их была в том вина. У Скарлетт и сейчас еще при упоминании имени Эшли больно сжималось сердце, во тут уж изменить что-нибудь никто был не властен. А это имя так часто слетало с губ Мелани!. Между тем Мелани и тетюшка Питти без устали изобретали всевозможные способы развеять ее печаль, которую они, естественно, приписывали совсем другим причинам. Всячески стараясь развлечь Скарлетт, они не давали воли своему горю. Они проявляли бесконечную заботу о ее питании, настаивали, чтобы она всякий раз вздремнула после обеда, а потом поехала покататься в коляске. Они безудержно восхищались ею – ее живым нравом, ее прелестной фигурой, ее белой кожей, ее маленькими ручками и ножками – и не только неустанно твердили ей об этом, но тут же, в подкрепление своих слов, принимались обнимать ее, целовать, душить в объятиях.

Скарлетт прижимала их ласки без особого восторга, но расточаемые ей комплименты согревали душу. Дома она никогда не слышала по своему адресу так много приятных слов. Мамушка, собственно, только и делала, что старалась искоренить ее тщеславие. Малютка Уайд уже не был для нее теперь доуккой, так как вер население дома – как белое, так я черное (и даже соседи) – боготворило ребенка, и право поддержать его на руках непрерывно отвоевывалось с боем. А больше всех обожала его Мелани. Она находила его восхитительным даже в те минуты, когда он заливался неистовым ревом, и восклицала:

– Сокровище мое! Ах, как бы я хотела, чтобы ты был моим сыном!

Порой Скарлетт становилось нелегко скрывать свои чувства, ибо она по-прежнему считала тетюшку Питти невыносимо глупой старухой, и бессвязный лепет и пустословие этой дамы нестерпимо действовали ей на нервы. Мелани же возбуждала в ней чувство ревности и неприязнь, которые становились все острее, порой когда Мелани, сияя от любви и гордости, принималась говорить об Эшли или читать вслух его письма, Скарлетт вынуждена была внезапно встать и покинуть комнату. Однако при всем том она находила жизнь здесь довольно сносной. Атланта предоставляла ей больше разнообразия, чем Чарльстон, или Саванна, или Тара, а новые, совсем непривычные для нее обязанности, налагаемые войной, не оставляли времени для размышлений и тоски. И все же порой, потушив свечу и зарывшись головой в подушки, она тяжело вздыхала и думала:

«О, если бы Эшли не был женат! Почему должна я возиться с ранеными в этом чертовом госпитале! Ах, если бы я могла завести себе поклонника!» К уходу за ранеными она мгновенно возымела неодолимое отвращение, однако ей приходилось скрепя сердце делать это, поскольку обеим дамам – и миссис Мид и миссис Мерриуазер – удалось заполучить ее в свои комитеты и четыре раза в неделю она, в грубом переднике, закрывавшем платье от шеи до полу, повязанная косынкой, отправлялась по утрам в душный, смрадный госпиталь. Все женщины Атланты, и

молодые я старые, работали в госпиталях и отдавались этому делу с таким жаром, что казались Скарлетт просто фанатичками. Они, естественно, предполагали и в ей такой же патриотический пыл я были бы потрясены до глубины души, обнаружив, как мало, в сущности, было виг дела до войны. Если бы и на минуту не покидавшая ее мучительная мысль, что Эшли может быть убит, – война для нее попусту не существовали бы, и в госпитале она продолжала работать лишь потому, что не знала, как от этого отвертеться.

Ничего романтического она в своей работе, разумеется, не видела. Стоны, Вопли, бред, удушливый запах и смерть – вот что обнаружила в госпитале Скарлетт. И грязных, бородатых?, обовшивевших, издававших зловоние мужчин, с такими отвратительными ранами на теле, что при виде них у всякого нормального человека все нутро выворачивало наизнанку. Госпитали смердели от гангрены – эта вонь ударяла Скарлетт в нос еще прежде, чем она успевала ступить на порог. Сладковатый, тошноватый запах впитывался в кожу рук, в волосы и мучил ее даже во сне. Мухи, москиты, комары с жужжанием, писком, гудением тучами вились над больничными койками, доводя раненых до бессильных всхлипываний попеременно с бранью, и Скарлетт, расчесывая свои искусанные руки и обмахиваясь листом пальмы с таким ожесточением, что у нее начинало ломить плечо, мысленно посылала всех раненых в преисподнюю.

А скромница из скромниц, застенчивая Мелани, казалось, не страдала ни от вони, ни от вида ран или обнаженных тел, что крайне удивляло Скарлетт. Порой, держа таз с инструментом, в то время как доктор Мид ампутировал гангренозную конечность, Мелани становилась блее мела. И однажды Скарлетт видела, как Мелани после одной из таких операций тихонько ушла в перевязочную и ее стошнило в полотенце. Но в присутствии раненых она всегда была весела, спокойна и полна сочувствия, и в госпитале ее называли не иначе, как «ангел милосердия». Скарлетт была бы не прочь заслужить такое прозвище тоже, но для этого ей пришлось бы прикасаться к кишасшему насекомыми белью раненых, лезть в глотку к потерявшему сознание, проверяя, не застрял ли там кусок жевательного табака, от, чего больной может задохнуться, бинтовать культы и чистить от мушиных личинок гноящиеся раны. Нет, уход за ранеными – это было не для нее!

Кое с чем можно было бы примириться, если хотя бы она могла пустить в ход свои чары, ухаживая за выздоравливающими воинами, так как многие были из хороших семей и не лишены привлекательности, однако ее вдове положение делало это, невозможным. Уход за идущими на поправку был возложен да молодых девушек, которые не допускались в палаты к тяжелораненым, дабы какое-либо неподобающее зрелище не предстало там. Ненароком их девственным очам. Не имея таким образом черед собой препон, поставленных брачными, узами или вдовством, они свободно совершали сокрушительные набеги на выздоравливающих, и даже совсем не отличавшиеся красотой девицы – хмуро отмечала про себя Скарлетт – без труда находили себе суженых.

Если не считать общества раненых или тяжелобольных, Скарлетт жила в окружении одних только женщин, и это обстоятельство страшно ее раздражало, ибо она не испытывала, ни любви, ни доверия к особам одного с нею пола – ничего, кроме скуки. Тем не менее трижды в неделю в послеобеденные, часы она должна была посещать швейный кружок и окатывать банты в комитетах, возглавляемых приятельницами Мелани. Все девушки, с которыми она там встречалась, хорошо знали Чарльза и были очень добры и внимательны к ней – особенно Фэнни Элсинг и Мейбелл Мерриуэзер, дочери вдовствующих дам-патронесс. Но вместе с тем в их отношении проскальзывала чрезмерная почтительность, словно она была женщиной преклонных лет, чей век уже прожит, а их неумолчная болтовня о нарядах и кавалерах побуждала в ней зависть и досаду на свое вдовство, лишавшее ее всех удовольствий.

Господи! Да она же в тысячу раз привлекательней, чем Фэнни или Мейбелл! Как

чудовищно несправедливо устроена жизнь! Как это ни глупо, но все почему-то считают, что она должна заживо похоронить себя в могиле вместе с Чарльзом, когда она вовсе к этому не стремится. Когда она всеми помыслами в Виргинии, с Эшли!

И все же, несмотря на все эти досады и огорчения, Атланта ей нравилась. И недели бежали за неделями, а она и не помышляла об отъезде.

Как-то летним утром Скарлетт, сидя у окна своей спальни, мрачно наблюдала за вереницей повозок и следовавших за ними колясок, переполненных молодыми жизнерадостными девушками, дамами постарше и мужчинами в военной форме. Все это двигалось по Персиковой дороге, направляясь в поля и леса за декоративной зелены для предстоявшего в этот вечер благотворительного базара в пользу госпиталей. Под густым навесом ветвей, пронизанных лучами солнца, красная дорога казалась пятнистой от Мерцающих бликов и теней, и копыта животных поднимали в воздух маленькие красные облачка пыли. В Первой повозке сидело четверо здоровенных негров с топорами – на них была возложена обязанность нарубить побольше веток вечнозеленых деревьев, очистив их от лиан, а в глубине повозки виднелась груда огромных, покрытых салфетками корзин со снедью, дубовых лукошек с посудой и дюжина дынь. Двое негров, вооружившись – один, банджо, другой губной гармошкой, – с жаром наяривали собственный вариант популярной песни «Хочешь жизнь не зря прожить, в кавалерию ступай». Следом за ними двигалась праздничная процессия экипажей: девушки все были в пестрых летних платьях, в шляпах и митенках, с маленькими зонтиками в руках для защиты от солнца; дамы более почтенного возраста восседали довольные, безмятежно улыбающиеся; выздоравливающие воины, отпущенные из госпиталей, сидели в тесных колясках между стройными девушками дородными матронами, продолжавшими хлопотливо окружать их заботой; смех, шутки, переключка голосов, летящих от одного экипажа к другому; офицеры, сопровождавшие дам верхом, заставляли лошадей идти вровень с колясками. Скрипели колеса, звенели шпоры, блестели на солнце галуны, колыхались веера, покачивались зонтики, пели негры... Все ехали по Персиковой дороге за город на сбор зелени, на пикник с дынями. «Все, – угрюмо думала Скарлетт, – кроме меня».

Проезжая мимо, они приветливо кричали ей что-то и махали рукой, и Она по мере сил старалась любезно отвечать на приветствия, но это было нелегко. Где-то в груди маленьким алым зверьком зашевелилась боль, подкатила к горлу, сжалась комком и притаилась, чтобы, того и гляди, раствориться в слезах. Все едут на пикник – все, кроме нее. А вечером все пойдут на благотворительный базар и на бал – все, кроме нее. Кроме нее, и кроме Мелли, и тетушки Питти, и еще двух-трех таких же невезучих, которые тоже в трауре. Но для Мелли и Питти это словно бы и не имело значения. У них как будто ни на секунду не возникало желания идти туда. А вот у Скарлетт возникло. Ей захотелось, мучительно захотелось попасть на этот базар.

Это же в конце концов просто несправедливо! Она трудилась не покладая рук, она сделала вдвое больше, чем любая другая девушка в городе, для подготовки к этому базару. Она вязала носки и детские чепчики, шали и шарфы, и плела ярды кружев, и расписывала фарфоровые туалетные коробочки и флаконы. И вышила с полдюжины диванных подушек, украсив их флагом Конфедерации. Звезды, правду сказать, получились чуточку кривоваты, и одни с шестью и даже семью зубцами, а другие почти круглые как блин, но общее впечатление было превосходно. Вчера она до полного изнеможения работала в старой пыльной казарме, украшая розовыми, желтыми, зелеными кисейными драпировками выстроенные вдоль стен киоски. Это была поистине тяжелая работа, да еще под наблюдением дам из комитета – словом, ничего веселого. Да и вообще она не получала никакого удовольствия от общения с миссис Мерриуэзер, миссис Элсинг и миссис Уайтинг, которые пытались распорядиться ею, словно какой-нибудь негрятенкой. И к тому же без конца похвалялись успехами своих дочек. В довершение всех бед она обожгла себе пальцы, помогая тете Питти и кухарке печь слоеные пирожки для лотереи. А теперь, наработавшись как негр на плантации, она, видите ли, должна скромно отойти в тень,

именно в ту минуту, когда для всех начинается веселье! Как несправедливо обошлась с вей судьба, сделав ее вдовой с маленьким ребенком, плач которого доносится из соседней комнаты, и лишив всех удовольствий и развлечений! Всего лишь год назад она танцевала на балах, носила яркие платья, а не эти траурные одеяния, и никогда не имела меньше трех женихов сразу. Ведь ей же всего семнадцать лет, и Она еще не успела натанцеваться вволю. Нет, это несправедливо! Жизнь проходила мимо – по длинной летней, тенистой дороге, в мелькании серых мундиров и цветастых платьев, под звон банджо и шпор. Она старалась обуздать себя и не слишком призывно улыбаться и махать рукой знакомым мужчинам тем, которых выхаживала в госпитале, – но ямочки на щеках играли помимо ее воли, да и как бы могла она изобразить убитую горем вдову, когда все это сплошное притворство.

Улыбкам и поклонам был внезапно положен конец – тетушка Питти, как всегда слегка запыхавшаяся после подъема по лестнице, вошла в комнату и, не говоря худого слова, оттащила ее от окна, – Душенька! Да вы никак рехнулись! Махать рукой мужчинам из окна своей спальни! Право же, Скарлетт, вы меня изумляете! Что бы сказала ваша матушка!

– Они же не знают, что это моя спальня.

– Но они могут догадаться, и это ничуть не лучше. Вы ее Должны делать таких вещей, душенька. Про вас начнут говорить, скажут, что вы слишком нескромно себя ведете... И к тому же миссис Мерриуэзер известно, что это окна вашей спальни.

– И конечно, старая хрычовка не преминет оповестить об этом всех мужчин.

– Душенька, как не совестно! Долли Мерриуэзер – моя лучшая подруга!

– Все равно она старая хрычовка... Ах, тетя Питти, простите меня, ну не надо, не плачьте! Я позабыла, что это окно моей спальни, я больше не буду! Мне... мне просто очень хотелось поглядеть, как они едут. Мне бы так хотелось поехать с ними, – Душенька!

– «Да, да» хотелось бы. Мне надоело сидеть тут взаперти, – Скарлетт, пообещайте мне, что вы никогда не повторите больше таких слов. Все будут думать, что у вас нет ни малейшего уважения к памяти бедного покойного Чарли...

– Ох, тетя Питти, ну, пожалуйста, не плачьте!

– Боже мой, теперь я и вас довела до слез, – всхлипнула тетушка Питтипэт и с чувством облегчения полезла в карман юбки за носовым платком.

Твердый комок, стоявший у Скарлетт в горле, уступил наконец место слезам, и она заплакала громко, навзрыд, но не по бедному Чарли, как полагала тетушка Питтипэт, а во затихавшему вдали смеху и скрипу колес. Встревоженная Мелани с гребенкой в руке вбежала, шелестя юбками, в комнату. Ее, темные волосы, обычно всегда аккуратно уложенные в сетку, пышным облаком маленьких своевольных кудряшек рассыпались по плечам.

– Дорогие! Что случилось?

– Чарли! – сладко всхлипнула тетушка Питтипэт, упоенно отдаваясь своему горю и припадая головой к плечу Мелани.

– О! – воскликнула Мелани, и губы ее задрожали при упоминании имени покойного брата, – Мужайтесь, моя дорогая! О, Скарлетт, не плачь!

Скарлетт же, упав ничком на кровать, рыдала в голос, оплакивая свою впустую проходящую молодость, лишенную уготованных этому возрасту развлечений. Она рыдала, как дитя, привыкшее слезам» добиваться всего, чего ни пожелает, но понимающее вместе с тем, что на сей раз слезами не поможешь и потому рыдающее уже от негодования и отчаяния. Уткнувшись головой в подушку, она со злости колотила ногами по стеганому одеялу.

– Лучше бы я умерла! – самозабвенно всхлипывала она. Перед лицом такого бездонного горя необременительные слезы Питтипэт высохли, а Мелани бросилась утешать сноху.

– Дорогая, не плачь! Вспомни, как тебя любил Чарльз! Пусть это послужит тебе утешением!

Подумай о своем драгоценном малютке!

Чувство обездоленности оттого, что она лишена теперь всех доступных другим утех, раздражение оттого, что никто ее не понимает, сковали, по счастью, Скарлетт язык, иначе, с унаследованной от Джералда привычкой не стесняться в выражениях, она выложила бы напрямик все, что накопилось у нее на сердце. Мелани погладила ее по плечу, а тетя Питти заковыляла к окну, чтобы опустить жалюзи.

– Не надо! – яростно вскричала вдруг Скарлетт, поднимая от подушки красное, опухшее от слез лицо. – Не опускайте! Я еще не умерла, хоть лучше бы мне умереть! О пожалуйста, уйдите, оставьте меня одну!

Она снова уткнулась головой в подушку, и, шепотом посовещавшись друг с другом, обе дамы на цыпочках удалились. Скарлетт слышала, как Мелани, понизив голос, говорила тете Питтипэт, когда они спускались с лестницы:

– Тетя Питти, прошу вас, не надо при ней упоминать о Чарльзе. Вы же знаете, как тяжело это на нее всегда действует. У бедняжки делается такое странное выражение лица – мне кажется, она каждый раз с трудом удерживается от слез. Мы не должны усугублять ее горе.

В бессильной ярости Скарлетт снова заколотила ногами по одеялу, ища и не находя достаточно крепких слов, чтобы выразить душившую ее злобу.

– Пропади все пропадом! – выкрикнула она наконец в почувствовала некоторое облегчение. И как только Мелани может так спокойно сидеть дома, не снимать траура по брату и отказываться от всяких развлечений – ей же всего восемнадцать лет? Мелани словно не замечает, что жизнь проносится мимо под звон банджо и шпор. Или это ее не трогает?

«Да просто она бесчувственная деревяшка, – думала Скарлетт, дубася кулаком по подушке. – У нее никогда не было столько поклонников, как у меня, ей и терять нечего. К тому же... к тому же у нее есть Эшли, а у меня... у меня – никого!» И, разбередив еще сильнее свои раны такими мыслями, она снова залилась слезами.

В угрюмом ожесточении просидела она в спальне до обеда, и зрелище возвращавшихся с пикника повозок, нагруженных сосновыми ветками, вьющимися растениями и папоротникам, отнюдь не помогло развеять ее тоску. У всех был усталый, но счастливый вид, и все снова улыбались и махали ей, и она уныло отвечала на их приветствия. Жизнь ничего не сулила впереди, и жить дальше явно не имело смысла.

Избавление пришло с самой неожиданной стороны: когда после обеда все улеглись вздремнуть, к дому подъехала коляска с Миссис Мерриуэзер и миссис Элсинг. Пораженные таким неурочным визитом, Мелани, Скарлетт и тетушка Питтипэт вскочили с кроватей, поспешно зашнуровали свои корсажи, пригладили волосы и спустились в гостиную.

– У миссис Бониелл дети заболели корью, – заявила с порога миссис Мерриуэзер, всем своим видом давая понять, что считает миссис Боннелл целиком ответственной за то, что это случилось.

– А барышень Маклюр вызвали в Виргинию, – сообщила миссис Элсинг умирающим голосом, томно обмахиваясь веером и, в свою очередь, давая понять, что это, как в общем и все прочее, мало ее интересует. – Даллас Маклюр ранен.

– Какое несчастье! – в один голос воскликнули хозяйки дома. – Бедный Даллас!..

– Да нет, легко, в плечо, – сухо уточнила миссис Мерриуэзер. – Но надо же, чтобы это случилось именно сейчас! Девочки уезжают на Север, чтобы доставить его домой. Однако, бог мне свидетель, у нас нет времени сидеть тут и чесать Языком. Нам надо ехать развешивать зелень. Питти, вы и Мелани нужны нам сегодня вечером, чтобы занять место миссис Боннелл и девочек Маклюр.

– Но, Долли, это же невозможно!

– Не говорите мне, пожалуйста, «невозможно», Питтипэт Гамильтон! – воинственно заявила миссис Мерриуэзер. – Вы должны приглядывать за неграми, которые будут разносить прохладительные напитки. Вместо миссис Боннелл. А Мелли будет сидеть в киоске девочек Маклюр.

– Но мы же не можем – еще не прошло и года, как бедный Чарли...

– Я разделяю ваши чувства, но нет жертвы, которую нельзя было бы принести во имя нашего Дела, – нежно пропела миссис Элсинг, отменяя все возражения.

– Конечно, мы рады помочь, но разве вы не можете посадить в киоск какую-нибудь молоденькую хорошенькую девушку? Миссис Мерриуэзер фыркнула, издав трубный звук:

– Нечто непостижимое творится с молодыми девицами в наши дни. У них нет ни малейшего чувства долга. У всех девушек находятся какие-то отговорки, чтобы не сидеть в киосках. Я, разумеется, вижу их насквозь! Они просто боятся, что это помешает им флиртовать с офицерами, только и всего. Да и новые платья не будут видны за прилавком. Как бы я хотела, чтобы этот контрабандист... как его?

– Капитан Батлер, – подсказала миссис Элсинг. – Чтобы он привозил побольше медикаментов и поменьше кринолинов и кружев. Бела я увижу сегодня хоть одно новое платье, это значит, что он привез их десятка два! Капитан Батлер! Я уже слышать не могу этого имени. Словом, Питти, у меня нет времени препираться с вами. Вы должны прийти, и точка. Все вас поймут. К тому же никто вас и не увидит в задней комнате, и Мелли тоже не будет слишком бросаться в глаза. Киоск этих бедняжек, девочек Маклюр, находится в самой глубине, и он не слишком хорошо разукрашен, так что никто и не обратит на вас внимания.

– Мне кажется, мы непременно должны пойти и помочь, – сказала вдруг Скарлетт, изо всех сил стараясь скрыть, как она этого жаждет, и придать лицу спокойное, серьезное выражение. – Уж такую-то малость мы можем сделать для госпиталя.

Ни одна из приехавших дам ни разу не упомянула ее имени, и они, резко обернувшись, воззрились на нее. Как бы остро ни нуждались они в помощи, им даже в голову не приходило просить вдову, меньше года носящую траур, принять участие в столь многолюдном сборище. Скарлетт ответила на их молчаливое изумление детски простодушным взглядом широко раскрытых глаз.

– Мне кажется, мы все трое должны помочь чем можем. Я посижу с Мелли в киоске. По моему, это как-то лучше для нас обеих, если мы будем вместе» а не порознь. Тебе не кажется, что так лучше, Мелли?

– Право... – беспомощно пробормотала Мелли. Мысль о том, чтобы еще не сняв траура, появиться в публичном собрании, была для нее столь дикой, что она растерялась.

– Скарлетт права, – поспорила заявить миссис Мерриуэзер, заметив колебания Мелани. Она встала, оправив кринолин. – Вы обе... все вы должны прийти помочь. И пожалуйста, Питти, не пытайтесь снова пускать в ход свои отговорки. Подумайте лучше о том, как госпиталь нуждается в деньгах для новых коек и медикаментах. И я знаю, Чарльзу было бы приятно, что вы помогаете Делу, за которое он отдал жизнь.

– Ну хорошо, беспомощно пробормотала тетушка Питтипэт, как всегда пасуя перед более сильным, чем у нее, характером. – Если вы считаете, что люди не осудят...

«Какое счастье, просто не верится! Просто не верится!» – пело в душе у Скарлетт, когда она незаметно скользнула в задрапированный розовой и желтой кисеей киоск, предназначенный для барышень Маклюр. И все-таки она здесь! После целого года траура, уединения, приглушенных голосов, сводящей с ума скуки, она – на вечере, самом большом вечере, какой

когда-либо устраивался в Атланте! Она снова видит множество людей, огни, слышит музыку, может полюбоваться на красивые наряды, кружева, дейты – все, что этот пресловутый капитан Батлер привез, прорвавшись сквозь блокаду, из своего последнего плавания, Она опустила на один из маленьких табуретов за прилавком и окинула взглядом длинный зал, который до этого вечера был всего лишь безобразной голой учебной казармой. Как должны были потрудиться сегодня дамы, чтобы сделать его таким нарядным! Теперь он выглядел прелестно, Сюда, подумалось ей собрали, должно быть, все подсвечники и канделябры со всей Атланты – серебряные, с дюжиной тонких, изогнутых консолей, фарфоровые, с очаровательными фигурками, украшающими основание, старинные бронзовые шандалы, строгие и величественные, с множеством свечей всех цветов и размеров, благоухающих восковницей. Свечи стояли на длинных, декорированных цветами столах, и на пирамидах для винтовок, вытянувшихся вдоль всех стен, и на прилавках киосков, и даже на подоконниках распахнутых настежь окон, где теплый летний ветерок колебал, не задувая, их пламя.

Огромная безобразная лампа, подвешенная к потолку на цепях в центре зала, совершенно преобразилась с помощью плюща и дикого винограда, начинавшего уже слегка съезживаться от жары. Сосновые ветви, развешанные по стенам, источали приятный аромат, а по углам зала из них было образовано нечто вроде уютных беседок для отдыха почтенных матрон и дуэний. Все стены, окна, все затянутые разноцветной кисеей киоски украсились гирляндами плюща, дикого винограда и сас-сапарили – длинные гибкие плети падали каскадом. И повсюду среди этой зелени на красно-синих флагах и флажках сверкали звезды Конфедерации.

Подмости для музыкантов были оформлены с особенным вкусом. Звездчатые флажки и растения в горшках и кадках почти скрывали их от глаз, и Скарлетт без труда догадалась, что все эти герани, колеусы, водосборы, олеандры и бегонии были принесены сюда из разных домов, со всех концов города. Даже четыре сокровища миссис Элсинг, ее четыре каучуконоса, заняли почетное место но углам подмостков. С убранством же противоположного конца зала дамы так постарались, что превзошли самих себя. Здесь на стене висели огромные портреты – президента Конфедерации Дэвиса и вице-президента Стефенса, уроженца Джорджии, прозванного Маленьким Алексом. Над портретами был водружен гигантский флаг, а перед ними на длинных столах красовались трофеи, собранные со всех садов города: груды белых, желтых и алых роз, декоративные папоротники; горделивые, похожие на шпаги золотистые гладиолусы, ворохи многоцветных настурций и прямые, упругие стебли шток-роз, высоко вздымающие свои пунцовые и палевые головки. И среди этого буйства цветов торжественно, как на алтаре, горели свечи. Два лица, глядевшие сверху в зал, были столь разительно несхожи, что казалось странным, как могли эти два человека одновременно оказаться во главе столь торжественного собрания: Дэвис – с его тонким, твердо сжатым надменным ртом, впалыми щеками и холодными глазами аскета, и Стефенс – с горящим взором темных, глубоко посаженных глаз: лицо человека, позвавшего лишь болезни и утраты и восторжествовавшего над ними благодаря крепости духа и природному чувству юмора. Два всеми любимых лица.

Почтенные дамы, представительницы комитета, на плечи коих была возложена ответственность за проведение базара, торжественно, как флагманские суда, Проплыли по залу, направляя запоздавших молодых дам и смеющихся девушек к их киоскам, и скрылись за дверями задних комнат, где готовились прохладительные напитки и закуски. Тетушка Питти поспешила следом за ними.

Музыканты поднялись на подмости и принялись настраивать свои скрипки, подкручивая колки и пиликая смычками с торжественно-сосредоточенным видом, – их черные, сверкающие белозубыми улыбками лица уже лоснились от пота. Старик Леви, кучер миссис Мерриуэзер, руководивший оркестром на всех благотворительных базарах, балах к свадьбах еще с тех времен,

когда Атланта звалась Мартасвиллом, постукал смычком, прося внимания. Гостей пока собралось мало – в основном только дамы-распорядительницы, – но все взоры обратились к нему и тут скрипки, контрабасы, аккордеоны, банджо и трещотки медленно, протяжно заиграли «Лорену» – медленно, потому, что время для танцев пока не настало: танцы начнутся, когда из квор-ков исчезнут товары. Скарлетт почувствовала, как забилося у нее сердце при нежных меланхолических звуках вальса.

Уплывает за годом год, Лорена!
Травы увядают, снег идет
Солнце покидает небосвод, Лорена...

Раз-два-три, раз-два-три, наклон вправо, влево, раз-два-три, раз-два-три, поворот-поворот... Какой изумительный вальс! Слегка раскинув руки, полузакрыв глаза, она покачивалась г такт томной, завораживающей музыке. Печальная повесть трагической любви Лорена находила отклик в ее растревоженной душе, и к горлу подступал комок.

Внезапно, словно пробужденная к жизни музыкой вальса, залитая лунным светом, напоенная теплыми ароматами, улица за окнами наполнилась топотом копыт, скрипом колес, смехом, голосами, негромкой перебранкой кучеров-негров, отвоевывавших себе место для экипажа. Радостные, беззаботные звуки перенесли на лестницу; звонкие голоса Девушек сплетались с басовитыми голосами их спутников: девушки восторженными восклицаниями приветствовали своих подруг, расставшись с ними ее далее как после полудня.

И ожил зал. Девушки – в ярких платьях, с огромными кринолинами, из-под которых выглядывали кружевные панталончики, словно стая пестрых бабочек, разлетелись во все концы зал». Обнаженные хрупкие белые плечики, нежные округлые очертания груди, чуть прикрытых кружевными рюшами; кружевные мантилья, небрежно наброшенные на полусогнутые руки, веера, разрисованные или расшитые стеклярусом, веера из лебяжьих перьев, из павлиньих перьев, подвешенные к запястьям на тоненьких бархатных ленточках; темные, гладко зачесанные вверх над ушами волосы, стянутые на затылке тугим, тяжелым, уложенным в сетку узлом, кокетливо-горделиво оттягивающим голову назад; пушистые массы золотистых, танцующих надо лбом, ниспадающих на шею локонов в обрамлении золотых подвесок, танцующих с локонами в лад; шелк, кружева, тесьма, ленты – все контрабандное я от этого еще более драгоценное; все наряды, все украшения – предмет особой гордости, выставлемый напоказ как живое свидетельство того, что контрабандисты и девушки утерли Нос янки.

Разумеется, не все цветы города были в знак уважений и преданности принесены к портретам вождей Конфедерации. Самые нежные и самые душистые украшали девушек: чанные розы, прикрепленные к волосам над ухом; бутоны роз и веточки жасмина, сплетенные венком, придерживали каскады кудрей; букетики цветов стыдливо выглядывали из-за атласных кушаков. Ведем этим цветам суждено было еще до исхода ночи перебраться в качестве драгоценных сувениров в нагрудные кармашки серых мундиров. О, сколько мундаров мелькало в этой толпе и сколько знакомых мужчин было облачено в эти мундиры, – мужчин, которых Скарлетт видела на госпитальных койках или на плацу, встречала на улицах. И как великолепно были эти мундиры, с начищенными до блеска пуговицами, с ослепительным золотом галунов на обшлагах и на воротнике! И как красиво оттеняли серое сукно мундиров красные, желтые и синие лампасы на брюках, указывающее на род войск! Концы пунцовых и золотых кушаков развевались, ножны сабель сверкали и звенели, ударяясь о блестящие ботфорты, и звон их сливался со звоном шпор.

«Какие красавцы!» – думала Скарлетт, глядя, как мужчины издали взмахом руки приветствуют друг друга иди склоняются над рукой какой-нибудь почтенной дамы, и сердце ее переполнялось гордостью. Все они казались такими юными, несмотря на своя пышные рыжеватые усы или темные каштановые и черные бороды, и такими красивыми и беспечными, несмотря на забинтованные руки в лубках и белые марлевые повязки на голове, резко оттенявшие их загорелые, обветренные лица. Кое-кто был даже на костылях, и какой гордостью сияли глаза сопровождавших их девушек, старавшихся приладиться к подпрыгивающим движениям своих кавалеров! Особенно ярким, многоцветным пятном, затмевавшим все наряды дам, выделялся в толпе зуав из Луизианы. Маленький, смуглолицый, улыбающийся, с рукой в лубке на черной шелковой перевязи, в широких, белых в синюю полоску шароварах, кремовых гетрах и коротком, плотно обтягивающем торс красном мундире – он был похож не то на заморскую тропическую птицу, не то на обезьянку. Его звали Гене Пикар, и он был главным претендентом на руку Мейбелл Мерриуэзер. Да, похоже, сегодня сюда прибыли все раненые из госпиталей – во всяком случае все, кто мог ходить, а также все, приехавшие с фронта на побывку или отпущенные по болезни, и все железнодорожные я почтовые служащие, и весь персонал госпиталей, все, кто работал в интендантской службе от Атланты до Мейкона. Как довольны будут дамы-патронессы! Госпитали огребу! кучу денег сегодня.

С улицы донеслась дробь барабанов, топот ног, громкие восторженные крики кучеров. Затрубили в горн, и чей-то сочный бас отдал команду: «Вольно!» И вот уже офицеры внутреннего охранения и милиции, все в парадных мундирах, поднялись по узкой лестнице и появились в зале, раскланиваясь, отдавая честь, пожимая руки. Юношам из войск внутреннего охранения война казалась увлекательной игрой, и они уповали на то, что ровно через год, если военные действия к тому времени еще продлятся, они тоже отправятся в Виргинию, а седобородые старцы, которым в эту минуту хотелось бы вернуть свою юность, молодцевато вышагивали в мундирах, внутреннего охранения, озаренные светом славы своих сражающихся на фронте сыновей. В мундирах же милиции были в основном мужчины средних лет и постарше, но попадались и годные по возрасту для отправки на фронт – эти чувствовали себя не так непринужденно, юноши и старики, ибо люди уже начали перешептываться на их счет, удивляясь, почему они не становятся под знамена генерала Ли.

Но как же зал вместит всю эту толпу! Еще минуту назад он казался таким большим и просторным, а сейчас был уже забит до отказа, и воздух Теплой летней ночи стал душен от запаха одеколона, сухих духов, помады для волос; благоухания цветов, горящих ароматных свечей и легкого привкуса пыли от множества ног, топчущих старый дощатый пол казармы. В шуме и гуле голосов тонули все слова, а старик Леви, словно подхваченный всеобщим радостным возбуждением, вдруг оборвал на полутакте «Лорену», яростно прошелся смычком по струнам, и оркестр что было мочи грянул «Голубой заветный флаг».

Сотни голосов подхватили мелодию и слились в восторженном, ликующем гимне. Горнист из внутреннего охранения, вскочив на подмости, затрубил в лад с оркестром, и когда серебрястые звуки горна призывно поплыли над поющей толпой, холодок восторга пробежал у людей по спинам и обнаженные плечи женщин покрылись от волнения мурашками.

Ура! Ура! Ура!

Да здравствует Юг и его Права!

Взвейся выше, флаг голубой

С одной заповедной звездой!

Запели второй куплет, и Скарлетт, громко певшая вместе со всеми, услышала за своей спиной высокое нежное сопрано Мелани, такое же пронзительно-чистое, как звуки горна. Обернувшись, она увидела, что Мелани стоит, закрыв глаза, прижав руки в груди, и на ресницах у нее блестят слезинки. Когда музыка смолкла, она заговорщически улыбнулась Скарлетт и со смущенной гримаской приложила платочек к глазам.

– Я так счастлива, – шепнула она, – так горжусь нашими солдатами, что просто не могу удержаться от слез.

Глаза ее горели жгучим, почти фанатичным огнем, и озаренное их сиянием некрасивое личико стало на миг прекрасным.

И у всех женщин были такие же взволнованные лица, и слезы гордости блестели на их щеках – и на свежих, румяных, и на увядших, морщинистых, – и губы улыбались, и глубоким волнением горели глаза, когда музыка смолкла и они повернулись к своим мужчинам – мужьям, возлюбленным, сыновьям. И все женщины, даже самые некрасивые, были ослепительно хороши в эту минуту, озаренные верой в своих любимых и любящих и стократно воздающие им любовью за любовь. Да, они любили своих мужчин, верили в них и готовы были верить до последнего вздоха. Разве может беда постучаться к ним в дверь, когда между ними и янки незыблемой стеной стоят эти серые мундиры? Ведь никогда, казалось им, с самого сотворения мира ни одна страна еще не растила таких сыновей – таких бесстрашных, таких беззаветно преданных делу, таких изысканно-галантных, таких нежных! И как могут они не одержать сокрушительной победы, когда борются за правое, справедливое дело. И это Правое Дело не менее дорого им, женщинам, чем их мужья, отцы и сыновья; они служат ему своим трудом, они отдали ему и сердца свои, и помыслы, и упования, и отдадут, если потребуется, и мужей, и сыновей, и отцов и будут так же гордо нести свою утрату, как мужчины несут свое боевое знамя.

В эти дни сердца их были преисполнены преданности и гордости до краев: Конфедерация – в зените своей славы и победа близка! Несокрушимый Джексон триумфально движется по долине Миссисипи, и янки посрамлены в семидневном сражении под Ричмондом! Да и как могло быть иначе, когда во главе стоят такие люди, как Ли и Джексон? Еще одна победа, и янки на коленях возопиют о мире, а воины-южане возвратятся домой, и радости и поцелуям не будет конца! Еще одна победа, и войне конец!

Конечно, чьи-то места за семейным столом опустеют навеки, и чьи-то дети никогда не увидят своих отцов, и на пустынных берегах виргинских рек и в безмолвных горных ущельях Теннесси останутся безымянные могилы, но кто скажет, что эти люди слишком дорогой ценой заплатили за Правое Дело? А если дамам приходится обходиться без нарядных туалетов, если чай и сахар стали редкостью, это может служить лишь предметом шуток, не более. К тому же отважным контрабандистам нет-нет да и удавалось провозить все это под самым носом у разъяренных янки, и обладание столь желанными предметами доставляло особое удовольствие. Но скоро Рафаэль Семмс и военно-морской флот Конфедерации дадут жару канонеркам северян и откроют доступ в порты. Да и Англия окажет Конфедерации военную помощь – ведь английские фабрики бездействуют из-за отсутствия южного хлопка. И конечно, английская знать не может не симпатизировать южанам, как всякая знать – людям своего круга, в не может не испытывать неприязни к янки, поклоняющимся доллару.

И женщины шелестели шелковыми юбками, и заливались смехом, и, глядя на своих мужчин, испытывали гордость и любовный трепет, вдвойне сладостный и жгучий перед лицом опасности, а быть может, даже смерти.

Сердце Скарлетт тоже в первые минуты билось радостно и учащенно оттого, что она снова оказалась на балу среда такого многолюдного сборища, но ее радость вскоре потухла, когда, окидывая взглядом толпу, она заметила одухотворенное выражение на лице окружающих. Все

сияли, всех переполнял Патриотический восторг, и только одна она не испытывала таких чувств. Ее приподнятое настроение сменилось подавленностью и смутной тревогой. И вот уже зал утратил свое великолепие в ее глазах и наряды женщин – свой блеск, а их безраздельная Преданность Конфедерации и безудержный восторг, озарявший их, лица, показались ей просто», да просто смешными!

У нее даже слегка приоткрылся от удивления рот, когда, заглянув себе в душу, она неожиданно поняла, что не испытывает ни той гордости, которой полны эти женщины, ни их готовности пожертвовать всем ради Правого Дела. И прежде чем в объятom страхе уме ее успела промелькнуть мысль: «Нет, нет, нельзя Так думать! Это дурно, это грешно», она уже знала, что это их Пресловутое Правое Дело – для нее пустой звук и ей до смерти надоело слушать, как все без конца исступленно толкуют об одном и том же и с таким фанатичным блеском в глазах. Правое Дело не представлялось ей священным, а война – чем-то возвышенным. Для нее это было нечто досадно вторгшиеся в жизнь, стоившее много денег, бессмысленно сеявшее смерть и делавшее труднодоступным то, что услаждает бытие. Она поняла, что устала от бесконечного вязания, скатывания бинтов и щипания корпии, от которой у нее загребели пальцы. И, боже, как надоел ей госпиталь! Она устала, она погибала от тоски, от тошнотворного запаха гноящихся ран, от вечных стонов раненых, от страшной печати отрешенности на осунувшихся лицах умирающих.

Она украдкой оглянулась по сторонам, словно боялась, что кто-нибудь может прочесть на ее лице эти кощунственные мысли. Ну, почему, почему не способна она испытывать тех чувств, которые испытывают другие женщины! Они так искренне, так самозабвенно преданы этому своему Правому Делу. Они действительно верят в то, что делают и говорят. И если кто-нибудь заподозрит, что она... Нет, никто никогда не должен об этом узнать! Пусть она не испытывает ни воодушевления, ни гордости, которыми они полны, придется притворяться, что и она обуреваема такими же чувствами. Она сыграет свою роль вдовы офицера-конфедерата, навеки отрекшейся от всех радостей жизни, но мужественно несущей свой крест, ибо смерть ее мужа – лишь ничтожная жертва в борьбе за Правое Дело.

Но почему она не такая, как все, как эти любящие, преданные Женщины? Почему никого и ничто не способна она так бескорыстно, так самозабвенно любить? Эти мысли породили в ней чувство одиночества, которого она дотоле не испытывала. Сначала она хотела отмахнуться от них, заглушить их в душе, но обманывать себя – удел слабых, и ей это было несвойственно. И пока вокруг шумел базар а они с Медли я поджидали покупателей, в уме ее творилась лихорадочная работа: она старалась найти оправдание своим чувствам – задача, которая еще никогда не был для нее неразрешимой.

Все эти женщины, с их вечными разглагольствованиями о патриотизме и преданности Правому Делу – просто истеричные дуры. Да и мужчины не лучше – тоже только и знают, что кричать о Правах Юга и главных задачах. И только у нее одной у Скарлетт О'Хара Гамильтон, есть голова на плечах, не лишенная крепкого ирландского здравого смысла. Она не позволит делать из себя идиотку, готовую пожертвовать всем ради пресловутого Дела, но она и не настолько глупа, чтобы выставлять напоказ свои истинные чувства. У нее хватят смекалки на то чтобы действовать сообразно обстоятельствам, и никто никогда не узнает, что у нее на душе; Как бы поразились все, кто толчется на этом базаре, узнай они, что она сейчас думает! Да они все попадали бы в обморок, если бы она вдруг влезла сейчас на под мостки и заявила во всеуслышание, что пора положить конец этой войне, чтобы все, кто там воюет на фронте, могли вернуться домой и заняться своим: хлопком, и снова задавать балы, а покупать дамам красивые бледно-зеленые платья.

Так, внутренне самооправдавшись, она немного воспрянула духом, но вид зала все же по-

прежнему был ей неприятен Киоск барышень Маклюр был, как и говорила миссис Мерриуэзер расположен не на виду, покупателя подходили к нему ее части и Скарлетт не оставалось ничего другого, Как с завистью глазеть на веселящуюся толпу. Ее угрюмость не укрылась от Мелани но, приписав ее скорби о покойном муже, она не пыталась развлечь Скарлетт беседой. От нечего делать она перекладывали товары на прилавке, стараясь придать им более заманчивый вид в то время как Скарлетт сидела, мрачно глядя в зал. Вес теперь казалось ей здесь безвкусным – даже цветы перед портретами мистера Стефенса и мистера Давяса.

«Устроили какой-то алтарь! – фыркнула она про себя. – Только что не молятся на них, словно это бог-отец я бог-сын? И тут же, испугавших своих кощунственных мыслей, начала было поспешно креститься украдкой, испрашивая себе прощение, как вдруг рука ее застыла на полдороги.

«Но ведь это же в самом деле так, – вступила она в спор с собственной совестью. – Все поклоняются им, точно святыне а они самые обыкновенные люди, да к тому же еще воя какие безобразные.

Конечно, мистер Стефенс не виноват в том, что он так нехорошо собой – он же больной от рождения, во мистер Дэвис...» Она всмотрелась в топкие черты горделивого, точеного, как на камнях, лица. Больше всего ее раздражала его козлиная бородка Мужчины должны быть либо гладко выбритыми я с усами, либо с пышной бородой.

«Видно, он не может отрастить ничего, кроме этого клочка волос» – подумала она, не разглядев в холодном, обремененном заботой о судьбах молодой нации лице ни острой пронизательности, ни ума.

Она так сияла от радости поначалу, очутившись среди этой пестрой толпы, а теперь ее оживление угасло. Оказалось, что просто находиться здесь – этого еще недостаточно. Она лишь присутствовала на благотворительном базаре, но не стала частью его. Никто не обращал на нее внимания, и она была единственной молодой незамужней женщиной без кавалера. А она всю жизнь привыкла быть в центре внимания. Несправедливо это! Ей было всего семнадцать лет, и ее ноги сами собой постукивали по волу, рвались пуститься в пляс. Ей было всего семнадцать лет, я, ее муж покоился на Оклендском кладбище, а; ее ребенок – спал в колыбельке под присмотром челяди тетушки Питтипэт, и, по мнению всех, ей надлежало быть довольной своей участью. Ни у кого из присутствующих здесь женщин или девушек не было такой тонкой талии, такой белоснежной шейки, таких маленьких ножек, но все это пропадало даром, словно она уже лежала рядом с Чарльзом в могиле, под надгробной плитой с надписью: «Горячо любимая супруга...» Она не может быть ни с молоденькими девушками, которые танцуют, и кокетничают, ни с замужними женщинами, которые сидят в сторонке и судачат о тех, кто танцует и кокетничает. Но она слишком молода для того, чтобы быть вдовой. Ведь вдовы – это такие старые-престарые, старухи, у которых уже не может возникнуть желания ни танцевать, ни кокетничать, ни быть предметом поклонения мужчин. Нет, это несправедливо, что в семнадцать лет она должна сидеть здесь, чопорно поджав губы – образец вдовьей благопристойности и чувства собственного достоинства, – и опускать глаза долу и умерять свой голос, когда мужчины – а тем более привлекательные мужчины – подходят к ее киоску.

Все девушки Атланты были окружены плотным кольцом кавалеров. Даже самые некрасивые держались, как писанные красавицы. И что еще обиднее – все были в таких нарядных, таких прелестных платьях!

А, она, словно ворона, сидела в этом душном, черном, застегнутом на все пуговицы платье с закрытым воротом и длинными рукавами, без единого кусочка кружев или тесьмы, без всяких украшений, кроме траурной броши из оникса, подарка Эллейн, сидела и смотрела на проходивших мимо интересных мужчин, на девиц, льнущих к своим кавалерам, повиснув у них

на руке. И все ее несчастья оттого, что Чарльз Гамильтон ухитрился подхватить корь! Он даже не сумел пасть, овеянный славой на поле боя, чтобы дать ей возможность хотя бы гордиться им!

И, полная этих мятежных дум, она, пренебрегая наставлениями Мамушки, постоянно твердившей ей, что нельзя опираться на локти – они станут жесткими и сморщенными, – оперлась локтями на прилавок, наклонилась вперед и принялась глядеть в зал. Ну и что? Ну и пусть станут уродливыми! Едва ли у нее будет когда-нибудь возможность выставлять их напоказ. С алчной завистью смотрела она на проплывавшие мимо нарядные платья: сливочно-желтое муаровое, украшенное гирляндами розовых бутонов; алое атласное – она насчитала на нем восемнадцать оборочек, обшитых по краям узенькими черными бархатными ленточками; а на эту юбку пошло не меньше десяти ярдов бледно-голубой тафты, поверх которой пенятся каскады кружев... а эти полуобнаженные груди с соблазнительно приколотыми у глубокого декольте цветами... Мейбелл Мерриуэзер в яблочно-зеленом тарлатановом платье, с таким огромным кринолином, что талия казалась неправдоподобно тонкой, направилась к соседнему киоску под руку с зуавом. Платье было отделано бесчисленными воланами и оборками из кремовых французских кружев, доставленных в Чарльстон с последней партией контрабанды, и Мейбелл так горделиво: выступала в нем, словно это не капитан Батлер, а она сама прорвалась с кружевом через блокаду. – «Конечно, я бы выглядела великолепно в этом платье, – с неукротимой завистью думала Скарлетт. – У нее же талия, как у коровы! А этот яблочно-зеленый оттенок так идет к цвету моих глаз. И как только белокурые девушки отваживаются надевать такие платья? Кожа у нее кажется зеленой, как заплесневелый сыр. И додумать только, что мне уж никогда не носить такие цвета. Даже когда я сниму траур. Нет, даже если снова выйду замуж. Тогда моими цветами станут темно-серый, коричневый я лиловый».

С минуту она с горечью размышляла над несправедливостью судьбы. Как краток срок веселья, танцев, красивых платьев, флирта! Как быстро промелькнули эти годы! А потом замужество» и дети, и тонкой талии уже нет и в помине, и ты в тусклом темном платье сидишь во время танцев вместе с другими степенными матронами, а если и танцуешь, то лишь с мужем или с каким-нибудь почтенным старичком, который так и норовит наступить тебе на ноги. А попробуй вести себя по-другому, на твой счет начнут судачить, и репутация твоя погибла, и позор ложится на всю семью. Но как это обидно и нелепо – потратить всю короткую девичью жизнь, постигая науку быть привлекательной и очаровывать мужчин, а потом, через какой-то год-два, увидеть, что твое искусство стало бесполезным! Вспоминая все, чему учили ее Эллин и Мамушка, Скарлетт понимала, что их наставления были правильны, тщательно продуманы и всегда давали свои плоды. Существовали установленные правила игры, и если неукоснительно следовать им, успех обеспечен.

С пожилыми дамами надлежит быть кроткой, невинной и возможно более простодушной, ибо пожилые дамы проницательны и, как кошки за мышью, ревниво следят за каждой молоденькой девушкой, готовые запустить в нее когти при любом неосторожном, нескромном слове или взгляде. С пожилыми джентльменами нужно быть задорной, шаловливой и даже кокетливой – в меру, конечно, – что приятно льстит тщеславию этих дурачков. Они тогда молодеют, чувствуют себя отчаянными жуирами, норовят ущипнуть вас за щечку и называют озорницей. При этом вы, разумеется, должны залиться краской, иначе они ущипнут вас уже с большим пылом, а потом скажут своим сыновьям, что вы недостаточно целомудренны.

К девушкам и молодым замужним женщинам нужно кидаться с поцелуями и изъяснениями нежности при каждой встрече, будь это хоть десять раз на дню. Нужно обнимать их за талию и позволять им проделывать то же с вами, как бы вам это ни претило. Нужно напропалую расхваливать их наряды или их младенцев, мило подшучивать по поводу одержанных ими побед или отпускать комплименты в адрес их мужей и, смущенно хихикая, утверждать, что у вас нет и

сотой доли обаяния этих леди. А самое главное – о чем бы ни шла речь – никогда не говорить того, что вы на самом деле думаете, памятуя, что и они никогда этого не делают.

С чужими мужьями, если даже прежде они были вашими поклонниками и получили у вас отставку, следует держаться как можно более холодно и сурово, сколь бы привлекательными они вам вдруг ни показались. Стоит проявить хоть чуточку расположения к молодым женатым мужчинам, как их жены немедленно объявят вас нахальной кокеткой, репутация ваша погибла и вам не видать женихов как своих ушей.

А вот с холостыми молодыми людьми – о, тут дело обстоит совсем иначе! Тут можно позволить себе тихонько рассмеяться, поглядывая издали на какого-нибудь из них, а когда он со всех ног бросится к вам, чтобы узнать, почему вы смеялись, можно лукаво отнекиваться и все задорнее заливаться смехом, заставляя его до бесконечности допытываться о причине такого веселья. Тем временем ваши глаза могут сулить ему такие волнующие мгновения, что он тут же постарается остаться с вами где-нибудь наедине. А когда ему это удастся и он попытается вас поцеловать, вам следует быть глубоко оскорбленной или очень, очень разгневанной. Следует заставить его вымаливать прощение за свою дерзость, а потом с такой чарующей улыбкой одарить его этим прощением, что он непременно повторит свою попытку еще раз. Время от времени, но не слишком часто, можно разрешить ему этот поцелуй. (Последнему Эллин и Мамушка ее не учили, но она на опыте убедилась, что такой способ приносит очень богатые плоды.) После этого необходимо расплакаться и начать твердить сквозь слезы, что вы не понимаете, что с вами творится, и, конечно, теперь он не сможет больше вас уважать. Тогда он примется осушать ваши слезы, и можно почти с уверенностью сказать, что тут же сделает вам предложение в доказательство того, сколь глубоко и незыблемо он вас уважает. Ну, и помимо этого существует еще так много... Да разве перечислишь все правила игры с предполагаемыми женихами, так хорошо ею изученные: брошенный искоса выразительный взгляд; улыбка краешком губ из-под веера; волнующая походка – так, чтобы кринолин колыхался на бедрах; смех, слезы, лесть, нежность, сочувствие... Господи, сколько их, этих уловок, которые никогда и ни с кем ее не подводили. Если не считать Эшли.

Но это же просто глупо – овладеть всем этим искусством лишь на столь недолгий срок, а затем забросить его навсегда! Насколько приятнее было бы никогда не выходить замуж, а продолжать носить бледно-зеленые платья, быть неотразимой, всегда окруженной толпой красивых мужчин. Однако если эту игру слишком затянуть, рискуешь остаться старой девой, как Индия Уилкс, и все будут с этакой омерзительной снисходительно-самодовольной улыбочкой говорить о тебе: «бедняжка». Нет, лучше уж выйти замуж и сохранить уважение к себе, пусть даже ценой отказа от всех развлечений.

Господи, до чего же сложна жизнь! И как могла она совершить такую глупость, зачем нужно было выходить замуж за этого Чарльза и заживо хоронить себя в шестнадцать лет!

Движение в зале отвлекло ее от бесплодных размышлений и самоукоров: толпа раздалась в стороны, освобождая проход; дамы бережно придерживали кринолины, дабы от какого-нибудь случайного небрежного толчка они не колыхнулись слишком резко, открыв панталоны выше, чем положено. Поднявшись на цыпочки, Скарлетт увидела, что капитан милиции вскочил на подмости, где разместился оркестр. Он выкрикнул команду, и его взвод выстроился в проходе и проделал несколько строевых упражнений, вызвавших на лицах воинов испарину и крики одобрения и аплодисменты – в публике. Скарлетт поспешно захлопала в ладоши вместе со всеми, и когда солдаты по команде «вольно!» зашагали в направлении киосков с пуншем и лимонадом, повернулась к Мелани, решив, что сейчас самое время начать демонстрировать свою преданность Правому Делу.

– Как славно они выглядят, верно? – сказала она. Мелани перекладывала какие-то вязаные

вещички на прилавке.

– Большинство из них выглядели бы еще лучше в серых мундирах на виргинской земле, – сказала она, не стараясь понизить голос.

Несколько важных матрон, чьи сыновья служили в милиции, стояли совсем близко и слышали ее слова. Миссис Гинен вспыхнула, потом побледнела: ее двадцатипятилетний сын Уили был одним из солдат этого взвода.

Скарлетт ошеломленно поглядела на Мелани. Вот уж от кого она никак не ожидала услышать такие слова.

– Что ты, Мелли!

– Ты знаешь, что я права, Скарлетт. Я же не имею в виду подростков и стариков. Но большинство солдат милиции вполне способны стрелять из винтовок, чем им и следовало бы заняться, не теряя ни минуты.

– Но... послушай, – начала Скарлетт, которая никогда над этим вопросом не задумывалась. – Кто-то же должен оставаться дома, чтобы... – Она старалась припомнить, что говорил ей Уилли Гинен, объясняя, почему необходимо его присутствие в Атланте. – Чтобы охранять наш штат от вторжения.

– Никто к нам не вторгается и не собирается вторгаться, – холодно возразила Мелани, глядя в сторону солдат. – И самый лучший способ оградить нас от вторжения – это отправиться в Виргинию и бить там янки. А если говорят, что милиция нужна здесь, чтобы охранять нас на случай восстания негров, то ничего глупее этого вообразить себе невозможно. Зачем наши негры станут восставать? Это просто жалкая выдумка трусов. Я уверена, что мы в один месяц расправились бы с янки, если бы войска милиции всех штатов были отправлены в Виргинию. Вот так-то!

– Ну что ты, Мелани! – только и могла промолвить Скарлетт, с изумлением на нее глядя.

Кроткие глаза Мелли гневно сверкнули.

– Мой муж не побоялся поехать туда, так же как и твой. И мне было бы легче увидеть их обоих мертвыми, нежели спрятавшимися здесь, у себя под крышей... О дорогая, что я говорю, прости меня! Как это жестоко, как бесчужденно с моей стороны!

Она с мольбой погладила Скарлетт по руке, а та продолжала смотреть на нее во все глаза. Но не о мертвом Чарльзе думала она в эту минуту. Она думала об Эшли. Что, если и он умрет? Она резко отвернулась и машинально улыбнулась доктору Миду, подходившему к их киоску.

– Ну, мои дорогие, – приветствовал он их, – как хорошо, что вы обе пришли. Я понимаю, что вы принесли большую жертву, придя сюда. Но ведь это все ради нашего Дела. И я хочу открыть вам один секрет. Я нашел замечательный способ раздобыть сегодня побольше денег для госпиталей, только боюсь, наши дамы будут несколько шокированы.

Он умолк и хмыкнул, поглаживая седую бородку.

– Что же это за способ? Расскажите нам!

– Нет, пожалуй, я лучше предложу вам догадаться самим. И я надеюсь на ваше заступничество, если наши церковницы решат изгнать меня из города. Ведь я же, что ни говори, стараюсь для раненых. Словом, вы увидите. Ничего подобного у нас тут еще не было.

Он с важным видом направился в угол к группе устроительниц базара, а Мелани и Скарлетт повернулись друг к другу, горя желанием обсудить таинственный сюрприз, но в эту минуту двое почтенных господ подошли к киоску, громко требуя, чтобы им отпустили миль десять плетеного кружева. «Ладно, пусть хоть эти старички. Все лучше, чем совсем никого», – подумала Скарлетт, отмеряя кружево и стыдливо позволяя потрепать себя по подбородку. Старые жуиры, получив товар, направились затем к киоску с лимонадом; и их место заняли другие покупатели. Киоск Мелани и Скарлетт не пользовался таким успехом, как другие киоски, откуда доносился

заливистый смех Мейбелл Мерриуэзер, хихиканье Фэнни Элсинг и задорные голоса барышень Уайтинг, бойко отвечавших на шутки покупателей. Мелани серьезно и невозмутимо, как заправская хозяйка магазина, отпускала клиентам явно ненужный им товар, и Скарлетт старалась ей подражать.

Перед другими киосками толпилась куча народа: девушки весело щебетали, мужчины делали покупки. Те же немногие покупатели, что подходили к киоску Мелани и Скарлетт, по большей части вспоминали, как кто-то из них учился с Эшли в университете, или говорили о том, каким он теперь показал себя храбрым воином, или почтительным тоном заявляли, что город понес в лице Чарльза тяжелую утрату.

А потом с подмостков вдруг полились удалые звуки веселой песенки «А ну-ка, Джонни Букер», и Скарлетт чуть не взвизгнула от злости. Ей хотелось танцевать. Танцевать! Она смотрела в зал, постукивая в такт ножкой об пол, зеленые глаза ее сверкали. Какой-то человек, вступив в зал, приостановился в дверях, перехватил ее взгляд, всмотрелся пристальнее – явно заинтересованный – в чуть раскосые мятежные глаза на угрюмом, злом лице и усмехнулся про себя, прочтя в них понятный каждому мужчине призыв. Он был высок, на голову выше стоявших рядом офицеров – широкоплечий, узкобедрый, с тонкой талией и до смешного миниатюрными ногами в отлично начищенных ботинках. Строгий черный костюм, тонкая гофрированная сорочка и брюки со штрипками, элегантно открывавшие высокий подъем стопы, находились в странном контрасте с мощным торсом и фатоватым холеным лицом. Костюм денди на теле атлета, недюжинная дремлющая сила, таящая в себе опасность, и небрежная грация движений. Иссиня-черные волосы. Тоненькие черные усики, в соседстве с пышными, свисающими до подбородка усами стоявших рядом кавалерийских офицеров, делали его похожим на европейца. Лицо человека, наделенного отменным здоровьем и таким же аппетитом, откровенно жадного до всех жизненных утех. Человека, неколебимо уверенного в себе и беззастенчиво пренебрежительного к другим. Он глядел на Скарлетт с нагло-насмешливым огоньком в глазах, и, почувствовав на себе его взгляд, она повернулась в его сторону.

Она не сразу узнала этого господина, хотя отзвук какого-то неясного воспоминания прошелестел в ее мозгу. Однако это был единственный мужчина, впервые за много месяцев явно проявивший к ней интерес, и она улыбнулась ему. Он поклонился, она слегка присела, но когда он мягкой, какой-то кошачьей походкой направился к ней, она узнала его и в смятении прижала руку к губам.

Она стояла оцепенев и смотрела, как он пробирался к ней сквозь толпу. Потом повернулась, безотчетно стремясь скрыться в комнаты для отдыха, но ее подол зацепился за какой-то гвоздь. Она яростно дернула и порвала юбку, и в ту же секунду он оказался рядом с ней.

– Разрешите мне, – сказал он, наклонился и отцепил порванную оборку. – А я и не надеялся, что вы узнаете меня, мисс О’Хара.

Ей показалось странным, что у него такой приятный, хорошо модулированный голос человека из общества, с певучим Чарльзстонским выговором.

Зардевшись от смущения, она с мольбой подняла на него глаза, ибо их последнее свидание теперь отчетливо воскресло в ее памяти, и встретила откровенно веселый и безжалостный взгляд угольно-черных, как ей показалось, глаз. Каким ветром принесло его сюда, этого ужасного человека, ставшего свидетелем ее объяснения с Эшли, которое и сейчас порой возвращалось к ней в ночных кошмарах? Почему он должен был оказаться здесь – этот гнусный негодяй, этот обольститель, которого в порядочных домах не пускают на порог! Этот презренный человек, посмевавшийся заявить – и, увы, не без основания, – что она не леди.

При звуках его голоса Мелани обернулась, и впервые в жизни Скарлетт возблагодарила всевышнего за то, что у нее есть золовка.

– Вы, кажется, мистер Ретт Батлер, не так ли? – сказала Мелани, улыбаясь и протягивая ему руку. – Мы с вами встречались...

– При самых счастливых обстоятельствах: когда была объявлена ваша помолвка, – подтвердил он, склоняясь к ее руке. – Вы очень добры, я не ждал, что вы меня вспомните.

– А что привело вас сюда, в такую даль, мистер Батлер? Ведь вы были в Чарльстоне?

– Скучные деловые обязанности, миссис Уилкс. Мне теперь придется частенько навещать ваш город. Я подумал, что помимо ввоза товаров мне следует еще заняться их сбытом.

– Помимо ввоза?.. – повторила Мелли, наморщив лоб, и тут же расцвела улыбкой. – Так вы... Ну конечно же, вы знаменитый капитан Батлер, не раз прорывавший блокаду! Мы много слышали о вас. Ведь каждая девушка в нашем городе носит платья, попавшие сюда благодаря вам. Скарлетт, подумай, какая встреча!.. Что с тобой, дорогая? Тебе дурно? Сядь, скорее сядь!

Скарлетт, тяжело дыша, опустилась на стул; ей казалось, что шнуровка ее корсета вот-вот лопнет. Боже, какой ужас! Она никогда не думала, что может снова встретиться с этим человеком. Взяв ее черный веер с прилавка, он принялся заботливо – о, чрезмерно, подчеркнуто заботливо – обмахивать ее.

Лицо его было серьезно, но в глазах все еще плясали насмешливые искорки.

– По-моему, здесь слишком душно, – сказал он. – Не удивительно, что мисс О'Хара стало дурно. Разрешите мне проводить вас к окну?

– Не надо! – Ответ Скарлетт прозвучал так резко, что Мелани с удивлением на нее поглядела.

– Эта дама теперь уже не мисс О'Хара, а миссис Гамильтон. Она стала моей сестрой, – сказала Мелани, мельком одарив Скарлетт нежным взглядом.

Скарлетт казалось, что она сейчас задохнется, в такое бешенство привело ее выражение смуглого пиратского лица этого капитана-контрабандиста Батлера.

– К обоюдному, я убежден, счастьем обеих прелестных дам, – сказал капитан Батлер с легким поклоном. Это был обычный подобающий случаю комплимент, но Скарлетт почудилось, что он вложил в него прямо противоположный смысл.

– Ваши супруги, я надеюсь, присутствуют на этом праздничном торжестве? Я был бы счастлив возобновить наше знакомство.

– Мой муж сейчас в Виргинии, – сказала Мелани, гордо вскинув голову. – А Чарльз... – Голос ее дрогнул, и она не договорила.

– Он умер в лагере, – жестко произнесла Скарлетт. Словно отрубил. Когда этот субъект оставит их в покое? Мелани снова с удивлением на нее поглядела, а капитан Батлер жестом выразил свое раскаяние на необдуманный вопрос.

– Милые дамы... как я неловок! Прошу простить мою бестактность. Я человек пришлый, но позвольте мне выразить уверенность, что тот, кто пал за родину, будет жить вечно, и это должно служить вам утешением.

Мелани улыбнулась ему сквозь слезы, а Скарлетт чувствовала, как гнев и бессильная ярость шевелятся в ее груди, когда ее, словно хищный зверь. Снова он, как подобает джентльмену, произносил вежливые слова соблезнования, но сам не верил в них ни на грош. Этот человек издевается над ней. Он знает, что она не любила Чарльза. А Мелани, конечно, слишком глупа, чтобы прочесть его истинные мысли. «О господи, лишь бы еще кто-нибудь не сумел их прочесть!» – внезапно подумала она с ужасом. А что, если он расскажет о том, чему был свидетелем? Как можно знать, на что способен человек, если он не джентльмен? Какой меркой его мерить? Она подняла на него глаза. Он продолжал обмахивать ее веером, но она уловила насмешливо-сочувственную улыбку в углах его рта. И что-то еще в его взгляде придало ей

мужества, усилив неприязнь к нему. Она вырвала веер у него из рук.

– Я прекрасно себя чувствую, – сказала она резко. – Совершенно не обязательно портить мне прическу.

– Скарлетт, дорогая! Капитан Батлер, вы не должны обижаться на нее. Она... она всегда так – сама не своя, когда при ней упоминают имя нашего бедного Чарльза... И вероятно, нам все же не следовало сегодня приходить сюда. Вы видите, мы еще в трауре, и все это веселье, эта музыка слишком тяжелое испытание для бедной малютки.

– О, я понимаю, – проговорил он с подчеркнутой серьезностью. Повернувшись к Мелани, он пристально поглядел на ее встревоженное лицо, встретил взгляд ее ясных глаз, и в чертах его смуглого лица произошла еле уловимая перемена: они смягчились, и невольное уважение промелькнуло в его взгляде.

– Мне кажется, вы очень сильная духом женщина, миссис Уилкс.

«А обо мне ни слова!» – раздраженно подумала Скарлетт. Мелани смущенно улыбнулась:

– Ну что вы, капитан Батлер! Просто комитет попросил нас обеих посидеть в киоске, потому что в последнюю минуту... Вам нужна наволочка для диванной подушки? Вот очень красивая, с флагом.

Она повернулась к трем кавалеристам, появившимся перед киоском. На секунду у нее мелькнула мысль, что этот капитан Батлер вполне приятный человек. Потом она пожалела, что между ее юбкой и стоявшей возле киоска плевательницей нет другой более основательной преграды, кроме драпировки из кисеи, ибо янтарно-желтые комочки кавалерийской табачной жвачки далеко не так точно попадали в цель, как пули кавалерийских пистолетов. Но она тут же забыла и про капитана Батлера, и про Скарлетт, и про плевательницу, увидев новых покупателей, столпившихся у киоска.

Скарлетт молча сидела на табурете, обмахиваясь веером и страстно желая, чтобы капитан Батлер поскорее возвратился туда, где ему положено быть, – на свой корабль.

– Давно ли скончался ваш супруг?

– Давно. Почти год назад.

– И канул в Лету, думается мне.

Не будучи уверена в том, что такое «Лета», но безошибочно чувствуя, что в этих словах скрыта насмешка, Скарлетт промолчала.

– И долго вы были замужем? Простите мой вопрос, но я давно не заглядывал в эти края.

– Два месяца, – нехотя отвечала Скарлетт.

– Как поистине трагично. – Он произнес это довольно небрежным тоном.

«О, чтоб тебе пропасть», – в бешенстве подумала Скарлетт. Будь это кто-нибудь другой, она окинула бы его ледяным взглядом и попросила бы удалиться. Но этот человек знал про нее и про Эшли и понимал, что она не любила Чарльза. Она была связана по рукам и ногам. Она сидела молча, опустив глаза на свой веер.

– И сегодня ваш первый выход в свет?

– Я понимаю, это выглядит странно, – поспешила объяснить Скарлетт. – Но барышням Маклюр, которые должны были сидеть в этом киоске, неожиданно пришлось уехать, и, кроме нас с Мелани, заменить их никто не мог, и...

– Любую жертву не жалко принести во имя Правого Дела. То же самое говорила и миссис Элсинг, только ее слова звучали как-то по-иному. Гневный ответ был у Скарлетт уже наготове, но она вовремя прикусила язык. В конце концов, она ведь здесь не ради «Правого Дела», а потому, что ей до смерти надоело сидеть дома.

– Этот обычай – носить траур и замуровывать женщин до конца их дней в четырех стенах, лишая естественных жизненных радостей, – раздумчиво проговорил капитан Батлер, – всегда

казался мне столь же варварским, как индийский ритуал самосожжения.

– Как индейский – что?

Он рассмеялся, и она покраснела, поняв, что обнаружила свое невежество. Как отвратительны люди, которые говорят о непонятном!

– В Индии, когда человек умирает, его не предают земле, а сжигают, и жена тоже восходит на погребальный костер и сгорает вместе с ним.

– Какой ужас! Зачем они это делают? И неужели полиция не вмешивается?

– Ну, разумеется, нет. Вдова, не пожелавшая сжечь себя вместе с мужем, становится изгоем. Все почтенные индийские матроны станут говорить, что она не умеет вести себя как настоящая леди, – совершенно так же, как эти почтенные матроны вон там в углу сказали бы про вас, взбреди вам в голову появиться здесь сегодня в красном платье и пройтись в кадрили. Лично мне обряд самосожжения представляется более милосердным, чем обычаи нашего прекрасного Юга, требующие, чтобы вдова надела траур и погребла себя заживо.

– Как вы смеете! Я вовсе не считаю себя погребенной заживо!

– Поразительно, как женщины иступленно держатся за свои цепи! Вы находите индийский обычай чудовищным? А хватило бы у вас смелости появиться сегодня здесь, если бы этого не потребовалось для нужд Конфедерации?

Скарлетт никогда не была большой мастерицей вести такого рода споры, а на этот раз и вовсе смешалась, ибо не могла не признать в душе правоты своего собеседника. Но пора все же дать ему отпор.

– Ну разумеется, я никогда бы этого не сделала. Это было бы проявлением неуважения к... к памяти... Могло бы показаться, что я не лю...

Чувствуя на себе его веселый, откровенно насмешливый взгляд, она умолкла. Он ведь знает, что она не любила Чарльза, и не станет снисходительно-вежливо выслушивать ее приличествующие случаю притворно-скорбные излияния. Это невыносимо, невыносимо иметь дело с человеком, который не умеет быть джентльменом! Джентльмен всегда делает вид, что верит даме, даже если он знает, что она говорит неправду. Такое рыцарство у южан в крови. Джентльмен всегда ведет себя как воспитанный человек, говорит то, чего требуют правила хорошего тона, и старается облегчить даме жизнь. А для этого субъекта, как видно, никакой закон не писан, и ему явно доставляет удовольствие говорить о таких вещах, касаться которых не положено.

– Я внимаю вам, затаив дыхание.

– Вы ужасный человек, – беспомощно сказала она и опустила глаза.

Он наклонился над прилавком и, забавно имитируя театральный шепот какого-нибудь злодея с подмостков «Атенеум-Холла», зловеще прошипел ей в ухо:

– Не бойтесь ничего, прекрасная госпожа! Вашу ужасную тайну я унесу с собой в могилу!

– Господи! – испуганно прошептала она в ответ. – Как вы можете говорить такие вещи!

– Мне просто хотелось снять тяжесть с вашей души. Или вы ожидали, что я скажу: «Стань моей, красавица, не то я открою все!» Она невольно подняла на него глаза, увидела, что он получает прямо-таки мальчишеское удовольствие, дразня ее, и неожиданно для себя рассмеялась. Как в самом деле все это глупо, в конце-то концов! Батлер рассмеялся тоже, итак громко, что кое-кто из матрон, сидевших в углу, поглядел в их сторону. Заметив, что вдова Чарльза Гамильтона отнюдь, по-видимому, ее скучает в обществе какого-то незнакомца, они осуждающе переглянулись и склонили головы еще ближе друг к другу.

По залу прокатилась барабанная дробь, и все зашикали, увидя, что доктор появился на

подмостках и поднял руку, требуя тишины.

– Мы должны от всего сердца поблагодарить наших прекрасных дам, чье патриотическое рвение и неустанный труд не только позволили этому благотворительному базару принести нам необходимые материальные средства, но и преобразили грубую казарму в очаровательный уголок, достойный принять под свой кров такой цветник прелестнейших дам, какой я перед собой вижу.

Все одобрительно захлопали в ладоши.

– Наши дамы отдали нам не только свое время, но и свой труд, и очаровательные вещицы, которые вы находите в этих киосках, вдвойне очаровательны, поскольку они созданы прекрасными руками прекраснейших женщин нашего Юга.

Снова раздались аплодисменты и крики одобрения. Ретт Батлер, стоявший, небрежно облокотясь о прилавок, негромко сказал, обращаясь к Скарлетт:

– Какой высокопарный козел, верно? – Скарлетт ужаснулась: такое святотатство по отношению к самому уважаемому гражданину Атланты! Она с укором взглянула на Батлера. Но доктор с его длинными седыми трясущимися бакенбардами был и впрямь похож на козла, и она с трудом подавила смешок. – Однако это не все. Наши добрые дамы-попечительницы, принесшие облегчение стольким страждущим одним прикосновением своих прохладных рук к их пылающим лбам и вырвавшие из когтей смерти столько раненых в битвах за Права Юга, знают, каковы наши нужды. Я не стану их перечислять. Нам нужны деньги, чтобы закупать медикаменты в Англии, и здесь среди нас находится сейчас неустрашимый флотоводец, не раз в течение целого года успешно прорывавший блокаду наших портов и готовый прорвать ее снова, дабы доставить потребные нам материалы, – капитан Ретт Батлер!

Застигнутый врасплох знаменитый контрабандист тем не менее отвесил элегантный поклон – не слишком ли нарочито элегантный, если вдуматься, промелькнуло у Скарлетт в уме. Казалось, он был преувеличенно любезен, потому что слишком глубоко презирал всех собравшихся здесь. Раздались бурные аплодисменты, а дамы в углу, вытянув шеи, уставились на капитана. Так вот, оказывается, с кем кокетничает вдова Чарльза Гамильтона! А ведь еще и года не прошло, как схоронили этого беднягу!

– Нам нужно золото, и я обращаюсь с просьбой о пожертвовании, – продолжал доктор. – Да, я прошу жертвы, но жертву ничтожно малой в сравнении с теми, какие приносят наши смельчаки в серых мундирах, даже, я бы сказал, смехотворно малой. Я прошу вас, дамы, пожертвовать вашими драгоценностями. Я прошу? О нет, это просит Конфедерация, это Конфедерации нужны ваши драгоценности, и я уверен, что никто из вас не ответит ей отказом. Как красиво сверкают драгоценные камни на прелестных ваших запястьях! Как изумительно хороши золотые броши на корсажах наших патриоток! Но все сокровища Индия померкнут перед ослепительной красотой вашей жертвы! Золото пойдет в плавильню, а драгоценные камни – на продажу, и на вырученные деньги будут куплены лекарства и все необходимое для врачевания. Итак, уважаемые дамы, сейчас двое наших излечившихся от своих ран храбрецов обойдут вас с корзинками в руках и... – Буря аплодисментов и взволнованные восклицания заглушили его слова.

С чувством глубокого облегчения Скарлетт прежде всего подумала о том, что вдовый наряд не позволил ей, слава тебе господи, надеть ни своих любимых золотых серег, ни тяжелой золотой цепи, полученной в подарок от бабушки Робийяр, ни золотых с черной эмалью браслетов, ни гранатовой броши. Она смотрела, как маленький зуав с дубовым лукошком в здоровой руке обходит ту часть зала, где находится ее киоск, и как все женщины – и старые и молодые – весело, торопливо стягивают с рук браслеты, притворно взвизгивают от боли, вынимая серьги из ушей, и помогают друг другу развязать тугие замочки драгоценных коле или

открепить от корсажа брошь. Позвякивание металла, возгласы:

«Постойте, стойте! Вот! Я уже отцепила!» Мейбелл Мерриуэзер стягивала с рук парные браслеты, обхватывающие тонкие запястья и руки выше локтей. Фэнни Элсинг, воскликнув: «Мама, позволь мне!», снимала с головы золотую, обсыпанную мелким жемчугом диадему – фамильную драгоценность, передававшуюся из поколения в поколение. И всякий раз, как новое пожертвование падало в лукошко, раздавались восторженные возгласы и аплодисменты.

Маленький зуав, улыбаясь, приближался теперь к их киоску; висевшее на локте лукошко уже оттягивало ему руку, и когда он проходил мимо Ретта Батлера, в лукошко небрежным жестом был брошен тяжелый золотой портсигар. Зуав поставил лукошко на прилавок, и Скарлетт беспомощно развела руками в знак того, что у нее ничего нет. Она была сконфужена, оказавшись единственной женщиной, которой нечего было пожертвовать. И тут блеск массивного обручального кольца приковал к себе ее взгляд.

На какой-то миг в памяти всплыл образ Чарльза – смутно вспомнилось, какое у него было лицо, когда он надевал кольцо ей на палец. Но воспоминание это тотчас потускнело, разрушенное мгновенно вспыхнувшим чувством раздражения – постоянным спутником всех ее воспоминаний о Чарльзе. Ведь кто, как не он, был повинен в том, что жизнь для нее кончена, что ее раньше времени считают старухой.

Она резко рванула кольцо с пальца. Но оно не поддавалось. Зуав уже повернулся к Мелани.
– Постойте! – вскричала Скарлетт. – У меня что-то есть для вас, – Кольцо наконец соскользнуло с пальца и, обернувшись, чтобы бросить его в лукошко, полное колец, браслетов, часов, цепочек и булавок для галстуков, она почувствовала на себе взгляд Ретта Батлера. Легкая усмешка тронула его губы. С вызовом отвечая на его взгляд, она бросила кольцо поверх груды драгоценностей.

– О, моя дорогая! – прошептала Мелани, сжимая ее руку. Глаза ее сияли гордостью и любовью. – Моя маленькая, мужественная девочка! Пожалуйста, обождите, лейтенант Пикар! У меня тоже найдется кое-что для вас!

Она старалась снять обручальное кольцо, с которым не расставалась ни разу с той минуты, как Эшли надел ей это кольцо на палец. Скарлетт лучше других знала, как оно ей дорого. Кольцо снялось с трудом, и на какое-то мгновение она зажала его в своей маленькой ладони. А потом тихонько опустила в корзину. Зуав направился к матронам, сидевшим в углу, а Скарлетт и Мелани, стоя плечом к плечу, глядели ему вслед: Скарлетт – вызывающе откинув голову, Мелани – с тоской, более пронзительной, чем слезы. И ни то, ни другое не укрылось от человека, стоявшего рядом.

– Если бы ты не отважилась на это, я без тебя и подавно никогда бы не смогла, – сказала Мелани, обнимая Скарлетт за талию и нежно прижимая к себе. Скарлетт хотелось оттолкнуть ее, закричать – грубо, совсем как Джералд, когда его допекали:

«Отвяжись от меня!», но капитан Батлер смотрел на них, и она только кисло улыбнулась в ответ. Это было просто невыносимо – Мелли всегда все понимает шиворот-навыворот! Впрочем, пожалуй, было бы хуже, умей она читать ее истинные мысли.

– Какой прекрасный жест, – негромко произнес капитан Батлер. – Такие жертвы вливают мужество в сердца наших храбрых воинов в серых мундирах.

Резкие слова готовы были сорваться с губ Скарлетт – ей стоило немалого труда сдержать их. Во всем, что бы он ни говорил, звучала насмешка. Она испытывала острую ненависть к этому человеку, стоявшему возле киоска, небрежно облокотившись о прилавок. И вместе с тем от него исходила какая-то сила. Она ощущала его присутствие как нечто осязаемо-живое, горячее, грозное. И ее ирландская кровь закипала в жилах, когда она читала вызов в его глазах. Нет, она должна, чего бы это ни стоило, сбить с него спесь. Он пользовался своим преимуществом перед

ней, потому что знал ее тайну, и это было невыносимо. Значит, надо найти способ как-то в чем-то восторжествовать над ним. Она подавила в себе желание бросить ему в лицо все, что она о нем думает. Как говаривала Мамушка, мухи слетаются на сахар, а не на уксус. Она поймает эту вредную муху, она ее наколет на булавку. И тогда уже не она, а он будет в ее власти.

– Благодарю за комплимент, – сказала она и очаровательно улыбнулась, делая вид, что не заметила скрытой в его словах насмешки, – и вдвойне приятно услышать его от такого прославленного человека, как капитан Батлер.

Он закинул голову и расхохотался. Прямо-таки загоготал, со злостью подумала Скарлетт, заливаясь краской.

– Почему вы не говорите прямо того, что думаете? – спросил он, понизив голос настолько, чтобы среди всеобщего шума и веселья никто, кроме нее, не мог его услышать. – Почему не сказать мне в глаза, что я негодяй, не умею вести себя как подобает джентльмену и должен немедленно убираться отсюда, и не то вы прикажете кому-нибудь из этих мальчиков в серых мундирах вызвать меня на дуэль?

Ей хотелось ответить ему какой-нибудь колкостью, но, сделав над собой героическое усилие, она сказала:

– Что с вами, капитан Батлер? Что это вам взбрело в голову? Всем же известно, какую вы себе снискали славу своей храбростью, своей... своей...

– Вы меня разочаровали, – сказал он.

– Разочаровала?

– Конечно. Во время нашей первой и столь знаменательной встречи я думал: вот девушка, наделенная помимо красоты еще и отвагой. Теперь я вижу, что осталась только красота.

– Вы хотите сказать, что я трусиха? – Она сразу ощетинулась.

– Безусловно, у вас не хватает смелости признаться в том, что вы думаете. Впервые увидев вас, я сказал себе: таких девушек – одна на миллион. Она совсем не похожа на этих маленьких дурочек, которые верят всему, что говорят их маменьки, и прячут свои желания и чувства, а порой и разбитые сердца под нагромождением пустопорожних учтивых слов. Я подумал: мисс О'Хара – натура незаурядная. Она знает чего хочет и не боится ни открыто об этом сказать, ни... швырнуть вазу.

– Так вот, – сказала она, давая волю своему гневу, – сейчас я действительно скажу все, что думаю. Будь вы хоть сколько-нибудь воспитанным человеком, вы бы не пришли сюда и не стали бы говорить со мной. Вам следовало бы понимать, что я не имею ни малейшего желания вас видеть! Но вы не джентльмен! Вы грубое, отвратительное животное! И, пользуясь тем, что ваши паршивые суденышки как-то ухитряются обставлять в портах янки, вы, позволяете себе приходить сюда и издеваться над настоящими храбрыми мужчинами и над женщинами, которые готовы пожертвовать всем ради Правого Дела...

– Минутку, минутку, – широко ухмыляясь, прервал он ее, – вы начали прекрасно и в самом деле сказали то, что думаете, но умоляю, не говорите мне о Правом Деле. Мне уже осточертело про это слушать, да и вам, ручаюсь, тоже.

– Да как вы можете... – горячо начала было она, но тут же спохватилась, чувствуя, что он готовит ей ловушку.

– Я долго стоял в дверях и наблюдал за вами, а вы меня не видели, – сказал он, – И за другими девушками тоже. И у всех было одинаковое выражение лица, словно их отлили из одной формы. А у вас – другое. По вашему лицу можно читать, как по книге. Вас совершенно не увлекало ваше сегодняшнее занятие, и могу поклясться, что ваши мысли были далеки и от Правого Дела, и от нужд госпиталя. У вас на лице было написано, что вам хочется развлекаться и танцевать, да вот нельзя. И вас это бесит. Ну признайтесь, я прав?

– Я не желаю продолжать этот разговор, капитан Батлер. – сдержанно и сухо сказала она, отчаянно стараясь вновь обрести чувство собственного достоинства. – Как бы много ни возомнили вы о себе, став «знаменитым контрабандистом», это еще не дает вам права оскорблять дам.

– «Знаменитым контрабандистом»? Да вы шутите! Прошу, уделите мне еще минуту вашего бесценного внимания, прежде чем я кану для вас в небытие. Я не хочу, чтобы столь очаровательная юная патриотка оставалась в заблуждении относительно моего истинного вклада в дело Конфедерации.

– Мне неинтересно слушать ваше бахвальство.

– Контрабанда для меня просто промысел – я делаю на этом деньги. Как только это занятие перестанет приносить доход, я его брошу. Ну, что вы теперь скажете?

– Что вы низкий, корыстный человек – не лучше янки.

– Абсолютно правильно. – Он усмехнулся, – И кстати, янки помогают мне делать деньги. Не далее как в прошлом месяце я пригнал свой корабль прямо в нью-йоркскую гавань и взял там груз.

– Как? – воскликнула Скарлетт, невольно загоревшись интересом. – И они не обстреляли ваш корабль?

– О, святая наивность! Разумеется, нет. Среди северян тоже немало несгибаемых патриотов, которые не прочь заработать, сбывая товар конфедератам. Я завожу свой корабль в нью-йоркскую гавань, закупаю у торговых фирм северян – шито-крыто, разумеется, – все, что мне требуется, подымаю паруса – и был таков. А когда это становится слишком опасным, я уйду в Нассау, куда те же самые патриоты-северяне привозят для меня снаряды, порох и кринолины. Это куда удобнее, чем плавать в Англию. Порой бывает несколько затруднительно проникнуть в чарльстонский или уилмингтонский порт, но вы изумитесь, если я вам скажу, в какие щели умеют проникать маленькие золотые кружочки.

– Конечно, я всегда знала, что янки мерзкие твари, но чтобы...

– Стоит ли тратить словесный пыл на янки, которые честно набивают себе карман, продавая свой Союз Штатов? Это не будет иметь никакого значения в веках. Все сведется к одному концу. Янки знают, что Конфедерация рано или поздно будет стерта с лица земли, так почему бы им пока что не заработать себе на хлеб?

– Стерта с лица земли? Конфедерация?

– Ну разумеется.

– Будьте столь любезны – освободите меня от вашего присутствия и не вынуждайте вызывать мой экипаж, дабы от вас избавиться!

– Какая пылкая маленькая мятежница! – с усмешкой проговорил он, поклонился и неспешно зашагал прочь, покинув ее в состоянии бессильной ярости и негодования. И к этому примешивался непонятный ей самой осадок разочарования – разочарования, как у обиженного ребенка, чьи детские мечты разлетелись в прах. Как смеет он так отзываться о тех, кто помогает прорывать блокаду! И как посмел он сказать, что Конфедерацию сотрут с лица земли! Его следует расстрелять, расстрелять, как изменника! Она обвела глазами зал, увидела знакомые лица – смелые, открытые, воодушевленные, уверенные в победе, и странный холодок вдруг закрался в ее сердце. Сотрут с лица земли? И эти люди допустят? Да нет, конечно же, нет! Сама эта мысль была предательской и нелепой.

– О чем это вы шептались? – повернувшись к Скарлетт, спросила Мелани, когда покупатели ушли. – Миссис Мерриуэзер – я заметила – не сводила с тебя глаз, а ты ведь знаешь, дорогая, как она любит посудачить.

– Этот человек совершенно невыносим – невоспитанная деревенщина, – сказала Скарлетт. –

А старуха – Мерриуэзер – пускай себе судачит. Мне надоело прикидываться дурочкой для ее удовольствия.

– Ну что ты, право, Скарлетт! – воскликнула чрезвычайно скандализованная Мелани.

– Тише, – сказала Скарлетт. – Доктор Мид намерен сделать еще одно объявление.

Когда доктор заговорил, зал немного притих. Для начала доктор поблагодарил пожертвовавших драгоценности дам за щедрость.

– А теперь, дамы и господа, я хочу сделать вам сюрприз. Предложить нечто столь новое, что кого-то это может даже шокировать. Но я прошу вас не упускать из виду, что все здесь делается для наших госпиталей и для наших мальчиков, которые в них лежат.

Все начали придвигаться ближе, протискиваться вперед, стараясь отгадать, какой ошеломляющий сюрприз может преподнести им почтенный доктор.

– Сейчас начнутся танцы – и, как всегда, разумеется, с кадрили, за которой последует вальс. Все последующие танцы – полька, шотландский, мазурка – будут перемежаться короткими кадрилими. Мне хорошо известен галантный обычай соперничества за право повести кадрили, а вот на сей раз... – Доктор вытер платком вспотевший лоб и хитро покосился в угол, где среди прочих матрон сидела и его жена – на сей раз, джентльмены, тому, кто хочет повести кадрили с дамой по своему выбору, придется за это платить. Аукцион буду проводить я сам, а все вырученные деньги пойдут на нужды госпиталей.

Веера застыли в воздухе, и по толпе пробежал взволнованный шепот. В углу среди матрон поднялась форменная суматоха. Миссис Мид, отнюдь не одобряя в душе действий своего супруга, тем не менее решительно взяла его сторону и оказалась в трудном положении. Миссис Элсинг, миссис Мерриуэзер и миссис Уайтинг сидели пунцовые от негодования. Но тут солдаты внутреннего охранения внезапно разразились громкими криками одобрения, которые тотчас были подхвачены и другими гостями в военной форме, а тогда уж и молоденькие девушки начали радостно подпрыгивать на месте и хлопать в ладоши.

– Тебе не кажется, что это немножко... немножко смахивает на... торговлю живым товаром? – прошептала Мелани, с сомнением глядя на воинственно ощетинившегося доктора, который, как ей всегда казалось, был безупречнейшим джентльменом.

Скарлетт промолчала, но глаза ее блеснули, а сердце томительно сжалось. Ах, если бы она не была в трауре! О да, будь она прежней Скарлетт О'Хара в травянисто-зеленом платье с темно-зелеными бархатными лентами, свисавшими с корсажа, и туберозами в темных волосах, кто, как не она, открыл бы этот бал первой кадрилию? Да, конечно же, она! Не меньше дюжины мужчин повели бы из-за нее торг и принялись бы выкладывать деньги доктору. А вместо того сиди тут, подпирай стенку и смотри, как Фэнни или Мейбелл поведет большую кадрилию, словно первая красавица Атланты!

Голос маленького зуава с резко выраженным креольским акцентом на мгновение перекрыл шум:

– Если позволите, я плачу двадцать долларов и приглашаю мисс Мейбелл Мерриуэзер.

Мейбелл спрятала вспыхнувшее от смущения личико на плече Фэнни, и другие девушки, хихикая, начали прятаться друг за друга, в то время как новые мужские голоса начали выкрикивать новые имена и называть более крупные суммы денег. Доктор Мид улыбнулся, полностью игнорируя возмущенный шепот, доносившийся из угла, где восседали дамы-попечительницы.

Поначалу миссис Мерриуэзер громко и решительно заявила, что ее Мейбелл не примет участия в этой затее. Но по мере того как имя Мейбелл стало звучать все чаще и чаще, а предложенная за нее сумма возросла до семидесяти пяти долларов, протесты почтенной дамы стали слабеть. Скарлетт, облокотившись о прилавок, пожирала глазами возбужденную толпу, с

пачками денег в руках окружившую подмостки.

Ну вот, сейчас они все примутся танцевать – все, кроме нее и пожилых дам. Все будут веселиться, кроме нее. Она увидела Ретта Батлера, стоявшего внизу прямо перед доктором, и постаралась сделать вид, что все происходящее ей глубоко безразлично, но было уже поздно: один уголок губ Ретта насмешливо опустился вниз, а одна бровь выразительно поднялась вверх. Скарлетт вздернула подбородок и, отвернувшись, внезапно услышала свое имя, произнесенное с характерным чарльстонским акцентом и так громко, что оно заглушило все другие выкрикиваемые имена:

– Миссис Чарльз Гамильтон – сто пятьдесят долларов золотом.

Когда прозвучало ее имя, а затем сумма, в зале воцарилась тишина. Скарлетт, как громом пораженная, сидела окаменев, расширенными от удивления глазами глядя в зал. Все взоры были обращены на нее. Она видела, как доктор, наклонившись с подмостков, что-то прошептал Ретту Батлеру. Вероятно, объяснял ему, что она в трауре и не может принять участия в танцах. Но Ретт Батлер только пожал плечами.

– Может быть, вы выберете какую-нибудь другую из наших прекрасных дам? – спросил доктор.

– Нет, – отчетливо произнес Ретт, небрежно окидывая взглядом присутствующих. – Миссис Гамильтон.

– Говорю вам, это невозможно, – раздраженно сказал доктор. – Миссис Гамильтон не согласится...

И тут Скарлетт услышала чей-то голос и не сразу поняла, что он принадлежит ей:

– Нет, я согласна!

Она вскочила на ноги. От волнения, от радости, что она снова в центре внимания, снова признанная королева бала, самая привлекательная из всех, а главное – от предвкушения танцев, – сердце у нее бешено колотилось, и ей казалось – она вот-вот упадет.

– Ах, мне наплевать, мне наплевать на все, что они там будут говорить! – пробормотала она, вся во власти сладостного безрассудства. Она тряхнула головой и быстро вышла из киоска, постукивая каблучками по полу, как кастаньетами, и на ходу раскрывая во всю ширь свой черный шелковый веер. На мгновение перед ее глазами промелькнуло изумленное лицо Мелани, скандализированные лица дам-попечительниц, раздосадованные лица девушек, восхищенные лица офицеров. А потом она стояла посреди зала, и Ретт Батлер направлялся к ней, пробираясь сквозь толпу, с этой своей поганой усмешечкой на губах. Да ей наплевать на него, наплевать, будь он хоть президент Линкольн! Она будет танцевать, вот и все! Она пойдет в первой паре в кадрили! Она ослепительно улыбнулась ему и присела в низком реверансе, и он поклонился, приложив руку к манишке. Растерянный Леви поспешно выкрикнул, стараясь разрядить обстановку:

– Виргинская кадрили! Кавалеры приглашают дам! И оркестр грянул лучшую, любимейшую из всех мелодий – «Дикси». [note 4](#)

– Как вы посмели привлечь ко мне всеобщее внимание, капитан Батлер?

– Но, дорогая миссис Гамильтон, вы совершенно явно сами к этому стремились.

– Как вы посмели выкрикнуть мое имя на весь зал?

– Но вы же могли отказаться.

– Я не имела права.., ради нашего Дела.., я... я не могла думать о себе, когда вы предложили такую уйму денег, да еще золотом... Перестаньте смеяться, на нас все смотрят.

– Они все равно будут на нас смотреть. И бросьте эту чепуху насчет Дела – со мной это не пройдет. Вам хотелось потанцевать, и я предоставил вам такую возможность. Эта пробежка – последняя фигура кадрили, верно?

– Да, конечно. Танец окончен, и я хочу теперь посидеть.

– Почему? Я отдал вам ногу?

– Нет... Но про меня начнут судачить.

– А вам – положи руку на сердце – не все равно?

– Ну, видите ли...

– Какое в этом преступление? Почему бы не протанцевать со мной вальс?

– Но если мама когда-нибудь узнает...

– Все еще ходите на помочах у вашей матушки?

– У вас необыкновенно отвратительное свойство издеваться над благопристойностью, превращая ее в непроходимую глупость.

– Но это же и в самом деле глупо. Разве вам не все равно, если о вас судачат?

– Да, конечно.., но... Я не хочу об этом говорить. Слава богу, уже заиграли вальс. От кадрили у меня всегда дух захватывает.

– Не уклоняйтесь от ответа. Разве вам не безразлично, что говорят о вас эти женщины?

– Раз уж вам так хочется припереть меня к стенке – хорошо: да, безразлично! Но, считается, что это не должно быть безразлично. Только сегодня я не хочу с этим мириться.

– Bravo! Вы, кажется, начинаете мыслить самостоятельно – до сих пор вы предпочитали, чтобы за вас думали другие. В вас пробуждается жизненная мудрость.

– Да, но...

– Если бы вы возбуждали о себе столько толков, как я, вы бы поняли, до какой степени это не имеет значения. Подумайте хотя бы: во всем Чарльстоне нет ни одного дома, где я бы был принят. Даже мой щедрый вклад в наше Праведное и Святое Дело не снимет с меня этого запрета.

– Какой ужас!

– Да вовсе нет. Только потеряв свою так называемую «репутацию», вы начинаете понимать, какая это обуза и как хороша приобретенная такой ценой свобода.

– Вы говорите чудовищные вещи!

– Чудовищные, потому что это чистая правда. Без хорошей репутации превосходно можно обойтись при условии, что у вас есть деньги и достаточно мужества.

– Не все можно купить за деньги.

– Кто вам это внушил? Сами вы не могли бы додуматься до такой банальности. Что же нельзя купить за деньги?

– Ну, как... я не знаю... Во всяком случае, счастье и любовь – нельзя.

– Чаще всего можно. А уж если не получится, то им всегда можно найти отличную замену.

– И у вас к много денег, капитан Батлер?

– Какой неделикатный вопрос! Я просто поражен, миссис Гамильтон. Ну что ж, да. Для молодого человека, оставленного в дни беспечной юности без гроша, я неплохо преуспел. И не сомневаюсь, что на блокаде сумею сколотить миллион.

– О нет, не может быть!

– О да! Большинство людей почему-то никак не могут уразуметь, что на крушении цивилизации можно заработать ничуть не меньше денег, чем на создании ее.

– Как это понять?

– Ваше семейство да и мое семейство и все здесь присутствующие нажили свои состояния, превращая пустыню в цивилизованный край. Так создаются империи. И на этом сколачиваются состояния. Но когда империи рушатся, здесь возможности для пожизны не меньше.

– О какой империи вы толкуете?

– О той, в которой мы с вами обитаем, – о Юге, о Конфедерации, о Королевстве Хлопка. Эта империя трещит по всем швам у нас на глазах. Только величайшие дураки могут этого не

видеть и не использовать в своих интересах надвигающийся крах. Я наживаю свой капитал на крушении империи.

– Так вы и в самом деле считаете, что янки сотрут нас с лица земли?

– Конечно! Какой смысл прятать, как страус, голову под крыло?

– О господи, эти разговоры нагоняют на меня тоску! Неужели вы никогда не можете поговорить о чем-нибудь приятном, капитан Батлер?

– Может быть, я угожу вам, если скажу, что ваши глаза – как два драгоценных сосуда, наполненных до краев прозрачайшей зеленоватой влагой, в которой плавают крохотные золотые рыбки, и когда эти рыбки плескаются – как вот сейчас – на поверхности, вы становитесь чертовски обаятельной?

– Ах, перестаньте, мне это не нравится... Какая дивная музыка, не правда ли? Мне кажется, я могу кружиться в вальсе всю жизнь. Я даже сама не понимала, как мне этого не хватало!

– Вы танцуете божественно. Мне еще не доводилось танцевать с такой великолепной партнершей.

– Не прижимайте меня к себе так крепко, капитан Батлер. Все на нас смотрят.

– А если бы никто не смотрел, тогда вы бы не стали возражать?

– Вы забываетесь, капитан Батлер.

– Вот уж нет. Разве это возможно, когда я держу вас в объятиях?.. Что это за мелодия? Что-то новое?

– Да. Восхитительная музыка, верно? Мы взяли ее у янки.

– Как она называется?

– «В час победы нашей».

– А какие там слова? Спойте мне.

Милый, помнишь нашу встречу?

Ты у ног моих

Мне в своей любви признался...

Помнишь этот миг?

Ты, гордясь мундиром серым,

Клялся, что готов

Мне хранить до гроба верность

И земле отцов.

Слезы лью я одиноко,

Новой встречи жду!..

Верю в час победы нашей

И в твою звезду!

Там, конечно, было сказано «синим», но мы переменили на «серым». А вы прекрасно вальсируете, капитан Батлер. Знаете, у рослых мужчин это редко получается. И подумать только, что пройдут годы, прежде чем мне можно будет снова потанцевать.

– Не годы, а всего несколько минут. Я намерен пригласить вас на следующую кадрили. А также и на следующую и еще.

– О нет! Я не могу! Вы не должны меня приглашать. Моя репутация погибнет.

– От нее и так уже остались одни лохмотья, так что еще один танец ничего не изменит. После пяти, шести танцев я, конечно, могу уступить эту честь и другим, но последний танец должен быть моим.

– Ну, хорошо. Я знаю, что это безумие, но мне все равно. Мне наплевать, что они там будут говорить. Мне так прискучило сидеть дома взаперти. Я буду танцевать и танцевать...

– И снимете траур? Вид этого похоронного крепа вызывает во мне содрогание.

– Нет, снять траур я не могу... Капитан Батлер, не прижимайте меня так крепко. Я рассержусь.

– А вы великолепны, когда сердитесь. Я прижму вас еще крепче – вот так, – нарочно, чтобы поглядеть, как вы рассердитесь. Вы даже не подозреваете, как ослепительны вы были тогда в Двенадцати Дубах, когда, рассвирепев, швырялись вазами.

– Ах, будет вам... Вы что – никак не можете про это забыть?

– Никак. Это одно из драгоценнейших моих воспоминаний: благовоспитанная красавица южанка, в которой разыгралась ее ирландская кровь. Вы – ирландка до мозга костей. Известно вам это?

– О боже, музыка кончается, а из задней комнаты появилась тетушка Питтипэт. Конечно, миссис Мерриуэзер уже напела ей в уши. О, бога ради, отойдемте, постоим у окна, я не хочу, чтобы она вцепилась в меня сейчас. Вы видите, глаза у нее стали от ужаса как плоски.

На следующее утро во время завтрака тетушка Питтипэт прикладывала платочек к глазам, Мелани хранила молчание, а Скарлетт держалась вызывающе.

– Мне наплевать – пусть говорят. Я уверена, что никто не принес госпиталю столько денег, как я. Да и вся эта дрянь, которую вы продавали в киосках, тоже принесла меньше.

– Ах, милочка, разве дело в деньгах? – ломая руки, причитала тетушка Питти. – Я просто не могла поверить своим глаза: бедный Чарли всего год как в могиле, а вы... И этот ужасный капитан Батлер, который нарочно выставял вас напоказ. О, он ужасный, ужасный человек, Скарлетт. Муж миссис Колмен, кузины миссис Уайтинг, – он родом из Чальстона, так она мне все рассказала про этого Батлера. Он из приличной семьи, но это паршивая овца в стаде.., просто непостижимо, как Батлеры могли произвести на свет такого сына! В Чарльстоне для него закрыты все двери, у него чудовищная репутация, и там была история с какой-то девицей... Нечто настолько непристойное, что миссис Колмен даже ничего не знает толком...

– А я как-то не могу поверить, что он такой дурной человек, – мягко проговорила Мелани. – С виду он джентльмен, и притом храбр – доставлять нам оружие, прорывая блокаду...

– Это не потому, что он храбр, – из духа противоречия заявила Скарлетт, выливая на вафли половину сиропа из соусника. – Он делает это ради денег. Он сам мне так и сказал. Ему наплевать на Конфедерацию, и он утверждает, что янки сотрут нас с лица земли. Но танцует он божественно.

Дамы онемели от ужаса.

– Мне все это надоело, я не намерена больше сидеть взаперти. Если они вчера перемывали мне косточки, значит, репутация моя все равно погибла и мне нечего терять.

Она даже не заметила, что повторяет слова Ретта Батлера – так кстати они пришлись и так точно выражали ее собственные мысли.

– Боже мой, что скажет ваша матушка, как узнает? Что она будет думать обо мне?

При мысли о том, в какой ужас придет Эллин, если ей когда-нибудь доведется узнать о скандальном поведении дочери, Скарлетт похолодела и в душе у нее пробудилось раскаяние. Но она тут же приободрилась, вспомнив, что от Тары до Атланты двадцать пять миль. Тетя Питти, конечно, ничего не скажет Эллин. Ведь это бросит тень и на нее. А раз Питти не скажет, нечего и беспокоиться.

– Мне кажется... – нерешительно промолвила тетушка Питти, – мне кажется, я должна написать об этом Генри... ужасно не лежит у меня к этому душа, но ведь он единственный мужчина в нашей семье, так пусть поговорит, внушительно поговорит с этим капитаном Батлером... О господи, если бы Чарли был жив... Вы никогда, никогда не должны больше разговаривать с этим человеком, Скарлетт.

Мелани сидела молча, сложив руки на коленях. Нетронутые вафли остывали на ее тарелке. Она поднялась, подошла сзади к Скарлетт и обхватила руками ее шею.

– Дорогая, – сказала она, – не расстраивайся. Я все понимаю, и ты вчера поступила очень мужественно и очень много сделала для госпиталя. И если кто-нибудь посмеет сказать о тебе хоть одно дурное слово, я сумею за тебя заступиться... Не плачьте, тетя Питти. Скарлетт было очень трудно сидеть все время взаперти. Она еще совсем ребенок. – Пальцы Мелани нежно перебирали темные волосы Скарлетт. – Может быть, и нам всем будет легче, если мы хоть изредка начнем появляться на людях. Может быть, это было эгоистично с нашей стороны, что мы, закрывшись в четырех стенах, предавались своему горю. В войну все по-другому – не так, как в мирное время. Когда я думаю о всех воинах, оторванных от дома, у которых в нашем городе

нет никого знакомых и им не к кому пойти вечерами, и, о тех, кто лежит в госпиталях – а многие из них ведь уже ходят, но еще не настолько оправились, чтобы вернуться на фронт... Да, конечно, мы вели себя эгоистично. Мы должны сейчас же взять к себе из госпиталя трех выздоравливающих, как сделали это все в городе, и каждое воскресенье приглашать еще несколько на обед. А ты не тревожься, Скарлетт. Люди не будут о нас плохо говорить, они поймут. Мы знаем, что ты любила Чарли.

А Скарлетт и не думала тревожиться, и рука Мелани, нежно трепавшая ее волосы, вызвала лишь раздражение. Ей хотелось тряхнуть головой и воскликнуть: «А, чепуха!» У нее и сейчас еще огонь пробежал по жилам, стоило ей вспомнить, как вчера на балу и раненые из госпиталя, и другие военные – из войск внутреннего охранения и милиции – оспаривали друг у друга право на танец с нею. И уж меньше всего на свете жаждала она иметь защитника в лице Мелани. Весьма вам признательна, но она и сама отлично может постоять за себя, а если старые мегеры начнут шипеть, ну и пускай себе шипят на здоровье, нужны они ей очень! На свете слишком много молодых симпатичных военных, чтобы еще тревожиться из-за старых мегер.

Тетушка Питтипэт, слушая ласковые увещевания Мелани, вытирала платочком глаза, и тут появилась Присси с объемистым конвертом в руках.

– Это вам, мисс Мелани. Маленький негритенок принес.

– Мне? – удивилась Мелли, вскрывая конверт. Скарлетт продолжала уплетать вафли, не обращая внимания на происходящее, и вдруг услышала, как Мелани громко расплакалась; подняв глаза, она увидела, что тетушка Питти судорожно прижала руки к груди.

– Эшли убит! – взвизгнула она, и руки ее безжизненно повисли, а голова запрокинулась.

– О боже! – вскричала Скарлетт, чувствуя, как кровь отхлынула у нее от сердца.

– Нет! Нет! – воскликнула Мелани. – Скорее! Скарлетт, дай ей нюхательные соли! Успокойтесь, успокойтесь, дорогая! Вам лучше? Дышите глубже. Это вовсе не от Эшли. Простите, что я вас так напугала. Я заплакала просто от радости. – И она поднесла к губам какой-то предмет, который был зажат у нее в руке. – О, я так счастлива! – И она снова расплакалась.

Что-то блеснуло у нее в пальцах, и Скарлетт увидела массивное золотое кольцо.

– Прочти, – сказала Мелани, указывая на выпавшее у нее из рук письмо. – О, как он мил, как добр!

Скарлетт, озадаченная, подняла с полу небольшой листок бумаги и прочла то, что было написано на нем твердым решительным почерком: «Если Конфедерации нужна кровь мужчин, то ей пока еще не нужно, чтобы женщины с кровью отрывали от сердца драгоценные для них реликвии. Примите, дорогая миссис Уилкс, этот знак преклонения перед Вашим мужеством и не считайте Вашу жертву бесплодной, ибо за выкуп кольца уплачена сумма, Десятикратно превышающая его стоимость. Капитан Ретт Батлер».

Мелани с нежностью смотрела на кольцо, снова надетое на палец.

– Видите, я же говорила вам, что он джентльмен! – сказала Мелани, повернувшись к тетушке Питти и сияя улыбкой, хотя слезы еще струились по ее щекам. – Только человек тонкого воспитания и очень чуткий мог понять, как тяжело мне было расстаться... Но я пошлю им мою золотую цепочку взамен. Тетя Питти, вы непременно должны написать капитану Батлеру и пригласить его отобедать с нами в воскресенье, чтобы я могла лично выразить ему благодарность.

И ни тетушке, ни племяннице – в таком они были волнении – не пришло на ум, что капитан Батлер не почел нужным возвратить и Скарлетт ее кольцо. Но Скарлетт подумала об этом и была раздосадована. Она-то понимала, что вовсе не душевная тонкость побудила капитана Батлера совершить этот галантный поступок. Он хотел иметь доступ в дом тетушки Питтипэт и

нашел безошибочный способ получить приглашение.

«Я была крайне обескуражена, узнав о том, что ты себе недавно позволила», – писала Эллин, и Скарлетт, читая за столом ее письмо, нахмурилась. Да, дурные вести и в самом деле долетают быстро. В Чарльстоне и в Саванне ей не раз приходилось слышать, что нигде так не любят сплетничать и совать нос в чужие дела, как в Атланте, и теперь ей пришлось в этом убедиться. Благотворительный базар состоялся в понедельник вечером, а сегодня был четверг. Кто же из этих старых ведьм взял на себя труд оповестить Эллин? В первое мгновение она заподозрила тетушку Питтипэт, но тут же отбросила эту мысль. Тетушка Питтипэт сама тряслась от страха, как бы ей не пришлось отвечать за вызывающее поведение Скарлетт, и отнюдь не в ее интересах было доводить до сведения Эллин, как плохо она справилась со своей ролью дуэньи. Вероятно, это дело рук миссис Мерриуэзер.

«Мне трудно поверить, что ты могла настолько забыть приличия и проявить такое отсутствие воспитания. Я готова поглядеть сквозь пальцы на твое появление в обществе до истечения срока траура, понимая, что это было продиктовано горячим желанием внести свою лепту в дело помощи госпиталю. Но танцевать, да еще с таким человеком, как капитан Батлер! Я уже много слышала о нем (да и кто о нем не наслышан?), и всего лишь на прошлой неделе Полин писала мне, что этот господин пользуется очень дурной славой, и в Чарльстоне от него отвернулись все, даже его семья, – все, за исключением, разумеется, его убитой горем матери. Это глубоко безнравственный человек, он способен воспользоваться твоей невинностью, твоей молодостью, чтобы погубить тебя, опорочить в глазах общества и тебя, и твою семью. Как могла мисс Питтипэт так пренебречь своим долгом по отношению к тебе?» Скарлетт посмотрела на тетю Питтипэт, сидевшую напротив нее за столом. Старая дама узнала почерк Эллин и уже надула пухлые губки, как ребенок, испугавшийся нахлобучки и готовый предотвратить ее потоком слез.

«Я прихожу в отчаяние при мысли о том, что ты могла так скоро забыть все правила хорошего воспитания. Я хотела немедленно отозвать тебя домой, но оставила это на усмотрение твоего отца. В пятницу он приедет в Атланту, чтобы объяснить с капитаном Батлером и забрать тебя домой. Боюсь, он будет с тобой суров, невзирая на мои мольбы. Я же уповаю на то, что причиной твоего нескромного поведения является просто молодость и легкомыслие. Я столь же горячо, как все, готова послужить нашему Правому Делу и хочу, чтобы мои дочери разделяли эти чувства, но позорить...» Дальше было написано еще много – и все в таком же духе, – но Скарлетт не прочитала письма до конца. Впервые в жизни она испугалась не на шутку. Всю ее беззаботность и удаль как ветром сдула. Она чувствовала себя словно провинившийся ребенок – совсем как в десять лет, когда как-то раз за столом запустила в Сьюлин печеньем. Впервые она слышала столь резкие укоры из уст своей всегда такой мягкой матери. Да еще приедет отец и потребует объяснения у капитана Батлера. Она поняла, что каша заварилась нешуточная. Джералд, видно, расвирепел, и на сей раз впервые ей не удастся избежать наказания, забравшись к нему на колени, ласкаясь и дерзя.

– Я... я надеюсь, не плохие новости? – с дрожью в голосе спросила тетушка Питтипэт.

– Папа приезжает завтра, чтобы задать мне хорошую трепку, – мрачно объявила Скарлетт.

– Присси, подай мне нюхательные соли, – пролепетала тетушка Питтипэт, отодвигая от себя тарелку и отодвигаясь от стола. – Мне... мне дурно.

– Да они же у вас в кармашке, – сказала Присси, стоя за стулом Скарлетт и упоенно предвкушая крупный семейный скандал. Когда мистер Джералд разбушует, тут есть на что посмотреть, лишь бы, конечно, ее бедная курчавая голова не подвернулась ему под горячую руку.

Тетушка Питтиэт порылась в складках юбки и поднесла флакончик к носу.

– Вы обе должны заступиться за меня и не оставлять нас с ним вдвоем ни на секунду! – вскричала Скарлетт. – Он так любит вас обеих, что не станет меня шпынять в вашем присутствии.

– Я не могу, – еле слышно пролепетала тетушка Питтиэт, поднимаясь на ноги. – Я... я совсем больна. Я должна лечь. Завтра я не встану с постели. Вы должны извиниться за меня перед ним.

«Струсил!» – подумала Скарлетт, глядя на нее со злобой. Мелани, бледная, испуганная при мысли о встрече с разъяренным мистером О'Хара, все же пообещала встать на защиту Скарлетт.

– Я постараюсь помочь тебе... постараюсь объяснить ему, что ты сделала это ради госпиталя. Он поймет, я уверена.

– Ничего он не поймет, – сказала Скарлетт. – О боже, я умру, если мне придется с позором вернуться в Тару, как грозит мама.

– Ах, нет, вы не можете вернуться домой! – воскликнула тетушка Питтиэт и расплакалась. – Если вы уедете, мне придется., да, мне придется просить Генри переехать к нам, а вы же знаете – я просто не в состоянии жить с ним под одной крышей. Но когда мы с Мелли одни во всем доме, мне по ночам так, страшно, в городе столько пришедших людей. А вы, Скарлетт, такая храбрая, с вами я ничего не боюсь, даже если в доме нет мужчины.

– Да нет, не может он увезти тебя в Тару! – воскликнула Мелани. Казалось, она тоже вот-вот расплачется. – Это же теперь твой дом. Что же мы будем делать без тебя!

«Знай вы, что я о вас думаю, верно, прекрасно обошлись бы без меня», – угрюмо подумала Скарлетт, от всей души желая, чтобы кто-нибудь другой, только не Мелани, мог защитить ее от гнева отца. Ей претила мысль, что она должна принимать помощь от человека, который ей так неприятен.

– Может быть, следует отменить приглашение, посланное капитану Батлеру? – заикнулась было тетушка Питтиэт.

– Но это невозможно! Это было бы неслыханной грубостью! – в полном расстройстве вскричала Мелани.

– Помогите мне лечь в постель. Я совершенно расхворалась, – со стоном произнесла тетушка Питтиэт. – О Скарлетт, как вы могли причинить мне столько огорчений!

И на следующий день, когда приехал Джералд, тетушка Питтиэт была больна и не вставала с постели. Из-за ее запертой двери к нему полетело несколько посланий с выражением сожалений, и две перепуганные молодые женщины были предоставлены за ужином своей судьбе. Джералд был зловеще молчалив, хотя и поцеловал Скарлетт и ущипнул Мелани за щечку, назвав ее при этом «кузина Мелли». Скарлетт было бы куда легче, если бы он бранился, разносил ее на все корки и раскаты его голоса сотрясали бы дом. Верная своему слову, Мелани не отходила от Скарлетт и, шелестя платьем, повсюду следовала за ней словно тень, а Джералд был достаточно воспитан, чтобы не распекать дочь в присутствии золовки. Мелани – не могла не признать Скарлетт – держалась прекрасно, ничем не подавая виду, что знает о надвигающейся грозе, и в конце концов за ужином ей даже удалось втянуть Джералда в разговор.

– Я жажду услышать от вас новости, – сияя улыбкой, говорила она Джералду. – Индия и Милочка пижут нам так редко. А вы, конечно, в курсе всех событий. Расскажите нам про свадьбу у Фонтейнов. Ее приветливость растопила лед, и Джералд принялся рассказывать, что свадьбу отпраздновали скромно – «совсем не то, что было, когда вы венчались», – потому как Джо получил отпуск из армии всего на несколько дней. Малютка Салли Манро выглядела прелестно. Нет, вот уж как она была одета, этого он что-то не припомнит. А на второй день? Да

она, помнится, говорили, не меняла туалета.

– Не меняла? – в один голос воскликнули обе молодые дамы, пораженные до глубины души.

– Ну да, потому что никакого второго дня попросту не было, все ограничилось первой ночью, – со смехом пояснил Джералд, не сразу спохватившись, что эти подробности, пожалуй, не для дамских ушей. Когда отец рассмеялся, у Скарлетт немного отлегло от сердца и она мысленно поблагодарила Мелли.

– На другой день Джо уехал обратно в Виргинию, – поспешно добавил Джералд. – Ну и пришлось обойтись без визитов и танцев. А близнецы Тарлтоны сейчас дома.

– Да, мы слышали. Поправляются они?

– Раны были не тяжелые. Стюарта ранило в колено, а у Брента сквозное, пулевое ранение плеча. А вы знаете, что о них упомянули в официальных сообщениях, отметив их храбрость?

– Вот как? Расскажите!

– Так ведь отчаянные головы оба. Думается, там не без примеси ирландской крови, – самодовольно заметил Джералд. – Я что-то позабыл, чем они так отличились, только Brent уже получил чин лейтенанта.

Скарлетт было приятно услышать об их подвигах – приятно, лестно и к тому же пробуждало в ней чувство собственности. Если мужчина был когда-нибудь ее поклонником, у нее всегда сохранялось убеждение, что он в какой-то мере принадлежит ей и все его славные деяния возвышали ее в собственных глазах.

– И еще у меня есть новость, которая заинтересует вас обеих, – сказал Джералд. – Поговаривают, что Стюарт снова ищет своего счастья в Двенадцати Дубах.

– Кто же она: Милочка или Индия? – взволнованно спросила Мелани, а Скарлетт поглядела на отца с негодованием.

– Ну конечно, мисс Индия. Он же ходил за ней по пятам, пока эта моя вертихвостка не вскружила ему голову.

– О! – промолвила Мелани, несколько ошарашенная бесхитростным прямодушием Джералда.

– Но и это не все. Brent теперь обхаживает кое-кого в Таре. Скарлетт сидела онемев. Вероломство ее поклонников было просто оскорбительно. Особенно если вспомнить, как бесились близнецы, когда она сообщила им, что выходит замуж за Чарльза. Стюарт даже грозился застрелить Чарльза, или Скарлетт, или обоих. Он был великолепен!

– Сюлин! – расцветая улыбкой, спросила Мелани. – Но мне казалось, что мистер Кеннеди...

– А, этот! – вырвалось у Джералда. – Да, мистер Кеннеди все ходит вокруг да около, пугаясь собственной тени, дожидается, видно, чтобы я напрямик спросил, каковы его намерения. Нет, речь идет о моей младшенькой.

– Кэррин?

– Но она же еще ребенок! – резко воскликнула Скарлетт, обретя наконец дар речи.

– Вы были всего на год старше, мисс, когда выходили замуж, – заметил Джералд. – Может, вам жалко, что ваш бывший поклонник переметнулся к вашей сестричке?

Мелани, не привыкшая к такой манере все говорить без обиняков, покраснела и велела Питеру подать пирог со сладким картофелем. Она лихорадочно перебирала в уме всевозможные темы для беседы, которые не касались бы лично никого из присутствующих и могли бы отвлечь мысли мистера О'Хара от цели его приезда. Но, как назло, ей ничего не приходило в голову, а Джералд, разговорившись, уже не нуждался в поощрении, пока у него были слушатели. Он говорил о казнокрадстве в интендантском ведомстве, где с каждым месяцем все повышаются и повышаются требования, о плебейской глупости Джефферсона Дэвиса и о продажности тех

ирландцев, которые вступили в ряды армии северян, польстившись на казенное жалованье.

Когда подали вино и дамы встали из-за стола, Джералд, сдвинув брови и свирепо глядя на дочь, приказал ей задержаться на несколько минут для разговора с ним с глазу на глаз. Скарлетт с отчаянием и мольбой посмотрела на Мелани. Беспомощно теребя в руках платочек, Мелани покорно вышла из комнаты и тихонько притворила за собой дверь.

– Итак, мисс, – загремел Джералд, наливая себе портвейна, – как понять ваше поведение? Не успев овдоветь, вы стараетесь подцепить себе нового мужа?

– Не кричите так, папа, слуги...

– Им уже, без сомнения, известно – как, впрочем, и всем остальным – о нашем позоре. Ваша мать от этого слегла, а я не смею смотреть людям в глаза. Стыд какой! Нет, нет, котенок, плачь – не плачь, на сей раз тебе не удастся обвести меня вокруг пальца, – торопливо пробормотал он с ноткой испуга в голосе, увидев, что Скарлетт захлопала ресницами и губы у нее жалобно задрожали. – Я тебя знаю. Ты же способна строить глазки, стоя у гроба мужа. Ладно, не плачь. Поговорили, и хватит. Теперь я намерен тотчас же повидаться с этим капитаном Батлером, который позволил себе играть добрым именем моей дочери. А наутро... Да не реви ты, тебе говорят. Все равно не поможет. Не поможет, поняла? Это решено – завтра мы возвращаемся домой, пока ты здесь не опозорила окончательно нас всех. Ну, не плачь, котенок, погляди, что я тебе привез. Что, хороший подарочек? Да ты погляди! Ну, скажи, как ты могла доставить мне столько хлопот – заставила тащиться сюда, в такую даль, когда сама знаешь, у меня и без того дел по горло? Ладно, не плачь!

Мелани и тетушка Питтипэт давно уже спали, а Скарлетт лежала без сна в теплом полумраке; на душе у нее было тяжело, и сердце сжималось от страха. Покинуть Атланту сейчас, когда жизнь снова стала ее манить, и встретиться лицом к лицу с Эллин! Да она умрет, прежде чем посмотрит матери в глаза! Если бы она умерла сейчас, сию минуту, вот тогда бы они все пожалели, что были к ней так жестоки! Она вертелась с боку на бок, голова ее металась по горячей подушке, и вдруг какой-то шум, нарушивший тишину погруженной в сон улицы, привлек ее внимание. Это был странно знакомый, хотя и неясный, еще отдаленный шум. Она соскользнула с постели и подошла к окну. Улица, едва различимая сквозь лиственный шатер деревьев, лежала темная, молчаливая под тускло мерцавшим звездами небесным куполом. Шум приближался – скрип колес, стук копыт, голоса. И неожиданно она улыбнулась, узнав хриплый от виски голос, распевавший с ирландским акцентом «В повозке с верхом откидным». Конечно, здесь не Джонсборо и не день открытия судебной сессии, но тем не менее Джералд возвращался домой в соответствующем этому знаменательному дню состоянии.

Скарлетт видела смутные очертания остановившейся перед домом коляски. Оттуда появились две темные фигуры. Кто-то еще приехал с отцом. Темные фигуры постояли у калитки, звякнула щеколда, и Скарлетт отчетливо услышала голос отца:

– А сейчас я исполню тебе «Плач по Роберту Эммету». Эту песню ты должен знать, приятель. Я научу тебя ее петь.

– Буду очень рад, – с легким смешком отвечал его спутник, – Только не сейчас, мистер О'Хара.

«Боже милостивый, опять этот несносный человек, этот Батлер!» – с раздражением подумала Скарлетт, узнав глуховатый голос и манерную медлительную речь. И тут же обрадовалась: ну, по крайней мере, они хоть не перестреляли друг друга. Даже, как видно, неплохо поладили, раз заявили сюда вдвоем, да еще в таком виде.

– Я буду петь сейчас, и ты будешь меня слушать, или я застрелю тебя, потому что ты

оранжист.

– Не оранжист – чарльстонец.

– Чем это лучше? Хуже даже. У меня в Чарльстоне две свояченицы, так уж я-то знаю.

«Он, кажется, хочет оповестить об этом всех соседей?» – в испуге подумала Скарлетт и потянулась за пеньюаром. Но что, собственно, может она сделать? Не бежать же вниз в такой час, чтобы увести отца с улицы?

А Джералд без лишних слов закинул голову и, прислонившись к калитке, начал выводить могучим басом «Плач». Скарлетт слушала, облокотившись о подоконник и улыбаясь против воли. Такая красивая песня, одна из ее любимых. Жаль, что отец немного фальшивит. Она тихонечко подхватила печальную мелодию:

На чужой стороне вал бесстрашные герой,
А вокруг девы – поклонников рой...

Песня лилась, и Скарлетт слышала какое-то движение в комнатах тетушки Питтипэт и Мелани. Эти бедняги, конечно, будут очень расстроены. Они ведь не привыкли к обществу таких жизнелюбивых ирландцев. Пение оборвалось, и две темные фигуры слились в одну, прошагали по дорожке и поднялись на крыльцо. Послышался осторожный стук в дверь.

«Надо, пожалуй, спуститься вниз, – подумала Скарлетт. – В конце концов, это же мой отец, а тетя Питти умрет, но не выйдет ночью на лестницу», К тому же ей никак не хотелось, чтобы слуги увидели ее отца в таком состоянии. Джералд, пожалуй, еще начнет буянить, если Питер вздумает укладывать его в постель. Кроме Порка, никто не умеет с ним справляться.

Она покрепче запахнула пеньюар, зажгла свечу, стоящую на столике возле кровати, и стала спускаться по темной лестнице в холл. Поставив свечу на подзеркальник, она отомкнула дверь и в колеблющемся свете различила Ретта Батлера. Безупречно подтянутый – ни одна оборочка на манишке не смята – он поддерживал маленького, коренастого Джералда. Как видно, «Плач» был лебединой песней Джералда, потому что теперь он уже без стеснения повис на руке своего спутника. Длинные жесткие седые волосы были взлохмачены, галстук переехал набок, грудь сорочки залита вином.

– Насколько я понимаю, это ваш папаша? – Глаза Ретта лукаво блестели на смуглом лице, и их взгляд, казалось, проникал сквозь ее дезабилье.

– Проводите его в дом, – коротко сказала Скарлетт, смущенная своим неприбранным видом и злясь на. Джералда за то, что он поставил ее в смешное положение перед этим человеком.

Ретт Батлер подтолкнул Джералда вперед.

– Прикажете помочь ему подняться по лестнице? Вам самой не справится. Он довольно тяжел.

Испуганная столь наглым предложением, она на миг лишилась дара речи. Что подумают Мелани и тетушки Питти, затаившиеся у себя в спальнях, если услышат, что капитан Батлер поднимается ночью в верхние комнаты?

– О, мать божья, нет, конечно! Проводите его сюда, в гостиную, на этот канапе.

– На этот?.. Как вы сказали?

– Я буду вам крайне признательна, если вы придержите ваш язык. Вот сюда. Теперь положите его.

– Прикажете снять с него сапоги?

– Не надо. Он частенько в них спит.

Она готова была откусить себе язык – надо же так проговориться! Ретт Батлер негромко

рассмеялся, укладывая ноги Джералда на небольшую кушетку.

– Теперь, пожалуйста, уходите.

Он вышел в полутемный холл, поднял свою шляпу, которую, входя, бросил на пороге.

– Надеюсь увидеться с вами в воскресенье за обедом, – сказал он и удалился, бесшумно притворив за собой дверь.

Скарлетт поднялась в половине шестого – пока слуги не пришли накрывать на стол к завтраку – и тихонько спустилась в безмолвные комнаты нижнего этажа. Джералд проснулся. Он сидел на диване, сжимая свою круглую голову руками. Казалось, он пытается раздавить ее между ладонями, как орех. Он украдкой покосился на дочь, когда она вошла. Но малейшее движение глазами доставляло ему такую боль, что он застонал.

– С добрым утречком!

– Как вы себя ведете, па, – сердитым шепотом заговорила Скарлетт. – Явились домой за полночь и перебудили всех соседей своим пением!

– Разве я пел?

– Пели! Орала «Плач» на весь квартал – Ничего не помню.

– Зато соседи будут помнить это до своего смертного часа – так же, как тетя Питтипэт и Мелани.

– Мать пресвятая богородица! – простонал Джералд, проходя сухим языком по запекшимся губам, – Мы играли, а что было потом, когда кончили, – хоть убей не помню.

– Играли?

– Этот щенок Батлер похвалялся, что он лучший игрок в покер во всем...

– Сколько же вы проиграли?

– С чего ты взяла? Я выиграл, разумеется. Стаканчик, другой мне всегда помогает в игре.

– Проверьте свой бумажник.

Очень медленно, словно каждое движение причиняло ему острую боль, Джералд достал из кармана бумажник и заглянул в него. Бумажник был пуст, и он потерянно повертел его в руках.

– Пятьсот долларов, – сказал он. – Все, что у меня было с собой, чтобы купить кой-какие вещички у контрабандистов для миссис О'Хара. Даже на обратный проезд не осталось.

Скарлетт с возмущением глядела на пустой бумажник, и в этот миг в мозгу у нее родилась некая идея и начал быстро созревать план.

– Теперь я в этом городе не смогу смотреть людям в глаза, – начала она. – Вы осрамили нас всех.

– Помолчи немного, котенок. Ты же видишь, у меня голова раскалывается.

– Явились домой пьяный, с этим капитаном Батлером, распевали во все горло, всех перебудили, да еще просадили все деньги в карты.

– Этот человек слишком ловок в покер – верно, он не джентльмен. Он...

– Что скажет мама, когда узнает? Он в испуге вскинул на нее глаза.

– Ты же ничего не скажешь матери, не станешь ее волновать? Верно?

Скарлетт промолчала, поджав губы.

– Подумай, как это ее расстроит, а у нее такое хрупкое здоровье!

– А вспомните, па: не далее как вчера вечером вы говорили, что я будто бы опозорила семью! И все из-за какого-то несчастного танца, который я протанцевала, чтобы собрать денег для госпиталя! Ну как тут не заплакать!

– Только не плачь! – взмолился Джералд. – Моя бедная голова этого не выдержит, она и так готова лопнуть от боли.

– И вы еще сказали, что я...

– Ладно, котенок, ладно, не обижайся на своего бедного, старого папку. Я же совсем не

думал того, что говорил. Да и не по моей все это части. Я знаю, что ты хорошая девочка и хотела только добра. Уверен в этом.

– А ведь грозились с позором увезти меня домой.

– Ах, доченька, никуда бы я тебя не увез. Это просто чтобы тебя подразнить. Ты ведь не расскажешь матери про деньги? Она и так расстраивается, что расходы растут.

– Нет, – напрямик заявила Скарлетт. – Не скажу, если вы позволите мне остаться здесь и объясните маме, что ничего такого не было – все это выдумки старых сплетниц.

Джералд скорбно поглядел на дочь.

– А ведь это настоящий шантаж.

– А этой ночью был настоящий дебош.

– Ну, хорошо, забудем все это, – вкрадчиво проговорил Джералд. – А как ты думаешь, у такой благородной старой дамы, как мисс Питтипэт, найдется в доме глоток бренди? Разрази меня гром, до чего ж...

Скарлетт повернулась, неслышно пересекла холл и направилась в столовую, чтобы достать бутылку бренди, которую они с Мелли называли между собой «обморочной бутылкой», поскольку тетюшка Питти всякий раз отпивала из нее глоточек, когда у нее останавливалось сердце (или ей казалось, что оно останавливается) и она готова была лишиться чувств. Лицо Скарлетт выражало торжество – никаких угрызений совести она не испытывала, хотя и поступила с Джералдом отнюдь не как любящая, преданная дочь. Теперь тревогу Эллин усыпят с помощью обмана, если еще какая-нибудь досужая сплетница не вздумает ей написать. Теперь она останется в Атланте и будет делать все, что захочет, а тетю Питтипэт заставит плясать под свою дудку. Она отперла погребец и с минуту постояла, прижав к груди бутылку и стакан.

Перед ее глазами проносились видения: пикники на берегу пенистых вод Персикового ручья и у подножия Стоун-Маунтин; балы и приемы; маленькие послеобеденные танцульки; катания в колясках и ужины а-ля фуршет по субботам. Теперь она примет во всем этом участие; окруженная мужчинами, она будет в центре всех развлечений. А мужчины так легко влюбляются, стоит проявить о них маленькую заботу в госпитале. Теперь госпиталь уже не будет ей так противен. Выздоровливающие мужчины чрезвычайно чувствительны к женскому вниманию. Если девушка достаточно ловка, они падают к ее ногам, как падают в Таре спелые персики с ветвей, стоит легонько потрясти дерево.

Скарлетт возвратилась к отцу с бутылкой возрождающего к жизни напитка, благодаря судьбу за то, что прославленная своей крепостью голова О'Хары не выдержала на сей раз испытания, и неожиданно задала себе вопрос: не повинен ли в этом в какой-то мере капитан Батлер?

На следующей неделе Скарлетт возвратилась после полудня из госпиталя домой в очень дурном расположении духа. Она устала стоять целое утро на ногах и разозлилась, когда миссис Мерриуэзер сделала ей резкое замечание за то, что, бинтуя раненому руку, она присела к нему на кровать. Тетушка Питти и Мелани – обе в самых нарядных своих шляпках – и Присси с Уэйдом на руках стояли на крыльце, приготовившись отправиться с еженедельными визитами. Скарлетт, извинившись, что не может их сопровождать, поднялась к себе.

Когда все семейство отбыло и даже скрип колес замер вдали, она тихонько прошмыгнула в комнату Мелани и заперла за собой дверь. В строгой, залитой косыми лучами послеполуденного солнца девичьей комнате царила тишина. На натертом до блеска полу не было ничего, кроме двух-трех ярких лоскутных ковриков, и ни единого украшения на беленых стенах. Только в углу Мелани соорудила нечто вроде алтаря.

Под большим, ниспадающим красивыми складками флагом Конфедерации висела сабля с золотым эфесом, немало послужившая отцу Мелани в Мексиканскую войну и доставшаяся Чарльзу, когда он уезжал на фронт. Пояс и портупья Чарльза с револьвером в кобуре висели тут же. А между ними – дагерротипный портрет самого Чарльза – неестественно прямого и очень гордого, в сером мундире. Большие карие глаза его сияли, на губах играла смущенная улыбка.

Даже не взглянув на портрет, Скарлетт решительным шагом направилась в противоположный угол, где на маленьком столике у изголовья неширокой кровати стояла шкатулка розового дерева. Она достала оттуда перевязанную голубой ленточкой пачку писем, написанных рукой Эшли и адресованных Мелани. Сверху лежало письмо, доставленное утром, и это письмо Скарлетт вынула из конверта.

Когда она впервые начала украдкой читать эти письма, ее порядком мучила совесть и охватывал такой страх быть пойманной на месте преступления, что она едва решалась вскрыть дрожащими пальцами конверт. По мало-помалу от частых повторений этой проделки ее не слишком остро развитое чувство порядочности и вовсе притупилось, да и страх сам собой исчез. Иногда еще мелькала мысль: «Что сказала бы мама, узнай она про это?» И тогда начинало противно сосать под ложечкой. Она понимала, что Элин, вероятно, легче было бы увидеть ее мертвой, чем совершающей столь бесчестный поступок. Это беспокоило Скарлетт поначалу, ибо ей все еще хотелось во всем походить на мать. Но соблазн прочесть письма был слишком велик, и она выбросила мысль о матери из головы. Именно в те дни начала она приобретать умение отмахиваться от себя неприятные мысли. Она научилась говорить себе: «Я не стану думать об этом (или о том) сейчас – это слишком неприятно. Я подумаю об этом завтра». И чаще всего, когда наступало завтра, неприятная мысль или не возникала больше, или по прошествии времени уже не казалась такой неприятной. Словом, чтение тайком писем Эшли теперь не слишком обременяло ее совесть.

Мелани, получая письма от Эшли, обычно охотно делилась с тетушкой Питти и Скарлетт и читала им оттуда целые куски вслух. Но именно то, что оставалось непрочитанным, так терзало своей неизвестностью Скарлетт, что толкнуло ее на чтение писем тайком. Она во что бы то ни стало хотела знать, любил ли Эшли Мелани после того, как она стала его женой. И притворялся ли он когда-нибудь, что любит ее? Говорил ли он ей нежные и пылкие слова? Как выражал он свои чувства, с каким жаром?

Она осторожно развернула листки.

В глаза бросились ровные, мелким почерком выведенные строчки. «Моя дорогая женушка», – прочла она. У нее отлегло от сердца. Он, как и в прежних письмах, не писал

Мелани – «любима;» или «моя возлюбленная».

«Моя дорогая женушка! Тебя тревожат, пишешь ты, сомнения: не скрываю ли и от тебя своих истинных мыслей. Ты спрашиваешь, о чем думаю я в эти дни...» «Матерь божья! Что это значит: „не скрываю ли я свои истинные мысли“? – в испуге подумала Скарлетт, так как, совесть ее, разумеется, была нечиста. – Неужели Мелани знает что у него па душе? Или у меня? Неужели! она подозревает, что мы с ним...» Руки ей дрожали, когда она снова взялась за письмо, но, читая дальше, она начала успокаиваться.

«Дорогая женушка, если я хоть что-нибудь скрывал от тебя, то единственно лишь потому, что не хотел к твоему беспокойству о моем здоровье прибавлять еще тревогу о моем душевном состоянии. Но ты слишком хорошо меня знаешь, чтобы я мог что-нибудь от тебя утаить. Не тревожься. Я не ранен. Я здоров. Я сыт и время от времени имею даже возможность поспать в постели. А большего солдат и не может желать. Но у меня тяжело на сердце, Мелани, и я открою тебе свою душу.

В эти летние ночи, когда весь лагерь спит, я долго лежу без сна, гляжу на звезды и снова и снова задаю себе вопрос: «Зачем ты здесь, Эшли Уилкс? Ради чего пошел ты воевать?» Не ради почестей и славы, разумеется. Война – грязное занятие, а мне грязь претит. Я не воин по натуре и не ищу геройской смерти под пулями. И тем не менее я здесь, на войне, в то время как мне богом предназначено было всего лишь заниматься по мере сил науками и сельским хозяйством. Видишь ли, Мелани, звук трубы не зажигает мою кровь, и дробь барабана не понуждает мои ноги спешить в поход, ибо я слишком ясно вижу: нас предали. Нас предало наше собственное самомнение, наша уверенность, что любой южанин стоит дюжины янки, что Король Хлопок может править миром. Нас предали громкие слова и предрассудки, призывы к ненависти и демагогические фразы: «Король Хлопок, Рабовладение, Права Юга, Будь прокляты янки» – ведь мы слышали их из уст тех, кто поставлен над нами, кого мы привыкли уважать и чтить.

И вот когда, лежа на своем одеяле и глядя на звезды, я спрашиваю себя: «За что ты сражаешься?» – я начинаю думать о Правах Юга, и о хлопке, и о неграх, и о янки, ненависть к которым внушали с пеленок, и понимаю, что не здесь надо искать ответа на вопрос, почему я взял в руки оружие. Но я вспоминаю Двенадцать Дубов, и косые лучи лунного света меж белых колонн, и странно призрачные в этих лучах цветы магнолий, и оплетенную вьющимися розами веранду, где прохладно даже в самый знойный полдень. И я вижу себя еще ребенком и мать с шитьем в руках. И слышу голоса негров, усталых, голодных, возвращающихся в сумерках с поля. Слышу их пение, и скрип ворота над глубоким колодцем, и плеск воды, когда в нее погружается ведро. И вижу длинный спуск к реке через поля хлопчатника, и туман, ползущий в вечернем сумраке с низины. И я понимаю, почему, не гонясь за славой, не ища смерти, страшась страданий и не питая ненависти ни к кому, – я все же здесь. Быть может, это и называют патриотизмом, любовью к отчему дому, к родному краю. И тем не менее, Мелани, то, что привело меня сюда, еще глубже. Ведь все, о чем я говорил, – это лишь символы того, за что я готов отдать жизнь, символы того образа жизни, который мне дорог. Ибо я сражаюсь за прошлое, за былой уклад жизни, который я так люблю и который, боюсь, утрачен навеки, какие бы кости ни выпали нам в этой игре, потому что – победим мы или потерпим поражение – и в том и в другом случае мы проиграли.

Если мы победим в этой войне и воплотим нашу мечту – Королевство Хлопка – в жизнь, мы все равно проиграли, потому что мы уже будем другими людьми и прежний мирный уклад жизни не возвратится. Весь мир будет стучаться в наши двери, требуя хлопка, а мы будем назначать цены. И тогда, боюсь, мы уподобимся янки, над чьим торгашеством, алчностью и стяжательством мы сейчас потешаемся. Ну, а если мы проиграем войну, Мелани, если мы проиграем!..

Я не боюсь ни ран, ни плена, ни даже смерти, если уж таков мой удел, – меня пугает одно: чем бы ни окончилась война, возврата к прошлому уже не будет. А я принадлежу к прошлому. Я не создан для нынешней жизни, с ее безумной страстью убивать, и, боюсь, не найду себе места и в будущем, даже если буду очень стараться. Также и ты, моя дорогая, ибо мы с тобой родственные души. Не знаю, что принесет нам будущее, но оно не будет столь прекрасным, столь близким нам по духу, как прошлое.

Я гляжу на наших солдат, спящих рядом со мной, и думаю: разделяют ли мои чувства близнецы Тарлтоны, или Алекс, или Кэйд? Понимают ли они, что сражаются за Дело, которое погибло безвозвратно уже в ту минуту, когда прогремели первые залпы, потому что наше дело – это, в сущности, наш уклад жизни, а он канул в прошлое навеки. Впрочем, думаю, что их такие мысли не мучают и, значит, им повезло.

Когда я просил тебя стать моей женой, у меня совсем не было таких мыслей. Мне наша жизнь в Двенадцати Дубах рисовалась спокойной, легкой, приятно-устойчивой. Мы с тобой сродни друг другу, Мелани, мы одинаково любим тишину и покой, и я видел впереди долгие, не слишком богатые событиями годы, посвященные музыке, книгам, мечтам. Но никак не то, что произошло! Никак не это! Никак не ломку всего старого, не эту кровавую резню и ненависть! Это слишком дорогая плата, Мелани. Ни Права Юга, ни хлопок, ни рабы не стоят того, чтобы платить за них такой ценой – ценой того, что происходит с нами сейчас и что может еще произойти. Ведь если янки одержат победу то судьба наша будет ужасна. А они еще могут нас одолеть, моя дорогая.

Я не должен был писать тебе этих слов. Я не должен был так и думать, но ты спросила: какая тяжесть лежит у меня на сердце, и я отвечаю тебе: страх поражения. Помнишь, на барбекю в день нашей помолвки некий человек по имени Батлер, судя по произношению чарльстонец, позволил себе нелестно отозваться о южанах, обвинив их в невежестве, за что едва не был вызван на дуэль? Помнишь, как близнецы готовы были пристрелить его, когда он сказал, что у нас мало заводов и фабрик, прокатных станков и кораблей, арсеналов и механических мастерских? Помнишь, как он сказал: флот северян может так заблокировать наши порты, что мы лишимся возможности вывозить хлопок? Он оказался прав. Янки вооружены новейшими винтовками, а мы выходим против них с мушкетами времен Войны за независимость, и скоро блокада совсем нас задушит – к нам не будут поступать даже медикаменты. Нам следовало бы прислушиваться к таким циникам, как Батлер, которые знают, что говорят, а не к восторженным болтунам, которые только говорят, а дела не знают. Он, в сущности, сказал, что Югу нечем воевать, кроме хлопка и спеси. Хлопок наш стал бесполезен, и осталось у нас только то, что он назвал спесью, а я бы назвал беспримерной отвагой. Если бы...» Тут Скарлетт аккуратно сложила письмо и сунула его обратно в конверт. Она не в силах была читать дальше – письмо оказалось слишком скучным. К тому же эти глупые мысли о поражении вселили в нее смутную тревогу. Да и вообще она начала тайком читать эти письма вовсе не для того, чтобы забивать себе голову странными и малоинтересными фантазиями Эшли. Она наслушалась их предостаточно, сидя с ним на крыльце у себя в имении в те канувшие в прошлое времена.

Ей хотелось узнать только одно: пишет ли он Мелани пылкие письма. Пока что он их не писал. Она перечитала все до единого письма, хранившиеся в этой шкатулке, и не обнаружила ни в одном из них ни намек на то, чего любящий брат не мог бы написать сестре. Это были нежные письма, порой забавные, порой сбивчивые, но это не были любовные письма. Скарлетт самой доводилось – и не раз – получать пылкие любовные послания, и она безошибочно угадывала чутьем, когда в словах сквозила подлинная страсть. В этих письмах ее не было. И как всегда после такого чтения украдкой, она почувствовала приятное успокоение. Письма укрепляли ее уверенность в том, что Эшли все еще любит ее. И снова она усмехнулась про себя,

удивляясь, как Мелани может не видеть, что Эшли любит ее только как друг. А Мелани, казалось, вовсе не считала, что письмам Эшли чего-то не хватает. Впрочем, ей ведь не с чем было их сравнивать – она никогда не получала любовных посланий.

«Он пишет ей совершенно идиотские письма, – думала Скарлетт. – Если когда-нибудь мой муж вздумает писать мне такую галиматью, ему достанется от меня на орехи! Господи, даже письма Чарли – и те были лучше».

Она перебирала пальцами уголки писем, разглядывая даты, стараясь припомнить содержание каждого письма. В них не было красивых описаний сражений и биваков, как в письмах Дарси Мида к его родителям или в письмах бедняжки Далласа Маклюра к его сестрам-перестаркам. Мисс Фейс, и мисс Хоуп, и Миды, и Маклюры с гордостью читали эти письма всем соседям, и Скарлетт не раз испытывала втайне стыд, что Эшли не пишет Мелани таких писем, которые интересно было бы почитать в швейном кружке вслух.

Казалось, Эшли в этих письмах вообще старался обходить войну молчанием, словно хотел провести некую магическую черту, отделить себя и Мелани от своего времени, отгородиться от всех событий, которые произошли с того памятного дня, когда слова «форт Самтер» были у каждого на устах. Словно он старался убедить себя в том, что никакой войны вообще нет. Он писал Мелани о прочитанных вместе книгах, о спетых вместе романсах, о старых друзьях и о местах, которые он посетил во время своей поездки в Европу. Все его письма были пронизаны тоской по Двенадцати Дубам, и листок за листком он вспоминал охоту и долгие прогулки верхом по тихим лесным просекам под холодным звездным небом, и пикники, и рыбную ловлю, и тихие лунные ночи, и пленительный величавый покой старого дома.

Скарлетт вспомнились слова только что прочитанного письма:

«Никак не то, что произошло! Никак не это». И она услышала в них крик измученной души перед лицом чего-то ужасного, чего нельзя принять и от чего некуда скрыться. Слова эти ставили ее в тупик: ведь если Эшли не страшны ни раны, ни смерть, так чего же он тогда боится? Она старалась разобраться в этих сложных мыслях.

«Война нарушила его покой, а он... он не любит того, что угрожает его покою... Как я, например... Он любит меня, но боялся жениться на мне, боялся, что я нарушу уклад его жизни, образ мыслей. Нет, не то чтоб боялся, это неверно. Эшли не трус. Какой же он трус, если его имя упоминается в донесениях, и полковник Слоан прислал Мелли письмо и описал, как храбро Эшли сражался, как он повел своих солдат в атаку. Когда он хочет чего-то достигнуть, нет человека смелее и решительнее его, но... Он живет в том мире, что внутри него, а не в том, что его окружает, и не хочет слиться с ним... И он... О, я знаю, как это назвать! Если бы тогда, год назад, я понимала это, он бы женился на мне, я знаю».

Она стояла, прижав письма к груди, и с нежностью думала об Эшли. Ее чувство к нему не изменилось – оно было таким же, как в тот день, когда она впервые поняла, что любит его. Как в то мгновение, когда ей было четырнадцать лет и она стояла на крыльце в Таре и увидела, как он подъезжает верхом к дому, улыбается и волосы его золотятся в лучах утреннего солнца. И, увидев, обмерла. И сейчас она все так же, как та девочка-подросток, преклонялась перед этим мужчиной, совсем его не понимая и восхищаясь теми сторонами его натуры, которые были ей самой чужды. Ее любовь все еще была детской мечтой о Прекрасном Принце, не требующей ничего, кроме поцелуя и признания, что и он ее любит.

Прочтя письма Эшли, Скарлетт уже не сомневалась, что он любит ее, хотя и женился на Мелани, и ей, в сущности, было довольно этой уверенности. Она была еще так молода, и душа ее так нетронута. Близость с Чарльзом, его неловкие стыдливые ласки не смогли пробудить тлевшего в ней подспудного огня, и ее мечты об Эшли не шли дальше поцелуя. В те короткие лунные ночи, проведенные с Чарльзом, ее чувства еще не пробудились, она еще не созрела для

любви. В объятиях Чарльза она не познала ни страсти, ни подлинной нежности, ни высокого накала чувств в слиянии душ и тел.

Плотская любовь была для нее просто уступкой непонятной одержимости мужчин, которую женщина не в состоянии разделить, – чем-то постыдным и мучительным, неизбежно ведущим к еще более мучительному: к родам. Эта сторона брака не являлась для нее неожиданностью. Накануне свадьбы Эллин намекнула ей, что супружеские отношения включают в себя нечто такое, что женщина должна переносить стоически и с достоинством, а из перешептываний других матрон в дни ее вдовства она почерпнула лишь подтверждение этим словам. И Скарлетт была рада, что и брак, и брачная постель – все это для нее позади.

Да, это осталось позади – но не любовь. Ведь ее любовь к Эшли была чем-то совсем иным, отличным от супружеской любви и страсти, чем-то невыразимо прекрасным и священным, и чувство это крепло день ото дня, вынужденное таиться в молчании, питаясь неиссякаемыми воспоминаниями и надеждой.

Она вздохнула и аккуратно перевязала пачку писем ленточкой, снова и снова раздумывая над тем, что отличало Эшли от всех, но ускользало от ее понимания. Она продолжала над этим размышлять, стараясь прийти к какому-то выводу, но, как обычно, задача эта оказалась непосильной для ее незрелого ума. Она положила письма обратно в шкатулку и захлопнула крышку. Внезапно ей припомнились последние строки только что прочитанного письма, в которых упоминалось имя Ретта Батлера, и она нахмурилась. Как мог Эшли придавать значение словам, произнесенным этим низким человеком год назад? Это странно. Он, несомненно, негодяй, хотя, надо отдать ему должное, – танцует божественно. Только негодяй мог сказать о Конфедерации то, что она слышала от него на благотворительном базаре.

Она направилась к трюмо, окинула себя одобрительным взглядом, пригладила выбившиеся из прически темные пряди. Вид белоснежной кожи и чуть раскосых зеленых глаз, как всегда, поднял ее настроение. Она улыбнулась, и на щеках заиграли ямочки. Вспомнив, как ее улыбка всегда восхищала Эшли, она выбросила капитана Батлера из головы и с удовольствием полюбовалась на свое отражение в зеркале. Мысль о том, что она любит чужого мужа и только что тайком прочла его письма, адресованные жене, не потревожила ее совести и не омрачила радости, которую давало ей сознание своей молодости, очарования и окрепшая уверенность в любви Эшли.

Она отперла дверь и, спускаясь вниз по винтовой лестнице, запела «В час победы нашей». На сердце у нее было легко.

Но хотя побед было одержано немало, война все еще длилась и люди уже перестали говорить: «Еще одна, последняя победа – и войне конец», – и перестали называть янки трусами. Теперь всем становилось ясно, что янки далеко не трусы и, чтобы одолеть их, потребуются одержать еще немало побед. Но все же победы были – генерала Моргана и генерала Форреста в Теннесси, а впереди маячила триумфальная победа во втором сражении при Булл-Рэне – она представлялась столь очевидной, словно с янки уже были сняты скальпы. Но пока что за эти будущие скальпы приходилось платить дорогой ценой. Госпитали и дома Атланты были переполнены больными и ранеными, и все больше и больше женщин появлялось в трауре, а унылые ряды солдатских могил на Оклендском кладбище становились все длиннее и длиннее.

Бумажные деньги, выпускавшиеся Конфедерацией, катастрофически обесценивались, а стоимость продуктов и одежды так же катастрофически росла. Тяжелое бремя податей начало сказываться на рационе жителей Атланты. Пшеничная мука становилась редкостью и так вздорожала, что кукурузный хлеб понемногу вытеснил бисквиты, вафли и сдобные булочки. Из мясных лавок почти исчезла говядина, баранины тоже оставалось мало, и стоила она так дорого, что была по карману лишь богачам. Впрочем, в свинине, битой птице и овощах недостатка пока не ощущалось.

А корабли северян все ужесточали блокаду южных портов. Чай, кофе, шелка, корсеты из китового уса, одеколоны, журналы мод и книги становились малодоступной роскошью. Цены даже на самые дешевые хлопчатобумажные ткани взлетели так, что дамы, вздыхая, взялись за переделку прошлогодних нарядов в соответствии с требованиями нового сезона. Ткацкие станки, годами покрывавшиеся пылью на чердаках, переключивались вниз, и в каждой гостиной можно было увидеть рулоны домотканых материй. Все женщины, мужчины (в военной форме и в гражданской одежде), дети, негры, – все ткали. Серый цвет – цвет мундиров армии конфедератов – почти повсеместно исчез, уступив место Орехово-желтому оттенку домотканой одежды.

Уже и госпитали начинали ощущать нужду в хинине, каломели, хлороформе, опиуме, йоде. И использованные бинты и марля стали слишком большой драгоценностью, чтобы их выбрасывать после употребления, и все дамы, работавшие в госпиталях, возвращались домой нагруженные корзинками с окровавленным перевязочным материалом, который надлежало выстирать, выгладить и снова пустить в дело.

Но для Скарлетт, едва освободившейся от пут вдовства, эти военные дни протекали весело и оживленно. Некоторые ограничения в пище и нарядах не могли испортить ей настроения – так была она счастлива, вырвавшись на волю.

Когда она вспоминала истекший год, где в унылой череде дней один день был неотличим от другого, ей казалось, что теперь время летит с головокружительной быстротой. Каждый зарождавшийся день сулил какое-нибудь новое увлекательное приключение, новые знакомства, и она знала, что какие-то мужчины будут искать с ней встречи и будут говорить ей, как она хороша, заверять, что они почли бы для себя за честь сражаться за нее и даже умереть. И хотя она любила Эшли и не сомневалась, что будет любить его до последнего вздоха, это ничуть не мешало ей кокетничать напрапалу и получать предложения руки и сердца.

Неумолчные отголоски, доносившиеся в Атланту, вносили приятную непринужденность во взаимоотношения, повергавшую людей почтенных в тревогу. Обескураженные мамы обнаруживали, что их дочерям наносят визиты незнакомые люди, чья родословная никому не известна и которые не имеют при себе рекомендательных писем, и с ужасом замечали, что

дочери разрешают этим людям украдкой пожимать им руку. Миссис Мерриуэзер, ни разу не позволившая будущему супругу поцеловать ее до свадьбы, просто не поверила своим глазам, увидев, что Мейбелл целуется с маленьким зуавом Рене Пикаром. Ужас ее был тем более неопишем, что Мейбелл ничуть не была смущена. И хотя Рене немедленно предложил Мейбелл руку и сердце, это не могло изменить существа дела. Миссис Мерриуэзер видела, что Юг стремительно скатывается в бездну морального разложения, и не раз во всеуслышание об этом заявляла. Остальные матери с жаром поддерживали ее точку зрения и винили во всем войну.

Но мужчины, приготовившись через неделю-другую сложить голову на поле боя, не намерены были предпринимать установленное правилами хорошего тона длительное и церемонное ухаживание и выжидать год, прежде чем, собравшись с духом, назвать свою избранницу по имени – с прибавлением, разумеется, обязательного «мисс». Обычно они теперь через три-четыре месяца уже делали предложение. А девушки, хотя и знали, что настоящая леди должна поначалу трижды ответить на предложение отказом и только на четвертый раз принять его, готовы были сразу же, не раздумывая долго, сказать «да».

Эта простота нравов, принесенная войной, сделала жизнь необычайно увлекательной для Скарлетт. Если бы не грязная зачастую работа сиделки и не тоскливая обязанность скатывать бинты, она, пожалуй, ничего не имела бы против того, чтобы война длилась вечно. В сущности, она и работу в госпитале переносила теперь без раздражения, ибо здесь ей открывался огромный простор для ловли поклонников. Раненые были беззащитны перед ее чарами и тут же сдавались на милость победителя. Сменить повязку, отереть пот со лба, взбить подушки, помахать веером – и объяснение в любви не заставит себя ждать. О, это была поистине райская жизнь после года такого унылого существования!

Скарлетт словно бы возвратилась в те времена, когда она еще не была замужем за Чарльзом. Словно бы и не было вовсе этого брака, и она не получала страшной вести о смерти мужа, и не произвела на свет Уэйда. Война, замужество, рождение ребенка не оставили глубокого следа в ее душе – она была все та же, что прежде. Скарлетт родила сына, но он был окружен такой заботой в красном кирпичном доме тетушки Питтипэт, что она легко забывала о его существовании. Всем своим нутром она чувствовала себя прежней Скарлетт О'Хара – одной из первых красавиц графства. Она была прежней и в помыслах своих, и в поступках, но поле ее деятельности расширилось неимоверно. Пренебрегая неодобрением всех друзей тетушки Питти, она теперь вела тот же образ жизни, что и до замужества: посещала вечера, танцевала, каталась верхом с военными, флиртовала – словом, проводила время совершенно так же, как в девичестве, и не позволила себе только одного – снять траур. Она знала, что это может стать последней каплей, которая переполнит чашу терпения тети Питти и Мелани. Но и в трауре она была столь же очаровательна, как в девичьем наряде, приятна и мила в обхождении – пока ей не мешали жить по-своему, любезна и внимательна – пока это не доставляло ей хлопот, и тщеславна по части своей внешности и успехов в обществе.

Еще совсем недавно она была несчастна, а теперь чувствовала себя счастливой: у нее были поклонники, они неустанно твердили ей о несравненной прелести ее чар, и счастье ее было бы полным, будь Эшли не женат на Мелани и не угрожай ему опасность. И все же пока Эшли был далеко, она как-то легче мирилась с мыслью, что он принадлежит не ей. Казалось, пока он там, в Виргинии, отделенный от Атланты сотнями миль, она в такой же мере владеет им, как Мелани.

Так пролетали дни осени 1862 года, заполненные работой в госпитале, скатыванием бинтов, танцами, прогулками за город – занятиями, изредка прерываемыми короткими наездами домой, в Тару. Посещения эти приносили разочарование – слишком мало было возможности для спокойных, долгих бесед с Эллин, о которых Скарлетт мечтала в Атланте, слишком мало

свободного времени, чтобы посидеть возле занятой шитьем матери, вдыхая нежный аромат лимонной вербены, слушая, как шуршит ее шелковое платье, чувствуя на своей щеке ласковое прикосновение ее мягкой ладони.

Эллин похудела, постоянно была теперь чем-то озабочена и с утра до позднего вечера – даже когда вся усадьба погружалась в сон – оставалась на ногах. Требования интендантских уполномоченных Конфедерации росли из месяца в месяц, имение должно было их выполнять, и задача эта легла на плечи Эллин. Даже Джералду впервые за много лет пришлось заняться хозяйством, ибо найти управляющего на место Джонаса Уилкерсона оказалось невозможным, и Джералд сам объезжал верхом свои владения. Теперь у Эллин хватало времени лишь на то, чтобы, наскоро поцеловав дочь, пожелать ей спокойной ночи; Джералд целыми днями пропадал в поле, и Скарлетт скучала дома одна. Даже у сестер были теперь свои заботы. Сьюлин и Фрэнк Кеннеди нашли наконец «общий язык», и Сьюлин напевала «Когда войне придет конец» с таким лукавым видом, что это порядком бесило Скарлетт, а Кэррин утопала в мечтах о Брейте Тарлтоне, и с ней ни о чем невозможно было поговорить.

Словом, хотя Скарлетт всегда с радостью предвкушала поездку домой, она не испытывала огорчения, когда почта доставляла неизбежное письмо, в котором тетушка Питти и Мелани заклинали ее возвратиться в Атланту. Эллин же в этих случаях всегда вздыхала, опечаленная мыслью о разлуке со старшей дочерью и своим единственным внуком.

– Я понимаю, что нельзя быть такой эгоистичной и удерживать тебя здесь, когда твоя помощь нужна в Атланте раненым, – говорила она. – Только... только обидно, моя дорогая, что я так и не выкроила времени спокойно побеседовать с тобой. Я как-то даже не успела почувствовать, что ты все та же, моя маленькая дочурка, а теперь уже надо расставаться.

– Я всегда, всегда буду вашей маленькой дочуркой, – говорила Скарлетт и прятала лицо на груди Эллин, чувствуя внезапно вспыхнувшие угрызения совести. Она не могла признаться матери, что не уход за ранеными конфедератами, а танцы и поклонники влекут ее назад в Атланту. Теперь она уже многое утаивала от Эллин. Но самым главным секретом было то, что Ретт Батлер стал довольно частым гостем в доме тетушки Питтипэт.

Это тянулось уже не первый месяц: всякий раз, приезжая в город, Ретт Батлер неизменно появлялся в их доме, увозил Скарлетт кататься в коляске, сопровождал ее на танцы и благотворительные базары и поджидал у ворот госпиталя, чтобы отвезти домой. Она уже перестала бояться, что он выдаст кому-нибудь ее секрет, и все же в каком-то уголке мозга гнездилась беспокойная мысль: он ведь знает всю правду про нее и Эшли, – она предстала перед ним в самом непрезентабельном виде. И эта мысль заставляла Скарлетт прикусить язык, когда капитан Батлер начинал ее раздражать. А раздражал он ее нередко.

Ему было уже за тридцать, и она чувствовала себя с ним беспомощной, словно ребенок: ей не удавалось командовать им, как всеми прочими своими поклонниками, которые обычно были примерно одного с ней возраста. А он всегда держался так, будто ничто не могло задеть его за живое, многое же просто забавляло; когда ему удавалось разозлить ее до такой степени, что она угрюмо замыкалась в себе, это только забавляло его еще больше. Эти искусные подтрунивания приводили ее порой в такую ярость, что она уже переставала владеть собой – ведь наряду с обманчиво утонченной внешностью, унаследованной от Эллин, ей достался в удел и бешеный ирландский нрав ее папаши. Прежде она никогда не давала себе труда обуздывать свой гнев – разве что в присутствии Эллин. И теперь ей стоило мучительных усилий удерживать готовое слететь с языка крепкое словечко из страха перед иронической усмешкой Ретта. Если бы ей удалось хоть раз заставить его тоже потерять самообладание, она, быть может, не ощущала бы

так остро его превосходства над собой.

После какой-нибудь очередной словесной дуэли – а Скарлетт почти никогда не выходила из них победительницей – она заявляла Ретту Батлеру, что он невыносим, дурно воспитан, не джентльмен и она не желает больше его видеть. Но проходило какое-то время, он возвращался в Атланту, наносил, как доложено, визит тетушке Питти и подчеркнуто церемонно преподносил Скарлетт коробку шоколадных конфет, привезенных из Нассау. Или успевал, всех опередив, абонировать для нее кресло на музыкальном вечере, или пригласить на танец на балу, и его беззастенчивое ухаживание в конце концов начинало так ее забавлять, что она, смеясь, прощала ему прошлые прегрешения до тех пор, пока он не совершал новых.

И хотя его манера себя держать раздражала ее невероятно, она все с большим нетерпением ждала его посещений. Было в нем что-то отличавшее его от всех других мужчин; что-то необъяснимо для нее самой притягательное и странно волнующее крылось в едва уловимой грации его движений, и когда высокая, широкоплечая фигура внезапно вырастала в дверях, Скарлетт всем телом ощущала его появление, словно ожог, а в холодной, неприкрыто-нагловатой усмешке его темных глаз таилось нечто заставлявшее ее подчиняться ему против воли.

«Право, можно подумать, что я в него влюблена, – с испугом думала Скарлетт. – Но я же вовсе не люблю его – непонятно, что со мной творится!» Однако тревожное, волнующее чувство не проходило. Когда Ретт Батлер, принося с собой раздражающее ощущение мужского превосходства, наведывался к тетушке Питтипэт, ее упорядоченный дом с его женственной, изнеживающей атмосферой начинал казаться тесным, обветшалым и немного старомодным. И Скарлетт была не единственным человеком в этом доме, на кого визиты капитана Батлера производили необычное воздействие, ибо тетушка Питтипэт всякий раз при его появлении впадала в неопишное волнение.

Тетушка Питтипэт, разумеется, прекрасно понимала, что Эллин не может одобрить знакомства капитана Батлера со своей дочерью и было бы недопустимым легкомыслием закрывать глаза на то, что человека этого не принимают ни в одном из хороших домов Чарльстона, но тем не менее, выслушивая его комплименты или протягивая ему для поцелуя руку, она проявляла не больше твердости духа, чем муха, летящая на запах меда. К тому же он – рискуя, по его словам, жизнью – обычно привозил ей из Нассау различные маленькие сувениры: пакетики с булавками и иголками, пуговицы, катушки шелковых ниток и шпильки для волос. Все эти мелкие предметы стали теперь почти недоступной роскошью: дамы закалывали волосы деревянными, выструганными ножом шпильками ручного изготовления и носили пуговицы из обтянутых материей желудей, и у тетушки Питти не хватало моральной стойкости отказаться от таких даров. Самый вид пакета с каким-нибудь сюрпризом доставлял ей такую детскую радость, что не вскрыть этот пакет она была просто не в силах. А вскрыв, конечно, уже не могла не принять подарка. А приняв, уже не находила в себе достаточного мужества, чтобы сказать дарителю, что его репутация не позволяет ему наносить визиты трем одиноким женщинам, лишенным мужской опеки. Более того: всякий раз при появлении капитана Батлера тетушка Питти начинала ощущать потребность в такой опеке.

– Никак не пойму, что в нем такого, – со вздохом беспомощно говорила она. – Но мне почему-то кажется, что я.., вернее, что он мог бы быть очень милым, привлекательным человеком, если бы... если бы я не чувствовала, что он, в общем-то, в глубине души не уважает женщин.

Мелани была шокирована: после того как капитан Батлер выкупил ее обручальное кольцо, она считала его на редкость деликатным и тонко воспитанным джентльменом. Он всегда был исключительно предупредителен по отношению к ней, она же держалась с ним несколько

стесненно – главным образом потому, что с детства была очень застенчива в обществе мужчин; к тому же она втайне испытывала к нему жалость, что немало позабавило бы капитана Батлера, догадайся он об этом. Она прониклась убеждением, что он потерпел крушение на романтической почве и это его ожесточило, а любовь хорошей женщины могла бы его возродить. В своей мирной, лишенной тревожных волнений жизни Мелани не приходилось лицом к лицу сталкиваться с пороком, и ей трудно было поверить, что он существует. Доходившие до нее сплетни о Ретте Батлере и некоей девушке из Чарльстона не могли не шокировать ее, но она не очень-то им верила, и, вместо того чтобы отвратить ее от этого человека, они приводили лишь к тому, что она, преодолевая свою застенчивость и негодуя на ужасную несправедливость света, становилась к нему еще внимательнее.

Скарлетт же в душе была согласна с тетушкой Питти. Она тоже была уверена, что женский пол не пользуется уважением капитана Батлера – хотя, быть может, он и делал исключение для Мелани. Скарлетт всегда чувствовала себя раздетой, когда он окидывал ее оценивающим взглядом от макушки до пят. О, она сумела бы поставить его на место, произнеси он при этом хоть слово. Но он просто смотрел, и она читала в его откровенно дерзком взгляде, что он считает всех женщин как бы своей собственностью и видит их назначение в том, чтобы доставлять ему наслаждение, ежели он этого пожелает. И только когда он смотрел на Мелани, взгляд его выражал другое. Это уже не был холодно-оценивающий взгляд, в нем не таилось насмешки, и слова его, обращенные к Мелани, всегда звучали как-то по-особому – с оттенком глубокого уважения, даже преданности и стремления услужить.

– Не могу понять, почему вы с ней всегда гораздо любезнее, чем со мной, – досадливо сказала Скарлетт, оставшись как-то раз с ним наедине, когда Мелани и тетушка Питтипэт пошли вздремнуть после обеда.

На протяжении целого часа наблюдала она, как Ретт Батлер терпеливо держал на руках моток пряжи для вязания, помогая Мелани ее сматывать, заметила, с каким вежливо-непроницаемым лицом слушал он, как Мелани, сияя гордостью, пространно рассказывала про Эшли и про то, что его произвели в более высокий чин. Скарлетт знала, что Ретт Батлер отнюдь не разделяет ее восторженного мнения об Эшли и ему ровным счетом наплевать на то, что Эшли получил звание майора. Тем не менее он что-то вежливо поддакивал и делал уместные замечания по поводу проявленной Эшли храбрости.

«А стоит мне только упомянуть имя Эшли, – с раздражением думала Скарлетт, – как у него тут же полезут вверх брови и по губам проползет эта его отвратительная многозначительная ухмылка!» – Я ведь красивее ее, – сказала Скарлетт. – Почему же вы; с ней куда любезнее, чем со мной?

– Могу ли я позволить себе возомнить, что вы ревнуете?

– О, пожалуйста, не воображайте!

– Еще одна иллюзия разбита вдребезги! Если я «куда любезнее» с миссис Уилкс, то лишь потому, что она этого заслуживает. Я мало встречал в своей жизни таких искренних, добрых и бес-; корыстных людей. Но вероятно, вы не в состоянии оценить ее по достоинству. К тому же, несмотря на молодость, она поистине благородная леди в самом лучшем смысле этого слова.

– Вы что, хотите сказать, что я не благородная леди?

– Если память мне не изменяет, мы еще в самом начале нашего знакомства установили, что вы отнюдь не «леди».

– Вы просто омерзительно грубый человек – зачем вы нее это ворошите? Как можете вы ставит!, мне в вину эту детскую выходку? Это было так давно, я стала взрослой с тех пор и никогда не вспомнила бы про это, если бы не ваши постоянные намеки.

– Я не верю, что это была просто детская выходка и что вы сильно переменились с тех пор.

Вы и сейчас совершенно так же, как тогда, способны швыряться вазы, если вам что-нибудь не по нраву. Впрочем, вам теперь почти всегда и во всем удастся поступать по-своему. Так что необходимости бить антикварные предметы не возникает.

– Вы... Знаете, вы кто?.. Господи, почему я не мужчина! Я бы вызвала вас на дуэль и...

– И получили бы пулю в лоб. Я попадаю в десятицентовик с пятидесяти шагов. Лучше уж держитесь за свое проверенное оружие – улыбки, глазки, вазы и тому подобное.

– Вы просто негодяй.

– Быть может, вы рассчитываете, что ваши слова приведут меня в исступление? Очень жаль, но должен вас разочаровать. Я не могу сердиться, коль скоро вы в своих поношениях не далеки от истины. Конечно, я негодяй. А почему бы нет? Мы живем в свободной стране, и каждый имеет право быть негодяем, если ему так нравится. Это ведь только такие лицемерки с далеко не чистой совестью, как вы, моя дорогая, приходят в бешенство, если про них что-нибудь сказано не в бровь, а в глаз.

Он говорил спокойно, улыбаясь, неторопливо растягивая слова, и она чувствовала свое бессилие перед ним. Это был единственный человек, которого она ничем не могла пронять. Ее привычное оружие – презрительная холодность, сарказм, оскорбительные слова, – ничто его не задевало. Смутить его было невозможно. Она привыкла считать, что никто с таким жаром не доказывает свою правдивость, как лжец, свою храбрость – как трус, свою учтивость – как дурно воспитанный человек, свою незапятнанную честь – как подонок. Но только не Ретт Батлер. Он со смехом признавался во всех своих пороках, дразнил ее и тем вызывал на еще большую откровенность.

Все последние месяцы он появлялся внезапно и так же внезапно исчезал, не оповестив о своем отъезде. Скарлетт никогда не знала, какие дела приводили его в Атланту, – ведь мало кто из контрабандистов находил нужным забираться так далеко от побережья. Они сгружали свой товар в Уилмингтоне или в Чарльстоне, где их уже поджидал рой торговцев и спекулянтов, стекавшихся сюда со всех концов Юга на аукционы. Конечно, она была бы сильно польщена, если бы могла предположить, что он совершает эти поездки ради нее, но даже ей, с ее непомерным самомнением, такая мысль показалась бы неправдоподобной. Попытайся он хоть раз приволокнуться за ней, прояви хотя бы намек на ревность к окружавшей ее толпе поклонников, пожми ей украдкой руку, попроси у нее портрет или платочек на память, она могла бы с торжеством подумать, что и он попался наконец в ее сети. Но он оставался раздражающе нечувствителен к ее чарам, а главное, казалось, видел насквозь все уловки, с помощью которых она старалась повергнуть его к своим ногам.

Всякий раз, как капитан Батлер появлялся в Атланте, все женское население города приходило в волнение. И не только потому, что имя этого человека было овеяно романтическим ореолом отчаянно-дерзких прорывов блокады – ему сопутствовал еще и острый привкус чего-то дурного и запретного. Ведь об этом человеке шла такая плохая слава. И репутация его становилась день ото дня все хуже, стоило городским кумушкам лишней раз посплетничать о нем, а сам он делался при этом все притягательнее в глазах молоденьких девушек. А так как большинство из них были еще весьма невинны, им сообщалось только, что «этот человек очень нечистоплотен в своих отношениях с женщинами», но как проявляет он эту свою «нечистоплотность» на деле, оставалось для них тайной. Слышали они и такие, тоже шепотом, сказанные, слова: «Ни одна девушка не может чувствовать себя с ним в безопасности». И при этом казалось крайне удивительным, что человек с такой репутацией ни разу с тех пор, как он стал появляться в Атланте, не попытался хотя бы поцеловать руку у какой-нибудь незамужней особы женского пола. Впрочем, это делало его лишь еще более загадочным и притягательным.

Он становился самой популярной личностью в Атланте – не считая, конечно, героев войны.

Теперь уже всем и во всех подробностях было известно, как его исключили из Вест-Пойнта за попойки и за «что-то, связанное с женщинами». Чудовищно скандальная история с чарльстонской девицей, которую он скомпрометировал, и с ее братом, которого он застрелил на дуэли, давно стала всеобщим достоянием. Из переписки с чарльстонскими друзьями и знакомыми были почерпнуты новые факты: выяснилось, что его отец, очаровательный старый джентльмен – человек железного характера и негибимой воли, – выгнал его из дома без гроша в кармане, когда ему едва сравнялось двадцать лет, и даже вычеркнул его имя из семейного молитвенника. После чего во время золотой лихорадки 1849 года блудный сын отправился в Калифорнию, затем побывал в Южной Америке и на Кубе, где, по слухам, занимался делами весьма сомнительного свойства. Были на его счету и драки из-за женщин, и несколько дуэлей, и связи с мятежниками в Центральной Америке, но самую печальную славу снискал он себе в Атланте, когда там распространился слух, что он к тому же профессиональный игрок.

Во всей Джорджии едва ли нашлась бы такая семья, в которой хотя бы один из ее мужских представителей или родственников не играл бы в азартные игры, спуская состояния, дома, землю, рабов. Но это совсем иное дело. Можно довести себя игрой до полной нищеты и остаться джентльменом, а профессиональный игрок – всегда, при всех обстоятельствах – изгой.

И не переверни война все представления вверх тормашками и не нуждайся правительство Конфедерации в услугах капитана Батлера, никто в Атланте не пустил бы его к себе на порог. А теперь даже самые чопорные блюстители нравов чувствовали: если они хотят быть патриотами, следует проявлять большую терпимость. Люди наиболее сентиментальные высказывали предположение, что паршивая овца, отбившаяся от батлеровского стада, устыдясь своей непутевой жизни, раскаялась и делает попытку загладить прежние грехи. И особенно женщины считали своим долгом поддерживать эту точку зрения о столь неустрашимом контрабандисте. Теперь уже все понимали: судьбу Конфедерации решает не только отвага солдат на поле боя, но и умение контрабандистских судов ускользать от флота янки.

Капитан Батлер пользовался славой лучшего лоцмана на всем Юге – дерзкого, бесстрашного, с железными нервами. Уроженец Чарльстона, он знал каждый залив, каждую отмель и каждый риф на всем побережье штата Каролина по ту и по другую сторону от чарльстонского порта и в такой же мере чувствовал себя как дома и в водах уилмингтонского порта. Он не потерял ни одного корабля и ни разу не выбросил за борт свой груз. В первые дни войны он возник неизвестно откуда с достаточной суммой денег в кармане, чтобы купить небольшое быстроходное судно, а теперь, когда контрабандные товары приносили две тысячи процентов дохода с каждого груза, капитану Батлеру принадлежало уже четыре судна. У него были искусные лоцманы, и он им щедро платил, и темной ночью, выскользнув из чарльстонского и, уилмингтонского порта, они везли хлопок в Нассау, в Англию, в Канаду. Текстильные фабрики Англии простаивали, рабочие-текстильщики мерли с голоду, и каждый контрабандист, которому удавалось обвести вокруг пальца флот северян, мог назначать свои цены на ливерпульском рынке. А судам капитана Батлера в равной мере сопутствовала удача – и когда они вывозили из Конфедерации хлопок, и когда ввозили оружие, в котором Юг испытывал отчаянную нужду. И понятно, что женщины Юга должны были забыть и простить такому хабрецу многие прегрешения!

При встречах с ним люди оборачивались – его эффектная внешность привлекала к себе внимание. Одевался он элегантно и всегда по последней моде, ездил на норовистом вороном жеребце и сорил деньгами направо и налево. Военные мундиры конфедератов к тому времени сильно поистрепались, да и штатская одежда, даже та, что приберегалась для парадных случаев, носила следы искусной починки и штопки, и капитан Батлер не мог но быть заметной фигурой па этом фоне. У Скарлетт не раз мелькала мысль, что ни на ком по видала она еще таких

элегантных брюк, как на капитане Батлере, – светло-коричневых, в черную и белую клеточку. Неописуемо красивы были и его жилеты, особенно один – белый, муаровый, расшитый крошечными розовыми бутончиками. И носил он эти роскошные одеяния с такой элегантной небрежностью, словно не отдавал себе отчета в Их великолепии.

Мало кто из дам мог устоять против его чар, когда он давал себе труд пускать их в ход, и кончилось тем, что даже миссис Мерриуэзер сложила оружие и пригласила Ретта Батлера в воскресенье на обед.

Мейбелл Мерриуэзер намерена была обвенчаться со своим маленьким зуавом, как только он придет домой на очередную побывку, и всякий раз при мысли об этом из глаз ее начинали обильно струиться слезы, ибо она не желала венчаться иначе как в белом атласном платье, а белого атласа невозможно было достать нигде во всех Южных штатах, и даже одолжить у кого-нибудь из подруг такое платье Мейбелл не могла, ибо все подвенечные уборы давно пошли на боевые стяги. Тщетны были патриотические укоризны миссис Мерриуэзер, утверждавшей, что домотканое подвенечное платье – наиболее приличествующий невесте конфедерата туалет. Мейбелл хотела атласное. Она готова была – и даже горделиво и с охотой – отказаться от шпилек для волос, и пуговиц, и нарядных туфельек, и от чая, и от конфет во имя Правого Дела, но венчаться она хотела в атласном Платье.

Узнав об этом от Мелани, Ретт Батлер привез из Англии несметное количество ярдов блестящего белого атласа и кружевную подвенечную вуаль и преподнес все это Мейбелл в качестве свадебного подарка. И сделал он это в такой форме, что ни о какой оплате невозможно было даже заикнуться. Мейбелл пришла в неописуемый восторг и едва не чмокнула капитана Батлера в щеку. Миссис Мерриуэзер понимала, что делать такой ценный подарок – тем более в форме материи на платье – вещь крайне неприличная, но когда Ретт Батлер в самых высокопарных выражениях стал заверять ее, что ни одно одеяние на свете недостаточно хорошо для невесты воина-героя, она не сумела найти слов для отказа. Тогда она пригласила дарителя на обед, полагая, что такая уступка с ее стороны с лихвой покрывает стоимость подарка.

Капитан же Батлер не только подарил Мейбелл атлас на платье, но еще снабдил ее весьма ценными указаниями по части подвенечного наряда. Оказывается, в Париже в этом сезоне вошли в моду очень пышные кринолины, а юбки стали короче. Их уже не украшают оборочками, а собирают ниспадающими фестонами, из-под которых выглядывают обшитые тесьмой нижние юбки. Он сообщил также, что совсем не видел на улицах панталон, и сделал вывод, что их уже «не носят». Впоследствии миссис Мерриуэзер говорила миссис Элсинг, что, позволь она ему распространяться на эту тему дальше, он, пожалуй, доложил бы ей во всех подробностях, какое у парижанок нижнее белье.

Не обладай капитан Батлер такой бесспорно мужественной внешностью, его способность замечать и помнить мельчайшие подробности женских туалетов, шляп и причесок была бы заклеяна как недостойная мужчины. Когда дамы осаждали его вопросами о том, что сейчас в моде, им, конечно, было немного не по себе, и все же они не могли от этого воздержаться. Словно матросы потерпевшего кораблекрушение судна, они чувствовали себя оторванными от мира – во всяком случае, от мира моды, так мало модных журналов попадало к ним вследствие блокады. И Сообщил им капитан Батлер, что парижанки теперь наголо бреют голову и носят меховые шапки, они могли бы поверить и этому. Превосходная память капитана по части всевозможных ухищрений женского туалета являлась для них непревзойденной заменой «Дамского журнала». Он замечал и хранил в памяти мельчайшие подробности, столь дорогие женскому сердцу, и всякий раз после его возвращения из плавания можно было услышать, как он объясняет окружившим его дамам, что шляпки в этом году носят совсем маленькие, на самой макушке, и украшают их перьями, а не цветами, что королева Франции перестала надевать

шиньон по вечерам – волосы просто зачесываются наверх, оставляя открытыми уши, и укладываются в очень высокую прическу, и что декольте вечерних туалетов снова стали соблазнительно глубокими.

Месяц проходил за месяцем, а капитан Батлер по-прежнему оставался самой популярной и романтической фигурой в городе, невзирая на прежнюю дурную репутацию, невзирая на неясные слухи, что он занимается не только контрабандой, но и спекуляцией продуктами. Кое-кто из недоброжелателей утверждал, что после каждого его возвращения в Атланту цены на продукты подсакакивают на пять долларов. Однако вопреки всем толкам и пересудам, капитану Батлеру удалось бы сохранить свою популярность, если бы он к этому стремился. Но капитан вел себя так, словно, Добившись признания у самых почтенных и суровых патриотов города, завоевав их уважение и несколько настороженную симпатию, он, из какого-то непонятного духа противоречия, поставил, казалось, теперь своей целью всеми способами восстанавливать их против себя, всячески давая понять, что все его предыдущее поведение было лишь комедией, играть которую ему прискучило.

Казалось, Юг и все, что его олицетворяло, вызывало в нем лишь холодное презрение, а пуще всего – сама Конфедерация, и он не давал себе труда это скрывать. Именно эти его высказывания по адресу Конфедерации и привели к тому, что его выслушивали сначала в некотором замешательстве, потом холодно, потом с яростным возмущением. 1862 год еще только подходил к концу, а мужчины уже начали раскланиваться с капитаном Батлером с подчеркнутой отчужденностью, женщины при его появлении в каком-нибудь собрании старались не отпускать от себя дочерей.

Ему же, по-видимому, доставляло удовольствие не только задевать патриотические чувства искренних и горячих приверженцев Конфедерации, но и выставять себя в самом непривлекательном свете. Выслушав простодушную похвалу своей храбрости в опасном деле провоза контрабанды, он самым любезным тоном заявлял, что трусит при этих операциях ничуть не меньше, чем наши храбрые воины на передовой. Такой ответ приводил всех в большое раздражение, ибо каждому южанину было известно, что в армии конфедератов нет и не было трусов... Говоря о воинах-конфедератах, он называл их не иначе как «наши храбрецы» или «наши герои в серых мундирах», старательно вкладывая в это оскорбительно-иронический смысл. Когда какие-нибудь бойкие дамочки кокетливо выражали ему свою благодарность за то, что он так героически подвергает себя ради них опасности, он с поклоном заверял их, что они заблуждаются, ибо он делал бы то же самое и для дам-северянок, если бы это приносило ему такой же доход.

В разговорах со Скарлетт он всегда держался подобного тона еще с первой встречи в Атланте на благотворительном базаре, но теперь оттенок насмешки звучал в его словах, с кем бы он ни вел беседы. На все похвалы, расточавшиеся ему за услуги, которые он оказывает Конфедерации, Ретт Батлер неизменно отвечал, что для него прорваться сквозь блокаду – чисто деловое предприятие. Если бы на правительственных подрядах можно было так же хорошо заработать, говорил он, поглядывая в сторону тех, кто эти подряды получал, он несомненно бросил бы свое рискованное занятие и стал бы поставлять Конфедерации недоброкачественное обмундирование, гнилые кожи, смешанный с песком сахар и затхлую муку.

Часто на его слова трудно было что-нибудь возразить, именно это особенно сильно всех бесило. Небольшие скандалы из-за военных поставок уже имели место. В письмах с передовой солдаты постоянно жаловались на обувь, которая разваливалась на ногах через неделю, на упряжь, которая рвалась, стоило покрепче подтянуть подпругу, на порох, который не

воспламенялся, на тухлое мясо и зараженную долгоносиком муку. Жители Атланты старались уверить себя, что такой негодный товар поставляют из Алабамы, или Виргинии, или Теннесси, но только не из Джорджии. Ведь люди, получившие правительственные подряды, принадлежат к лучшим домам Джорджии. Кто, как не они, делают щедрые пожертвования в фонды госпиталей и помощи сиротам войны? Разве не они с таким воодушевлением расппевают «Дикси» и с самой неистовой свирепостью требуют – во всяком случае с трибуны – крови янки? Волна ненависти к тем, кто наживался на правительственных подрядах, еще не взмыла вверх, и слова капитана Батлера были восприняты лишь как доказательство его чудовищной невоспитанности.

Он не только задевал честь города, намекая на продажность людей, занимающих высокие посты, и пороча незапятнанную отвагу воинов, но находил еще удовольствие в том, чтобы ставить досточтимых граждан в затруднительное положение. Подобно шkodливому мальчишке, который не может удержаться, чтобы не проткнуть булавкой воздушный шарик, он не мог устоять против желания поубавить спеси чванливым ханжам и ура-патриотам. Он беспощадно разоблачал их невежество, лицемерие и фанатизм, и делал это столь искусно, проявляя к собеседнику вежливый и якобы неподдельный интерес, что его жертва до тех пор не понимала, куда он клонит, пока не оказывалась в смешном положении самонадеянного пустобреха.

Но Скарлетт и в те дня, когда город еще не отвернулся от Ретта Батлера, уже не питала на его счет иллюзий. Она знала, что его изысканная галантность и помпезные речи таят в себе глубоко скрытую иронию. Она понимала, что он просто забавляется, играя роль отчаянно смелого патриота-контрабандиста. Порой он даже напоминал ей мальчишек – друзей ее детства: неугомонных близнецов Тарлтонов с их неутолимой страстью к «розыгрышам»; дьявольски изобретательных Фонтейнов, начиненных всяческими проделками; Калвертов, способных просидеть всю ночь напролет, обдумывая какую-нибудь очередную мистификацию. Но сходство было неполным: под маской небрежной беспечности Ретта Батлера угадывался злобный умысел, какая-то почти зловещая, хотя и неуловимая, мстительная жестокость.

И все же он скорее импонировал ей в роли романтического контрабандиста, хотя она и видела насквозь его лицемерие. Ведь это значительно облегчало общение с ним, которое на первых порах было для нее столь тягостным. Поэтому, когда он внезапно сбросил маску и принялся – намеренно, по-видимому, – восстанавливать против себя уже расположенных к нему горожан, это раздосадовало ее чрезвычайно. Раздосадовало потому, что казалось ей глупым, и потому, что резкое осуждение, которому он начал подвергаться, бросало тень и на нее.

И вот настал день, когда Ретт Батлер сжег за собой все мосты и окончательный ostrакизм неизбежно должен был стать его уделом. Это произошло в доме миссис Элсинг на благотворительном музыкальном вечере в пользу выздоравливающих воинов. Дом был полон военных, приехавших на побывку, служивых людей из милиции и войск внутреннего охранения, раненых из госпиталей, молоденьких девушек, вдов и матрон. В доме не осталось ни одного свободного стула, и даже на лестнице и в холле толпились гости. Огромную чашу граненого хрусталя, которую дворецкий Элсингов держал в руках, стоя у входа, дважды освобождали от груза серебряных монет, что само по себе указывало на успех затеи, ибо в эти дни серебряный доллар был уже равен шестидесяти долларам в кредитных билетах Конфедерации.

Каждая девушка, хоть в какой-то мере обладавшая музыкальными способностями, пела или играла на фортепьяно, а живые картины вызвали бурю аплодисментов. Скарлетт была в Превосходном настроении; она не только исполнила вместе с Мелани трогательный дуэт «Когда на луг падет роса» и – на бис – более игривую песенку «Ах, боже, боже, дамы, это был не Стефан!», но на нее еще пал выбор воплотить Дух Конфедерации в последней живой картине.

Она знала, что выглядит в высшей степени соблазнительно в строгом греческом хитоне из белой кисеи, подпоясанном красно-синим кушаком, с звездно-полосатым флагом в одной руке и

саблей с золотым эфесом, когда-то принадлежавшей Чарльзу, а еще ранее его отцу, – в другой, простертой к коленопреклоненной фигуре капитана Кэйри Эшберна из Алабамы.

Когда занавес опустился, она, не удержавшись, поискала глазами Ретта Батлера – ей хотелось увидеть, какое она произвела на него впечатление в этой очаровательной живой картине. К великому ее разочарованию, он был погружен в жаркий спор и, по-видимому, даже не смотрел представления. По лицам окружавших его мужчин она поняла, что все они взбешены тем, что он им говорит.

Она направилась туда, где он стоял, и среди внезапно наступившей, как это бывает иногда в многолюдных собраниях, тишины услышала вопрос, заданный напрямик Уилли Гиненом, офицером милиции:

– Следует ли так понимать вас, сэр, что Дело, за которое отдают жизнь наши герои, не является для вас священным?

– Если вы завтра попадете под поезд, значит ли это, что железнодорожная компания должна быть причислена к лику святых? – самым кротким тоном спросил в свою очередь Ретт Батлер, словно и в самом деле желал получить на это ответ.

– Сэр... – произнес Уилли, и голос его сорвался, – если бы мы не находились в этом доме...

– Я дрожу при одной мысли о том, что могло бы тогда воследовать, – сказал Ретт Батлер. – Ведь ваша храбрость, думается мне, слишком широко известна.

Уилли покраснел, и разговор оборвался. Все были смущены. Уилли, крепкий, здоровый парень призывного возраста, находился в тылу. Правда, он был единственный сын в семье, и кому-то же надо было служить в милиции и охранять порядок в Штате. И все же, когда Ретт Батлер произнес олово «храбрость», в группе уже отлежавших в госпитале офицеров раздалась смешки.

«О господи! Не может он, что ли, держать язык на привязи! – с раздражением подумала Скарлетт. – Портит всем вечер!» Доктор Мид грозно нахмурил брови.

– Для вас, молодой человек, возможно, нет ничего священного, – сказал он громовым голосом, каким всегда произносил свои речи. – Но для верных патриотов и патриоток Юга есть вещи поистине священные. Это – стремление уберечь наш край от узурпаторов, это – Права Южных штатов и это...

У Ретта Батлера был скучающий вид; он мягко, почти вкрадчиво прервал доктора:

– Войны всегда священны для тех, кому приходится их вести, – сказал он. – Если бы те, кто разжигает войны, не объявляли их священными, какой дурак пошел бы воевать? Но какие бы лозунги ни выкрикивали ораторы, сгоняя дураков на бойню, какие бы благородные ни ставили перед ними цели, причина войн всегда одна. Деньги. Все войны, в сущности, – драка из-за денег. Только мало кто это понимает. Все слишком оглушены фанфарами, барабанами и речами отсиживающихся в тылу трибунов. Иной раз их воинственный клич звучит так: «Спасем гроб нашего Христа от язычников!» Или так: «Долой папистов!» А в другом случае иначе: «Свобода!» Или: «Хлопок, Рабовладение и Права Юга!» «Ну при чем тут римский папа? – подумала Скарлетт. – А тем более – гроб Христов?» Она торопливо приближалась к кучке разгоряченных спором людей, и в эту минуту Ретт Батлер отвесил всем изящный поклон и направился к двери. Она хотела было поспешить за ним, но миссис Элсинг ухватила ее за юбку.

– Пусть уходит, – громко сказала она, и голос ее отчетливо прозвучал среди напряженной тишины зала. – Пусть уходит. Он изменник и спекулянт! Змея, которую мы пригнали на груди!

Ретт Батлер, стоявший в холле со шляпой в руке, слышал эти слова, открыто предназначавшиеся для его ушей. Он обернулся и обвел глазами зал. Взгляд его беззастенчиво уперся в плоскую грудь миссис Элсинг. Неожиданно он ухмыльнулся и, поклонившись, скрылся за дверью.

Миссис Мерриуэзер возвращалась домой в коляске тетушки Питти, и не успели все четыре дамы занять свои места в экипаже, как ее негодование вырвалось наружу:

– Ну что, Питтипэт Гамильтон, надеюсь, вы теперь удовлетворены?

– Что вы имеете в виду? – с беспокойством спросила тетушка Питти.

– Я имею в виду поведение этого подонка Батлера, которого вы у себя привечали.

Обвинение это мгновенно привело тетушку Питти в великое волнение и расстройство, и у нее как-то вылетело из головы, что миссис Мерриуэзер сама не раз принимала у себя капитана Батлера. Мелани и Скарлетт, наоборот, это обстоятельство тотчас же пришло на ум, но, воспитанные в почтении к старшим, они воздержались от упоминания о нем и только как по команде опустили глаза на свои сложенные на коленях, затянутые в митенки руки.

– Он оскорбил Конфедерацию и всех нас, – заявила миссис Мерриуэзер, и ее величественный бюст в расшитом бисером корсаже бурно заколыхался. – Он посмел сказать, что мы сражаемся ради денег! Что наши вожди нам лгут! Его надо отправить в тюрьму! Да, в тюрьму. Я буду говорить об этом с доктором Мидом. Будь мистер Мерриуэзер жив, он бы нашел на него управу! И вот что я вам скажу, Питти Гамильтон: вы не должны больше пускать этого негодяя к себе в дом!

– О господи! – беспомощно пробормотала тетушка Питти, всем своим видом показывая, что лучше бы ей умереть на месте. Она с мольбой поглядела на Мелани и Скарлетт, но они сидели, опустив глаза долу. Тогда она с надеждой перевела взгляд на прямую, как доска, спину дядюшки Питера. Он, конечно, не пропустил мимо ушей ни единого слова, и она ждала, что, обернувшись к ним, он, как всегда, возьмет дело в свои руки и скажет:

«Ну, ну, мисс Долли, вы уж оставьте мисс Питти в покое». Но Питер даже не шелохнулся. Он крепко недолюбливал капитана Батлера, и бедная тетушка Питти это знала. Вздохнув, она пробормотала: – Чтя ж, если уж вы так считаете, Долли...

– Да, я так считаю, – твердо произнесла миссис Мерриуэзер. – Я вообще не понимаю, что это на вас нашло, как могли вы его принимать? А после сегодняшнего вечера его ни в одном приличном доме не пустят на порог. Вам придется собраться с духом и указать ему на дверь.

Она окинула пронзительным взглядом лица Мелани и Скарлетт.

– Я надеюсь, что мои слова дошли и до ваших ушей, – продолжала она. – Ведь это отчасти и ваша вина – вы были слишком любезны с ним. Скажите ему вежливо, но твердо, что после таких изменнических речей его присутствие в вашем доме никому не доставит удовольствия.

Скарлетт уже вся дрожала, как норовистая лошадка, почуявшая, что чужая рука пытается взять ее под уздцы. Но перечить она не решалась, боясь, что миссис Мерриуэзер может снова написать про нее Эллин.

«Ах ты, старая карга! – думала она, заливаясь румянцем от бушевавшей в ней злости. – Знала бы ты, что я думаю о тебе и о твоей манере всеми командовать!» – Вот уж не думала, что мне когда-нибудь доведется услышать такие оскорбительные слова о нашем священном Деле, – говорила миссис Мерриуэзер, продолжая кипеть праведным гневом. – Всякого, кто не верит в Конфедерацию, не верит, что наше Дело – святое и правое, следует вздернуть на виселице! И я надеюсь, мои дорогие, что вы больше ни словом не обмолвитесь с этим человеком. Господи помилуй, что это с вами, Мелли?

Глаза Мелани казались огромными на побелевшем лице.

– Я не перестану разговаривать с ним, – негромко проговорила она. – Я не буду его обижать. И не откажу ему от дома.

Миссис Мерриуэзер выпустила из легких воздух с таким звуком, словно проткнула детский

воздушный шарик. Тетушка Питти остолбенело разинула свой пухлый ротик, а дядюшка Питер повернулся на козлах и уставился на Мелани.

«Ну почему у меня не хватило духу сказать так? – с завистливым восхищением подумала Скарлетт. – Как эта маленькая мышка осмелилась дать отпор миссис Мерриуэзер?» У Мелани дрожали руки, но она торопливо продолжала говорить, словно боясь, что мужество ее покинет:

– Я не могу обидеть его, потому что... Конечно, он не должен был говорить этого вслух, он оскорбил людей, поступил крайне неосмотрительно.., но... Эшли разделяет его взгляды. И я не могу отказать от дома человеку, который думает так же, как и мой муж. Это было бы несправедливо.

Миссис Мерриуэзер наконец обрела дар речи и выпалила:

– Мелли Гамильтон! Столь бессовестной лжи я еще не слыхала отродясь. В семействе Уилксов не было трусов...

– А разве я сказала, что Эшли трус? – У Мелани засверкали глаза. – Я сказала, что он думает так же, как и капитан Батлер, только выражает свои взгляды по-другому. И разумеется, не говорит об этом всем и каждому на музыкальных вечерах. Но он написал мне это в письме.

Скарлетт, испытывая легкий укол совести, старалась вспомнить, что же было такого в письмах Эшли, что заставило Мелани сделать подобное заявление, но содержание писем почти мгновенно улетучивалось у нее из головы, как только она кончала читать. Она готова была подумать, что Мелани просто рехнулась.

– Эшли писал мне, что нам не следовало ввязываться в войну с северянами. Что нас вовлекли в нее политические болтуны – обманули высокопарными словами и разожгли наши предрассудки, – торопливо продолжала Мелани. – Нет ничего на свете, говорит он, за что стоило бы платить такой ценой, какую мы заплатим за эту войну. Он говорит, что не видит в ней доблести – только грязь и страдания.

«О! – подумала Скарлетт. – Это было в том письме! Разве он это хотел сказать?» – Я вам не верю, – решительно изрекла миссис Мерриуэзер. – Вы неправильно истолковали его слова.

– Я никогда не ошибаюсь в отношении Эшли, – спокойно ответила Мелани, хотя губы у нее дрожали. – Я всегда понимаю его с полуслова. Он думает так же, как и капитан Батлер, только выражает это не в столь резкой форме.

– Постыдились бы сравнивать такого благородного человека, как Эшли, с этим подонком, капитаном Батлером! Вы, верно, сами считаете, что Дело, за которое мы боремся, не стоит ломаного гроша!

– Я... я сама еще не разобралась в своих чувствах, – неуверенно пробормотала Мелани. Ее жар остыл, и она уже испугалась своей вспышки. – Я... я тоже готова отдать свою жизнь за наше Правое Дело, как готов отдать ее Эшли. Но... я считаю... я считаю, что мы не должны мешать мужчинам думать по-своему, потому что они умнее нас.

– В жизни не слыхала подобной чепухи! – фыркнула миссис Мерриуэзер. – Останови-ка лошадь, дядюшка Питер, ты Проехал мой дом!

Дядюшка Питер, стараясь не пропустить ни слова из разговора, происходившего у него за спиной, промахнул мимо дома миссис Мерриуэзер и теперь начал осаживать лошадь. Миссис Мерриуэзер вышла из экипажа, ленты на ее чепце трепетали, как паруса под шквальным ветром.

– Вы еще пожалеете! – сказала она. Дядюшка Питер хлестнул лошадь вожжой.

– Как же вам, молодые барышни, не совестно доводить мисс Питти до состояния, – укорил он их.

– Ни до чего они меня не довели, – ко всеобщему изумлению, неожиданно заявила тетюшка Питти, неизменно лишавшаяся чувств даже при куда менее волнующих обстоятельствах. – Мелли, милочка, я знаю, ты хотела заступиться за меня, и я очень рада, что наконец кто-то

немножко сбил с Долли спесь. Больно уж привыкла она здесь всеми командовать. Как это ты так расхрабрилась? Но следовало ли тебе все-таки говорить все это про Эшли?

– Но это же правда, – сказала Мелли и беззвучно заплакала. – И я нисколько не стыжусь того, что он так думает. Он считает, что эта война нам не нужна, но он будет сражаться и, быть может, погибнет, а для этого нужно куда больше мужества, чем сражаться за дело, в которое веришь.

– Будет вам, мисс Мелли, не плачьте посреди улицы! – заворчал дядюшка Питер, яростно нахлестывая лошадь. – Народ бог весть что про вас подумает. Сейчас приедем домой, там и поплачете.

Скарлетт молчала. Она даже не пожала руки Мелани, которую та подсунула под ее ладонь, ища утешения. Скарлетт читала письма Эшли с единственной целью – удостовериться в том, что он все еще любит ее. Теперь, после слов Мелани, ей открылся новый смысл тех фраз, которые она столь небрежно пробегала глазами.

Она была потрясена, узнав, что человек, столь во всех отношениях безупречный, как Эшли, может в чем-то сходиться во взглядах с этим отщепенцем, Реттом Батлером. И она подумала:

«Они оба знают истинную цену этой войне, только Эшли готов все же сражаться и умереть, а Ретт – нет. Значит, у Ретта просто больше здравого смысла». От этих кощунственных мыслей ее на мгновение объял ужас. «Они оба видят страшную правду, но Ретт предпочитает смотреть этой правде в глаза, и ему нравится говорить о ней людям и восстанавливать их против себя, а Эшли эта правда дается с мукой».

Все это совсем сбивало с толку.

По наущению миссис Мерриуазер доктор Мид принялся за дело, кое облеклось в форму письма в газету. Имя Ретта Батлера названо не было, но в кого пущена стрела, сомневаться не приходилось. Редактор, учуяв общественное значение назревшей драмы, поместил письмо на вторую полосу газеты, что само по себе было смелым новшеством, поскольку первые две полосы неукоснительно отводились под объявления о купле-продаже рабов, мулов, плугов, гробов, о домах – на продажу или внаем, – о лекарствах от не подлежащих оглашению болезней, об abortивных средствах и о средствах для восстановления утраченной мужской потенции.

Письмо доктора сыграло роль запевалы в хоре возмущенных голосов, зазвучавших по всему Югу и клеймивших позором спекулянтов, барышников и обладателей правительственных подрядов. После того как чарльстонский порт был практически полностью заблокирован канонерками северян, состояние дел в уилмингтонском порту – теперь уже главном порту южан – стало поистине скандальным. Спекулянты с набитыми деньгами карманами буквально наводнили Уилмингтон; они скупали все грузы с кораблей и припрятывали их, чтобы взвинтить цены. И цены взлетали вверх. Из месяца в месяц товаров становилось все меньше, потребности возрастали, росли и цены. Гражданское население вынуждено было выбирать одно из двух: либо обходиться без самого необходимого, либо покупать по спекулятивным ценам, и все бедняки и даже люди среднего достатка день ото дня испытывали все большие лишения. По мере роста цен деньги Конфедерации обесценивались, а стремительное падение курса влекло за собой дикуую погоню за всевозможными предметами роскоши. Контрабандистам поручалось привозить насущно необходимое, а предметами роскоши разрешалось торговать только в виде исключения, но теперь уже все контрабандные суда были забиты денными товарами, вытеснившими то, что требовалось для нужд Конфедерации. И люди как одержимые расхватывали предметы роскоши, спеша сбыть имевшиеся у них в наличии деньги из боязни, что завтра цены подскочат еще выше, а деньги обесценятся совсем.

И в довершение всего, поскольку Уилмингтон с Ричмондом связывала всего одна железнодорожная колея, тысячи бочонков с мукой и банок с копченой грудинкой портились на промежуточных станциях из-за нехватки подвижного состава. Спекулянтам же каким-то чудом удавалось за двое суток доставлять свои вина, кофе и тафту из Уилмингтона в Ричмонд.

Теперь уже открыто говорили о том, о чем раньше украдкой шептались: Ретт Батлер не только продает по неслыханным ценам товар со своих четырех судов, но и скупает грузы у других контрабандистов и придерживает их, чтобы еще больше взвинтить цены. Говорили, что он стоит во главе синдиката с капиталом в миллион долларов и штаб-квартирой в Уилмингтоне, созданного для скупки контрабандных грузов прямо в порту, что синдикат имеет десятки товарных складов как в Уилмингтоне, так и в Ричмонде; все они доверху набиты продуктами и одеждой, и все это не выбрасывается на рынок, чтобы еще больше вздуть цены. Теперь уже не только гражданские лица, но и военные начинали ощущать лишения, и озлобление против Ретта Батлера и других спекулянтов росло.

«Среди лиц, находящихся на службе в торговом флоте Конфедерации и прорывающих блокаду наших портов, есть немало отважных патриотов, – писал доктор в своем письме, – бескорыстных людей, рискующих ради существования Конфедерации своей жизнью и состоянием. Их имена бережно хранятся в сердцах всех преданных Делу южан, и разве кто-нибудь пожалеет для них того скудного денежного вознаграждения, которое они получают ценой риска? Это бескорыстные джентльмены, и мы их чтим. О них я не говорю.

Но есть другие – есть негодяи, скрывающие под личиной борцов против блокады свое

стремление к наживе, и я призываю весь наш народ, сражающийся за самое Правое Дело, ведущий справедливейшую из войн, обрушить свой праведный гнев и мщение на головы этих хищных стервятников, везущих нам атласы и кружева, когда наши воины погибают от отсутствия хинина, нагружающих свои суда вином и чаем, в то время как наши герои корчатся в муках из-за отсутствия морфия. Я призываю проклятия на головы этих вампиров, сосущих кровь солдат, сражающихся под знаменами Роберта Ли, этих отщепенцев, по милости которых самое слово «контрабандист» стало отдавать зловонием для каждого истинного патриота. Можем ли мы терпеть в нашей среде этих гиен, разгуливающих в надраенных сапогах, когда наши парни шагают босиком в атаку? Можем ли мы и далее сносить, что они опиваются шампанским и объедаются страсбургскими пирогами, в то время как наши солдаты дрожат от холода у лагерного костра и жуют тухлую свинину? Я призываю каждого патриота-конфедерата вышвырнуть их вон!» Атланта прочла письмо, вняла вещаниям своего оракула и, верная Конфедерации, поспешила вышвырнуть Ретта Батлера вон.

Из всех домов, двери которых были открыты ему в прошлом году, дом мисс Питтипэт оставался почти единственным, где его продолжали принимать и теперь, в 1863 году. И если бы не Мелани, то, вероятно, и в этот дом ему был бы закрыт доступ. Всякий раз при известии о его появлении в городе тетушка Питти падала в обморок. Ей хорошо было известно, что говорят ее друзья по поводу его визитов к ней, но у иге по-прежнему не хватало духу отказать ему в гостеприимстве. Стоило Ретту Батлеру появиться в Атланте, как тетушка Питти сурово сжимала свой пухленький ротик и заявляла во всеуслышание, что она встанет в дверях и не даст ему переступить порог. Но вот он появлялся перед ней с маленьким пакетиком в руках и неизменным комплиментом на устах, превозносил ее красоту и обаяние, и решимость бедняжки таяла как воск.

– Просто не знаю, что и делать, – жалобно вздыхала она. – Он смотрит на меня, и я умираю от страха при мысли, что он может натворить, если я откажу ему от дома. Про него такое говорят! Как вы думаете – он может меня ударить? Или... или... О, если бы Чарли был жив! Скарлетт, вы должны сказать ему, чтобы он больше не приходил, – сказать в самой вежливой форме. О боже! Я, право, думаю, что вы слишком поощряете его, и весь город об этом говорит, и если ваша матушка узнает, что она подумает обо мне? Мелли, ты не должна быть с ним так мила. Держись с ним холодно и отчужденно, и он поймет. Ах, Мелли, как ты считаешь, может быть, мне следует написать Генри, чтобы он поговорил с капитаном Батлером?

– Нет, я этого не считаю, – сказала Мелани. – И я, конечно, тоже не буду с ним груба. Я считаю, что все ведут себя с капитаном Батлером как перепуганные курицы. Я не верю всем гадостям, которые говорят про него миссис Мерриуэзер и доктор Мид. Он не стал бы прятать пищу от умирающих с голоду людей. Кто, как не он, дал мне сто долларов для сирот? Я уверена, что он не менее преданный патриот, чем любой из нас, и просто слишком горд, чтобы защищаться от нападок. Вы же знаете, как упрямы могут быть мужчины, если их разозлить.

Но тетушка Питти этого не знала и вообще не очень-то разбиралась в мужчинах, и она беспомощно разводила своими маленькими пухлыми ручками. Скарлетт же давно примирилась со склонностью Мелани видеть во всех только хорошее. Мелани, конечно, дурочка, но тут уж ничего не поделаешь.

Скарлетт знала, что Ретт Батлер далеко не патриот, но ей было на это наплевать, хотя она даже под страхом смерти никогда бы в этом не призналась. Для нее гораздо большее значение имело то, что он привозил ей из Нассау маленькие подарки – разные мелкие сувениры, которые можно было принимать, не нарушая правил приличия. Когда цены так непомерно возросли, как, спрашивается, будет она обходиться без шпилек, без булавок, без конфет, если откажет капитану Батлеру от дома? Нет, куда проще переложить всю ответственность на тетю Питти – ведь она

же, в конце-то концов, глава дома, дуэнья и оплот их нравственных устоев. Скарлетт знала, что про визиты Ретта Батлера и про нее в городе идут сплетни, но она знала также, что Мелани Уилкс непогрешима в глазах Атланты и, пока Мелани берет под свою защиту капитана Батлера, на его визиты будут смотреть сквозь пальцы.

Тем не менее жизнь могла бы быть много приятнее, если бы капитан Батлер отрекся от своих еретических суждений. Ей не пришлось бы, прогуливаясь с ним по Персиковой улице, всякий раз испытывать конфуз оттого, что все так открыто его игнорируют.

– Даже если вы в самом деле так думаете, то зачем об этом говорить? – упрекала она его. – Думали бы себе все, что вам угодно, только держали бы язык за зубами, и как бы все было славно.

– Таков ваш метод, моя зеленоглазая лицемерка? Ах, Скарлетт, Скарлетт! Мне казалось, вы будете вести себя более отважно. Мне казалось, ирландцы говорят то, что думают, и посылают всех к дьяволу. Скажите откровенно: вам-то самой всегда ли легко держать язык за зубами?

– Да... понятно, нелегко, – неохотно согласилась Скарлетт. – Разумеется, можно околотить от тоски, когда они с утра до ночи лопочут о нашем Правом Деле. Но, бог ты мой, как вы не понимаете, Ретт Батлер, ведь если я в этом признаюсь, все перестанут со мной разговаривать и я на танцах останусь без кавалеров!

– Ах, конечно, конечно, а танцевать необходимо любой ценой. Что ж, я преклоняюсь перед вашим самообладанием, но, увы, не наделен им в такой же мере. И не могу рядиться в романтический плащ героя-патриота, дабы удобнее жилось. И без меня хватает дураков, которые из патриотических побуждений готовы рискнуть последним центом и выйдут из войны нищими. Они не нуждаются в том, чтобы я примкнул к ним – ни для укрепления патриотизма, ни для пополнения списка нищих. Пусть сами носят свой ореол героев. Они заслужили его – на этот раз я говорю вполне серьезно, и к тому же этот ореол – единственное, пожалуй, что через год-два у них останется.

– Просто отвратительно, что вы можете хотя бы в шутку говорить такие вещи, когда всем прекрасно известно, что Англия и Франция не сегодня-завтра выступят на нашей стороне, и тогда...

– Господи, Скарлетт! Да вы никак стали читать газеты! Я просто поражен. Никогда не делайте этого больше. Крайне вредное занятие для женского ума. К вашему сведению, я был в Англии всего месяц назад и могу вам сообщить, что Англия никогда не придет на помощь Конфедерации. Англия никогда не выступает на стороне побежденного. Потому-то она и Англия.

К тому же толстая немка, восседающая на английском престоле, чрезвычайно богобоязненная особа и не одобряет рабства. Пусть уж лучше английские ткачи подохнут с голоду из-за отсутствия хлопка, лишь бы, упаси боже, не шевельнуть пальцем в защиту рабства. А что касается Франции, то нынешнее бледное подобие Наполеона слишком занят внедрением французов в Мексику, ему не до нас – скорее даже на руку, что мы увязли в этой войне: она мешает мам выгнать его солдат из Мексики... Нет, Скарлетт, надежда на помощь извне – это все газетные измышления, рассчитанные на то, чтобы поддержать дух южан. Конфедерация обречена. Она, как верблюд, живет сейчас за счет своего горба, но это не может длиться вечно. Я еще полгода попыхчу, прорывая блокаду, а потом закрою лавочку. Дольше рисковать нельзя. Я продам мои суда какому-нибудь дураку-англичанину, который возьмется за дело вместо меня. Так или иначе, меня это мало беспокоит. У меня уже достаточно денег в английских банках и золота. А никчемных бумажек я не держу.

И как всегда, это звучало очень убедительно. Другие могли бы назвать его речи изменническими, но Скарлетт в них угадывала правду и здравый смысл. И вместе с тем она

понимала, что это очень дурно, что она должна бы оскорбиться и вознегодовать. Однако ничего такого она на самом деле не испытывала, но притвориться, конечно, могла, дабы почувствовать себя более уважаемой и настоящей леди.

– Я склонна думать, что доктор Мид был прав в отношении вас, капитан Батлер. Единственный способ для вас обелить себя – это завербоваться в армию, как только вы продадите свои судна. Вы были в Вест-Пойнте и...

– Вы говорите совсем как баптистский проповедник, вербуемый новобранцев. А если я не стремлюсь обелить себя? Какой мне смысл сражаться ради сохранения общественного уклада, который сделал меня изгоем? Мне доставит удовольствие поглядеть, как он рухнет.

– Понятия не имею, что это за уклад – о чем вы говорите? – сказала она резко.

– Вот как? А ведь вы – часть его, так же как и я был когда-то, и могу побиться об заклад, что и вам он не больше по душе, чем мне. Почему я стал паршивой овцой в моей семье? По одной-единственной причине: потому что не хотел и не мог жить, сообразуясь с законами Чарльстона. А Чарльстон – это олицетворение Юга, его сгусток. Вы, верно, еще не poznали до конца, какая это смертная тоска. От вас требуют, чтобы вы делали тысячу каких-то ненужных вещей только потому, что так делалось всегда. И по той же причине тысячу совершенно безвредных вещей вам делать не дозволяется. А сколько при этом всевозможных нелепостей! Последней каплей, переполнившей чашу их терпения, был мой отказ жениться на некоей девице, о чем вы, вероятно, слышали. Почему я должен был жениться на беспросветной дуре только из-за того, что по воле случая не смог засветло доставить ее домой? И почему я должен был позволить ее бешеному братцу пристрелить меня, если стреляю более метко, чем он? Конечно, настоящий джентльмен дал бы себя продырявить и тем стер бы пятно с родового герба Батлеров. Ну, а я... я предпочел остаться в живых. Итак, я жив и получаю от этого немало удовольствия... Когда я думаю о своем брате, живущем среди почтенных чарльстонских тупиц и благоговеем перед ними, вспоминаю его тучную жену, его неизменные балы в день святой Цецилии и его бескрайние рисовые плантации, я испытываю удовлетворение от того, что покончил с этим навсегда. Весь уклад жизни нашего Юга, Скарлетт, такой же анахронизм, как феодальный строй средних веков. И достойно удивления, что этот уклад еще так долго продержался. Он обречен и сейчас идет к своему концу. А вы хотите, чтобы я прислушивался к краснобаям, вроде доктора Мида, которые уверяют меня, что мы защищаем справедливое и святое дело! Вы хотите, чтобы при звуках барабана я пришел в неопределимый экстаз, схватил мушкет и побежал в Виргинию, дабы сложить там голову? Что дает вам основание считать меня таким непроходимым идиотом? Я не из тех, кто лижет плетку, которой его отстегали. Юг и я квиты теперь. Юг вышвырнул меня когда-то из своих владений, предоставив мне подышать с голоду. Но я не подох и нажил столько денег на предсмертной агонии Юга, что это вполне вознаградило меня за утрату родовых прав. – Вы корыстолюбивы и чудовищны, – сказала Скарлетт, но без должного жара. Многие из того, что он говорил, пролетало мимо ее ушей, как это случалось всякий раз, когда разговор не касался непосредственно ее особы, но кое-что в его словах все же показалось ей толковым. Действительно, в светском кругу к людям предъявляется очень много глупых требований. Вот она должна почему-то притворяться, что схоронила свое сердце в могиле вместе с мужем, хотя это вовсе не так. И как все были шокированы, когда она вздумала потанцевать на благотворительном балу! И до чего же противно они поднимают брови, стоит ей только сказать или сделать что-нибудь чуточку не так, как все! И тем не менее ее злило, когда Ретт принимался высмеивать те самые обычаи, которые особенно сильно раздражали ее. Она слишком долго жила среди людей, приученных к вежливому притворству, и потому чувствовала себя не в своей тарелке, как только кто-то облакал ее мысли в слова.

– Корыстолюбив? О нет – просто дальновиден. Впрочем, может быть, это почти одно и то

же. Во всяком случае, люди не столь дальновидные, как я, вероятно, назовут это так. Любой преданный конфедерат, имевший в шестьдесят первом году тысячу долларов наличными, спокойно мог сделать то, что сделал я, но мало кто был достаточно корыстолюбив, чтобы использовать предоставляющиеся возможности. Вот к примеру: сразу после падения форта Самтер, когда еще не была установлена блокада, я купил по бросовым ценам несколько тысяч тюков хлопка и отправил их в Англию. Они и по сей день там, в пакгаузах Ливерпуля. Я их не продал. Я буду держать их до тех пор, пока английские фабрики, когда им потребуется хлопок, не дадут мне за них ту цену, которую я назначу. И я не слишком буду удивлен, если мне удастся получить по доллару за фунт.

– Получите, когда рак свистнет.

– Уверен, что получу. Хлопок уже идет по семьдесят два цента за фунт. Когда война кончится, я буду богатым человеком, Скарлетт, потому что я дальновиден – прошу прощения: корыстолюбив. Я уже говорил вам как-то, что большие деньги можно сделать в двух случаях: при созидании нового государства и при его крушении. При созидании это процесс более медленный, при крушении – быстрый. Запомните это. Быть может, когда-нибудь и пригодится.

– Очень вам признательна за добрый совет, – произнесла Скарлетт с самой ядовитой иронией, какую только сумела вложить в эти слова. – Но я в нем не нуждаюсь. Разве мой отец нищий? У него больше денег, чем мне нужно, и к тому же Чарли оставил мне наследство.

– Боюсь, что французские аристократки рассуждали точно так же, как вы, пока их не посадили на тележки.

Не раз и не два доводилось Скарлетт слышать от Ретта Батлера, что ее траурный наряд выглядит нелепо, раз она принимает участие во всех светских развлечениях. Ему нравились яркие цвета, и ее черные платья и черный креп, свисавший с чепца до полу, и раздражали его и смешили. Но она упорствовала и оставалась верна своим мрачным черным платьям и вуали, понимая, что, сняв траур раньше положенного срока, навлечет на себя еще больше пересудов. Да и как объяснит она это матери?

Ретт Батлер заявил ей без обиняков, что черная вуаль делает ее похожей на ворону, а черные платья старят на десять лет. Столь нелюбезное утверждение заставило ее броситься к зеркалу: неужто она и в самом деле в восемнадцать лет выглядит на двадцать восемь?

– Никак не думал, что, у вас так мало самолюбия и вам хочется походить на миссис Мерриуэзер! – говорил он, стараясь ее раздражить. – И так мало вкуса, чтобы продемонстрировать свою скорбь, которой вы вовсе не испытываете, с помощью этой безобразной вуали. Предлагаю пари. Через два месяца я стащу с вашей головы этот чепец и этот креп и водружу на нее творение парижских модисток.

– Еще чего! Нет, нет, и перестаньте об этом говорить, – сказала Скарлетт, уязвленная его намеками о Чарльзе. А Ретт Батлер, снова собиравшийся в путь – в Уилмингтон и оттуда – в Европу, ушел, усмехаясь.

И вот как-то ясным летним утром, несколько недель спустя, он появился снова с пестрой шляпной картонкой в руке и, предварительно убедившись, что в доме, кроме Скарлетт, никого нет, открыл перед ней эту картонку. Там, завернутая в папиросную бумагу, лежала шляпка при виде которой Скарлетт вскричала:

– Боже, какая прелесть! – и выхватила ее из картонки. Она так давно не видела и тем паче не держала в руках новых нарядов, так изголодалась по ним, что шляпка эта показалась ей самой прекрасной шляпкой на свете. Она была из темно-зеленой тафты, подбита бледно-зеленым муаром и завязывалась под подбородком такими же бледно-зелеными лентами шириной н

ладонь. А вокруг полей этого творения моды кокетливейшими завитками были уложены зеленые страусовые перья.

– Наденьте ее, – улыбаясь, сказал Ретт Батлер. Скарлетт метнулась к зеркалу, надела шляпку, подобрала волосы так, чтобы видны были сережки, и завязала ленты под подбородком.

– Идет мне? – воскликнула она, повертываясь из стороны в сторону и задорно вскинув голову, отчего перья на шляпке заколыхались. Впрочем, она знала, что выглядит очаровательно, еще прежде, чем прочла одобрение в его глазах. Она и вправду была прелестна, и в зеленых отсветах перьев и лент глаза ее сверкали как два изумруда.

– О Ретт! Чья это шляпка? Я куплю ее. Я заплачу за нее все, что у меня сейчас есть, все до последнего цента.

– Это ваша шляпка, – сказал он. – Какая женщина, кроме вас, может носить эти зеленые цвета? Не кажется ли вам, что я довольно хорошо запомнил оттенок ваших глаз?

– Неужели вы делали ее для меня по заказу?

– Да, и вы можете прочесть на картонке: «Рю де ла Пэ» [note 5](#) – если это вам что-нибудь говорит.

Ей это не говорило ровным счетом ничего, она просто стояла и улыбалась своему отражению в зеркале. В эти мгновения для нее вообще не существовало ничего, кроме сознания, что она неотразима в этой прелестной шляпке – первой, которую ей довелось надеть за истекшие два года. О, каких чудес может она натворить в этой шляпке! И вдруг улыбка ее померкла.

– Разве она вам не нравится?

– О, конечно, это не шляпа, а... сказка... Но покрыть это сокровище черным крепом и выкрасить перья в черный цвет – об этом даже помыслить страшно!

Он быстро шагнул к ней, его проворные пальцы мгновенно развязали бант у нее под подбородком, и вот уже шляпка снова лежала в картонке.

– Что вы делаете? Вы сказали, что она моя!

– Нет, не ваша, если вы намерены превратить ее во вдовый чепец. Я постараюсь найти для нее другую очаровательную леди с зелеными глазами, которая сумеет оценить мой вкус.

– Вы этого не сделаете! Я умру, если вы отнимете ее у меня! О, Ретт, пожалуйста, не будьте гадким! Отдайте мне шляпку.

– Чтобы вы превратили ее в такое же страшилище, как все остальные ваши головные уборы? Нет.

Скарлетт вцепилась в картонку. Позволить ему отдать какой-то другой особе это чудо, сделавшее ее моложе и привлекательнее во сто крат? О нет, ни за что на свете! На мгновение мелькнула мысль о том, в какой ужас придут тетушка Питти и Мелани.

Потом она подумала об Эллин, и по спине у нее пробежала дрожь. Но тщеславие победило.

– Я не стану ее переделывать. Обещаю. Ну, отдайте же! Ироническая усмешка тронула его губы. Он протянул ей картонку и смотрел, как она снова надевает шляпку и охоращивается.

– Сколько она стоит? – внезапно спросила она, и лицо ее опять потускнело. – У меня сейчас только пятьдесят долларов, но в будущем месяце...

– В пересчете на конфедератские деньги она должна бы стоить что-нибудь около двух тысяч долларов, – сказал Ретт Батлер и снова широко ухмыльнулся, глядя на ее расстроенное лицо.

– Так дорого... Но может быть, если я дам вам сейчас пятьдесят долларов, а потом, когда получу...

– Мне не нужны ваших денег, – сказал он. – Это подарок.

Скарлетт растерялась. Черта, отделявшая допустимое от недопустимого во всем, что

касались подарков от мужчин, была проведена очень тщательно и абсолютно четко.

«Только конфеты и цветы, моя дорогая, – не раз наставляла ее Эллин. – Ну, еще, пожалуй, иногда книгу стихов, или альбом, или маленький флакончик туалетной воды. Вот и псе, что настоящая леди может принять в подарок от джентльмена. Никаких ценных подарков, даже от жениха. Ни под каким видом нельзя принимать украшения и предметы дамского туалета – даже перчатки, даже носовые платки. Стоит хоть раз принять такой подарок, и мужчины поймут, что ты не леди, и будут позволять себе вольности».

«О господи! – думала Скарлетт, глядя то на свое отражение в зеркале, то на непроницаемое лицо Ретта Батлера. – Сказать ему, что я не могу принять его подарок? Нет, я не в состоянии. Это же божество, а не шляпка! Лучше уж... лучше уж пусть позволит себе вольности.., какие-нибудь маленькие, конечно». Придя в ужас от собственных мыслей, она густо покраснела.

– Я... я дам вам пятьдесят долларов...

– Дадите – я выброшу их в канаву. Нет, лучше закажу мессу за спасение вашей души. Я не сомневаюсь, что вашей душе не повредят несколько месс.

Она невольно рассмеялась, и отражение в зеркале смеющегося личика под зелеными полями шляпки внезапно само все за нее решило.

– Чего вы пытаетесь от меня добиться?

– Я пытаюсь соблазнять вас подарками, чтобы все ваши детские представления о жизни выветрились у вас из головы и вы стали воском в моих руках, – сказал он. – «Вы не должны принимать от джентльменов ничего, кроме конфет и цветов, моя дорогая», – передразнил он воображаемую дуэнью, и она невольно расхохоталась.

– Вы хитрый, коварный, низкий человек, Ретт Батлер. Вы прекрасно понимаете, что эта шляпка слишком хороша, что против нее невозможно устоять.

Он откровенно любовался ею, но во взгляде его, как всегда, была насмешка.

– Что мешает вам сказать мисс Питти, что вы дали мне кусочек тафты и зеленого шелка и набросали фасон шляпки, а я выжал из вас за это пятьдесят долларов?

– Нет. Я скажу, что сто долларов, и слух об этом разнесется по всему городу, и все позеленеют от зависти и будут осуждать меня за расточительность. Но, Ретт, вы не должны привозить мне таких дорогих подарков. Вы ужасно добры, только я, право же, не могу больше ничего от вас принимать.

– В самом деле? Ну так вот: я буду привозить вам подарки до тех пор, пока это доставляет мне удовольствие и пока мне будут попадаться на глаза какие-нибудь предметы, способные придать вам еще больше очарования. Я привезу вам на платье темно-зеленого муара в тон этой шляпке. И предупреждаю вас – я вовсе не так добр. Я соблазняю вас шляпками и разными безделушками и толкаю в пропасть. Постарайтесь не забывать, что я ничего не делаю без умысла и всегда рассчитываю получить что-то взамен. И всегда беру свое.

Взгляд его темных глаз был прикован к ее лицу, к ее губам. Скарлетт опустила глаза, ее опалило жаром. Сейчас он начнет позволять себе вольности, как и предупреждала Эллин. Сейчас он ее поцелует, то есть будет пытаться поцеловать, а она в своем смятении еще не знала, как ей следует поступить. Если она не позволит ему, он может содрать шляпку с ее головы и подарить какой-нибудь девице. А если она позволит невинно чмокнуть ее разок в щечку, то он, пожалуй, привезет ей еще какие-нибудь красивые подарки в надежде снова сорвать поцелуй. Мужчины, как ни странно, придают почему-то огромное значение поцелуям. И очень часто после одного поцелуя совершенно теряют голову, влюбляются и, если вести себя умно и больше ничего им не позволять, начинают вытворять такое, что на них бывает забавно смотреть. Увидеть Ретта Батлера, у своих ног, услышать от него признание в любви, мольбы о поцелуе, об улыбке... О да, она подарит ему этот поцелуй.

Но он не сделал никакой попытки ее поцеловать. Она украдкой поглядела на него из-под ресниц и пробормотала, желая его поощрить:

– Так вы всегда берете свое? Что же вы надеетесь получить от меня?

– Поглядим.

– Ну, если вы думаете, что я выйду за вас замуж, чтобы расплатиться за шляпку, то не надейтесь, – храбро заявила она, надменно вскинув голову и тряхнув страусовыми перьями.

Он широко улыбнулся, сверкнув белыми зубами под темной полоской усов. – Мадам, вы себе льстите! Я не хочу жениться на вас, да и ни на ком другом. Я не из тех, кто женится.

– Ах, вот как! – воскликнула она, совершенно озадаченная, понимая, что, значит, теперь уж он непременно начнет позволять себе вольности. – Но и целовать меня я вам тоже не позволю.

– Зачем же вы тогда так смешно выпячиваете губки?

– О! – воскликнула она, невольно глянув в зеркало и увидев, что губы у нее и в самом деле сложились, как для поцелуя. – О! – повторила она и, теряя самообладание, топнула ногой. – Вы – чудовище! Вы самый отвратительный человек на свете, и я не желаю вас больше знать!

– Если это действительно так, вам следует прежде всего растоптать эту шляпку. Ого, как вы разгневались! И между прочим, вам это очень к лицу, о чем вы, вероятно, сами знаете. Ну же, Скарлетт, растопчите шляпку – покажите, что вы думаете обо мне и о моих подарках!

– Только посмейте прикоснуться к шляпке! – воскликнула Скарлетт, ухватившись обеими руками за бант и отступая на шаг. Ретт Батлер, тихонько посмеиваясь, подошел к ней и, взяв ее за руки, сжал их.

– Ох, Скарлетт, какой же вы еще ребенок, это просто раздирает мне сердце, – сказал он. – Я поцелую вас, раз вы, по-видимому, этого ждете. – Он наклонился, и она почувствовала легкое прикосновение его усов к своей щеке. – Вам не кажется, что теперь вы должны для соблюдения приличий дать мне пощечину?

Гневные слова готовы были сорваться с ее губ, но, подняв на него взгляд, она увидела такие веселые искорки в темной глубине его глаз, что невольно расхохоталась. Что за несносный человек – почему он вечно ее дразнит? Если он не хочет жениться на ней и даже не хочет ее поцеловать, то что же ему от нее нужно? Если он не влюблен в нее, то зачем так часто приходит и приносит ей подарки?

– Так-то лучше, – сказал он. – Я оказываю на вас плохое влияние, Скарлетт, и, будь у вас хоть немножко благоразумия, вы бы выставили меня за дверь... Если, конечно, сумели бы. От меня ведь не так просто отделаться. Я приношу вам вред.

– Вред?

– Разве вы сами не видите? После нашей встречи на благотворительном базаре вы стали вести себя совершенно скандально и главным образом по моей вине. Кто подбил вас пойти танцевать? Кто заставил вас признать, что наше доблестное священное Дело вовсе не доблестное и не священное? Кто выудил у вас еще одно признание: что надо быть дураком, чтобы идти умирать за громкие слова? Кто помог вам дать старым ханжам столько пищи для сплетен? Кто подстрекает вас снять траур на несколько лет раньше срока? И кто, наконец, склонил вас принять подарок, который ни одна леди не может принять, не потеряв права называться леди?

– Вы льстите себе, капитан Батлер. Я вовсе не делала ничего такого скандального, а если и делала, то без вашей помощи.

– Сомневаюсь, – сказал он. Лицо его внезапно стало сурово и мрачно. – Вы и по сей день были бы убитой горем вдовой Чарльза Гамильтона, и все превозносили бы вашу самоотверженную заботу о раненых. А впрочем, в конце-то концов...

Но Скарлетт его уже не слушала: она стояла перед зеркалом и снова с упоением рассматривала себя, решив, что сегодня же после обеда наденет шляпку, когда понесет в

госпиталь цветы для выздоравливающих офицеров. До ее сознания не дошла скрытая в его словах правда. Она не отдавала себе отчета в том, что Ретт Батлер вырвал ее из оков вдовства, что благодаря ему она обрела ту свободу, которая позволяла ей снова царить среди незамужних девиц в то время, как для нее все эти утехи давно должны были остаться позади. Не замечала она и того, как под его влиянием уходила все дальше и дальше от всего, чему наставляла ее Эллин. Перемены ведь совершались исподволь. Пренебрегая то одной маленькой условностью, то другой, она не улавливала между этими поступками связи, и тем более ей совсем было невдомек, что они имеют какое-то отношение к Ретту Батлеру. Она даже не сознавала, что, подстрекаемая им, идет наперекор строжайшим запретам Эллин, нарушает приличия и забывает суровые правила поведения настоящей леди.

Она понимала только, что эта шляпка ей к лицу, как ни одна другая на свете, – что она не стоила ей ни цента и что Ретт Батлер, должно быть, все же влюблен в нее, хотя и не хочет в этом признаться. И тут же приняла решение найти способ вырвать у него это признание.

На следующий день Скарлетт, стоя перед зеркалом с расческой в руке и шпильками в зубах, пыталась соорудить себе новую прическу, которая, по словам Мейбелл, только что вернувшейся из поездки к мужу в Ричмонд, была в столице последним криком моды. Прическа называлась «Крысы, мыши и кошки» и представляла немало трудностей для освоения. Волосы разделялись прямым пробором и укладывались тремя рядами локонов разной величины по обе стороны от пробора. Самые крупные, ближе к пробору – были «кошки». Укрепить «кошек» и «крыс» оказалось делом нетрудным, но «мыши» никак не хотели держаться, и шпильки выскакивали, приводя Скарлетт в отчаяние. Тем не менее она твердо решила добиться своего, так как ждала к ужину Ретта Батлера, и от его внимания никогда не ускользало, если ей удавалось как-то обновить свой наряд или прическу.

Сражаясь с пушистыми, непокорными локонами и покрываясь от усилий испариной, она услышала легкие быстрые шаги внизу в холле и поняла, что Мелани вернулась из госпиталя. Но Мелани летела по лестнице, прыгая через ступеньки, и рука Скарлетт с зажатой в пальцах шпилькой замерла в воздухе. Что-то случилось – Мелани всегда двигалась степенно, как и подобает соломенной вдове. Скарлетт поспешила к двери, распахнула ее, и Мелани, перепуганная, с пылающими щеками, вбежала в комнату, глядя на Скарлетт молящими глазами нашкодившего ребенка.

По лицу ее струились слезы, капор болтался на лентах за спиной, кринолин еще продолжал колыхаться. Она что-то сжимала в руке, и по комнате распространялся сладковатый удушливый запах дешевых духов. – О Скарлетт! – воскликнула Мелани, захлопывая за собой дверь и падая на кровать. – Тетя Питти дома? Ее нет? О, слава богу, Скарлетт, я в таком ужасе, я этого не переживу! Мне казалось, я сейчас упаду в обморок, о Скарлетт, дядюшка Питер грозитя все рассказать тете Питти!

– Что рассказать?

– То, что я разговаривала с этой.., мисс.., миссис... – Мелани принялась обмахивать лицо платочком. – С этой женщиной с рыжими волосами, с Красоткой Уотлинг!

– Бог с тобой, Мелли! – Скарлетт была так шокирована, что не могла больше вымолвить ни слова.

Красотка Уотлинг была та самая рыжеволосая женщина, которая привлекла внимание Скарлетт на улице в день ее приезда в Атланту, а теперь стала уже самой известной личностью в городе. Следом за солдатами в город хлынули проститутки, но Красотка Уотлинг рыжей копной своих волос и сверхмодными кричащими туалетами затмевала их всех. Ее не часто можно было увидеть на Персиковой улице или в других благопристойных кварталах, если же она там появлялась, порядочные женщины спешили перейти на другую сторону, чтобы поскорее

отдалиться от нее на приличное расстояние. А Мелани с ней разговаривала? Не мудрено, что дядюшка Питер был потрясен.

– Я умру, если тетя Питти узнает! Ты же понимаешь, она подымет крик на весь город, и я погибла, – рыдала Мелани. – А я не виновата! Я.., я просто не могла убежать от нее. Это было бы так чудовищно грубо. Мне.., мне стало жалко ее, Скарлетт. Ты не будешь считать меня слишком испорченной?

Но моральная сторона вопроса меньше всего волновала Скарлетт. Как большинство невинных, хорошо воспитанных молодых женщин, она была полна жадного любопытства по отношению к проституткам.

– А чего она от тебя хотела? Как она изъясняется?

– Ой, говорит она ужасно безграмотно! Но она так старалась выражаться изысканно, бедняжка! Я вышла из госпиталя, смотрю, а дядюшки Питера с коляской нет, ну я и решила прогуляться пешком. А как только поравнялась с эмерсоновским палисадником, вижу – она стоит там и выглядывает из-за живой изгороди! Какое счастье, что Эмерсонов нет в городе – они в Мейконе! А она и говорит: «Извините, миссис Уилкс, можно мне с вами перемолвиться словечком?» Не понимаю, откуда она может знать мое имя? Конечно, я должна была бы убежать от нее со всех ног, но, понимаешь, Скарлетт, у нее было такое грустное лицо, и.., ну, вроде как умоляющее. И на ней было черное платье и черный капор, и она совсем не была накрашена, словом, выглядела вполне прилично, если бы не эти ее рыжие волосы. И не успела я даже ничего ей ответить, как она говорит: «Я знаю, что не должна бы беспокоить вас, но я пыталась поговорить с этой старой индюшкой, миссис Элсинг, а она выгнала меня из госпиталя».

– Она так и сказала – «индюшкой»? – очень довольная, переспросила Скарлетт и расхохоталась.

– Пожалуйста, не смейся. Это вовсе не смешно. Оказывается, эта мисс.., эта женщина хочет что-то сделать для госпиталя – можешь ты такое вообразить? Она предложила свои услуги – приходите по утрам ухаживать за ранеными, и миссис Элсинг, понятно, едва не лишилась чувств и приказала ей немедленно удалиться. И тогда та сказала: «Я тоже хочу быть полезной. Я тоже конфедератка, и, может, почище вас!» И понимаешь, Скарлетт, она просто тронула меня этим своим желанием помочь. Значит, она не такая уж испорченная, если хочет помочь нашему Делу. Или ты считаешь, что это я испорченная?

– Господи, Мелани, ну какое это имеет значение – испорченная ты или нет! Что она еще сказала?

– Она сказала, что смотрела на дам, которые приходят в госпиталь, и решила.., решила, что у меня доброе лицо, и вот остановила меня. У нее с собой были какие-то деньги, и она хотела, чтобы я взяла их для нужд госпиталя и ни одной душе не проговорилась, от кого они. Она сказала, что миссис Элсинг нипочем не позволит принять их, если узнает, что это за деньги. Что за деньги – понимаешь? Вот тут я чуть не лишилась чувств! И так растерялась, так хотела скорей уйти, что сказала: «Да, да, конечно, как это мило с вашей стороны!» или что-то еще, столь же идиотское, а она улыбнулась и сказала: «Вот это по-христиански», – и сунула этот грязный платок мне в руку. Фу! Слышишь, какой аромат?

И Мелани протянула Скарлетт мужской платок – сильно надушенный и довольно грязный, – в который было завязано несколько монет.

– Потом она все за что-то благодарила и сказала, что будет приносить мне деньги каждую неделю, и тут как раз подъехал дядюшка Питер и увидел меня! – Мелани разрыдалась и уткнулась головой в подушку. – А когда он узрел, с кем я стою, он, – подумай, Скарлетт! – он стал кричать на меня. Никогда еще в жизни никто так на меня не кричал. Он сказал: «Сей же минут полезайте в коляску!» Ну конечно, я села в коляску, и всю дорогу до самого дома он

честил меня на чем свет стоит, и не давал сказать ни слова в оправдание, и заявил, что расскажет все тете Питти. Скарлетт, прошу тебя, спустись вниз и попроси его ничего ей не говорить. Если тетушка узнает хотя бы то, что я лицом к лицу столкнулась с этой женщиной на улице, это ее убьет. Скарлетт, ты попросишь?

– Хорошо, попрошу. Но сначала давай посмотрим, сколько там денег. Узелок тяжелый.

Она развязала платок и высыпала на постель горсть золотых монет.

– Скарлетт, тут пятьдесят долларов! И все золотом! – совершенно потрясенная, воскликнула Мелани, пересчитав блестящие желтые кружочки. – Как ты думаешь, это допустимо – воспользоваться такими.., ну, добытыми таким путем.., деньгами для наших воинов? Мне кажется, господь поймет, что она хотела только добра, и не осудит нас за эти бесчестные деньги? Как вспомню о том, сколько у госпиталя нужд...

Но Скарлетт ее не слушала. Она смотрела на грязный платок, и чувство унижения и злоба закипали в ее душе. В углу платка была вышита монограмма: «Р.К.Б.». А в верхнем ящике ее комода хранился платок с такой же точно монограммой. Не далее как вчера Ретт Батлер обернул этим! платком стебли полевых цветов, которые они вместе собирали. Она хотела вернуть ему платок вечером за ужином.

Так, значит, Ретт таскается к этой твари Уотлинг и не жалеет на нее денег? Вот из какого кармана поступило пожертвование на госпиталь! Золото, нажитое на контрабанде. И этот человек еще имеет наглость смотреть порядочным женщинам в глаза, после того как он был с этой тварью! И подумать только, что она могла поверить, будто он в нее влюблен! Теперь-то уж ясно, что это сплошное вранье.

Дурные женщины и все, что их окружало, были для Скарлетт чем-то отталкивающим и вместе с тем таинственным. Она знала, что мужчины посещают таких женщин, преследуя при этом цели, о которых ни одна воспитанная леди не отважится даже намекнуть, а уж если намекнет, то только шепотом, в самых туманных выражениях. И она всегда считала, что только грубые, неотесанные мужики могут посещать таких женщин. До этой минуты ей и в голову не приходило, что порядочные мужчины – те, с которыми она встречается в приличных домах, с кем она танцует, – могут позволить себе такое. Это давало ее мыслям совершенно неожиданное направление, и перед ней открывалось нечто пугающее. Может быть, все мужчины так поступают? Уже достаточно отвратительно то, что они принуждают своих жен проделывать с ними непристойности, но чтобы еще бегать к этим гадким женщинам и платить им за подобные услуги! Нет, все мужчины омерзительны, а Ретт Батлер хуже всех!

Она бросит этот платок ему в лицо, и укажет на дверь, и никогда, никогда больше не перемолвится с ним ни единым словом. Впрочем, нет, этого ни в коем случае нельзя делать – он же никак, ни под каким видом не должен знать, что она может хотя бы подозревать о существовании таких женщин, а тем более о том, что он их посещает. Ни одна настоящая леди не должна признаваться в этом.

«Ох! Не будь я леди, я бы уж такое сказала этому подонку!» – в бешенстве подумала она.

И, скомкав платок в руке, Скарлетт спустилась в кухню к дядюшке Питеру. Проходя мимо плиты, она бросила платок в огонь и в бессильной ярости смотрела, как его пожирает пламя.

К началу лета 1863 года в сердцах южан снова запылала надежда. Невзирая на все трудности, лишения, спекуляцию и прочие бедствия, невзирая на болезни, страдания и смерть, которыми был отмечен почти каждый дом, Юг снова и даже с большей уверенностью, чем прошлым летом, восклицал: «Еще одна победа – и войне конец!» Янки оказались крепким орешком, но этот орешек начинал трещать.

Рождество 1862 года было счастливым для Атланты, да и для всего Юга. Конфедерация одержала ошеломляющую победу при Фредериксберге – убитых и раненых янки насчитывались тысячи. Святки на Юге проходили при всеобщем ликовании; в ходе войны наметился перелом. Необстрелянные новобранцы превратились теперь в закаленных бойцов, генералы на деле проявили свой пыл, и ни у кого не было сомнений в том, что с началом весенней кампании янки будут окончательно разгромлены.

Пришла весна, и бои возобновились. В мае Конфедерация одержала еще одну крупную победу – при Чанселорсвилле. Юг ревел от восторга.

Еще более воодушевляющее впечатление произвел прорыв кавалерии северян в Джорджию, обернувшийся триумфом Конфедерации. Люди долго после этого смеялись и хлопали друг друга по спине, приговаривая: «Да, сэр, уж ежели старина Натан Бедфорд Форрест налетит на них, им лучше сразу улепетывать!» В конце апреля полковник Строит со своей кавалерией в тысячу восемьсот всадников внезапно ворвался в Джорджию с намерением занять Ром, расположенный всего в шестидесяти милях севернее Атланты. Он лелеял заманчивый план: перерезать главную железную дорогу между Атлантой и Теннесси, затем свернуть к югу на Атланту и уничтожить все военные заводы и арсеналы, сосредоточенные в этом городе, от которого теперь зависела судьба Конфедерации.

Это был дерзкий план, и в случае удачи он мог бы обойтись Конфедерации недешево, но опять выручил Форрест. Со своей кавалерией, равной по численности одной трети сил противника, – но поглядели бы вы, что это были за всадники! – он бросился в погоню, заставил противника принять бой, прежде чем тот успел добраться до Рома, и не давал ему покоя ни днем, ни ночью, пока не взял всех в плен!

Весть об этом достигла Атланты почти одновременно с сообщением о победе при Чанселорсвилле, и город ликовал и помирал со смеху. Победа при Чанселорсвилле была, разумеется, крупной военной удачей, но захваченная в плен конница Стрейтаставляла янки просто на всеобщее посмешище.

«Да, сэр, лучше уж им не связываться со стариной Форрестом», – потешались в Атланте, снова и снова пересказывая друг другу эту новость.

Удача теперь явно сопутствовала Конфедерации, и люди радовались столь благоприятному повороту фортуны. Правда, янки под командованием генерала Гранта с середины мая осаждали Виксберг. Правда, Юг понес невосполнимую потерю, когда Несокрушимый Джексон был смертельно ранен при Чанселорсвилле. Правда, Джорджия потеряла одного из своих храбрейших и талантливейших сыновей в лице генерала Т. – Р. – Р. Кобба, убитого в сражении при Фредериксберге. Но после таких поражений, как при Фредериксберге и Чанселорсвилле, янки уже не смогут долго продержаться. Они вынуждены будут сложить оружие, и этой жестокой войне придет конец.

В первых числах июля пронесся слух, что войска генерала Ли вступили в Пенсильванию. Генерал Ли на территории неприятеля! Ли наступает! Эта битва будет последней!

Атланта волновалась, торжествовала и жаждала мщения. Теперь янки на собственной шкуре

почувствуют, какво это – вести войну на своей земле. Теперь они узнают, какво это – когда твои плодородные земли вытоптаны, дома сожжены, кони и скот угнаны, старики и юноши взяты под стражу, а женщинам и детям угрожает голодная смерть!

Всем было хорошо известно, что творили янки в Миссури, в Кентукки, в Теннесси, в Виргинии. Даже малые ребятишки, дрожа от ненависти и страха, могли бы поведать об ужасах, содеянных янки на покоренных землях. В Атланте уже было полно беженцев из восточных районов Теннесси, и город узнавал из первых рук о перенесенных ими страданиях. Там, как во всех пограничных с Северными штатами областях, сторонники Конфедерации были в меньшинстве, и война обернулась к ним самой страшной своей стороной, ибо сосед доносил на соседа и брат убивал брата. Все беженцы требовали в один голос, чтобы Пенсильванию превратили в пылающий костер, и даже деликатнейшие старые дамы не могли при этом скрыть своего мрачного удовлетворения.

Когда же стали поступать сообщения, что Ли издал приказ: частная собственность пенсильванцев неприкосновенна, мародерство будет караться смертью, а все реквизированное имущество армия будет оплачивать, – репутация генерала едва не пошатнулась, несмотря на весь его огромный авторитет. Запретить солдатам пользоваться добром, припрятанным на складах этого преуспевающего штата? О ком он печется, генерал Ли? А наши мальчики разутые, раздетые, голодные, без лошадей!

Торопливое письмо Дарси Мида доктору было первой ласточкой, долетевшей до Атланты в эти дни начала июля. Оно переходило из рук в руки, и возмущение росло.

«Па, не можешь ли ты раздобыть мне пару сапог? Уже вторую неделю я хожу босиком и потерял всякую надежду, что меня обуют. Будь у меня не такие здоровущие ноги, я мог бы снять сапоги с какого-нибудь убитого янки, как делают многие из наших ребят, но мне не подалось еще ни одного янки, чьи сапоги были бы мне впору. А если раздобудешь, не отправляй по почте. Кто-нибудь все равно присвоит их, и я даже никого не могу за это винить. Посади Фила в поезд, пусть он мне их привезет. Я тебе скоро напишу, где меня найти. Пока я знаю только, что мы движемся на север. Сейчас мы в Мериленде, и все говорят, что нас направляют в Пенсильванию.

Па, я думал, что мы отплатим янки их же монетой, но генерал сказал «Нет!», а лично я готов стать к стенке за удовольствие подпалить дом какого-нибудь янки. Сегодня, па, мы промаршировали через такие огромные кукурузные плантации, каких я отродясь не видывал. У нас такой кукурузы не растет. Признаться, мы немножко поживились там украдкой, ведь все мы здорово голодны, а генералу от этого не убудет, поскольку он ничего не узнает. Впрочем, незрелая кукуруза не слишком-то пошла нам на пользу. Все ребята и без того мучаются животом, а от кукурузы им стало еще хуже. Ранение в ногу не так тяжело в походе, как понос. Па, пожалуйста, постарайся раздобыть мне сапоги. Я теперь уже капитан, а капитан должен иметь хотя бы сапоги, даже если у него нет нового мундира и эполет».

Но так или иначе войска вступили уже в Пенсильванию, и только это, собственно, и имело значение. Еще одна победа, и войне конец, и у Дарси Мида будет столько сапог, сколько его душе потребно, и наши ребята промаршируют обратно домой, и наступят счастливые дни для всех. Серые глаза миссис Мид подергивались влагой, когда она рисовала себе своего сына-воина, возвратившегося наконец под родной кров, чтобы больше никогда его не покидать.

Однако третьего июля телеграфные сообщения с севера внезапно прекратились, и молчание это длилось до следующего полудня, когда в штаб стали поступать отрывочные, сумбурные сведения. В Пенсильвании, около маленького городка под названием Геттисберг, произошло большое сражение, в которое генерал Ли бросил всю свою армию. Сведения были неточны и сильно запаздывали, так как бои шли на неприятельской территории и сообщения поступали сначала в Мериленд, откуда передавались в Ричмонд и уж затем – в Атланту.

Напряжение возрастало, и по городу начал расползаться страх. Незнание страшнее всего. Семьи, не знавшие, где именно воюют их сыновья, молили бога, чтобы они не оказались в Пенсильвании, те же, чьи близкие были в одном полку с Дарси Мидом, стиснув зубы, заявляли, что рады выпавшей на долю этих храбрецов чести участвовать в великой битве, которая нанесет янки последнее и окончательное поражение.

В доме тетушки Питтипэт три женщины избегали смотреть друг другу в глаза, не умея скрыть поселившийся в их душах страх. Эшли служил в одном полку с Дарси.

Пятого июля поступили дурные вести, но не с северного, а с западного фронта. После долгой и ожесточенной осады пал Виксберг, и вся долина реки Миссисипи От Сент-Луиса до Нового Орлеана была теперь фактически в руках янки. Армия конфедератов оказалась расколота надвое. В другое время такое тяжелое известие произвело бы в Атланте смятение и вызвало горестный плач. Но сейчас всем было уже не до Виксберга. Мысли всех были прикованы к Пенсильвании и к генералу Ли, который вел там бои. Потеря Виксберга – это еще не катастрофа, если Ли удастся одержать победу на Востоке. Там – Филадельфия, Нью-Йорк, Вашингтон. Потеря этих городов парализует Север и возместит с лихвой поражение на Миссисипи.

Тяжко, медленно тянулись часы, и черная туча бедствия нависла над городом, заслонив собою даже блеск солнца, и люди невольно поглядывали на небо, словно дивясь безмятежной голубизне там, где они ожидали увидеть грозные облака. И повсюду – на крылечках, на тротуарах, даже на мостовой – женщины стали собираться кучками, стараясь подбодрить друг друга, уверяя друг друга, что отсутствие вестей – это хорошая весть, и не позволяя себе пасть духом. Но зловещие слухи, что генерал Ли убит, сражение проиграно и потери убитыми и ранеными неисчислимы, словно обезумевшие от страха летучие мыши, носились над притихшим в ожидании городом. И как ни старались люди не верить этим слухам, охваченные паникой толпы народа устремились со всей округи в город, осаждая редакции газет и военные учреждения, добываясь известий с фронта, любых известий, пусть самых страшных.

Толпы заполнили вокзал – в надежде узнать что-нибудь от прибывающих с поездами; толпы собирались у телеграфного агентства, у штаба, перед закрытыми дверями редакций газет. Люди стояли странно молчаливые, но количество их все росло и росло. Почти не слышно было голосов. Одиноко прозвучит порой чей-то дрожащий старческий голос и замрет, не вызвав отклика в толпе, лишь усугубив тягостное молчание, когда в ответ ему раздастся уже стократно повторявшееся: «Никаких телеграфных известий с Севера, идут бои». По краям толпы появлялось все больше и больше женщин в колясках, некоторые подходили и пешком, толпа густела, воздух становился все душнее от пыли, поднятой бесчисленным количеством ног. Женщины молчали, но их бледные, напряженные лица были выразительнее самой душераздирающей мольбы.

В городе почти не оставалось дома, который не отдал бы фронту отца, сына, брата, мужа или возлюбленного. И известие о смерти могло прийти в любую семью. Его ждали все. Но поражения не ждал никто. Такую мысль все отметали прочь. Быть может, в эту самую минуту их мужья и сыновья умирают на выжженных солнцем травянистых склонах пенсильванских холмов. Быть может, сейчас ряды южан падают как подкошенные под градом пуль, но Дело, за которое они отдадут жизнь, должно победить. Быть может, они будут гибнуть тысячами, но, словно из-под земли тысячи и тысячи новых воинов в серых мундирах станут на их место с мятежным кличем на устах. Откуда они возьмутся, эти воины, никто не знал. Но все знали – знали так же твердо, как то, что есть на небесах бог, справедливый и карающий: генерал Ли умеет творить чудеса и виргинская армия непобедима.

Скарлетт, Мелани и мисс Питтипэт сидели в коляске с опущенным верхом перед зданием редакции «Дейли экземинар», укрываясь от солнца зонтиками. У Скарлетт так дрожали руки, что зонтик подпрыгивал у нее над головой. Тетушка Питтипэт от волнения дергала носом, как кролик, но Мелани сидела словно мраморное изваяние, и только глаза ее, казалось, с каждой минутой темнели и становились все огромней. На протяжении двух часов она произнесла всего несколько слов, когда, достав из ридикюля флакончик с нюхательными солями, протянула его тетушке Питтипэт и впервые в жизни сказала без обычной нежности и сочувствия в голосе:

– Понюхайте, если вам дурно. А если тем не менее вам станет совсем дурно – ничего не поделаешь, придется дядюшке Питтеру отвезти вас домой, но предупреждаю: я отсюда не уеду, пока не узнаю о.., пока не узнаю. И Скарлетт останется со мной, я ее не отпущу.

А Скарлетт и не собиралась уезжать, не собиралась сидеть дома, где она не сможет первой узнать о судьбе Эшли, Если бы даже тетушка Питти стала отдавать богу душу, Скарлетт все равно не двинулась бы с места. Где-то там сражался Эшли, быть может, умирал, и только здесь, в редакции газеты, могла она узнать о нем правду.

Она окидывала взглядом толпу, выискивая знакомых и соседей: вон миссис Мид, в сбившемся на сторону капоре крепко вцепилась в локоть пятнадцатилетнего Фила; вон сестры Маклюр – губы у них дрожат, обнажая лошадиные зубы; вон миссис Элсинг сидит прямая, как истинная спартанка, и только выбившиеся из шиньона седые локоны выдают ее скрытое волнение; а рядом с ней Фэнни Элсинг, бледная как смерть. (Быть не может, чтобы Фэнни так тревожилась за своего брата Хью! Неужто она проводила на войну любимого, о котором никто не подозревает?) Вон миссис Мерриуэзер в своей коляске успокаивающе похлопывает по руке Мейбелл, которая уже столь явно брюхата, что, сколько бы она ни куталась в шаль, все равно неприлично показываться на людях в таком виде. А ей-то чего уж так тревожиться? Ни разу не сообщалось о том, чтобы луизианские войска перебрасывали в Пенсильванию. Вероятнее всего, ее волосатый маленький зуав пребывает сейчас в полной безопасности в Ричмонде.

В толпе произошло движение, люди расступились, и Ретт Батлер верхом начал осторожно продвигаться к коляске тетушки Питтипэт. «В храбрости ему не откажешь, – мелькнуло у Скарлетт в голове. – Его же тут в любую минуту могут просто растерзать за то, что он не надел формы». Он приближался, и она подумала, что могла бы сама, первая, выцарапать ему глаза. Как смеет он появляться здесь, холеный, сытый, на этой великолепной лошади, в отличном белом полотняном костюме, в сверкающих сапогах, с дорогой сигарой во рту, в то время как Эшли и все наши парни, босые, голодные, изнемогая от жары, погибая от дизентерии, сражаются с янки!

Злые взгляды сопровождали его неторопливое продвижение. Старики что-то ворчали себе в бороды, а никогда не отличавшаяся робостью миссис Мерриуэзер, слегка приподнявшись на сиденье, отчетливо произнесла самым ядовитым и оскорбительным тоном:

– Спекулянт!

Не обращая ни малейшего внимания ни на кого, Ретт Батлер приподнял шляпу, приветствуя тетушку Питтипэт и Мелани, подъехал к коляске, наклонился к Скарлетт и прошептал ей на ухо:

– Не кажется ли вам, что сейчас самое время доктору Миду разразиться одной из своих знаменитых речей на тему о победе, реющей, подобно распластавшему крылья орлу, над нашими знаменами?

Нервы Скарлетт были натянуты до предела. Резко повернувшись на; сиденье, она как расвирепевшая кошка уже готова была выпустить когти и зашипеть, но Ретт жестом остановил ее.

– Я приехал сообщить вам, дамы, – громко произнес он, – что с передовой уже Начали поступать первые списки убитых и раненых.

Толпа всколыхнулась; среди стоявших достаточно близко, чтобы расслышать его слова, пробежал гул, кто-то уже поворачивался, собираясь бежать на Уайтхолл-стрит в штаб, но Ретт Батлер, приподнявшись на стременах, предостерегающе вскинул вверх руку.

– Не расходитесь! – крикнул он. – Списки отправлены в газеты, их уже печатают. Стойте здесь.

– О, капитан Батлер! – вскричала Мелани, повернувшись к нему. В глазах у нее стояли слезы. – Спасибо, что вы приехали сообщить нам! Когда будут вывешены списки?

– Это может произойти с минуты на минуту, мадам. Сообщения поступили полчаса назад. Дежурный майор не хотел ничего оглашать, пока списки не будут напечатаны, – боялся, что толпа ворвется в редакцию. Да вот, глядите!

Одно из окон редакции распахнулось, и оттуда высунулась чья-то рука с пачкой длинных, узких, перепачканных свежей типографской краской гранок с тесными строчками имен к фамилий. Толпа ринулась к окну, все вырывали гранки друг у друга, те, кому удалось их схватить, старались выбраться из толпы, чтобы иметь возможность прочесть, стоявшие сзади напирали с криками: «Пропустите меня!» – Подержи! – сказал Ретт Батлер, соскакивая с седла и бросая поводья дядюшке Питеру. Решительно расталкивая толпу, он двинулся вперед и через минуту возвратился к коляске с пачкой гранок в руке. Одну он протянул Мелани, остальные начал раздавать дамам из стоявших поблизости экипажей: миссис Мид, миссис Мерриуэзер, миссис Элсинг, сестрам Маклюр.

– Да читай же, Мелли! – вне себя крикнула Скарлетт, задыхаясь от волнения. У Мелани так дрожали руки, что она не могла разобрать прыгавшие перед глазами строчки.

– Возьми, – еле слышно прошептала Мелли, и Скарлетт выхватила гранку у нее из рук. Где тут «У»? А вот, в самом низу, все так смазано, еле можно разобрать.

– Уайт... – прочитала Скарлетт, и голос ее дрогнул. – Уилкенс, Уинн, Фебулон... О, Мелли! Его здесь нет! Нет! О, тетя Питти, успокойтесь! Мелли, достань нюхательные соли! Помоги ей, Мелли!

Мелли, заливаясь слезами от счастья, поддерживала запрокинувшуюся голову тетушки Питти и совала ей под нос флакончик с нюхательными солями. Скарлетт подхватила старую даму с другой стороны. Сердце ее пело от радости. Эшли жив! Его даже не ранило. Господь бог его хранит....

Она услышала негромкий стон и, обернувшись, увидела, что Фэнни Элсинг уронила голову на грудь матери, выпустив гранку из рук. Миссис Элсинг прижимала к себе дочь, тонкие губы ее дрожали. Она негромко сказала кучеру: «Домой! Быстрее!» Скарлетт бросила взгляд на список: имени Хью Элсинга там не значилось. Значит, у Фэнни был любимый, и он убит. Толпа почтительно расступилась перед коляской миссис Элсинг, следом тронулась маленькая плетеная тележка, – мисс Фейс Маклюр с каменным лицом правила лошадью, губы ее были так плотно сжаты, что впервые полностью прикрывали зубы. Мисс Хоуп, без кровинки в лице, прямая как палка, сидела рядом с сестрой, судорожно вцепившись рукой в ее юбку. Обе они казались совсем старыми женщинами. Их обожаемый младший брат Даллас ушел в мир иной, оставив своих незамужних сестер одних на белом свете.

– Мелли! Мелли! – радостно кричала Мейбелл. – Рене жив! И Эшли тоже! О, какое счастье! – Шаль соскользнула с ее плеча, выставив на всеобщее обозрение огромный живот, но ни она, ни миссис Мерриуэзер уже не обращали на это внимания. – О, Миссис Мид! Рене... – Голос ее оборвался. – Мелли, взгляни! О, миссис Мид, бога ради... Дарси?..

Миссис Мид сидела, опустив голову, глядя в колени, и не шевельнулась, когда ее окликнули, но по лицу юного Фила, сидевшего рядом, все можно было прочесть, как по открытой книге.

– Ну, мамочка, мама! – беспомощно повторял он. Миссис Мид подняла голову и встретила взгляд Мелани.

– Не нужны ему больше сапоги, – сказала она.

– О, моя дорогая! – воскликнула Мелли и разрыдалась. Опустив голову тетушки Питти на плечо Скарлетт, Мелани выпрыгнула из коляски и бросилась к миссис Мид.

– Мама, но у тебя остался я, – твердил Фил, делая неуклюжую попытку утешить мать. – И если бы только ты отпустила меня, я бы поубивал всех этих янки...

Миссис Мид вцепилась ему в плечо, словно желая показать, что никогда ни на секунду не отпустит его от себя, и пробормотала сдавленным голосом:

– Нет! – И захлебнулась слезами.

– Фил Мид, сейчас же замолчите! – прошипела Мелани, поднимаясь в коляску и прижимая миссис Мид к груди. – Вы считаете, что очень облегчите своей матери жизнь, если ей придется хоронить и вас тоже? Отродясь не слышала более глупого способа утешать! Быстрее везите нас домой! Фил взял вожжи, а Мелани обернулась к Скарлетт:

– Как только отвезешь тетушку Питти, приезжай к миссис Мид. Капитан Батлер, не можете ли вы послать за доктором – он в госпитале.

Коляска покатила сквозь поредевшую толпу. Некоторые женщины заливались слезами радости, но большинство стояли оглушенные, – еще не осознав до конца, какой на них обрушился удар. Скарлетт склонилась над расплывшимися типографскими строчками, быстро пробегая их глазами, ища, не попадется ли имя кого-нибудь из друзей. Теперь, узнав, что Эшли уцелел, она уже могла думать и о других. О, какой длинный перечень имен! Какой тяжкий урон для Атланты, для всей Джорджии!

Силы небесные! «Калверт, Рейфорд, лейтенант». Рейф! Внезапно всплыло далекое-далекое воспоминание: она и Рейф, сговорившись, бегут из дома, но с наступлением ночи решают вернуться, потому что проголодались и боятся темноты.

«Фонтейн, Джозеф К., рядовой». Маленький злючка Джо! А Салли только что разрешилась от бремени!

«Манро, Лафайетт, капитан». А Лаф обручился с Кэтлин Калверт. Бедняжка Кэтлин! Потерять сразу двоих – и брата и любимого! А Салли-то еще тяжелей – и брата и мужа!

Нет, это слишком ужасно! Скарлетт не решалась заглянуть дальше в список. Тетушка Питти вздыхала и всхлипывала у нее на плече, и Скарлетт без особых церемоний отпихнула ее в угол коляски и снова стала читать.

Господи, нет, не может быть – фамилия Тарлтон три раза подряд... Верно, наборщик напутал в спешке... Нет. Все трое. «Тарлтон, Брентон, лейтенант», «Тарлтон, Стюарт, капрал», «Тарлтон, Томас, рядовой». А Бойд погиб еще в первый год войны и похоронен где-то там, в Виргинии. Все четверо тарлтонских мальчиков погибли на войне. И Том, и длинноногие бездельники-близнецы – эти отчаянные болтуны с их нелепым пристрастием к «розыгрышам», и Бойд, грациозный, как профессиональный танцор, и с языком острым, как жало.

У нее не было сил читать дальше. Она боялась увидеть в этом списке имена кого-нибудь еще из тех мальчиков, с которыми росла, танцевала, кокетничала, целовалась... Слезы душили ее, но не могли пролиться, горло сдавило словно железным обручем.

– Я сочувствую вам, Скарлетт, – произнес Ретт Батлер. Она подняла на него глаза. Она совсем забыла, что он все еще здесь. – Там много ваших друзей?

Она кивнула, не сразу найдя в себе силы заговорить.

– Почти в каждой семье графства... И все.., все трое братьев Тарлтонов. Лицо его было сосредоточенно и сумрачно, в глазах не мелькала обычная усмешка.

– И это еще не конец, – сказал он. – Это только первые сводки. Завтра поступят новые,

более длинные списки. – Он понизил голос, чтобы его не услышали в проезжающих мимо экипажах. – Генерал Ли, по-видимому, проиграл это сражение, Скарлетт. В штабе говорили, что он отступил в Мериленд.

Она поглядела на него с испугом. №» не весть о поражении Ли привела ее в смятение. Более длинные списки? Завтра? Она была так счастлива, не найдя имени Эшли в списке, что как-то совсем не подумала о завтрашнем дне. Завтра! Господи, он, может быть, уже мертв сейчас, а она узнает об этом только завтра или даже через неделю!

– Ох, Ретт, кому она нужна, эта война! Ведь янки могли бы просто купить у нас негров, им бы это было легче... Да наконец, мы могли бы отдать их даже даром, лишь бы не воевать.

– Дело не в неграх, Скарлетт. Негры просто предлог. Войны будут всегда, потому что так устроены люди. Женщины – нет. Но мужчинам нужна война – о да, не меньше, чем женская любовь.

Знакомая усмешка снова искривила его губы, лицо опять стало непроницаемым. Он приподнял свою широкополую шляпу.

– Прощайте. Я отправлюсь на розыски доктора Мида. Сейчас он едва ли сумеет оценить иронию судьбы, сделавшей меня вестником гибели его сына. Но впоследствии, боюсь, ему будет невыносима мысль, что весть о смерти героя он услышал из уст спекулянта. Скарлетт уложила тетушку Питти в постель, приготовила ей стакан грога, поручила ее заботам Присси и кухарки и направилась к дому доктора Мида. Миссис Мид и Фил ждали у себя наверху возвращения доктора, а Мелани сидела в гостиной с исполненными сочувствия соседями, и они переговаривались приглушенными голосами. Вооружившись иголкой и ножницами, Мелли старательно перешивала для миссис Мид траурное платье, позаимствованное у миссис Элсинг. Весь дом уже пропах едким запахом краски: на кухне всхлипывающая кухарка кипятила платье миссис Мид в большой лохани, наполненной черной краской домашнего изготовления.

– Как она? – шепотом спросила Скарлетт.

– Ни единой слезы, – отвечала Мелани. – Когда женщина не может плакать, это страшно. Я не понимаю, как мужчины умеют все переносить, не давая воли слезам. Но, конечно, они сильнее и мужественнее нас. Миссис Мид твердит, что поедет в Пенсильванию одна, чтобы привезти его тело. Доктор не может покинуть госпиталь.

– Одна? Это ужасно. А почему Филу не поехать с ней?

– Она боится, что может за ним не уследить и он сбежит там на фронт. Он же такой рослый, а сейчас уже берут и шестнадцатилетних.

Соседи один за другим начали расходиться, боясь встретиться с доктором, когда он вернется домой, и Скарлетт вместе с Мелани принялась за шитье. Мелани держалась спокойно, хотя лицо ее было печально и на шитье порой капала слеза. По-видимому, она думала о том, что бои еще идут и, быть может, Эшли уже нет в живых, и Скарлетт, у которой сжималось сердце, была в нерешительности – передать ли Мелани слова Ретта Батлера, почерпнув горькое утешение в зрелище ее страданий, или промолчать? В конце концов она решила не говорить. Совсем ни к чему давать Мелани повод думать, что она слишком обеспокоена судьбой Эшли. Все были так поглощены своими тревогами, что, слава богу, никто – ни Мелани, ни тетушка Питти – не заметил ничего странного в ее поведении.

В полном молчании Скарлетт и Мелани продолжали шить. Но вот за окнами раздался шум, и, приподняв занавеску, Скарлетт увидела доктора Мида. Он спешил и направился к дому. Он шел сгорбившись, так низко опустив голову, что седая борода веером распласталась по груди. Медленно войдя в дом, он снял шляпу, положил свою сумку и молча поцеловал обеих женщин. Потом стал тяжело подыматься по лестнице. Через минуту из верхних комнат – длинноногий, длиннорукий, неуклюжий – выбежал Фил. Мелани и Скарлетт взглядом предложили ему

посидеть с ними, но он выскочил на крыльцо и опустился на верхнюю ступеньку, уронив голову в колени, закрыв лицо руками.

Мелли вздохнула.

– Он сходит с ума, оттого что они не пускают его на фронт.

Пятнадцатилетний мальчишка! Ах, Скарлетт, как бы я хотела иметь такого сына, как он!

– Чтобы его убили на войне? – сказала Скарлетт, думая о Дарси.

– Лучше иметь сына и потерять, чем не иметь совсем, – сказала Мелли и сглотнула слезы. –

Ты не можешь этого понять, Скарлетт, потому что у тебя есть Уэйд, а я... О, Скарлетт, как я хочу иметь ребенка! Ты, верно, считаешь, что не следует открыто говорить об этом, но что делать, раз это правда, и каждая женщина только о том и мечтает, и ты сама это знаешь.

Скарлетт едва не фыркнула, но, вовремя сдержалась.

– Если богу будет угодно.., взять у меня Эшли, я, наверно, сумею это перенести, хотя мне легче было бы умереть самой. Бог даст мне силы перенести эту утрату. Но как перенести то, что он мертв, а у меня даже нет от него ребенка, который послужил бы мне утешением в горе! Ах, Скарлетт, какая ты счастливица! Правда, ты потеряла Чарли, но у тебя остался его сын. А у меня, если я потеряю Эшли, не останется ничего. Прости меня, Скарлетт, но иной раз я так завидую тебе...

– Завидуешь мне? – воскликнула Скарлетт, чувствуя легкий укол совести.

– Потому что у тебя есть сын, а у меня нет. Порой я даже начинаю воображать, будто Уэйд – мой сын. Это так ужасно – не, иметь ребенка.

– Вот чушь какая! – с облегчением произнесла Скарлетт, Она скосила глаза на хрупкую фигурку и залившееся краской лицо, склоненное над шитьем. Мелани может, конечно, мечтать о ребенке, но она совсем не создана для того, чтобы рожать. Узкие бедра, плоская грудь и рост, как у двенадцатилетней девчонки.. Мысль о том, что Мелани может понести, почему-то вызвала у Скарлетт чувство гадливости. И это пробуждало еще другие мысли, множество других мыслей, которые были уже совсем непереносимы. Стоило Скарлетт подумать о том, что у Мелани может быть ребенок от Эшли, и у нее возникало такое чувство, словно ее ограбили.

– Ты не сердись, что я так сказала про Уэйда. Ты же знаешь, как я его люблю. Не сердись?

– Не будь идиоткой, – сухо промолвила Скарлетт. – Лучше выйди на крыльцо, поговори с Филом. Он плачет.

Армия конфедератов, отброшенная назад в Виргинию – сильно поредевшая после поражения при Геттисберге, измотанная, – была расквартирована на зиму по берегам реки Рапидан, и перед наступлением святок Эшли приехал домой на побывку. Буря чувств, которую эта встреча, первая после двух лет разлуки, пробудила в душе Скарлетт, потрясла и испугала ее самое. Когда-то, в Двенадцати Дубах, на свадьбе Эшли и Мелани ей казалось, что нельзя любить сильнее и мучительнее, чем любила она его в те мгновения. Теперь она поняла, что в ту далекую ночь ее горе было подобно горю избалованного ребенка, у которого отняли любимую игрушку. Теперь она жила с вечной мечтой о нем в сердце и с вечной печатью на устах, и ее чувство к нему обострилось и окрепло.

Этот Эшли Уилкс, в линиях, залатанном мундире, с выгоревшими от палящего летнего солнца волосами, был совсем не похож на того беспечного юношу с мечтательным взглядом, в которого она так отчаянно влюбилась накануне войны. Не похож – и еще более притягателен. Раньше он был строен и белокож, теперь стал худ и смугл, а длинные кавалерийские усы придавали ему мужественный вид закаленного в боях красавца воина. Он стоял – майор армии конфедератов Эшли Уилкс – подтянутый в своем выдавшем виды мундире, с револьвером в порыжевшей кобуре на боку, кончик потертых ножен легонько постукивал о высокий сапог, исцарапанные шпоры тускло поблескивали. Привычка командовать уже оставила на нем свой отпечаток, придав его облику уверенный и властный вид и проложив жесткую складку в углах рта. Было что-то новое, непривычное в его осанке, в решительном развороте плеч, а в глазах появился чуждый ему прежде холодок. Мягкую непринужденную грацию движений сменила настороженность и быстрота дикого животного или человека, чьи нервы постоянно натянуты как струна. И была при этом какая-то усталая опустошенность в его взгляде и суровость – в резких линиях скул и смуглых запавших щек... Он был по-прежнему красив, ее Эшли, но только стал совсем другим.

Скарлетт собиралась поехать на святки домой, но когда пришла телеграмма от Эшли, никакая сила на земле; даже не допускающий возражений приказ Эллин не заставил бы ее покинуть Атланту. Если бы Эшли решил провести отпуск в Двенадцати Дубах, она поспешила бы в Тару, чтобы быть ближе к нему, но Эшли написал своим, чтобы они приехали повидаться с ним в Атланту, и мистер Уилкс, Милочка и Индия были уже в городе. И теперь уехать домой и не увидеться с Эшли после двух лет разлуки? Не услышать его голоса, от которого так сладко замирает сердце? Не прочесть в его взгляде, что он ее не забыл? Да никогда! Ни за что на свете, даже ради мамы!

Эшли приехал домой за четыре дня до сочельника с небольшой компанией своих земляков, также отпущенных на побывку, совсем небольшой группой уцелевших после Геттисберга. Среди них был Кэйд Калверт – исхудалый, измученный неумным кашлем; братья Манро – пузырившиеся от радости, что получили наконец увольнительную, первую за три года, и Алекс и Тони Фонтейны – вдохновенно пьяные, шумные и задиристые. Всем им предстояло два часа ждать пересадки, и это подвергало серьезному испытанию изобретательность оставшихся трезвыми членов компании – как удержать братьев от драки друг с другом и с первым встречным на вокзале? И кончилось тем, что Эшли почел за лучшее взять их с собой к тетушке Питтипэт, – Казалось бы, в Виргинии у нас не было недостатка в драках, – с горечью сказал Кэйд Калверт, глядя на взъерошенных, как бойцовые петухи, братьев, первыми подошедших к ручке взбудораженной и польщенной тетушки Питти. – Так нет же. Не успели мы прибыть в Ричмонд, как они уже были пьяны в дым и каждую минуту лезли в драку. Их тут же забрал

патруль, и, не сумей Эшли дипломатично улестить начальника, просидели бы они все святки за решеткой.

Но Скарлетт его почти не слушала – она не помнила себя от, радости, что Эшли снова здесь, рядом. Как могло хоть раз за эти два года показаться ей, что кто-то из мужчин тоже красив, мил, обаятелен? Как могла она допускать их ухаживания, когда на свете существует Эшли? Вот он снова возле нее, их разделяет только этот ковер, и она готова была всякий раз расплакаться от счастья, когда бросала взгляд на кушетку, где он сидел с Мелани по одну руку, Индией по другую и Милочкой, прильнувшей сзади к его плечу. Ах, если бы и она имела право сидеть вот так, рядом с ним, просунув руку ему под локоть! Если бы она могла каждую минуту дотрагиваться до его рукава, чтобы еще и еще раз убедиться, что он действительно здесь, держать его за руку, смахивать его платком слезы радости, набегавшие на глаза, словом, делать все то, что Мелани, не стыдясь, проделывала при всех. Радость заставила Мелани забыть свою сдержанность и застенчивость, она не выпускала руки мужа и открыто – взглядами, улыбкой, слезами – вся растворялась в любви к нему. А Скарлетт была так счастлива, что впервые в жизни не испытывала ревности. Эшли возвратился домой!

Время от времени она прикладывала руку к щеке, еще хранившей прикосновение его губ, и улыбалась ему. Конечно, не ее он поцеловал первой. Мелли повисла у него на шее, лепеча что-то бессвязное и плача, сжимая его в объятиях, и казалось, она никогда уже больше не расцепит оплетавших его рук. А за ней и Милочка и Индия тоже повисли на нем, чуть не силой вырывая его из объятий супруги. Потом Эшли почтительно и нежно обнял и поцеловал отца, к которому был искренне и глубоко привязан, затем тетюшку Питти, подпрыгивавшую от волнения на месте на своих неправдоподобно крошечных ножках. И тут наконец дошла очередь до Скарлетт, которую уже окружили все офицеры, добиваясь разрешения ее поцеловать.

– О, Скарлетт! Вы прелестны, прелестны! – сказал Эшли и поцеловал ее в щеку.

В это мгновение все, что она приготовилась сказать ему при встрече, вылетело у нее из головы. И лишь много часов спустя возникла мысль о том, что Эшли не поцеловал ее в губы. И тогда она принялась лихорадочно гадать, как бы он поступил, если бы эта встреча произошла наедине. Наклонился бы к ней, приподнял чуть-чуть и держал бы так, долго-долго, прижав к себе? И оттого, что эта мысль наполняла ее счастьем, она поверила, что было бы именно так. Но впереди целая неделя, и все это еще может произойти! Она сумеет улучшить минутку, чтобы остаться с ним наедине. И тогда она спросит его: «Вы помните наши прогулки верхом по глухим тропинкам, которых не знал никто? А помните, какая луна была в ту ночь, когда мы сидели на ступеньках Тары и вы читали мне эту поэму? (Ой, а как же, кстати, она называлась?) А помните, как я подвернула ногу и вы в сумерках несли меня домой на руках?» Да разве мало было такого, о чем она может начать разговор со слов: «А помните?..» Какой рой воспоминаний можно пробудить в его душе о тех изумительных днях, когда они, беззаботные как дети, бродили по лесам и полям, о тех счастливых днях, когда Мелани Гамильтон еще не появлялась на сцене. И быть может, тогда ей удастся прочесть в его глазах отблеск возрождающегося чувства, который скажет ей, что, несмотря на преграду, ставшую между ними в лице Мелани, Он по-прежнему любит ее, любит так же пылко, как в тот далекий день помолвки, когда признание сорвалось с его губ. Она не давала себе труда задуматься над тем, что же будет дальше – как они тогда должны поступить, если Эшли без обиняков признается ей в любви? Ей было бы достаточно этого признания... Да, она готова ждать. Пусть Мелани плачет сейчас от счастья, сжимая его руку. Придет и ее час. В конце концов, разве такая женщина, как Мелани, понимает что-нибудь в любви?

– Дорогой мой, – сказала Мелани, когда первое волнение улеглось. – Ты похож на оборванца. Кто чинил тебе мундир и почему на нем синие заплатки?

– А мне казалось, что у меня очень бравый вид, – сказал Эшли, оглядывая себя в зеркале. – Ты только сравни меня с этими бродягами, и я сразу подымусь в твоих глазах. Мой мундир залатал Мози, по-моему, сделал это как нельзя более искусно, учитывая, что он до войны ни разу не держал в руках иголки. Что касается синих заплат, то, когда приходится выбирать между дырками на штанах и кусочками ткани, вырезанными из формы поверженного врага, тут нет места для раздумий. А если я и похож на оборванца, благодари свою счастливую звезду, что твой супруг не пришел к тебе босиком. На прошлой неделе мои сапоги окончательно развалились, и я явился бы домой, обмотав ноги мешковиной, если бы мы, на наше счастье, не подстрелили двух лазутчиков. Сапоги одного из них пришлись мне впору.

И он выглянул свои длинные ноги в поношенных сапогах, давая всем на них полюбоваться.

– А сапоги другого лазутчика еле-еле на меня налезли, – сказал Кэйд. – Они на целых два номера меньше, и я уже чувствую, скоро отдам в них богу душу. Но зато вернусь домой франтом.

– И эта жадная свинья не захотел уступить их никому из нас, – сказал Тони. – А нам, Фонтейнам, с нашими маленькими аристократическими ножками, они были бы в самый раз. Ну как, разрази меня гром, появлюсь я перед матерью в этих опорках? До войны она никому из наших негров не позволила бы надеть такие.

– Не огорчайся, – сказал Алекс, приглядываясь к сапогам Кэйда, – Мы стащим их с него в поезде, когда поедem домой. Показаться матери в опорках – это еще куда ни шло, но дьявол.., прошу прощенья, мадам, я хотел сказать, что мне совсем не улыбается появиться перед Димити Манро в башмаках, из которых большие пальцы торчат наружу.

– Постой, но это же мои сапоги, я попросил их первый, – сказал Тони, мрачней и поглядывая на брата с угрозой. И тут Мелани, боясь, как бы спор не перерос в одну из знаменитых фонтейновских драк, вмешалась и положила конец распре.

– У меня была роскошная борода, которой я хотел похвалиться перед вами, дамы, – удрученно сказал Эшли, потирая щетинистый подбородок с не зажившими еще следами от порезов бритвой. – Да, да, первоклассная борода, и уж если я говорю это сам, значит, можете мне поверить: ни борода Джефа Стюарта, ни борода Натана Бедфорда Форреста не шли ни в какое сравнение с моей. Но когда мы прибыли в Ричмонд, эти негодяи, – он показал на Фонтейнов, – решили, что раз уж они сбрили бороды, значит, долой и мою. Они повалили меня и побрили силой, каким-то чудом не отхватив мне при этом головы. И только вмешательство Звана и Кэйда спасло мои усы.

– Вот те на! Миссис Уилкс, вы должны быть мне благодарны. Если бы не я, вы бы нипочем не узнали вашего мужа и не пустили бы его даже на порог, – сказал Алекс. – Мы ведь побрили его в благодарность за то, что он поговорил с начальником караула и вызволил нас из тюрьмы. Вы только слово скажите, и я тотчас сбрую ему и усы в вашу честь.

– Нет, нет, благодарю вас, – поспешно сказала Мелани, испуганно цепляясь за Эшли, поскольку ей казалось, что эти два черных от загара паренька способны на любую отчаянную выходку. – Мне очень нравятся его усы.

– Вот что значит любовь! – в один голос сказали оба Фонтейна, переглянулись и с глубокомысленным видом покачали головой.

Когда Эшли, взяв коляску тетушки Питти, поехал на вокзал проводить товарищей, Мелани взволнованно схватила Скарлетт за руку.

– В каком ужасном состоянии у него форма! Как ты думаешь, он очень удивится, когда я преподнесу ему мундир? Как жаль, что у меня не хватило материи и на бриджи!

Упомянув о мундире, Мелани наступила Скарлетт на любимую мозоль. Ведь Скарлетт так бы хотелось самой преподнести Эшли этот рождественский подарок. Серое офицерское сукно ценилось теперь буквально на вес золота, и Эшли носил форму из домотканой шерсти. Даже

грубые сорта тканей стали редкостью, и многие солдаты надели снятую с пленных янки форму, перекрашенную в темно-коричневый цвет краской из ореховой скорлупы. Но Мелани необычайно повезло – судьба послала ей серого сукна на мундир: чуть коротковатый, правда, но все же мундир. Работая в госпитале сиделкой, она ухаживала за одним юношей из Чарльстона и, когда он умер, отрезала у него прядь волос и послала его матери вместе со скудным содержанием карманов этого бедняги, прибавив от себя несколько строк о его последних часах и умолчав о перенесенных им страданиях. Между женщинами завязалась переписка, и, узнав, что у Мелани муж на фронте, мать покойного послала ей приготовленный для сына кусок серого сукна вместе с медными пуговицами. Это было великолепное сукно, плотное, шелковистое, явно контрабандное и явно очень дорогое. Сейчас оно уже находилось в руках портного, Который, подгоняемый Мелани, должен был закончить мундир к утру первого дня рождества. Скарлетт не пожалела бы никаких денег еще на один кусок материи, чтобы форма была полной, но в Атланте раздобыть что-либо подобное было невозможно.

Скарлетт тоже приготовила рождественский подарок для Эшли, но великолепие мундира затмевало его, делая просто жалким. Это был небольшой фланелевый мешочек с принадлежностями для починки обмундирования – двумя катушками ниток, маленькими ножницами и пачкой драгоценных иголок, привезенной Реттом из Нассау; к этому она присоединила три льняных носовых платка, полученных из того же источника. Но ей хотелось подарить Эшли что-нибудь более интимное, что-нибудь из таких вещей, какие только жены дарят мужьям: рубашку, перчатки, шляпу. Особенно шляпу. Это маленькое плоское кепи выглядело так нелепо у него на голове! Кепи вообще не нравились Скарлетт. Правда, Несокрушимый Джексон вместо широкополой шляпы тоже носил кепи, но от этого они не становились элегантней. Однако в Атланте продавались грубые войлочные шляпы, а они выглядели еще более нелепее чем кепи.

Мысль о шляпах заставила Скарлетт вспомнить про Ретта Батлера. Вот у кого много шляп: широкополые летние, высокие касторовые для торжественных случаев, маленькие охотничьи шапочки и фетровые шляпы с широкими, мягкими полями – светло-коричневые, черные, голубые. На что ему столько шляп? А ее драгоценный Эшли ездит под дождем в этом своем кепи, и капли стекают ему за воротник!

«Я выпрошу у Ретта его новую черную фетровую шляпу, – решила она. – Обошью ее по краям серой лентой, вышью на тулье инициалы Эшли, и получится очень красиво».

Она задумалась на минуту. Это будет не так просто – выпросить у Ретта шляпу без всяких объяснений. Но не может же она сказать ему, что шляпа нужна ей для Эшли. Он поднимет брови с этим своим мерзким выражением, которое появляется у него на лице, стоит ей только упомянуть имя Эшли, и почти наверняка откажется выполнить ее просьбу. Не беда, она придумает какую-нибудь жалостливую историю про раненого из госпиталя, оставшегося без шляпы, а Ретту совсем не обязательно знать правду.

Весь день она использовала всевозможные уловки, чтобы улучшить минуту и побыть с Эшли наедине, но Мелани не оставляла его ни на мгновение, да и Милочка и Индия ходили за ним по пятам по всему дому, и их бесцветные глаза под бесцветными ресницами сияли от счастья. Даже сам Джон Уилкс, явно гордившийся сыном, был лишен возможности спокойно потолковать с ним с глазу на глаз.

Все это продолжалось и за ужином, когда Эшли буквально засыпали вопросами о войне. О войне! Кому это интересно? Скарлетт казалось, что и Эшли самому не хотелось углубляться в эту тему. Он говорил много, оживленно, часто смеялся и полностью завладел вниманием всех присутствующих, чего, как помнилось Скарлетт, никогда прежде не делал, но вместе с тем рассказывал о войне мало и скупно. Он шутил, вспоминая забавные истории про своих

товарищей, посмеивался над маскировками, с юмором описывал длинные переходы под дождем, с пустым желудком и очень живо изобразил, как выглядел генерал Ли, когда он, после поражения при Геттисберге, появился перед ними на коне и спросил: «Вы все из Джорджии, джентльмены? Ну, без вас, джорджианцы, нам не преуспеть!» У Скарлетт мелькнула мысль, что Эшли так лихорадочно все говорит и говорит только для того, чтобы помешать задавать ему вопросы, на которые он не хочет отвечать. Когда она замечала, как он опускает глаза или отводит их в сторону под пристальным, встревоженным взглядом отца, в ее сердце тоже закрадывалась неясная тревога: почему Эшли такой, что у него на душе? Но эта Тревога тут же рассеивалась, ибо Скарлетт была слишком переполнена радостью и страстным желанием остаться с Эшли вдвоем.

Однако радость эта начала меркнуть, и Скарлетт почувствовала холодок в душе, когда все, собравшиеся в кружок у камина, стали понемногу зевать, и мистер Уилкс с дочерьми отбыл в гостиницу, а Эшли и Мелани, мисс Питтипэт и Скарлетт, предводительствуемые дядюшкой Питером со свечой в руке, поднялись по лестнице наверх. До этой минуты Скарлетт казалось, что Эшли принадлежит ей, только ей, хотя им и не удалось перемолвиться ни словом наедине. Но когда они остановились, прощаясь, на галерее в холле, Скарлетт заметила, как Мелани вдруг вся залилась краской и у нее задрожали руки, словно от волнения или испуга, как она смущенно опустила глаза, а лицо ее сияло. Она так и не подняла глаз, когда Эшли уже распахнул перед ней дверь спальни, – только быстро скользнула внутрь. Эшли торопливо пожелал всем спокойной ночи и скрылся, не поглядев на Скарлетт.

Дверь за ними захлопнулась, а Скарлетт все еще стояла в оцепенении, и ее внезапно охватило чувство безысходности. Эшли больше не принадлежал ей. Теперь он принадлежит Мелани. И пока Мелани жива, он будет удаляться с ней в спальню и дверь за ними будет захлопываться, отъединяя их от всего мира.

И вот уже подошло время Эшли возвращаться назад в Виргинию – к долгим походам по раскисшим дорогам, к привалам на тощий желудок на снегу, к страданиям, лишениям и опасностям, – туда, где его стройное тело, его гордая белокурая голова в любое мгновение могли быть уничтожены, растоптаны, как букашки под чьей-то небрежной стопой. Неделя призрачного, мерцающего счастья, каждый час которой был прекрасен и наполнен до краев, осталась позади.

Они пролетели быстро, эти дни, напоенные ароматом сосновых веток и рождественской елки, в трепетном свете елочных свечей, в сверкании блесков и мишуры, – пролетели как во сне, где каждая минута жизни равна одному сердцебиению. В эти головокружительные дни радость сплеталась с болью, и Скарлетт жадно старалась не упустить ни единого мгновения, чтобы потом, когда Эшли уже не будет с нею, из месяца в месяц перебирать их в памяти, черпая в них утешение, снова и снова вспоминать каждую мелочь: пение, смех, танцы, какие-то маленькие услуги, оказанные ею Эшли, его желания, предвосхищенные ею, улыбки в ответ на его улыбки, молчание, когда он говорит, а она следит за ним глазами, чтобы каждая линия его стройного тела; каждое движение бровей, каждая складка в углах губ неизгладимо запечатлелись в памяти: ведь неделя проносится так быстро, а война длится целую вечность.

Скарлетт сидела на диване в гостиной, держа в руках свой прощальный подарок и жарко молясь богу, чтобы Эшли, распрощившись с Мелани, спустился вниз один и небеса послали бы ей наконец хоть несколько мгновений с ним наедине. Она напряженно ловила каждый доносившийся из верхних комнат звук, но дом был странно тих, и в этой тишине она слышала только свое громкое прерывистое дыхание. Тетушка Питти плакала, уткнувшись в подушку у себя в спальне: полчаса назад Эшли заходил к ней попрощаться. Из спальни Мелани сквозь плотно притворенную дверь не доносилось ни плача, ни приглушенных голосов. Скарлетт

казалось, что Эшли скрылся за этой дверью бог весть как давно, и горечь переполняла ее сердце, оттого что он так долго прощается с женой, когда мгновения летят неудержимо и так краток срок, остававшийся до его отъезда.

Она старалась вспомнить то, что готовилась сказать ему всю эту неделю. Но ей так и не удалось улучшить минуту, чтобы перемолвиться с Ним словом наедине, и она понимала, что теперь, вероятно, такого случая уже не представится.

Многое звучало так глупо в ее собственных ушах: «Вы будете себя беречь, Эшли, обещаете?», «Смотрите не промочите ноги. Схватить простуду так легко», «Не забывайте обвертываться газетами под рубашкой, чтоб не продуло». Но были ведь и другие, куда более важные слова, которые она хотела ему сказать и которые хотела от него услышать или хотя бы прочесть в его глазах, если он их не произнесет.

Так много нужно сказать, а время истекает! И даже оставшиеся несколько минут будут украдены у нее, если Мелани пойдет проводить его до дверей и потом до экипажа. А ведь минула целая неделя, и теперь эта возможность упущена! Но Мелани вечно находилась возле Эшли, не сводила с него исполненного обожания взора, дом был полон родственников, друзей, соседей, и никогда, с самого утра до поздней ночи, Эшли ни на минуту не был предоставлен самому себе. А потом дверь спальни затворялась и он оставался там вдвоем с Мелани. И ни разу за всю эту неделю ни единым словом, ни взглядом не выдал он себя, не дал Скарлетт понять, что питает к ней какие-либо иные чувства, кроме чисто братской любви и долголетней дружбы. Она просто не могла допустить, что он уедет, быть может навсегда, а она так и не узнает, любит ли он ее по-прежнему. Ведь даже если он будет убит, мысль о его любви Послужит ей тайной отрадой и утешением до конца ее дней.

Прошла, казалось ей, вечность, и наконец она услышала в комнате у себя над головой шаги, затем шум отворившейся и захлопнувшейся двери. Эшли спускался по лестнице. Один! Господи, благодарю тебя! Мелани, должно быть, так удручена горем, что не нашла в себе сил спуститься вниз. Сейчас несколько драгоценных мгновений он будет с ней один на один.

Он медленно спускался по лестнице, шпоры его позвякивали, сабля с глухим стуком ударялась о сапог. Когда он вошел в гостиную, взгляд его был мрачен. И хотя он попытался улыбнуться, такое напряжение было в его бледном, почти бескровном лице, словно он страдал от невидимой раны. При его появлении она встала. Мелькнула горделивая мысль о том, что он самый красивый воин на свете. Кобура, ремень, шпоры, ножны – все на нем блестело, усердно начищенное дядюшкой Питером. Правда, новый мундир сидел не слишком ладно, так как портной спешил, и кое-какие швы выглядели криво. Новое лоснящееся серое сукно мундира плачевно не гармонировало с вытертыми, залатанными грубошерстными бриджами и изношенными сапогами, но будь на нем даже серебряные доспехи, он все равно не стал бы от этого прекраснее в ее глазах.

– Эшли, – торопливо начала Скарлетт, – можно, я поеду проводить вас на вокзал?

– Прошу вас, не надо. Меня провожают сестры и отец. И мне приятнее будет вспоминать, как мы попрощались здесь, чем в холодной сутолоке вокзала. А воспоминания – вещь драгоценная.

Она мгновенно отказалась от своего намерения. Если Милочка и Индия, которые ее терпеть не могут, поедут его провожать, они, конечно, не дадут ей с ним поговорить.

– Тогда я не поеду, – сказала она. – Но у меня есть для вас еще один подарок, Эшли.

Чуточку оробев теперь, когда настал момент вручить ему этот подарок, она развернула бумагу и достала длинный желтый кушак из плотного китайского шелка с тяжелой бахромой по концам Ретт Батлер несколько месяцев назад привез ей из Гаваны желтую шелковую шаль, пестро расшитую синими и красными цветами и птицами, и всю эту неделю она прилежно

спарывала вышивку, а потом раскроила шаль и сшила из нее длинный кушак.

– Скарлетт! Какой красивый кушак! И это вы его сшили? Тогда он мне дорог вдвойне. Повяжите меня им сами, дорогая. Все позеленеют от зависти, когда увидят меня в моем новом мундире да еще с таким кушаком!

Скарлетт обернула блестящую шелковую ленту вокруг его тонкой талии поверх кожаного ремня и завязала «узлом любви». Пусть новый мундир сшила ему Мелани, – этот кушак – ее тайный дар, дар Скарлетт. Он наденет его, когда пойдет в бой, и кушак будет служить ему постоянным напоминанием о ней. Отступив на шаг, она окинула Эшли восхищенным взглядом, гордясь им и думая, что даже Джеф Стюарт с его пером и развевающимися концами кушака не мог бы выглядеть столь ослепительно, как ее возлюбленный Эшли.

– Очень красиво, – повторил он, перебирая в пальцах бахрому. – Но я догадываюсь, что вы пожертвовали для меня своим платком или шалью. Вы не должны были делать этого, Скарлетт. Изящные вещи теперь достать нелегко.

– О, Эшли, да я готова...

Она хотела сказать: «Если бы потребовалось, я бы вырвала сердце из груди, чтобы подарить вам!» – но сказала только:

– Я готова все для вас сделать!

– Это правда? – спросил он, и лицо его просветлело. – А ведь вы действительно можете сделать для меня кое-что, Скарлетт, и это в какой-то мере снимет тяжесть с моей души, когда я буду далеко от вас.

– Что же я должна сделать? – спросила она радостно, готовая сотворить любое чудо.

– Скарлетт, поберегите Мелани, пока меня не будет.

– Побережь Мелани?

Сердце ее упало. Разочарование было слишком велико. Так вот какова его последняя просьба к ней, а она-то готова была пообещать ему что-то необычайное и прекрасное! В ней вспыхнула злоба. В это мгновение Эшли должен был принадлежать ей, только ей. Мелани здесь не было, и все же ее бледная тень незримо стояла между ними. Как мог он произнести имя Мелани в этот миг прощания? Как мог он отважиться на такую просьбу?

Но он не прочел разочарования, написанного на ее лице. Как прежде когда-то, он смотрел на нее, но словно бы ее не видел, – у него опять был этот странно отсутствующий взгляд.

– Да, не оставляйте ее, позаботьтесь о ней. Она такая хрупкая, а сама совсем этого не понимает. Она подорвет свои силы этой работой в госпитале, бесконечным шитьем. А у нее ведь очень слабое здоровье, и она так застенчива. И, кроме тети Питтипэт, дяди Генри и вас, у нее совсем нет близких родственников, никого на всем белом свете, если не считать Бэрров, но они в Мейконе, и притом это троюродные братья и сестры. А тетя Питти – вы же знаете, Скарлетт, – она дитя. И дядя Генри – старик. Мелани очень любит вас, и не только потому, что вы были женой Чарли, но и потому., потому что вы – это вы. Она любит вас, как сестру. Скарлетт, я не сплю ночей, думая о том, что будет с Мелани, если меня убьют и ее некому будет поддержать! Можете вы пообещать мне?

Она даже не слышала вновь обращенной к ней просьбе – так испугали ее эти страшные слова: «Если меня убьют». Изо дня в день читала она списки убитых и раненых, читала, их, холодея, чувствуя, что жизнь ее будет кончена, если, с Эшли что-нибудь случится. Но никогда, никогда не покидала ее внутренняя уверенность в том, что даже в случае полного разгрома армии конфедератов судьба будет милостива к Эшли. И вдруг он произнес сейчас эти страшные слова! Мурашки побежали у нее по спине, и страх, неподвластный рассудку суеверный страх обуял ее. Вера в предчувствия, особенно в предчувствие смерти, унаследованная от ирландских предков, пробудилась в ней, а в широко раскрытых серых глазах Эшли она прочла такую

глубокую грусть – словно, казалось ей, он уже ощущал присутствие смерти у себя за плечом и слышал леденящий душу вопль Бэнши – привидения-плакальщика из ирландских народных сказаний.

– Вы не должны говорить о смерти! Даже думать так вы не должны! Это дурная примета! Скорее прочтите молитву!

– Нет, это вы помолитесь за меня и поставьте свечу, – сказал он, улыбнувшись в ответ на ее испуганную пылкую мольбу.

Но она была так потрясена ужасными картинками, нарисованными ее воображением, что не могла вымолвить ни слова. Она видела Эшли мертвым, на снегу, где-то там далеко, далеко, на полях Виргинии. А он продолжал говорить, и такая печаль и обреченность были в его голосе, что страх ее еще возрос, заслонив все – и гнев и разочарование.

– Но ведь именно потому я и обращаюсь к вам с просьбой, Скарлетт. Я не знаю, что будет со мной, что будет с каждым из нас. Но когда наступит конец, я буду далеко и, если даже останусь жив, не смогу ничего сделать для Мелани.

– Когда.., когда наступит конец?

– Да, конец войны.., и конец нашего мира.

– Но, Эшли, не думаете же вы, что янки нас побьют? Всю эту неделю вы говорили нам, как непобедим генерал Ли...

– Всю эту неделю я говорил неправду, как говорят ее все офицеры, находящиеся в отпуску. Зачем я буду раньше времени пугать Мелани и тетю Питти? Да, Скарлетт, я считаю, что янки взяли нас за горло. Геттисберг был началом конца. В тылу об этом еще не знают. Здесь не понимают, как обстоит дело на фронте, но многие наши солдаты уже сейчас без сапог, Скарлетт, а зимой снег в Виргинии глубок. И когда я вижу их обмороженные ноги, обернутые мешковиной и тряпками, и кровавые следы на снегу, в то время как на мне пара крепких сапог, я чувствую, что должен отдать кому-нибудь из них свои сапоги и тоже ходить босиком.

– Ох, Эшли, пообещайте мне, что вы этого не сделаете!

– Когда я все это вижу, а потом смотрю на янки, я понимаю, что всему конец. Янки, Скарлетт, нанимают себе солдат в Европе тысячами. Большинство солдат, взятых нами в плен в последние дни, не знают ни слова по-английски. Это немцы, поляки и неистовые ирландцы, изъясняющиеся на гаэльском языке. А когда мы теряем солдата, нам уже некого поставить на его место. И когда у нас разваливаются сапоги, нам негде взять новые. Нас загнали в щель, Скарлетт. Мы не можем сражаться со всем светом.

Неистовые мысли вихрем проносились в голове Скарлетт «Пропади она пропадом. Конфедерация! Пусть рухнет весь мир, лишь бы вы были живы, Эшли! Если вас убьют, я умру!» – Я надеюсь, Скарлетт, что вы не передадите никому моих слов. Я не хочу вселять в людей тревогу. Я бы никогда не позволил себе встревожить и вас, моя дорогая, но я должен был объяснить, почему я прошу вас позаботиться о Мелани. Она такая слабенькая, хрупкая, а вы такая сильная, Скарлетт. Для меня будет большим утешением знать, что вы не оставите ее, если со мной что-нибудь случится. Вы обещаете мне?

– Обещаю! – воскликнула она. В это мгновение, когда ей показалось, что смерть стоит за его плечом, она готова была пообещать ему все, чего бы он ни попросил. – Но, Эшли, Эшли, я не могу расстаться с вами! Я не могу быть мужественной!

– Вы должны быть мужественной, – сказал он, и какой-то новый, едва уловимый оттенок почудился ей в его словах. Голос его стал глуше, и он говорил торопливее, словно владевшее им внутреннее напряжение спешило излиться в мольбе. – Вы должны быть мужественны. Иначе где же мне взять силы все выдержать?

Она пытливо и обрадованно взглядывалась в его лицо, ища в нем подтверждения тому, что и

его тоже убивает разлука с ней и у него тоже сердце рвется на части. Но лицо его оставалось таким же замкнутым и напряженным, как в ту минуту, когда он появился на лестнице после прощания с Мелани, и она ничего не могла прочесть в его глазах. Он наклонился, сжал ее лицо в своих ладонях и легко коснулся губами лба.

– Скарлетт! Скарлетт! Вы так прекрасны, так добры и так сильны! Прекрасно не только ваше милое личико. В вас все совершенно – ум, тело, душа – О, Эшли! – пролепетала она, блаженно затрепетав от прикосновения его рук, от его слов. – Вы, один только вы на всем свете...

– Я, мне кажется, знаю вас лучше, чем другие, – во всяком случае, мне приятно так думать, – и вижу то прекрасное, что скрыто в вас, но ускользает от внимания тех, кто привык судить слишком поверхностно или слишком поспешно.

Он умолк, руки его упали, но взгляд был прикован к ее лицу. Затаив дыхание, чуть привстав от напряжения на цыпочки, она ждала. Ждала, что он произнесет три магических слова. Но он молчал. Она лихорадочно впивалась взглядом в его лицо, губы ее дрожали... Она поняла, что больше он не прибавит ничего.

Этого вторичного крушения всех ее надежд она уже не могла вынести.

– Ох, ну вот! – пролепетала она совсем по-детски и упала на стул. Слезы брызнули у нее из глаз. И тут она услышала зловещий шум за окном, который безжалостно подтвердил ей неизбежность предстоящей разлуки. Так язычник, заслышав плеск воды под веслами ладьи Харона, проникается чувством безмерного отчаяния и обреченности. Дядюшка Питер, закутавшись в одеяло, подогнал к крыльцу коляску, чтобы отвезти Эшли на вокзал.

– Прощайте! – тихо произнес Эшли, взял со стола широкополую фетровую шляпу, которую ей всеми правдами и неправдами удалось раздобыть у Ретта, и шагнул в погруженный во мрак холл. На пороге он обернулся и поглядел на нее долгим, почти исступленным взглядом, словно стремясь запечатлеть весь ее облик до мельчайших деталей и унести с собой. Она видела его лицо сквозь туманную завесу слез, в горле у нее стоял комок. Она понимала, что он уходит, уходит от нее, от ее забот о нем, из спасительной гавани этого дома, из ее жизни, уходит, быть может, навсегда, так и не сказав ей тех слов, которых она столь страстно ждала. Дни промелькнули один за другим, словно лопасти мельничного колеса под неотвратимым напором воды, и теперь было уже поздно. Спотыкаясь, как слепая, бросилась она через всю гостиную в холл и вцепилась в концы его кушака.

– Поцелуйте меня! – прошептала она. – Поцелуйте меня на прощание.

Его руки мягко обхватили ее плечи, его голова склонилась к ее лицу. Она ощутила прикосновение его губ к своим губам и крепко обвила руками его шею. На какой-то краткий, быстротечный миг он с силой прижал ее к себе. Она почувствовала, как напряглось его тело. Затем, выронив из рук шляпу, он расцепил обвивавшие его шею руки.

– Нет, Скарлетт, не надо, – глухо произнес он и так стиснул ее запястья, что ей стало больно.

– Я люблю вас, – задыхаясь, пробормотала она. – Я всегда любила только вас. Никогда никого больше не любила. Я вышла замуж за Чарльза просто.., просто вам назло. О, Эшли, я люблю вас! Я готова идти пешком в Виргинию, лишь бы быть возле вас! Я бы стряпала для вас, и чистила бы вам сапоги, и ухаживала бы за вашей лошастью... О, Эшли, скажите, что вы любите меня! Я буду жить этим, пока не умру!

Он наклонился, поднял шляпу, и она увидела его лицо. Вся его отчужденность, замкнутость исчезли. Это было самое несчастное лицо на свете. Она поняла, что он любит ее и ее любовь дает ему радость и повергает его в безмерное отчаяние и стыд.

– Прощайте, – хрипло проговорил он.

Скрипнула отворенная дверь, порыв ледяного ветра ворвался в дом, колыхнув занавески на окнах. По телу Скарлетт пробежала дрожь. Она смотрела Эшли вслед: он бегом направился к коляске, его сабля тускло поблескивала в лучах бледного зимнего солнца, концы кушака весело развевались на ветру.

Миновали январь и февраль с холодными дождями, резким пронизывающим ветром и все растущей безнадежностью и унынием в сердцах. После поражения при Геттисберге и Виксберге линия фронта армии южан была прорвана в центре. С упорными боями войска северян заняли почти весь штат Теннесси. Но даже это новое поражение не сломило духа южан. Беспечная заносчивость уступила место угрюмой решимости, и конфедераты по-прежнему продолжали утверждать, что нет, дескать, хуже без добра. Ведь дали же северянам крепко по шее, когда они в сентябре попытались закрепить свою победу в Теннесси прорывом в Джорджию.

Здесь, в северо-западном углу штата, под Чикимаугой, впервые за всю войну произошло большое сражение уже на земле Джорджии. Янки заняли Чаттанугу и горными тропами вторглись в Джорджию, но были отброшены назад и понесли большие потери.

Атланта со своими железными дорогами сыграла немалую роль в этой знаменитой победе южан при Чикимауге. По железным дорогам, ведущим из Виргинии в Атланту и оттуда дальше на север в Теннесси, войска генерала Лонгстрита были переброшены к местам сражений. На протяжении сотен миль железнодорожный путь был очищен от всех гражданских перевозок, и весь подвижной состав юго-востока был использован для военных нужд.

Атланта наблюдала, как через город за часом час и за составом состав проходили поезда с пассажирскими вагонами, товарными вагонами и платформами, загруженными шумными, распеваящими песни солдатами. Они ехали без пищи и без сна, без своих лошадей, без продовольственных и санитарных служб и прямо из вагонов, без малейшей передышки шли в бой. И янки были отброшены из Джорджии назад в Теннесси.

Это была огромная победа, и жители Атланты с удовлетворением и гордостью сознавали, что их железные дороги сделали эту победу возможной.

Юг с нетерпением ждал хороших вестей на Чикамауги – они были нужны позарез, чтобы не потерять бодрости духа предстоящей зимой. Теперь уже никто не стал бы отрицать, что янки умеют драться и у них, что ни говори, хорошие полководцы. Грант был настоящий мясник, ему было наплевать, сколько он уложит солдат, лишь бы одержать победу, но победы он одерживал. Имя Шеридана вселяло страх в сердца южан. И наконец, существовал еще один человек, некто Шерман, чье имя упоминалось все чаще и чаще. О нем заговорили во время сражений в Теннесси и на Западе, и слава о нем, как о решительном и беспощадном воине, росла.

Ни один из них, разумеется, не мог сравниться с генералом Ли. Вера в генерала и его войско была по-прежнему крепка. Уверенность в конечной победе непоколебима. Но война слишком затянулась. Слишком много полегло на поле боя, слишком много было раненых, калек, слишком много вдов, сирот. А впереди еще долгая, жестокая битва, и значит – будут еще убитые, еще раненые, еще вдовы и сироты.

И в довершение всех бед среди гражданского населения стало проявляться недоверие к власти имущим. Некоторые газеты уже открыто выражали свое недовольство президентом Дэвисом и его планом ведения войны. Внутри правительства Конфедерации существовали разногласия, между президентом Дэвисом и генералами происходили трения. Стремительно росла инфляция. Армии не хватало мундиров и сапог, а медикаментов и амуниции и подавно. Железным дорогам требовались новые вагоны взамен старых и новые рельсы взамен взорванных противником. Генералы посылали с поля боя депеши, требуя свежих пополнений, а их становилось все меньше и меньше. И тут еще как на грех некоторые губернаторы штатов – и в том числе губернатор Джорджии Браун – отказались посылать войска милиции за пределы штата. Эти войска насчитывали тысячи боеспособных солдат, в; которых остро нуждалась армия,

но правительство тщетно пыталось их получить.

Новое падение стоимости доллара повлекло за собой новое повышение цен. Говядина, свинина и сливочное масло стоили уже тридцать пять долларов фунт, мука – тысячу четыреста долларов мешок, сода – сто долларов фунт, чай – пятьсот долларов фунт. А теплая одежда в тех случаях, когда ее удавалось раздобыть, продавалась уже по таким недоступным ценам, что жительницы Атланты, чтобы защититься от ветра, утепляли свою старую одежду с помощью тряпок и газет. Ботинки стоили от двухсот до восьмисот долларов пара – в зависимости от того, были ли они из настоящей кожи или из искусственной, получившей название «картона». Дамы носили гетры, сшитые из старых шалей или ковриков. Подметки делались из дерева.

В сущности, Север держал Юг в осадном положении, хотя не все еще отчетливо это понимали. Американские канонерки туго затянули петлю на горле всех южных портов, и крайне редко какому-нибудь судну удавалось прорвать блокаду.

Южные штаты всегда жили за счет продажи своего хлопка, покупая на вырученные деньги все, чего не производили сами. Теперь они не могли ни продавать, ни покупать. У Джералда О'Хара в Таре под навесами возле хлопкоочистительной фабрики скопился урожай хлопка за три года, но толку от этого было мало. Сто пятьдесят тысяч долларов выручил бы он за него в Ливерпуле, но надежды вывезти его в Ливерпуль не было никакой. Джералд, уже привыкший считать себя человеком богатым, теперь задумывался над тем, как ему прокормить семью и своих рабов до конца зимы.

И большинство южных плантаторов находились в столь же трудном положении. Петля блокады затягивалась все туже и туже, лишая южан возможности сбывать свое белое золото на английском рынке и ввозить на вырученные деньги все, в чем была нужда. А земледельческий Юг, ведя войну с индустриальным Севером, нуждался теперь во многом – в таких вещах, покупать которые он никогда и не помышлял в мирные дни.

Все это создавало исключительно благоприятные условия для барышников и спекулянтов, и они не преминули ими воспользоваться. По мере того как пища и одежда становились все менее доступными, а цены росли, общественное возмущение спекулянтами выражалось все громче и озлобленней. В первые месяцы 1864 года не выходило ни одной газеты, в которой не было бы передовой статьи, полной уничижительных нападок на спекулянтов – этих стервятников, этих кровопийц – и призывающей правительство разделаться с ними твердой, рукой. Правительство старалось как могло, но все его усилия оставались бесплодными, ибо у правительства и без того хлопот был полон рот.

Но никто не подвергался Таким ожесточенным нападкам, как Ретт Батлер. Когда борьба с блокадой стала делом слишком опасным, он продал своя суда и открыто занялся спекуляцией продовольствием. Слухи о его деятельности в Ричмонде и Уилмингтоне доходили до Атланты и заставляли всех, кто принимал его когда-то в своих гостиных, сгорать со стыда.

И все же, невзирая на эти невзгоды и тревожения, население Атланты, насчитывавшее до войны десять тысяч, увеличилось за эти годы вдвое. И даже сама блокада в какой-то мере содействовала повышению престижа Атланты. Прибрежные города с незапамятных времен занимали господствующее положение на Юге – как по части торговли, так и во всех прочих отношениях.

Однако после того, как южные порты были блокированы и многие портовые города захвачены противником или подвергнуты осаде. Юг уже не мог ждать спасения ни от кого – ему оставалось рассчитывать только на самого себя. Для победы в войне многое теперь зависело от положения во внутренних территориях Юга, и в центре событий оказалась Атланта. Население Атланты переносило не менее тяжкие лишения, чем жители всех других областей Конфедерации, так же жестоко страдало от болезней и вымирало, но значение самого города в

результате войны не упало, а возросло. Сердце Конфедерации – город Атланта – билось надежно и сильно, и по его железным дорогам – артериям страны – продолжал безостановочно литься поток составов с рекрутами, снаряжением, провиантом.

В другие времена Скарлетт пребывала бы в безмерном огорчении из-за своих поношенных платьев и заплатанных туфель, но теперь это ее не слишком волновало, поскольку единственный человек, чье мнение было ей небезразлично, не мог ее увидеть. Ближайшие два месяца были, пожалуй, самыми счастливыми в ее жизни за все последние годы. Когда ее руки обвили шею Эшли, разве не услышала она глухие, взволнованные удары его сердца? А этот исполненный отчаяния и муки взгляд – он сказал ей больше, чем могли бы поведать уста. Эшли любит ее. Теперь ее уже не терзали больше сомнения, и эта уверенность приносила ей такую радость, что сердце ее смягчилось к Мелани. У нее появилось даже чувство жалости к ней – жалости с легким оттенком презрения к ее ограниченности и слепоте.

«Когда кончится война... – говорила она себе. – Когда она кончится, тогда...» Но порой возникала другая мысль, вонзая в сердце холодное жало страха: «Тогда.., а что тогда?» Но она отгоняла ее от себя. Когда война будет позади, все как-то решится. Раз Эшли любит ее, он просто не сможет продолжать жить с Мелани.

Но развод же невозможен. И конечно, Элин и Джералд – рьяные католики – никогда не допустят ее брака с разведенным человеком. Ведь это означало бы отлучение от церкви! Раздумывая над этим, Скарлетт пришла к решению: если встанет выбор между церковью и Эшли, она выберет Эшли. Но боже, какой поднимется скандал! Разведенных не только отлучают от церкви – их перестают принимать в обществе. Они становятся изгоями. Ну что ж, ради Эшли она пойдет и на это. Ради него она готова принести в жертву все.

Когда война кончится, все так или иначе образуется. Если Эшли любит ее, любит по-прежнему сильно, он найдет выход. Она заставит его найти выход. И день ото дня в ней крепла уверенность в том, что он ее любит и, когда янки будут наконец разбиты, сумеет так или иначе все уладить. Правда, Эшли сказал, что янки берут верх. Но Скарлетт считала, что это чепуха. Он был истерзан, подавлен, когда говорил с ней. Впрочем, мысль о том, победят янки или нет, мало заботила ее. Лишь бы война поскорее кончилась и Эшли возвратился домой.

А в марте, когда непогода и слякоть заставляли всех сидеть по домам, судьба нанесла Скарлетт жестокий удар. Мелани, стыдливо опустив голову и отводя в сторону сияющие гордостью и счастьем глаза, сообщила Скарлетт, что она ждет ребенка.

– По мнению доктора Мида, это будет в конце августа или в начале сентября, – сказала она. – Я догадывалась» но до сегодняшнего дня не была уверена. О, Скарлетт, как это чудесно, правда? Я так завидовала тебе, что у тебя есть Уэйд, я так хотела иметь ребенка. И ужасно боялась, что у меня никогда не будет детей, а я хочу, чтобы их была дюжина!

Скарлетт расчесывала волосы, собираясь лечь спать, и ее рука застыла в воздухе, когда Мелани произнесла эти слова.

– Боже милостивый! – пробормотала она, еще не до конца осознав значение услышанного. Затем в памяти воскресла захлопнувшаяся за Мелани и Эшли дверь спальни, и такая боль пронзила ее, словно в сердце ей всадили нож – словно Эшли был ее мужем и она узнала о его неверности. Ребенок. Ребенок Эшли. Как же он мог, когда он любит не Мелани, а ее, Скарлетт?

– Я знала, что ты будешь изумлена, – не переводя дыхания, продолжала лепетать Мелани. – Не правда ли, это изумительно? О, Скарлетт, я просто не знаю, как написать об этом Эшли? Если бы можно было сказать ему, или.., или, еще лучше, ничего не говорить, пусть бы он сам мало-помалу заметил.., догадался.., ты же понимаешь...

– Боже милостивый! – повторила Скарлетт, готовая разрыдаться, и, выронив расческу, ухватилась за мраморную доску туалетного столика, чтобы не упасть.

– Дорогая, что с тобой, не волнуйся так! Ты же знаешь, родить ребенка вовсе не так уж страшно. Ты сама это говорила. Не тревожься за меня. Я ужасно тронута твоим участием. Правда, доктор Мид сказал, что я... что у меня, – Мелани покраснела, – узкий таз, но он надеется, что все будет в порядке. И.., скажи, Скарлетт, ты сама написала Чарли, когда узнала насчет Уэйда, или это сделала твоя мать, или, может быть, мистер О'Хара? О дорогая, если бы моя мама была жива и могла написать Эшли! Я просто не представляю себе, как я...

– Замолчи! – вне себя выкрикнула Скарлетт. – Замолчи!

– О, Скарлетт!.. Господи, какая я дура! Прости меня. Знаешь, когда человек счастлив, он всегда становится эгоистом. Я вдруг совсем как-то забыла про Чарли...

– Замолчи! – повторила Скарлетт, стараясь овладеть собой и пряча от Мелани лицо. Никогда, никогда не должна Мелани догадаться или хотя бы заподозрить, какие чувства ее обуревают.

А у Мелани, деликатнейшего из всех земных созданий, слезы выступили на глазах от стыда за свое жестокосердие. Как посмели они воскресить в душе Скарлетт ужасные воспоминания о том, что малютка Уэйд появился на свет, когда бедняга Чарльз уже несколько месяцев лежал в могиле! Как могла она быть такой бесчувственной!

– Дай я помогу тебе раздеться, дорогая! – смиренно проговорила она. – И приглажу щеткой волосы.

– Оставь меня в покое, – с каменным лицом произнесла Скарлетт. И Мелани удалилась вся в слезах, предаваясь мукам самобичевания. Скарлетт не плакала, ложась в постель, но гордость ее была глубоко уязвлена, надежды рухнули, ее снедала зависть к счастливым супружеским парам.

Она думала о том, что не сможет больше жить под одной кровлей с женщиной, которая носит в своем чреве ребенка Эшли, и ей нужно вернуться домой, к родному очагу. Ей казалось, что она не сможет теперь поглядеть в глаза Мелани и не выдать своей тайны. И наутро она встала с твердым решением сразу же после завтрака собраться в дорогу. Но когда они сидели за столом – Скарлетт в угрюмом молчании, тетушка Питти в растрепанных чувствах и Мелани с несчастным видом, – принесли телеграмму.

Моз, слуга Эшли, сообщал Мелани:

«Я искал его повсюду и не нашел. Прикажете возвращаться домой?» Никто не понимал, что значит эта телеграмма, – они смотрели друг на друга расширенными от страха глазами, и всякая мысль об отъезде сразу вылетела у Скарлетт из головы. Не закончив завтрака, они покатали в город – телеграфировать командиру полка, в котором служил Эшли, но на телеграфе их уже ждала телеграмма самого полковника:

«С прискорбием извещаю майор Уилкс не возвратившийся три дня назад с разведывательной операции числится пропавшим без вести. Будем держать вас в известности».

Мрачным было их возвращение домой: тетушка Питти плакала и сморкалась в носовой платок; Мелани сидела бледная, прямая, неподвижная; потрясенная Скарлетт забилась в угол коляски. Войдя в дом, Скарлетт, пошатываясь, поднялась по лестнице к себе в спальню, схватила четки и, упав на колени, попыталась обратиться с молитвой к богу. Но слова молитвы не шли ей на ум. Душа ее была объята ужасом – страшная мысль сверлила мозг: господь отвернулся от нее за ее грех. Она полюбила женатого мужчину, она пыталась увести его от жены, и господь отнял у него жизнь, чтобы покарать ее. Ей хотелось молиться, но она не решалась поднять глаза к небесам. Ей хотелось плакать, но глаза ее были сухи. Слезы жгли ей грудь, душили ее, но не могли пролиться.

Отворилась дверь, и вошла Мелани. Ее бледное лицо в ореоле темных волос было как вырезанное из белой бумаги сердечко, в огромных глазах застыл страх. Она походила на заблудившегося во мраке ребенка.

– Скарлетт, – сказала она, протягивая к ней руки. – Ты должна простить меня за мои вчерашние слова, ведь ты теперь все, что у меня осталось. О, Скарлетт, я чувствую, что моего бесценного нет в живых!

Кто знает, как это произошло, но Скарлетт уже держала Мелани в объятиях, а та бурно рыдала, и детские груди ее трепетали. А потом обе они лежали на постели, тесно прильнув друг к другу в горе, и Скарлетт плакала тоже – плакала, уткнувшись в плечо Мелани, и лица их были влажны от смешавшихся слез. Слезы истощали душу, но когда они не могли пролиться, было еще тяжелее. Эшли мертв, мертв, думала Скарлетт, и это я убила его, моя любовь тому причиной! Новый приступ рыданий сотряс ее тело, и Мелани, невольно находя утешение в ее слезах, еще крепче обхватила ее руками за шею.

– По крайней мере, – прошептала она, – по крайней мере у меня будет от него ребенок.

«А у меня, – подумала Скарлетт, под бременем своего горя очистившись от таких мелких чувств, как ревность, – а у меня не осталось ничего. Только этот его взгляд, при прощании».

Первое сообщение гласило: «Пропал без вести, предположительно убит». Так значилось в списке потерь. Мелани отправила полковнику Слоану дюжину телеграмм, и наконец от него пришло исполненное сочувствия письмо, в котором полковник сообщил, что Эшли ушел в разведку со своим кавалерийским отрядом и не вернулся. Поступали донесения о небольших схватках с противником на пограничной линии, и убитый горем Моз, рискуя жизнью, отправился на розыски тела Эшли, но найти его не мог. Мелани, неестественно спокойная теперь, перевела ему телеграфом деньги и велела возвратиться домой.

Когда в последующем списке потерь появились слова: «...пропал без вести, предположительно находится в плену», в погруженном в скорбь доме затеплилась надежда, люди ожили. Мелани невозможно было увести из конторы телеграфа, и она ходила встречать каждый поезд в чаянии получить письмо. Беременность протекала тяжело, здоровье ее пошатнулось, но она не желала подчиняться предписаниям доктора Мида и оставаться в постели. Лихорадочное беспокойство и возбуждение владели ею, и она не знала ни минуты покоя. Далеко за полночь, лежа в постели, Скарлетт слышала ее шаги в соседней комнате.

Однажды насмерть перепуганный дядюшка Питер привез Мелани под вечер домой из города: полумертвая, она сидела в коляске, и ее поддерживал Ретт Батлер. Ей сделалось дурно на телеграфе, и случайно оказавшийся там Ретт, заметив какое-то волнение в кучке людей, увидел ее и отвез домой. Он отнес ее на руках в спальню и положил в постель на подушки, а взволнованные домочадцы суетились вокруг с одеялами, горячими кирпичами и виски – Миссис Уилкс, – спросил Ретт напрямик, – вы ждете ребенка?

Услышав такой вопрос, Мелани при других обстоятельствах снова лишилась бы чувств, но сейчас она была слишком больна, слишком слаба, слишком убита горем. Даже в беседах с близкими приятельницами она стеснялась упоминать о своей беременности, а посещения доктора Мида были для нее каторгой. И казалось просто невообразимым, что она слышит этот вопрос из уст мужчины, а тем более Ретта Батлера. Но, распростертая на постели, ослабевшая и несчастная, она смогла только кивнуть. А потом, когда она уже кивнула, все как-то перестало казаться ей таким ужасным, потому что мистер Батлер был необычайно добр и внимателен. В таком случае вы должны больше думать о себе. Все ваши терзания, хлопоты и беготня по городу никак делу не помогут, а ребенку могут повредить. С вашего позволения я использую свои связи

в Вашингтоне, чтобы узнать о судьбе мистера Уилкса. Если он в плену, его имя должно числиться в федералистских списках, если же нет.. Что ж, неизвестность ведь хуже всего. Но дайте мне слово, миссис Уилкс, что будете беречь себя, иначе, клянусь богом, я и пальцем не пошевелю.

– Как вы добры! – пролепетала Мелани. – И как только могут люди так дурно отзываться о вас! – И, тут же поняв ужасную бестактность своих слов, подавленная к тому же чудовищным неприличием всего происходящего, она беззвучно расплакалась. И когда Скарлетт с горячим кирпичом, завернутым во фланелевую тряпицу, взлетела по лестнице, она увидела, что Ретт Батлер тихонько поглаживает руку Мелани.

Слово свое он сдержал. На какие пришлось ему нажимать для этого пружины, узнать им было не дано. Спросить его они не решились из боязни услышать признание в его слишком тесных контактах с янки. Прошел месяц, прежде чем Ретт принес им эту весть – которая сначала заставила их воспарить до небес от радости, а затем надолго поселила гнетущую тревогу в их сердцах.

Эшли жив! Он был ранен, попал в плен и, по сведениям, находился в лагере для военнопленных в Рок-Айленде, в штате Иллинойс. Эшли жив! В первые мгновения радости они не могли думать ни о чем другом. Потом, когда радостное волнение немного улеглось, они поглядели друг другу в глаза и пробормотали:

«Рок-Айленд!» И это прозвучало в их устах так, как если бы они произнесли «В аду!» Ибо, в то время как от слова «Андерсонвилл» на северян веяло серным смрадом, будто из преисподней, слова «Рок-Айленд» вселяли ужас в сердца южан, если их близкие находились там в заключении. Когда Линкольн не согласился на обмен военнопленными, рассчитывая приблизить конец войны, возложив на Конфедерацию бремя снабжения военнопленных янки и содержание их под стражей, в Андерсонвилле, в штате Джорджия, находились тысячи синих мундиров. Солдаты Конфедерации содержались на скудном рационе, а больные и раненые практически совсем были лишены медикаментов и перевязочного материала. Делиться с пленными конфедератам, в сущности, было нечем. Пленным отпускалось то же, что получали солдаты в походе, – жирную свинину и сушеные бобы, – и на этом пайке янки мерли как мухи, иной раз до сотни человек в день. Разгневанный поступавшими об этом донесениями Север ответил ухудшением условий содержания пленных конфедератов, причем в особо тяжелом положении оказались те, кто находился в Рок-Айленде. Скудная пища, одно одеяло на троих и свирепствовавшие в лагере болезни – пневмония, тиф и оспа – заслужили этому месту заключения наименование «чумной лагерь». Лишь одной трети попавших туда военнопленных суждено было выйти на волю живыми.

И там, в этом ужасном лагере, находился Эшли! Он был жив, но ранен и в плену, и когда его увезли в Рок-Айленд, в Иллинойсе, должно быть, лежал глубокий снег. Быть может, он уже скончался от раны после того, как Ретт Батлер получил о нем сведения? Быть может, он пал жертвой оспы? Быть может, он лежит в бреду, большой пневмонией, а у него нет даже одеяла, чтобы укрыться?

– О, капитан Батлер, нельзя ли что-нибудь сделать? – взмолилась Мелани. – Не можете ли вы, использовав ваши связи, добиться, чтобы его обменяли?

– Мистер Линкольн, справедливый и милосердный, проливающий крупные слезы над пятью мальчиками миссис Биксби, не прольет ни единой слезы над тысячами своих солдат, умирающих в Андерсонвилле, – с кривой усмешкой отвечал Ретт Батлер. – Ему наплевать, если даже они все умрут. Издан приказ: никаких обменов. И никаких исключений ни для кого. Я.., я не хотел говорить вам об этом, миссис Уилкс, но придется: ваш муж имел возможность освободиться из лагеря, но отказался.

– О нет, не может быть! – воскликнула Мелани, не веря своим ушам.

– Да, это так. Янки производили набор солдат для службы на границе и охраны ее от индейцев. Они вербовали их среди пленных конфедератов Любой заключенный, который соглашался отслужить два года на индейской границе и принести присягу, освобождался из лагеря, и его отправляли на Запад. Мистер Уилкс отказался.

– О, как он мог так поступить! – воскликнула Скарлетт – Что стоило ему принести присягу, а потом, освободившись из лагеря, бежать и вернуться домой Мелани, мгновенно обратившись в маленькую разъяренную фурию, обрушилась на нее. – Как ты только можешь предположить такое! Чтобы он сначала изменил Конфедерации, приняв эту постыдную присягу, а потом изменил своему слову, данному янки? Мне легче было бы узнать, что, он умер в Рок-Айленде, чем услышать, что он принес такую присягу! Я бы гордилась им, если бы он умер в заключении, но если бы он поступил так, я бы до конца жизни не захотела его больше видеть. Никогда, никогда! Конечно, он отказался.

Провожая Ретта Батлера до дверей, Скарлетт спросила у него с вызовом:

– Будь вы на его месте, разве вы не предпочли бы завербоваться, а потом бежать, чем погибать в этом лагере?

– Разумеется, предпочел бы, – отвечал Ретт и усмехнулся, блеснув белыми зубами под темной ниточкой усов. – Так почему же Эшли этого не сделал?

– Он джентльмен, – сказал Ретт, и Скарлетт оторопела: как сумел он вложить столько циничного презрения в одно короткое, высоко всеми чтимое слово?

Наступил май 1864 года – жаркий, сухой, с пожухшими от зноя, не успев раскрыться, бутонами цветов, и янки под предводительством генерала Шермана снова были в Джорджии, под Далтоном, в ста милях к северо-западу от Атланты. Там, на границе Джорджии и Теннесси, ожидалась тяжелые бои Янки стягивали свои силы для удара на Западно-Атлантскую железную дорогу, соединявшую Атланту с Теннесси и Западом, – на ту самую дорогу, по которой осенью были переброшены войска южан, одержавшие победу при Чикамауге.

Однако предстоящее сражение при Далтоне не особенно тревожило Атланту. Место, где янки сосредоточивали свои войска, находилось всего несколькими милями юго-восточнее полей сражений при Чикамауге. Один раз янки уже пытались пробиться оттуда по горным тропам дальше и были отброшены. Прогонят их и теперь.

В Атланте – да и во всей Джорджии – понимали, что этот штат имеет слишком важное стратегическое значение для Конфедерации, чтобы генерал Джо Джонстон позволил янки долго оставаться в его пределах. Старина Джо и его солдаты не дадут ни одному янки продвинуться дальше к югу от Далтона – слишком многое зависело теперь от того, чтобы жизнь в Джорджии шла без перебоев. Этот не разоренный еще штат был для Конфедерации и огромной житницей, и механической мастерской, и вещевым складом. Он поставлял почти все вооружение и порох для армии и почти весь хлопок и шерстяные изделия. Между Атлантой и Далтоном находился город Ром с его литейными и другими промышленными предприятиями, а также Итова и Аллатуна с самыми большими чугунолитейными заводами к югу от Ричмонда. Да и в Атланте изготовлялось не только оружие, снаряды, седла и Походные палатки – здесь были расположены и самые крупные прокатные станы Юга, все основные железнодорожные депо и огромное число госпиталей. И та же Атланта была главным железнодорожным узлом, где пересекались линии четырех железных Дорог, от которых зависела жизнь всей Конфедерации.

Словом, особой тревоги никто не испытывал. В конце концов, Далтон был далеко – почти у самой границы Теннесси. А в Теннесси уже на протяжении трех лет шли бои, и все давно привыкли представлять себе этот штат как отдаленный театр военных действий – почти столь же далекий от них, как Виргиния или район реки Миссисипи. К тому же между янки и Атлантой находился старина Джо со своими солдатами, а всем и каждому было известно, что теперь, после смерти Несокрушимого Джексона, у Конфедерации не было лучшего военачальника, чем Джонстон, если не считать, конечно, самого генерала Ли.

Теплым майским вечером на веранде дома тетушки Питтипэт доктор Мид кратко изложил точку зрения горожан, заявив, что Атланте совершенно нечего опасаться, поскольку генерал Джон-стон со своей армией стоит в горах как неприступный бастион. Каждый из тех, кто тихонько покачивался в креслах-качалках, глядя, как первые жуки-светляки, словно по волшебству, возникают в сгущающихся сумерках, воспринял его слова по-своему, ибо у всех было далеко не безоблачно на душе. Миссис Мид, сидевшая положив руку на плечо Фила, надеялась, что, бог даст, доктор окажется прав. Она понимала: если военные, действия приблизятся к Атланте, Фил должен будет уйти на фронт. Ему уже исполнилось шестнадцать, и он был зачислен в войска внутреннего охранения. Фэнни Элсинг, бледная, с ввалившимися глазами, все еще не оправившаяся после геттисбергской трагедии, старалась отогнать от себя страшную картину, неотвязно стоявшую перед ее мысленным взором все эти месяцы: лейтенант Даллас Маклур умирает в трясковой повозке, влекомой волами по размытым дождями дорогам, в дни ужасного бесконечного отступления к Мериленду.

Капитана Кэйри Эшберна мучила недействующая рука, и к тому же он был подавлен тем,

что его ухаживание за Скарлетт зашло в тупик. Оно не продвинулось ни на йоту с того дня, как стало известно, что Эшли Уилкс попал в плен, хотя сам капитан Эшберн не улавливал никакой связи между этими двумя обстоятельствами. Скарлетт и Мелани думали об Эшли, что они делали всегда, если их не отвлекали повседневные заботы или необходимость поддерживать разговор. Мысли Скарлетт были полны горечи и печали: «Верно, его уже нет в живых, иначе мы бы что-нибудь о нем услышали». А Мелани снова и снова, в бесчисленный раз, отгоняла от себя приступы страха и мысленно твердила:

«Он жив. Я знаю это – я бы почувствовала, если бы он умер». Смуглое лицо Ретта Батлера было непроницаемо. Он сидел в затененном углу веранды, небрежно скрестив длинные ноги в щегольских сапогах. На коленях у него безмятежно посапывал во сне малыш Уэйд, удовлетворенно зажав в кулачке тщательно обглоданную куриную косточку. Когда появлялся Ретт Батлер, Скарлетт обычно позволяла Уэйду позже ложиться спать, потому что робкий, застенчивый мальчик был прямо-таки околдован Реттом, да и тот, как ни удивительно, казалось, привязался к ребенку. Обычно присутствие Уэйда раздражало Скарлетт, но на коленях у Ретта он всегда вел себя примерно. Что до тетушки Питти, то она всеми силами старалась справиться с отрыжкой, ибо петух, которого они съели за ужином, оказался старой, жилистой птицей.

В то утро тетушкой Питти было принято тягостное решение зарезать этого патриарха, пока он не отдал богу душу по причине преклонного возраста и тоски по своему давно уже съеденному гарему. День за днем он чах в опустевшем курятнике, слишком удрученный, чтобы кукарекать. Когда дядюшка Питер свернул ему шею, деликатную душу тетушки Питтипэт внезапно одолели сомнения: допустимо ли насладиться этой птицей в кругу семьи, в то время как многие из друзей неделями не могут отведать куриного мяса, и она решила пригласить гостей. Мелани, которая была уже на пятом месяце и давно перестала принимать у себя и появляться в обществе, пришла от этой затеи в ужас. Но тетушка Питти на сей раз проявила твердость. Было бы крайне эгоистично самим съесть всего петуха, а если Мелани подтянет верхний обруч кринолина повыше, никто ничего и не заметит, тем более что она такая плоскогрудая.

– Ах, тетя Питти, не хочу я принимать никаких гостей, когда Эшли...

– Так ведь это, если бы Эшли.., если бы его больше не было, – дрожащим голосом произнесла тетя Питти, ибо в душе была убеждена, что Эшли мертв. – Но он, поверь мне, не больше мертв, чем мы с тобой, а тебе полезно немножко побыть с людьми. И я приглашу еще Фэнни Элсинг. Миссис Элсинг просила повлиять на нее, чтобы она перестала чураться общества.

– Нет, тетя Питти, мне кажется, это жестоко – принуждать Фэнни появляться на людях, когда бедняжка Даллас так недавно...

– Ну вот, Мелани, сейчас ты доведешь меня до слез, если будешь спорить. Насколько я понимаю, я твоя тетка и знаю что к чему. Я хочу позвать гостей.

Итак, тетя Питти настояла на своем, и в последнюю минуту к ней прибыл гость, которого она не ждала и отнюдь не жаждала видеть. Когда запах жареного петуха распространился по дому, Ретт Батлер, только что возвратившийся из одной из своих таинственных поездок, появился в дверях с большой нарядной коробкой конфет под мышкой и кучей двусмысленных комплиментов по адресу тетушки Питти на устах, после чего уже нельзя было не пригласить его к столу, хотя тетушке Питти было хорошо известно, какого мнения о нем доктор Мид и его супруга и как Фэнни Элсинг настроена против всех мужчин, не надевших военной формы. Ни чета Мидов, ни Фэнни не поздоровались бы с ним при встрече на улице, но в доме друзей они вынуждены будут соблюдать приличия. Притом кроткая Мелани решительнее, чем когда-либо, оказывала ему теперь покровительство. После того как благодаря его стараниям Мелани

получила известие об Эшли, она публично заявила, что, пока она жива, двери ее дома всегда будут открыты для мистера Батлера, что бы люди про него ни говорили.

Опасения тетушки Питти немного ослабели, когда она увидела, что Ретт на этот раз расположен быть пайнкой. Он с таким почтительным сочувствием уделял внимание Фэнни, что она даже улыбнулась ему, и ужин прошел отлично. Это было королевское пиршество. Кэйри Эшберн принес немного чая, который он обнаружил в кисете одного из пленных янки, отправляемых в Андерсонвилл, и всем досталось по чашечке чая, слегка отдававшего табаком. Все получили также по крошечному кусочку жесткого старого петуха с соответствующим количеством соуса из кукурузной муки с луком, по мисочке гороха и по хорошей порции риса с подливкой, правда несколько водянистой из-за нехватки муки. На десерт был подан пирог со сладким картофелем, за которым последовала принесенная Реттом Батлером коробка конфет, и после того как за стаканом ежевичного вина он угостил джентльменов еще и гаванскими сигарами, все единодушно признали, что это был Лукуллов пир.

Когда джентльмены присоединились к дамам на веранде, разговор обратился к войне. Разговор всегда обращался теперь к войне; о чем бы кто ни заговорил – о печальных ли событиях, о веселых ли – все начиналось с войны и сводилось к войне: военные увлечения, военные свадьбы, чья-то смерть на поле боя или в госпитале, лагерные происшествия, бои, походы, храбрость, трусость, горе, веселье, утраты и надежды. Всегда, всегда надежды. Твердые, неколебимые, несмотря на все понесенные, летом потери.

Когда капитан Эшберн сообщил, что он попросился на фронт и ему разрешили отбыть из Атланты в армию под Далтоном, дамы готовы были расцеловать его искалеченную руку и, пряча переполнявшую их гордость, наперебой принялись утверждать, что он не должен уезжать – кто же тогда будет ухаживать за ними?

Услышав подобное заявление из уст таких добродетельных матрон, как миссис Мид и Мелани, и незамужних дам, как тетушка Питти и Фэнни, молодой капитан был сконфужен, но чрезвычайно доволен: ему хотелось верить, что и Скарлетт такого же мнения.

– Да будет вам, не успеете вы оглянуться, как он воротится домой, – сказал доктор, обнимая Кэйри за плечи, – Еще одна короткая схватка, и янки покатаются обратно в Теннесси. А там уж за них возьмется генерал Форрест. Вас, дорогие дамы, близость янки отнюдь не должна тревожить: генерал Джонстон со своими солдатами стоит в горах как неприступный бастион. Да, да, как неприступный бастион, – повторил он с особым смаком. – Шерману там никогда не пройти. Ему нипочем не пробиться сквозь заслон старины Джо.

Дамы одобрительно улыбались: любое высказывание доктора Мида воспринималось как непреложная истина. В конце концов, мужчины разбираются в таких делах лучше женщин, и если доктор сказал, что генерал Джонстон – неприступный бастион, значит, так оно и есть. Тут Ретт Батлер заговорил. После ужина он до этой минуты не промолвил ни слова, сидя в полумраке веранды и держа на коленях спящего ребенка, прислонившегося головкой к его плечу, и только чуть заметная усмешка трогала уголки его губ.

– Сдается мне, если, конечно, верить слухам, что в распоряжении Шермана сейчас, после того как он получил подкрепление, свыше ста тысяч солдат, так?

Ответ доктора на этот неожиданный вопрос прозвучал резко. Доктор чувствовал себя не в своей тарелке с первой же минуты, как только обнаружил среди гостей этого человека, который был ему глубоко антипатичен, и лишь уважение к мисс Питтипэт и сознание, что он находится под ее кровом, заставляли его не проявлять слишком открыто своих чувств. – Ну и что же, сэр? – буркнул он в ответ.

– А капитан Эшберн, по-моему, только что сообщил нам, что в распоряжении генерала Джонстона всего сорок тысяч солдат, считая и тех дезертиров, которых убедили возвратиться

под наши знамена после одержанной нами последней победы.

– Сэр! – негодуяще воскликнула миссис Мид. – В армии конфедератов нет дезертиров. – Прошу прощения, – с притворным смирением поправился Ретт. – Я имел в виду те несколько тысяч воинов, которые позабыли вернуться в свою часть из отпуска, а также тех, кто после шестимесячного залечивания ран продолжает оставаться дома, занимаясь своими обычными делами или весенней пахотой.

Глаза его насмешливо блеснули, и миссис Мид оскорбление поджала губы. А Скарлетт, заметив ее замешательство, едва не хихикнула: Ретт попал не в бровь, а в глаз. Сотни солдат скрывались в горах и на болотах, отказываясь повиноваться военной полиции, пытавшейся погнать их обратно на фронт. Они открыто заявляли, что эту «войну ведут богачи, а кровь проливают бедняки» и они сыты войной по горло. Но гораздо больше было таких, которые не имели намерения совсем дезертировать из армии, хотя и числились в списках дезертиров. К ним принадлежали те, кто на протяжении трех лет тщетно дожидался отпуска и все это время получал из дома полуграмотные каракули, извещавшие:

«Мы голодаем...», «В этом году не снимем урожая – пахать некому. Мы голодаем...», «Уполномоченный забрал поросят, а мы уж который месяц не получаем от тебя денег. Едим один сушеный горох».

И этот хор голосов непременно множился: «Мы все голодаем – и жена твоя, и твои ребятишки, и твои родители. Когда же это кончатся-то? Скоро ль ты приедешь домой? Мы голодаем; голодаем...» И когда в поредевшей армии были отменены отпуска, солдаты самовольно ушли домой, чтобы вспахать землю, посеять хлеб, починить дома и поправить изгороди. Полковые командиры, зная, что предстоят жаркие бои, посылали этим солдатам письма, прося вернуться в часть, и, понимая положение вещей, обещали, что с нарушителей ничего не спросится. Чаще всего солдаты возвращались, если видели, что в ближайшие месяцы их близким голод не грозит. Эти «пахотные отлучки» не ставились на одну доску с дезертирством перед лицом неприятеля, но они не могли не ослаблять армии.

Доктор Мид поспешил нарушить неловкое молчание. Голос его звучал холодно:

– Численное превосходство сил противника над нашими вооруженными силами никогда не имело существенного значения. Один конфедерат стоит дюжины янки.

Дамы закивали. Эта истина была всем известна.

– Так было в первые месяцы войны, – сказал Ретт Батлер. – Возможно, так было бы и сейчас, будь у конфедератов пули для винтовок, сапоги на ногах и не пустой желудок. А вы что скажете, капитан Эшберн?

Он говорил вкрадчиво и все с тем же показным смирением. Кэйри Эшберн был в большом затруднении, так как он – по всему было видно – тоже крепко недолюбливал капитана Батлера и охотно принял бы сторону доктора, но лгать Кэйри не умел. Потому он и попросился на фронт, невзирая на свою искалеченную руку, что понимал то, чего не понимало гражданское население города, – серьезность положения. И таких, как он, было немало – немало одноногих калек, ковылявших на деревяшках, одноруких, или с оторванными пальцами, или слепых на один глаз, которые, безропотно оставив работу в интендантских службах, в госпитале, в железнодорожном депо или на почте, возвращались в свои прежние войсковые части. Они знали, что старине Джо нужен сейчас каждый солдат.

Капитан Эшберн ничего не ответил, и доктор Мид, потеряв терпение, загремел:

– Наши солдаты и раньше сражались без сапог и с пустым желудком и одерживали победы. И они снова будут сражаться и победят! Говорю вам: генерала Джонстона не выбить с его позиций! Горные твердыни всегда, во все времена служили надежным оплотом против захватчиков. Вспомните.., вспомните про Фермопилы!

Как ни старалась Скарлетт что-нибудь вспомнить, слово «Фермопилы» ничего ей не говорило.

– Но они же погибли там все, при Фермопилах, все до единого солдата, разве не так, доктор? – спросил Ретт, и губы его дрогнули – он, казалось, с трудом сдерживал смех.

– Вы, должно быть, смеетесь надо мной, молодой человек!

– Что вы, доктор! Помилуйте! Вы меня не поняли. Я просто хотел получить у вас справку. Я плохо помню античную историю. – Если потребуется, наши солдаты тоже полягут все до единого, но не допустят, чтобы янки продвинулись в глубь Джорджии, – решительно заявил доктор. – Только этого не будет. Они выбьют янки из пределов Джорджии после первой же схватки.

Тетушка Питтипэт торопливо поднялась с кресла и попросила Скарлетт сыграть для гостей что-нибудь на фортепьяно и спеть. Она видела, что разговор быстро принимает бурный и опасный оборот.

Она с самого начала знала, что не обойдется без неприятностей, если оставить Ретта Батлера ужинать. С ним никогда не обходится без неприятностей. Она просто не понимала, как этот человек умудряется всегда всех бесить. О господи, господи! И что только Скарлетт находит в нем! И как дорогая Мелани решается его защищать!

Скарлетт поспешно направилась в гостиную, а на веранде воцарилась тишина, насыщенная неприязнью к Ретту Батлеру. Как может кто-то не верить всем сердцем и всей душой в непобедимость генерала Джонстона и его солдат? Верить – это священный долг каждого. А тот, чье вероломство лишило его этой веры, должен хотя бы из чувства приличия держать язык за зубами.

Скарлетт взяла несколько аккордов, и из гостиной донеслись печальные и нежные слова популярной песни:

В палату, пропахшую кровью,
Где рядом – живой и мертвец,
Одаренный чьей-то любовью,
Доставлен был юный храбрец.
Столь юный, любимый столь нежно.
И зримо на бледном челе
Мерцал приговор неизбежный:
Он скоро истлеет в земле.

– «В поту золотистые кудри...» – грустило глуховатое сопрано Скарлетт. Тут Фэнни, приподнявшись с кресла, крикнула слабым, сдавленным голосом:

– Спойте что-нибудь другое!

Музыка оборвалась. Скарлетт растерянно умолкла. Затем поспешно заиграла вступление к «Серым мундирам», но, вспомнив, как трагичен конец и этой песни, совсем смешалась и взяла неверный аккорд. После этого фортепьяно некоторое время молчало, ибо Скарлетт окончательно стала в тупик: во всех песнях была печаль, смерть, разлука.

Ретт встал, положил Уэйда на колени Фэнни Элсинг и скрылся в гостиной.

– Сыграйте «Мой дом, мой Кентукки», – спокойно подсказал он, и Скарлетт обрадованно заиграла и запела. Сочный бас Ретта вторил ей, и когда они начали второй куплет, напряжение на веранде стало ослабевать, хотя, видит бег, и эту песню никак нельзя было назвать веселой.

Еще день, еще два свою ношу нести
И не ждать ниоткуда подмоги.
Еще день, еще два но дорогам брести,
Здравствуй, дом мой, о мой Кентукки...

Пока что все предсказания доктора Мида сбывались. Генерал Джонстон и в самом деле стоял как неприступный, несокрушимый бастион в горах под Далтоном в ста милях от Атланты. Так незыблемо он стоял и так ожесточенно противился стремлению Шермана проникнуть в долину и двинуться к Атланте, что янки отошли назад и созвали совещание. Поскольку им не удавалось прорвать серые линии ударом в лоб, они под покровом ночи пошли горными тропами в обход, рассчитывая напасть на Джонстона с тыла и перерезать железнодорожные пути у Резаки, в пятнадцати милях от Далтона.

Как только эти две драгоценные полосы стали оказались под угрозой, конфедераты покинули с такой отчаянной решимостью защищаемые ими стрелковые гнезда и форсированным маршем при блеске звезд двинулись к Резаке наиболее коротким, прямым путем, и янки, спустившись с предгорий, вышли прямо на них, но войска южан были уже готовы к встрече: брустверы возведены, батареи расставлены, солдаты лежали в окопах, оцетинившись штыками, – все было как под Далтоном.

Когда от раненых, прибывавших из Далтона, начали поступать отрывочные сведения об отступлении старины Джо к Резаке, Атланта была удивлена и слегка встревожена. Маленькое темное облачко появилось на северо-западе – первый вестник надвигающейся летней грозы.

О чем думает генерал, позволяя янки продвинуться на восемнадцать миль в глубь Джорджии? Горы – это природная, естественная крепость, вот и доктор Мид так говорил. Почему же старина Джо не задержал противника там?

Войска Джонстона оказали отчаянное сопротивление у Резаки и снова отразили атаку янки, но Шерман повторил свой фланкирующий маневр, обошел противника, взяв его в полукольцо, переправился через реку Оостанаула и создал угрозу железнодорожной линии в тылу у конфедератов. И снова серые мундиры спешно покинули свои красные глиняные окопы, чтобы отстоять железнодорожное полотно, и, усталые, измотанные боями, переходами, недосыпанием и как всегда голодные, совершили еще один быстрый бросок в глубь долины. Опередив янки, они вышли к маленькому селению Калхоун, в шести милях от Резаки, окопались и к приходу янки готовы были к обороне. Атака повторилась, завязалась жестокая схватка, и нападение было отбито. Измученные конфедераты повалились на землю, побросав винтовки, моля бога о передышке, об отдыхе. Но отдыха для них не было. Шерман неумолимо, шаг за шагом приближался, обходя их с флангов, вынуждая снова и снова отступать, дабы удерживать железнодорожные пути у себя за спиной.

Конфедераты спали на ходу, слишком измученные, чтобы о чем-нибудь думать. Но когда их сознание в какой-то миг прояснилось, они верили в старину Джо. Они понимали, что отступают, но знали также, что ни разу не были побиты. Просто их было слишком мало, чтобы одновременно и удерживать позиции, и препятствовать обходным маневрам Шермана. Они могли побить янки и били их всякий раз, когда те останавливались и вступали в схватку. Каков будет конец этого отступления, они не знали. Но старина Джо знал, что делает, и этого им было довольно. Он искусно проводил отступление, ибо убитых с их стороны было немного, а янки они поубивали и забрали в плен великое множество. Сами они не потеряли ни одного фургона и только четыре орудия. Не потеряли они и железнодорожных путей у себя в тылу. Шерману не удалось их захватить – не помогли ни фронтальные атаки, ни кавалерийские налеты, ни

обходные маневры.

Железная дорога. Она по-прежнему была в их руках – эти узкие полоски металла, убегавшие, вясь, по залитым солнцем полям вдаль, к Атланте. Люди устраивались на ночлег так, чтобы видеть поблескивавшие при свете звезд рельсы. Люди падали, сраженные пулей, и последнее, что видел их угасающий взор, были сверкающие под беспощадным солнцем рельсы и струящееся над ними знойное марево.

Войска отходили в глубь страны по долине, а впереди них откатывалась армия беженцев. Плантадоры и безземельные, богатые и бедные, белые и черные, женщины и дети, старики и калеки, раненые и умирающие и даже женщины на сносях загрохотали дороги к Атланте: они шли пешком, они ехали на поездах, верхом, в экипажах, на повозках, доверху загруженных сундуками и всякой домашней утварью... На пять миль впереди отступающей армии катилась волна беженцев, застревая в Резаке, в Калхоуне, Кингстоне – каждый раз в надежде услышать, что янки отброшены назад и путь домой свободен. Но не было для них пути обратно по этой солнечной долине. Серые ряды солдат проходили мимо покинутых поместий, брошенных ферм, опустевших хижин с распахнутыми настежь дверями. Кое-где можно было увидеть одинокую фигуру женщины, не покинувшей родного гнезда, и возле нее кучку перепуганных рабов. Женщины выходили на дорогу, чтобы приветствовать солдат, напоить жаждущих свежей водой, принесенной в ведерке из колодца, перевязать раненых или похоронить мертвых на своем семейном кладбище. Но чаще солнечная долина казалась совсем безлюдной и заброшенной – лишь палимые солнцем посевы одиноко стояли в полях.

Снова обойденный с флангов под Калхоуном, Джонстон отступил к Адаирсвиллу, где завязалась жаркая перестрелка, оттуда – к Кассвиллу и затем дальше на юг, к Картерсвиллу. Теперь уже неприятель продвинулся на пятьдесят пять миль от Далтона. Прodelав еще пятнадцать миль по дороге отступлений и боев, серые цепочки заняли твердый оборонительный рубеж под Нью-Хоуп-Черч и окопались. Синие цепочки неотвратимо напоззали, извиваясь как невиданные змеи, ожесточенно нападали, жалили, оттягивали свои поредевшие ряды назад и бросались в атаку снова и снова. Жестокие бои под Нью-Хоуп-Черч длились безостановочно одиннадцать суток, и все атаки противника были отбиты в кровавом бою. После чего Джонстон, снова обойденный с флангов, отступил со своей обескровленной армией еще на несколько миль.

Потери армии конфедератов при Нью-Хоуп-Черч убитыми и ранеными были огромны. Поезда с ранеными прибывали в Атланту один за другим, и город пришел в смятение. Такого количества пострадавших здесь не видели ни разу, даже после битвы при Чикамауге. Госпитали были переполнены, раненые лежали прямо на полу в опустевших складах и на кипах хлопка – в хранилищах. Все гостиницы, все пансионаты и все частные владения были забиты жертвами войны. Не избег этой участи и дом тетушки Питтипэт, хотя она и пробовала протестовать, заявляя, что это верх неприличия! – держать в доме незнакомых мужчин, особенно когда Мелани в интересном положении и может выкинуть от страшного зрелища крови и ран. Но Мелани подтянула повыше верхний обруч своего кринолина, дабы скрыть выступающий живот, и раненые наводнили кирпичный дом. Один за другим потекли дни непрерывной стряпни, стирки, скатывания бинтов, щипания корпии, переключиваний, приподниманий, обмахиваний веерами, попережку с жаркими бессонными ночами под аккомпанемент бессвязных выкриков раненых, мечущихся в бреду в соседней комнате. Когда задыхающийся город больше уже никого не мог вместить, поток раненых был направлен в госпитали Мейкона и Огасты.

Хлынувшая в Атланту волна раненых принесла с собой ворох разноречивых сообщений; приток беженцев рос, затопляя и без того забитый людьми город, и охваченная волнением Атланта гудела. Маленькое облачко, появившееся на небосклоне, стремительно росло, превращаясь в огромную зловещую грозовую тучу, и на город повеяло леденящим душу ветром.

Никто еще не утратил веры в непобедимость армии, но никто – никто из гражданского населения во всяком случае – не верил больше в генерала Джонстона. От Нью-Хоуп-Черч было всего тридцать пять миль до Атланты! За три недели генерал Джон-стон позволил янки отбросить его войско на шестьдесят пять миль! Почему, вместо того чтобы остановить янки, он беспрерывно отступает? Он тупица и даже того хуже. Седобородые мужи из войск внутреннего охранения и милиции, благополучно пересидевшие все бои в Атланте, утверждали, что они провели бы эту кампанию куда лучше, и в доказательство чертили на скатертях карты военных действий. Генерал Джонстон, вынужденный отступать все дальше и дальше, когда его войско совсем поредело, в отчаянии воззвал к губернатору Брауну, прося о подкреплении за счет именно этих гарнизонных служаков, но те чувствовали себя в полной безопасности. Ведь губернатор уже однажды не внял такому же требованию со стороны Джефа Дэвиса. Чего ради станет он удовлетворять просьбу генерала Джонстона?

Бои и отступления! И снова бои, и снова отступления! Двадцать пять суток почти ежедневных боев и семьдесят пять миль отступлений выдержала армия конфедератов. Теперь уже Нью-Хоуп-Черч остался позади, превратившись в еще одно воспоминание в ряду других таких же безумных воспоминаний, в которых, как в кровавом тумане, смешалось все: и жара, и пыль, и голод, и усталость.., и шлеп, шлеп сапогами по красным колеям дорог, и шлеп, шлеп по красной слякоти.., в бой, и отходи, и окапывайся, и снова в бой, и снова отходи, и снова окапывайся, и снова в бой... Нью-Хоуп-Черч был кошмаром уже из какой-то другой жизни, и таким же кошмаром был и Биг-Шэнти, где внезапно повернули и ударили по янки, налетели на них как черти. Но сколько бы они ни били янки, оставляя позади усеянные синими мундирами поля, вокруг снова были янки, снова свежие и свежие пополнения, снова с северо-востока наползало зловещее синее полукольцо, прорываясь в тыл конфедератам, к железной дороге, к Атланте!

От Биг-Шэнти измученные, не спавшие ночи и ночи подряд отряды отступили вдоль дороги до горы Кеннесоу, неподалеку от маленького городка Мариетты, и заняли там оборонительный рубеж, растянувшись дугой на десять миль. На крутых склонах горы они вырыли свои одиночные окопчики, а над ними, на вершине, расположили батареи. Обливаясь потом, чертыхаясь, солдаты на руках втаскивали тяжелые орудия на благословенные кручи, куда не могли взобраться мулы. Раненые и вестовые, прибывшие в Атланту, успокаивали перепуганное население города. Кручи Кеннесоу неприступны. Так же как и гора Пайн и гора Лост, расположенные рядом и тоже укрепленные. Янки не смогут выбить старину Джо с его позиций, и теперь им едва ли удастся обойти его с флангов, так как укрытые в горах батареи держат под огнем все дороги на много миль. Атланта вздохнула было свободно, но...

На ведь гора Кеннесоу была всего в двадцати двух милях от города!

В день, когда первые раненые с горы Кеннесоу стали прибывать в город, экипаж миссис Мерриуэзер остановился перед домом тетушки Питти в совершенно не предусмотренный для визитов час – в семь утра, и черный слуга, дядюшка Леви, был послан наверх, к Скарлетт: пусть она немедленно оденется – надо ехать в госпиталь. Фэнни Элсинг и сестры Боннелл, поднятые ни свет ни заря с постелей, отчаянно зевали на заднем сиденье экипажа, а элсинговская кормилица с крайне недовольным видом сидела на козлах с корзиной свежестырированных бинтов на коленях. Скарлетт встала с постели раздосадованная, так как протанцевала всю ночь напролет на балу в гарнизоне, и у нее от усталости гудели ноги. Пока Присси застегивала на ней самое старое и поношенное ситцевое платье, надевавшееся только в госпиталь, она мысленно проклинала деятельную и неутомимую миссис Мерриуэзер и раненых, а заодно и всю Конфедерацию в целом. Наскоро хлебнув горького пойла из сушеного батата и поджаренной кукурузы, заменявшего кофе, она вышла из дому и забралась в коляску.

Осточертела ей эта работа в госпитале. Сегодня же она скажет миссис Мерриуэзер, что Эллин прислала письмо: просит ее приехать домой погостить.

Однако толку от этого вышло мало. Достойная матрона в платье с засученными выше локтя рукавами и в широченном переднике, облежавшем ее дородную фигуру, искоса метнула на нее острый взгляд и сказала:

– Чтобы я больше не слышала от вас этого вздора, Скарлетт Гамильтон! Сегодня же напишу вашей матушке и объясню, как мы нуждаемся в вашей помощи. Не сомневаюсь, что она поймет и разрешит вам остаться. А теперь надевайте передник и живей – к доктору Миду. Ему нужна помощница делать перевязки.

«О боже! – угрюмо подумала Скарлетт. – Да в том-то и беда. Мама конечно же велит мне остаться здесь, а я просто погибаю от этой вони, не могу я больше! Вот будь я старухой – тогда сама командовала бы девчонками, а мной никто бы не командовал... И послала бы я всех этих старых ведьм во главе с миссис Мерриуэзер ко всем чертям!» Да просто с души воротит от этого госпиталя, от этого зловония, вшей, немых, искалеченных тел. Если поначалу в работе для нее была новизна, какая-то романтика, то еще год назад ей все приелось. К тому же эти раненые, испытывавшие горечь отступления, были совсем не так привлекательны, как те, из первых эшелонов. Они не проявляли к ней никакого интереса. От них только одно и можно было услышать: «Как там наши бьются? А что предпринял сейчас старина Джо? Страх какой мозговитый командир старина Джо». А Скарлетт старина Джо совсем не казался таким уж мозговитым. Все, что он сумел сделать, – это позволил янки проникнуть на восемьдесят восемь миль в глубь Джорджии. Нет, эти раненые были ей совсем не симпатичны. К тому же очень уж многие из них умирали – умирали быстро, молча, слишком истощенные, чтобы бороться с гангреной, заражением крови, тифом и пневмонией, начавшимися прежде, чем они смогли добраться до Атланты и попасть в руки врача.

Дни стояли жаркие, и в отворенные окна тучами залетали мухи – жирные, ленивые мухи, истощавшие терпение раненых хуже, чем боли от ран. Волны страданий и смрада обступали Скарлетт со всех сторон, вздымались все выше и выше. Ее свеженакрахмаленное платье взмокло от пота, пока она, с тазом в руках, следовала за доктором Мидом, переходя от раненого к раненому.

Боже, как ей было гадко, какие усилия она прилагала, чтобы ее не стошнило у всех на глазах, когда блестящий нож доктора Мида вонзался в истерзанное тело! А как ужасно было слышать доносившиеся из операционной вопли, когда там производилась ампутация! Как мучительно испытывать чувство жалости и бессилия, глядя на бледные лица искалеченных людей, слышавших эти вопли и напряженно ожидавших, что доктор сейчас подойдет и скажет: «Что поделаешь, мой мальчик, руку тебе придется отнять. Да, да, я понимаю, но ты же видишь эти багровые пятна? Придется тебе с ней расстаться».

Хлороформа не хватало, и к нему приходилось прибегать лишь при самых тяжелых ампутациях; опиум тоже был на вес золота, и его давали только умирающим, чтобы облегчить им переход на тот свет, а оставшимся на этом свете облегчить страдания было нечем. И ни хинина, ни йода не было совсем. Да, Скарлетт все это осточертело, и в то утро она позавидовала Мелани, которую беременность спасала от работы в госпитале. Это была почти единственная причина, считавшаяся уважительной в глазах общества и избавлявшая от ухода за ранеными.

В полдень Скарлетт сняла передник и потихоньку улизнула из госпиталя, пока миссис Мид писала письмо под диктовку какого-то долговязого неграмотного горца. Скарлетт чувствовала, что силы ее иссякли. Достаточно уж ею помыкали. К тому же она знала, что сейчас прибудет еще состав с ранеными, и тогда ей придется работать до ночи и даже поесть, возможно, будет некогда.

Она быстро миновала два коротких квартала до Персиковой улицы, жадно и глубоко, насколько позволял туго затянутый корсет, вдыхая чистый, не отравленный смрадом воздух. На углу она остановилась, раздумывая, куда бы направиться; ей стыдно было возвратиться к тете Питти, но она твердо решила, что в госпиталь назад не пойдет, и тут вдруг увидела проезжавшего в кабриолете Ретта Батлера.

– Вы похожи сейчас на дочку старьевщика, – заметил он, одним взглядом охватив заштопанное лиловатое ситцевое платье в пятнах от пота и расплескавшейся из таза воды. Скарлетт не знала, куда деваться от смущения, и страшно обозлилась. Почему он всегда обращает внимание на дамские туалеты, да еще позволяет себе делать грубые замечания по поводу ее неряшливого вида!

– Ваше мнение меня не интересует. Спуститесь-ка, помогите мне сесть и отвезите куда-нибудь, где бы меня никто не мог увидеть. Я не вернусь в госпиталь – пусть меня повесят! Не я выдумала эту войну и не вижу причины, почему я должна работать до потери сознания...

– Но это же отступничество от Нашего Священного Дела!

– Вам ли это говорить! Помогите мне сесть в кабриолет. Куда бы вы ни направлялись, вы сначала повезете меня прокатиться.

Он спрыгнул на землю, и Скарлетт внезапно подумала: как приятно видеть нормального мужчину – не безрукого, не безногого, не окривевшего, не желтого от малярии, не белого как мел от боли – крепкого, здорового мужчину. И хорошо одетого к тому же. И брюки и сюртук Ретта были из одного и того же материала и сидели на нем отлично, а не болтались как на вешалке и не были узки так, что не пошевелиться. При этом они были новые, а не какое-нибудь старье, где из прорех выглядывает грязное, волосатое голое тело. Словом, вид у Ретта был такой, точно ему неведомы никакие заботы на свете, и это само по себе казалось просто невероятным, ибо теперь все мужчины были какие-то озабоченные, встревоженные, мрачные. А смуглое лицо Ретта хранило безмятежное выражение, и когда он подсаживал Скарлетт в кабриолет, яркий, чувственный рот его с почти женственно-красивым изгибом губ тронула беззаботная улыбка.

Следом за ней он вскочил в экипаж и опустился на сиденье рядом, и она заметила, как играют мускулы под его щегольским костюмом, и снова, как всегда, ее внезапно взволновало исходившее от него ощущение недюжинной силы. Со смутным, тревожным чувством, похожим на страх, она, словно зачарованная, не могла отвести глаз от его сильных рук и плеч. Крепкое, мускулистое тело Ретта, казалось, таило в себе такую же беспощадность, как его резкий, холодный ум. И вместе с тем его отличала мягкая грация пантеры – ленивая грация хищника, нежащегося на солнце, но в любую минуту готового к смертоносному прыжку.

– Ах, вы, маленькая мошенница, – сказал Ретт и прищелкнул языком, погоняя лошадь. – Вы же, конечно, всю ночь до утра протанцевали с солдатами, дарили им розы и ленты и уверяли всех, что готовы умереть за наше Дело, а когда понадобилось перевязать двух-трех раненых и поймать двух-трех вшей, поспешили удрать.

– Вы не можете поговорить о чем-нибудь другом и подстегнуть лошадь? Не хватает еще попасться на глаза дедуле Мерриуэзеру, когда он выйдет из своей лавки. Старик не преминет, конечно, все разболтать старухе... Я хочу сказать, миссис Мерриуэзер.

Ретт легонько стегнул лошадь кнутом, и она припустилась бодрой рысью через площадь Пяти Углов к железнодорожному переезду, рассекавшему город надвое. Состав с ранеными только что подошел к платформе, и санитары с носилками бегали под палящим солнцем, перетаскивая раненых в санитарные фуры и крытые интендантские фургоны. Наблюдая за этим, Скарлетт не испытывала угрызений совести – только чувство огромного облегчения оттого, что ей удалось сбежать.

– Я устала, и меня просто тошнит от этого старого госпиталя, – сказала она, оправляя свои

пышные юбки и туже завязывая под подбородком ленты шляпки. – Каждый день прибывают новые и новые раненые. И во всем виноват этот генерал Джонстон. Если бы он стоял себе и стоял под Далтоном, янки бы уже...

– Но он и стоял, глупое вы дитя. А если бы он еще продолжал стоять там, Шерман обошел бы его с флангов, поймал в мешок и уничтожил. И мы потеряли бы железную дорогу, а Джонстон за железную дорогу-то и бьется.

– Ну и что, – сказала Скарлетт, ибо военная стратегия была выше ее понимания, – Все равно это его вина. Он должен был что-нибудь сделать, и по-моему, его надо сместить. Почему он не стоит на месте и не сражается, а все отступает и отступает?

– Вы рассуждаете совсем как те, кто теперь кричит: «Голову ему с плеч долой!», потому что он не в силах совершить невозможное. Он был нашим Христом Спасителем, когда сражался под Далтоном, а к горе Кеннесоу уже стал Иудой Предателем – и это все за каких-нибудь шесть недель. А стоит ему отогнать янки назад миль на двадцать, и он опять станет Иисусом Христом. Дитя мое» у Шермана вдвое больше солдат, чем у Джонстона, и он может себе позволить потерять двух своих молодцов за каждого нашего доблестного воина. Джонстону же нельзя терять ни одного солдата. Ему позарез нужно подкрепление. А что ему дадут? «Любимчиков Джо Брауна»? Много от них будет толку!

– Да неужели милицию и вправду пошлют на фронт? И войска внутреннего охранения тоже? Я про это не слыхала. А откуда вы знаете?

– Ходят такие слухи. Они распространились после того, как сегодня утром прибыл поезд из Милледжвилла. Поговаривают, что милиция и войска внутреннего охранения будут отправлены к генералу Джонстону для подкрепления. Да, любимчикам губернатора Брауна придется наконец понюхать пороху, и сдается мне – для многих из них это будет большой неожиданностью. Они, конечно, никак не думали, что им придется участвовать в боях. Губернатор, можно сказать, пообещал им, что этого не произойдет. Да, их хорошо обставили. Они чувствовали себя как за каменной стеной, поскольку губернатор стоял за них горой, даже против Джефа Дэвиса, и отказался послать их в Виргинию. Заявил, что они нужны для обороны штата. Ведь никто же не думал, что война докатится и до их двора и им в самом деле придется оборонять свой штат!

– О, как вы можете насмехаться, вы, бессердечное чудовище! Подумайте-ка, кто там, в этих войсках, – одни старые старики и совсем зеленые подростки. Что же, и этот мальчишка Фил Мид должен идти, и дедушка Мерриуэзер, и дядя Генри Гамильтон?

– Я имею в виду не подростков и не ветеранов Мексиканской войны. Я говорю о храбрецах вроде Уилли Гинена, которые так любят щеголять в военной форме и размахивать саблями...

– А вы-то сами?

– Мимо цели, моя дорогая. Я не ношу военной формы и не размахиваю саблей, и судьба Конфедерации совсем меня не тревожит. Более того, меня в войска внутреннего охранения, да и в любые другие войска нипочем не заманишь. После Вест-Пойнта я буду сыт военной муштрой до конца дней моих... Но я желаю удачи старине Джо. Генерал Ли не может послать ему подкрепления, потому что янки не дают ему покоя в Виргинии. Поэтому войска Джорджии – единственное, на что он может рассчитывать. Конечно, он заслуживает большего – ведь это великий стратег. Он всегда ухитряется поспеть на место раньше янки. Но ему придется все время отступать, если он хочет сохранить железную дорогу. И помяните мое слово, когда янки вынудят его спуститься с гор сюда, в долину, ему придет конец.

– Сюда? – вскричала Скарлетт. – Вы же прекрасно знаете, что так далеко янки никогда не заберутся!

– Кеннесоу всего в двадцати двух милях отсюда, и я готов держать с вами пари...

– Ретт! Взгляните, что это за толпа там, в конце улицы? Это же не солдаты. Что там такое... Да ведь это негры!

Огромное облако красной пыли вздымалось над улицей, и оттуда доносился шум шагов и звуки доброй сотни негритянских голосов – низких, гортанных голосов, беззаботно распевавших гимн. Ретт остановил кабриолет у обочины, и Скарлетт с любопытством уставилась на толпу обливавшихся потом негров с лопатами и мотыгами на плечах, двигавшуюся по улице под водительством офицера и взвода солдат в форме инженерных войск.

– Что там такое? – снова повторила Скарлетт. И тут она заметила высоченного негра-запевалу, шагавшего в первом ряду. Это был черный великан почти шести с половиной футов ростом, двигавшийся с упругой грацией сильного животного; его белые зубы сверкали, когда он выводил мелодию гимна – «Спустись с горы к нам, Моисей», – которую за ним подхватывал хор. Не может же быть второго такого здорового и такого голосистого негра в штате – конечно, это Большой Сэм – надсмотрщик из Тары. Но что он делает здесь, так далеко от дома, да тем более сейчас, когда на плантации нет управляющего и он – единственная опора Джералда, его правая рука?

Она приподнялась на сиденье, стараясь всмотреться получше, и тут взгляд высокого негра упал на нее и его черное лицо расплылось в улыбке: он узнал ее. Лопата выпала у него из рук, он было остановился и двинулся прямо к ней, поворачиваясь на ходу к шагавшим рядом с ним неграм и громко восклицая:

– Господи! Да это же мисс Скарлетт! Эй, вы! Илайя! Апостол! Пророк! Это же мисс Скарлетт!

Ряды смешались. Толпа приостановилась, неуверенно топчась на месте, а Большой Сэм, за которым следовали еще трое здоровенных негров, бросился через улицу к кабриолету. Офицер устремился за ними вдогонку, крича:

– На место, на место! На место, говорю тебе, не то я буду... О, это вы, миссис Гамильтон. Доброе утро, мэм. Здравствуйте, сэр. Что вы тут натворили – неподчинение, мятеж! Видит бог, я и так уже хватил сегодня лиха с этими парнями.

– О, капитан Рэндл, не браните их! Это же наши негры. Это Большой Сэм, наш надсмотрщик, и те тоже из Тары – Илайя, и Пророк, и Апостол. Конечно, им захотелось поговорить со мной. Как поживаете, ребятки?

Она поздоровалась со всеми поочередно, ее маленькая белая ручка на мгновение исчезала в огромной черной лапище. Все четверо приплясывали на месте, радуясь встрече, гордясь перед остальными своей молодой красавицей хозяйкой.

– Что вы делаете здесь, ребята? Как вы забрались в такую даль? Может, вы сбежали, а? Тогда патруль заберет вас в два счета!

Негры так и покатались со смеху, очень довольные ее шуткой.

– Мы сбежали? – удивился Большой Сэм. – Нет, мэм, мы не беглые. Они приехали и забрали нас, потому как мы самые большие и сильные в Таре. – Сэм горделиво улыбнулся, сверкнув белыми зубами. – А за мной посылали особо, потому как я хорошо пою. Да, мэм, мистер Фрэнк Кеннеди приехал и забрал нас.

– Но почему он вас забрал, Большой Сэм?

– Как почему, мисс Скарлетт? Будто вы не слышали? Нам не лено рыть тут канавы для белых жентмунов. Они будут в них прятаться, когда придут янки.

Капитан Рэндл и сидевшие в кабриолете с трудом сдержали улыбку, услышав такое истолкование назначения окопов. – Правду сказать, когда меня забрали, мистера Джералда чуть удар не хватил. Он сказал, что без меня ему никак не управиться с хозяйством. Но мисс Эллин сказала: «Берите, берите его, мистер Кеннеди. Большой Сэм нужней Конфудурации, чем нам». И

дала мне доллар и приказала делать все, что белые господа мне велят. Ну, вот мы и здесь.

– Что все это значит, капитан Рэндл?

– Да очень просто. Мы должны лучше укрепить подступы к Атланте, вырыть окопы еще на несколько миль, а генерал не может посылать на эти работы солдат с передовой. Так что мы вынуждены были согнать сюда самых сильных негров со всех плантаций.

– Но зачем же...

Холодок страха ознобом пробежал у нее по телу. Мили новых окопов! Зачем им еще окопы? Весь прошлый год земляные редуты с установленными на них батареями возводились вокруг Атланты – в миле от центра города. Эти земляные укрепления были связаны траншеями с окопами, которые тянулись миля за милей, окружая город со всех сторон. И еще окопы!

– Но зачем нам еще укрепления, разве мало их уже возведено? Нам же не понадобятся и те, что есть. Ведь генерал, конечно же, не допустит...

– Наши теперешние укрепления расположены всего в одной миле от города, – сухо сказал капитан Рэндл. – А это слишком близко для спокойствия.., и для безопасности. Новые окопы будут выдвинуты дальше. Вы понимаете, что при новом отступлении наши войска могут приблизиться вплотную к Атланте.

Он тут же пожалел о своих словах, заметив, как ее глаза расширились от страха.

– Но, конечно, нового отступления не последует, – поспешил он добавить. – Наши позиции вокруг горы Кеннесоу неприступны. Наши батареи размещены на склонах горы и держат под огнем все дороги. Янки не могут пройти.

Но Скарлетт видела, как капитан опустил глаза под бесстрашным пронизательным взглядом Ретта, и ее охватил страх. Ей вспомнились последние слова Ретта: «Когда янки вынудят его спуститься в долину, ему придет конец».

– О, капитан, неужели вы полагаете...

– Нет, разумеется, нет! Не забивайте себе голову такими мыслями. Просто старина Джо любит принимать меры предосторожности. Поэтому мы и роем новые окопы – только и всего... Но я должен отправляться дальше... Очень рад был неожиданной встрече... Прощайтесь с вашей хозяйкой, ребята, и живо в строй.

– До свидания, ребята. Если что-нибудь с вами случится, заболеет кто-нибудь или еще что, вы дайте мне знать. Я живу на Персиковой улице, почти в самом конце, на выезде из города. Обождите минутку... – Она порылась в ридикюле. – Ах, боже мой, нет с собой ни цента. Ретт, дайте мне несколько мелких монет. На вот, Большой Сэм, купи себе и ребятам табака. И будь умницей, исполняй все, что тебе прикажет капитан Рэндл.

Строй был восстановлен, колонна двинулась дальше, над улицей снова поднялось облако красной пыли, и Большой Сэм запел:

Спустись с горы к нам, Моисей,
На землю древнюю Египта,
И моему народу путь
От слуг очисти Фараона.

– Ретт, капитан Рэндл лгал мне? Как лгут все мужчины – все стараются скрыть правду от женщин, боятся, что мы упадем в обморок. Или он не лгал? Но если опасность нам не грозит, зачем они возводят новые укрепления? О Ретт, неужели в армии так мало солдат, что им понадобились негры?

Ретт причмокнул, погоняя кобылу.

– Конечно, в армии чертовски не хватает солдат. Для чего бы иначе понадобилось призывать внутреннее охранение? Ну, а что до рытья окопов, то, по-видимому, они должны сослужить службу в случае осады. Генерал готовится занять свои последние рубежи здесь.

– В случае осады? О, поворачивайте обратно! Я возвращаюсь домой, домой, в Тару, немедленно.

– Какая муха вас укусила?

– Осада! Боже милостивый, осада! Я знаю, что такое осада! Папа был в осаде... Или, может быть, это был папин папа, но папа рассказывал мне...

– О какой осаде вы говорите?

– Об осаде Дрохеды Кромвелем, когда ирландцам там совсем нечего было есть, и папа говорил, что они умирали с голоду прямо на улицах и под конец съели всех кошек и крыс и разных насекомых, вроде тараканов. Он говорил, что они даже ели друг друга, пока не сдались, только я никогда не знала, можно ли этому верить. А когда Кромвель взял город, то всех женщин... Осада! Матерь божья!

– Вы просто дикарка – такой невежественной женщины я, право, еще не встречал. Осада Дрохеды – ведь это было в семнадцатом столетии, и мистер О’Хара едва ли мог быть свидетелем ее. К тому же Шерман не Кромвель...

– Нет, он еще хуже! Говорят...

– Что же касается экзотических блюд, которыми питались ирландцы во время осады, то я, пожалуй, предпочту хорошую сочную крысу тому вареву, какое мне на днях подали здесь в гостинице. Нет, надо возвращаться в Ричмонд. Там можно хорошо поесть, были бы деньги. – Он с насмешкой глядел на ее испуганное лицо.

Раздосадованная тем, что он стал свидетелем ее растерянности, она воскликнула:

– А я вообще не понимаю, почему вы все еще здесь! Вам же на все наплевать, лишь бы самому жилось с удобствами и можно было хорошо поесть и.., ну, и всякое такое.

– По-моему, вкусно поесть «и всякое такое» – это одно из самых приятных времяпрепровождений на свете, – сказал Ретт. – А почему я торчу здесь? Так, видите ли, я немало читал про осажденные города, но собственными глазами еще ни разу этого не видел. Вот и решил остаться здесь и понаблюдать. Мне ничего не угрожает, так как я не военнообязанный, а набраться впечатлений интересно. Никогда не упускайте случая испытать нечто новое, Скарлетт. Это расширяет кругозор...

– У меня достаточно широкий кругозор.

– Вероятно, вам лучше знать, но я бы сказал... Впрочем, это не совсем галантно. А может быть, я остаюсь здесь, чтобы спасти вас, если город действительно будет осажден. Мне еще никогда не приходилось спасать прекрасных дам от гибели. Это тоже будет совсем новое впечатление.

Она знала, что он просто шутит, но в его голосе ей почудилась серьезная нотка. Она тряхнула головой.

– Я не нуждаюсь в том, чтобы вы меня спасали. Я сумею сама позаботиться о себе, мерси.

– Не говорите так, Скарлетт. Думайте так, если вам нравится, но никогда, никогда не говорите этого мужчине. Это беда всех женщин-северянок. Они были бы обольстительны, если бы постоянно не говорили, что умеют постоять за себя, мерси. И ведь в большинстве случаев они говорят правду, спаси их господи и помилуй. И конечно, мужчины оставляют их в покое.

– Интересно, до чего вы еще договоритесь, – холодно произнесла Скарлетт, так как сравнение с женщинами-янки были худшим из оскорблений. – А насчет осады, я думаю, вы лжете. Сами знаете, что янки никогда не подойдут к Атланте.

– Предлагаю вам пари, что они будут здесь не позднее как через месяц. Ставлю коробку

конфет, а с вас потребу... – Он скользнул взглядом по ее губам. – С вас потребу поцелуй.

На миг страх перед вторжением янки снова сжал ее сердце, но тут же растаял при слове «поцелуй». Теперь она снова почувствовала себя в своей стихии, и это было куда интересней, чем обсуждение всяких там военных операций. Она с трудом сдержала торжествующую улыбку. С того памятного дня, когда Ретт подарил ей зеленую шляпку, в его поведении больше не было ни малейшего намека на любовное ухаживание. Как бы она ни старалась, ей ни разу не удалось втянуть его в сколько-нибудь игривую беседу, и вот теперь, без всяких поощрений с ее стороны, он вдруг заговорил о поцелуях.

– Я не желаю разговаривать с вами о таких интимных вещах, – холодно сказала она и сурово нахмурилась. – И если на то пошло, я скорее поцелую хрюшку.

– О вкусах не спорят, и я действительно слышал не раз, что ирландцы и впрямь питают особое пристрастие к свиньям.., даже держат их у себя под кроватью. Но, Скарлетт, вам же до смерти хочется целоваться. Вот ведь в чем ваша беда. Все ваши поклонники или относятся к вам с чрезмерным уважением – совершенно непонятно, кстати, почему, – или же слишком робуют перед вами и потому не могут вести себя так, как вам бы хотелось. Это сделало вас невыносимо чванливой. Нужно, чтобы вас кто-то целовал. Ну и конечно, тот, кто умеет это делать.

Разговор принимал совсем не тот оборот, какого она ждала. С Реттом всегда получалось так. Всегда возникало нечто вроде словесного поединка, из которого он неизменно выходил победителем.

– И себя вы, по-видимому, считаете самой подходящей для этого персоной? – ядовито спросила она, с трудом обуздывая нараставшую в ней злость.

– Да, вполне, если, конечно, мне придет охота взять на себя труд, – небрежно отвечал он. – Говорят, я знаю в этом толк.

– О, вы... – начала она, глубоко уязвленная таким пренебрежением к ее чарам, – Да вы просто... – неожиданно она смешалась и смущенно потупилась. Ретт улыбался, но в глубине его темных глаз вдруг жарко полыхнуло что-то.

– Вы, вероятно, удивлены, почему я, подарив вам шляпку и целомудренно чмокнув вас в щечку, никогда больше не возобновлял своей попытки...

– Я об этом даже и не...

– В таком случае вы не настоящая светская дама, Скарлетт, и я очень огорчен. Настоящие светские дамы всегда бывают удивлены, если мужчины не стараются их поцеловать. Они знают, что не должны этого желать и должны делать вид, что оскорблены, если кто-то позволит себе такое, и тем не менее они хотят, чтобы попытка была сделана... Ну, ничего, дорогая, не унывайте. Когда-нибудь я поцелую вас, и вам это будет приятно. Но не сейчас, так что запаситесь терпением.

Она понимала, что он шутит, и, как всегда, это выводило ее из себя. В его шутках была слишком большая доля правды. Ладно, на этом их отношения кончаются. Если когда-нибудь, когда-нибудь он будет настолько невоспитан, что попробует позволить себе какие-то вольности, она ему покажет.

– Не будете ли вы так любезны повернуть обратно, капитан Батлер? Я хочу возвратиться в госпиталь.

– Вы в самом деле этого хотите, мой прелестный ангел? Значит, тазы с помоями и насекомые вам приятнее беседы со мной? Что ж, ни в коей мере не хотел бы я помешать двум прилежным ручкам трудиться во славу Нашего Доблестного Дела. – Ретт повернул кабриолет, и они покатали в сторону Пяти Углов. – Что же до того, почему я не делал вам больше авансов, – как ни в чем не бывало продолжал Ретт, словно не заметив ее нежелания поддерживать разговор, – так это потому, что я жду, когда вы немного повзрослеете, не думаю, чтобы ваш

поцелуй доставил мне сейчас ни с чем не сравнимое наслаждение, а я настолько эгоистичен, что ценю свои удовольствия превыше всего. Целоваться же с маленькими девочками мне как-то никогда не казалось увлекательным.

Он подавил усмешку, заметив краем глаза, как бурно вздымается ее грудь: она явно была вне себя от бешенства.

– Ну и к тому же, – негромко добавил он, – я жду, когда воспоминание о достопочтенном Эшли Уилксе несколько померкнет.

При упоминании имени Эшли боль внезапно пронзила все ее существо и слезы обожгли веки. Померкнет? Воспоминание об Эшли никогда не может померкнуть. Даже если он умрет, она будет помнить его, проживи она хоть сто лет. Ей подумалось, что, быть может, Эшли умирает сейчас от ран где-то там, далеко, далеко, в плену у янки, и у него нет даже одеяла, чтобы укрыться, и нет возле него никого, кто бы его пожалел, кто подержал бы его руку в своей руке, и она почувствовала прилив острой ненависти к этому сытому, благополучному человеку, сидевшему рядом с ней и лениво цедившему фразы, в которых она, как всегда, улавливала насмешку.

Она не могла произнести ни слова от душившей ее злобы, и некоторое время они ехали молча.

– Мне теперь, в сущности, ясно все, что касается вас и Эшли, – снова заговорил Ретт. – После той не слишком пристойной сцены в Двенадцати Дубах я наблюдал за вами и сделал кой-какие выводы. Какие именно? А то, что вы еще лелеете в своей душе детскую романтическую любовь к этому человеку и он отвечает вам взаимностью – в той мере, в какой ему позволяет это его благородная возвышенная натура. А миссис Уилкс находится в полном неведении о происходящем, и вы здорово водите ее за нос. Мне ясно все, за исключением одного, и это чрезвычайно берedit мое любопытство: отважился ли благородный Эшли поцеловать вас с риском погубить свою бессмертную душу?

Ответом послужило гробовое молчание и повернутая к нему затылком голова.

– Ага, прекрасно, значит, все-таки отважился. Вероятно, это произошло, когда он приезжал сюда в отпуск. И теперь, поскольку благородный Эшли, возможно, уже мертв, вы благоговейно храните этот поцелуй в своем сердце. Но я не сомневаюсь, что это у вас пройдет, и когда воспоминание о его поцелуе изгладится из вашей памяти, я...

Вне себя от ярости Скарлетт повернулась к нему.

– Подите вы к дьяволу! – прошипела она сквозь зубы, и ее зеленые, сощуренные от ненависти глаза сверкнули, как два узких лезвия, на перекошенном злобой лице. – Остановите кабриолет, иначе я спрыгну на ходу. Я знать вас больше не желаю.

Ретт осадил лошадь, но прежде чем он успел сойти и помочь Скарлетт, она спрыгнула на землю. Кринолин зацепился за колесо, и на мгновение глазам всех прохожих на площади Пяти Углов открылось зрелище нижних юбок и панталон. В ту же секунду Ретт наклонился и отцепил платье. Скарлетт, не проронив ни слова, даже не обернувшись, бросилась прочь. Ретт негромко рассмеялся и тронул вожжами лошадь.

Впервые с начала войны в Атланте стал слышен грохот орудий. В ранние часы утра, когда город еще не пробуждался от сна, со стороны горы Кеннесоу стали долетать слабые раскаты канонады – глухой гул, который можно было принять за далекую летнюю грозу. Но временами орудийная стрельба, перекрывая городской шум, была слышна и в полдень. Люди старались не прислушиваться к ней, старались разговаривать, смеяться, продолжать свои повседневные дела, не думать о том, что янки там, в двадцати двух милях от города, но ухо невольно ловило звуки боя. И у всех были напряженные лица: чем бы ни были заняты руки, уши прислушивались и сердце уходило в пятки сотни раз на дню. Канонада стала слышней? Или это просто кажется? Остановит их на этот раз генерал Джонстон? Остановит ли?

Панический страх готов был прорваться наружу. Каждый новый день отступления истощал натянутые нервы, и казалось, они вот-вот не выдержат. Все таили свой страх про себя, проявлять его считалось недопустимым, но внутреннее напряжение находило выход в громкой критике генерала. Страсти достигали апогея. Шерман стоял у ворот Атланты. Еще одно отступление могло отбросить конфедератов на улицы города.

Дайте нам генерала, который бы не отступал! Дайте нам такого, который бы стоял и сражался!

Под далекие глухие раскаты канонады милиция штата – «любимчики Джо Брауна» – и войска внутреннего охранения маршем прошли через Атланту, направляясь на оборону мостов и переправ на реке Чаттахучи в тылу у генерала Джонстона. День был пасмурный, хмурый, и когда они промаршировали у Пяти Углов и вышли на улицу Мариетты, начал моросить дождь. Весь город высыпал поглядеть, как они уходят: все стояли, сбившись в кучки под тентами магазинов на Персиковой улице, и пытались подбадривать воинов напутственными криками.

Скарлетт и Мейбелл Мерриуэзер-Пикар получили разрешение отлучиться из госпиталя, чтобы проводить уходящие войска, поскольку дядя Генри и дедушка Мерриуэзер находились в частях внутреннего охранения, и теперь они обе стояли вместе с миссис Мид в гуще толпы, приподымаясь на цыпочки, чтобы лучше видеть. Скарлетт, несмотря на общую для всех южан готовность верить лишь тому, что обнадеживает и вселяет бодрость, чувствовала, что у нее холодеет все внутри при виде разношерстных марширующих колонн. Видно, положение стало совсем отчаянным, если уж поставили под ружье этих никудышных тыловиков – дряхлых стариков и мальчишек! Попадались, конечно, и молодые, здоровые мужчины – эти выглядели нарядно в яркой форме отборных частей милиции: на шляпах колыхались перья, длинные концы кушаков развевались на марше. Но стариков и совсем желторотых юнцов было так много, что сердце Скарлетт сжималось от жалости и страха. Так много седобородых мужчин старше ее отца старались бодро шагать в ногу под морозящим дождем под дробь полкового барабана и свист дудок! Дедушка Мерриуэзер в лучшей шотландской шали миссис Мерриуэзер, накинутой от дождя на плечи, шагал в первом ряду и широко улыбался, приветствуя женщин. Мейбелл прошептала Скарлетт на ухо, сжав ей руку:

– Несчастный старик! Первый же хороший ливень прикончит его, бедняжку! С таким ишиасом...

Дядя Генри Гамильтон маршировал в следующем ряду колонны: два пистолета времен Мексиканской войны за поясом, воротник длинного черного сюртука поднят, в руке небольшой саквояж. Рядом с ним вышагивал его черный слуга, почти такой же старый, как сам дядя Генри, держа над его и своей головой раскрытый зонтик. Плечом к плечу со стариками шли юноши – все с виду не старше шестнадцати лет. Многие из них бросили школу, чтобы пойти на фронт,

некоторые были в форме военных училищ – черные перышки на их маленьких серых кепи обвисли под дождем, белоснежные полотняные перевязки на груди промокли насквозь и потемнели. Среди последних находился и Фил Мид: в лихо сдвинутой набекрень шапочке с саблей и кавалерийскими пистолетами покойного брата за поясом, он промаршировал мимо миссис Мид, и она с трудом улыбнулась и помахала ему рукой, а потом, когда силы на мгновение оставили ее, припала головой к плечу Скарлетт.

Многие из рекрутов были вообще без оружия, ибо у Конфедерации не осталось больше ни винтовок, ни патронов и она ничем не могла их снабдить. Они надеялись добыть себе оружие у пленных или убитых янки. Кое у кого за голенищем был охотничий нож, а в руке – длинный тяжелый шест с железным наконечником, получивший название – «пика Джона Брауна». У некоторых счастливых висел за спиной старинный кремневый мушкет, а на поясе рог с порохом.

Во время своего отступления Джонстон потерял около десяти тысяч солдат. Ему требовалось десять тысяч свежего пополнения. Так вот, в испуге подумала Скарлетт, кого он получит!

Когда, грохоча и обрызгивая грязью собравшуюся толпу, по улице потянулась артиллерия, Скарлетт бросилась в глаза фигура негра, ехавшего верхом на муле рядом с одной из пушек. Это был молодой негр с лицом цвета седельной кожи, и, взглядевшись в его хмурые черты, Скарлетт воскликнула:

– Это же Моз! Моз, слуга Эшли! Почему он здесь? – Она пробилась сквозь толпу к обочине и крикнула: – Моз! Постой!

Молодой негр увидел ее, натянул поводья, радостно улыбнулся и начал спешиваться. Промокший до нитки сержант, ехавшим позади него, закричал:

– Куда! Ни с места, парень, не то на костер пойдешь! Нам надо скорей добраться до гор!

Моз в нерешительности переводил взгляд с сержанта на Скарлетт, и она, хлюпая по грязи, бросилась к нему и ухватила за стремя.

– Минутку, сержант! Не спешивайся, Моз! Боже мой, как ты очутился здесь?

– Я снова иду на войну, мисс Скарлетт. Только теперь не с мистером Эшли, а со старым господином, с мистером Джоном.

– С мистером Уилксом? – Скарлетт остолбенела. Мистеру Уилксу было без малого семьдесят лет. – А где он?

– Позади, с последней пушкой, мисс Скарлетт. Там, позади.

– Прошу прощения, леди. Двигай, парень!

Скарлетт неподвижно стояла, по щиколотку в грязи, мимо нее ползли орудия. «Нет же, нет! – пронеслось у нее в уме. – Не может этого быть! Он слишком стар. И так же ненавидит войну, как Эшли!» Она отступила на несколько шагов назад к обочине и стала пристально всматриваться в лица проезжавших мимо. И когда среди грохота и всплесков грязи показался передок последнего орудия, она увидела прямую стройную фигуру верхом на рыжей кобыле: длинные серебристые волосы мокрыми прядями падали на шею, всадник держался уверенно и грациозно; маленькая рыжая кобылка осторожно и изящно ступала по грязным выбоинам дороги, словно светская дама в платье со шлейфом. Боже мой, так ведь это же Нелли! Нелли – кобыла миссис Тарлтон! Ее любимица, ее сокровище!

Когда мистер Уилкс увидел стоящую на обочине Скарлетт, лицо его озарилось улыбкой, он натянул поводья, спешил и шагнул к ней.

– Я очень хотел повидаться с вами, Скарлетт. Ваши родные надавали мне уйму поручений. Но возможности не представилось. Мы прибыли сюда утром, и нас, как видите, сразу направляют на фронт.

– О, мистер Уилкс! – в полном отчаянии вскричала Скарлетт, сжимая ему руку. – Оставайтесь здесь! Почему вы должны ехать на фронт?

– А-а, так вы считаете, что я слишком стар? – с улыбкой сказал мистер Уилкс, и в старческих чертах его лица Скарлетт узнала улыбку Эшли. – Даже если я слишком стар, чтобы маршировать, то еще могу сидеть в седле и стрелять. А миссис Тарлтон была столь добра, что одолжила мне свою Нелли, и лошадь подо мной хоть куда. Будем надеяться, что с Нелли не случится ничего худого, иначе я никогда не смогу возвратиться домой и взглянуть миссис Тарлтон в глаза. Нелли – все, что у нее осталось, и вот она отдала мне ее – свою последнюю лошадь. – Он говорил легко, весело, стараясь развеять страхи Скарлетт. – Ваша матушка и ваш отец и сестры – все в добром здравии и шлют вам привет. Ваш папенька едва не отправился вместе с нами на фронт.

– Папа? Как же так! – вскричала Скарлетт. – Папа? Он же не может!

– Да, конечно, однако собирался. Маршировать-то он с его покалеченным коленом, безусловно, не может, однако вознамерился присоединиться к нам – верхом. Ваша матушка дала согласие при условии, что сначала он возьмет барьер – перепрыгнет через ограду выгона, потому как, сказала она, в армии придется брать еще и не такие препятствия. Ваш папенька решил, что это ему раз плюнуть, но, можете себе представить, когда он подскакал к ограде, лошадь вдруг стала как вкопанная и он кубарем перелетел через ее голову. Чудом не сломал себе шею! Но вы же знаете, какой он упрямец. Вскочил и тут же погнал лошадь на изгородь снова. Так вот, душенька, лошадь сбрасывала его три раза, пока миссис О’Хара и Порк не уложили беднягу в постель. Он был совершенно вне себя и уверял, что ваша матушка «наслала порчу на эту скотину». Нет, он не годен для действующей армии, Скарлетт, и вам нечего этого стыдиться. В конце концов, кто-то же должен оставаться дома и растить для армии хлеб.

А Скарлетт и не испытывала ни малейшего стыда – только огромное облегчение.

– Я отправил Индию и Милочку в Мейкон к Бэррам, и теперь мистер О’Хара приглядывает и за Двенадцатью Дубами тоже... Ну, мне надо двигаться дальше, дорогая. Позвольте поцеловать вашу прелестную щечку.

Чувствуя в горле комок, Скарлетт подставила ему губы для поцелуя. Она всегда была очень привязана к мистеру Уилксу. Когда-то – о, как это было давно! – она мечтала стать его снохой.

– А этот поцелуй передайте от меня Питтипэт, а этот Мелани, – сказал мистер Уилкс, еще дважды слегка коснувшись губами ее щеки. – А как чувствует себя Мелани?

– Спасибо, хорошо.

– Ах, как хотелось бы мне увидеть моего первого внука! – Взор его задумчивых серых глаз был устремлен на Скарлетт, но – совершенно так же, как это бывало с Эшли, – он, казалось, видел не ее, а сквозь нее прозревал какие-то далекие, только ему ведомые миры. – Прощайте, моя дорогая.

Джон Уилкс вскочил в седло и поскакал прочь. Он все еще держал шляпу в руке, и дождь мочил его серебряные волосы. Скарлетт направилась обратно к Мейбелл и миссис Мид, и только тут истинный смысл его последних слов проник в ее сознание. Охваченная суеверным страхом, она торопливо перекрестилась и зашептала молитву. В его словах было предчувствие смерти, так же, как когда-то в словах Эшли, и вот теперь Эшли... Никогда нельзя говорить о смерти! Поминать смерть – это искушать судьбу! В молчании возвращаясь вместе с Мейбелл и миссис Мид под морозящим дождем в госпиталь, Скарлетт молилась про себя: «Не дай ему умереть, господи! Только бы не он и не Эшли!» Отступление из Далтона до горы Кеннесоу продолжалось от начала мая до середины июня, и когда потянулись жаркие дождливые июньские дни, а Шерману все еще не удалось выбить конфедератов с их позиций на крутых, скользких горных склонах, надежда снова возродилась в сердцах южан. Все повеселели, все с

большим теплом стали отзываться о генерале Джонстоне. Когда же дождливые июньские дни сменились еще более дождливыми июльскими, а конфедераты, оказывая отчаянное сопротивление из своих высоких укрытий, все еще продолжали сдерживать Шермана и отражать его атаки, безудержное ликование охватило Атланту. Надежда, словно глоток шампанского, кружила голову. Ура! Ура! Мы их остановили! В городе началась повальная эпидемия балов. Как только в Атланту, хотя бы на одну ночь, прибывала с фронта группа воинов, в их честь устраивались обеды, а затем – танцы, и девицы – а их на каждого воина приходилось не меньше десятка – спорили за право потанцевать с храбрецами.

Атланта была наводнена пришлым людом: беженцами, семьями раненых, лежавших в госпиталях, женами и матерями солдат, сражавшихся в горах, – женщины стремились быть возле своих близких на случай, если их ранят. И вдобавок ко всему целые стаи юных красоток со всей округи, где не осталось ни одного мужчины в возрасте от шестнадцати до шестидесяти с лишним лет, хлынули в город. Тетушка Питти отзывалась об этих особах с крайним неодобрением, считая, что они слетелись в Атланту с единственной целью – поймать жениха, и перед лицом такого бесстыдства она не переставала с изумлением вопрошать: куда идет мир? Скарлетт была с ней согласна. Ей было совсем не по душе соперничество этих шестнадцатилетних, розовощеких, чьи сияющие улыбки заставляли забывать о том, что на них дважды перелицованные платья и залатанные туфельки. Платья самой Скарлетт были новее и наряднее, чем у многих дам, благодаря Ретту Батлеру, который привез ей из своего последнего плавания новые ткани, но, как ни верти, ей уже сравнялось девятнадцать, и годы не шли вспять, а мужчины всегда предпочитают охотиться за глупыми молоденькими девчонками.

Вдова, да еще с ребенком, находится в незавидном положении по сравнению с такими юными вертушками, думала Скарлетт. Впрочем, в эти будоражащие дни всеобщего ликования она меньше чем когда-либо ощущала тяжесть своего вдовства и материнства. Днем – работа в госпитале, вечером – танцы. У нее почти не оставалось времени для Уэйда. Порой она вообще подолгу не вспоминала о том, что у нее есть сын!

Жаркими влажными летними ночами двери всех домов в Атланте были распахнуты настежь для воинов – защитников города. Все богатые дома – от улицы Вашингтона до Персиковой улицы – сияли огнями; там принимали перепачканных окопной грязью солдат, и в тихом ночном воздухе далеко разносились звуки банджо и скрипок, топот танцующих ног, веселые взрывы смеха. Люди группами собирались вокруг фортепьяно, и все увлеченно пели «Письмо твое пришло, ах, слишком поздно», а оборванные, но галантные кавалеры бросали многозначительные взгляды на девиц, которые в ответ хихикали, прикрываясь веерами из индюшачьих перьев и давая понять, что не следует тянуть, не то будет слишком поздно. Сами девушки, когда это от них зависело, не откладывали теперь дела в долгий ящик. Захваченные в водоворот исторического веселья и всеобщего возбуждения, они очертя голову вступали в браки. Не счесть свадеб, сыгранных в тот месяц, когда генерал Джонстон удерживал неприятеля у горы Кеннесоу! Счастливые, стыдливо раздумывавшие невесты венчались в наспех одолженных у десятка подружек подвенечных нарядах. Сабли женихов постукивали о заплатами штаны. Не счесть восторгов, не счесть волнений, не счесть балов! Ура! Генерал Джонстон удерживает неприятеля в двадцати двух милях от города!

Да, позиции конфедератов на подступах к горе Кеннесоу были неприступны. После двадцати пяти дней боев генералу Шерману пришлось в этом убедиться, ибо потери он понес огромные. И тогда, прекратив лобовую атаку, он снова произвел широкий обходной маневр и сделал попытку вклиниться между армией конфедератов и Атлантой. Его стратегия снова дала

результаты. Дабы защитить свой тыл, Джонстон был вынужден оставить горные выси, на которых он так хорошо укрепился. В этих боях он потерял треть своих людей; остатки его истощенной армии отступили под дождем к реке Чаттахучи. Конфедератам не приходилось больше рассчитывать на подкрепление, в то время как к Шерману по железной дороге, которая теперь от самого Теннесси до линии огня находилась в руках янки, ежедневно прибывали свежие части и продовольствие. В результате серые линии были отброшены еще дальше в сторону Атланты.

После потери этих считавшихся неприступными позиций по городу прокатилась новая волна паники. В период двадцатипятидневного безудержного веселья все заверяли друг друга, что нового отступления больше уж никак не может произойти. И вот оно произошло! Но, без сомнения, генерал не позволит янки переправиться через реку на другой берег. Однако что говорить, река совсем близко – в каких-нибудь семи милях от города!

Но Шерман снова обошел конфедератов с фланга, переправившись через реку выше по течению, и изумленные серые шеренги поспешили броситься в мутную желтую воду, чтобы стать живым заслоном между захватчиками и Атлантой, и наспех зарылись в неглубокие окопы в долине Персикового ручья к северу от города. Охваченная паникой Атланта агонизировала.

Бои и отступления! Бои и отступления! И с каждым новым отступлением янки все ближе к городу. Долина Персикового ручья всего в пяти милях от Атланты! О чем думает генерал?

Крик «Дайте нам генерала, который бы сражался и не отступал!» достиг Ричмонда. В Ричмонде понимали, что с потерей Атланты война будет проиграна, и когда армия отступила за Чаттахучи, генерал Джонстон был отстранен от командования. Во главе армии стал генерал Худ, один из корпусных командиров, и город вздохнул свободнее. Худ не будет отступать. Кто-кто, только не этот высоченный кентуккиец с развевающейся бородой и огненным взглядом! Худ был известен своей бульдожьей хваткой. Он прогонит янки, загонит их за реку и будет гнать все дальше и дальше той же дорогой обратно до самого Далтона. Но из армии долетал другой крик: «Верните нам старину Джо!», ибо солдаты проделали со стариной Джо весь путь, милю за милей, от Далтона, и в армии знали то, чего не могло знать гражданское население, – против каких превосходящих сил противника вели они бои.

А Шерман не стал ждать, пока генерал Худ приведет свои войска в боевую готовность для наступления. На другой же день после назначения новым командующим армией Шерман совершил быстрый решительный бросок, ударил по маленькому городку Декейтеру в шести милях от Атланты, захватил его и перерезал железную дорогу, соединявшую Атланту с Огастой, Чарльстоном, Уилмингтоном и Виргинией. Это был сокрушительный удар. Настало время действовать решительно. Атланта призывала к действию!

Наконец в один изнуряюще знойный июльский день после полудня ее желание осуществилось. Генерал Худ не только сражался и не отступал. Он поднял свои серые цепочки из окопов у Персикового ручья и бросил в яростную атаку на вдвое превосходящие их численностью синие мундиры Шермана.

Перепуганное население прислушивалось к гулу канонады и треску тысяч ружейных залпов, доносившихся столь явственно, словно бой шел в соседнем квартале, а не в пяти милях от центра города, и молило господа, чтобы атака Худа отбросила янки назад. Все слышали залпы орудий, видели клубы дыма, нависшие над верхушками деревьев, но проходил за часом час, а о том, как развивается бой, можно было только строить догадки.

Лишь на исходе дня начали поступать первые вести – противоречивые, неопределенные, устрашающие; их приносили те, кто был ранен в начале сражения и теперь добрался до города. Поодиночке и группами появлялись они на улицах – менее тяжело раненные помогали тем, кто еле волочил ноги. И вот уже через весь город по направлению к госпиталям непрерывной струей

стал литься людской поток: черные от порохового дыма, грязи и пота лица, зияющие, неперевязанные раны, сгустки засохшей крови и над ними мухи, тучи мух.

Дом тетушки Питти первым попался им на пути на северной окраине города, и один за другим они добирались до калитки, тяжело опускались на лужайку перед домом и хрипло зывали:

– Пить!

В душном послеполуденном мареве тетушка Питти и все ее домочадцы, белые и черные, стояли во дворе с ведрами воды и бинтами, черпая чешками воду и перевязывая раны, пока не иссякли все бинты и не были разорваны на полосы последние простыни и полотенца. Тетушка Питти, забыв о том, что она не выносит вида крови и всегда при этом лишается чувств, усердно оказывала помощь раненым, пока ее маленькие ножки в чрезмерно узких ботиночках не отекали так, что уже отказывались ее держать. Даже Мелани, отбросив стыдливость, несмотря на свой заметно округлившийся живот, лихорадочно трудилась бок о бок с Присси, кухаркой и Скарлетт, и лицо ее казалось таким же напряженным, как у тех, за кем она ухаживала. И когда она внезапно потеряла сознание, ее пришлось положить на кухонный стол, так как все кровати, кушетки и даже кресла были заняты ранеными.

Позабытый всеми в этой суматохе маленький Уэйд, присев на корточки, выглядывал из-за перил веранды, словно испуганный кролик из клетки: круглыми от страха глазами он обводил лужайку, сосал большой палец и икал. Скарлетт, случайно скользнув по нему взглядом, резко прикрикнула:

– Ступай на задний двор, Уэйд Хэмптон! Поиграй там! – Но он был так испуган и так заморожен никогда не виданной картиной, что не исполнил приказа матери.

Вся лужайка была заполнена распростертыми телами людей, слишком уставших, чтобы брести дальше, слишком обессиленных от ран, чтобы сдвинуться с места. Дядюшка Питер укладывал их одного за другим в коляску и отвозил в госпиталь, повторяя эти поездки до тех пор, пока взмыленная лошадь не стала. Миссис Мид и миссис Мерриуэзер тоже прислали свои экипажи. Нагрузив экипажи ранеными так, что провисали рессоры, их отправляли в госпиталь.

Позднее, когда долгие душные летние сумерки стали спускаться на город, по дороге загрохотали санитарные повозки и интендантские фургоны с заляпанным грязью брезентовым верхом. А за ними потянулись и обычные повозки и тележки, запряженные быками, и даже чьи-то элегантные экипажи, приспособленные для нужд медицинской службы. Доверху нагруженные ранеными и умирающими, они проезжали мимо дома тетушки Питти, подпрыгивая на ухабистой дороге, орошая кровью красную дорожную пыль. И при виде женщин с ведрами и черпаками транспорт приостанавливался, и вопли и чуть слышный шепот сливались в единый хор:

– Пить!

Скарлетт, поддерживая мотавшиеся из стороны в сторону головы, подносила воду к запекшимся губам, выливая ковши воды на открытые раны, на запыленные, горевшие как в лихорадке тела, стремясь принести раненым хоть минутное облегчение. Поднявшись на цыпочки, она протягивала ковш с водой возницам и срывающимся голосом задавала каждому один и тот же вопрос:

– Что там? Как?

И всякий раз слышала в ответ:

– Кто его знает, леди. Пока что трудно сказать.

Наступила душная ночь, не принеся пролады. Жар от сосновых факелов, которые держали негры, еще сильнее накалял недвижный воздух. Пыль оседала у Скарлетт на губах, заползала в нос. Ее ситцевое платье, выстиранное и накрахмаленное утром, насквозь пропиталось потом,

грязью, кровью. Вот что, значит, хотел сказать Эшли, когда писал: война – это не триумфальное шествие, а страдания и грязь!

От усталости все теряло реальность, проплывая перед глазами, как в страшном сне. Не может быть, чтобы это происходило на самом деле, – ведь если так, значит, мир сошел с ума! Иначе почему она стоит здесь, в тихом палисаднике тетушки Питти, среди мерцающих огней, и охлаждает водой тела своих умирающих поклонников? Да, среди этих людей их было немало – тех, кто ухаживал за ней когда-то, – и все они, узнавая ее, пытались ей улыбнуться. Немало их – тех, с кем она танцевала, шутила, кому играла на фортепьяно и пела романсы, кого завлекала дразнила, поощряла, любила.., чуть-чуть... Немало их пришло сюда с окровавленными, искусанными москитами лицами, пришло, ковыляя по пыльной дороге, и немало умирало у нее на глазах.

Под грудой тел на дне повозки, запряженной волами, Скарлетт обнаружила полуживого Кэйри Эшберна, раненного в голову. Но вытащить его оттуда, не потревожив шести других раненых, она не смогла, и его отвезли в госпиталь. Потом она узнала, что он умер, прежде чем к нему подоспел доктор, и его похоронили где-то – никто толком не знал где. Слишком много воинов было опущено в неглубокие, наспех вырытые могилы на Оклендском кладбище за этот месяц. Мелани ужасно сокрушалась по поводу того, что они не могли послать хотя бы прядь волос Кэйри его матери в Алабаму.

Жаркая ночь все длилась и длилась, у Скарлетт и тетушки Питти разламывало спину и колени подгибались от усталости, и каждому вновь прибывшему раненому они задавали один и тот же вопрос:

– Ну что там? Как?

И после долгих-долгих часов ожидания услышали наконец ответ, заставивший их побелеть от ужаса, поглядеть друг на друга:

– Мы отступаем.

– Мы вынуждены отступить.

– Нас сотни, а их тысячи.

– Янки отрезали кавалерию Уиллера под Декейтером. Мы должны идти к нему на выручку.

– Наши скоро будут в городе.

Скарлетт и тетушка Питти вцепились друг в друга, чтобы не упасть.

– Значит.., значит, янки придут сюда?

– Да, мам, они таки придут, только они охотятся не за дамами.

– Нет, нет, не пугайтесь, мисс, они не возьмут Атланту.

– Конечно, нет, мэм, вокруг города окопов понарыто, почитай, на миллион миль.

– Я сам слышал, как старина Джо сказал: «Я могу держать Атланту до скончания века».

– Так у нас же нет теперь старины Джо. У нас...

– Заткнись, дурак! Ты что – хочешь напугать дам до полусмерти?

– Янки никогда не возьмут города, мэм.

– А почему бы вам, леди, не перебраться в Мейкон или еще куда, где безопасней? Неужели у вас нет там родственников?

– Взять-то Атланту они не возьмут, но все ж таки для дам будет тут тяжеловато, когда янки попрут.

– Палить по городу будут крепко.

Наутро под теплым, парным дождем побежденная армия хлынула через город: толпы изнемогающих от голода и усталости людей, измотанных боями и отступлениями, длившимися семьдесят шесть дней, и с ними – замороженные, скелетоподобные лошади, тянувшие пушки и зарядные ящики, кое-как – обрывками веревок или сыромятных ремней – прикрученные к

лафетам. И все же это не было беспорядочным бегством разгромленной армии. Войска маршировали походным строем; невзирая на свои лохмотья, они сохраняли бодрый вид, шли с развернутыми алыми боевыми знаменами, исхлестанными дождем. Они прошли школу отступлений под командованием старины Джо, научившим их превращать отступление в стратегический маневр, не менее важный, чем наступление. Обросшие бородами, оборванные, они маршировали по Персиковой улице, распевая «Мериленд мой, Мериленд», и весь город высыпал на улицы, чтобы их приветствовать. С победой ли, с поражением пришли они – это были их солдаты.

Милицию штата, еще недавно щеголявшую своим новым обмундированием, а теперь грязную и обтрепанную, было не отличить от испытанных в боях войск. Даже выражение глаз у солдат стало иным. Ведь за спиной у каждого было три года унижительных самооправданий, объяснений, почему они не на фронте, но теперь они сменили тыловой покой на фронтовые опасности и обрели самоуважение. Многие из них отдали привольное житье за смерть под пулями. Зато оставшиеся в живых стали теперь ветеранами, хотя и в чрезмерно короткий срок, и чувствовали, что исполнили свой долг. Вглядываясь в толпу, отыскивая знакомые лица, они смотрели уверенно и гордо. Они могли высоко держать голову теперь.

Шли старики и юноши из войск внутреннего охранения – седобородые старцы едва волочили ноги от усталости, у юношей были озабоченные лица детей, поставленных перед слишком серьезной для них задачей. Скарлетт увидела среди них Фила Мида и с трудом узнала его – так почернело от порохового дыма и грязи его лицо, таким оно было напряженным и усталым. Бок о бок с ним, прихрамывая, ковылял дядюшка Генри, с непокрытой, невзирая на дождь, головой, торчавшей из дыры, проделанной в клеенке, которую он накинул себе на плечи. Дедушка Мерриуэзер ехал, сидя на лафете; голые ноги его были обмотаны обрывками одеяла. Но сколько ни искала Скарлетт глазами Джона Уилкса, его нигде не было видно.

А ветераны армии Джонстона маршировали с видом бравым и беспечным, храня свой боевой дух и на третий год войны; они ухмылялись, и подмигивали хорошеньким девушкам, и отпускали грубоватые шуточки по адресу мужчин, еще не надевших военной формы. Они направлялись к укреплениям, опоясывавшим город, – не мелким, наспех вырытым стрелковым гнездам, а земляным укреплениям почти в рост вышиной, обложенным мешками с песком, утыканным поверху острыми деревянными кольями. Миля за милей тянулись вокруг города эти укрепления, зияя красными щелями окопов и красными насыпями брустверов, готовые принять тех, кому надлежало их заполнить.

Толпа приветствовала отступавшие войска так, словно они возвращались с победой. В каждом сердце притаился страх, но теперь, когда все уже знали правду, когда худшее уже свершилось, когда война подошла вплотную к их жилищам, с городом произошла перемена. Больше не было места панике, истерическим воплям – что бы ни гнездилось в сердцах, не находило отражения на лицах. Все старались казаться веселыми, даже если это веселье было напускным. Каждый старался уверенно и храбро смотреть в лицо отступавшим солдатам. И каждый повторял про себя слова старины Джо, сказанные накануне того дня, как его отстранили от командования: «Я могу держать Атланту до скончания века».

Теперь, когда и генералу Худу пришлось отступить, у многих зародилось то же желание, что и у солдат, – желание вернуть старину Джо. Но никто не решался высказать свою мысль вслух, все пытались лишь почерпнуть уверенность в словах старины Джо:

«Я могу держать Атланту до скончания века».

Осторожная тактика генерала Джонстона была совсем не по душе генералу Худу. Он атаковал янки с востока, он атаковал их с запада. Шерман кружил вокруг Атланты, как боксер, выискивающий незащищенное место на теле противника, и Худ не стал сидеть в своих укрытиях,

дожидаясь, пока янки его атакуют. Он храбро вышел им навстречу и обрушился на них яростно. Несколько дней шли бои за Атланту и за Эзра-Черч, и по сравнению с этими битвами сражение у Персикового ручья представлялось уже ничтожной стычкой.

Однако противнику, казалось, все было нипочем. Он понес тяжелые потери, но, видимо, мог себе это позволить. И все это время батареи северян сыпали снаряды на город, убивали людей в их жилищах, срывали крыши со зданий, вырывали глубокие воронки в мостовых. Люди укрывались как могли – в погребах, в канавах, в неглубоких туннелях на железнодорожных переездах. Атланта была в осаде.

За одиннадцать первых дней командования генерал Худ потерял почти столько же людей, сколько генерал Джонстон за семьдесят четыре дня боев и отступлений, и Атланта была осаждена уже с трех сторон.

Железная дорога, связывающая Атланту с Теннесси, находилась теперь на всем своем протяжении в руках Шермана. Его войска обложили железную дорогу, ведущую на восток, и перерезали железную дорогу, ведущую на юго-запад, к Алабаме. И только одна-единственная железная дорога – на юг, к Мейкону и Саванне, – еще действовала. Атланта была наводнена беженцами, забита войсками, заполнена ранеными, и эта единственная дорога не могла удовлетворить неотложных нужд страждущего города. И все же пока эта дорога была в руках южан, Атланта могла держаться.

Скарлетт обуял ужас, когда она поняла, какое значение приобрела эта дорога, как яростно Шерман будет стараться ее захватить и как отчаянно будет биться за нее Худ. Ведь это та дорога, что проходит через графство и через Джонсборо. А Тара всего в пяти милях от Джонсборо! Отсюда, из этого воющего ада, Тара казалась убежищем, тихой гаванью, но она была всего в пяти милях от Джонсборо!

В день битвы за Атланту Скарлетт и еще некоторые из дам, забравшись на плоские кровли складов, защитившись своими крошечными зонтиками от солнца, наблюдали за сражением. Но когда первые снаряды стали рваться на улицах города, все бросились в погреба, и в эту же ночь началось повальное бегство женщин, детей и стариков из Атланты. Целью их был Мейкон, и многие из тех, кто заполнил вагоны той ночью, уже и раньше проделывали этот путь – проделывали при каждом новом отступлении генерала Джонстона, когда он все дальше и дальше откатывался от Далтона. Но ехали они теперь не так, как возвращались в Атланту, а налегке. У многих с собой был лишь ручной саквояж да скудный завтрак в пестром бумажном носовом платке. И только кое-где можно было увидеть испуганных слуг с серебряной утварью и семейными портретами в руках, уцелевшими после первого бегства.

Миссис Мерриуэзер и миссис Элсинг уехать отказались. Госпиталь нуждался в их помощи, и к тому же, гордо заявили они, никакие янки их не испугают и не заставят бежать из родного дома. Но Мейбелл с ребенком и Фэнни Элсинг уехали в Мейкон. Миссис Мид впервые за всю свою супружескую жизнь выказала неповиновение и наотрез отказалась подчиниться требованию доктора и сесть в поезд. Она ему еще понадобится, заявила миссис Мид. Да и Фил где-то здесь, в окопах, и ей нужно быть поблизости на случай, если...

А миссис Уайтинг уехала, да и многие другие из знакомых Скарлетт дам. Тетушка Питти, раньше всех осудившая генерала Джонстона за его стратегию отступлений, раньше всех уложила теперь свои сундуки. Ее слабые нервы, заявила она, не выносят громких звуков. От грохота взрывов она может лишиться чувств и не добраться до погреба. Вовсе нет, она ничуть не боится. Она попыталась придать своему детскому ротуку воинственное выражение, но попытка не увенчалась успехом. Она уедет в Мейкон к своей старенькой кузине миссис Бэрр, и девочки должны поехать с ней.

Скарлетт совсем не улыбалось ехать в Мейкон. Она хотя и боялась бомбежек, но все же

предпочитала оставаться в Атланте, чем ехать в Мейкон к старой миссис Бэрр, которую терпеть не могла. Несколько лет назад, на одной из вечеринок в доме Уилксов, миссис Бэрр случайно увидела, как Скарлетт целуется с ее сыном Уилли, и назвала Скарлетт «вертихвосткой». «Нет, – заявила Скарлетт тетушке Питти, – я поеду домой, в Тару, а Мелли пускай едет с вами».

Услыхав это, Мелани испугалась и горько расплакалась. Тетушка Питти бросилась за доктором Мидом, а Мелани схватила Скарлетт за руку и взмолилась:

– Дорогая, не уезжай, не покидай меня! Мне будет так одиноко без тебя! Ах, Скарлетт, я просто умру, если тебя не будет со мной, когда придет мой срок! Да, да, я знаю, тетя Питти обо мне позаботится и она – сама доброта. Но ведь у нее никогда не было детей, и порой она так действует мне на нервы, что хочется визжать.

Не оставляй меня, дорогая. Мы же с тобой как сестры, и притом, – тут она выдавила из себя лукавую улыбку, – ты пообещала Эшли позаботиться обо мне. Он сказал, что попросит тебя об этом.

Скарлетт глядела на нее в полном изумлении. Почему Мелани так к ней привязана, в то время как сама она с трудом ее выносит и порой не в силах этого скрыть? Как может Мелани быть так глупа, чтобы не догадаться, что она любит Эшли? Ведь за эти мучительные месяцы ожидания вестей от него она тысячу раз выдавала себя! А Мелани ничего не видит, да и вообще не в состоянии видеть ничего дурного в тех, кого любит... Да, она действительно обещала Эшли позаботиться о Мелани. О, Эшли, Эшли! Быть может, его давно уже нет в живых, а это обещание связывает ей теперь руки!

– Ладно, – сказала она сухо. – Я правда обещала ему и слово свое сдержу. Но в Мейкон я не поеду и жить с этой старой ведьмой, миссис Бэрр, не стану. Все равно я через пять минут выцарапала бы ей глаза. Я вернусь домой, в Тару, и увезу тебя с собой. Мама будет очень тебе рада.

– Ах, как чудесно! Твоя мама такая милая! Но тетя Питти просто умрет, если не будет возле меня, когда маленькому придет время появиться на свет, а в Тару она не поедет, я знаю. Это слишком близко к линии фронта, а она хочет быть там, где поспокойнее.

Прибежал запыхавшийся доктор Мид, заключив из испуганного лепета тети Питти, что у Мелани по меньшей мере начались преждевременные роды, сильно вознегодовал и не почел нужным это скрывать. Узнав же причину расстройства, разом решил их спор.

– Не может быть и речи о том, чтобы вам ехать в Мейкон, мисс Мелли. Если вы тронетесь с места, я ни за что не отвечаю. Поезда переполнены, идут не по расписанию, пассажиров могут в любую минуту высадить и бросить в лесу, если вагоны потребуются для перевозки раненых, переброски войск или для других военных нужд. В вашем положении...

– А если я поеду в Тару со Скарлетт...

– Повторяю, я не разрешаю вам сниматься с места. До Тары идет такой же поезд, что и до Мейкона, и условия будут совершенно те же, да и никому не известно, где находятся сейчас янки, они могут быть где угодно. Могут даже захватить поезд. И даже если вы благополучно доберетесь до Джонсборо, оттуда до Тары еще пять миль по скверной проселочной дороге – путешествие не для женщины в интересном положении. К тому же там во всей округе нет врача с тех пор, как старик Фонтейн ушел на фронт.

– Но ведь есть повивальные бабки...

– По-моему, я сказал: нет врача, – резко повторил доктор, окидывая безжалостным взглядом хрупкую фигурку Мелани. – Я запрещаю вам отправляться в путь. Это опасно. Вам, верно, не захочется рожать в вагоне или на дороге? А?

Беззастенчивая откровенность эскулапа заставила дам покраснеть и смущенно прикусить язык.

– Вам надлежит оставаться здесь и притом лежать в постели. А я буду вас наблюдать, и никакой беготни по лестнице в погреб. Даже если снаряд влетит в окно. В конце концов, здесь пока еще не так опасно. Мы скоро прогоним янки отсюда... Так что, мисс Питти, езжайте-ка в Мейкон, а эти молодые дамы останутся здесь.

– Без старшей в доме? – в ужасе воскликнула старая дама.

– Они взрослые, замужние женщины, – раздраженно сказал доктор. – И миссис Мид через два дома отсюда. А поскольку мисс Мелли в положении, они так или иначе не станут принимать у себя в доме мужчин. Да боже милостивый, мисс Питти! Ведь сейчас война! Нам теперь не до соблюдения Приличий. Надо думать о здоровье мисс Мелли.

Громко стуча башмаками, он направился к двери, но на веранде приостановился, поджидая Скарлетт.

– Я буду говорить с вами напрямик, мисс Скарлетт, – сказал он, теребя седую бородку. – Мне сдается, что вы – женщина, не лишенная здравого смысла, так что избавьте меня от ваших стыдливых ужимок. Я не желаю больше слышать ни про какой отъезд мисс Мелли. Я сомневаюсь, чтобы она могла выдержать дорогу. Даже при самых благоприятных условиях родить ей будет нелегко при ее, как вы, вероятно, знаете, узком тазе. Весьма возможно, что потребуются накладывать щипцы, поэтому я не желаю, чтобы какая-нибудь неграмотная повивальная бабка вмешивалась в это дело. Женщинам с ее сложением вообще не следовало бы рожать, но... Словом, уложите-ка пожитки мисс Питти и отправьте ее в Мейкон. Она так напугана, что будет только зря волновать мисс Мелли, а Мелли это вредно. И затем вот что, моя дорогая. – Он умолк, и Скарлетт почувствовала на себе его пронизывающий взгляд, – О вашем отъезде я не желаю слышать тоже. Вы останетесь с мисс Мелли до тех пор, пока младенец не появится на свет! Вы ведь не боитесь, не так ли?

– Конечно, нет, – храбро солгала Скарлетт.

– Вот и молодчина. Миссис Мид постарается по возможности опекать вас, и если мисс Питти захочет забрать с собой слуг, я пошлю к вам мою старуху Бетси – она будет вам стряпать. Ждать осталось недолго. Ребенок должен появиться на свет через пять недель, но при первых родах, да еще при этой стрельбе, ничего нельзя знать наверняка. Может случиться и со дня на день.

И тетушка Питти отбыла в Мейкон, проливая потоки слез и прихватив с собой дядюшку Питера и кухарку. Лошадь и коляску она в приливе патриотических чувств пожертвовала госпиталю, о чем тотчас же пожалела, отчего слезы снова хлынули ручьем. А Мелани и Скарлетт остались одни с Уэйдом и Присси в притихшем, невзирая на непрекращавшуюся канонаду, доме.

В эти первые дни осады, когда янки то тут, то там обрушивались на южан, разрывы снарядов наводили на Скарлетт такой ужас, что она всякий раз зажимала уши руками, съеживалась в беспомощный комочек и ждала, что с минуты на минуту ее разорвет на куски и прах развеет по ветру. Заслышав еще далекий свист снаряда, она влетала в спальню Мелани, бросалась рядом с ней на кровать, и, тесно прижавшись друг к другу, вскрикивая:

«Ой! Ой!», они зарывались головой в подушки. А Присси с Уэйдом спускалась в погреб, забивалась там, скорчившись, в угол, среди мрака и паутины, и выла в голос, а Уэйд икал и всхлипывал.

Задыхаясь в жарком пуху подушек, слыша визг смерти у себя над головой, Скарлетт безмолвно проклинала Мелани, по милости которой она не могла спуститься вниз, где было безопаснее. Но доктор запретил Мелани вставать с постели, а Скарлетт – оставлять ее одну. К страху быть разорванной на куски снарядом примешивался не менее отчаянный страх, что у Мелани в любую минуту могут начаться роды. Стоило Скарлетт подумать об этом, и спина у нее становилась липкой от пота. Ну что ей делать, если Мелани начнет рожать? Скарлетт чувствовала, что она скорее даст Мелани умереть, чем отважится выйти на улицу, чтобы позвать доктора, когда снаряды сыплются там с неба, как апрельский дождь. И она знала также, что Присси можно избить до полусмерти, но и она не высунет носа на улицу. Так что же делать, если у Мелани начнутся роды?

Как-то вечером, собирая на поднос ужин для Мелани, Скарлетт шепотом поделилась своими опасениями с Присси, и, к ее удивлению, негритянка помогла рассеяться страхам.

– А что ж тут такого, мисс Скарлетт, не пужайтесь, без доктора обойдемся. А я-то на что? Я эти дела знаю. Мамка-то моя кто – повивальная бабка. И я тож, как вырасту, буду детей принимать – а то нет? Меня мамка учила. Так что положьтесь на меня.

Скарлетт облегченно вздохнула, узнав, что опытные руки придут ей на помощь, но тем не менее ей страстно хотелось, чтобы это испытание поскорее осталось позади. Сходя с ума от страха при каждом разрыве снаряда, она всем существом своим отчаянно рвалась домой, в тихую обитель Тары, и каждую ночь, отходя ко сну, молилась о том, чтобы ребенок появился на свет на следующий день и она, освободившись от своего обещания, могла покинуть Атланту. Тара казалась таким надежным, таким далеким от всех этих ужасов и бедствий пристанищем.

Никогда еще Скарлетт не желала ничего так страстно, как очутиться сейчас под родительским кровом, возле матери. Рядом с Эллин она не знала бы страха, что бы ни произошло. После целого дня, наполненного воем и оглушительным грохотом рвущихся снарядов, она ложилась спать с твердым намерением наутро сказать Мелани, что не может больше выдержать ни единого дня этой жизни, что она уезжает домой, а Мелани пусть перебирается к миссис Мид. Но как только ее голова опускалась на подушку, перед глазами у нее возникало лицо Эшли: бледное, напряженное, словно от какой-то невысказанной боли, но с легкой улыбкой на губах – таким она видела его в миг их последней встречи... «Вы позаботитесь о Мелани, я могу надеяться? Вы такая сильная, Скарлетт. Обещайте мне». И она пообещала. А Эшли уже нет в живых. Где-то в чужом краю он лежит в земле. Но и оттуда он наблюдает за ней, не позволяет ей нарушить данное ему слово. И живому ли, мертвому, она будет ему верна, чего бы это ей ни стоило. Так день убегал за днем, а Скарлетт оставалась в Атланте.

В своих ответах на письма Эллин, умолявшей ее возвратиться домой, она старалась преуменьшать опасности осадного положения, описывала состояние Мелани и кончала обещанием приехать, как только младенец появится на свет. Эллин, всегда чувствительная к

узам родства – будь то кровным или сводным, – против воли соглашалась с ее доводами, но настойчиво требовала, чтобы Присси с Уэйдом немедленно были отправлены домой. Это требование получило самое жаркое одобрение со стороны Присси, у которой теперь при каждом неожиданном звуке зубы начинали выбивать дробь, и она тупела до полного идиотизма. Почти целый день она сидела, сжавшись в комочек в погребке, и если бы не старуха Бетси, наши дамы начали бы пухнуть с голоду.

Скарлетт не менее Элин рада была бы отправить Уэйда домой, и не столько ради его безопасности, сколько потому, что вечный страх, в котором пребывал ребенок, действовал ей на нервы. Взрывы снарядов приводили Уэйда в состояние безмолвного ужаса, и даже в минуты затишья он все время цеплялся за юбку Скарлетт, настолько испуганный, что не мог даже плакать. Вечером он боялся ложиться в постель, боялся темноты, боялся уснуть, чтобы ночью его не похитили янки, а негромкое жалобное хныканье ребенка во сне сводило Скарлетт с ума. Она и сама была напугана не меньше, чем он, но ее злило, что его осунувшееся, испуганное личико непрерывно напоминало ей об этом. Да, разумеется, Уэйду место в Таре! Нужно отправить его туда с Присси, а затем Присси тут же должна возвратиться обратно, чтобы быть возле Мелани, когда придет срок.

Но не успела Скарлетт снарядить двух путешественников в путь, как разнеслась весть, что войска янки повернули на юг и ведут теперь бои вдоль железной дороги между Атлантой и Джонсборо. А что, если янки захватят поезд, на котором поедут Уэйд и Присси? При одной мысли об этом Скарлетт и Мелани побелели – ведь каждому было известно, какие зверства учиняют янки над беззащитными детишками – хуже даже, чем над женщинами. И Скарлетт побоялась отослать ребенка домой. Он остался в Атланте и ковылял за ней по дому, боясь хоть на миг выпустить из ручонки ее юбку – маленький, испуганный, безмолвный, как привидение.

День за днем осажденный город плавился в июльском зное, а душными ночами громы пушек сменялось зловещей тишиной, и мало-помалу жизнь в Атланте стала входить в колею. И снова всем стало казаться, что теперь, когда случилось самое страшное, бояться больше нечего. Все со страхом ждали осады, и вот город уже осажден, а жизнь в конце концов идет своим чередом. Идет почти что по-прежнему. Все понимали, что живут на вулкане, но пока вулкан не начал извергаться, они, в сущности, ничего предпринять не могли. Так чего же попусту тревожиться? Быть может, извержения еще и, не произойдет. Вон ведь как генерал Худ сдерживает янки, не подпускает их к городу! А кавалерия не подпускает их к дороге на Мейкон! Шерману никогда ею не овладеть!

Но под напускной беспечностью перед угрозой рвущихся снарядов, под притворным безразличием к полуголодному существованию и к янки, стоявшим в полумиле от города, в сердцах жителей Атланты, несмотря на всю безграничность их веры в людей в изодранных серых мундирах, заполнявших окопы, неосознанно тлела тревожная неуверенность в завтрашнем дне. И под бременем голода, горя, страха, среди мучительных всплесков и спадов надежды тревога эта точила души.

Скарлетт же, глядя на суровые лица своих друзей, мало-помалу обрела мужество, спасительный инстинкт самосохранения дал ей силы приспособиться к обстоятельствам, согласно пословице: чему быть, того не миновать. Конечно, она и сейчас еще вздрагивала при каждом залпе, но уже не кидалась к Мелани – зарыться головой в подушки. Теперь, сдерживая волнение, она только произносила дрогнувшим голосом:

– Это, кажется, где-то близко, да?

Страх ее ослабел еще и потому, что все стало представляться ей в каком-то призрачном, нереальном свете, как во сне – слишком страшном сне, чтобы он мог быть явью. Казалось невероятным, чтобы все это на самом деле происходило с ней, Скарлетт О'Хара, чтобы смерть

действительно подстерегала ее каждый час, каждую минуту. У нее еще не укладывалось в сознании, что спокойное течение жизни могло претерпеть такие изменения в столь короткий срок.

Казалось невозможным – чудовищным и невозможным, – что чистая голубизна предрассветного неба будет осквернена черным дымом орудий, который грозным облаком повиснет над городом, что солнечный полдень, напоенный таким пронзительным ароматом жимолости и вьющихся роз, может таить в себе смертельную угрозу, что улицы могут оглушать воем снарядов, несущих гибель, разрывающих людей и всякую живую тварь на куски.

Не стало тихих, дремотных часов послеобеденного покоя, ибо даже если грохот битвы порой затихал, Персиковая улица во все часы дня наполнилась шумом: гремели влекомые куда-то пушки; ехали санитарные фургоны; брели раненые, приковывавшиеся из окопов; убыстренным шагом проходили войсковые части, перебрасываемые на оборону укреплений из одного конца города в другой; сломя голову, словно от их проворства зависела судьба Конфедерации, скакали в штаб вестовые.

Жаркими ночами наступало временное затишье, но тишина эта была зловещей – слишком глубокой, слишком полной, словно и древесные лягушки, и узкокрылые кузнечики, и сонные пересмешники – все были слишком испуганы, чтобы слить свои голоса в привычном летнем ночном хоре. Лишь время от времени звук одиночного выстрела где-то из последней линии обороны нарушал тишину.

И не раз глубокой ночью, когда Мелани спала, все огни в доме были потушены и над городом стояла мертвая тишина, Скарлетт, лежа без сна, слышала скрип отодвигаемой щеколды на калитке, а следом за этим тихий, настойчивый стук в парадную дверь.

Какие-то безликие люди в военной форме поднимались на крыльцо, и чужие, самые разные голоса взывали к ней из мрака. Порой выступавшая вперед тень изъяснялась изысканно вежливо: – Мадам, глубоко сожалею, что отважился потревожить вас, но не позволите ли мне напиться и напоить коня?

Порой слышалась отрывистая, грубоватая горская речь, порой непривычный, чуть гнусавый говор долинных жителей далекого южного Уайтграсса, а порой певучие, протяжные звуки чужого голоса заставляли сжиматься сердце Скарлетт, воскрешая в памяти прибрежные города и образ Эллин.

– Барышня, у меня тут дружок, хотел дотащить его до госпиталя, да боюсь, далековато, как бы он раньше не загнулся. Может, оставите его у себя?

– Сударыня, жрать страсть охота. Мне бы кукурузной лепешки кусочек, ради бога, ежели я вас не обездолю.

– Простите мое вторжение, мадам, но, быть может, вы позволите провести ночь у вас на веранде... Я увидел розы, запахло жимолостью, и это так напомнило мне мой дом, что я отважился...

Нет, эти ночные видения не могли быть явью. Ей привиделся страшный сон, и все эти люди – без лица, без плоти, люди-голоса, усталые голоса, звучащие из душного мрака, – были просто частью кошмара. Напой их, дай поесть, постели им на веранде, перевяжи раны, поддержи облепленную грязью голову умирающего! Нет, это не могло происходить с нею наяву!

Однажды, в конце июля, призрак, постучавший ночью в дверь, оказался дядей Генри Гамильтоном. Дядей Генри – только без зонта, без саквояжа и без брюшка. Розовые щеки его обвисли и болтались, словно бульдожий подгрудок, и длинные седые волосы были неопишимо грязны. По нему ползали вши, он был почти совсем бос, голоден, но все так же нестигаем духом.

– Старые дураки, вроде меня, палят из старых пушек – идиотская война, – сказал он, но и Скарлетт и Мелани чувствовали, что он по-своему получает от этой войны удовольствие. В нем

нуждались, как в молодом, и он делал то же, что и молодые. Да, ни в чем не отставал от молодых – куда там до него дедушке Мерриуэзеру, весело сообщил он. Дедушку совсем замучил ишиас, и капитан хотел даже отправить его домой. Но дедушка отказался наотрез. Он прямо сказал, что ему легче выносить проклятия и брань капитана, чем слащавые заботы снохи и ее неотвязные просьбы, чтобы он перестал жевать табак и мыл бороду с мылом каждый день.

Дядя Генри пробыл у них недолго, так как получил увольнительную всего на четыре часа – половину этого времени он добирался из окопов и столько же ему предстояло добираться обратно.

– Дорогие мои, я теперь не так скоро увижусь с вами, – заявил он, сидя в спальне Мелани и с наслаждением болтая натруженными ступнями в тазу с холодной водой, поставленном перед ним Скарлетт. – Нашу роту сегодня утром выводят из окопов. – Куда? – с испугом спросила Мелани, хватая его за руку.

– Что ты в меня вцепилась! – сварливо буркнул дядя Генри. – По мне вши ползают. Война была бы чудесным пикником, кабы не вши и не дизентерия. Куда нас отправляют? Видишь ли, мне об этом не докладывали, но догадываться я могу. Если я еще кое-что понимаю, то сегодня утром мы двинемся маршем на юг, к Джонсборо.

– Господи, почему к Джонсборо?

– Потому что там состоится большое сражение, мисс. Янки всеми силами будут стараться захватить железную дорогу. А уж если они ее захватят, прости-прощай Атланта!

– Ой, дядя Генри, неужели вы считаете, что это может произойти?

– Вздор, мои дорогие! Никогда! Как это может произойти, когда там буду я. – Дядюшка Генри ухмыльнулся, глядя на их испуганные лица, потом стал серьезен. – Это будет суровая битва, девочки, и мы должны ее выиграть. Вам, конечно, известно, что янки захватили все железные дороги, кроме Мейконской? Но это еще не все. Вы, возможно, не знаете, что они держат в своих руках и все тракты, и проселочные дороги, и даже верховые тропы – все, за исключением Мак-Доновской. Атланта – в мешке, и тесемки мешка затягиваются у Джонсборо. Если янки сумеют захватить и эту дорогу, они затянут тесемки и поймают нас в мешок, как опоссума. Так что мы не намерены отдавать им дорогу... Словом, мы, быть может, не скоро увидимся, детки. Вот я и пришел попрощаться с вами и убедиться, что Скарлетт не оставила тебя, Мелани.

– Ну конечно, она здесь, со мной, – с нежностью в голосе проговорила Мелани. – Вы не тревожьтесь о нас, дядя Генри, берегите себя.

Дядюшка Генри вытер мокрые ноги о лоскутный коврик и со стоном напялил свои разваливающиеся башмаки.

– Мне пора, – сказал он. – Надо еще отшагать пять миль. Скарлетт, заверни-ка мне с собой чего-нибудь поесть. Ну, что найдется.

Поцеловав на прощание Мелани, он спустился на кухню, где Скарлетт заворачивала в салфетку несколько яблок и кукурузную лепешку.

– Дядя Генри, дела в самом деле так... так плохи?

– Так плохи? Черт побери, да! Не будь гусыней. Армия при последнем издыхании.

– Вы думаете, они доберутся до Тары?

– Ну, знаешь ли... – начал было дядюшка Генри, раздраженный этой особенностью женского ума, способного думать лишь о собственных интересах, когда на карту поставлено кое-что поважнее. Однако, поглядев на удрученное, испуганное лицо Скарлетт, старик смягчился. – Конечно, нет. Тара в пяти милях от железной дороги, а янки нужна только дорога. Ты, душечка, смейся в этих делах не больше, чем табуретка. – Он помолчал. – Я притопал ночью не затем, чтобы просто сказать вам обеим «до свиданья». Я принес Мелли тяжелую весть, но, поглядев на

нее, просто не смог ничего ей сообщить. Так что придется тебе взять это на себя.

– Неужели Эшли?.. Вы что-нибудь узнали? Он... он умер?

– Все нет. Откуда бы я мог узнать про Эшли, стоя по самый зад в грязи в окопах? – раздраженно ответил старый джентльмен. – Нет. Это его отец, Джона Уилкса больше нет с нами.

Скарлетт опустилась на стул, уронив сверток с едой на колени.

– Я пришел, чтобы сообщить об этом Мелани, и не смог. Придется это сделать тебе. И вот, передай ей.

Дядюшка Генри достал из кармана небольшую миниатюру покойной миссис Уилкс, пару золотых запонок и массивные золотые часы с цепочкой, на которой покачивались, позвякивая, брелоки. Узнав часы, сколько раз виденные ею в руках старого Джона Уилкса, Скарлетт наконец осознала, что отца Эшли больше нет в живых. Это оглушило ее, и она сидела не шевелясь, не в силах произнести ни слова. Дядюшка Генри кашлянул и поерзал на стуле, не решаясь поглядеть на нее, боясь увидеть слезы и совсем расстроиться.

– Он был храбрый человек, Скарлетт. Передай это Мелли. Скажи, чтобы она написала его дочкам. И хороший солдат, несмотря на свои годы. Его убило снарядом. Угодило прямехонько в него и в лошадь. Лошадь я пристрелил сам, бедняжку. Славная была кобылка. Напиши-ка, пожалуй, и миссис Тарлтон про ее лошадку. Она в этой кобыле души не чаяла. Ну, давай, заворачивай мою еду, девочка. Мне пора обратно. Полно, полно, не принимай это так близко к сердцу. Какой еще смерти может пожелать себе старик, как не плечом к плечу с молодыми парнями?

– Нет, он не должен был умереть! И совсем не должен был идти на войну! Он должен был жить, и растить внука, и мирно умереть в своей постели! Господи, зачем он пошел на фронт! Он не считал, что Юг должен отделиться, и ненавидел войну и...

– Многие из нас мыслят совершенно так же, но что из того? – Дядюшка Генри сердито высморкался. – Думаешь, мне, в моем возрасте, доставляет большое удовольствие подставлять лоб под пули? Но в нашем положении у джентльмена нет выбора. Поцелуй меня на прощание, детка, и не тревожьтесь обо мне. Я вернусь с этой войны целым и невредимым.

Скарлетт поцеловала старика и слышала, как он в темноте затопал вниз по лестнице и как звякнула щеколда калитки. С минуту она стояла не двигаясь, глядя на вещи, оставшиеся на память о Джоне Уилксе. Потом поднялась наверх к Мелани.

В конце июля пришла дурная весть – предсказания дядюшки Генри сбылись, янки повернули на Джонсборо. Они перерезали железную дорогу в четырех милях от города, но были отброшены кавалерией конфедератов, и инженерные войска под палящим солнцем восстановили путь.

Скарлетт сходила с ума от тревоги. Три дня прошли в томительном ожидании, в снедавшем сердце страхе. Затем пришло ободряющее письмо от Джералда. Неприятельские войска не дошли до Тары. Шум сражения был слышен, но они не видели ни одного янки.

Джералд так хвастливо, с таким упоением описывал, как конфедераты очистили железную дорогу от янки, словно он сам, собственноручно и единолично, одержал эту победу. На трех страницах он возносил хвалу храбрым войскам конфедератов и лишь в конце письма коротко обмолвился о том, что Кэррин больна. По мнению миссис О'Хара, у нее тиф. Болезнь протекает не тяжело, у Скарлетт нет оснований для тревоги, только она ни под каким видом не должна возвращаться домой, даже если ехать станет безопасно. Миссис О'Хара теперь очень рада тому, что Скарлетт и Уэйд не возвратились домой, когда началась осада Атланты. Миссис О'Хара

просит Скарлетт сходить в церковь, помолиться о том, чтобы Кэррин скорее выздоровела.

Читая эти строки, Скарлетт почувствовала угрызения совести: ведь она уже который месяц не посещала храма. Прежде она сочла бы это смертным грехом, но теперь такое небрежение почему-то перестало казаться ей непростительным. Однако под влиянием письма она тотчас поднялась к себе в комнату и наспех прочитала «Отче наш», но, встав с колен, не испытала на этот раз того успокоения, которое обычно приносила ей молитва. Последнее время у нее появилось ощущение, что господь не печется о ней больше – ни о ней, ни о конфедератах, ни о Юге, невзирая на все ежечасно возносимые ему молитвы.

В тот вечер Скарлетт сидела на веранде с письмом Джералда, засунутым за корсаж, время от времени нащупывая его и тем как бы приближая к себе Тару и Эллин. Горевшая в гостиной лампа бросала призрачные золотые отблески на темную, увитую диким виноградом веранду, аромат вьющихся роз и жимолости окружал Скарлетт словно стеной. Тишина вечера казалась бездонной. После заката солнца не прогремело ни единого выстрела, даже ружейного, и весь мир будто отодвинулся куда-то далеко-далеко. Покачиваясь в качалке, Скарлетт перебирала в уме известия, полученные из Тары, и чувствовала себя несчастной и бесконечно одинокой; появиись сейчас хоть одна живая душа, пусть даже миссис Мерриуэзер, она была бы ей рада. Но миссис Мерриуэзер дежурила в этот вечер в госпитале, а миссис Мид готовила дома торжественный ужин для Фила, приехавшего на побывку с передовой. Мелани спала. Никакой надежды, что заглянет хоть случайный прохожий. Уже неделю никто не навещался в их дом, ибо каждый мужчина, способный держаться на ногах, либо сидел в окопах, либо сражался с янки под Джонсборо.

Такое полное одиночество было непривычным для Скарлетт, и оно угнетало ее. Оставаясь одна, она невольно начинала предаваться размышлениям, а думы ее были слишком тягостными в эти дни. Как у всех людей, у нее появилась потребность вспоминать прошлое и тех, кого уже не стало.

В этот вечер, среди окружавшего ее безмолвия, стоило Скарлетт закрыть глаза, и она легко переносилась мыслями в Тару, и ей казалось, что она снова там, в сельской тиши, и жизнь течет как прежде, не меняясь. И вместе с тем что-то говорило ей, что и там прежняя жизнь не вернется никогда. Она вспоминала четырех братьев Тарлтонов – и рыжеволосых близнецов, и Тома с Бойдом, – и острая жалость теснила ей грудь. Ведь любой из близнецов, Сью или Brent, мог бы стать ее мужем. Но теперь, когда кончится война и она возвратится домой, их неистовое «Эге-гей!» уже не донесется к ней из-за поворота кедровой аллеи. И Рейфолд Калверт, который так божественно танцевал, никогда уже не пригласит ее на вальс. И мальчишки Манро, и маленький Джо Фонтейн, и...

– Ах, Эшли! – всхлипнула она, уронив голову на руки. – Никогда, никогда не свыкнусь я с мыслью, что вас больше нет!

Скрипнула калитка, и Скарлетт, вскинув голову, поспешно утерла рукой слезы. Она поднялась с качалки и увидела, что Ретт Батлер с широкополой соломенной шляпой в руке направляется по тропинке к дому. Она не видела его ни разу с того дня, когда выпрыгнула из его кабриолета у Пяти Углов. Тогда она заявила, что знать его больше не желает. Но сейчас ей так нестерпимо хотелось перемолвиться словом хоть с кем-нибудь, чтобы как-то отвлечься от мыслей об Эшли, что она постаралась выбросить это воспоминание из головы. А Ретт, по видимому, тоже забыл об их размолвке или, по крайней мере, делал вид, что забыл, и как ни в чем не бывало опустил на верхнюю ступеньку лестницы у ее ног. – Так вы, значит, не сбежали в Мейкон! Я слышал, что мисс Питти уехала, и, естественно, полагал, что и вы с ней тоже. А сейчас увидел огонек и решил зайти, справиться. Почему же вы остались?

– Из-за Мелани. Она... Ну, вы понимаете..., она не может никуда ехать сейчас.

– Тысяча чертей! Уж не хотите ли вы сказать, что миссис Уилкс тоже здесь? – воскликнул он, и в неярких отблесках лампы Скарлетт увидела, каким хмурым стало его лицо. – Что за безумие! Это крайне опасно в ее состоянии.

Скарлетт молчала в замешательстве: не могла же она обсуждать состояние Мелли с женщиной! Ее смущало и то, что Ретт говорил так, словно мог что-то понимать в таких делах. Это было совсем не к лицу холостому мужчине.

– Не слишком-то любезно с вашей стороны, что вы даже не подумали обо мне – для меня ведь это тоже может быть опасно, – язвительно заметила она наконец.

Он лукаво прищурился.

– Ну, я в любых условиях поставлю на вас против янки.

– Уж не знаю, принять это за комплимент или как, – неуверенно сказала она.

– Ни в коем случае, – сказал он. – Когда же вы наконец перестанете по каждому пустячному поводу ждать от мужчин комплиментов?

– На смертном одре, – сказала она и улыбнулась, думая о том, что всегда найдутся мужчины, которые будут расточать ей комплименты, даже если Ретт никогда этого не делает.

– Ох, это женское тщеславие! – вздохнул Ретт. – Однако ценю вашу прямооту.

Он достал портсигар, вынул черную сигару, поднес к носу, понюхал. Чиркнула спичка. Прислонившись к перилам, обхватив руками колени, он некоторое время молча курил. Скарлетт снова стала тихонько покачиваться в качалке, и ночь окутала их своим мраком и тишиной. Пересмешник, пробудившись от дремоты где-то в лабиринте жимолости и вьющихся роз, издал одну робкую, мелодичную ноту и снова умолк, словно передумав. Из темноты внезапно долетел негромкий смех Ретта.

– И вы, значит, остались здесь из-за миссис Уилкс! Более странную ситуацию трудно себе представить!

– Не вижу в этом ничего странного, – возразила она, мгновенно внутренне оцетинившись.

– Не видите? Значит, вы не умеете взглянуть на вещи со стороны. У меня уже давно сложилось впечатление, что вы с трудом переносите миссис Уилкс. Вы считаете ее глупой и бесцветной, а ее патриотические чувства нагоняют на вас тоску. Вы никогда не упускаете случая обмолвиться каким-нибудь уничижительным словечком по ее адресу, и мне, естественно, кажется загадочным, как это вы решились на такой бескорыстный поступок и остались с ней в осажденном городе. Ну, признайтесь, почему вы это сделали?

– Потому что она сестра Чарли и, значит, все равно что и мне сестра, – с большим, как ей казалось, достоинством ответила Скарлетт, чувствуя, что у нее зарделись щеки.

– Вы хотите сказать: потому что она вдова Эшли? Скарлетт вскочила, стараясь подавить закипавший в ней гнев. – Я уже готова была простить вам невоспитанность, которую вы допустили в прошлый раз, но теперь не прощу. Я бы никогда не позволила вам переступить этот порог, если бы не чувствовала себя в эту минуту такой несчастной...

– Сядьте, успокойтесь и не ершитесь, – сказал он совсем другим тоном и, потянув ее за руку, заставил опуститься в качалку. – Почему вы несчастны?

– Я сегодня получила письмо из дома. Янки там, совсем близко, и моя младшая сестра больна тифом, и... и... Словом, если бы я теперь и захотела поехать домой, мама не позволит мне из боязни, что я заражусь. О господи, а мне так хочется домой!

– Полно, не стоит из-за этого плакать, – сказал Ретт, и голос у него подобрел. – Здесь, в Атланте, вам безопаснее, чем дома, даже если янки возьмут город. Ну, что вам янки, а вот тиф может вас и не пощадить.

– Как это – что мне янки! Да как вы осмеливаетесь говорить такую ересь!

– Дорогое дитя, янки вовсе не исчадия ада. У них нет ни рогов, ни копыт, как вам, должно

быть, это представляется. Они в общем-то мало чем отличаются от южан, если, конечно, не считать плохих манер и чудовищного произношения.

– Но ведь янки же меня...

– Изнасиляют? Не обязательно. Хотя, понятно, такое желание может у них возникнуть.

– Если вы будете говорить гадости, я уйду в дом! – воскликнула Скарлетт, благодаря небо за то, что тьма скрывает ее пылающие щеки.

– Скажите откровенно: разве вы не это имели в виду?

– Разумеется, нет!

– Разумеется, это! Не к чему злиться на меня за то, что я разгадал ваши мысли. Ведь именно так думают все наши чистые, деликатные дамы-южанки. У них это не выходит из головы. Бьюсь об заклад, что даже такие почтенные вдовы, как миссис Мерриуэзер...

Скарлетт ахнула про себя, припомнив, как всякий раз, когда в эти дни тяжелых испытаний несколько матрон собирались вместе, они неизменно принимались шепотом сообщать друг другу о подобных происшествиях, и всегда оказывалось, что это было либо в Виргинии, либо в Теннесси, либо в Луизиане, словом, где-то далеко от родных мест. Там янки насиловали женщин, подымали младенцев на штыки и сжигали дома вместе с их обитателями. Конечно, все знали, что так бывает, хотя и не кричали об этом на всех перекрестках. И если у Ретта есть хоть капля порядочности, он не может не знать, что это правда. И не должен заводить таких разговоров. А тем более – это не предмет для шуток.

Она слышала, как он тихонько посмеивается. Временами он вел себя просто чудовищно. В сущности, почти всегда. Это отвратительно – мужчина не должен догадываться, о чем думают и говорят между собой женщины. Иначе начинаешь чувствовать себя перед ним раздетой. Ни один мужчина не обсуждает такие вещи с порядочными женщинами. Скарлетт злило, что Ретт прочитал ее мысли. Ей хотелось казаться загадкой для мужчин, но она понимала, что Ретт видит ее насквозь, словно она из стекла.

– Раз уж у нас зашла об этом речь, – продолжал Ретт, – есть тут в доме кто-нибудь, кто бы заботился о вас и опекал? Достопочтенная миссис Мерриуэзер или миссис Мид? Они всегда поглядывают на меня так, словно уверены, что я являюсь сюда с самыми дурными намерениями.

– Миссис Мид обычно навещает нас по вечерам, – сказала Скарлетт, обрадованная тем, что разговор перешел в другое русло. – Но сегодня она не могла. Ее сын вернулся домой на побывку.

– Какая удача, – негромко произнес Ретт, – застать вас одну. Что-то в его голосе заставило сердце Скарлетт забиться сильнее от приятного предчувствия, и кровь прилила у нее к щекам. Она не раз слышала такие нотки в голосе мужчин и знала, что за этим обычно следует объяснение в любви. О, вот было бы здорово! Если только он признается ей в любви, тут-то уж она помучит его, тут-то она сведет с ним счеты за все насмешки, которыми он изводил ее целых три года. Она хорошо поводит его за нос! Она постарается вознаградить себя даже за то невыносимое унижение, которое ей пришлось испытать по его милости в тот памятный день, когда она дала пощечину Эшли. А потом скажет – очень вежливо и дружелюбно, – что не питает к нему никаких чувств, кроме сестринских, и удалится в полном блеске своей победы. Она нервно хмыкнула в приятном предвкушении того, что последует дальше.

– Перестаньте хихикать, – сказал Ретт, взял ее руку, повернул ладонью вверх и поцеловал. Прикосновение его теплых губ обожгло ее, и трепет пробежал по телу. Его губы продвинулись выше, к запястью... Она знала, что они ощущают неистовое биение ее пульса, и попыталась выдернуть руку. Это совсем не входило в ее расчеты – этот предательский жар в груди и желание взлохматить ему волосы, почувствовать его губы на своих губах.

«Я ведь ни капельки не влюблена в него, – в смятении пронеслось у нее в голове. – Я люблю Эшли». Почему же так дрожат у нее руки и холодеет под ложечкой?

Она услышала его тихий смех.

– Не вырывайтесь! Я не сделаю вам ничего дурного!

– Попробуйте только! Я нисколько не боюсь вас, Ретт Батлер! Еще не родился тот мужчина, которого бы я испугалась! – воскликнула она, досадуя на себя за то, что голос у нее так же предательски дрожит, как и руки.

– Восхитительная уверенность в себе! Но не кричите слишком громко. Миссис Уилкс может слышать. И прошу вас, успокойтесь. – Казалось, ее растерянность и гнев забавляют его.

– Я вам нравлюсь, Скарлетт, признайтесь?

Это было уже больше похоже на то, чего она ждала.

– Ну, иногда, немножко, – осторожно сказала она. – Когда вы не ведете себя как подонок.

Он снова рассмеялся и прижал ее ладонь к своей твердой щеке.

– А ведь я, сдается мне, нравлюсь вам именно потому, что я подонок. Вам в вашей упорядоченной жизни встречалось так мало истинных, отъявленных подонков, что именно это качество странным образом и притягивает вас ко мне.

Разговор снова принимал неожиданный оборот, и она опять сделала безуспешную попытку вырвать руку.

– Неправда! Мне нравятся благовоспитанные мужчины, такие, на которых можно положиться, что они всегда будут вести себя как джентльмены.

– Вы хотите сказать: мужчины, которыми вы можете вертеть, как вам заблагорассудится. Впрочем, в сущности, это одно и то же. Но не важно.

Он снова поцеловал ее ладонь. И снова по спине у нее приятно поползли мурашки.

– И все же я нравлюсь вам. А могли бы вы полюбить меня, Скарлетт?

«Наконец-то! – промелькнула торжествующая мысль. – Теперь он мне попался!» И с наигранной холодностью она ответила:

– Конечно, нет. Во всяком случае, пока вы не измените своего поведения.

– Но я не имею ни малейшего намерения его менять. Следовательно, вы не можете полюбить меня. Я, собственно, на это и рассчитывал. Так как, видите ли, хотя меня неудержимо влечет к вам, я вас тем не менее не люблю, и было бы поистине жестоко заставлять вас вторично страдать от неразделенной любви. Не так ли, моя дорогая? Вы позволите мне называть вас «дорогая», миссис Гамильтон? Впрочем, я ведь буду называть вас «дорогая», даже если вам это не очень нравится, так что, в общем-то, все равно, я спрашиваю это просто для соблюдения приличий.

– Вы не любите меня?

– Разумеется, нет. А вы думали, что я вас люблю?

– Слишком много вы о себе воображаете!

– Ну ясно, думали! Как больно мне разрушать ваши иллюзии! Мне следовало бы полюбить вас, потому что вы очаровательны и обладаете множеством восхитительных и никчемных дарований! Но на свете много столь же очаровательных, столь же одаренных и столь же никчемных дам, как вы. Нет, я вас не люблю. Но вы нравитесь мне безмерно – мне нравится эластичность вашей совести и ваших моральных правил, нравится ваш эгоизм, который вы весьма редко даете себе труд скрывать, нравится ваша крепкая жизненная хватка, унаследованная, боюсь, от какого-то не очень далекого ирландского предка-крестьянина.

Крестьянина! Да это же просто оскорбительно! От возмущения она пролепетала что-то бессвязное.

– Не прерывайте меня! – попросил он, стиснув ей руку. – Вы нравитесь мне потому, что я нахожу в вас так много черт, которые сродни мне, а сродство притягательно. Я вижу, что вы все еще чтите память богонравного и пустоголового мистера Уилкса, вероятнее всего уже полгода

покоящегося в могиле. Но в вашем сердце должно найтись местечко и для меня, Скарлетт. Перестаньте вырываться, я делаю вам предложение. Я возжелал вас с первой же минуты, сразу, как только увидел в холле в Двенадцати Дубах, где вы обольщали беднягу Чарли Гамильтона. Я хочу обладать вами – ни одной женщины я не желал так, как вас, и ни одной не ждал так долго.

От неожиданности у нее перехватило дыхание. Несмотря на все его оскорбительные слова, он все же любит ее и просто из упрямства не хочет открыто признаться в этом – боится, что она станет смеяться над ним. Ну, вот теперь она ему покажет, сейчас он у нее получит.

– Вы предлагаете мне стать вашей женой? Он выпустил ее руку и расхохотался так громко, что она вся съежилась в своем кресле-качалке.

– Упаси боже, нет! Разве я не говорил вам, что не создан для брака?

– Но... но... так что же...

Он поднялся со ступеньки и, приложив руку к сердцу, отвесил ей шутовской поклон.

– Дорогая, – сказал он мягко, – отдавая должное вашему природному уму и потому не пытаюсь предварительно соблазнить вас, я предлагаю вам стать моей любовницей!

Любовницей!

Это слово обожгло ей мозг, оно было оскорбительно, как плевок в лицо. Но в первое мгновение она даже не успела почувствовать себя оскорбленной – такое возмущение вызвала в ней мысль, что он считает ее непроходимой дурой. Конечно, он считает ее полной идиоткой, если вместо предложения руки и сердца, которого она ждала, предлагает ей это! Ярость, уязвленное тщеславие, разочарование привели ее ум в такое смятение, что, уже не заботясь о высоких нравственных принципах, которые он поправил, она выпалила первое, что подвернулось ей на язык:

– Любовницей? Что за радость получу я от этого, кроме кучи слюнявых ребятишек?

И умолкла, ужаснувшись собственных слов, прижав платок к губам. А он рассмеялся – он смеялся прямо до упаду, вглядываясь в темноте в ее растерянное, помертвевшее лицо.

– Вот почему вы мне нравитесь! Вы – единственная женщина, позволяющая себе быть откровенной. Единственная женщина, умеющая подойти к вопросу по-деловому, не пускаясь в дебри туманных рассуждений о нравственности и грехе. Всякая другая сначала бы упала в обморок, а затем указала бы мне на дверь.

Скарлетт вскочила с кресла, сгорая от стыда. Как это у нее вырвалось, как могла она сказать такую вещь! Как могла она, получившая воспитание у Эллин, сидеть и слушать эти унижительные речи, да еще с таким бесстыдством отвечать на них! Она должна была бы закричать. Упасть в обморок. Или молча, холодно встать и уйти. Ах, теперь уже поздно!

– Я и укажу вам на дверь! – выкрикнула она, уже не заботясь о том, что Мелани или Миды у себя в доме могут ее услышать. – Убирайтесь вон! Как вы смеете делать мне такие предложения! Что это я такое себе позволила... как вы могли вообразить... Убирайтесь! Я не желаю вас больше видеть! Никогда! Все кончено на этот раз. И не вздумайте являться сюда с вашими несчастными пакетиками с булавочками, с ленточками, все равно я никогда вас не прощу... Я... я все, все расскажу папе, и он убьет вас!

Он поднял с пола свою шляпу, поклонился, и она увидела, как в полумраке, под темной полоской усов, блеснули в улыбке его зубы. Он явно не был пристыжен, все это только забавляло его, и ее слова пробуждали в нем лишь любопытство.

Боже, как он мерзок! Она резко повернулась и направилась в дом. Ей хотелось с треском захлопнуть за собой дверь, но дверь держалась на крюке, крюк заело в петле, и она, задыхаясь, старалась приподнять его.

– Разрешите вам помочь? – спросил Ретт.

Чувствуя, что пробудь она здесь еще секунду, ее хватит удар, Скарлетт бросилась вверх по

лестнице и уже на площадке услышала, как Ретт аккуратно притворил за ней дверь.

Когда жаркий август с бесконечным грохотом канонады подходил к концу, шум боя внезапно стих. Тишина, в которую погрузился город, казалась пугающей. При встречах на улице люди неуверенно, с беспокойством смотрели друг на друга, не зная, что их ждет. Тишина после дней, наполненных визгом снарядов, не принесла облегчения натянутым нервам – напряжение словно бы даже усилилось. Никто не знал, почему умолкли батареи неприятеля; никто ничего не знал и о судьбе войск – известно было только, что много солдат поднято из окопов, опоясывающих город, и переброшено к югу для обороны железной дороги. Никто не знал, где шли теперь бои, если они вообще шли, и на чьей стороне перевес в войне, если она еще идет.

Новости передавались теперь из уст в уста. Не стало бумаги, не стало типографской краски, не стало рабочих. Газеты с начала осады не выходили, и самые дикие слухи возникали неведь откуда и расползались по городу. В наступившей внезапно тишине толпы людей начали осаждать главный штаб генерала Худа, требуя информации; толпы собирались у телеграфа и на вокзале в надежде хоть что-нибудь узнать, получить хоть какую-то добрую весть – ведь каждому хотелось верить: умолкнувшие пушки Шермана говорит о том, что янки бегут, войска конфедератов гонят их назад к Далтону. Но вестей не было. Молчали телеграфные провода, не шли поезда по единственной оставшейся в руках конфедератов дороге на юг, почтовая связь была прервана.

Август с его пыльной безветренной жарой, казалось, задался целью задушить внезапно примолкший город, обрушив весь свой изнуряющий зной на усталых, истерзанных людей. Из Тары не было писем, и Скарлетт сходила с ума, хоть и старалась не подавать виду, – казалось, целая вечность прошла с тех пор, как началась осада; казалось всю свою жизнь Скарлетт жила под неумолчный грохот пушек, пока внезапно не пала на город эта зловещая тишина. А ведь всего тридцать дней минуло с начала осады. Всего тридцать дней! Тридцать дней в городе, окруженном красными зияющими рвами окопов, не смолкала канонада, тридцать дней вереницы санитарных фур и запряженных волами повозок тянулись к госпиталям, окропляя пыльные мостовые кровью, а похоронные взводы, еле держась на ногах от усталости, волокли на кладбище еще не успевшие остыть трупы и сваливали их, словно поленья, в наспех вырытые неглубокие канавы, тянувшиеся бесконечными рядами одна за другой.

И всего четыре месяца, как янки двинулись на юг от Далтона! Всего четыре месяца! Скарлетт вспоминала этот далекий день, и ей казалось, что это было где-то в другой жизни. Нет, не может быть, чтобы всего четыре месяца! С тех пор прошла целая жизнь.

Четыре месяца назад! Да ведь четыре месяца назад Далтон, Резака, гора Кеннесоу были лишь географическими названиями или станциями железных дорог. А потом они стали местами боев, отчаянных, безрезультатных боев, отмечавших путь отступления войск генерала Джонстона к Атланте. А теперь и долина Персикового ручья, и Декейтер, и Эзра-Черч, и долина ручья Ютой уже не звучали как названия живописных сельских местностей. Никогда уже не воскреснут они в памяти как тихие селения, полные радушных, дружелюбных людей, или зеленые берега неспешно журчащих ручьев, куда отправлялась она на пикники в компании красивых офицеров. Теперь эти названия говорили лишь о битвах: нежная зеленая трава, на которой она сживала прежде, исполосована колесами орудий, истоптана сапогами, когда штык встречался там со штыком, примята к земле трупами тех, кто корчился на этой траве в предсмертных муках... И ленивые воды ручьев приобрели такой багрово-красный оттенок, какого не могла придать им красная глина Джорджии. Говорили, что Персиковый ручей стал совсем алым после того, как янки переправились на другой берег. Персиковый ручей, Декейтер,

Эзра-Черч, ручей Ютой. Никогда уже эти названия не будут означать просто какое-то место на земле. Теперь это места могил, где друзья покоятся в земле, это кустарниковые поросли и лесные чащи, где гниют тела непогребенных, это четыре предместья Атланты, откуда Шерман пытался пробиться к городу, а солдаты Худа упрямо отбрасывали его на исходные позиции.

Наконец, в измученный неизвестностью город проникла весть – тревожная весть, особенно для Скарлетт. Генерал Шерман снова ведет наступление, снова старается перерезать железную дорогу у Джонсборо. Теперь янки сосредоточились с этой стороны Атланты и вместо отдельных кавалерийских налетов готовят большой массированный удар. Войска конфедератов, покинув линию обороны, в свою очередь, готовятся всей своей мощью обрушиться на противника. Этим и объяснялось наступившее затишье.

«Почему именно у Джонсборо? – думала Скарлетт, и сердце ее сжималось при мысли о том, как близко это от Тары. – Почему они все время стремятся туда? Не могут они разве перерезать железную дорогу где-нибудь в другом месте?» Уже неделю из Тары не было вестей, а последняя коротенькая записочка от Джералда только усилила ее тревогу. Кэррин стало хуже, она очень, очень тяжело больна. А теперь бог весть еще когда доставят новую почту, бог весть когда сможет она узнать, жива ли Кэррин. Ах, почему, почему не уехала она домой, как только началась осада, махнув рукой на Мелани!

Под Джонсборо идут бои – это было все, что стало известно, но как разворачиваются события на поле боя, не мог сказать никто, и самые дикие слухи терзали город. Наконец из Джонсборо прискакал вестовой с утешительным известием: янки отброшены от железной дороги. Однако им удалось ворваться в Джонсборо – они сожгли вокзал, перерезали телеграфные провода и при отступлении взорвали железнодорожные пути на протяжении трех миль. Инженерные войска работают как одержимые, восстанавливая железнодорожную колею, но на это потребуется время, так как янки выдрали из земли шпалы, сложили из них костер, навалили поверх выдранные рельсы, раскалили их докрасна, а потом обвили ими телеграфные столбы, превратив их в подобие гигантских штопоров. А где сейчас достанешь новые рельсы, где сейчас достанешь какой-нибудь металл!

Нет, янки не дошли до Тары. Тот же самый вестовой, который привез депеши генералу Худу, заверил в этом Скарлетт. На другой день после сражения, как раз перед отъездом в Атланту, он встретил в Джонсборо Джералда, и тот попросил передать ей письмо.

Но что понадобилось папе в Джонсборо? Молодой офицер, отвечая на ее вопрос, отвел в сторону глаза. Джералд пытался найти в военных частях врача, который мог бы поехать с ним в Тару.

Стоя на залитой солнцем веранде и произнося слова благодарности за хлопоты, которые взял на себя этот офицер, Скарлетт почувствовала, что у нее слабеют колени. Кэррин умирает, иначе Джералд не стал бы искать доктора, доверился бы искусному врачеванию Эллин! Когда молодой офицер ускакал, подняв облачко красной пыли, она дрожащими пальцами вскрыла конверт. В Конфедерации иссякли запасы бумаги, и Джералд написал свое послание между строчек ее последнего письма к нему; прочесть его было нелегко.

«Дорогая дочка, твоя мать и обе сестры больны тифом. Они очень тяжело больны, но мы должны надеяться на лучшее. Когда мама слегла, она попросила меня написать тебе, чтобы ты ни под каким видом не приезжала домой, не подвергала себя и Уэйда опасности подхватить заразу. Она шлет тебе привет и просит помолиться за нее».

«Помолиться за нее!» Скарлетт вихрем взлетела по лестнице к себе в спальню, упала на колени возле кровати и взмолилась господу так горячо, как никогда еще не молилась за всю свою жизнь. Она не читала привычных молитв, просто повторяла снова и снова:

– Мать божья, не дай ей умереть! Я всегда буду хорошей, только не дай ей умереть! Не

дай ей умереть!.

Всю следующую неделю Скарлетт в ожидании вестей металась по дому, словно раненое животное, вздрагивала, услышав стук копыт, опрометью сбегала ночью по лестнице, если какой-нибудь солдат стучался в дверь, но из Тары вестей больше не было, и ей мнилось, будто весь континент, во всю свою ширь, лег между нею и родным домом, хотя она и знала, что до поместья всего двадцать пять миль пыльной дороги.

Почта по-прежнему не работала, и никто не знал, где теперь войска конфедератов и где янки и что они замышляют, и только одно понимали все: тысячи солдат в серых мундирах и тысячи в синих сражаются где-то между Атлантой и Джонсборо. А из Тары не было вестей уже неделю.

Скарлетт достаточно нагляделась в госпитале на тифозных больных и понимала, что может случиться при этой болезни за неделю. Эллин больна, быть может, умирает, а она торчит здесь, в Атланте, с беременной женщиной на руках, и две армии отделяют ее от родного дома. Эллин больна – быть может, умирает.

Но как это могло случиться! Эллин же никогда не хворает. Все это было настолько невообразимо, что выбило почву из-под ног и создавало ощущение зыбкости. Кто угодно мог заболеть, только не она. Эллин ухаживала за больными – и они выздоравливали. Она не может заболеть. Скарлетт рвалась домой. Она рвалась в Тару с отчаянием испуганного ребенка, видящего перед собой лишь одну всегда надежную, тихую пристань.

Домой! В невысокий белый дом с развевающимися белыми занавесками на окнах, с густо поросшей клевером лужайкой, над которой неумолчно гудят пчелы, с маленьким черным сорванцом на ступеньках веранды, деловито охраняющим цветочные клумбы от уток и индюшат, к безмятежному покою красной земли и белоснежных хлопковых плантаций, миля за милей белеющих под солнцем! Домой!

Почему не уехала она домой в начале осады, когда все спасались бегством из города! Ничего бы не случилось, если бы она увезла с собой и Мелани, столько времени еще было впереди!

«О черт бы ее побрал! – в сотый раз подумала Скарлетт. – Почему не могла она уехать с тетей Питти в Мейкон! Ее место там, с ее родными, а вовсе не со мной. Я же ей не кровная родня. Чего она так за меня уцепилась? Уехала бы в Мейкон, а я бы поехала домой, к маме. Даже сейчас, да, даже сейчас я бы еще могла пробраться домой, плюнув на янки, если бы не этот ребенок у нее в животе. Генерал Худ дал бы мне сопровождающего. Генерал Худ очень воспитанный человек, я наверное уговорила бы его дать мне сопровождающего и белый флаг, чтобы я могла пересечь линию фронта. Так нет же – я должна сидеть тут и ждать появления этого младенца!.. О мамочка, мама, не умирай!.. Почему Мелани все никак не может родить? Сегодня же пойду к доктору Миду и спрошу, нет ли какого-нибудь способа ускорить это дело, чтобы я могла уехать домой.., если мне удастся раздобыть сопровождающего. Доктор Мид сказал, что роды будут тяжелые. Боже милостивый, а вдруг она умрет! Вдруг Мелани умрет. Умрет. И Эшли... Нет, об этом нельзя думать, это скверно. Но ведь Эшли... Нет, не хочу об этом думать, его же все равно, наверное, уже нет в живых. И он взял с меня слово, что я позабочусь о ней. Но... но если я не очень буду заботиться о ней и она умрет, а Эшли все еще жив... Нет, я не должна так думать. Это грешно. А я обещала господу быть хорошей, если он не даст маме умереть. Господи, хоть бы этот ребенок родился, наконец! Хоть бы уж я могла выбраться отсюда, уехать домой.., куда угодно, только подальше отсюда!» Она возненавидела этот зловеще притихший город, который так полюбился ей когда-то... Да он и не был похож на ту веселую, бесшабашно веселую Атланту, которая ее очаровала. Эти страшные, погруженные в безмолвие, словно по ним прошла чума, улицы, такие тихие, такие чудовищно тихие после грохота

канонады. В шуме боя, в чувстве опасности было что-то бодрящее.

Наступившая тишина таила в себе только безмерный ужас. Город казался населенным призраками – призраками страха, тревоги, воспоминаний. У людей заострились лица, а те солдаты, что попадались Скарлетт на глаза, были похожи на выдохшихся бегунов, которые заставляют себя сделать отчаянный рывок на финишной прямой, когда состязание уже безнадежно проиграно.

Наступили последние дни августа, и стали доходить упорные слухи о жесточайших боях, каких еще не было за все время битвы за Атланту. Бои шли где-то на юге. В городе уже никто не пытался улыбаться или шутить – все напряженно ждали исхода боев. Теперь и здесь все понимали то, что на фронте поняли две недели назад: дни Атланты сочтены; если дорога на Мейкон будет отрезана, Атланта падет.

Утром первого сентября Скарлетт проснулась с гнетущим чувством страха, который поселился в ней накануне вечером, лишь только она опустила голову на подушку. Еще одурманенная сном, она подумала: «Из-за чего я так встревожилась вчера, ложась спать? Да, сражение. Вчера где-то произошла большая битва! Боже мой, кто же победил?» Она сразу села в постели, протирая глаза, и тяжесть снова сдавила ее сердце.

Воздух был душен даже в эти утренние часы, предвещая палящий полуденный зной, – раскаленное солнце в беспощадной, сверкающей синеве небес. Улица за окном безмолвствовала. Ни скрипа колес в тишине, ни топота марширующих ног, поднимающих красную пыль. Из соседних домов не доносилось певучих негритянских голосов, из кухонь не тянуло аппетитным запахом утренней стряпни: все соседи, за исключением миссис Мид и миссис Мерриуэзер, уехали в Мейкон. Но и из этих двух домов не долетало ни звука. Дальше, в торговой части улицы, тоже было тихо: магазины и конторы закрыты, заколочены досками, а их владельцы рассыпались по округе с винтовками в руках.

В это утро тишина показалась Скарлетт еще более грозной, чем накануне, чем во все зловеще тихие дни минувшей недели; ей уже не захотелось, как прежде, понежиться, потянуться, зарыться поглубже в подушки, она торопливо поднялась с постели и подошла к окну в надежде увидеть хоть чье-то знакомое лицо, хоть что-нибудь, что могло бы поднять ее дух. Но улица была пустыня. Ей бросилось в глаза, что все еще зеленая листва деревьев пожухла под толстым слоем красной пыли, а цветы перед домом увяли без ухода.

«Гроза!» – подумалось ей, и, как у всякой сельской жительницы, следом пришла с детства привычная мысль: «Да, дождь нам сейчас необходим». Но в следующую секунду она уже поняла: «Дождь? Нет! Какой там дождь! Это пушки!» С бьющимся сердцем она перегнулась через подоконник, ловя ухом далекий гул, стараясь определить, с какой стороны он доносится. Но глухие раскаты были слишком далеки. «О господи! – взмолилась она. – Хоть бы из Мариетты! Или из Декейтера! Или с Персикового ручья! Только бы не с юга! О, лишь бы не с юга!» Она крепче ухватилась за раму окна, напрягая слух. Далекие раскаты стали слышней. И они доносились с южной стороны города.

Пушки с юга! А там, к югу от города, – Джонсборо и Тара и... Элин!

Может быть, сейчас, сию минуту, янки уже в Таре! Она снова прислушалась, но кровь стучала у нее в висках, заглушая все звуки. Нет, это не из Джонсборо. Стрельба была бы слышна слабее, не так отчетливо: Джонсборо слишком далеко от Атланты. Но янки, должно быть, милях в десяти отсюда по дороге на Джонсборо, может быть, у маленького селения Рафэнд-Реди. Впрочем, оттуда до Джонсборо тоже едва будет десять миль.

Пушки били с юга. Быть может, это был похоронный звон, возвещавший конец Атланты. Но

Скарлетт, теряя голову при мысли о грозящей ее матери опасности, понимала лишь одно: стреляют с юга – значит, близко от Тары. Ломая руки, она принялась ходить по комнате из угла в угол, и впервые за всю войну мысль о том, что армия конфедератов может потерпеть поражение, явилась ей во всем сбоем ужасном значении. Сознание, что солдаты Шермана, быть может, подходят к Таре, заставило ее впервые подумать о возможности столь страшного исхода войны, охватить разумом весь ужас происходящего, сделало то, чего не могли сделать ни рев снарядов, от которого разлетались стекла в окнах, ни голод, ни отсутствие одежды, ни сотни умирающих на ее глазах людей. Солдаты Шермана в нескольких милях от Тары! И если даже их побьют, они, отступая, могут выйти к Таре. И куда укрыться тогда Джералду с тремя больными женщинами на руках!

О, если бы только ей очутиться сейчас дома, с ними, пусть бы даже там были янки! Босиком, в ночной рубашке, путавшейся между ног, она металась по комнате, а страшное предчувствие беды все крепло и крепло. Она хочет домой, домой! К Эллин!

Снизу, из кухни, донесся звон посуды: Присси готовила завтрак. Но Бетси, кухарки миссис Мид, не было слышно. Тонкий, пронзительный голос Присси затянул уныло:

– «Еще день, ото дня свою ношу нести...» Ее пение действовало Скарлетт на нервы, печальные слова тревожно бередили душу, и, накинув капот, она выбежала на площадку лестницы, отворила дверь на черный ход и крикнула:

– Присси! Заткнись, перестань выть!

– Да, мэм, – угрюмо прозвучало в ответ, и Скарлетт глубоко вздохнула, устыдясь своей внезапной вспышки.

– Где Бетси?

– Не знаю. Не пришла.

Скарлетт направилась к спальне Мелани, приотворила дверь и заглянула в залитую солнцем комнату. Мелани в ночной рубашке лежала в постели, глаза у нее были закрыты, под глазами – черные круги, отекшее личико утратило свой нежный, напоминавший сердечко овал, стройное тело стало уродливо бесформенным. Поглядел бы Эшли на нее сейчас, мелькнула у Скарлетт злорадная мысль. Ни одна беременная женщина не казалась Скарлетт такой безобразной, как Мелани. Словно почувствовав на себе взгляд, Мелани открыла глаза, и слабая приветливая улыбка озарила ее лицо.

– Входи же, – позвала она, неуклюже поворачиваясь на бок. – Я проснулась на заре и все время думала, и знаешь, Скарлетт, я хочу попросить тебя кое о чем.

Скарлетт вошла в спальню и присела на залитую нестерпимо ярким солнцем постель.

Мелани взяла руку Скарлетт и мягко, доверчиво ее пожала.

– Дорогая, – сказала она, – я слышала стрельбу и очень расстроилась. Это со стороны Джонсборо?

– Угу, – пробормотала Скарлетт, и сердце у нее снова болезненно заколотилось.

– Я понимаю, как ты тревожишься. Я знаю, ты бы уехала домой еще на прошлой неделе, когда узнала, что твоя мама больна. Ты осталась только из-за меня, верно?

– Верно, – безжалостно подтвердила Скарлетт.

– Скарлетт, дорогая, ты так добра ко мне. Родная сестра не могла бы быть добрее и самоотверженнее тебя. И я еще больше люблю тебя за это. Мне очень больно, что я стою у тебя на пути.

Скарлетт смотрела на нее молча. «Она любит меня? Вот идиотка!» – Послушай, Скарлетт, я лежала и думала и решила обратиться к тебе с очень большой просьбой – Она снова, крепче, сжала ее руку. – Если я умру, ты возьмешь моего ребенка?

Широко раскрытые, лихорадочно блестящие глаза Мелани были устремлены на нее с

нежной и настойчивой мольбой.

Скарлетт выдернула руку, чувствуя, как ее охватывает страх. От неожиданности и испуга голос ее прозвучал грубо.

– Не будь идиоткой, Мелли! Ты не умрешь. Каждой женщине, когда она ждет первого ребенка, кажется, что она умрет. Я знаю, со мной тоже так было.

– Нет, неправда. Ты никогда ничего не боишься. Ты это говоришь, просто чтобы подбодрить меня. А я не боюсь умереть, но боюсь за маленького, если Эшли... Скарлетт, обещаю, что ты возьмешь себе моего ребенка, если я умру» Тогда я не буду бояться смерти. Тетушка Питти слишком стара, чтобы воспитать ребенка, а Милочка и Индия – они очень хорошие, только... Я хочу, чтобы моего малютку взяла ты. Обещаю мне, Скарлетт. Если это будет мальчик, воспитай его похожим на Эшли, а если девочка... Я хочу, чтобы она была похожа на тебя, дорогая.

– Тысяча чертей! – вне себя воскликнула Скарлетт, вскакивая с постели. – Неужели мало нам несчастий, чтобы ты еще толковала о смерти!

– Прости меня, дорогая. Но дай слово. Мне кажется, все должно совершиться сегодня. Я чувствую, что сегодня. Пожалуйста, обещаю.

– Ладно. Обещаю, – сказала Скарлетт, в полном замешательстве глядя на нее сверху вниз. «Неужели Мелани в самом деле так глупа, неужели она не понимает, что я люблю Эшли? Или она все понимает и потому-то и думает, что я позабочусь о его ребенке?» Скарлетт с трудом подавила бешеное желание задать ей этот вопрос – он уже готов был слететь у нее с языка, но тут Мелани снова взяла ее руку и приложила к своей щеке. Взгляд ее стал спокоен.

– Почему ты думаешь, что это будет сегодня, Мелли?

– У меня с рассвета начались схватки, правда еще не очень сильные.

– Вот оно что! Почему же ты не позвала меня? Я сейчас пошлю Присси за доктором Мидом.

– Нет, пока не надо, Скарлетт. Ты знаешь, сколько у него дел, как они все там заняты работой. Просто сообщи ему, что он может нам понадобиться сегодня. И пошли за миссис Мид, попроси ее прийти, посидеть со мной. Она будет знать, когда настанет время посылать за доктором.

– Да перестань ты разыгрывать из себя святую. Сама знаешь, что доктор нужен тебе не меньше, чем им там в госпитале. Я пошлю за ним сейчас же.

– Ну пожалуйста, не надо. Иногда это длится целый день, и я не могу, чтобы доктор часами сидел здесь, в то время как он нужен всем этим беднягам в госпитале. Пошли только за миссис Мид. Она поймет, когда потребуются доктор.

– Что ж, будь по-твоему, – сказала Скарлетт.

Как только Присси отнесла завтрак Мелани, Скарлетт тут же отправила ее за миссис Мид, а сама села завтракать с Уэйдом. Но кусок не шел ей в горло. Она со страхом думала о том, что Мелани пришло время родить, и, бессознательно прислушиваясь к отдаленному грохоту орудий, впервые в жизни почувствовала, что у нее совсем нет аппетита. И с сердцем творилось что-то странное: несколько минут оно билось нормально, а потом вдруг делало отчаянный толчок, и тогда у нее начинало тоскливо сосать под ложечкой. Она с трудом глотала густую клейкую мамалыгу, и никогда еще напиток из жареной кукурузы и молотого батата, сходявший теперь за кофе, не казался ей таким омерзительным. Без сахара, без сливок это поило было горьким, как желчь, а «подслащивание» с помощью сорго не очень-то помогало. Сделав глоток, она отодвинула чашку. Янки лишили ее удовольствия пить настоящий кофе с сахаром и сливками, и одного этого было уже достаточно, чтобы она возненавидела их всей душой.

Уэйд вел себя сегодня как-то тише обычного и не хныкал, как всегда по утрам, отказываясь есть мамалыгу. Он молча жевал ненавистную кашу, которую она ложку за ложкой совала ему в рот, и громко чмокал, запивая ее водой. Его большие, карие, круглые, как долларовые монеты, глаза с детской тревогой следили за каждым движением матери, словно ее затаенные страхи передались ему. Когда с завтраком было покончено, Скарлетт отправила его во двор играть и с облегчением проследила за тем, как он проковылял по примятой траве к своему игрушечному домику.

Она встала из-за стола и, подойдя к лестнице на второй этаж, остановилась в нерешительности. Надо было подняться к Мелани, посидеть с ней, постараться отвлечь ее от мыслей о предстоящем испытании, но у нее не хватало сил подвигнуть себя на это. Надо же было Мелани выбрать именно такой день из всех дней в году, чтобы начать рожать! Да еще толковать о смерти!

Она присела на нижнюю ступеньку лестницы и постаралась взять себя в руки. Мысли ее обратились к вчерашней битве, и снова встал вопрос: каков же был ее исход? Как странно, что где-то рядом, всего в нескольких милях, идет бой, а до них не доходит никаких вестей! Какая необычная тишина царит на этом обезлюдевшем конце города, как не похоже это на то, что творилось здесь во время битвы за Персиковый ручей! Сражение шло где-то к югу, далеко от города, а ведь дом тетушки Питтипэт был последним на северной окраине города, и воинские части, спешившие на подкрепление, не проходили ускоренным маршем по этой улице, и санитарные кареты не проезжали по ней, и не ковыляли возвращавшиеся с линии огня раненые. Вероятно, все это происходило сейчас на южной окраине, подумала Скарлетт и возблагодарила бога за то, что она этого не видит. Если бы только еще все живущие в их конце Персиковой улицы не убежали из города – все, кроме Мидов и Мерриуэзеров! Ей стало так одиноко здесь теперь. Останься дома хотя бы дядюшка Питер, она послала бы его сейчас в штаб узнать, какие вести с фронта. Впрочем, если бы не Мелани, она сама, ни минуты не медля, бросилась бы в город и все разузнала. Но пока миссис Мид не пришла, оставить Мелани нельзя. Миссис Мид. Почему она не идет? И куда подевалась Присси?

Скарлетт встала, вышла на веранду и в нетерпеливом ожидании стала вглядываться в даль, но дом Мидов не был виден из-за деревьев за изгибом улицы, а улица была пустынна. Наконец вдали показалась Присси: она шла одна, не спеша, словно прогуливаясь, и, покачивая бедрами, оглядывала через плечо свои развевающиеся сзади юбки.

– Что ты тащишься как старая черепаха! – накинулась на нее Скарлетт, когда Присси вошла в калитку. – Что сказала миссис Мид? Скоро она придет?

– Ее там нету, – сказала Присси.

– А где же она? Когда вернется домой?

– Так понимаете, мэм, – сказала Присси, наслаждаясь своей важной миссией и невыносимо растягивая слова, – кухарка говорит, миссис Мид – она уехала утром раным-рано, потому как молодого мистера Филадельфия ранило, и миссис Мид взяла кабриолет и этого старика Талбота, и Бетси, и поехала за мистером Филом – привезти домой. Кухарка говорит, он сильно ранен, и миссис Мид к нам не придет.

Скарлетт захотелось схватить ее за плечи и хорошенько встряхнуть. Почему черные слуги всегда с таким торжественным видом приносят дурные вести?

– Ладно. Не стой тут как идиотка. Ступай к миссис Мерриуэзер и попроси ее прийти или прислать свою няньку. Давай, живо.

– Да их там нет никого, мисс Скарлетт. Я по дороге заходила туда, посидеть с ихней нянюшкой. Так они все ушли. И дом заперли. Видать, в госпитале они.

– Так вот ты где болталась! Когда я тебя куда-нибудь посылаю, изволь идти куда ведено, а не «посидеть с нянюшкой». Ступай...

Она задумалась. Кто же из знакомых остался в городе, кто мог бы ей помочь? Миссис Элсинг. Эта дама, правда, сильно невзлюбила ее в последнее время, но зато она всегда очень нежно относилась к Мелани.

– Ступай к миссис Элсинг, толково объясни ей все и вежливо попроси прийти сюда. И слушай меня внимательно. Присси. Мисс Мелли сегодня должна родить, и ты можешь понадобиться каждую минуту. Так что быстро – туда и обратно.

– Хорошо, мэм, – сказала Присси, повернулась и медленно-медленно, нехотя поплелась к калитке.

– Живее, ты, мешок с трухой!

– Да, мэм.

Присси сделала вид, что прибавила шагу, и Скарлетт вернулась в дом. Снова она постояла в нерешительности, прежде чем подняться к Мелани. «Придется сказать ей, почему миссис Мид не может прийти, и она, конечно, разволнуется, узнав, что Фил Мид серьезно ранен. Ладно, что-нибудь сокру».

Она вошла в спальню к Мелани и увидела на подносе нетронутый завтрак. Мелани лежала на боку, в лице ни кровинки.

– Миссис Мид в госпитале, – сказала Скарлетт. – Но придет миссис Элсинг. Тебе плохо?

– Не очень, – солгала Мелани. – Скарлетт, как долго у тебя это было, с Уэйдом?

– Раз – и готово, – с наигранной бодростью отвечала Скарлетт. – Я была во дворе и едва успела добежать до дома. Мамушка сказала: «Позор, да и только! Прямо как простая негрятанка!» – Хорошо бы и у меня было, как у негрятанки, – сказала Мелани с вымученной улыбкой, которая тут же погасла. Лицо ее исказилось от боли.

Скарлетт скользнула взглядом по безнадежно узким бедрам Мелани, но сказала ободряюще:

– Право же, это совсем не так страшно.

– Да я понимаю. Верно, я просто трусиха. А... а миссис Элсинг скоро придет?

– Скоро, скоро, – сказала Скарлетт. – Я пойду, достану свежей воды из колодца и оботру тебя губкой. Жара сегодня.

Доставая воду, она медлила как могла – тянула время – и поминутно бегала поглядеть, не идет ли Присси. Но Присси не было видно, и в конце концов Скарлетт опять поднялась к Мелани, обтерла губкой ее потное тело и расчесала длинные темные волосы.

Прошел час, и наконец с улицы долетел звук шаркающих по земле подошв, и, выглянув из окна, Скарлетт увидела Присси: девчонка шла неторопливо, снова, как в прошлый раз, вертя

головой во все стороны и охорашиваясь, с таким видом, словно выступала на сцене.

«Когда-нибудь я отлуплю эту негодяйку», – в бешенстве подумала Скарлетт, сбегая по ступенькам ей навстречу.

– Миссис Элсинг в госпитале. Ихняя кухарка говорит: поезд утром привез много раненых солдатиков. Она варит суп, понесет туда. Она говорит...

– Не важно, что она говорит, – оборвала ее Скарлетт, чувствуя, как у нее упало сердце. – Надень чистый фартук, пойдешь в госпиталь. Отнесешь записку доктору Миду, а если его там нет, отдай ее доктору Джонсу или другому доктору. И если не вернешься быстро, я шкуру с тебя спущу.

– Да, мэм.

– И спроси кого-нибудь из джентльменов, как там дела на фронте. А если они ничего не знают, добеги до вокзала, расспроси машинистов, которые привозят раненых. Спроси, где идут бои – далеко ли от Джонсборо.

– Господи помилуй, мисс Скарлетт! – Черное лицо Присси неожиданно исказилось от страха. – А в Таре тоже янки?

– Почему я знаю. Говорят тебе – расспроси.

– Господи помилуй! Мисс Скарлетт! Что они сделают с моей мамкой?

И Присси вдруг завывала в голос, чем окончательно вывела Скарлетт из себя.

– Перестань реветь! Напугаешь миссис Мелли! Ступай смени фартук, живо!

Подхлестнутая окриком, Присси скрылась в доме, а Скарлетт торопливо нацарапала записку на полях письма Джералда – единственного клочка бумаги, сыскавшегося в доме. Когда она складывала записку так, чтобы ее послание оказалось на виду, ей невольно бросились в глаза слова, нацарапанные рукой Джералда, – «мама слегла.., тиф.., ни под каким видом не приезжай домой...» – и к горлу подступил комок. Если бы не Мелани, она сейчас же, сию минуту бросилась бы домой, добралась бы до дому хоть пешком.

Зажав письмо в руке, Присси на этот раз припустилась чуть не бегом, а Скарлетт поднялась наверх, наспех придумывая, как бы ей половчее соврать, почему не пришла миссис Элсинг. Но Мелани ни о чем ее не спросила. Она лежала на спине, лицо ее казалось умиротворенно-спокойным. И у Скарлетт немного отлегло от сердца.

Она села и стала говорить о разных пустяках, но мысль о Таре и о том, что янки могут одержать победу, безжалостно сверлила ее мозг. Скарлетт думала об умирающей Эллин, о рвущихся в Атланту янки, которые начнут всех резать и все жечь. Мысли текли под далекие глухие раскаты канонады, неустанно звучащие в ушах, обдавая ее волнами страха. И она наконец умолкла, уперев невидящий взгляд в окно на недвижную пыльную листву деревьев над жаркой, тихой улицей. Мелани молчала тоже – лишь время от времени ее спокойное лицо сводила судорога боли.

И всякий раз после схватки она говорила:

– Знаешь, не так уж это и больно. – И Скарлетт понимала, что она лжет. А ей было бы легче, если бы Мелани выла от боли, а не терпела так, молча. Она знала, что должна бы пожалеть Мелани, но не испытывала к ней ни капли сочувствия. Собственные тревоги раздирали ее мозг. Кинув взгляд на перекошенное болью лицо, она вдруг подумала: надо же было так случиться, чтобы из всех людей на свете именно она оказалась прикованной здесь к Мелани в эти ужасные минуты, хотя по существу они совсем чужие друг другу, и она ненавидит Мелани и в душе даже желает ей смерти! Что ж, быть может, ее желание исполнится, и быть может, еще до исхода дня. При этой мысли суеверный страх ознобом пробежал у нее по коже. Желать кому-то смерти – это не приводит к добру, это почти так же опасно, как кого-нибудь проклясть. Проклятие падает на голову проклиняющего, говаривала Мамушка. Скарлетт торопливо прочла про себя молитву,

чтобы бог сохранил Мелани жизнь, а вслух лихорадочно залепетала первое, что подвернулось на язык. Прошло несколько минут, и Мелани положила горячую руку на ее запястье.

– Не старайся занимать меня беседой, дорогая. Я знаю, как у тебя тревожно на душе. Мне больно, что я причиняю тебе столько хлопот...

Скарлетт примолкла, но сидеть спокойно она не могла. Что ей делать, если ни доктор, ни Присси не подспеют вовремя? Она подошла к окну, поглядела на улицу, снова опустилась на стул. Потом встала и выглянула в другое окно – напротив. Прошел час, за ним второй. Был уже полдень, солнце стояло в зените и палило нещадно, и ни малейшее дуновение ветерка не шевелило пыльной листвы. У Мелани участились схватки. Ее длинные волосы взмокли от пота, на рубашке, там, где она прилипла к телу, обозначились темные пятна. Скарлетт молча освежала ее лицо мокрой губкой, но ее грыз страх. Господи, а что, если роды начнутся прежде, чем придет доктор? Что тогда делать? Она же ничего в этом не смыслит! Вот этого она и боялась все эти дни. Она отчасти полагалась на Присси, в случае, если нельзя будет раздобыть доктора, ведь Присси обучена принимать роды, она это говорила не раз. Но где она. Присси? Почему возвращается? И почему не приходит доктор? Скарлетт снова подошла к окну и поглядела на улицу. Она напряженно прислушивалась, и внезапно ей показалось... Нет, верно, это ей почудилось... Ей показалось, что грохот канонады стал глуше, отдаленней. Если так, значит, бои идут ближе к Джонсборо и, значит...

Наконец, еще раз высунувшись из окна, она увидела Присси, вприпрыжку спешившую к дому. Подняв голову и заметив Скарлетт, Присси широко разинула рот, собираясь что-то крикнуть. Черное лицо было перекошено страхом, и, боясь, что Присси своим криком встревожит Мелани, Скарлетт поспешно приложила палец к губам и отошла от окна.

– Пойду принесу воды похолоднее, – сказала она, глядя в темные, запавшие глаза Мелани и стараясь улыбнуться. И быстро вышла из комнаты, плотно притворив за собой дверь.

Присси, запыхавшаяся, сидела в холле на нижней ступеньке лестницы.

– Они в Джонсборо, мисс Скарлетт! Говорят, наших жентмунов бьют. Ой, беда! Мисс Скарлетт! Что теперь будет с ма и Порком? Ой, беда! А что, как янки придут сюда? Ой, беда!

Скарлетт зажала ей рот рукой, заглушив причитания.

– Замолчи ты, бога ради!

Да, что будет с ними, если придут янки? Что будет с Тарой? Страшным усилием воли Скарлетт заставила эту мысль уйти на время куда-то вглубь, чтобы обратиться к самым неотложным делам. Если только она начнет об этом думать, то завизжит и завоет от страха, как Присси.

– Где доктор Мид? Когда он придет?

– Да я его не видала, мисс Скарлетт.

– Что?!

– Не видала, мэм. Его нет в госпитале. Миссис Мерриуэзер и миссис Элсинг тоже нет. Говорят, он в сарае, на путях, туда раненых привезли из Джонсборо. А я, мисс Скарлетт, побоялась идти туда, там, говорят, мертвяки... Я мертвяков боюсь...

– А другие доктора?

– Ей-богу, мисс Скарлетт, я не могла никак дать им почитать, что вы написали. Они все там как с ума посходили. Один доктор сказал: «Поди ты к черту! Не вертись под ногами! Какие еще младенцы, когда тут прорва людей помирает! Позови какую ни на есть бабку, она поможет». Тогда я пошла и стали всех спрашивать, как вы мне велели. – что слышать, а все как есть в одну душу: «В Джонсборо бои, бои в Джонсборо», и тогда я...

– Ты говоришь, доктор Мид на вокзале?

– Да, мэм. Он...

– Ну, слушай меня внимательно. Я пойду за доктором Мидом, а ты сиди с мисс Мелани и делай все, что она тебе велит. И посмей только, сказать ей, где идут бои, я тебя продам перекупщикам, богом клянусь! И не говори ей, что другой доктор тоже не может прийти. Поняла?

– Да, мэ.м.

– Вытри глаза, набери свежей воды в кувшин и ступай наверх. Скажи мисс Мелани, что я пошла за доктором Мидом.

– Ей уже скоро родить, мисс Скарлетт?

– Не знаю. Боюсь, что скоро, но, впрочем, не знаю. Тебе лучше знать. Ступай наверх.

Скарлетт схватила с подзеркальника свою широкополую соломенную шляпу, нахлобучила ее кое-как на голову. Бросив отсутствующий взгляд в зеркало, она машинально поправила выбившуюся прядь. Мелкая, холодная дрожь страха, зародившегося где-то под ложечкой, расплзалась по всему покрытому жаркой испариной телу и отозвалась в кончиках похолодевших пальцев, когда они коснулись горячей щеки. Скарлетт торопливо вышла из дома под слепящее солнце. Она быстро шла по Персиковой улице, и кровь стучала у нее в висках от зноя. Издали, то нарастая, то затихая, доносился гул голосов. Вскоре она почувствовала, что ей трудно дышать от туго затянутого корсета, но не умерила шага. Голоса звучали все громче.

В конце улицы, ближе к Пяти Углам, царило странное оживление, как в разворошенном муравейнике. Негры с искаженными от страха лицами метались туда-сюда. Белые ребяташки, плача, сидели без присмотра на крылечках. Улица была забита военными фургонами, санитарными каретами с ранеными и всякого рода повозками, доверху нагруженными мебелью, сундуками, баулами. Какие-то верховые, выскакивая из боковых проездов, устремлялись к штабу Худа. Перед домом Боннеллов, держа под уздцы впряженную в коляску лошадь, стоял старик Амос, и при виде Скарлетт глаза у него округлились.

– Вы что ж – еще не уехали, мисс Скарлетт? Мы вот собрались. Старая мисс упаковывает пожитки.

– Собрались? Куда?

– А кто его знает, мисс. Куда-нибудь. Янки подходят! Скарлетт поспешила дальше, даже не попрощавшись. Янки подходят! Возле часовни Уэсли она приостановилась, чтобы перевести дыхание и унять неистово колотившееся сердце. Надо успокоиться, иначе она потеряет сознание. Она стояла, ухватившись за фонарный столб, и увидела офицера, скакавшего верхом от Пяти Углов. Не раздумывая, она выбежала на середину улицы и замахала рукой.

– Пойдите! Пожалуйста, остановитесь!

Рывком натянув поводья, офицер поднял лошадь на дыбы. Усталое, прорезанное глубокими складками лицо его выдавало страшное напряжение, но когда он увидел Скарлетт, потрепанная серая шляпа тотчас слетела у него с головы.

– Мадам?

– Скажите, это правда? Янки подходят?

– Боюсь, что так.

– Вы это точно знаете?

– Да, мадам. Я это знаю. Полчаса назад в штаб прибыла депеша с линии огня из Джонсборо.

– Из Джонсборо? Вы уверены?

– Уверен, мадам. Нет смысла тешить себя красивыми иллюзиями, мадам. Депеша была от генерала Харди, и в ней говорилось:

«Я проиграл битву и отвожу войска».

– О боже!

Офицер поглядел на нее, и на угрюмом усталом лице его не отразилось никаких чувств. Он

собрал поводья и надел шляпу.

– О, сэръ, прошу вас, еще минуточку. Что же нам теперь делать?

– Затрудняюсь ответить, мадам. Армия покидает Атланту.

– Покидает? А нас бросает на произвол судьбы?

– Боюсь, что так, мадам.

Он пришпорил коня, и его как ветром сдуло, а Скарлетт осталась стоять посреди улицы, утонув по щиколотку в красной пыли.

Янки подходят. Армия покидает город. Янки подходят. Что же делать? Куда бежать? Нет, бежать нельзя. Там Мелани, она ждет ребенка. Господи, зачем женщины производят на свет детей! Не будь Мелани, она взяла бы Уэйда и Присси и спряталась бы с ними в лесу, и янки никогда не нашли бы их там. Но Мелани нельзя увезти в лес. Сейчас нельзя. О, если бы она родила раньше, хотя бы вчера, быть может, их посадили бы в какую-нибудь санитарную карету и увезли и спрятали бы где-нибудь. А теперь... Теперь надо разыскать доктора Мида и заставить его пойти к Мелани. Может быть, он сделает что-нибудь, чтобы она скорее родила.

Скарлетт подобрала юбки и побежала по улице, и в топоте ее шагов ей слышалось: «Янки подходят! Янки подходят!» На площади Пяти Углов было полно народу, и все бежали куда-то, не видя друг друга, протискиваясь между санитарными фургонами, повозками, запряженными волами, и экипажами, которые везли раненых.

Глухой гул волнами перекачивался над толпой, словно на берегу в час прибоя.

И тут странное, невысказанное зрелище предстало глазам Скарлетт. Со стороны вокзала надвигалась толпа женщин с окороками на плечах. А за женщинами, сгибаясь под тяжестью банок с черной патокой, едва поспевали ребятишки. Мальчишки постарше тащили мешки с картофелем и кукурузой. Какой-то старик катил на тачке бочонок муки. Мужчины, женщины, дети торопливо шагали, изнемогая под грузом мешков, ящиков, пакетов с провизией – такого количества провизии Скарлетт не доводилось видеть за целый год. Внезапно толпа расступилась, давая дорогу мчавшемуся, кренясь то на один, то на другой бок, кабриолету. В кабриолете хрупкая, элегантная миссис Элсинг, с хлыстом в руке, стоя права лошадей. Бледная, без головного убора, с длинными седыми волосами, струившимися вдоль спины, она неистово стегала лошадь и была похожа на фурию. На сиденье ее черная нянька Мелисси, подсакивая на ухабах, одной рукой прижимала к себе кусок жирной свиной грудинки, а другой рукой и ногами старалась удержать на месте гору ящиков и мешков, наваленных в кабриолет. Один из мешков лопнул, и сушеные бобы сыпались на мостовую. Скарлетт закричала, пытаясь окликнуть миссис Элсинг, но голос ее утонул в шуме толпы, и кабриолет промчался мимо.

Смысл происходящего не сразу дошел до сознания Скарлетт, но она тут же вспомнила, что военные провиантские склады расположены возле вокзала, и поняла: армия открыла их, чтобы население могло воспользоваться тем, чем сумеет, пока янки не вошли в город.

Она стала проталкиваться сквозь толпу испуганных, растерянно мечущихся людей и, выбравшись на свободное пространство, припустилась со всех ног самым коротким путем к вокзалу. Наконец, в клубах пыли она стала различать среди санитарных фургонов движущиеся, склоняющиеся над ранеными фигуры санитаров с носилками и докторов. Слава тебе господи, сейчас она разыщет доктора Мида! Но, завернув за угол гостиницы «Атланта», откуда уже хорошо были видны подъездные пути и депо, она замерла на месте, пораженная открывшейся ее глазам картиной.

Под беспощадно палящим солнцем – кто плечом к чьему-то плечу, кто головой к чьим-то ногам – сотни и сотни раненых заполняли все пространство на железнодорожных путях и платформах. Их ряды под навесом депо уходили в бесконечность. Некоторые лежали молча и совершенно неподвижно, другие металась и стонала. И над всей этой кровью, грязными

повязками, зубовным скрежетом, проклятьями, вырвавшимся из груди раненых, когда санитары перекидывали их с носилок на землю, – мухи, тучи мух вились в воздухе, жужжали, ползали по лицам. В знойном воздухе стоял запах пота, крови, немытых тел, кала, мочи. Смерд накатывал на Скарлетт волнами, и минутами ей казалось, что ее сейчас стошнит. Санитары с носилками сновали туда и сюда среди распростертых на земле почти вплотную друг к другу тел, нередко наступая на раненых, а те стоически молчали, глядя вверх, – ждали, когда у санитаров дойдут руки и до них.

Скарлетт попятилась, зажав рот ладонью, чувствуя, как тошнота подступает к горлу. Она не могла сделать дальше ни шагу. Немало перевидала она раненых – и в госпиталях и на лужайке перед домом тети Питти, после битвы у Персикового ручья, – но ничто, ничто не шло в сравнение с этим! Кровоточащие, смердящие тела прямо под палящим солнцем – нет, такого она еще не видела! Это был подлинный ад – страдания, крики, зловоние и... Скорей! Скорей! Скорей! Янки подходят! Янки подходят!

Скарлетт распрямила плечи и ступила туда, в гущу тел, пере бегая глазами с одной стоявшей на ногах фигуры на другую, ища доктора Мида. И тут же поняла, что ничего у нее не выйдет, так как надо было смотреть себе под ноги, чтобы не наступить на какого-нибудь беднягу. Она подобрала юбки и стала осторожно пробираться между лежавшими на земле телами, направляясь к группе мужчин, стоявших поодаль и отдававших распоряжения санитарам с носилками.

На пути чьи-то руки судорожно хватили ее за юбку, она слышала хриплые восклицания:

– Леди, пить! Леди, пожалуйста, пить! Бога ради, леди, пить! Пот струился по ее лицу, она старалась вырваться из цеплявшихся за ее юбку рук. Если – казалось ей – она нечаянно наступит на одного из этих людей, то завизжит и потеряет сознание. Она перешагивала через мертвых и через раненых, лежавших неподвижно с остекленелыми глазами, зажимая руками рваные раны в животе, с присохшими к ним обрывками окровавленной одежды, и повсюду были торчавшие колом от запекшейся крови бороды, раздробленные челюсти, разорванные рты, откуда неслись нечленораздельные звуки, означавшие, должно быть! Пить! Пить! Пить!

Если она сейчас же не разыщет доктора Мида, у нее начнется истерика. Она бросила взгляд в сторону группы мужчин, стоявших под навесом, и закричала что было мочи:

– Доктор Мид! Есть здесь доктор Мид?

Один из мужчин обернулся, отделился от группы и поглядел в ее сторону. Это был Доктор Мид: без сюртука, рукава рубашки закатаны по локоть, и штаны, и рубашка алы от крови, как у мясника, и даже кончик седеющей бороды – в крови. Он был словно пьяный – пьяный от смертельной усталости, жгучего сострадания и бессильной злобы. На серых от пыли щеках струйки пота проложили извилистые борозды. Но голос его, когда он обратился к вей, звучал спокойно и решительно:

– Слава богу, что вы пришли. Мне дорога сейчас каждая пара рук.

На мгновение она замерла, глядя на него и растерянности, выпустив из руки подол. Подол упал на грязное лицо какого-то раненого, и тот беспомощно завертел головой, стараясь высвободиться от душивших его оборок. О чем он толкует – этот доктор? От пыли летевшей из-под колес санитарных повозок, у нее защекотало в горле, в носу стало липко от омерзительного зловония.

– Скорей сюда, детка! Скорей!

Она подобрала юбки и торопливо направилась к нему, снова перешагивая через распростертые тела. Она схватила доктора за руку и почувствовала, как дрожит его рука от напряжения и усталости, хотя лицо сохраняло твердость.

– Ах, доктор! – воскликнула она. – Вы должны пойти к нам – Мелани рождает, Он поглядел

на нее так, словно ее слова не доходили до его сознания. Какой-то раненый, лежавший на земле, с походным котелком под головой, добродушно ухмыльнулся, услышав ее слова:

– Ну, с этим-то они умеют справляться, – одобряюще произнес он.

Скарлетт даже не поглядела на него, она потрясла доктора за плечо.

– Мелани! У нее ребенок! Доктор, вы должны пойти! Она.., у нее... – Сейчас было не до околичностей, но среди этих сотен мужских ушей слова не шли у Скарлетт с языка. – У нее сильные схватки. Доктор, прошу вас!

– Что? Рожает? Да черт побери! – внезапно вскипел доктор, и лицо его исказилось от ярости – ярости, направленной не на Скарлетт, а на весь мир, в котором могут твориться такие дела. – Вы что, рехнулись? Как я могу оставить этих людей? Они умирают сотнями? Я не могу оставить их ради растреклятого ребенка. Раздобудьте какую-нибудь женщину, она поможет. Позовите мою жену.

Скарлетт открыла было рот, хотела сказать ему, почему миссис Мид не может прийти, и осеклась. Он даже не знает, что его собственный сын ранен! Промелькнула мысль: остался ли бы доктор тут, знай он об этом, и что-то подсказало ей – да, если бы даже Фил умирал, доктор остался бы на своем посту, чтобы оказывать помощь многим, а не одному.

– Вы должны пойти к ней, доктор. Вы сами говорили, что у нее будут тяжелые роды... – Да неужели и вправду она, Скарлетт, стоит тут, среди всего этого ада, среди стонов и воплей, и во всеуслышание произносит такие ужасные, грубые слова? – Она умрет, если вы не придете!

Доктор резко выдернул руку из вцепившихся в нее пальцев и сказал так, словно не расслышал ее слов или не понял их значения.

– Умрет? Да они все умрут – все эти люди. Нет бинтов, нет йода, нет хинина, нет хлороформа. О господи, хоть бы чуточку морфия! Хотя бы для самых тяжелых! Хоть немного хлороформа!;

Будь прокляты янки! Будь они прокляты!

– Провалиться бы им в преисподнюю, доктор! – сказал лежавший у их ног человек, и оскал его зубов блеснул над спутанной бородой.

Скарлетт начала дрожать всем телом, и от страха на глазах у нее выступили слезы. Доктор не пойдет с нею к Мелани. И Мелани умрет. А она только что желала ей смерти. Нет, доктор не пойдет.

– Во имя господа бога, доктор! Ну, пожалуйста! Доктор закусил губу, на скулах его заиграли желваки, он овладел собой.

– Дитя мое, я постараюсь. Обещать не могу, но постараюсь. После того, как мы сделаем что можем для этих людей. Янки подходят, и наши войска покидают город. Я не знаю, как янки могут поступить с ранеными. Поезда не ходят. Дорога на Мейкон в руках янки. Но я постараюсь... А вы ступайте пока. Не мешайте мне работать. Принять ребенка не такое уж сложное дело. Надо только перевязать пуповину...

Санитар тронул его за руку, и он, отвернувшись от Скарлетт, начал быстро отдавать распоряжения, указывая то на одного, то на другого раненого. Лежавший на земле человек поглядел на Скарлетт с сочувствием. Она повернулась к нему спиной, но доктор уже позабыл про нее.

Она снова начала торопливо пробираться между ранеными – назад к Персиковой улице. На доктора надежды нет. Ей придется справляться самой. Еще слава богу, что Присси знает все по части акушерства. Голова у нее разламывалась от жары, и она чувствовала, что мокрый от пота лиф прилип к телу. Мозг ее оступел, и ноги стали как ватные – словно в страшном сне, когда знаешь, что надо бежать, и не можешь сдвинуться с места. Обратный путь до дома представился ей бесконечным.

А потом в голове у нее опять завертелся знакомый припев:

«Янки подходят!» Сердце заколотилось сильнее, и тело стало возвращаться к жизни. Убыстрив шаг, она слилась с толпой у Пяти Углов – народу здесь было столько, что ей пришлось сойти с узкого тротуара на мостовую. Ряд за рядом проходили солдаты – покрытые пылью, едва волооча ноги от усталости. Казалось, им не будет конца – этим бороатым, грязным людям с винтовками за спиной, двигавшимся мимо походным маршем. Ездовые сырмятными бичами погоняли тощих мулов, тащивших орудия. Провиантские фургоны с изодраным в клочья брезентовым верхом подпрыгивали на выбоинах мостовой. Поднимая клубы пыли, нескончаемой, чередой проезжала конница. Никогда еще Скарлетт не доводилось видеть сразу такого количества военных. Отступление! Отступление! Армия покидала город.

Ее оттеснили обратно на запруженный людьми тротуар, и она ощутила резкий тошнотворный запах дешевого кукурузного виски. В толпе на углу Декейтерской улицы стояли несколько пестро разодетых женщин, чьи празднично яркие одеяния и размалеванные лица бросались в глаза своим грубым несоответствием с окружающим. Почти все они были пьяны, а солдаты, на которых они висли, схватив их под руку, – и того пьянее. Мелькнули огненно-рыжие завитки волос, прозвучал резкий хмельной смех, и Скарлетт узнала это жалкое создание – Красотку Уотлинг, прильнувшую к подгулявшему однорукому солдату, с трудом державшемуся на ногах.

Кое-как пробившись туда, где за квартал от Пяти Углов толпа начала редеть, Скарлетт подхватила юбки и снова припустилась бегом. Добежав до часовни Уэсли, она вдруг почувствовала, что у нее перехватило дыхание, голова кружится и ее мутит. Корсет впивался ей в ребра, не давая дышать. Она опустилась на ступени паперти и, уронив голову на руки, постаралась отдышаться. Хоть бы удалось вздохнуть поглубже. Хоть бы сердце перестало так колотиться и выделять эти невероятные скачки! Хоть бы в этом обезумевшем городе нашелся один-единственный человек, к которому она могла бы обратиться, за помощью!

Никогда на протяжении всей жизни не приходилось ей ни о чем заботиться самой. Рядом всегда был кто-то, кто все делал за нее, оберегал ее, опекал, баловал. Просто невозможно было поверить, что она вдруг попала в такую переделку. И ни соседей, ни друзей – никого, чтобы помочь ей в беде. Прежде всегда были друзья, соседи, умелые руки услужливых рабов. А сейчас, в эту самую тяжелую в ее жизни минуту, – никого. Как это могло случиться, что она оказалась совсем одна, вдали от родного гнезда, перепуганная насмерть?

Тара! О, если бы только она могла очутиться дома, пусть даже там янки! Пусть даже у Эллин тиф! Лишь бы увидеть ее родное лицо, ощутить объятия крепких Мамушкиных рук!

Пошатываясь, она поднялась на ноги и зашагала дальше. Подойдя к дому, она увидела Уэйда, катавшегося на калитке. При ее появлении лицо его жалобно сморщилось, и он захныкал, показывая ей ссадину на грязном пальце.

– Больно! – всхлипнул он. – Больно!

– Замолчи! Замолчи сейчас же! Не то я тебя отшлепаю. Ступай на задний двор, поиграй там в песочек и не смей оттуда отлучаться никуда!

– Есть хочу! – заскулил он и сунул поцарапанный палец в рот.

– Не выдумывай! Ступай на задний двор и... Скарлетт подняла голову и увидела Присси, высунувшуюся из окна верхнего этажа: озабоченность и страх были написаны на ее лице, но при виде хозяйки она сразу приободрилась. Скарлетт помахала ей рукой, чтобы она спускалась вниз, и вошла в дом. Как прохладно было в холле. Она развязала ленты шляпы, кинула ее на подзеркальник и провела рукой по вспотевшему лбу. Наверху отворилась дверь, и до Скарлетт долетел протяжный, жалобный, исполненный жестокой муки стон Присси сбежала с лестницы, прыгая через две ступеньки.

– Доктор пришел?

– Нет. Он не может.

– Господи, мисс Скарлетт! Мисс Мелани совсем худо!

– Доктор не может прийти. Никто не может. Тебе придется принимать ребенка. Я тебе помогу.

Присси онемела, разинув рот, напрасно силясь что-то произнести. Она затопталась на месте, искоса поглядывая на Скарлетт.

– Что ты корчишь из себя идиотку! – прикрикнула на нее Скарлетт, взбешенная ее дурацким поведением. – Что с тобой? Присси попятилась обратно к лестнице.

– Господи помилуй! Мисс Скарлетт... – Растерянность и стыд были в ее вытаращенных от страха глазах.

– Ну, в чем дело?

– Господи помилуй, мисс Скарлетт! Надо, чтоб пришел доктор. Я... я.., мисс Скарлетт, я этих делов не знаю. Мать меня близко не подпускала, когда ей случалось принимать ребенка.

Скарлетт ахнула: от ужаса у нее перехватило дыхание. Затем ею овладела ярость. Присси попыталась проскользнуть мимо нее и пуститься наутек, но Скарлетт схватила ее за руку.

– Ах ты, черномазая лгунья! Что ты мелешь? Ты же говорила, что всему обучена. Ну, отвечай правду! Говори! – Она тряхнула ее так, что курчавая черная голова беспомощно закачалась из стороны в сторону.

– Я соврала, мисс Скарлетт! Сама не знаю, чего это на меня нашло. Я только разочек видела, как это бывает, и ма выдрала меня, чтоб не подглядывала.

Скарлетт в ярости молча смотрела на нее, и Присси вся сжалась, пытаясь вырваться. Какое-то мгновение мозг Скарлетт еще отказывался признать открывшуюся ей истину, но как только она с полной ясностью осознала, что Присси смыслит в акушерстве не больше, чем она сама, бешеная злоба обожгла ее как пламя. Еще ни разу в жизни не подымала Скарлетт руки на раба, но сейчас, собрав остатки сил, она с размаху отвесила своей черной служанке пощечину. Присси пронзительно взвизгнула – больше с испугу, чем от боли, – и запрыгала на месте, стараясь вырваться из рук хозяйки.

Когда Присси завизжала, доносившиеся сверху стоны оборвались, и секундой позже послышался слабый, дрожащий голосок Мелани:

– Скарлетт? Это ты? Пожалуйста, поднимись ко мне! Пожалуйста!

Скарлетт выпустила руку Присси, и девчонка, всхлипывая, повалилась на ступеньки лестницы. С минуту Скарлетт стояла неподвижно, прислушиваясь к тихим стонам, которые снова стали доноситься из комнаты Мелани. И пока она стояла там, он почудилось, что на плечи ее легло ярмо, которое придавит ее к земле своей тяжестью, стоит ей ступить хоть шаг. Она пыталась припомнить, чем старались ей помочь Мамушка и Элин, когда она рожала Уэйда, но все расплывалось как в тумане, милосердно изглаженное из памяти муками родовых схваток. Вес же кое-что ей удалось вспомнить, и она быстро, решительно начала давать указания Присси:

– Ступай, затопи плиту, поставь на огонь котел с водой. Приноси все полотенца, какие същутся, и моток шпагата. И ножницы, И не говори, что не можешь ничего найти! Быстро достань и принеси мне. Ну, живо!

Она рывком подняла Присси на ноги и толкнула ее к кухонной двери. Потом распрямила плечи и начала подниматься по лестнице.

Нелегкая ей предстояла задача – сообщить Мелани, что она сама с помощью Присси будет принимать у нее роды.

Возможно ли, чтобы день мог быть так долог, чтобы послеполуденные часы тянулись без конца и чтобы была такая удушающая жара? И столько мух, назойливых ленивых мух. Они тучами вились над Мелани, невзирая на то, что Скарлетт не переставая махала пальмовой ветвью, так что у нее даже онемели руки. Однако все ее усилия, казалось, были тщетны: стоило ей согнать мух с потного лица Мелани, как они уже ползали по ее липким от пота ногам, и ноги беспомощно дергались, и Мелани восклицала:

– Пожалуйста! Сгони их с ног!

Скарлетт опустила жалюзи, чтобы защититься от зноя и нестерпимого сверкания солнца, и комната была погружена в полумрак. Лишь по краям жалюзи и сквозь узкие щелки в них проникали лучики света. Комната превратилась в жарко натопленную печь, и насквозь пропотевшее платье Скарлетт становилось с каждым часом все более влажным и липким. От Присси, скорчившейся в углу, нестерпимо разило потом, и Скарлетт давно выставила бы ее за дверь, если бы не боялась, что девчонка, выйдя из-под ее надзора, тотчас удерет. Мелани лежала на темных от пота и пролитой воды простынях и крутилась в постели, поворачиваясь то на правый бок, то на левый, то на спину, и снова – то туда, то сюда.

Временами она пыталась приподняться и сесть, но тотчас падала на подушки и опять начинала вертеться с боку на бок. Сначала она старалась не кричать и так искусала губы, что они стали кровоточить, пока наконец Скарлетт, у которой уже кровоточили нервы, не прошипела:

– Бога ради, Мелли, перестань геройствовать. Кричи, если хочется кричать. Никто же, кроме нас с тобой, не услышит.

Послеполуденные часы ползли, и Мелани, как ни крепилась, все же начала стонать, а порой и вскрикивать. Тогда Скарлетт закрывала лицо руками, затыкала уши и, покачиваясь из стороны в сторону, мечтала умереть. Что угодно, лишь бы не быть беспомощной свидетельницей этих мук! Что угодно, лишь бы не сидеть здесь как на привязи, ожидая, когда появится этот ребенок, который никак не хочет появляться на свет. Ждать и ждать, в то время как янки скорее всего уже у Пяти Углов!

Она горько сожалела, что в свое время не прислушивалась более внимательно к словам матрон, когда они перешептывались, обсуждая чьи-нибудь роды. Ах, почему она этого не делала! Проявляй она больше интереса к таким вещам, ей было бы яснее сейчас, затянулись у Мелани роды или нет. Ей смутно припомнился рассказ тетушки Питти о какой-то ее приятельнице, которая рожала двое суток и в конце концов умерла, так и не разрешившись от бремени. Что, если у Мелани это тоже будет длиться двое суток? Но она же такого хрупкого сложения! Ей не выдержать долго этих мук. Она умрет, если ребенок не поторопится появиться на свет. И как тогда она, Скарлетт, поглядит в глаза Эшли – если, конечно, он еще жив, – как сообщит ему, что Мелани умерла, – ведь она же дала ему слово позаботиться о ней!

Первое время Мелани, в минуты особенно сильных схваток, держала руку Скарлетт и сжимала ее с такой силой, что хрустели суставы. Через час руки Скарлетт вспухли, побагровели, и она едва могла ими пошевелить. Тогда она взяла два длинных полотенца, перекинула через изножье кровати, связала концы узлом и вложила узел в руки Мелани. И Мелани вцепилась в него, как утопающий в спасательный круг; она то изо всей силы тянула за полотенца, то отпускала их, то словно бы пыталась разорвать их в клочья. И кричала, как затравленный, попавший в капкан зверек, – час за часом, час за часом. Иногда она выпускала из рук полотенца, бессильно терла ладонь о ладонь и поднимала на Скарлетт огромные, расширенные мукой глаза.

– Поговори со мной. Пожалуйста, поговори со мной, – еле слышно шептала она, и Скарлетт принималась болтать что попало, пока Мелани не начинала снова извиваться на постели, вцепившись в полотенца.

Сумеречная комната плавилась в зное, столах, жужжании мух, и так томительно-тягуче ползли минуты, что Скарлетт казалось, будто утро отодвинулось куда-то в необозримую даль. Будто она всю жизнь просидела здесь, в этой влажной, душной полутьме. Всякий раз, как Мелани вскрикивала, Скарлетт хотелось закричать тоже, и она так закусывала губы, что боль заставляла ее опомниться, и она цепенела на грани истерики.

Один раз она слышала, как Уэйд на цыпочках прокрался по лестнице наверх и остановился за дверью, хныча:

– Есть хочу!

Скарлетт направилась было к двери, но Мелани взмолилась топотом:

– Не уходи. Пожалуйста. Вез тебя я этого но вынесу. И Скарлетт велела Присси спуститься вниз, разогреть оставшуюся от завтрака мамалыгу и накормить ребенка. Сама она, думалось ей, после сегодняшних испытаний никогда больше не сможет проглотить ни кусочка.

Часы на камине остановились, и Скарлетт не имела ни малейшего представления о том, который теперь был час, но когда жара в комнате начала спадать, и пробивавшиеся снаружи лучи потускнели, она подняла жалюзи и, к своему удивлению, увидела, что день уже клонится к вечеру и багровый шар солнца стоит низко над землей. Ей почему-то все казалось, что этому палящему полдню никогда не будет конца.

Она сгорала от желания узнать, что происходит в городе. Все ли войска уже оставили его?. Вошли ли в город янки? Неужели конфедераты сдадут город без боя? И сердце ее упало, когда она подумала о том, как мало осталось конфедератов и как много солдат у Шермана, сытых солдат! Шерман! Это имя нагоняло на нее такой страх, словно в этом человеке воплотился сам сатана. Но времени для раздумий не было: Мелани просила пить, просила сменить мокрое полотенце на лбу, помахать на нее, отогнать мух, садившихся на лицо.

Когда совсем стемнело и Присси, черным призраком мельтешившая по комнате, зажгла лампу, Мелани начала слабеть. И призывать к себе Эшли – снова и снова призывать его, словно в бреду, пока жуткая монотонность ее призывов не породила у Скарлетт желания заткнуть ей рот подушкой. Может быть, доктор все же в конце концов придет? О господи, если бы только он поскорее пришел! Снова в душе ее затеплилась надежда, и она велела Присси сбегать к Мидам, посмотреть, нет ли дома доктора или миссис Мид.

– А если доктора нет, спроси у миссис Мид или у кухарки, что нужно делать. Попроси кого-нибудь прийти.

Присси с грохотом скатилась с лестницы, и Скарлетт видела в окно, как она мчится по улице с совершенно неожиданной для этой нерасторопной девчонки быстротой. Отсутствовала она довольно долго и вернулась одна.

– Доктора нет дома целый день. Думают, может, он ушел с солдатами. Мисс Скарлетт, мистер Фил преставился.

– Умер?

– Да, мэм. – Присси раздувалась от важности, сообщая эту весть. – Тальбот, ихний кучер, сказал. Его ранили...

– Ладно, давай по делу.

– А миссис Мид я не видала. Кухарка сказала, миссис Мид обмывает его и убирает, хочет похоронить, пока нет янки. Кухарка сказала: если мисс Мелли будет шибко больно, надо положить нож под кровать, и нож разрежет боль пополам.

Скарлетт едва удержалась, чтобы не закатить ей еще одну оплеуху в ответ на этот полезный

совет, но тут Мелани открыла огромные, расширенные от страха глаза и прошептала:

– Дорогая... Янки подходят?

– Нет, – твердо сказала Скарлетт. – Присси выдумывает.

– Да, мэм. Я выдумываю, – горячо подтвердила Присси.

– Они подходят, – прошептала Мелани, не поддавшись на обман, и уткнулась лицом в подушку. Голос ее доносился теперь еле слышно. – Мое несчастное дитя... Мое несчастное дитя... – И после долгого молчания она пробормотала: – Ох, Скарлетт, тебе нельзя оставаться здесь. Уходи и возьми с собой Уэйда.

Мелани лишь произнесла вслух то, о чем думала сама Скарлетт, но Скарлетт это взбесило – ей было стыдно, словно Мелани прочла трусливые мысли на ее лице.

– Не будь идиоткой. Я ничего не боюсь. Ты же знаешь, что я тебя не оставлю.

– И напрасно. Все равно я умру. – И она снова застонала.

Медленно, словно старуха, Скарлетт спустилась ощупью по темной лестнице, цепляясь за перила, чтобы не упасть. Ноги у нее одеревенели и подгибались от усталости и напряжения, и ее трясло от холодного липкого пота, насквозь пропитавшего одежду. Кое-как добралась она до веранды и опустилась на ступеньки. Прислонившись спиной к столбу, она дрожащей рукой расстегнула пуговицы лифа на груди. Теплая, мягкая тишина ночи обступила ее со всех сторон, и она полулежала, отупело, словно больная буйволица, глядя во мрак.

Все было позади. Мелани не умерла, и крошечный, попискивавший, как котенок, младенец мужского пола получил свое первое омовение из рук Присси. Мелани уснула. Как могла она спать после всего этого кошмара, после этих страшных криков, страданий, неумелого акушерства, больше причинявшего мук, чем приносившего пользы? Как могла она все это выдержать и не умереть? Скарлетт ни минуты не сомневалась, что, будь она на месте Мелани, ее бы уже не было в живых. А Мелани, когда все было кончено, даже нашла в себе силы пролепетать еле слышно, так что пришлось наклониться к самому ее лицу: «Спасибо». И уснула. Как могла она уснуть? У Скарлетт совсем стерлось в памяти, что она тоже, родив Уэйда, сразу уснула. Она вообще забыла все. В голове у нее была странная пустота, и мир вокруг был пуст. Ничего не было прежде – до этого бесконечного дня, – и ничего не будет потом. Только тяжелый, теплый мрак ночи, только звук рвущегося из груди хриплого дыхания, только холодные, щекочущие струйки пота, сбегające из подмышек на талию, с бедер на колени – холодящие, клейкие, липкие.

Она почувствовала, как ее громкое ровное дыхание перешло в судорожные всхлипывания, но глаза были сухи, их жгло, и казалось, что им никогда уже не пролить ни одной слезы. Медленно, с трудом она наклонилась и, подхватив свои пышные юбки, задрала их до самых бедер. Ей было жарко, и свежий ночной воздух был приятен телу, хотя от холодного липкого пота ее слегка пробирала дрожь. Тупо промелькнула мысль: что бы сказала тетя Питти, увидев ее, лежащую здесь, на ступеньках, задрав юбки так, что все панталоны на виду? Но ей было наплевать. Ей было наплевать на все. Время остановилось. Быть может, солнце только что село, а быть может, уже давно за полночь. Она не знала, ей было все равно.

Она услышала звук шагов на лестнице и подумала: «Чтобы черт унес Присси!» – глаза у нее слипались, она погружалась в тяжкое забытие. Пролетело мгновение черного провала в сон, и до ее сознания дошло, что Присси стоит возле нее и что-то лопочет, очень довольная собой.

– Как у нас здорово все получилось, мисс Скарлетт. Мамка и та, поди, не справилась бы лучше.

Скарлетт смотрела на нее из темноты и от усталости не могла ни прогнать, ни выбрать девочку, укорить за все ее бесчисленные грехи – за глупое бахвальство своими якобы познаниями, за трусость, неумелость, неуклюжесть, за полную никчемность в решающие

минуты, за опрокинутый на постель таз с водой, за засунутые куда-то ножницы, за то, что она уронила новорожденного, а теперь стоит и похваляется своими успехами.

И янки еще хотят освободить негров! Ну и на здоровье, берите их себе!

Она молча прислонилась к столбу, и Присси, почувствовав ее настроение, неслышно растворилась во мраке веранды. Текли минуты, дыхание Скарлетт стало ровнее, в голове прояснилось, и она услышала доносившиеся с северного конца улицы негромкие голоса и топот сапог. Солдаты! Она медленно приподнялась и оправила юбки, хотя и понимала, что никто не может увидеть ее в этой тьме. Когда они – несчетная процессия теней – приблизились к дому, она окликнула их.

Одна тень отделилась от общей массы, подошла к калитке.

– Вы уходите? Вы нас покидаете? Ей показалось, что тень сняла шляпу, и негромкий голос прозвучал из мрака:

– Да, мэм. Да, мы уходим. Наш отряд последним оставил укрепления – примерно в миле к северу от города.

– Значит, вы.., значит, армия в самом деле отступает?

– Да, мэм. Янки подходят.

Янки подходят! А ведь она об этом забыла! Спазма сдавила ей горло, и она не могла произнести больше ни слова. Тень удалилась, слилась с другими тенями, и стук сапог стал замирать во мраке. «Янки подходят! Янки подходят!» – выбивали дробь их шаги, громко выстукивало ее сердце. Янки подходят!

– Янки подходят! – взвизгнула Присси, сжавшись в комочек возле Скарлетт. – Ой, мисс Скарлетт, они нас всех убьют! Выпустят кишки! Они...

– Замолчи! – крикнула Скарлетт. Это были ее мысли – облеченные в слова, произносимые дрожащим голосом, они становились еще ужасней. Снова ею овладел страх. Что же делать? Как спастись? К кому броситься за помощью? Все друзья покинули ее.

И тут она вспомнила про Ретта Батлера, и страх немного отступил, от сердца отлегло. Как это она не подумала о нем утром, когда носилась по городу, точно курица с отрезанной головой? Пусть он ей ненавистен, но он сильный, ловкий и не боится янки.

И он здесь, в городе. Конечно, она зла на него, он говорил совершенно непозволительные вещи, когда они виделись в последний раз, но в такую минуту, как сейчас, на это можно посмотреть сквозь пальцы. А у него есть лошадь и экипаж. Как же это она не подумала о нем раньше! Он может увезти их из этого обреченного города, подальше от янки, куда-нибудь, куда угодно.

Повернувшись к Присси, она заговорила – быстро, лихорадочно, настойчиво:

– Ты знаешь, где живет капитан Батлер? В гостинице «Атланта». Знаешь?

– Да, мэм, только...

– Так вот беги туда со всех ног и скажи ему, что он мне нужен. Чтобы он поскорее пригнал сюда свою лошадь с коляской или с санитарным фургоном, если сможет его раздобыть. Скажи ему, что у нас новорожденный. Скажи, что я хочу, чтобы он увез нас отсюда. Ступай. Быстрее.

Она выпрямилась и подтолкнула Присси.

– Боже милостивый! Мисс Скарлетт! Темнотища, боязно одной-то! Ну, как янки схватят?

– Беги быстрее, нагонишь этих солдат, и они не дадут тебя в обиду. Ну же, беги!

– Я боюсь! А вдруг капитана там нету?

– Тогда спроси, где он. Неужто ты и этого сообразить не в состоянии? Если его нет в гостинице, ступай в бар на Декейтерской, спроси там. Сбегай к Красотке Уотлинг, у нее поищи. Найди его. Не понимаешь ты, что ли, идиотка, что мы все попадем в лапы к янки, если ты не разыщешь капитана?

– Мисс Скарлетт, мамка отстегает меня стеблем хлопчатника, если я войду в бар или в дом этой шлюхи.

Скарлетт усилием воли заставила себя встать.

– А если ты не пойдешь, я отстегаю тебя сама. Можешь не входить в дом, покричи ему, поняла? Иди спроси кого-нибудь, там капитан или нет. Ступай!

Присси все еще медлила, переминаясь с ноги на ногу и строя рожи, и Скарлетт дала ей такого пинка, что девчонка чуть не слетела с лестницы кувырком.

– Отправляйся немедленно, или я продам тебя с торгов. Ни матери, ни кого из своих больше не увидишь, будешь работать на плантации. Ну, бегом!

– Боже милостивый! Мисс Скарлетт...

Но неумолимая рука хозяйки заставила ее спуститься по ступенькам с веранды. Скрипнула калитка, и Скарлетт крикнула вслед:

– Бегом, дурная!

Она услышала частый стук подошв, когда Присси припустилась рысцой, и вскоре мягкая земля поглотила эти звуки.

Отослав Присси, Скарлетт устало побрела в холл и зажгла лампу. В доме стояла удушающая жара, словно весь полуденный зной остался в его стенах. Состояние оцепенения мало-помалу покидало Скарлетт, и у нее засосало под ложечкой от голода. Она вспомнила, что не ела ничего с прошлого вечера, кроме ложки мамалыги, и, взяв лампу, прошла в кухню. Огонь в плите погас, но от жары все еще нечем было дышать. На сковородке лежала половина черствой кукурузной лепешки, и Скарлетт, жадно вгрызаясь в нее зубами, стала шарить по кухне в поисках еще какой-нибудь еды. В горшке нашлось немного мамалыги, и Скарлетт принялась есть большой разливной ложкой прямо из горшка. Мамалыга была сильно недосолена» но от голода у Скарлетт не хватило терпения поискать соли. Проглотив четыре ложки мамалыги, Скарлетт почувствовала, что жара душит ее, и, взяв в одну руку лампу, в другую – остатки лепешки, вернулась в холл.

Она донимала, что нужно подняться наверх и добыть с Мелани. Если там что-нибудь неладно, у Мелани не хватит сил позвать. Но, одна мысль о той комнате, где она провела эти страшные часы, приводила ее в содрогание. Она не в силах была заставить себя пойти туда. Она хотела бы никогда больше не переступить порога этой комнаты. Поставив лампу на консоль возле окна, она прошла на веранду. Здесь на нее повеяло прохладой, хотя ночь была теплой, безветренной и неподвижный ночной воздух пронизан теплом. Скарлетт опустилась на ступеньки в круге света, отбрасываемого лампой, и снова принялась грызть лепешку.

Когда голод был утолен, силы начали понемногу возвращаться к ней, но одновременно возродился и ужалил страх. Какой-то неясный гул доносился с другого конца улицы, и она не знала, что он предвещает. Различить что-либо в этом гуле было невозможно, он просто то нарастал, то замирал. Она наклонилась вперед, прислушиваясь, и вскоре почувствовала, что мускулы у нее заныли от напряжения. Всем своим существом она желала сейчас одного: услышать стук копыт, поймать беззаботный, самоуверенный взгляд Ретта, прочесть в нем насмешку над ее страхом. Ретт увезет их отсюда куда-нибудь. Безразлично куда. Ей было все равно.

Она сидела, прислушиваясь к звукам, долетавшим из города, и вдруг увидела, что небо над верхушками деревьев заалело. Это ее озадачило. Зарево разгоралось у нее на глазах. Из бледно-розового небо стало багровым. И вскоре огромный язык пламени взвился над деревьями. Скарлетт вскочила на ноги. Снова противно заныло и заколотилось сердце.

Янки в городе! Они пришли и жгут город. Горело, по-видимому, где-то к востоку от центра. Языки пламени взмывали все выше и выше, множились, захватывали все большее пространство неба перед ее испуганным взором. Похоже было, что горит целый квартал. Теплое дуновение ветра повеяло ей в лицо, принеся с собой запах дыма.

Она сбросилась наверх к себе в спальню и распахнула окно. Зловещее огненное зарево расплзлось по всему небу, и огромные клубы черного дыма, крутясь, взвивались вверх, нависая над языками! пламени. Запах дыма становился все ощутимее. Беспорядочные мысли пронеслись в голове Скарлетт: как скоро может огонь перекинуться на Персиковую улицу?.. Дом сгорит.., сюда вернутся янки.., куда бежать.., что делать... Голова у нее кружилась, в ушах стоял такой гул, словно все демоны преисподней с воем слетелись в дом; все перепуталось в ее охваченном паникой мозгу, и она ухватилась за подоконник, боясь упасть.

«Надо собраться с мыслями, – твердила она себе снова и снова. – Надо собраться с мыслями». Но мысли пронеслись как испуганные птицы и ускользали от Нее. Она стояла, вцепившись в подоконник, и вдруг услышала страшный взрыв, более оглушительный, чем все

орудийные залпы. Огромный столб пламени взвился к небу. Еще взрыв и еще. Земля заходила ходуном, стекла в окнах лопнули, и комнату засыпало осколками.

Взрыв следовал за взрывом, земля сотрясалась, и вокруг бушевал ад огня. Фонтаны искр взмывали к небу и медленно, лениво оседали на землю, прорезая кроваво-красные облака дыма. Ей почудилось, что из соседней спальни донесся слабый стон, но она не обратила на него внимания. Теперь ей было уже не до Мелани. Ничего не существовало для нее больше – только страх, жгучий страх, пробегавший по жилам. Она снова стала ребенком – обезумевшим от страха ребенком, которому надо уткнуться головой в колени матери и ничего не видеть, не слышать. О, если бы очутиться дома! С мамой!

Среди душераздирающего грохота взрывов она внезапно уловила другие звуки – топот гонимых страхом ног, взбегающих по лестнице, и прерывистые всхлипы, похожие на лай отставшей гончей. Присси влетела в спальню, бросилась к Скарлетт и так вцепилась ей в руку, что чуть не расцарапала кожу в кровь.

– Янки? – вскричала Скарлетт.

– Нет, мэм, наши жентмуны! – задыхаясь, выкрикнула Присси, еще глубже запуская ногти в руку Скарлетт. – Они подожгли завод, и военные склады, и те, что с продуктами, господи, мисс Скарлетт, они подожгли семьдесят вагонов с ядрами и порохом, – и, как бог свят, мы все сгорим тоже!

Она снова начала прерывисто всхлипывать, и ногти ее так впились в тело Скарлетт, что та вскрикнула от боли и со злостью отпихнула девочку от себя.

Значит, янки еще не вошли в город! Значит, еще можно спастись! Она старалась подавить свой страх.

«Если я сейчас же не возьму себя в руки, то начну визжать, как ошпаренная кошка», – сказала она себе. Зрелище животного страха, владевшего Присси, помогло ей обрести почву под ногами. Она схватила Присси за плечи и трянула.

– Перестань выть и говори толком! Янки же еще не пришли, идиотка! Видела ты капитана Батлера? Что он сказал? Придет он? Присси перестала всхлипывать, но зубы у нее выбивали дробь.

– Да, мэм, я под конец нашла его. В баре, как вы говорили. Он...

– Не важно, где ты его нашла. Придет он? Ты сказала ему взять лошадь?

– Ой, нет, мисс Скарлетт, он говорит, и лошадь и коляску наши жентмуны забрали в госпиталь.

– О боже!

– Но он придет.

– А что он сказал?

Присси перевела дыхание и как будто немного успокоилась, но глаза ее все еще вылезали из орбит от страха.

– Я все сделала, как вы сказали, мэм: нашла его в баре. Постояла снаружи, покликала, он и вышел. Увидал меня, я стала ему говорить, а тут солдаты взорвали склад на Декейтерской, огонь сразу – во! – и он говорит: «Пошли!» – и схватил меня, и мы побежали к Пяти Углам, и там он говорит: «Ну, что еще? Говори живо!» А я говорю, что вы говорили, чтоб он поскорей пришел и пригнал лошадь с коляской. У мисс Мелли, говорю, ребеночек, и мисс Скарлетт хочет скорей вон из города. А он говорит: «Куда это она надумала ехать?» А я говорю: «Не знаю, сэр, только вам надо поскорей прийти, потому как янки придут, а она хочет, чтобы вы увезли ее». А он смеется и говорит: «А у меня забрали лошадь!» Сердце у Скарлетт упало: последняя надежда покидала ее. Какая же она дура, как она не подумала о том, что отступающая армия, конечно, уведет с собой всех оставшихся в городе лошадей и заберет все повозки! Оглушенная этой

мыслью, она на какой-то миг перестала даже слышать, что говорит Присси, но тут же овладела собой.

– А он тогда говорит: «Скажи мисс Скарлетт – пусть не тревожится. Я украду для нее лошадь, пусть хоть последнюю во всей армии». И еще он так сказал: «Мне не впервой красть лошадей. Скажи ей: я добуду лошадь, даже если в меня будут стрелять». Потом опять засмеялся и говорит: «Ну, беги домой!» А тут опять ка-ак: бу-ум! И я чуть не упала на дорогу, а он говорит, не надо пугаться, это наши жентмуны жгут арт., аре., ну, чтоб не достались янки, и...

– Так он придет? И пригонит лошадь?

– Вроде так.

Скарлетт с облегчением перевела дух. Если есть хоть малейшая возможность достать лошадь, он достанет. На то он и Ретт Батлер. И она простит ему все его прегрешения, если он вызовет ее отсюда. Бежать! И раз с ними будет Ретт Батлер, ей нечего бояться. Ретт не даст их в обиду. Благодарение небу, что есть на свете Ретт! Забрезжившая надежда на спасение заставила ее вернуться к насущным делам.

– Разбуди Уэйда, одень его и собери нам всем немного вещей в дорогу. Уложи все в маленький сундучок. И не говори мисс Мелани, что мы уезжаем. Пока молчи. Заверни ребенка в две мохнатые простыни и не забудь уложить его пеленки.

Присси все еще цеплялась за ее юбку и выкатывала белки глаз. Скарлетт отпихнула ее, высвободила юбки.

– Живо! – прикрикнула она, и Присси, как испуганный кролик, шмыгнула за дверь.

Скарлетт понимала, что надо пойти успокоить Мелани, которая, верно, сходит с ума от страха, слыша этот чудовищный непрекращающийся грохот, видя полыхающее в небе зарево. Ей, должно быть, чудится, что настал конец света.

Но Скарлетт все еще не могла заставить себя переступить порог этой комнаты. Она спустилась вниз и решила упаковать фарфор и кое-какое серебро, которые мисс Питтипэт не взяла с собой, уезжая в Мейкон. Но у нее так дрожали руки, что в столовой она уронила на пол три тарелки, и они разбились вдребезги. Она выбежала на веранду послушать, не едет ли Ретт, вернулась в столовую, уронила серебро, и оно со звоном рассыпалось по полу. Она роняла все, за что бы ни взялась. Зацепилась за лоскутный коврик и полетела на пол, но тут же вскочила, даже не почувствовав боли от ушиба. Она слышала, что Присси носится наверху по комнатам как угорелая, и это бесило ее, потому что она сама столь же бессмысленно бегала взад-вперед.

В десятый раз выглянув на веранду, она не вернулась в столовую продолжать свое ничемное занятие, а опустилась на ступеньки. Она была просто не в состоянии ничего упаковать! Не в состоянии ничего делать! Оставалось только сидеть и ждать появления Ретта, слыша, как отчаянно колотится сердце. Прошли, казалось, часы, а его все не было. Наконец на дороге послышался негодующий скрип несмазанных колес и медленный неровный топот копыт. Почему он не торопится? Почему не пустит лошадь рысью?

Звуки стали слышны отчетливее, и Скарлетт, вскочив на ноги, окликнула Ретта. Она смутно видела, как он спрыгнул на землю с небольшой повозки, слышала, как скрипнула калитка, и он появился на дорожке. Он направился к ней, и теперь она уже хорошо видела его при свете лампы. Он был одет щегольски, словно собрался на бал: на нем был безукоризненного покроя белый полотняный костюм, серый муаровый, расшитый шелком жилет и в меру пышная гофрированная манишка. Широкополая шляпа была лихо сдвинута набекрень, за поясом виднелись два длинноствольных дуэльных пистолета с рукоятками, инкрустированными слоновой костью, и нечто тяжелое – видимо, патроны оттягивало карманы его сюртука.

В его упругой кошачьей походке было что-то первобытно-дикарское, и посадкой красивой головы он походил на вождя какого-то языческого племени. Эта страшная ночь, вогнавшая

Скарлетт в панику, подействовала на него как глоток хмельного вина. В смуглом лице притаилась хорошо скрытая от глаз беспощадность, которая напугала бы Скарлетт, будь она более проницательна и умей читать, в его взгляде.

В темных глазах Ретта плясали веселые искорки, словно веет происходившее сильно его забавляло, словно адский грохот и зловещее зарево могли напугать только детишек. Когда он поднялся на веранду, Скарлетт подалась вперед навстречу ему – зеленые глаза ее лихорадочно горели на бледном лице.

– Добрый вечер, – сказал он, как всегда манерно растягивая слова, и, сняв шляпу, отвесил ей элегантный поклон. – Отличная погода, не правда ли? Я слышал, вы собираетесь в дорогу?

– Если вы будете насмехаться, я не стану с вами разговаривать, – произнесла она дрожащим голосом.

– Да вы, никак, напуганы? Я просто не верю своим глазам! – Изобразив на лице крайнее удивление, он улыбнулся так, что Скарлетт захотелось спихнуть его с лестницы.

– Да, я напугана! До смерти напугана. И если бы господь и обделил вас мозгами, вы бы испугались тоже. Но у нас нет времени для болтовни. Надо убираться отсюда.

– Я к вашим услугам, мадам. Но куда предполагаете вы направиться? Меня привело сюда обыкновенное любопытство – интересно было узнать, куда вы собрались? Вы не можете поехать ни на север, ни на юг, ни на восток, ни на запад. Повсюду янки. Только одна дорога из города ими пока еще не захвачена, и по этой дороге отступает армия. Но и эта дорога недолго будет в наших руках. Кавалерия генерала Ли ведет арьергардные бои под Рафэнд-Реди, стараясь удержать дорогу до тех пор, пока вся армия не отойдет. Если вы последуете по этой дороге за армией, у вас тут же отберут лошадь, и хотя это животное не многого стоит, мне не так-то просто было его украсть. Так куда же вы направляетесь?

Она стояла, вся дрожа, и слушала его, но слова почти не доходили до ее сознания. Однако, когда он задал свой вопрос, что-то прояснилось у нее в голове, и она внезапно поняла, что на протяжении всего этого злосчастного дня знала, куда ей надо уехать. Только туда.

– Я поеду домой, – сказала она.

– Домой? Вы хотите сказать – в Тару?

– Да, да! В Тару! О, Ретт, нам надо спешить!

Он посмотрел на нее так, словно сомневался, в своем ли она уме.

– В Тару? Бог с вами, Скарлетт! Вы что, не знаете, что под Джонсборо целый день шли бои? На пространстве в десять миль вдоль дороги, от Раф-энд-Реди вплоть до самого Джонсборо и даже на улицах, города! Янки, может быть, уже орудуют в Таре сейчас, а может быть, и во всем графстве. Достоверно никому не известно, где они, но во всяком случае, где-то там, рядом. Вам нельзя ехать домой. Вы напоретесь прямо на армию янки!

– Я хочу домой! – воскликнула она. – И поеду! Поеду!

– Вы просто дурочка! – решительно, грубо сказал он. – Не можете вы ехать в этом направлении. Если даже вы не напоретесь на янки, в лесах полно бродяг и дезертиров из обеих армий. И часть наших войск еще продолжает отступать от Джонсборо. Они, как и янки, не постесняются забрать у вас лошадь. Вам остается только одно: ехать по следам нашей отступающей армии и молят бога, чтобы никто не заметил вас под покровом ночи. А в Тару вам нельзя. Даже если вы туда доберетесь, там, скорее всего, найдете только пепелище. Я не позволю вам ехать домой. Это безумие.

– Нет, я поеду домой! – закричала она, и голос ее сорвался. – Я поеду домой! Вы не можете мне помешать! Я поеду домой! Я хочу к маме! Я убью вас, если вы будете мне мешать! Я хочу домой!

Страшное напряжение этих суток прорвалось наружу истерическими рыданиями, слезы

ярости и страха катились по ее лицу. Она замолотила кулаками по его груди, вскрикивая снова и снова:

– Я хочу домой! Домой! Я пойду пешком! Всю дорогу! И вдруг почувствовала себя в его объятиях – мокрая щека прижата к его крахмальной манишке, усмирненные кулаки притиснуты к его груди. Его руки нежно, успокаивающе гладили ее растрепанные волосы, голос тоже звучал нежно. Так мягко, так нежно, без тени насмешки, словно это был голос не Ретта Батлера, а какого-то совсем незнакомого ей большого, сильного мужчины, от которого так знакомо пахло бренди, табаком и лошадьми – совсем как от Джералда.

– Ну полно, полно, дорогая, – ласково говорил Ретт. – Не плачьте. Вы поедете домой, моя маленькая храбрая девочка. Вы поедете домой. Перестаньте плакать.

Она почувствовала какое-то легкое прикосновение к своим волосам и смятенно подумала, что, верно, он коснулся их губами. Она хотела бы никогда не покидать его объятий – они были так надежны, так нежны. Под защитой этих сильных рук с ней не может приключиться никакой беды.

Достав из кармана платок, он утирал ей слезы.

– Ну, а теперь высморкайтесь, как настоящая пай-девочка, – приказал он, а глаза его улыбались. – И скажите мне, что надо делать. Мешкать нельзя.

Она послушно высморкалась, но ее все еще трясло, и она не могла собраться с мыслями. Заметив, как дрожат ее губы и какой беспомощный подняла она на него взгляд, он начал распоряжаться сам.

– Миссис Уилкс только что разрешилась от бремени? Брать ее с собой опасно, опасно везти двадцать пять миль в тряской повозке. Лучше Оставить ее с миссис Мид.

– Миды уехали. Я не могу ее оставить.

– Решено. Значит – в повозку. Где эта маленькая черная балбеска?

– Наверху, укладывает сундук.

– Сундук? В эту повозку нельзя впихнуть никакой сундук. Вы и сами-то там едва поместитесь, да и колеса могут отлететь. Позовите девчонку и скажите, чтобы она взяла самую маленькую пуховую перинку, какая сыщется в доме, и отнесла в повозку.

Но Скарлетт еще никак не могла найти в себе силы сдвинуться с места. Ретт крепко взял ее за плечо, и ей показалось, что излучаемая им жизненная сила переливается в ее тело. О, если бы они могла быть такой хладнокровной, такой беспечной, как он! Он подтолкнул ее к холлу, но она не двинулась, все так же беспомощно глядя на него. Губы его насмешливо искривились:

– Где же та героическая молодая леди, которая заверяла меня, что не боится ни бога, ни черта?

Внезапно он расхохотался и выпустил ее плечо. Уязвленная, она бросила на него, ненавидящий взгляд.

– Я не боюсь, – сказала она.

– Бойтесь, бойтесь. Того и гляди, упадете в обморок, а у меня нет При себе нюхательных солей.

Не найдясь что ответить, она от беспомощности сердито топнула ногой, молча взяла лампу и стала подниматься по лестнице. Он шел за ней следом, и она слышала, как он тихонько посмеивался про себя, и это заставило ее распрямить плечи. Она прошла в детскую и увидела, что Уэйд, полуодетый, сидит скорчившись на коленях Присси и тихонько икает. А Присси скулит. На кровати Уэйда лежала маленькая перинка, и Скарлетт велела Присси снести ее вниз и положить в повозку. Присси спустила ребенка с коленей и отправилась выполнять приказ. Уэйд побрел следом за ней и, заинтересовавшись происходящим, перестал икать.

– Идемте, – сказала Скарлетт, подходя к двери спальни Мелани, и Ретт последовал за ней с

шляпой в руке.

Мелани лежала тихо, укрытая простыней до подбородка. На белом, словно неживом, лице просветленно сияли запавшие, обведенные темными кругами глаза. Мелани не выказала удивления, увидав входящего к ней в спальню Ретта. Она восприняла это как должное и попыталась даже слабо улыбнуться, но улыбка угасла, едва тронув губы.

– Мы едем ко мне домой, в Тару, – быстро заговорила Скарлетт. – Янки подходят. Ретт отвезет нас. Другого выхода нет, Мелли.

Мелани попыталась кивнуть и показала на младенца. Скарлетт взяла на руки крошечное тельце и завернула в мохнатую простыню. Ретт шагнул к постели.

– Постараюсь не причинить вам боли, – сказал он тихо, подтыкая под нее простыню. – Сможете вы обнять меня за шею?

Мелани подняла было руки, но они бессильно упали. Ретт наклонился, просунул одну руку под плечи Мелани, другую – под колени и осторожно поднял ее. Мелани не вскрикнула, но Скарлетт видела, как она закусил губу и еще больше помертвела. Скарлетт высоко подняла лампу, освещая Ретту дорогу, и тут рука Мелани сделала слабое движение в направлении стены.

– В чем дело? – мягко спросил Ретт.

– Пожалуйста, – прошептала Мелани, пытаясь указать на что-то, – Чарльз.

Ретт внимательно поглядел на нее, думая, что она бредит, но Скарлетт поняла и внутренне вскипела. Мелани хотела взять с собой дагерротипный портрет Чарльза, висевший на стене под его саблей и пистолетом.

– Пожалуйста! – снова зашептала Мелани. – И саблю.

– Хорошо, хорошо, – сказала Скарлетт и, посветив Ретту, пока он осторожно спускался с лестницы, вернулась в спальню и сняла со стены саблю и португую с пистолетом в кобуре. Нести все это вместе с младенцем и лампой было не очень-то с руки. Как похоже на Мелани: сама еле дышит, янки, того и гляди, ворвутся в город, а у нее первая забота – о вещах Чарльза!

Снимая дагерротип со стены, Скарлетт скользнула взглядом по лицу Чарльза. Его большие карие глаза смотрели на нее с портрета, и она приостановилась на миг, с любопытством вглядываясь в его черты. Этот человек был ее мужем и несколько ночей делил с ней ложе, и она родила ему ребенка с таким же кротким взглядом больших карих глаз. И все же она почти не помнила его лица.

Младенец у нее на, руках выпростал крошечные кулачки и тихонько захныкал, и она наклонилась к нему. Впервые до ее сознания дошло, что этот ребенок – сын Эшли, и внезапно со всей страстью; на какую еще было способно ее истерзанное существо, она возжелала, чтобы это был ее ребенок – ее ребенок и Эшли.

Присси вприпрыжку взбежала по лестнице. Скарлетт передала ей младенца, и они стали торопливо спускаться одна за другой, а лампа отбрасывала на стену их странно колеблющиеся тени. В холле Скарлетт увидела чепец, поспешно нахлобучила его себе на голову и завязала ленты под подбородком. Этот траурный чепец Мелани был не совсем в пору Скарлетт, но припомнить, где ее собственная шляпа, Скарлетт не могла.

Она вышла из дома, взяла лампу и спустилась с веранды, стараясь, чтобы сабля не била ее по ноге. Мелани, вытянувшись, лежала на дне повозки и рядом с ней – Уэйд и закутанный в простыню младенец. Присси забралась в повозку и взяла младенца на руки.

Повозка была тесная, с низкими бортиками. Колеса как-то странно кривились внутрь, и казалось, они вот вот соскочат с осей.

Скарлетт поглядела на лошадь, и сердце ее упало. Это было жалкое, изнуренное создание. Лошадь стояла, низко свесив голову. Спина у нее была стерта упряжью в кровь, и, услышав ее дыхание, Скарлетт подумала, что ни одна здоровая лошадь так дышать не может.

– Не слишком шикарный выезд, да? – с усмешкой заметил Ретт. – Как бы она не пала в оглоблях. Но ничего лучшего я раздобыть не мог. Когда-нибудь я расскажу вам, слегка, конечно, все приукрасив, где и как я ее украл и как в меня едва не всадили пулю. Только неизменная преданность вам могла подвигнуть меня в моем почтенном возрасте сделаться конокрадом, да к тому же польститься на эту клячу. Позвольте помочь вам подняться в экипаж.

Он взял у нее лампу и поставил на землю. Козлы представляли собой просто узкую доску, положенную поперек повозки. Ретт поднял Скарлетт на руки и посадил на эту доску. Как чудесно быть мужчиной, да еще таким сильным, как Ретт, подумала Скарлетт, оправляя юбки. Когда Ретт был рядом, она ничего не боялась: ни пожаров, ни взрывов, ни янки.

Он взобрался на козлы рядом с ней и взял вожжи.

– Ох, постойте! – воскликнула она. – Я забыла запереть парадную дверь.

Ретт расхохотался и хлестнул лошадь вожжой.

– Чему вы смеетесь?

– Смеюсь над вами – вы хотите преградить путь янки с помощью замка? – сказал он, и лошадь медленно, неохотно тронулась с места. Оставленная лампа продолжала гореть, отбрасывая на землю желтое пятно света, которое все уменьшалось и уменьшалось по мере того, как их повозка удалялась от дома.

Ретт гнал по Персиковой улице на запад свою заморенную клячу: повозку немилосердно трясло на колдобинах, и у Мелани порой вырывались сдавленные стоны. Темные, молчаливые дома маячили где-то по обеим сторонам улицы, темные ветви деревьев сплетались над головой. Светлые столбы изгородей, словно могильные надгробья, неясно белея, выступали из темноты. Узкая улица казалась уходящим во мрак туннелем, но сквозь густой лиственный шатер над головой просвечивали грозные багровые сполохи, и черные пятна теней, словно обезумевшие призраки, метались по земле. Все явственней и явственней становился запах дыма, а с жарким дуновением ветра все слышней делались долетавшие из центра города, как из преисподней, крики, глухой грохот армейских фургонов и тяжелый топот марширующих ног. Когда Ретт, натянув вожжи, свернул на другую улицу, новый оглушительный взрыв потряс воздух и чудовищный язык пламени и дыма взвился на западном краю неба.

– Должно быть, взорвался последний вагон с боеприпасами, – спокойно произнес Ретт. – Почему они не угнали его сегодня утром, идиоты! Времени было предостаточно. Что ж, тем хуже для нас. Я рассчитывал, отклонившись от центра города, проехать подальше от пожарниц и всего этого пьяного сброда на Декейтерской улице и, не подвергая вас опасности, выбраться из города юго-западной окраиной. Но нам так или иначе придется пересечь где-то улицу Мариетты, а насколько я понимаю, взрыв произошел неподалеку оттуда.

– Нам что же – нужно будет пробиваться сквозь огонь? – дрожащим голосом спросила Скарлетт.

– Надеюсь, нет, если поторопимся, – сказал Ретт, соскочил с повозки и скрылся в глубине какого-то двора. Он вернулся оттуда с отломанной от дерева веткой, которой принялся безжалостно погонять лошадь. Животное припустилось неровной рысцей, хриплое дыхание с шумом вырывалось у него из ноздрей, повозку швыряло из стороны в сторону, и всех ехавших в ней подбрасывало, как кукурузные зерна на раскаленной сковороде. Заплакал младенец. Присси и Уэйд заревели во всю мочь, больно стучаясь о края повозки. Но Мелани не издала ни звука.

Когда они уже подъезжали к улице Мариетты, деревья поредели, и от объятых огнем зданий и бушевавшего в вышине пламени на улице стало светло, как днем, а пляшущие тени метались, словно разодранные бурей паруса тонущего корабля.

У Скарлетт от страха зуб на зуб не попадал, но сама она этого даже не замечала. Ее трясло как в ознобе, хотя жар полыхал ей в лицо. Ад разверзся, и если бы дрожащие ноги ей повиновались, она выскочила бы из повозки и с визгом бросилась бы обратно во мрак, обратно под спасительную крышу дома мисс Питтипэт. Она теснее прижалась к Ретту, вцепилась трясущимися пальцами в его рукав и молча всматривалась в его лицо, ожидая хоть слова ободрения. В алых отблесках огня профиль Ретта – красивый, жесткий, насмешливый – вырисовывался четко, как на античных монетах. Когда она прижалась к нему, он обернулся, и блеск его глаз обжег ее, испугал, как вырвавшееся наружу пламя. Скарлетт казалось, что он полон какого-то презрительного и бесшабашного ликования, словно все происходящее доставляет ему только радость и он с упоением спешит навстречу аду, к которому они с каждой минутой приближались.

– Держите, – сказал он, вытаскивая один из двух заткнутых у него за пояс длинноствольных пистолетов, – и если только кто-нибудь – белый ли, черный ли – приблизится с вашей стороны к повозке и попытается остановить лошадь, стреляйте в него, а разбираться будем потом. Только упаси вас бог – не подстрелите при этом нашу клячу.

– Я... У меня есть оружие, – прошептала Скарлетт, сжимая в руке лежавший у нее на коленях пистолет и твердо зная, что даже перед лицом смерти побоится спустить курок.

– Есть оружие? Откуда вы его взяли?

– Это Чарльза.

– Чарльза?

– Ну да, Чарльза – моего мужа.

– А у вас в самом деле был когда-то муж, малютка? – негромко проговорил Ретт и рассмеялся.

Хоть бы уж он перестал смеяться! Хоть бы скорее увез ИХ отсюда!

– А откуда же, по-вашему, у меня ребенок? – с вызовом спросила она.

– Ну, муж – это не единственная возможность...

– Замолчите и поезжайте быстрее! Но он внезапно натянул вожжи, почти у самой улицы Мариетты, возле стены еще не тронутого огнем склада.

– Скорей же! – Это было единственное, о чем она могла думать: – Скорей! Скорей!

– Солдаты! – произнес он.

Они шли по улице Мариетты, мимо пылающих зданий, шли походным строем, насмерть измученные, таща как попало винтовки, понуро опустив головы, уже не имея сил прибавить шагу, не замечая ни клубов дыма, ни рушащихся со всех сторон горящих обломков. Шли ободранные, в лохмотьях, неотличимые один от другого, солдаты от офицеров, – если бы у последних обтрепанные поля шляп не были пришпилены к тулье кокардой армии конфедератов. Многие были босы, у кого голова в бинтах, у кого рука. Они шли, не глядя по сторонам, безмолвные как привидения, и лишь топот ног по мостовой нарушал тишину.

– Поглядите на них внимательно, – услышала Скарлетт голос Ретта. – Потом будете рассказывать своим внукам, что видели арьергард Нашей Великой Армии в момент ее отступления.

Внезапно она почувствовала к нему острую ненависть – такую всепоглощающую, что на какой-то миг это чувство заглушило даже страх – жалкий, презренный страх, как показалось ей в эту минуту. Она знала, что и ее собственная безопасность, и безопасность всех остальных – тех, кто там, у нее за спиной в этой повозке, – в его руках, и только в его, и все же она не могла не испытывать к нему ненависти за издевательские слова об этих несчастных в лохмотьях. Промелькнула мысль о мертвом Чарльзе, об Эшли, который, быть может, тоже уже мертв, о всех веселых, храбрых юношах, гниющих в наспех вырытых могилах, и она забыла, что сама когда-то

называла их про себя дураками. Она не произнесла ни слова, только в бессильном бешенстве поглядела на Ретта, и взгляд ее горел ненавистью и презрением.

Уже проходили последние ряды колонны, когда какая-то маленькая фигурка с волочащейся по земле винтовкой покачнулась и стала, глядя вслед уходящим. Скарлетт увидела отупевшее от усталости лицо, бессмысленное, как у лунатика. Солдат был не выше ее ростом – не больше, казалось, своей винтовки. И лицо – безусое, перепачканное грязью. «Лет, верно, шестнадцать, – пронеслось у Скарлетт в уме, – верно, из внутреннего охранения, а может, просто сбежавший из дому школьник».

Она продолжала наблюдать за ним, и в этот миг у мальчишки подогнулись колени и он повалился ничком на землю. Двое мужчин молча вышли из последнего ряда колонны и направились к нему. Один – высокий, худой, с черной бородой почти до пояса – все так же молча протянул свою винтовку и винтовку упавшего другому. Затем наклонился и с ловкостью фокусника закинул тело мальчишки себе на плечо. Не спеша, чуть согнувшись под своей ношей, он зашагал следом за удалявшимся отрядом, а мальчишка яростно выкрикивал, точно рассерженный ребенок:

– Отпусти меня, черт бы тебя побрал! Отпусти меня! Я могу идти!

Бородатый не произнес ни слова в ответ и вскоре скрылся за поворотом дороги.

Ретт сидел неподвижно, опустив вожжи, и глядел им вслед. Смуглое лицо его было странно задумчиво. Внезапно раздался треск рушащихся бревен, и узкий язык пламени взвился над кровлей склада, в тени которого стояла их повозка. Огненные вымпелы и стяги торжествующе взвились к небу у них над головой. Дым разъедал ноздри, Уэйд и Присси раскашлялись. Младенец чуть слышно посапывал.

– Боже милостивый, Ретт! Вы что – совсем рехнулись? Чего мы стоим? Гоните! Гоните же скорей!

Ретт, не отвечая, безжалостно хлестнул лошадь хворостиной, и она рванулась вперед. Повозка, дико раскачиваясь из стороны в сторону, опять затряслась по улице Мариетты, пересекая ее наискось. Перед ними открылся недлинный, узкий, похожий на огненное ущелье проулок, который вел к железнодорожным путям. Все здания по обеим его сторонам горели, и повозка ринулась туда. Их обдало испепеляющим жаром, ослепило сверканием тысячи раскаленных солнц, оглушило чудовищным треском и грохотом. Какие-то, подобные вечности, мгновения они находились в центре огненного вихря, затем внезапно их снова обступил полумрак.

Когда они неслись по горячей улице и с грохотом пересекали железнодорожное полотно, Ретт молча, размеренно нахлестывал лошадь. Лицо его было сосредоточенно и замкнуто, мысли, казалось, бродили где-то далеко. И невеселые, как видно, были это мысли – так ссутулились его широкие плечи, так твердо были сжаты челюсти. Жаркий пот струями стекал со лба и щек, но он его словно не замечал.

Он свернул в какую-то боковую улочку, затем в другую, и повозка так пошла колесить из одного узкого проулка в другой, что Скарлетт совершенно утратила всякое представление о том, где они находятся, а рев пожара замер уже далеко позади. И по-прежнему Ретт не произносил ни слова. Только размеренно, методично нахлестывал лошадь. Багровые сполохи огня гасли в небе, и путь беглецов уходил в такой мрак, что Скарлетт рада была бы услышать от Ретта хоть единое слово – даже насмешливое, даже язвительное, обидное. Но он молчал.

Ладно, пусть молчит – все равно она благословляла небо за то, что он здесь и она под его защитой. Хорошо, когда рядом мужчина, когда можно прижаться к нему, почувствовать крепость его плеча и знать, что между нею и безмолвным ужасом, наползающим из мрака, есть он. Даже если он молчит и лишь неотрывно смотрит вперед.

– О, Ретт! – прошептала она, сжимая его руку. – Что бы мы делали без вас! Какое счастье, что вы не в армии!

Он повернулся и посмотрел ей в глаза – посмотрел так, что она выпустила его руку и невольно отшатнулась. В его взгляде не было больше насмешки. Только откровенная злоба и что-то похожее на растерянность. Потом презрительная усмешка искривила его рот, и он отвернулся. Еще долгое время они продолжали ехать в полном молчании, подсакивая на рытвинах, и лишь жалобное попискивание младенца и сопение Присси нарушали тишину, пока Скарлетт, потеряв терпение, не ущипнула служанку со всей мочи, отчего та дико взвизгнула и испуганно примолкла.

Наконец Ретт круто свернул куда-то вправо, и вскоре они выехали на широкую, довольно ровную дорогу. Неясные очертания, каких-то строений стали попадаться все реже и реже, а за ними по обеим сторонам темной стеной стоял лес;

– Вот мы и выбрались из города, – сухо сказал Ретт, натягивая вожжи. – Это основная дорога на Рафэнд-Реди.

– Так поехали же скорей! Не останавливайтесь!

– Пусть это животное немного передохнет, – сказал Ретт и, повернувшись к Скарлетт, спросил с расстановкой выговаривая слова: – Вы твердо решились на этот безумный шаг, Скарлетт?

– На какой?

– Вы по-прежнему хотите пробираться домой? Это же самоубийство. Между вами и Тарой находится армия янки и кавалерия Стива Ли.

О, великий боже! Уж не хочет ли он теперь, после всех чудовищных испытаний, через которые она прошла, отступить от нее и не везти домой?

– Да, да, конечно, хочу! Ретт, умоляю, поехали скорее! Лошадь не так уж устала.

– Обождите. Ехать по этой дороге до самого Джонсборо нельзя. Она идет вдоль железнодорожного пути. А за железную дорогу к югу от Раф-энд-Реди весь день сегодня шли бои. Вы знаете какие-нибудь другие дороги, небольшие проселки, тропы, которыми можно миновать Раф-энд-Реди и Джонсборо?

– Знаю! – обрадованно воскликнула Скарлетт. – Не доезжая до Раф-энд-Реди есть проселок, он ответвляется от главной дороги на Джонсборо и тянется дальше на много миль. Мы часто катались там верхом. Эта дорога выводит прямо к усадьбе Макинтошей, а оттуда всего миля до Тары.

– Ну что ж. Может быть, вам удастся объехать Раф-энд-Реди стороной. Генерал Стив Ли целый день прикрывал там отступление. Возможно, янки еще и не прорвались туда. Может быть, вам повезет и вы проскользнете, если солдаты Ли не отберут у вас лошадь.

– Мне... Я проскользну?

– Да, вы. – Голос его звучал резко.

– Но, Ретт..., а вы... Разве вы не отвезете нас?

– Нет. Здесь я вас покидаю.

Не веря своим ушам, она в растерянности поглядела вокруг – на сумрачное, лиловато-синее небо позади, на темные стволы деревьев, обступавшие их, словно тюремная стена, со всех сторон, на испуганные фигуры в повозке и – на него. Может быть, она не в своем уме? Или ослышалась?

А он теперь уже откровенно усмеялся. Она видела, как белеют в полумраке его зубы, а в глазах блеснула привычная насмешка.

– Вы нас покидаете? Куда же..., куда вы уходите?

– Я ухожу вместе с армией, моя дорогая.

Она перевела дух – с досадой, но и с облегчением. Нашел время шутить! Ретт – в армии! Не он ли вечно насмеялся над дураками, которые позволили увлечь себя барабанным боем и трескучей болтовней ораторов и сложили голову на поле боя, чтобы те, кто поумнее, могли набивать себе карманы!

– Так бы, кажется, и задушила вас – зачем вы меня пугаете! Ну, поехали!

– Я вовсе не шучу, моя дорогая. И я очень огорчен, Скарлетт, что вы так дурно восприняли мой героический порыв. Где же ваш патриотизм и ваша преданность нашему Доблестному Делу? Я даю вам возможность напутствовать меня: «Возвращайтесь со щитом или на щите!» Но поспешите, ибо я должен еще произнести небольшой, исполненный благородной отваги спич, прежде чем отбыть на поле брани.

Его тягучая речь резала ей слух. Он издевается над ней! Но вместе с тем она почему-то чувствовала, что он издевается и над собой тоже. О чем это он толкует? Патриотизм..., со щитом или на щите..., поле брани? Не всерьез же он все это говорит? Не может же он так беспечно заявлять о том, что хочет покинуть ее здесь, на этой темной дороге, покинуть вместе с новорожденным младенцем, с женщиной, которая, быть может, вот-вот умрет, с дурой-негритянкой и насмерть перепуганным ребенком и предоставить ей самой тащить их всех по полям сражений, где кругом янки, и дезертиры, и стрельба, и бог весть что еще?

Когда-то, шестилетней девчонкой, она однажды свалилась с дерева – упала плашмя, прямо на живот. Она и сейчас еще помнит это ужасное мгновение, пока к ней не возвратилась способность дышать. И вот теперь она смотрела на Ретта и вдруг ощутила то же самое: перехватило дыхание, закружилась голова..., оглушенная, она ловила воздух ртом.

– Ретт! Вы шутите?

Она вцепилась в его локоть и почувствовала, как слезы капают у нее из глаз на скрюченные пальцы. Он взял ее руку и слегка прикоснулся к ней губами.

– До конца верны себе в своем эгоизме, моя дорогая? Все мысли только о собственной драгоценной шкуре, а не о нашей славной Конфедерации? Подумайте о том, как вдохновит наши доблестные войска мое внезапное появление в их рядах в последнюю решающую минуту! – Голос его звучал вкрадчиво и ехидно.

– О, Ретт! – всхлипнула она. – Как можете вы так поступать со мной? Почему вы покидаете меня?

– Почему? – Он беспечно рассмеялся. – Возможно, из-за проклятой чертовой сентиментальности, которая таится в каждом из нас, южан. А возможно..., возможно, потому, что мне стыдно. Как знать!

– Стыдно? Разумеется, вы должны сгорать со стыда! Бросить нас здесь одних, беспомощных...

– Дорогая Скарлетт! Уж вы-то не беспомощны! Человек столь себялюбивый и столь решительный ни в каком положении не окажется беспомощным. Я не позавидую тем янки, которые попадутся на вашем пути.

Он соскочил на землю – Скарлетт в испуге смотрела на него онемев – и подошел к повозке с того края, где сидела она.

– Слезайте! – приказал он.

Она молча смотрела на него во все глаза. Он грубо взял ее под мышки и, приподняв с козел, опустил на землю рядом с собой. Затем решительно потянул прочь от повозки в сторону. Она чувствовала, как песок и камешки, набившиеся в туфли, больно колют ей ступни. Душная тишина ночи обволакивала ее, как в тяжком сне.

– Я не стану просить вас ни понять меня, ни простить. Мне, в общем-то, безразлично, будет ли это доступно вашему пониманию, так как я сам никогда не пойму и не прощу себе этого

идиотского поступка. Меня бесит мое еще не изжитое до конца донкихотство. Но наш прекрасный Юг нуждается сейчас в каждом мужчине. Ведь кажется, именно так заявил наш отважный губернатор Браун? Впрочем, это не важно. Я уйду на войну. – Внезапно он расхохотался – звонко, от души, разбудив эхо в глубине темного леса. – «Тебя любить не мог бы я столь сильно, когда б превыше не любил я Честь». [note 6](#) Очень подходящие к случаю слова, не так ли? И уж конечно, лучше всего, что я мог бы придумать сам в такую, как сейчас, минуту. Ведь я люблю вас, Скарлетт, невзирая на то, что сказал вам когда-то ночью, месяц назад, у вас на веранде.

В медлительной речи его звучала ласка, и его теплые, сильные руки сжали ее голые локти.

– Я люблю вас, Скарлетт, потому что мы с вами такие родственные души. Мы оба отступники, моя дорогая, и низкие себялюбцы. Плевать мы хотели на все на свете – лишь бы нам самим было хорошо, а там пропади все пропадом.

Его голос продолжал долетать до нее из мрака, она слышала слова, но они звучали бессмысленно. Ее усталый мозг старался воспринять жестокую истину – Ретт покидает ее здесь, оставляет на произвол янки. В мозгу стучало: «Он покидает меня: Он покидает меня». Но мысль эта не пробуждала в ней никаких эмоций.

А потом она почувствовала его руки вокруг своей талии, вокруг своих плеч, ощутила твердые мускулы его бедер, и пуговицы его сюртука впились ей в грудь. Жаркая тревожная волна поднялась со дна ее души, сметая все, заставляя забыть, где она и что с ней происходит. Она почувствовала, что слабеет, что беспомощна, как тряпичная кукла, в его руках, а эти руки были так успокоительно надежны.

– Вы не хотите изменить своего решения? Помните, о чем я говорил вам месяц назад? Опасность, близость смерти – что еще может придать такую остроту ощущениям? Будьте же настоящей патриоткой, Скарлетт. Сумейте дать сладостные воспоминания вашему воину, посылая его на смерть.

Он целовал ее. Она чувствовала шершавость его усов на своих губах, его поцелуй был долгим, неспешным, его горячие губы медлили, прильнув к ее губам, словно впереди у него была еще целая ночь, Чарльз никогда не целовал ее так. И никогда от поцелуев Тарлтонов или братьев Калвертов не творилось с ней такого: ее обдавало то жаром, то холодом, колени у нее слабели и ноги подкашивались. Он слегка отклонил ее назад, и его губы скользнули по ее шее ниже, туда, где вырез лифа был застегнут тяжелой камеей.

– Радость моя, – шептал он. – О, моя радость! Как в тумане, возникли перед ней на мгновение неясные очертания повозки, и она услышала тоненький дрожащий голосок Уэйда:

– Мама! Мне страшно!

Резкий, холодный луч здравого смысла внезапно вспыхнул в ее усталом, затуманенном мозгу, и в памяти сразу воскресло то, что на какой-то миг изгладилось из сознания: ей тоже страшно, безумно страшно, а Ретт покидает ее, негодяй, подлец! И к тому же у него еще хватает наглости, стоя здесь, посреди дороги, оскорблять ее, делать ей гнусные предложения! Гнев, ненависть придали ей силы, и, резко оттолкнув его, она вырвалась из кольца объятий.

– Ох, ну и подлец же вы! – воскликнула она, в бессильном бешенстве тщетно стараясь припомнить все самые страшные ругательства, какими Джералд осыпал мистера Линкольна, или Макинтошей, или своих упрямых мулов, но никакие бранные слова не шли ей на ум. – Вы жалкий трус, мерзкое ничтожество! – И, не находя больше достаточно уничтожающих слов, она из последних сил ударила его с размаху по лицу, и удар пришелся по губам. Он отступил на шаг назад и поднес к губам руку.

– Вот как, – проговорил он, и с минуту они молча стояли в темноте, глядя друг на друга. Скарлетт слышала его тяжелое дыхание и свое – такое учащенное, словно она бежала бегом.

– Правду говорили про вас! Все говорили правду! Вы – не джентльмен!

– Слабо, моя дорогая, – произнес он, – очень слабо. Она понимала, что он снова смеется над ней, и эта мысль еще подхлестнула ее.

– Ступайте прочь! Прочь от меня! Уходите, слышите? Я не желаю вас больше видеть. Никогда. Я буду счастлива, если вас разорвет снарядом! На тысячи кусков! Я...

– Не утруждайте себя подробностями. Основная мысль ваша мне ясна. Когда я сложу голову на алтарь отечества, вам, боюсь, придется испытать легкий укол совести.

Он снова рассмеялся, повернулся и зашагал обратно к повозке. Там он остановился, и она слышала, как изменился его голос, когда он, как всегда почтительно и учтиво, обратился к Мелани:

– Миссис Уилкс!

Послышался испуганный лепет Присси:

– Господи боже, капитан Батлер! Мисс Мелли вот уж сколько лежит вся помертвелая!

– Она жива? Дышит?

– Да, сэр. Дышать-то дышит.

– Так даже лучше для нее. Приди она в сознание, ей труднее было бы переносить боль. А ты получше позаботься о ней, Присси. Вот, возьми себе эту маленькую монетку. И если можешь, старайся не быть большей душой, чем ты есть на самом деле.

– Да, сэр. Спасибо, сэр.

– Прощайте, Скарлетт.

Она знала, что он обернулся и смотрит на нее, но не проронила ни слова. Ненависть сковала ей язык. Послышался хруст камешков под его ногами, и на мгновение в полутьме проглянули очертания его широких плеч. И вот он скрылся из глаз. Какое-то время до нее еще долетал звук его шагов. Затем и шаги замерли вдали. Она медленно побрела назад к повозке. Колени у нее подгибались.

Почему он ушел, скрылся во мраке, ушел на войну, которая уже проиграна, ушел туда, где царят безумие и хаос? Почему он ушел, он, Ретт, так любивший наслаждения, женщин, вино, добрую еду и мягкую постель, тонкое белье и щегольскую обувь? Он, презиравший Юг и всех идиотов, которые за него сражались? И вот теперь он сам избрал этот путь, чтобы шагать в своих надраенных сапогах по дорогам голода, ран, изнурительных переходов и опасностей, подстерегающих солдата на каждом шагу, как лязгающие зубами волки. А в конце этого пути стояла смерть. Он не должен был никуда уходить. Он богат, мог жить в довольстве, ничто ему не угрожало. Но он ушел и оставил ее одну в этой черной, слепой ночи, с притаившимися где-то янки, одну, вдали от дома.

Теперь ей сразу пришли на память все те бранные слова, которые она хотела бросить ему в лицо, но было уже поздно. Она прислонилась головой к шее лошади и заплакала.

Яркий свет солнечных лучей, пробившихся сквозь листву, разбудил Скарлетт. От неудобного положения, в котором ее сморил сон, тело у нее занемело, и она не сразу припомнила, что с ней произошло. Солнце слепило глаза, спину ломило от лежания на твердых досках, ноги придавливала какая-то тяжесть. Она попыталась сесть и поняла, что эта тяжесть – голова Уэйда, покоящаяся у нее на коленях. Босые ноги Мелани почти касались ее лица, Присси, похожая на черную кошку, свернулась клубочком на дне повозки, уместив младенца между собой и Уэйдом.

И тут Скарлетт вспомнила все. Она выпрямилась, села и торопливо осмотрелась вокруг. Слава богу, янки нигде не было видно! И за эту ночь никто не обнаружил их повозки. Теперь перед ней уже отчетливо встал весь этот страшный, похожий на чудовищный кошмар путь, проделанный ими после того, как шаги Ретта замерли вдаль, – вся эта бесконечная ночь, черный проселок, рытвины, разбитые колеи, камни, глубокие канавы по сторонам дороги, куда порой съезжала повозка, и как она и Присси, гонимые страхом, из последних сил тянули за колеса, толкали повозку, помогая лошади выбраться на дорогу. Вспомнилось, как, заслышав приближающихся солдат, дрожа от страха, не зная, кто они, эти идущие мимо, – друзья или враги, сгоняла она упиравшуюся лошадь с дороги в поле или в лес, как замирала от ужаса при мысли, что чей-нибудь кашель, чиханье или икота Уэйда могут их выдать.

О, эта черная дорога, по которой, словно привидения, двигались безмолвные тени, нарушая тишину лишь негромким стуком сапог по земле, позвякиванием уздечек, поскрипыванием сбруи! О, это страшное мгновение, когда измученная кляча внезапно заартачилась и стала, и мимо них по дороге прошел конный отряд, таща за собой легкие орудия, – прошел так близко, что ей казалось, – стоит протянуть руку, и она коснется их! Так близко, что она слышала едкий запах потных солдатских тел!

Когда они добрались наконец до Раф-энд-Реди, впереди – там, где последний заслон генерала Ли стоял в ожидании приказа к отступлению, – замелькали редкие бивачные огни. С милю Скарлетт гнала лошадь прямо по пашне, огибая расположение войск, пока огни лагеря не скрылись из глаз, оставшись позади. И тут она окончательно заплуталась в темноте и долго плакала, потому что ей никак не удавалось выехать на узкий, так хорошо знакомый проселок. А когда она все же нашла его, лошадь упала в упряжи и не желала сделать больше ни шагу, не желала подняться, сколько они с Присси ни пихали ее и ни тянули под уздцы.

Тогда Скарлетт распрягла лошадь, забралась, взмокшая от пота, в глубину повозки и вытянула гудевшие от усталости ноги. Ей смутно припомнилось, что, когда у нее уже слипались глаза, до нее долетел голос Мелани – чуть слышный шепот, в котором были и мольба и смущение:

– Скарлетт, можно мне глоточек воды? Пожалуйста!

– Воды нет... – пробормотала она и уснула, не договорив. А теперь было утро, и мир вокруг был торжественно тих – зеленый, золотой от солнечных бликов в листве. И поблизости никаких солдат. Горло у нее пересохло от жажды, ее мучил голод, занемевшие ноги сводила судорога, все тело ныло, и ей просто не верилось, что это она, Скарлетт О'Хара, привыкшая спать только на льняных простынях и пуховых перинах, могла уснуть, как черная рабыня, на голых досках.

Щурясь от солнца, она поглядела на Мелани и испуганно ахнула. Мелани лежала так неподвижно и была так бледна, что показалась Скарлетт мертвой. Никаких признаков жизни. Лежала мертвая старая женщина с изнуренным лицом, полускрытым за спутанными прядями черных волос... Но вот Скарлетт уловила чуть заметный шелест дыхания и поняла, что Мелани

удилось пережить эту ночь.

Прикрываясь рукой от солнца, Скарлетт поглядела по сторонам. По-видимому, они провели ночь в саду под деревьями чьей-то усадьбы, так как впереди, извиваясь между двумя рядами кедров, убегала вдаль посыпанная песком и галькой подъездная аллея.

«Да ведь это же усадьба Мэллори!» – подумала вдруг Скарлетт, и сердце у нее подпрыгнуло от радости при мысли, что она у друзей и получит помощь.

Но мертвая тишина царила вокруг. Цветущие кусты и трава газона – все было истоптано, истерзано, выворочено из земли колесами, копытами лошадей, ногами людей. Скарлетт поглядела туда, где стоял такой знакомый, светлый, обшитый тесом дом, и увидела длинный прямоугольник почерневшего гранитного фундамента и две высокие печные трубы, проглянувшие сквозь пожухлую, обугленную листву деревьев. Вся дрожа, она с трудом перевела дыхание. А что, если такой же – безмолвной, мертвой – найдет она и Тару, – что, если и ее сровняли с землей?

«Я не буду думать об этом сейчас, – поспешно сказала она себе. – Я не должна об этом думать. Не то опять сойду с ума от страха». Но независимо от ее воли, сердце мучительно колотилось, и каждый удар звучал как набат: «Домой! Скорей! Домой! Скорей!» Надо ехать дальше – домой. Но прежде надо найти чего-нибудь поесть и хоть глоток воды – в первую очередь воды. Она растолкала Присси. Та, выпучив глаза, оглядывалась по сторонам.

– Господи боже, мисс Скарлетт! Я уж думала, что проснусь на том свете!

– Ты туда еще не скоро попадешь, – сказала Скарлетт, пытаясь кое-как пригладить растрепавшиеся волосы. И лицо, и все тело у нее были еще влажными от пота. Она казалась себе невыносимо грязной, липкой, неприбранной, ей даже почудилось, что от нее дурно пахнет. За ночь платье невообразимо измялось, и никогда еще не чувствовала она себя такой усталой и разбитой. От неистового напряжения этой ночи болели даже такие мускулы, о существовании которых она и не подозревала, и каждое движение причиняло страдания.

Скарлетт поглядела на Мелани и увидела, что она открыла глаза. Совсем больные глаза, отекающие, обведенные темными кругами, пугающие своим лихорадочным блеском. Растрескавшиеся губы дрогнули, послышался молящий шепот:

– Пить!

– Вставай, Присси! – сказала Скарлетт. – Пойдем к колодцу, достанем воды.

– Мисс Скарлетт, как же мы... Может, там мертвяки, а может, духи убитых!..

– Я из тебя самой вышибу дух, если ты тотчас не вылезешь из повозки, – сказала Скарлетт, отнюдь не расположенная к пререканиям, и сама кое-как, с трудом спустилась на землю.

И только тут она вспомнила про лошадь. Боже правый, а что, если эта кляча за ночь пала? Когда ее распрягали, было похоже, что ей пришел конец. Скарлетт бросилась к передку повозки и увидела лежавшую на боку лошадь. Если лошадь сдохла, она сама умрет тут же на месте, послав небесам свое проклятие! Кто-то там, в Библии, уже поступил однажды точно так же. Проклял бога и умер. Сейчас она понимала, что, должно быть, чувствовал тот человек. Но лошадь была жива – она дышала тяжело, полузакрывшие глаза слезились, но она еще жила. Ладно, глоток воды придаст ей сил.

Присси с большой неохотой и громкими стонами выбралась из повозки и, боязливо озираясь, поплелась следом за Скарлетт по аллее. Беленные известкой хижинки рабов – молчаливые, опустевшие – стояли в тени деревьев позади пепелища. Где-то между этими хижинами и еще дымившимся фундаментом дома нашелся колодец – и даже с уцелевшей крышей, и на веревке висело спущенное вниз ведро. С помощью Присси Скарлетт вытянула ведро из колодца, и, когда из темной глубины показалась прохладная, поблескивавшая на солнце вода, она наклонила ведро, прильнула к краю губами и шумно, захлебываясь, принялась

глотать воду, проливая ее на себя.

Она пила и пила, пока не услышала жалобно-ворчливый голос Присси:

– Мне тоже хотца попить, мисс Скарлетт! Это заставило Скарлетт очнуться и вспомнить, что она здесь не одна.

– Отвяжи веревку, отнеси ведро в повозку и напои всех. Остальное отдай лошади. Как ты думаешь, мисс Мелани может покормить младенца? Он же умрет с голоду.

– Господи, мисс Скарлетт, да у мисс Мелли нет же молока. Да у нее и не будет.

– Откуда ты знаешь?

– Я много повидала таких, как она.

– Не морочь мне голову! Много ты понимала вчера, когда надо было принимать ребенка! Ладно, беги! Я попробую найти чего-нибудь поесть.

Поиски Скарлетт долго оставались безуспешными, пока, наконец, в фруктовом саду она не обнаружила немного яблок. Солдаты побывали здесь раньше нее, и на деревьях яблок не было, но она подобрала несколько полусгнивших – в траве. Выбрав те, что получше, она сложила их в подол и побрела обратно по мягкой земле, чувствуя, как мелкие камешки набираются в ее легкие туфли. Как это не подумала она вчера надеть какие-нибудь башмаки покрепче? Почему не взяла свою шляпу от солнца? Не захватила какой-нибудь еды в дорогу? Она вела себя как круглая, идиотка. Впрочем, она же думала, что Ретт, конечно, позаботится обо всем.

Ретт! Она ожесточенно сплюнула на землю, словно само это имя оставляло мерзкий привкус во рту. Как она ненавидит его! Как гнусно он с ней поступил! А она еще стояла там, на дороге, и позволяла ему целовать себя, и ей это даже нравилось! Должно быть, она потеряла рассудок тогда, ночью. Но какой же он низкий, презренный человек!

Она вернулась к повозке, оделила всех яблоками, а оставшиеся бросила в повозку. Лошадь поднялась на ноги, но вода, казалось, не особенно освежила ее. Теперь, при свете дня, вид у лошади был ужасней, чем ночью. Кости крупы выпирали, как у старой коровы, ребра напоминали стиральную доску, а на спине не было живого, неисхлестанного места. Впрягая лошадь в повозку, Скарлетт с трудом заставляла себя прикоснуться к этой кляче, а надевая удила, заметила, что у лошади попросту не осталось ни единого зуба. Да она стара, как эти холмы! Раз уж Ретт взялся красть, так мог бы украсть что-нибудь и получше!

Она взобралась на сиденье и хлестнула лошадь веткой гикори. Кляча засопела, захрипела и тронулась с места, но, свернув на знакомый проселок, Скарлетт увидела, что без особого труда быстрее дошла бы пешком – так медленно двигалось это животное. Ах, если бы все они – и Мелани, и Уэйд, и младенец, и Присси – не висели у нее на шее! Она бы мигом добралась домой. Да, она бы побежала бегом, бегом всю дорогу – домой, к маме!

До дома оставалось не больше пятнадцати миль, но старая кляча тащилась так медленно и ей так часто приходилось давать отдых, что на это путешествие у них мог уйти целый день. Еще целый день! Скарлетт смотрела на слепящую глаза красную ленту дороги, изрезанную глубокими колеями, оставленными колесами орудий и санитарных фургонов. Пройдет еще не один час, прежде чем она увидит своими глазами, что Тара по-прежнему стоит на месте и Эллин там. Еще не один час трястись им под палящим сентябрьским солнцем.

Она снова бросила взгляд на Мелани – та лежала, опустив опухшие веки, жмурясь от солнца. Скарлетт дернула за ленты чепца, распустила узел под подбородком и кинула чепец Присси.

– Накрой мисс Мелани лицо. Солнце бьет ей прямо в глаза. – Но, сняв чепец, она тотчас почувствовала, как ей припекает голову, и подумала: «К концу дня я буду вся в веснушках, пятнистая, что твое кукушкино яйцо».

Никогда еще не приходилось ей бывать под открытым небом без шляпы или без шарфа,

никогда ее холеные ручки не держали вожжей без перчаток. И вот теперь она сидит на самом солнцепеке в этой разбитой колымаге, запряженной подыхающей клячей, – сидит грязная, потная, голодная, и ничего ей не остается другого, как тащиться со скоростью улитки по этой обезлюдившей земле. А всего несколько недель назад она благополучно жила под надежным кровом! Ведь еще так недавно она, как и все вокруг, считала, что Атланта никогда не будет сдана и нога неприятеля не ступит на землю Джорджии. Но маленькое облачко, появившееся на северо-западе каких-нибудь четыре месяца назад, превратилось в мощную грозовую тучу, породившую невиданной силы ураган, и он смел с лица земли мир, в котором она жила, разрушил ее упорядоченную жизнь и зашвырнул ее сюда, в этот притихший, опустошенный, населенный призраками край.

Существует ли еще на свете Тара? Или и ее тоже смело этим ураганом, пронесшимся над Джорджией?

Скарлетт стегнула измученную лошадь по спине в тщетной попытке заставить ее быстрее тащить раскачивавшуюся из стороны в сторону на разболтанных колесах повозку.

Смерть была рядом, ее присутствие ощущалось в воздухе. В нечернеющих лучах клонившегося к закату солнца знакомые поля, знакомые зеленые рощи расстилались перед глазами Скарлетт неестественно молчаливые, тихие, вселяя в сердце страх. При виде каждого опустевшего, пробитого снарядом дома, мимо которого проезжали они в тот день, при виде каждого остова печной трубы, торчавшего словно часовой над закопченными руинами, страх все глубже и глубже заползал в ее душу. С прошлой ночи им не подалось на пути ни единого живого существа – ни человека, ни животного. Только трупы – трупы людей, трупы лошадей, трупы мулов... С раздутыми животами, они валялись у дорог, и мухи тучами вились над ними, а вокруг ни души. Ни щебета птиц, ни далекого мычания стада, ни шелеста ветра в листве. Только глухие удары усталых лошадиных копыт по земле да слабое попискивание новорожденного нарушали тишину.

Печать какого-то странного, словно колдовского оцепенения лежала на всем. И холодок пробежал у Скарлетт по спине, когда ей подумалось, что эта земля – как любимое, прекрасное лицо матери, тихое, успокоившееся наконец после перенесенных смертных мук. Ей чудилось, что эти знакомые леса полны призраков. Тысячи солдат пали в боях под Джонсборо. Их души – души друзей и души врагов – глядели на нее оттуда, из этих заколдованных рощ, сквозь пронизанную косыми вечерними лучами солнца зловеще недвижную листву – слепыми, багровыми от крови и красной пыли, страшными, остекленелыми глазами глядели на нее в ее разбитой повозке.

– Мама! мама! – беззвучно прошептала Скарлетт. О, если бы только добраться до Эллин! Если бы только каким-нибудь чудом Тара осталась целой и невредимой и она могла бы, миновав длинную подъездную аллею, войти в дом и увидеть доброе, нежное лицо Эллин, ощутить мягкое прикосновение ее чудотворных рук, мгновенно отгоняющее всякий страх, могла бы припасть к ее коленям, зарыться в них лицом! Мама знала бы, что нужно делать. Она не дала бы Мелани и ее младенцу умереть. «Тихо, тихо!» – спокойно произнесла бы она, и все страхи и призраки развеялись бы как дым. Но мама больна, быть может, умирает.

Скарлетт снова стегнула хворостиной истерзанной круп лошади. Во что бы то ни стало надо ехать быстрее. Целый день тащатся они в самое пекло по этому проселку, и ему не видно конца. Скоро стемнеет, а они по-прежнему будут одни среди этой пустыни, где витает смерть. Скарлетт крепче ухватила вожжи стертymi до волдырей руками и с яростью принялась понукать лошадь, не обращая внимания на ломоту в плечах.

Лишь бы добраться до отчего дома, до теплых объятий Эллин и сложить со своих слабых плеч эту слишком тяжелую для нее ношу: умирающую женщину, полуживого младенца, своего

изголодавшегося сынишку, перепуганную негритянку – всех, ищущих в ней защиты, опоры, всех, кто, глядя на ее прямую спину, продолжает уповать на ее силу и отвагу, не понимая, что она давно их утратила.

Измученное животное не отзывалось ни на вожжи, ни на хворостину и все так же медленно тащилось, еле передвигая ноги, спотыкаясь, когда под копыта попадали большие камни, и шатаясь при этом так, что, казалось, того и гляди, рухнет на землю. Но вот, в сумерках, они все же добрались до последнего поворота, за которым их долгое путешествие должно было прийти к концу. Свернув с проселка, они снова выехали на большую дорогу. До Тары оставалась всего миля пути!

Впереди проглянула темная масса живой изгороди – плотная стена диких апельсиновых деревьев, отмечавшая начало владений Макинтошей. Вскоре Скарлетт остановила лошадь на дубовой аллее, ведущей от дороги к дому старика Энгуса Макинтоша. В сгущающихся сумерках она вглядывалась в даль между двумя рядами старых дубов. Всюду темно. Ни единого огонька ни в окнах дома, ни вокруг. Когда глаза привыкли к темноте, она различила ставшую уже знакомой на протяжении всего этого страшного дня картину: очертания двух высоких печных труб, возносящихся вверх, как гигантские надгробия, над руинами второго этажа, безмолвно глядящими в пустоту незрячими проемами выбитых окон.

– Хэлло! – собрав остатки сил, крикнула она. – Хэлло! Присси в ужасе вцепилась ей в руку, и, обернувшись, Скарлетт увидела ее вытаращенные от страха глаза.

– Не кричите, мисс Скарлетт! Пожалуйста, не кричите, – зашептала она срывающимся голосом. – Мало ли что может отозваться!

«Боже милостивый! – подумала Скарлетт, и дрожь прошла у нее по телу. – Боже милостивый! А ведь она права. Мало ли что может появиться оттуда, с пепелища!» Она подергала вожжи, трогая лошадь с места. При виде дома Макинтошей последний еще теплившийся в ее душе огонек надежды угас. Дом был разорен, сожжен, покинут – как и все прочие усадьбы, мимо которых они сегодня проезжали. Тара находилась всего в полумиле отсюда, по той же дороге, прямо на пути неприятельской армии. Ее, конечно, тоже сровняли с землей. Она найдет там только груды обгорелых кирпичей, да звезды, мерцающие над обвалившейся кровлей, да тишину – такую же страшную, как повсюду, могильную тишину. И ни Эллин, ни Джералда, ни сестер, ни Мамушки, ни негров – бог весть где они теперь!

Что толкнуло ее на этот безумный шаг? И зачем, вопреки здравому смыслу, потащила она с собой Мелани с младенцем? Для них было бы лучше умереть в Атланте, чем, промучившись весь день в тряской повозке, под палящим солнцем, найти смерть среди безмолвных руин Тары.

Но Эшли поручил Мелани ее заботам. «Позаботьтесь о ней», – сказал он. О, этот неповторимо прекрасный и мучительный день, когда он поцеловал ее, прежде чем расстаться с ней навсегда! «Вы ведь позаботитесь о ней, верно? Обещайте мне!» И она пообещала. Зачем связала она себя этим обещанием, вдвойне тягостным теперь, когда Эшли ушел из ее жизни? Даже в эти минуты, измученная до предела, она находила в себе силы ненавидеть Мелани и жалобный, писклявый голосок ее ребенка, все реже и слабее нарушавший тишину. Но она связала себя словом, и теперь и Мелани и младенец неотторжимы от нее так же, как Уэйд и Присси, и она должна бороться за них из последних сил, до последнего дыхания. Она могла бы оставить Мелани в Атланте, сунуть ее в госпиталь и бросить там на произвол судьбы. Но после этого как взглянула бы она Эшли в глаза на этой земле, да и на том свете, как призналась бы ему, что оставила его жену и ребенка умирать на руках у чужих людей?

О, Эшли! Где был он этой ночью, когда она мучилась с его женой и ребенком на темных, лесных, населенных призраками дорогах? Жив ли он и думал ли о ней в эти минуты, изнывая за тюремной решеткой Рок-Айленда? Или его уже давно нет в живых и тело его гниет в какой-

нибудь канаве вместе с телами других погибших от оспы конфедератов?

Нервы Скарлетт были натянуты как струна, и она едва не лишилась чувств, когда в придорожных кустах внезапно раздался шорох. Присси пронзительно взвизгнула и бросилась ничком на дно повозки, придавив собой младенца. Мелани слабо пошевелилась, шаря вокруг себя, ища свое дитя, а Уэйд сжался в комочек и зажмурил глаза, утратив даже голос от страха. Потом кусты раздвинулись, затрещав под тяжелыми копытами, и всех их оглушило протяжное, жалобное мычание.

– Да это же корова, – хриплым с перепугу голосом проговорила Скарлетт. – Не валяй дурака. Присси. Ты чуть не задавила ребенка и напугала мисс Мелани и Уэйда.

– Это привидение! – визжала Присси, корчась от страха на дне повозки.

Обернувшись на сиденье, Скарлетт подняла хворостину, служившую ей кнутом, и огрела Присси по спине. Она сама была так перепугана и чувствовала себя такой беспомощной, что испуг и беспомощность Присси вывели ее из себя.

– Сейчас же сядь на место, идиотка, – сказала она. – Пока я не обломала о тебя хворостину.

Хлюпая носом, Присси подняла голову, выглянула из повозки и увидела, что это и в самом деле корова: пятнистое, бело-рыжее животное стояло и смотрело на них большими, испуганными глазами. Широко разинув рот, корова замычала снова, словно от боли.

– Может, она ранена? Коровы обычно так не мычат.

– Похоже, она давно не доена, вот и мычит, – сказала Присси, понемногу приходя в чувство. – Верно, это Макинтошева корова. Негры небось угнали ее в лес, и она не попалась янки на глаза.

– Мы заберем ее с собой, – мгновенно решила Скарлетт. – И у нас будет молоко для маленького.

– Как это мы заберем корову, мисс Скарлетт? Мы не можем забрать корову. Какой с нее толк, раз она давно не доена? Вымя у нее раздулось – того и гляди, лопнет.

– Ну, раз ты так все знаешь про коров, тогда снимай нижнюю юбку, порви ее и привяжи корову к задку повозки.

– Мисс Скарлетт, так у меня ж почитай месяц как нет нижней юбки, а когда б и была, я бы ни о чем не стала вязать корову. Я совсем не умею с коровами. Я их боюсь.

Скарлетт бросила вожжи и задрала подол. Обшитая кружевами нижняя юбка была единственным оставшимся у нее красивым и к тому же нервным предметом туалета. Скарлетт развязала тесемки на талии и спустила юбку, безжалостно стягивая ее за шелковистые льняные оборки. Ретт привез ей льняное полотно и кружева из Нассау, когда ему в последний раз удалось прорваться на своем судне сквозь блокаду, и она целую неделю не покладая рук шила это юбку. Без малейшего колебания она взялась за подол, дернула, пытаясь его разорвать, потом перекусила зубами шов, материя поддалась, и она оторвала длинную полосу. Она яростно продолжала орудовать и руками и зубами, пока юбка не превратилась в грудку длинных тряпок. Тогда она связала все тряпки концы с концами, хотя натруженные вожжами пальцы были стерты в кровь и руки у нее дрожали от усталости.

– Ступай, привяжи корову за рога, – приказала она Присси. Но та заартачилась.

– Я страх как боюсь коров, мисс Скарлетт. Я не умею с коровами. Ни в жисть не умела. Я ж не из тех негров, что при скотине. Я из тех, что по дому.

– Ты из тех черномазых, дурнее которых нет на свете, и будь проклят тот день, когда отец тебя купил, – устало проговорила Скарлетт, не находя в себе сил даже хорошенько рассердиться. – И как только я немножко отдохну, ты у меня отведаешь кнута.

«Ну вот, – подумала она, – я сказала „из черномазых“ – маме бы это очень не понравилось». Присси, страшно вращая белками, поглядела на суровое лицо своей хозяйки, потом – на

жалобно мычавшую корову. Скарлетт показала ей все же менее опасной, чем корова, и она не тронулась с места, вцепившись руками в край повозки.

Скарлетт с трудом слезла с козел – от каждого движения ломило все тело. Присси была здесь не единственным лицом, которое «страх как боялось» коров. Скарлетт тоже всегда их боялась; даже в кротчайшем из этих созданий ей чудилось что-то зловещее, но сейчас не время было поддаваться глупым страхам, когда по-настоящему грозные опасности надвигались со всех сторон. По счастью, корова оказалась на редкость спокойной. Страдания заставляли ее искать помощи и сочувствия у людей, и она не сделала попытки боднуть Скарлетт, когда та принялась обрывками юбки вязать ей рога. Другой конец этой самодельной веревки она очень неумело, однако довольно крепко прикрутила к задку повозки. Потом направилась обратно к козлам, но, внезапно почувствовав дурноту, пошатнулась и ухватилась за край повозки.

Мелани открыла глаза, увидела стоявшую возле нее Скарлетт и прошептала:

– Дорогая.., мы уже дома?

Дома! Жаркие слезы навернулись у Скарлетт на глазах при звуках этого слова. Дома! Мелани не понимает, что нет больше никакого дома, что они совершенно одни в одичалом, обезумевшем мире.

– Нет еще, – сказала она насколько могла спокойнее, несмотря на стоявший в горле комок, – но скоро приедем. Сюда забрела корова, и теперь для тебя и для маленького будет молоко.

– Несчастный малютка... – прошептала Мелани. Рука ее потянулась было к младенцу и тут же бессильно упала.

Чтобы снова взобраться на козлы, потребовалось немало усилий, по наконец Скарлетт справилась и с этой задачей и взяла вожжи. Лошадь стояла, свесив голову, и не трогалась с места. Скарлетт безжалостно стегнула ее хвостом. «Бог меня простит, – промелькнуло у нее в голове, – за то, что я бью это измученное животное. А не простит, что поделаешь». В конце концов, до Тары осталось каких-нибудь четверть мили, а там лошадь может тут же лечь хоть прямо в оглоблях.

Наконец лошадь медленно тронулась с места, повозка заскрипела, а корова при каждом шаге издавала горестное мычание. Голос несчастного животного так действовал Скарлетт на нервы, что она уже готова была остановить повозку и отвязать корову. Какой, в конце концов, толк от коровы, если они не найдут ни одной живой души на плантации? Сама она не умела доить, да если бы и умела, разве корова подпустит сейчас к своему больному, набухшему вымени! Нет, раз у нее есть корова, надо ее сохранить. Быть может, это единственное, что принадлежит ей на всей земле.

Глаза Скарлетт затуманились, когда они приблизились к невысокому пологому холму, за которым лежала Тара. И тут сердце ее упало. Околевавшему животному никак, конечно, не одолеть подъема на холм. Когда-то этот склон казался ей таким пологим, подъем таким легким – она галопом взлетала на холм на своей быстроногой кобыле. Откуда взялась теперь эта крутизна? Лошадь нипочем не потянет вверх груженую повозку.

Она устало слезла с козел и взяла лошадь под уздцы.

– Вылезай, Присси, – скомандовала она, – и бери Уэйда! Неси его или заставь идти. А маленького положи возле мисс Мелани.

Уэйд засопел носом, расхныкался, и Скарлетт с трудом разобрала:

– Темно... Я боюсь... Темно...

– Мисс Скарлетт, я не могу пешком, ноги стертые. Пальцы вон из башмаков вылезают... От меня с Уэйдом какая тяжесть...

– Вылезай! Вылезай сейчас же, пока я тебя силком не вытащила! А тогда берегись –

оставлю тебя здесь одну, в темноте. Ну, живо!

Присси взвyla, вглядываясь в лесную тьму по обеим сторонам дороги, словно боясь, что – выйди она из своего укрытия в повозке – и деревья надвинутся на нее и задушат. Но все же ей пришлось положить младенца рядом с Мелани, спуститься на землю и, приподнявшись на цыпочки, вытащить из повозки Уэйда. Мальчик заплакал и прижался к своей няньке.

– Уйми его, я не могу этого слышать, – сказала Скарлетт, взяла лошадь под уздцы и потянула за собой. – Ну же, Уэйд, будь маленьким мужчиной, перестань реветь, не то я сейчас тебя отшлепаю.

«И зачем только господу богу понадобилось создавать детей! – со злостью подумала она, когда на неровной дороге у нее подвернулась нога. – На что они – эти бессмысленные, нудные, вечно требующие заботы существа, которые только и делают, что путаются под ногами?» Измученная до предела, она не испытывала жалости к испуганному ребенку, ковылявшему рядом с Присси, ухватив ее за руку, и не переставая шмыгавшему носом, не испытывала ничего, кроме недоумения: как могло случиться, что она его родила? И еще большее изумление порождала в ее утомленном мозгу мысль о том, что она когда-то была женой Чарльза Гамильтона.

– Мисс Скарлетт, – зашептала Присси, хватая ее за руку. – Не надо ходить в Тару. Их там нету. Они все ушли. А может, померли. И моя мамка небось, и все...

Этот отголосок ее собственных мыслей окончательно взбесил Скарлетт, и она оттолкнула цеплявшуюся за нее руку.

– Давай сюда Уэйда. А сама оставайся. Сиди здесь.

– Ой нет, нет!

– Тогда замолчи!

До чего же медленно тащится эта кляча! Рука Скарлетт стала мокрой от стекавшей изо рта лошади слюны. Внезапно ей вспомнился обрывок песенки, которую она распевала когда-то с Реттом:

Еще день, еще два свою ношу нести.

Следующей строчки она не помнила. «Еще шаг, еще шаг, – жужжало у нее в мозгу, – по дорогам брести...» Но вот они поднялись на перевал и увидели внизу, вдали, дубы усадьбы Тара – высокие темные кущи, возносившиеся к потемневшему небу. Скарлетт напряженно всматривалась – не мелькнет ли где в просвете ветвей огонек. Но всюду было темно.

«Там нет никого, – подсказало ей сердце, и свинцовая тяжесть сдавила грудь. – Никого!» Она направила лошадь в подъездную аллею, и ветви кедров, сомкнувшись над головой, погрузили все в полночный мрак. Вглядываясь во тьму, напрягая зрение, она увидела впереди... Увидела? Уж не обманывают ли ее глаза? Меж деревьев неясно проглянули светлые стены дома. Ее дома! Ее родного дома! Дорогие ее сердцу белые стены, окна с развевающимися занавесками, просторные веранды – неужели и вправду все это встанет сейчас там, впереди, из темноты? Или милосердная ночь просто не спешит открыть ее глазам такую же страшную картину разорения, как та, которую она видела в поместье Макинтошей?

Казалось, аллее не будет конца, и лошадь, сколько ни тянула Скарлетт ее за уздцы, упрямо замедляла шаг. Скарлетт впивалась глазами во мрак. Ей показалось, что она видит неразрушенную крышу. Неужели... Неужели... Нет, конечно, ей это просто почудилось. Война же не пощадила ничего, не могла она пощадить и их дом, хоть он был построен на века. Война не могла миновать их жилище.

Но туманные очертания начинали вырисовываться яснее. Скарлетт сильнее потянула лошадь вперед. Да, белые стены отчетливо проглянули из темноты. Не обугленные, не опаленные огнем. Тара уцелела! Ее родной очаг! Скарлетт отпустила уздечку и ринулась к дому, раскинув руки, словно стремясь заключить его в объятия. И тут она увидела какую-то тень: выступив из мрака, тень остановилась на ступеньках крыльца. Значит, дом не безлюден. В нем, кто-то есть!

Крик радости, готовый сорваться с ее губ, внезапно замер. Дом был странно темен, странно тих, а фигура на ступеньках неподвижна и безмолвна. Что-то было не так. Не так, как прежде. Дом стоял целый, нетронутый, но от него веяло такой же жуткой мертвой тишиной, как от всего лежавшего в руинах края. Но вот темная фигура на ступеньках пошевелилась. И неспешно, тяжело стала спускаться вниз.

– Папа? – хрипло прошептала Скарлетт, все еще не веря своим глазам. – Это я – Кэти-Скарлетт. Я вернулась домой.

Джералд молча, медленно, словно лунатик, направился на ее голос, волоча негнущуюся ногу. Он подошел совсем близко и стал, оцепенело глядя на нее – так, словно ему мнилось, что он видит ее во сне. Он протянул руку и положил ей на плечо. Скарлетт почувствовала, как дрожит его рука: казалось, он медленно пробуждался от какого-то тягостного сна и постепенно начинал осознавать происходящее.

– Дочка, – проговорил он как бы через силу. – Дочка.

И умолк.

«Боже, да он же совсем старик!» – пронеслось у Скарлетт в голове.

Плечи Джералда, никли сутуло. В лице, которое Скарлетт лишь смутно различала в полумраке, – ни следа былой, бьющей через край жизненной силы; в глазах, смотревших сейчас на нее в упор, – почти такое же оцепенело-испуганное выражение, как у маленького Уэйда. Перед ней стоял дряхлый старичок, развалина.

Страх перед чем-то невидимым сжал ее сердце, наполняя на нее оттуда, из мрака, и она стояла и смотрела на отца онемев, с тысячей невысказанных вопросов на устах.

Из повозки – в который уже раз – донесся слабый жалобный плач, и Джералд с усилием стряхнул с себя оцепенение.

– Это Мелани со своим младенцем, – торопливо зашептала Скарлетт. – Она совсем больна. Я привезла ее к нам.

Джералд снял руку с ее плеча и выпрямился. Когда он медленно зашагал к повозке, в нем словно бы возродилось что-то от прежнего хлебосольного хозяина поместья, встречающего гостей, и он произнес слова, всплывшие из темных закоулков памяти:

– Кузина Мелани!

Голос Мелани что-то неясно прошелестел в ответ.

– Добро пожаловать, кузина Мелани. Двенадцать Дубов сожгли. Мы рады принять вас под наш кров. Мысль о том, сколько пришлось выстрадать Мелани, заставила Скарлетт очнуться и начать действовать. Жизнь брала свое – надо было уложить Мелани и младенца в хорошую постель и сделать массу всяких мелких необходимых вещей.

– Она не может идти. Ее надо отнести в дом.

Послышался шум шагов, и темная фигура появилась в дверном проеме на пороге холла. Порк сбежал по ступеням крыльца.

– Мисс Скарлетт! Мисс Скарлетт! – восклицал он. Скарлетт схватила его за плечи. Порк – неотъемлемая частица Тары, свой, как стены этого дома, как его прохладные коридоры! Он неуклюже поглаживал ее руки – она чувствовала на них его слезы – и приговаривал плача:

– Воротилась! Вот радость-то! Вот радость-то! Присси тоже расплакалась, невнятно

бормоча:

– Порк! Порк! Хороший!

А Уэйд, воодушевленный тем, что взрослые вдруг расчувствовались, сразу принялся канючить:

– Пить хочу!

Но Скарлетт быстро поставила все на свое место:

– Там, в повозке, мисс Мелани с младенцем, Порк. Ее надо очень осторожно отнести наверх и устроить в комнате для гостей. Присси, возьми младенца, отнеси в дом и отведи туда Уэйда, дай ему попить. А Мамушка дома, Порк? Скажи ей, что она мне нужна.

Решительный голос Скарлетт, казалось, сразу вдохнул в Порка силы. Он тотчас направился к повозке и пошарил у задней стенки. Мелани застонала, когда он приподнял ее и потащил с перины, на которой она недвижно пролежала столько часов кряду. И вот он уже держал ее на своих сильных руках, и она, как ребенок, опустила голову ему на плечо. Присси следом за ним поднялась по широким ступеням крыльца, неся на одной руке младенца, другой таща за собой Уэйда, и они скрылись в глубине темного холла.

Натруженные пальцы Скарлетт судорожно стиснули руку отца.

– Они поправились, па?

– Девочки поправляются.

Голос его оборвался, и в наступившем молчании мысль, слишком страшная, чтобы дать ей облечься в слова, начала заползать в сознание Скарлетт. Она не могла, не могла заставить себя задать этот вопрос. Она сглотнула слюну, попыталась сглотнуть еще раз, но во рту и в горле внезапно так пересохло, что она едва могла дышать. Значит, вот почему в доме такая мертвая тишина? И, словно угадав ее невысказанный вопрос, Джералд заговорил.

– Твоя мать... – вымолвил он и умолк.

– Мама?..

– Она вчера скончалась.

Крепко сжимая руку отца, Скарлетт вступила в просторный холл, каждый уголок которого знала как свои пять пальцев. Даже в полном мраке она не наткнулась ни на одно из кресел с высокими спинками, не задела ни пустой подставки для ружей, ни разлапистых ножек старого серванта: непреодолимая сила влекла ее к маленькому кабинетику в глубине дома, где изо дня в день сидела Эллин, проверяя бесконечные счета. И ей казалось, что вот сейчас она переступит порог этой комнаты – и Эллин, как всегда, будет сидеть там за секретером; она поднимет на нее глаза, гусиное перо замрет в ее руке, и, шурша кринолином, она встанет, чтобы заключить измученную дочь в свои нежные, душистые объятия. Эллин не могла умереть, сколько бы ни твердил это отец, словно попугай, заучивший одну фразу: «Она скончалась вчера, она скончалась вчера, вчера...» Как страшно, что она ничего не чувствует сейчас – только усталость – тяжелую, как кандалы, и голод, от которого подкашиваются ноги. Она подумает о маме потом. Она не должна сейчас о ней думать, не то еще начнет бессмысленно причитать, как Джералд, или реветь надрывно на одной ноте, как Уэйд.

Порк спустился по темной лестнице, спеша навстречу Скарлетт, – так замерзшее животное тянется к огню.

– Почему нет света, Порк? – спросила Скарлетт. – Почему в доме темно? Принеси свечей.

– Да они ж забрали все свечи, мисс Скарлетт, только одну оставили, – если надо поискать что в темноте. Да и это уже не свеча – почитай, огарок. Когда нужно поухаживать за мисс Кэррин и мисс Сьюлин, Мамушка делает фитиль из тряпки, опускает в плошку с жиром, и он горит.

– Принеси мне огарок, – распорядилась Скарлетт. – Поставь его в мамином., в маленьком

кабинете.

Порк торопливо направился в столовую, а Скарлетт под руку с отцом ошупью прошла в маленькую, бездонно темную комнатку и опустилась на софу. Рука Джералда – безвольная, беспомощная – все еще лежала на сгибе ее руки, лежала доверчиво, как рука ребенка или дряхлого старика.

«Он совсем старый стал. Усталый и старый», – снова подумала Скарлетт и мимолетно удивилась про себя – почему это ее не трогает?

Замерцал огонек – Порк вошел, высоко держа в руке огарок свечи, укрепленный на блюде. Темное тесное пространство ожило: продавленная софа, на которую она присела с отцом, высокий, почти под потолок секретер с множеством отделений, заполненных всевозможными бумагами, исписанными красивым тонким почерком Эллин, ее изящное резное кресло перед секретером, потертый ковер – все, все было как прежде, не было только самой Эллин, и легкого аромата сухих духов лимонной вербены, и мягкого взгляда темных, с узким разрезом глаз. Скарлетт почувствовала, как к сердцу ее подкрадывается боль, – словно нанесенная ей глубокая рана, оглушившая ее, притупившая сначала все чувства, теперь давала о себе знать. Она не должна позволить этой боли разрастись сейчас. Впереди у нее еще целая жизнь, через которую она пронесет эту боль. Да, только не сейчас. «Господи, помоги мне! Только не сейчас!» Она поглядела на Джералда и заметила, что впервые в жизни видит его небритым. Еще недавно такое румяное, цветущее лицо приобрело землистый оттенок и было покрыто седой щетиной. Порк поставил свечу на подставку и подошел к Скарлетт. Ей вдруг почудилось, что сейчас он положит голову ей на колени, ожидая, чтобы она погладила его, как старого верного пса.

– Порк, сколько у нас осталось негров?

– Мисс Скарлетт, эти негодные негры разбежались, а одни так даже подались вместе с янки...

– Так сколько же осталось?

– Вот я, мисс Скарлетт, да Мамушка. Она целыми днями выхаживает молодых барышень. А Дилси сидит с ними сейчас, ночью. Так что трое нас, мисс Скарлетт.

«Трое нас» – это вместо ста рабов. Скарлетт с трудом подняла голову – шея нестерпимо ныла. Она знала, что голос у нее должен быть твердым. И сама изумилась, как естественно и спокойно прозвучали ее слова – словно не было никакой войны и она мгновением руки могла собрать вокруг себя десяток слуг. – Порк, я умираю с голоду. Есть что-нибудь в доме?

– Нет, мэм. Они забрали все.

– Ну, а в огороде?

– Они пасли там своих лошадей.

– Даже на холмах, где растет сладкий картофель?

Некое подобие довольной улыбки шевельнуло толстые губы.

– Я-то, мисс Скарлетт, совсем было и позабыл про яме. Думается, там все цело. Янки же никогда не сажают яме. Пр-ихнему, это так – дикое чевой-то, и...

– Скоро взойдет луна. Ступай, накопай картофеля и пожарь. А кукурузной муки совсем не осталось? Или сушеных бобов? А кур?

– Нет, мэм, нет. Каких кур они не поели, тех привязали к седлам и увезли.

Они... Они... Они... Видно, нет и не будет конца тому, что «они» тут сотворили! Неужели убивать и жечь – этого им мало? Надо было еще оставить женщин, детей и беспомощных негров умирать с голоду на этой разоренной земле.

– Мисс Скарлетт, у меня есть немного яблок – Мамушка спрятала в подпол. А сегодня мы их ели.

– Сначала принеси яблок, а потом пойдешь нарвать картофеля. И, Порк, постой..., я., я что-то

очень ослабела. В погребке не осталось вина? Может, хоть ежевичного?

– Ох, мисс Скарлетт, они перво-наперво в погреб-то и полезли. Скарлетт вдруг почувствовала, что ее мутит: голод, бессонная ночь, усталость и страшные известия – все сказало сразу, и она ухватилась за резной подлокотник софы, стараясь преодолеть головокружение.

– Значит, нет вина, – произнесла она тупо, и перед взором ее воскресли бесчисленные ряды бутылок в отцовском погребке. Что-то еще шевельнулось в памяти.

– Порк, а кукурузное виски в дубовом бочонке, которое папа закопал под беседкой?

И снова по темному лицу проползло нечто похожее на улыбку – радостную и исполненную уважения.

– Мисс Скарлетт, до чего ж у вас шустрые глазки! Я ведь напрочь забыл про тот бочонок. Только, мисс Скарлетт, это виски пить негоже. Оно ведь почитай что еще и года не лежит, и опять же виски – это ж не для леди.

Порк – как все негры! Нет чтобы пошевелить мозгами – что им скажут, то и твердят. А янки еще надумали их освобождать.

– Сейчас оно будет в самый раз и для леди, и для ее папы. Живее, Порк, откопай бочонок и принеси два стакана, немного мяты и сахара, и я приготовлю джулеп [note 7](#).

Порк поглядел на нее с укоризной.

– Мисс Скарлетт, будто вы не знаете, какой же у нас сахар, мы о нем и думать позабыли. И мяту всю лошади поели, а они перебили все стаканы.

«Если он еще раз скажет „они“, я завизжу. Я просто не выдержу», – подумала Скарлетт, а вслух приказала:

– Ладно, ступай, принеси виски. Мы выпьем неразбавленного. – И когда он уже собрался идти, добавила: – Постой, Порк, надо еще сделать так много, что «я как-то не могу собраться с мыслями... Да, вот что: я привела лошадь и корову. Корова мучается, давно не доена, а лошадь надо распрячь и напоить. Ступай, скажи Мамушке, чтобы она занялась коровой, чтоб уж как-нибудь с ней управилась. Ребенок мисс Мелани умрет, если его не покормить, а...

– Мисс Мелани.., того.., она не может?.. – Порк тактично умолк.

– Да, у мисс Мелани нет молока. – Господи, мама упала бы в обморок от этих слов!

– Так, мисс Скарлетт, моя Дилси может покормить ребеночка мисс Мелани. Дилси только-только родила, и молока у нее хватит на двоих.

– Так у тебя тоже новорожденный, Порк?

Младенцы, младенцы, младенцы... Зачем господу богу столько младенцев? Впрочем, это же не бог их творит. Их творят глупые люди.

– Да, мэм, большой толстый черный мальчик. Он...

– Ступай, скажи Дилси, что я сама поухаживаю за сестрами, а она пусть покормит ребенка мисс Мелани и сделает для нее все что нужно. А Мамушке вели заняться коровой и отведи эту несчастную лошадь на конюшню.

– Конюшни нет, мисс Скарлетт. Они растащили ее на костры.

– Перестань перечислять мне, что «они» сделали. Скажи Дилси, чтобы позаботилась о мисс Мелани и ребенке. А сам ступай, принеси виски и ямса.

– Мисс Скарлетт, как же его копать в темноте-то?

– Возьми полено, отколи лучину, ты что, не понимаешь?

– Откуда ж полено? Они все дрова...

– Придумай что-нибудь. Не желаю ничего слушать... Накопай, и все, и поживее. Поворачивайся!

В голосе Скарлетт слышались резкие ноты, и Порк поспешно скрылся за дверью, а она

осталась вдвоем с Джералдом. Скарлетт ласково погладила его по колену. Как он отошал. А ведь какие у него были крепкие шенкеля! Надо как-то вывести его из этой апатии. Только спрашивать его об Эллин – это выше ее сил. Это потом, когда она соберется с духом.

– Почему все-таки они не сожгли дом? Джералд молча смотрел на нее, словно не расслышав вопроса, и она задала его снова.

– Почему? – Он пробормотал что-то бессвязное. Потом – более внятно: – Они тут расположили свой штаб.

– Штаб янки? В нашем доме?

Она почувствовала, что дорогие ей стены опоганены. Этот священный для нее дом, в котором жила Эллин, и здесь.., эти...

– Да, дочка, янки. Сначала мы увидели дым за рекой, над Двенадцатью Дубами, а потом пришли они. Но мисс Индия и мисс Милочка уже уехали в Мейкон и взяли с собой кое-кого из негров, так что мы за них не тревожились. Ну, а мы в Мейкон уехать не могли. Девочки были очень больны.., и твоя мама.., и мы не могли уехать. Негры все разбежались – кто куда. Забрали фургоны и мулов. А Мамушка и Дилси и Порк – эти остались. Мы не могли тронуться с места.., из-за девочек.., из-за твоей мамы...

– Да, да... – Только бы он не говорил о маме. О чем угодно, лишь бы не о ней! Лишь бы не о ней... Даже если сам генерал Шерман сделал эту комнату своей штаб-квартирой...

– Янки шли на Джонсборо, старались перерезать железную дорогу. Они шли от реки – их были тысячи... И тысячи лошадей и орудий. Я встал на пороге.

«О, храбрый маленький Джералд!» – подумала Скарлетт, и сердце ее наполнилось гордостью. Джералд, встречающий неприятеля, стоя на пороге с таким видом, словно за спиной у него не пустой дом, а целое войско.

– Они и сказали, что сожгут дом и чтобы я убирался, пока цел. А я сказал, что они могут сжечь его только вместе со мной. Мы не могли уйти – девочки.., и твоя мама...

– Ну, а потом? – Перестанет он когда-нибудь возвращаться все к тому же...

– Я сказал им, что в доме тиф... Что больных.., нельзя трогать, они умрут. Что пусть жгут дом вместе с нами. Да и не будь здесь никого, я все равно бы не ушел... Не покинул бы Тару...

Голос его замер, невидящим взглядом он обвел стены, но Скарлетт поняла. За спиной Джералда стояли сонмы его ирландских предков, умиравших за клочок скудной земли, которую они возделывали своим трудом, боровшихся до конца за свой кров, под которым они жили, любили, рожали сыновей.

– Я сказал: пусть жгут дом вместе с тремя умирающими женщинами. Но мы отсюда не уйдем. Молодой офицер.., он оказался джентльменом...

– Янки? Джентльменом? Что с тобой, папа!

– Да, джентльменом. Он ускакал и вскоре вернулся с капитаном – военным врачом, и тот осмотрел девочек и.., твою маму.

– И ты позволил проклятому янки переступить порог их спальни?

– У него был опиум. А у нас его не было. Он спас жизнь твоим сестрам. Сьюлин погибала от потери крови. Этот врач был необыкновенно добр. И когда он доложил, что здесь.., больные, янки не стали жечь дом. Какой-то генерал со своим штабом разместился тут, они заняли весь дом. Все комнаты, кроме той.., с больными. А солдаты...

Его голос снова замер, казалось, силы покинули его. Небритый, обвислый подбородок тяжелыми складками лег на грудь. Но, сделав над собой усилие, он заговорил опять:

– Солдаты раскинули свой лагерь вокруг дома. Они были повсюду – на хлопковом поле, на кукурузном. Выгон стал синим от их мундиров. В ту же ночь зажглись тысячи бивачных огней. Они разобрали изгороди, йотом амбары, и конюшни, и коптильню – жгли костры и готовили

себе еду. Зарезали коров, свиней, кур.., даже моих индюков. Его любимых индюков! Так, значит, их тоже нет.

– Они все забрали, даже портреты.., почти всю мебель, посуду.

– А серебро?

– Порк и Мамушка припрятали его куда-то... Кажется, в колодец.., не помню точно. – В голосе Джералда вдруг прорвалось раздражение. – Янки вели сражение отсюда, из Тары... Шум, гам, вестовые скакали взад-вперед. А потом заговорили пушки Джонсборо – это было как гром. И девочкам в их комнате, конечно, было слышно, и они, бедняжки, все просили: «Папа, сделай что-нибудь, мы не можем выдержать этого грохота!» – А.., а мама? Она знала, что янки у нас в доме?

– Она все время была без сознания...

– Слава богу! – сказала Скарлетт. Мама этого не видела. Мама так и не узнала, что в доме внизу – враги, не слышала пушек Джонсборо, не подозревала о том, что сапог янки топчет дорогу ее сердцу землю.

– Я и сам мало кого из них видел, все время был наверху с девочками и с твоей матерью. Видел больше молодого врача. Он был добр, очень добр, Скарлетт. Провозится целый день с ранеными, а потом приходит сюда и сидит возле девочек. Он даже оставил нам лекарств. Когда янки уходили, он сказал мне, что девочки поправятся, но твоя мама... Слишком хрупкий организм, сказал он... Слишком хрупкий, чтобы все это выдержать. Силы подорваны, сказал он...

В наступившем молчании Скарлетт отчетливо увидела перед собой мать, увидела такой, какой она, наверно, была в эти последние дни до болезни, – единственный несокрушимый, хоть и хрупкий, оплот дома: день и ночь в трудах, в уходе за больными, без сна, без отдыха, без пищи, чтобы остальные могли есть и спать.

– А потом они ушли. Потом они ушли.

Джералд долго молчал, затем неуклюже поискал ее руку.

– Я рад, что ты вернулась домой, – сказал он. У заднего крыльца раздались шаркающие звуки. Бедняга Порк, приученный за сорок лет никогда не входить в дом, не вытерев башмаков, соблюдал порядок даже теперь. Он вошел, бережно неся две тыквенные бутылки, и сильный запах пролитого спирта проник в комнату раньше него.

– Расплескалось малость, мисс Скарлетт. Больно уж не с руки наливать в них из бочонка.

– Ничего, Порк, спасибо. – Она взяла у него мокрую бутылку и невольно поморщилась от отвращения, когда запах виски ударил ей в нос.

– Выпей, папа, – сказала она, передавая Джералду этот необычный винный сосуд и беря вторую бутылку – с водой – из рук Порка. Джералд послушно, как дитя, поднес горлышко ко рту и громко отхлебнул. Скарлетт протянула ему бутылку с водой, но он отрицательно покачал головой.

Беря у него бутылку с виски и прикладывая горлышко к губам, Скарлетт заметила, что он следит за ней глазами и в них промелькнуло нечто близкое к неодобрению.

– Я знаю, что леди не пьют крепких напитков, – сухо сказала она. – Но на сегодня забудь, что я леди, папа, сегодня мне надо заняться делами.

Она сделала глубокий вдох, запрокинула бутылку и быстро глотнула. Жгучий напиток обжег ей горло, она почувствовала, что задыхается, и на глазах у нее выступили слезы. Она снова глубоко втянула в себя воздух и снова поднесла бутылку к губам.

– Кэти-Скарлетт, – произнес Джералд, и впервые с момента своего возвращения она уловила в его голосе властные отцовские нотки, – довольно. Ты не привыкла к спиртному и можешь захмелеть.

– Захмелеть? – Она рассмеялась, и смех прозвучал грубо. – Захмелеть? Я хотела бы напиться вдрызг – так, чтобы забыть про все на свете.

Она сделала еще глоток, и тепло пробежало у нее по жилам, разлилось по всему телу – она почувствовала его даже в кончиках пальцев. Какое блаженное ощущение дает этот благословенный огненный напиток! Казалось, он проник даже в ее оледеневшее сердце и тело начало возрождаться к жизни.

Перехватив ошеломленный, страдальческий взгляд Джерадда, она потрепала его по колену и постаралась изобразить на яйце капризно-дерзкую улыбку, против которой он всегда был безоружен.

– Как могу я захмелеть, па? Разве я не твоя дочка? Разве я не получила в наследство самую крепкую голову во всем графстве Клейтон?

Он взгляделся в ее усталое лицо, и она уловила на его губах даже некое подобие улыбки. Виски взбодрило и его... Она снова протянула ему бутылку.

– А сейчас можешь глотнуть еще разок, после чего я помогу тебе подняться наверх и уложу бай-бай.

Она прикусила язык. Нельзя разговаривать с отцом, как с ребенком, как с Уэйдом. Так не годится. Это неуважительно. Однако Джерадд обрадовался ее словам.

– Ну да, уложу тебя бай-бай, – бодро повторила Скарлетт, – и дам выпить еще глоточек, может быть, даже целый ковшик, и убаюкаю, и ты уснешь. Тебе нужно выспаться, а Кэти-Скарлетт вернулась домой, и, значит, не о чем больше тревожиться. Пей.

Джерадд послушно сделал еще глоток, и Скарлетт, взяв его под руку, помогла ему встать.

– Порк...

Порк взял тыквенную бутылку в одну руку, другой подхватил Джерадда. Скарлетт подняла повыше горящую свечу, и они втроем медленно направились через темный холл к полукруглой лестнице, ведущей в комнату хозяина.

В спальне, где Сьюлин и Кэррин лежали в одной постели, разметавшись и что-то бормоча во сне, стоял удушливый смрад от единственного источника света – тряпичного фитиля в блюде со свиным салом. Когда Скарлетт отворила дверь в эту комнату с наглухо закрытыми окнами, в лицо ей пахнуло таким тяжелым, спертым воздухом больничной палаты – запахом лекарств и зловонного сала, – что она едва не лишилась чувств. Доктора могут, конечно, утверждать, что свежий воздух опасен для больных, но если ей предстоит пробыть какое-то время здесь, то она должна дышать, чтобы не умереть.

Скарлетт распахнула все три окна, и в комнату ворвался запах дубовой листвы и земли. И все же свежему воздуху было не под силу сразу взять верх над тошнотворным запахом, неделями застаивавшимся в непроветриваемой комнате.

Кэррин и Сьюлин, бледные, исхудалые, лежали на большой кровати с пологом на четырех столбиках, в которой они так весело шептались когда-то, в более счастливые времена; сон их был беспокоен, они то и дело просыпались и что-то бессвязно бормотали, уставясь в пространство широко открытыми, невидящими глазами. В углу стояла пустая кровать – узкая кровать в стиле французского ампира с резным изголовьем и изножьем, которую Элин привезла с собой из Саванны. Здесь, на этой кровати, лежала она во время болезни.

Скарлетт села возле постели сестер, тупо на них глядя. Выпитое на голодный желудок виски вытворяло с ней скверные шутки. Сестры то уплывали куда-то далеко-далеко и становились совсем крошечными, а их бессвязное бормотание – едва слышным, не громче комариного писка, то вдруг начинали расти и со страшной скоростью надвигаться на нее. Она

устала, смертельно устала. Лечь бы и проспать несколько дней кряду.

Если бы можно было уснуть и, проснувшись, почувствовать мягкое прикосновение руки Эллин к своему плечу, услышать ее голос: «Уже поздно, Скарлетт. Нельзя быть такой лентяйкой». Но так уже не будет никогда. О, если бы Эллин была рядом! Если бы рядом был кто-то и старше и умнее и не такой смертельно усталый, как она, кто-то, кто мог бы ей помочь! Кто-то, кому можно уткнуться головой в колени и переложить тяжкую ношу со своих плеч на его плечи!

Бесшумно отворилась дверь, и вошла Дилси, держа ребенка Мелани у груди и бутылку виски в руке. В тусклом колеблющемся свете ночника она показалась Скарлетт похудевшей, а примесь индейской крови стала словно бы более заметной. Широкие скулы обозначились резче, ястребиный нос заострился, а бронзовый оттенок кожи проступил отчетливее. Ее линиярое ситцевое платье было расстегнуто до самого пояса, и большие смуглые груди обнажены. Ребенок Мелани жадно насыщался, припав крошечным бледно-розовым ротиком к темному соску. Младенческие кулачки упирались в мягкую плоть, словно лапы котенка – в теплую шерсть материнского живота.

Скарлетт, пошатываясь, поднялась на ноги и положила руку на плечо Дилси.

– Как хорошо, что ты осталась с нами, Дилси.

– Как же я могла уйти с этими негодными неграми, мисс Скарлетт, когда ваш папенька такой был добрый и, купил меня и мою Присси, и ваша маменька тоже была всегда такая добрая?

– Сядь, Дилси. Значит, ребенок берет грудь, все в порядке? А как мисс Мелани?

– Да с ребенком все в порядке, просто голодный он, а чем накормить голодного ребенка – этого у меня хватит. И мисс Мелани в порядке, мэм. Она не умрет, мисс Скарлетт, не бойтесь. Я таких, как она, перевидала немало – и белых и черных. Она просто уж больно устала, замучилась и больно боится за маленького. Но я ее успокоила и дала ей выпить, что тут оставалось, в этой бутылке, и теперь она уснула.

«Вот как, значит, кукурузное виски сослужило службу всему семейству! – подумала Скарлетт, подавляя желание истерически расхохотаться. – Пожалуй, стоит дать и Уэйду, может, он перестанет икать?.. И Мелани не умрет... И когда Эшли вернется.., если он вернется...» Нет, об этом она тоже не будет думать сейчас... Потом, потом. Так много всего, о чем придется подумать.., потом. Столько всего надо распутать, столько всего нужно решить. О, если бы можно было отодвинуть все это от себя навсегда! Внезапно она испуганно вздрогнула от скрипучих ритмичных звуков, нарушивших тишину за окном.

– Это Мамушка – достает воды, чтоб обтереть барышень. Их нужно часто обтирать, – пояснила Дилси, устанавливая тыквенную бутылку на столе и подпирая ее пузырьками с лекарством и стаканами.

Скарлетт неожиданно рассмеялась. Должно быть, нервы у нее совсем развинтились, если скрип колодезного ворота, знакомый ей с младенческих лет, мог так ее напугать. Дилси внимательно на нее поглядела. Ничто не отразилось на ее спокойном, исполненном достоинства лице, но Скарлетт почувствовала, что Дилси все поняла. Скарлетт снова откинулась на спинку стула. Надо бы хоть расшнуровать корсет, расстегнуть воротник, который душил ее, вытряхнуть из туфель песок и камешки, от которых горели ноги.

Неспешно поскрипывал ворот, обвиваясь веревкой и с каждым оборотом все выше поднимая ведерко с водой. Скоро она придет сюда – та, что вынянчила и Эллин, и ее. Скарлетт сидела молча, словно бы отрешившись на миг от всего, а младенец, насытившись молоком, потерял полубившийся ему сосок и захныкал. Дилси, такая же молчаливая, как Скарлетт, снова приложила младенца к груди, тихонько его покачивая. Скарлетт прислушивалась к медленному

шарканью Мамушкиных ног на заднем дворе. Как недвижим и тих воздух ночи! Малейший звук громом отдавался в ушах.

Лестница в холле, казалось, заходила ходуном под тяжестью грузного тела, когда Мамушка со своей ношей стала подниматься наверх. И вот она появилась в дверях: две деревянные бадейки, полные воды, оттягивали ей плечи, доброе темное лицо было печально – недоуменно-печально, как лицо старой мартышки.

При виде Скарлетт глаза ее засветились радостью, белые зубы блеснули в улыбке, она поставила бадейки, и Скарлетт, вскочив, бросилась к ней и припала головой к широкой, мягкой груди, к которой в поисках утешения припадало столько голов – и черных и белых. «Вот то небольшое надежное, что осталось от прежней жизни, что не изменилось», – пронеслось у Скарлетт в голове. Но первые же слова Мамушки развеяли эту иллюзию.

– Наша доченька воротилась домой! Ох, мисс Скарлетт, опустили мы мисс Эллин в могилку, и как теперь жить-то будем, ума не приложу! Ох, мисс Скарлетт, одного хочу – поскорее лечь рядом с мисс Эллин! Куда ж я без нее! Только горе да беда кругом. Знай одно – свою ношу нести...

Скарлетт стояла, припав головой к Мамушкиной груди; последние слова Мамушки поразили ее слух: «Знай одно – свою ношу нести». Именно эти слова монотонно стучали у нее в мозгу весь вечер, сводя ее с ума. И сейчас у нее захолонуло сердце, когда она вспомнила, откуда они:

Еще день, еще два свою ношу нести
И не ждать ниоткуда подмоги.
Еще шаг, еще шаг по дорогам брести...

«И не ждать ниоткуда подмоги...» – эта строчка всплыла теперь в усталой памяти. Неужели ее ноша никогда не станет легче? И возвращение домой – это не благословенное утешение всех печалей, а еще новый груз ей на плечи? Она выскользнула из объятий Мамушки и погладила ее по морщинистой щеке.

– Ласточка моя, что с вашими ручками! – Мамушка взяла ее маленькие, натруженные, все в волдырях и ссадинах руки и глядела на них с ужасом и осуждением. – Мисс Скарлетт, уж я ли не говорила вам, я ли вам не говорила, что настоящую леди всегда можно узнать по рукам... А личико-то у вас совсем потемнело от загара!

Бедная Мамушка, ей все еще бередают душу эти пустяки, хотя над головой ее прогремела война и она смотрела в глаза смерти! Того и гляди, она, пожалуй, скажет, что молодой даме с волдырями на пальцах и веснушками на носу никогда не заполучить жениха! Скарлетт поспешила ее опередить:

– Мамушка, расскажи мне про маму. Я не могу слышать, как о ней рассказывает папа.

Слезы брызнули из глаз Мамушки; она наклонилась и подняла бадейки с водой. Молча поставила их возле кровати, откинула простыню и начала стаскивать ночные рубашки с Кэррин и Сьюлин. Скарлетт смотрела на своих сестер в тусклом, мерцающем свете ночника и видела, что рубашка у Кэррин, хотя и чистая, но уже превратилась в лохмотья, а на Сьюлин – старый пеньюар из небеленого полотна, пышно отделанный ирландским кружевом. Мамушка, молча роняя слезы, обтирала мокрой губкой исхудалые девичьи тела, а вместо полотенца пускала в ход обрывок старого передника.

– Мисс Скарлетт, это все Слэттери, эта никудышная, жалкая белая гольтьба, дрянные, подлые людишки! Это они сгубили мисс Эллин. Уж сколько я ей толковала, сколько толковала –

нечего с ними связываться, одно зло от них, да уж больно она добрая была, никому не могла отказать в помощи.

– Слэттери? – с недоумением переспросила Скарлетт. – А они здесь при чем?

– На них там напала эта самая хворь. – Мамушка показала тряпкой, с которой стекала вода, на обнаженные тела сестер. – Эмми, старшая дочка мисс Слэттери, слегла, и мисс Слэттери принеслась как угорелая сюда, за мисс Эллин. Она ж всегда этак, случись у них чего. Почему бы ей самой-то не повозиться со своими? Мисс Эллин и так еле на ногах держалась. А все ж таки пошла туда и ухаживала за Эмми. А сама-то она уже тогда больна была. Ваша мама, мисс Скарлетт, уже давно была больна. Есть-то почитай что нечего было, что ни вырастим – все забирали для солдат. А мисс Эллин ела как птичка. И уж сколько я ей ни толковала, сколько ни толковала – бросьте вы возиться с этой белой гольтьбой, да разве она меня слушала. А когда Эмми пошла вроде на поправку, слегла мисс Кэррин. Да, мэм, тиф пошел дальше и пришел сюда, и мисс Кэррин слегла, а за ней и мисс Сьюлин. Ну, тут мисс Эллин принялась выхаживать их.

За рекой – янки, кругом стрельба, негры с полей что ни день бегут, и никто не знает, что с нами будет. Я думала – ума решусь. А мисс Эллин – ну хоть бы что, такая ж, как всегда. Только о дочках очень тревожилась, что нету у нас ни лекарств, ничего. И как-то раз – мы в ту ночь почитай что раз десять обтирали их, бедняжек, – она и говорит мне: «Мамушка, я бы, – говорит, – продала бы, кажется, душу дьяволу за кусочек льда, чтобы положить на лоб моим дочкам».

Она сюда никого не пускала – ни мистера Джералда, ни Розу, ни Тину, никого, только меня, потому как я-то тифом раньше переболела. А потом он свалил и ее, и я сразу увидела, мисс Скарлетт, что тут уж ничем не поможешь.

Мамушка выпрямилась и вытерла фартуком слезы.

– Ее сразу скрутило, и даже этот добряк – доктор-янки – ничего поделывать не мог. Она, мисс Скарлетт, не понимала ничего. Я, бывало, кличу ее, кличу, говорю с ней, а она даже и не узнает своей Мамушки.

– А про меня.., она вспоминала? Звала меня?

– Нет, ласточка. Она думала, что она опять в Саванне, опять девочка еще. И не звала никого. Дилси пошевелилась и опустила уснувшего ребенка себе на колени.

– Нет. Она звала, мэм. Одного человека звала.

– Цыц ты! Заткни свою краснокожую пасть! – Мамушка, дрожа от возмущения, повернулась к Дилси.

– Тише, Мамушка, тише! Кого она звала, Дилси? Папу?

– Нет, мэм. Не вашего папеньку. Это было в ту ночь, когда жгли хлопок...

– Так хлопок сожгли? Весь?.. Что ты молчишь?

– Да, мэм, сгорел он. Солдаты вытащили его из-под навеса на задний двор, подожгли и все кричали: «Во какой у нас костер – самый большой во всей Джорджии!» Урожай хлопка за три года – сто пятьдесят тысяч долларов, – все спалили одним махом!

– Светло было как днем. Даже здесь, наверху, в комнатах так стало светло – нитку можно было продеть в иголку. Мы страсть как боялись, что и дом загорится. И когда в окнах-то засветилось, мисс Эллин села на постели и громко-громко крикнула – раз и потом другой: «Филипп! Филипп!» Я такого имени отродясь не слыхала, но только это было чье-то имя и она, значит, звала кого-то.

Мамушка, окаменев, приросла к месту. Она сверлила глазами Дилси, а Скарлетт молча закрыла лицо руками. Кто такой этот Филипп, какое отношение имел он к Эллин, почему призывала она его в свой смертный час?

Долгий путь от Атланты до Тары, который должен был привести ее в объятия Эллин, пришел к концу, и перед Скарлетт воздвиглась глухая стена. Никогда уже больше не уснет она безмятежно, как ребенок, под отчим кровом, окруженная любовью и заботами Эллин, ощущая их на себе, словно мягкое пуховое одеяло. Не было больше тихой пристани, и все казалось ненадежным и непрочным. И не было пути ни назад, ни в сторону – тупик, глухая стена. И ношу свою она не могла переложить на чьи-то другие плечи. Отец стар и не в себе от горя; сестры больны; Мелани чуть жива; дети беспомощны, а кучка негров взирает на нее с детской доверчивостью, ходит за ней по пятам, твердо зная, что старшая дочь Эллин будет для всех столь же надежным оплотом, каким была ее мать.

За окном всходила луна, и в ее тусклом свете перед взором Скарлетт, подобная обескровленному телу (ее собственному, медленно кровоточащему телу), лежала обезлюдевшая, выжженная, разоренная земля. Вот он, конец пути: старость, болезни, голодные рты, беспомощные руки, цепляющиеся за ее подол. И она, Скарлетт О'Хара Гамильтон, вдова девятнадцати лет от роду, одна, одна с малюткой-сыном.

Так что же ей теперь делать? Конечно, тетушка Питти и Бэрры в Мейконе могут взять к себе Мелани с младенцем. Если сестры поправятся, родные Эллин должны будут – пусть даже им это не очень по душе – позаботиться о них. А она и Джералд могут обратиться за помощью к дядюшкам Джеймсу и Эндрю.

Скарлетт поглядела на два исхудалых тела, разметавшиеся на потемневших от пролитой воды простынях. Она не испытывала любви к Сьюлин и сейчас внезапно поняла это с полной отчетливостью. Да, она никогда ее не любила. Не так уж сильно привязана она и к Кэррин – все слабые существа не вызывали в ней симпатии. Но они одной с ней плоти и крови, они частица Тары. Нет, не может она допустить, чтобы они жили у тетушек, на положении бедных родственников. Чтобы кто-то из О'Хара жил у кого-то из милости, на чужих хлебах! Нет, этому не бывать!

Так неужели нет выхода из этого тупика? Ее усталый мозг отказывался соображать. Она медленно, словно воздух был плотным, как вода, подняла руки и поднесла их к вискам. Потом взяла тыквенную бутылку, установленную между стаканами и пузырьками, и заглянула в нее. На дне оставалось еще немного виски – при этом тусклом свете невозможно было понять сколько. Странно, что резкий запах виски уже не вызывал в ней отвращения. Она сделала несколько медленных глотков, но виски на этот раз не обожгло ей горло – просто тепло разлилось по всему телу, погружая его в оцепенение.

Она положила на стол пустую бутылку и поглядела вокруг. Все это сон: душная, тускло освещенная комната; два тощих тела на кровати; Мамушка – огромное, бесформенное нечто, примостившееся возле; Дилси – неподвижное бронзовое изваяние с розовым комочком, уснувшим у ее темной груди... Все это сон, и когда она проснется, из кухни потянет жареным беконом, за окнами прозвучат гортанные голоса негров, заскрипят колеса выезжающих в поле повозок, а рука Эллин мягко, но настойчиво тронет ее за плечо.

А потом она увидела, что лежит у себя в комнате, на своей кровати, в окно льется слабый свет луны и Мамушка с Дилси раздевают ее. Она была уже избавлена от мук, причиняемых тугим корсетом, и могла легко и свободно дышать всей грудью. Она чувствовала, как с нее осторожно стягивают чулки, слышала невнятное, успокаивающее бормотание Мамушки, обмывавшей ее натруженные ступни... Как прохладна вода, как хорошо лежать здесь, на мягкой постели, и чувствовать себя ребенком! Она глубоко вздохнула и закрыла глаза... Пролетело какое-то мгновение, а быть может, вечность, и она уже была одна, и в комнате стало светлее, и

луна заливала сиянием ее постель.

Она не понимала, что сильно захмелела – захмелела от усталости и от виски. Ей казалось просто, что она как бы отделилась от своего измученного тела и парит где-то высоко над ним, где нет ни страданий, ни усталости, и голова у нее необычайно светла, и мозг работает со сверхъестественной ясностью.

Она теперь смотрела на мир новыми глазами, ибо где-то не долгим и трудном пути к родному дому она оставила позади свою юность. Ее душа уже не была податливой, как глина, восприимчивой к любому новому впечатлению. Она затвердела – это произошло в какую-то неведомую секунду этих бесконечных, как вечность, суток. Сегодня ночью в последний раз кто-то обходился с нею как с ребенком. Юность осталась позади, она стала женщиной.

Нет, она не может и не станет обращаться ни к братьям Джералда, ни к родственникам Эллин. О’Хара не принимают подаваний. О’Хара умеют сами позаботиться о себе. Ее ноша – это ее ноша и, значит, должна быть ей по плечу. Глядя на себя откуда-то сверху и словно бы со стороны, она без малейшего удивления подумала, что теперь ее плечи выдержат все, раз они выдержали самое страшное. Она не покинет Тару. И не только потому, что эти акры красной земли принадлежат ей, а потому, что она сама – всего лишь их частица. Она, подобно хлопку, корнями вросла в эту красную, как кровь, почву и питалась ее соками. Она останется в поместье и найдет способ сохранить его и позаботиться об отце, и о сестрах, и о Мелани, и о сыне Эшли, и о неграх. Завтра...

Ох, это завтра. Завтра она наденет на шею ярмо. Завтра столько всего нужно будет сделать. Нужно пойти в Двенадцать Дубов и в усадьбу Макинтошей и поискать, не осталось ли чего-нибудь в огородах, а потом поглядеть по заболоченным местам у реки, не бродят ли там разбежавшиеся свиньи и куры. И нужно поехать в Джонсборо и Лавджой, отвезти маминны драгоценности – может, там остался кто-нибудь, у кого удастся выменять их на продукты. Завтра... завтра – все медленнее отсчитывало у нее в мозгу, словно в часах, у которых завод на исходе; но необычайная ясность внутреннего зрения оставалась.

И неожиданно ей отчетливо припомнились все семейные истории, которые она столько раз слушала в детстве – слушала нетерпеливо, скучая и не понимая до конца. О том, как Джералд, не имея ни гроша за душой, стал владельцем Тары; как Эллин оправилась от таинственного удара судьбы; как дедушка Робийяр сумел пережить крушение наполеоновской империи и заново разбогател на плодородных землях Джорджии; как прадедушка Прюдом создал небольшое королевство, проникнув в непролазные джунгли на Гаити, все потерял и вернул себе почет и славу в Саванне; о бесчисленных безымянных Скарлетт, сражавшихся бок о бок с ирландскими инсургентами за свободную Ирландию и вздернутых за свои старания на виселицу, и о молодых и старых О’Хара, сложивших голову в битве на реке Бойн, защищая до конца то, что они считали своим по праву.

Все они понесли сокрушительные потери и не были сокрушены. Их не сломил ни крах империи, ни мачете в руках взбунтовавшихся рабов, ни опала, ни конфискация имущества, ни изгнание. Злой рок мог сломать им хребет, но не мог сломить их дух. Они не жаловались – они боролись. И умирали, исчерпав себя до конца, но не смирившись. Все эти призраки, чья кровь текла в ее жилах, казалось, неслышно заполняли залитую лунным светом комнату. И Скарлетт не испытывала удивления, видя перед собой своих предков, которым суждено было нести такой тяжкий крест и которые перекраивали судьбу на свой лад.

Тара была ее судьбой, ее полем битвы, и она должна эту битву выиграть.

Словно в полусне она повернулась на бок, и сознание ее стало медленно погружаться во мрак. В самом ли деле они все пришли сюда, эти тени, чтобы безмолвно шепнуть ей слова ободрения, или это сон?

– Здесь вы или вас нет, – пробормотала она засыпая, – все равно спасибо вам и – спокойной ночи.

На следующее утро все тело у Скарлетт так ломило от долгой непривычной ходьбы и езды в тряской повозке, что каждое движение причиняло нестерпимую боль. Лицо было обожжено солнцем, и ладони в волдырях. Во рту и в горле пересохло, она умирала от жажды и никак не могла утолить ее, сколько бы ни пила воды. Голова была словно налита свинцом, и малейшее движение глазами заставляло морщиться от боли. Тошнота, совсем как в первые месяцы беременности, подкатывала к горлу, и даже запах жареного ямса, поданного к столу на завтрак, был непереносим. Джералд мог бы объяснить ей, что после крепкой выпивки накануне она впервые стала жертвой обычного состояния похмелья, но Джералд не замечал ничего происходившего вокруг. Он сидел во главе стола – старый седой человек с отсутствующим взглядом, – сидел, уставившись выцветшими глазами на дверь, чуть наклонив голову набок и стараясь уловить шелест платья Эллин, вдохнуть запах сухих духов лимонной вербены.

Когда Скарлетт села за стол, он пробормотал:

– Мы подождем миссис О’Хара. Она задержалась. Скарлетт подняла разламывающуюся от боли голову и поглядела на него, не веря своим ушам, но встретила молящий взгляд стоявшей за стулом Джералда Мамушки. Тогда она встала пошатываясь, невольно поднесла руку ко рту и при ярком утреннем свете взгляделась в лицо отца. Он устремил на нее ничего не выражающий взгляд, и она увидела, что руки у него дрожат и даже голова слегка трясется.

До этой минуты она не отдавала себе отчета в том, до какой степени подсознательно рассчитывала на Джералда, полагая, что он возьмет на себя руководство хозяйством и будет указывать ей, что следует делать. Но теперь... А ведь прошлой ночью он как будто совсем пришел в себя. Правда, от прежней живости и бахвальства не осталось и следа, но, по крайней мере, он вполне связно рассказывал о различных событиях, а теперь... Теперь он даже не сознает, что Эллин нет в живых. Двойной удар – ее смерть и приход янки – потрясли его рассудок. Скарлетт хотела было что-то сказать, но Мамушка неистово замотала головой и утерла покрасневшие глаза краем передника.

«Неужели папа совсем лишился рассудка? – пронеслось у Скарлетт в уме, и ей показалось, что голова у нее сейчас лопнет от этого нового обрушившегося на нее удара. – Нет, нет, он просто оглушен. Просто болен. Это пройдет. Он поправится. Должен поправиться. А что я буду делать, если не пройдет? Я не стану думать об этом сейчас. Не стану думать ни о чем, ни о маме, ни обо всех этих ужасах сейчас. Не стану думать, пока... Пока я еще не в силах этого выдержать. Столько есть всего, о чем надо подумать. Зачем забивать себе голову тем, чего уже не вернешь, – надо думать о том, что еще можно изменить».

Она встала из-за стола, не притронувшись к завтраку, вышла на заднее крыльцо и увидела Порка: босой, в лохмотьях, оставшихся от его парадной ливреи, он сидел на ступеньках и щелкал орешки арахиса. В голове у Скарлетт стоял гул и звон, солнце немилосердно резало глаза. Даже держаться прямо было ей сейчас нелегко, и она заговорила сухо, коротко, отбросив все правила вежливого обращения с неграми, на которых всегда настаивала ее мать.

Она начала задавать вопросы в такой резкой форме и так повелительно отдавать распоряжения, что у Порка от удивления глаза полезли на лоб. Мисс Эллин никогда не разговаривала так ни с кем из слуг, даже если заставляла их на месте преступления – с украденной дыней или цыпленком. Скарлетт снова принялась расспрашивать про плантации, про фруктовый сад, огород, живность, и в ее зеленых глазах появился такой жесткий блеск, какого Порк никогда прежде не замечал.

– Да, мэм, эта лошадь сдохла – прямо там, где я ее привязал. Ткнулась мордой в ведро с

водой и опрокинула его. Нет, мэм, корова жива. Вам не докладывали? Она отелилась ночью. Потому и мычала так.

– Да, отличная повивальная бабка получится из твоей Присси, – едко проронила Скарлетт. – Она ведь утверждала, что корова мычит, потому что давно не доена.

– Так ведь Присси не готовили в повивальные бабки для скота, мисс Скарлетт, – деликатно напомнил Порк. – И, как говорится, спасибо за то, что бог послал, – эта телочка вырастет в хорошую корову, и у нас будет полно молока, масла и пахтанья для молодых мисс, а доктор-янки говорил, что молодым мисс большая от него польза.

– Ну, ладно, давай дальше. Скот какой-нибудь остался?

– Нет, мэм. Только одна старая свинья с поросятами. Я загнал их всех на болото, когда понаехали янки, а нынче где их искать – бог весть. Она пугливая была, свинья эта.

– Все равно их надо разыскать. Возьми с собой Присси и отправляйся, пригони их домой. Порк был немало удивлен и сразу вознегодовал.

– Мисс Скарлетт, это работа для негров с плантации. А я всю жизнь служил при господах. Два маленьких дьяволенка с раскаленными докрасна вилами, казалось, глянули на Порка из зеленых глаз Скарлетт.

– Ты и Присси вдвоем сейчас же пойдете и поймаете эту свинью, или – вон отсюда, к тем, что сбежали.

Слезы обиды навернулись на глаза Порка. Ох., если бы мисс Эллин была жива! Она разбиралась в этих тонкостях, понимала разницу в обязанностях дворовой челяди и рабов с плантации.

– Вон отсюда, говорите, мисс Скарлетт? Куда же мне идти?

– Не знаю и знать не хочу. Но каждый, кто не желает делать то, что надо, может отправляться к янки. Передай это и всем остальным.

– Слушаюсь, мэм.

– Ну, а что с кукурузой и хлопком?

– С кукурузой? Боже милостивый, мисс Скарлетт, они же пасли лошадей на кукурузном поле, а то, что лошади не съели и не вытоптали, они увезли с собой. И они гоняли свои пушки и фургоны по хлопковым полям и погубили весь хлопок. Уцелело несколько акров, внизу у речки – видать, они не приметили. А какой от них прок – там больше трех тюков не наберется.

Три тюка! Скарлетт припомнилось бесчисленное множество тюков хлопка, которые ежегодно приносил урожай, и сердце ее заныло. Три тюка. Почти столько, сколько выращивали эти никудышные лентяи Слэттери. А ведь еще налог. Правительство Конфедерации взимало налоги вместо денег хлопком. Три тюка не покроют даже налога. Конфедерации же нет дела до того, что все рабы разбежались и хлопок собирать некому.

«Ладно, и об этом не стану думать сейчас, – сказала себе Скарлетт. – Налоги – это не женская забота, в конце концов. Об этом должен заботиться отец. Но он... О нем я тоже сейчас не буду думать. Получит Конфедерация наш хлопок, когда рак на горе свистнет. Сейчас главное для нас – что мы будем есть?» – Порк, был кто-нибудь из вас в Двенадцати Дубах или в усадьбе Макинтошей? Там могло остаться что-нибудь на огородах.

– Нет, мэм. Мы из Тары ни ногой. Боялись, как бы не напороться на янки.

– Я пошлю Дилси к Макинтошам, может быть, она раздобудет там что-нибудь поесть. А сама схожу в Двенадцать Дубов. – С кем же вы пойдете, барышня?

– Ни с кем. Мамушка должна остаться с сестрами, а мистер Джералд не может...

Порк страшно раскудахтался, чем привел ее в немалое раздражение. В Двенадцати Дубах могут быть янки или беглые негры – ей нельзя идти туда одной.

– Ладно, хватит, Порк. Скажи Дилси, чтобы она отправлялась немедленно. А ты и Присси

пригоните сюда свинью с поросятами, – повторила свой приказ Скарлетт и повернулась к Порку спиной.

Старый Мамушкин чепец, выцветший, но чистый, висел на своем месте на заднем крыльце, и Скарлетт нахлобучила его на голову, вспомнив при этом как что-то привидевшееся в давнем сне шляпку с пушистым зеленым пером, которую Ретт привез ей из Парижа. Она взяла большую плетеную корзину и стала спускаться по черной лестнице, каждый шаг отдавался у нее в голове так, словно что-то взламывало ей череп изнутри.

Дорога, сбегавшая к реке, – красная, раскаленная от зноя, – пролегла между выжженных, вытопанных хлопковых полей. Ни одного дерева на пути, чтобы укрыться в тени, и солнце так немилосердно жгло сквозь Мамушкин чепец, словно он был не из плотного, простеганного ситца на подкладке, а из прокрахмаленной кисеи, и от пыли так щекотало в носу и в горле, что Скарлетт казалось – она закаркает, как ворона, если только откроет рот. Вся дорога была искромсана подковами лошадей и колесами тяжелых орудий, и даже в красных канавах по обочине видны были следы колес. Кусты хлопка лежали сломанные, втопанные в землю, – там, где, уступая дорогу артиллерии, кавалерия или пехота шла через поле. Повсюду валялись куски сбруи, пряжки, куски подошв, окровавленные лохмотья, синие кепи, солдатские котелки, сплюснутые конскими копытами и колесами орудий, – все то, что, пройдя, оставляет позади себя армия.

Скарлетт миновала небольшую кедровую кущу и невысокую кирпичную ограду, которой было обнесено их семейное кладбище, стараясь не думать о свежей могиле рядом с тремя невысокими холмиками, где покоились ее маленькие братишки. О, Эллин! Она спустилась с холма, прошла мимо кучи обгорелых бревен и невысокой печной трубы на месте бывшего дома Слэттери, исступленно, с неистовой злобой желая, чтобы все их племя превратилось в золу. Если бы не Слэттери, если бы не эта мерзавка Эмми со своим ублюдком, прижитым от управляющего, Эллин была бы жива.

Она застонала, когда острый камешек больно вонзился в волдырь на ноге. Зачем она здесь? Зачем она, Скарлетт О'Хара, первая красавица графства, гордость Тары, всеми лелеемая и оберегаемая, тащится по этой пыльной дороге чуть ли не босиком? Ее маленькие ножки созданы для паркета, а не для этих колдобин, ее крошечные туфельки должны кокетливо выглядывать из-под блестящего шелка юбки, а не собирать острые камешки и дорожную пыль. Она рождена для того, чтобы ей служили, холили ее и нежили, а вместо этого голод пригнал ее сюда, измученную, в отрепьях, рыскать по соседским огородам в поисках овощей.

У подножия пологого холма протекала речка, и какой прохладой и тишиной веяло оттуда, что ветви деревьев низко нависли над водой. Скарлетт присела на некрутом берегу, скинула стоптанные туфли, стянула драные чулки и погрузила горевшие как в огне ступни в прохладную воду. Хорошо бы сидеть так весь день, вдали от устремленных на нее беспомощных взоров, сидеть и слышать в тишине только шелест листьев да журчание медленно бегущей воды! Но она, хоть и через силу, снова надела чулки и туфли и побрела дальше вдоль мшистого, мягкого, как губка, берега, держась в тени деревьев. Янки сожгли мост, но она знала, что там, где ярдах в ста ниже по течению русло сужалось, есть мостки – перекинутые через речку бревна. Она осторожно перебралась на другой берег и под палящим солнцем стала подниматься на холм – до Двенадцати Дубов оставалось полмили.

Все они – двенадцать дубов – стоят, как стояли еще со времен индейцев, только искривились обнаженные ветви, потемнела, пожухла опаленная огнем листва. А за ними лежат руины дома Джона Уилкса – почерневшие остатки белоколонного особняка, так величаво венчавшего вершину холма. Черная яма, бывшая прежде погребом, обугленный каменный фундамент и две солидные дымовые трубы указывали на то, что здесь раньше жили люди. И

одна колонна, длинная, полуобгоревшая, лежала поперек газона, придавив капитально куст жасмина.

Скарлетт опустилась на колонну, слишком потрясенная, чтобы найти в себе силы сделать еще хоть шаг. Картина этого разорения поразила ее в самое сердце – сильнее, чем все, что она видела до сих пор. Гордость рода Уилксов лежала у ее ног, обращенная в прах. Вот какой конец нашел добрый, гостеприимный дом, где ее всегда так радушно принимали, дом, хозяйкой которого рисовала она себя в несбывшихся мечтах. Здесь она танцевала, кружила мужчинам головы, обедала, здесь, сжигаемая ревностью, с истерзанным сердцем, наблюдала, как Эшли смотрит на улыбающуюся ему Мелани. И здесь в прохладной тени дуба Чарльз Гамильтон, не помня себя от счастья, сжал ее руки, когда она сказала, что согласна стать его женой.

«О, Эшли! – пронеслось у нее в голове. – Быть может, это к лучшему, если вас нет в живых! Страшно подумать, что вам доведется когда-нибудь это увидеть!» Эшли привел сюда молодую жену, но ни его сыну, ни его внуку уже не суждено ввести в этот дом свою новобрачную. Не будут больше греметь здесь свадьбы, женщины не будут больше рожать детей под этим кровом, который был ей так дорог и под которым она так страстно мечтала править. От дома остался обгорелый труп, и Скарлетт казалось, что весь род Уилксов погребен под горами золы.

– Я не стану думать об этом сейчас. Я сейчас не выдержу. Подумаю потом, – громко произнесла она, отводя глаз» в сторону.

Она обошла пепелище и направилась к огороду, мимо вытоптанных розовых клумб, за которыми так заботливо ухаживали сестры Уилкс. Миновала задний двор, сгоревшие амбары, коптильню и птичник. Изгороди из кольев, которой был обнесен огород, не было, и аккуратные ряды зеленых грядок подверглись такому же опустошению, как и огород в Таре. Мягкая земля была изрыта следами подков и тяжелыми колесами орудий, и все растения втоптаны в грунт. Искать здесь было нечего.

Она пошла назад и на этот раз выбрала тропинку, спускающуюся к молчаливым рядам белых хижин, время от времени громко выкрикивая на ходу:

– Хэлло!

Но никто не откликнулся. Даже собачьего лая не раздалось в ответ. По-видимому, все негры Уилксов разбежались или ушли с янки. Скарлетт знала, что у каждого негра был свой маленький огородик, и она направилась туда в надежде, что война пощадила хоть эти жалкие клочки земли.

Ее поиски увенчались успехом, но она была уже так измучена, что не испытала радости при виде репы и кочанов капусты – вялых, сморщившихся без поливки, но все же державшихся на грядках, – и стручков фасоли и бобов, пожелтевших, но еще годных в пищу. Она села между грядок и дрожащими руками принялась выкапывать овощи из земли, и мало-помалу ее корзина стала наполняться. Сегодня дома у них будет хорошая еда, хотя и без кусочка мяса. Впрочем, немного свиного сала, которое Дилси использует для светильников, можно будет пустить на подливку. Не забыть сказать Дилси, что лучше жечь пучки смолистых сосновых веток, а сало использовать в пищу.

Возле крыльца одной из хижин она наткнулась на небольшую грядку редиски и внезапно почувствовала лютей голод. При мысли о сочном остром вкусе редиски ее желудок требовательно взалкал. Кое-как обтерев редиску юбкой, она откусила половину и проглотила, почти не жуя. Редиска была старая, жесткая и такая едкая, что у Скарлетт на глазах выступили слезы. Но лишь только этот неудобоваримый комок достиг желудка, как тот взбунтовался, Скарлетт бессильно упала ничком на мягкую грядку, и ее стошнило.

Слабый запах негритянского жилья наползал на нее из хижины, усиливая тошноту, и она даже не пыталась ее подавить и продолжала устало отрыгивать, пока все – и хижина, и деревья – не завертелось у нее перед глазами.

Она долго лежала так, ослабев, уткнувшись лицом в землю, как в мягкую, ласковую подушку, а мысли блуждали вразброд. Это она, Скарлетт О'Хара, лежит позади негритянской хижины в чужом разоренном поместье, и ни одна душа в целом свете не знает об этом, и никому нет до нее дела. А если бы и узнал кто, то всем было бы наплевать, потому что у каждого слишком много своих забот, чтобы печься еще и о ней. И все это происходит с ней, Скарлетт О'Хара, которая никогда не давала себе труда завязать тесемки на туфельках или подобрать с пола сброшенные с ног чулки, с той самой Скарлетт О'Хара, чьим капризам привыкли потакать все, с которой все нянчились, которую все старались ублажить.

Она лежала плашмя, не имея сил отогнать от себя ни воспоминания, ни заботы, обступившие ее со всех сторон, словно стая грифов, учуявших смерть. Теперь у нее не было сил даже сказать себе: «Сейчас я не стану думать ни о маме, ни об отце, ни об Эшли, ни обо всем этом разорении... Я подумаю потом, когда смогу». Думать об этом сейчас было выше ее сил, но она не могла заставить себя не думать. Мысли против воли кружились в мозгу как хищные птицы, когтили его, вонзали в него свои клювы. Казалось, протекла вечность, пока она недвижно лежала, уткнувшись лицом в землю, палимая беспощадным солнцем, вспоминая тех, кто ушел из жизни, и жизнь, которая ушла навсегда, и заглядывая в темную бездну будущего.

Когда она наконец встала и еще раз окинула взглядом черные руины Двенадцати Дубов, голова ее была поднята высоко, но что-то неумолимо изменилось в лице – словно какая-то частица юности, красоты, нерастраченной нежности тоже ушла из него навсегда. Прошлого не вернуть. Мертвых не воскресить. Дни беззаботного веселья остались позади. И, беря в руки тяжелую корзину, Скарлетт мысленно взяла в руки и свою судьбу, решение было принято.

Пути обратного нет, и она пойдет вперед.

Минет, быть может, лет пятнадцать, а женщины Юга с застывшей навеки горечью в глазах все еще будут оглядываться назад, воскрешая в памяти канувшие в небытие времена, канувших в небытие мужчин, поднимая со дна души бесплодно-жгучие воспоминания, дабы с гордостью и достоинством нести свою нищету. Но Скарлетт не оглянется назад.

Она посмотрела на обугленный фундамент, и в последний раз усадебный дом воскрес перед ее глазами – богатый, надменный дом, символ высокого родства и образа жизни. Она отвернулась и зашагала по дороге к Таре; тяжелая корзина оттягивала ей руку.

Голод снова начал терзать ее пустой желудок, и она произнесла громко:

– Бог мне свидетель, бог свидетель, я не дам янки меня сломить. Я пройду через все, а когда это кончится, я никогда, никогда больше не буду голодать. Ни я, ни мои близкие. Бог мне свидетель, я скорее украду или убью, но не буду голодать.

Шли дни, и Тара все больше становилась похожей на необитаемый остров Робинзона Крузо – такая здесь царил тишина, такой отрезанной от всего мира казалась усадьба. А мир был в нескольких милях, но так далек, словно тысячи миль грохочущих океанских валов отделяли этот островок от Джонсборо и Фейетвилла, от Лавджоя и даже от соседних плантаций. После того как старая лошадь сдохла, вместе с ней было утрачено и последнее средство сообщения с окружающим миром, а мерять ногами красную землю ни у кого не было ни сил, ни времени.

Порой в разгар изнурительной работы ради куска хлеба и неустанного ухода за тремя больными, в минуты отчаянного напряжения Скарлетт с удивлением ловила себя на том, что невольно напрягает слух, ожидая услышать привычные звуки: пронзительный смех негритят, скрип возвращающихся с поля телег, ржание верхового жеребца Джералда, скачущего через выгон, шуршание гравия под колесами на подъездной аллее и веселые голоса соседей, заглянувших провести вечерок и поделиться новостями. Но разумеется, сколько бы она ни прислушивалась, все было напрасно. Дорога лежала тихая, пустынная, и ни разу не за клубилось на ней облачко красной пыли, возвещающая приезд гостей. Тара была островом среди зеленых

волнообразных холмов и красных вспаханных полей.

Где-то существовал другой мир и другие люди, у них была еда и надежный кров над головой. Где-то девушки в трижды перекроенных платьях беззаботно кокетничали и распевали «В час победы нашей», как распевала она дама еще так недавно. И где-то она еще шла, эта война, и гремели пушки, и горели города, и люди умирали в госпиталях, пропитанных тошнотворно-сладким запахом гангренозных тел. И босые солдаты в грязной домотканой одежде маршировали, сражались и спали вповалку, усталые и голодные, разуверившиеся и потому павшие духом. И где-то зеленые холмы Джорджии стали синими от синих мундиров янки, сытых янки, на гладких, откормленных кукурузой конях.

За пределами Тары простирался весь остальной мир и шла война. Здесь же, на плантации, и весь мир и война существовали только в воспоминаниях, с которыми приходилось сражаться, когда они в минуты изнеможения осаждали мозг. Все, из чего складывалась прежняя жизнь, отступало перед требованиями пустых или полупустых желудков, и все помыслы сводились к двум простым и взаимосвязанным понятиям: еда и как ее добыть.

Еда! Еда! Почему память сердца слабее памяти желудка? Скарлетт могла совладать со своим горем, но не со своим желудком, и каждое утро, прежде чем война и голод всплывали в ее сознании, она, проснувшись, но еще в полудреме, замирала, свернувшись клубочком в сладком ожидании, что сейчас в окно потянет запахом жареной грудинки и свежеевыпеченных булочек. И каждое утро, с силой потянув воздух носом, улавливала запах той пищи, которая теперь ждала ее при пробуждении.

На стол в Таре подавались яблоки, яме, арахис и молоко. Но даже этой примитивной еды никогда не было вдосталь. А видя ее трижды в день, Скарлетт невольно уносилась мыслями к прежним дням, к столу, освещенному огнями свечей, к блюдам, источавшим аромат.

Как беспечно относились они тогда к пище, как были расточительны! Булочки, кукурузные оладьи, бисквиты, вафли, растопленное масло – и все это только к завтраку. А потом блюдо с ветчиной – на одном конце стола, блюдо с жареными цыплятами – на другом, и тут же тушеная капуста в горшочке, обильно залитая соусом, отливающим жиром, горы фасоли в сметанном соусе, таком густом, что его можно резать ножом. И три десерта, чтобы каждый мог выбрать, что ему больше по вкусу: слоеный шоколадный пирог, ванильное бланманже или торт со взбитыми сливками. При воспоминании об этих яствах слезы выступали у нее на глазах, остававшихся сухими перед лицом войны и перед лицом смерти, и тошнота подымалась к горлу из пустого, вечно урчащего от голода желудка. Ибо аппетит – предмет постоянных сокрушения Мамушки, – аппетит здоровой девятнадцатилетней женщины четырехкратно возрос вследствие неустанной, тяжелой и совсем непривычной для нее работы.

Но не только ее собственный аппетит доставлял Скарлетт мучения: отовсюду на нее глядели голодные лица – белые и черные. Скоро и Кэррин и Сьюлин тоже станут испытывать неумный голод, как все идущие на поправку тифозные больные. Уже и Малыш Уэйд начинал уныло канючить:

– Не хочу ямса! Есть хочу!

Да и остальные все чаще подавали голос:

– Мисс Скарлетт, если я чего-нибудь не поем, у меня не будет молока для маленьких.

– Мисс Скарлетт, не могу я колоть дрова на пустой желудок.

– Птичка моя, я уж и ног не таскаю без еды-то.

– Доченька, неужели у нас нечего поесть, кроме ямса? Одна только Мелани не жаловалась, хотя день ото дня становилась все худее и бледнее и судорога боли пробегала у нее по лицу даже во сне.

– Я совсем не голодна, Скарлетт. Отдаю мою порцию молока Дилси. Оно ей нужнее для

младенцев. Больные ведь никогда не бывают голодны.

Вот эта ее неназойливая мужественность особенно раздражала Скарлетт – больше, чем надоедливые хныканья всех остальных. На них можно было прикрикнуть – что она и делала, – но самоотверженность Мелани ее обезоруживала и потому злила. И Джералд, и негры, и Уэйд тянулись к Мелани, поскольку она, даже больная и слабая, всегда была добра и отзывчива, у Скарлетт же в эти дни не находилось ни того ни другого.

Особенно Уэйд – он просто не вылезал из комнаты Мелани. С Уэйдом вообще творилось что-то неладное, но что именно – разбираться в этом Скарлетт сейчас было недосуг. Она приняла на веру слова Мамушки, что у ребенка, дескать, глисты, и пичкала его отваром из сухих трав и коры, которым Эллин всегда лечила от глистов негрятят. Но от этого глистогонного снадобья личико Уэйда становилось только все бледнее и бледнее. Скарлетт же воспринимала его в те дни не столько как маленькое человеческое существо, сколько как еще одну обузу, еще один рот, который надо накормить. Когда-нибудь потом, когда все эти бедствия останутся позади, она будет играть с ним, и рассказывать сказки, и учить его азбуке, но пока у нее не было на это ни времени, ни желания. А поскольку ей казалось, что он вечно вертится под ногами именно тогда, когда она особенно устала или озабочена, она нередко бывала с ним резка.

Ей действовало на нервы, что от ее окриков в его округлившись глазах появлялось выражение страха, ибо малейший испуг делал его похожим на слабоумного. Она не понимала, что это маленькое существо жило среди постоянного кошмара, сущности которого даже мозг взрослого не смог бы постичь до конца. Страх прочно поселился в Уэйде, страх томил его душу и заставлял испуганно вскрикивать по ночам, Уэйд начинал дрожать от каждого резкого слова или внезапного шума, ибо в его сознании все это было неотделимо от слова «янки», а янки он боялся больше, чем привидений, которыми пугала его Присси.

До первых дней осады, до первого залпа орудий жизнь Уэйда была спокойной, размеренной, счастливой. И хотя мать уделяла ему не слишком много внимания, он не привык слышать ничего, кроме добрых и ласковых слов, вплоть до той ночи, когда его внезапно разбудили, вытащили из кровати, и он увидел небо в огне и услышал сотрясший воздух взрыв. В эту ночь и в последовавший за ней день он впервые испытал удар материнской руки и впервые услышал от матери грубое слово. Его жизнь в уютном кирпичном доме на Персиковой улице – а другая была ему неведома – оборвалась в ту ночь навсегда, и ему уж не суждено было оправиться от этой потери. Во время бегства из Атланты он понял только одно – за ним гонятся янки, – страх, что они найдут его и разорвут на части, прочно угнездился в его душе. И всякий раз, когда Скарлетт, делая ему замечание, повышала голос, он холодел от страха, потому что в его неокрепшем детском мозгу мгновенно вставали картины той страшной ночи, когда он впервые услышал ее грубый окрик. Теперь ее сердитый голос на веки вечные был связан для него с ужасным словом «янки», и он стал бояться матери.

Скарлетт не могла не заметить, что ребенок начал ее избегать, и в те редкие минуты, когда она среди своих бесконечных дел позволяла себе задуматься над этим, его поведение вызывало в ней немалую досаду. Это было даже хуже его прежнего вечного цепляния за ее юбку, и ее задевало за живое то, что он искал прибежища на постели у Мелани, где тут же принимался спокойно играть в любую игру, какую бы она ни предложила, или слушать ее рассказы. Уэйд обожал свою тетю, у которой был такой тихий голос и которая всегда улыбалась и никогда не говорила: «Замолчи! У меня от тебя голова разламывается» или «Бога ради, перестань вертеться под ногами!» У Скарлетт не было ни времени, ни охоты нянчиться с ним, но когда это делала Мелани, в ней пробуждалась ревность. Увидав однажды, как он кувыркается через голову на постели Мелани, падая при этом прямо на нее, Скарлетт в сердцах отвесила ему подзатыльник.

– Ты что – совсем очумел? Разве можно так прыгать на тетю – ты же знаешь, что тетя

больна! Ступай сейчас же во двор, играй там, и чтоб больше я тебя здесь не видела!

Но Мелани тонкой, как плоть, рукой притянула к себе плачущего ребенка.

– Полно, полно, Уэйд. Ты же не хотел прыгнуть на меня, правда? Он мне нисколько не мешает, Скарлетт. Позволь ему побыть со мной. Позволь мне поиграть с ним. Это же единственное, что я могу делать, пока не поправлюсь, а у тебя достаточно хлопот и без него.

– Не дури, Мелли, – сухо сказала Скарлетт. – Ты и так слишком туго идешь на поправку, а если Уэйд будет прыгать у тебя на животе, лучше тебе от этого не станет. И если я еще раз застаю тебя, Уэйд, у тети на постели, ты получишь от меня хорошую трепку. И перестань шмыгать носом. Вечно ты носом шмыгаешь. Постарайся быть мужчиной.

Уэйд убежал в слезах и спрятался под домом. Мелани закусил губу, и у нее тоже выступили слезы на глазах, а Мамушка, наблюдавшая эту сцену, нахмурилась и жарко задышала. Но никто не осмеливался перечить Скарлетт в эти дни. Все боялись ее острого языка и этого нового злого существа, которое, казалось, в нее вселилось.

Скарлетт безраздельно властвовала теперь в имении, и, как это нередко бывает, столь внезапно полученная власть развязала все дремавшие в ней дурные инстинкты. Не будучи от природы злой, она вместе с тем была так напугана и так не уверена в себе, что становилась грубой, боясь, как бы ее несостоятельность не обнаружилась и не пошатнула ее авторитета. А кроме того, прикрикнуть и увидеть, что тебя боятся, было иной раз даже приятно. Это давало облегчение донельзя напряженным нервам. Она и сама замечала иной раз, что характер у нее меняется. Порой, видя, как после какого-нибудь ее не допускающего возражений приказа у Порка обиженно выпячивается губа, или слыша, как Мамушка бормочет себе под нос: «До чего же некоторые воображать здесь стали...», она удивлялась на самое себя: где же ее хорошие манеры и воспитанность? Всю мягкость, всю учтивость, которые постоянно старалась привить ей Эллин, – все как ветром сдуло, сдуло, словно листья с веток при первом холодном дыхании осени.

Как часто говорила ей Эллин: «Будь тверда, но неизменно вежлива с теми, кто тебе служит, особенно с неграми». Но если она будет с ними вежлива, они так целый день и просидят на кухне, вспоминая доброе старое время, когда дворовую челядь не посылали работать в поле.

«Люби своих сестер, береги их. Будь всегда добра к недужным и скорбящим, – говорила Эллин. – Помогай людям в беде».

Но она не могла сейчас любить своих сестер. Они камнем, висели у нее на шее. Что касается заботы о них, то разве она не купает их, не расчесывает им волосы? Разве она не кормит их, хотя для этого ей приходится ежедневно отмерять пешком милю за милей, чтобы принести горстку овощей? Разве не научилась она доить корову, хотя душа у нее каждый раз уходит в пятки, стоит этому рогатому чудовищу, уставясь на нее, помотать головой? Ну, а стараться быть к сестрам доброй – это пустая трата времени. Если она будет чересчур к ним добра, они еще, пожалуй, долго проваляются в постели, в то время как ей нужно, чтобы они побыстрее встали на ноги и в ее хозяйстве прибавилось две пары рук.

Поправлялись они медленно и все еще лежали в постели – совсем слабые, тощие. А пока они находились без сознания, мир вокруг них изменился неузнаваемо. Пришли янки, убежали негры, умерла их мать. Этому невозможно было поверить, и их разум отказывался эти три факта принять. Порой им казалось, что ничего не произошло, – просто у них продолжается бред. Не могла же Скарлетт в самом деле так измениться. Когда она, облокотясь о спинку кровати, принималась втолковывать, какую работу намерена поручить им, лишь только они поправятся, сестры смотрели на нее как на чудовище. У них не умещалось в голове, что на плантации больше нет той сотни рабов, которая эту работу выполняла. У них не умещалось в голове, что благородные девушки из семьи О'Хара должны заниматься грубым физическим трудом.

– Но, сестричка, дорогая, – пролепетала как-то раз Кэррин, и ее нежное детское личико стало совсем белым от страха, – я же не могу щепать лучину! Что будет с моими руками!

– А ты погляди на мои, – сказала Скарлетт и с жесткой улыбкой поднесла к глазам сестры свои загрубевшие, покрытые волдырями и мозолями ладони.

– По-моему, это гадко – так разговаривать с малышкой, да и со мной тоже, – вскричала Сьюлин. – По-моему, ты все лжешь и нарочно стараешься нас запугать. Послушала бы тебя мама! Она бы не позволила так с нами разговаривать! Щепать лучину! Еще чего не хватало!

Сьюлин с бессильной злобой поглядела на старшую сестру, ни секунды не сомневаясь, что Скарлетт говорит все это лишь для того, чтобы их позлить. Сьюлин только что была на краю смерти и потеряла мать. Она чувствовала себя ужасно одинокой, и ей было страшно и хотелось, чтоб ее жалели, ласкали и баловали. А вместо этого Скарлетт каждый день, став в ногах кровати, с каким-то новым, гадким блеском в зеленых, чуть раскосых глазах с удовлетворением отмечала, что сестры идут на поправку, и принималась перечислять их обязанности: стелить постели, стряпать, таскать воду из колодца, щепать лучину. И можно было подумать, что ей даже доставляет удовольствие сообщать им все эти чудовищные вещи.

А Скарлетт и вправду делала это не без удовольствия. Она держала в страхе всех негров и тиранила сестер не только потому, что напряжение, усталость, заботы не оставляли в ее душе места для участливости, а еще и потому, что таким способом Она срывала на других накопившуюся в сердце горечь: ведь все внушенные матерью представления о жизни оказались ложными.

Все, чему учила ее Эллин, обернулось совершенно непригодным теперь, и душа Скарлетт была смятена и уязвлена. Ей не приходило в голову, что Эллин не могла предусмотреть крушение мира, в котором она жила и растила своих дочерей, не могла предугадать, что у них уже не будет того положения в обществе, к которому она их так искусно готовила. Скарлетт не понимала, что Эллин, уча ее быть доброй, мягкой, уступчивой, честной, правдивой и скромной, видела впереди вереницу мирных, небогатых событиями лет, во всем подобных ее собственной размеренной жизни. Судьба вознаграждает женщин, которые живут по этим законам, говорила Эллин.

И охваченная отчаянием Скарлетт думала: «Все, все, чему она меня учила, ничем, ну, ничем не может мне помочь теперь! Какая мне польза от того, что я буду доброй? Что мне это даст, если я буду мягкой, уступчивой? Куда больше было бы толку, если бы она научила меня пахать или собирать хлопок, как негры. О, мама, ты была не права!» Она не понимала, что упорядоченный мир Эллин рухнул, вытесненный иным миром, со своими грубыми законами, с иными мерками и ценностями. Она видела только – так ей казалось, – что ее мать была не права, и в ней стремительно совершались перемены, жизненно необходимые, чтобы во всеоружии встретить этот новый мир, для которого она не была подготовлена.

Неизменной осталась только ее любовь к Таре. Всякий раз, когда она, усталая, возвращалась домой с плантации и перед ней возникало знакомое невысокое белое здание, сердце ее преисполнялось любовью и радостью от приближения к родному очагу. И всякий раз, когда, выглянув из окна, она видела зеленые пастбища, и красную пахоту, и высокую громаду темного тонкоствольного девственного леса, у нее захватывало дух от красоты этой земли. Только эта частица ее души, только любовь к отчему краю с его грядой мягких, округлых красных холмов, к этой прекрасной, плодородной земле – то алой, как кровь, то густо-багряной, то кирпично-тусклой, то киноварно-пурпурной, из года в год творящей чудо – зеленые кусты, осыпанные, белыми пушистыми клубочками, – только эта любовь не претерпела изменений. Ведь нигде на всей планете не было земли, подобной этой.

И тогда ей казалось, что она начинает понимать, почему происходят войны. Ретт был не

прав – неверно это, будто люди ведут войны ради денег. Нет, они сражаются за эти холмистые просторы, возделанные плугом, за эти зеленые луга с ощетинившейся после покоса травой, за ленивые желтые реки и белые прохладные дома в тени магнолий. Только за это и стоит сражаться – за красную землю, которая принадлежит им и будет принадлежать их сыновьям, за красную землю, которая родит хлопок для их сыновей и внуков. Вытопанная земля Тары – вот все, что у нее осталось теперь, когда не стало Эллин, не стало Эшли, а Джералд впал в детство, не перенес удар, и деньги, негры, положение, уверенность в будущем – все сгнуло в одну ночь. Ей припомнился разговор с отцом, припомнился как что-то происходившее в другом измерении, и ей показалось странным, как могла она быть так молода и так глупа, чтобы не понять смысла его слов: земля – единственное на свете, за что стоит бороться.

«Ибо она – единственное, что вечно... и для того, в чьих жилах есть хоть капля ирландской крови, земля – это то же, что мать... Это единственное, ради чего стоит трудиться, за что стоит бороться и умереть».

Да, за Тару стоило бороться, и она просто, без колебаний включилась в эту борьбу. Она не позволит никому отнять у нее Тару. Никому не удастся заставить ее и ее близких скитаться по свету и жить из милости у родственников. Она не выпустит имения из своих рук, даже если для этого придется изнурить работой и себя, и всех здесь живущих.

Скарлетт уже вторую неделю жила дома, когда на ноге у нее загноился самый большой из натертых за время дороги волдырей, нога распухла, надеть башмак стало невозможно, и она еле-еле ковыляла, наступая только на пятку. Вид нарыва приводил ее в отчаяние. А что, если у нее начнется гангрена, как у раненых? Доктора здесь нет, и она умрет. Жизнь ее сейчас была не сладка, но расставаться с ней у Скарлетт вовсе не было охоты. И кто позаботится о Таре, если ее не станет?

Первые дни Скарлетт еще надеялась, что Джералд возвратится к жизни и возьмет бразды правления в свои руки, но прошли недели, и она поняла, что эта надежда несбыточна. Теперь ей стало ясно: судьба имения и всех живущих в нем – в ее неопытных руках, ибо Джералд был все так же тих, молчалив, погружен в себя, и его отсутствующий взгляд нагонял на нее страх. Когда она обращалась к нему за советом, у него на все был один ответ:

– Сделай так, как считаешь лучше, доченька.

А порой и того хуже:

– Спроси лучше у мамы, котенок.

Мало-помалу Скарлетт поняла, что он останется таким уже навсегда и до конца дней своих вечно будет ждать появления Эл-Аин, вечно будет прислушиваться, не раздадутся ли ее шаги, – поняла и бесстрастно примирилась с этой мыслью. Джералд жил в каком-то своем мире, где время остановилось, а Эллин всегда находилась в соседней комнате. Казалось, смерть Эллин отняла у него силу, и он сразу утратил и свою хвастливую самоуверенность, и напористость, и свое неугомонное жизнелюбие. Эллин О’Хара была для него тем зрительным залом, перед которым он разыгрывал увлекательный спектакль под названием «Жизнь Джералда О’Хара». Теперь же огни рампы потухли, занавес опустился навечно, зрительный зал внезапно куда-то исчез, и старый актер остался как громом пораженный, один на пустых подмостках, тщетно ожидая очередной реплики.

В то утро в доме было очень тихо, так как все, кроме Скарлетт, трех лежавших в постели больных и Уэйда, отправились на поиски бродившей по болоту свиньи. Даже Джералд вдруг как-то приободрился и с мотком веревок на плече заковылял через вспаханное поле, опираясь на руку Порка. Сьюлин и Кэррин, наплакавшись вволю, уснули; так повторялось по меньшей мере два-три раза на дню: они принимались вспоминать Эллин, и слезы слабости и скорби начинали струиться по их исхудалым щекам. Мелани, которую в этот день впервые посадили в постели, подперев подушками и покрыв чиненой-перечиненой простыней, одной рукой поддерживала льняную головку своего младенца, а другой – и не менее нежно – черную курчавую – Дилсиного малютки. В ногах у нее сидел Уэйд и слушал сказку.

Тишина, царившая в доме, невыносимо тяготила Скарлетт, слишком живо напоминая ей мертвую тишину опустошенной страны, через которую пробиралась она в долгий-долгий день бегства из Атланты. Хоть бы корова или теленок замычали – так нет, молчат часами! За окном не раздавалось щебета птиц, и даже шумное суматошное семейство пересмешников, из поколения в поколение жившее в глухо шелестящей кроне магнолии, примолкло в этот день. Скарлетт придвинула низкое кресло поближе к распахнутому окну своей спальни и, задрав подол платья выше колен, опершись локтями о подоконник, сидела, глядя на подъездную аллею, на газон, на пустынный зеленый выгон за дорогой. На полу возле кресла стояла бадейка с колодезной водой, и время от времени она опускала в нее воспаленную ступаю, кривясь от жгучей боли.

Так она сидела, уткнувшись подбородком в руки. Именно теперь, когда ей нужно напрячь

все силы, этот палец взял да нагноился! Разве эти идиоты сумеют когда-нибудь поймать свинью! Поросят и тех они ловили по одному целую неделю, а свинья вот уже вторую неделю гуляет себе на свободе. Скарлетт была уверена, что пойдя она с ними на болото, ей стоило бы только подоткнуть повыше подол, взять в руки веревку, и она в два счета заарканила бы эту свинью.

Ну, а что потом, после того, как свинья будет поймана, – если она будет поймана? Что потом, когда они съедят и свинью, и ее приплод? Жизнь-то будет продолжаться, а следовательно, не кончится и потребность в еде. Надвигается зима, когда еды взять будет неоткуда, придут к концу даже несчастные остатки овощей с соседских огородов. Надо запастись сушеных бобов, и сорго, и муки, и рису, и... и... Да мало ли чего еще. Кукурузных и хлопковых семян для весеннего посева и из одежды кое-чего. Откуда все это взять и чем» расплачиваться?

Она тайком обшарила у Джералда карманы, залезла в его шкатулку, но не обнаружила ничего, кроме пачки облигаций и трех тысяч долларов купюрами Конфедерации. На это, пожалуй, все они могли бы один раз сытно пообедать, подумала она с иронией, ведь теперь эти деньги почти ничего не стоят. Но будь даже у нее деньги и возможность купить на них продуктов, как доставить их сюда, в Тару? Почему господь допустил, чтобы старая кляча издохла? Будь у них хотя бы эта несчастная, сворованная Реттом скотина – все было бы подспорье! А какие прекрасные, гладкие мулы брыкались у них на выгоне за дорогой! А какие красавицы были их упряжные лошади, и ее маленькая кобылка, и сестринские пони, и большой жеребец Джералда! Как он скакал, как летела у него из-под копыт земля! Ах, если бы сейчас хоть одного мула сюда – хоть самого что ни на есть упрямого!

Ладно, когда нога у нее заживет, она пойдет пешком в Джонсборо. Ей еще никогда не доводилось совершать столь длинное путешествие пешком, но она его совершит. Если даже янки выжгли дотла весь город, она, конечно, разыщет кого-нибудь и разузнает, где можно добыть продуктов. Заострившееся личико Уэйда вдруг возникло у нее перед глазами. Он все время твердит, что не любит ямса, все просит куриную ножку и риса с подливкой.

Залитый ярким солнечным светом сад внезапно потускнел, и деревья поплыли перед ее затуманившимся взором. Скарлетт уронила голову на руки, стараясь сдержать слезы. Плакать бесполезно теперь. От слез может быть толк, когда рядом мужчина, от которого нужно чего-то добиться. Она сидела, сжавшись в комочек, крепко зажмурилась, стараясь не разрыдаться, и в эту минуту до нее долетел стук копыт. Но она не подняла головы. Ей так часто чудилось, что она слышит этот звук, чуть не каждый день и каждую ночь, – так же, как чудился ей шорох платья Эллин... И как всегда, сердце ее в этот миг заколотилось, прежде чем она успела мысленно сказать себе: «Не будь душой».

Но быстрый стук копыт стал замедляться, лошадь перешла с галопа на шаг, и это, и ритмичный хруст гравия – все было слишком реально. Кто-то подъехал верхом – может быть, от Тарлтонов или Фонтейнов? Скарлетт подняла глаза. В кавалерийском седле сидел янки.

Еще не осознав случившегося, она уже спряталась за занавеской и как замороженная смотрела на всадника сквозь дымчатые складки шелка, затаив дыхание от неожиданности и испуга.

Он мешковато сидел в седле – плотный мужчина в полурасстегнутом синем мундире; у него было грубое лицо и неопрятная черная борода. Маленькие, близко посаженные глаза, щурясь от солнца, спокойно разглядывали дом из-под козырька жесткого синего кепи. Когда он медленно спешился и закинул поводья на коновязь. Скарлетт наконец смогла вдохнуть – но так болезненно и резко, словно после удара под ложечку. Янки! Янки с большущим пистолетом на боку! А она одна в доме с тремя больными и с маленькими детишками!

Пока он не спеша шагал по дорожке, держа одну руку на кобуре, зырякая маленькими бусинками глаз вправо и влево, калейдоскоп беспорядочных видений закружился перед

мысленным взором Скарлетт: перерезанные горла, надругательства над беззащитными женщинами, о которых шепотом повествовала тетушка Питтипэт, дома, обращенные в пепел вместе с умирающими людьми, дети, вздетые на штыки, чтобы не пищали, – все неопишуемые ужасы, таящиеся в слове «янки».

Ее первым побуждением было спрятаться в чулане, заползти под кровать, спуститься по черной лестнице и броситься к болоту, зовя на помощь, – что угодно, лишь бы убежать. Но тут скрипнули ступеньки крыльца под осторожной ступней, затем она услышала, как солдат крадучись вошел в холл, и поняла, что путь к отступлению отрезан. Оцепенев от страха, она прислушивалась к его передвижениям из комнаты в комнату, и шаги звучали все громче, все увереннее, по мере того как он убеждался, что дом пуст. Вот он прошел в столовую и сейчас, верно, направился на кухню.

При мысли о кухне ярость полоснула Скарлетт по сердцу как ножом и страх отступил. Там, на кухне, на открытом очаге стояли два горшка – один с печеными яблоками, другой с похлебкой из овощей, раздобытых с таким трудом на огороде в Двенадцати Дубах и у Макинтошей, – скудный обед, которому надлежало утолить голод девяти людей и которого, в сущности, едва могло хватить на двоих. Скарлетт уже несколько часов усмиряла свой разыгравшийся аппетит, дожидаясь возвращения тех, кто ушел на болото, и при мысли, что янки съест их жалкую еду, ее затрясло от злобы.

Будь они все прокляты! Они налетели на Тару как саранча, опустошили ее и оставили людей медленно погибать с голоду, а теперь вернулись, чтобы отнять последние жалкие крохи! Ее пустой желудок свело судорогой.

«Богом клянусь, уж этому-то янки больше не удастся ничего украсть!» Она скинула со здоровой ноги истрепанную туфлю и босиком подошла к бюро, не чувствуя даже боли от нарыва. Бесшумно выдвинув верхний ящик, она вынула оттуда тяжелый пистолет – привезенный из Атланты пистолет Чарльза, из которого ему так ни разу и не довелось выстрелить. Она пошарила в кожаном патронташе, висевшем на стене под саблей, достала патрон и недрогнувшей рукой вложила его в патронник. Затем быстро и все так же бесшумно проскользнула на галерею, окружавшую холл, и стала спускаться по лестнице, держась одной рукой за перила, сжимая в другой руке пистолет, прикрытый у бедра складками юбки.

– Кто здесь? – раздался громкий гнусавый окрик, и она замерла на середине лестницы, чувствуя, как кровь стучит у нее на висках, заглушая этот голос. – Стой, стрелять буду!

Он появился в дверях столовой, весь подобрившись, как для прыжка: в одной руке у него был пистолет, в другой – маленькая шкатулка розового дерева с швейными принадлежностями: золотым наперстком, корундовым желудем с золотой шапочкой для штопки и ножницами с позолоченными колечками. У Скарлетт ноги стали ледяными от ужаса, но лицо ее было искажено яростью. Шкатулка Эллин у него в руках! Ей хотелось крикнуть: «Положи! Сейчас же положи ее на место, ты, грязная...», но язык ей не повиновался. Она просто стояла и смотрела на янки и увидела, как напряженная настороженность его лица сменилась полунахальной, полуйгровой ухмылкой.

– Да тут кто-то есть, в этом доме, – сказал он и, пряча пистолет в кобуру, шагнул через порог прямо к ней и остановился под лестницей. – Ты что ж – совсем одна здесь, малютка?

Быстрым, как молния, движением она вскинула руку с пистолетом над перилами, целясь в ошеломленное бородатое лицо, и, прежде чем солдат успел расстегнуть кобуру, спустила курок. Отдачей ее качнуло назад, в ушах стоял грохот выстрела, и от кислого порохового дыма защекотало в носу. Солдат повалился навзничь, прямо на порог столовой, под тяжестью его падения задрожал пол и мебель. Шкатулка «выпала из его руки, и все содержимое рассыпалось по полу. Почти не сознавая, что она делает, Скарлетт сбежала с лестницы и стала над ним, глядя

на то, что осталось от его лица – на красную впадину над усами там, где был нос, на остекленелые, обожженные порохом глаза. Две струйки крови медленно змеились по полу: одна стекала с лица, другая выползала из-под головы.

Он был мертв. Сомнений быть не могло. Она убила человека.

Дым медленно поднимался к потолку, красные ручейки расплзались у ее ног. Минуту, равную вечности, она стояла неподвижно, и все звуки, все запахи, разлитые в теплом летнем воздухе, приобрели вдруг какую-то несообразность и, казалось, многократно усилились: частый стук ее сердца, похожий на барабанную дробь, жесткий глухой шелест магнолии за окном, далекий жалобный крик болотной птицы, сладкий аромат цветов, летящий из сада. Она убила человека – она, всегда, даже на охоте, старавшаяся не видеть, как убивают зверя, не выносившая визга свиньи под ножом или писка кролика в силке. «Это убийство, – тупо думала она. – Я совершила убийство. Нет, это происходит не со мной». В глаза ей бросилась короткопалая волосатая рука на полу, близко-близко от шкатулки для рукоделия, и внезапно жизнь вернулась к ней, возродилась с необычайной силой, и чувство радости, жестокой, звериной радости, охватило ее. Ей захотелось наступить на кровавую вмятину носа, почувствовать теплую кровь на своей босой ступне. Она совершила возмездие – за Тару, за Эллин.

Наверху на галерее раздались торопливые, неуверенные шаги... На секунду все замерло, затем шаги возобновились, но теперь стали медленными, шаркающими, с металлическим постукиванием. Ощущение времени и реальности происходящего возвратилось к Скарлетт, она подняла голову и увидела Мелани. В рваном пеньюаре, служившем ей ночной сорочкой, Мелани стояла на лестнице, сжимая тяжелую саблю Чарльза в немогущей руке. Взгляд Мелани, казалось, сразу охватил представшую ей картину, страшную суть случившегося: распростертое в кровавой луже тело в синем мундире, шкатулочку на полу возле него и Скарлетт, босиком, с большим пистолетом в руке, с посеревшим лицом.

В напряженной тишине их глаза встретились. Всегда такое кроткое лицо Мелани было исполнено мрачной гордости. Одобрение и свирепая радость – сродни огню, горевшему в груди Скарлетт, – сверкнули в ее улыбке.

«Что это... Что это? Да ведь она такая же, как я! Она чувствует то же, что и я! – пронеслось, в голове Скарлетт в эту долгую-долгую секунду. – Она бы поступила так же!» Взволнованно смотрела она на пошатывающуюся Мелани, к которой никогда не испытывала ничего, кроме презрения и неприязни. А сейчас, заглушая ненависть к этой женщине – к жене Эшли, – в душе Скарлетт зарождалось чувство восхищения и сродства. Ей, очистившейся в этот миг прозрения от всяких мелких чувств, за голубиной кротостью глаз и нежностью голоса Мелани открылась твердая, как сталь клинка, воля и мужество воина.

– Скарлетт! Скарлетт! – резко нарушили тишину слабые, испуганные голоса Сьюлин и Кэррин, приглушенные затворенной дверью, и тут же следом раздался вопль Уэйда:

– Тетя Мелли! Тетя!

Мелани быстро приложила палец к губам, опустила саблю на пол, с мучительными усилиями пересекла галерею и отворила дверь в комнату больных.

– Ну, чего вы переполошились, цыплята! – долетел оттуда ее спокойный шутливый голос. – Ваша сестрица хотела снять ржавчину с пистолета Чарльза, а он возьми да выстрели и напугал ее до полусмерти!.. Слышишь, Уэйд Хэмптон, мама выстрелила на пистолета твоего дорогого папы, и когда ты подрастешь, она и тебе даст из него пострелять.

«Как хладнокровно она лжет! – с восхищением подумала Скарлетт. – Я бы нипочем так быстро не сообразила. Только зачем лгать? Пусть бы знали, что я это сделала».

Она снова взглянула на распростертое у ее ног тело, и вдруг злоба и страх, утихнув, уступили место отвращению, и у нее задрожали колени. А Мелани уже снова приплелась к

лестнице и стада спускаться, держась рукой за перила, закусив бескровную губу.

– Марш назад в постель, дурочка, ты же себя уложишь, в могилу! – воскликнула Скарлетт, но полураздетая Мелани продолжала, хоть и с трудом, спускаться в холл.

– Скарлетт! – прошептала она. – Его же надо убрать отсюда и закопать. Может, он был не один, и если остальные обнаружат его здесь... – Она Оперлась о плечо Скарлетт.

– Он был один, – сказала Скарлетт. – Я не видела больше никого из окна. Он, верно, дезертир.

– Даже если он был один, никто не должен ничего знать. Негры могут проболтаться, и тогда придут янки и заберут тебя. Скарлетт, нам надо спрятать его, пока все наши не вернулись с болота.

Лихорадочная настойчивость Мелани подействовала на Скарлетт; она стала напряженно размышлять.

– Я могу закопать его в углу сада под беседкой – там земля мягче, Порк недавно выкопал оттуда бочонок виски. Но как я перетащу его туда?

– Мы потащим вместе: ты за одну ногу, я за другую, – твердо сказала Мелани.

Против воли Скарлетт почувствовала, что ее восхищение Мелани растет.

– Ты не в состоянии кошку за лапу потащить, – сердито сказала она. – Я сама его потащу. А ты ложись в постель. Ты себя доконаешь. И не вздумай мне помогать, не то я отнесу тебя наверх на руках.

Бледное лицо Мелани расцвело нежной улыбкой.

– Ты такая хорошая, Скарлетт, – сказала она и легонько коснулась губами ее щеки. И, не дав Скарлетт опомниться, прибавила: – Если ты сможешь его оттащить, я тем временем приберу тут.., эту лужу.., пока наши не вернулись. И знаешь что, Скарлетт...

– Ну?

– Как ты считаешь, это будет очень бесчестно – заглянуть к нему в ранец? Может, найдем что-нибудь поесть?

– Отнюдь не считаю, – сказала Скарлетт, раздосадованная тем, что не подумала об этом сама. – Погляди в ранце, а я погляжу в карманах.

Нагнувшись над убитым и преодолевая отвращение, она расстегнула все пуговицы на мундире и принялась методично обшаривать карманы.

– Боже милостивый! – прошептала она, вытаскивая толстый бумажник, завернутый в тряпку. – Мелани... Мелли, по-моему, тут куча денег!

Мелани ничего не ответила. Она внезапно опустилась на пол и Прислонилась спиной к стене.

– Ты погляди, – проговорила она дрогнувшим голосом. – А у меня что-то немного закружилась голова.

Скарлетт сорвала тряпку и дрожащими руками раскрыла кожаный бумажник.

– Взгляни, Мелли! Ты только взгляни!

Мелани перевела взгляд, и глаза у нее расширились. Бумажник был, набит мятыми купюрами – зелеными федеративными вперемежку с банкнотами Конфедерации, – и среди них поблескивали две пятидолларовые золотые монеты и одна монета в десять долларов. – Да перестань ты их пересчитывать, – сказала Мелани, видя, что Скарлетт перебирает пальцами деньги. – У нас нет времени...

– Ты понимаешь, Мелани, ведь это значит, что мы будем сыты!

– Да, да, дорогая. Я понимаю, но сейчас нам не до того. Погляди в других карманах, а я погляжу в ранце.

Скарлетт никак не могла заставить себя расстаться с бумажником. Ослепительные видения

открывались ее взору: деньги, настоящие деньги, лошадь этого янки, много еды! Есть все же бог, в конце концов, и он проявил о ней заботу, хотя и весьма странным способом. Она сидела на корточках и, улыбаясь, смотрела на бумажник. Будет еда! Мелани вырвала бумажник у нее из рук. « – Давай скорей! – сказала она.

В карманах штанов не оказалось ничего, кроме огарка свечи, большого складного ножа, куска жевательного табака и обрывка шпагата. Из ранца же Мелани извлекла небольшую пачку кофе, которую она с наслаждением понюхала, точно это были духи, одну сухую галету и – изменившись в лице – миниатюрный портрет маленькой девочки в золотой, усыпанной мелким жемчугом рамке; за этим последовали: гранатовая брошь, два массивных золотых браслета с тоненькими золотыми цепочками, свисавшими с запоров, золотой наперсток, маленькая серебряная детская чашечка, золотые ножницы для рукоделия, кольцо с большим бриллиантом и серьги с бриллиантовыми подвесками грушевидной формы, в каждой из которых, даже на неопытный взгляд Скарлетт и Мелани, было не меньше чем по карату.

– Вор! – пролепетала Мелани, отшатнувшись от неподвижного тела. – Скарлетт, он же все это украл!

– Конечно! – сказала Скарлетт. – И забрался сюда в надежде обворовать и нас.

– Я очень рада, что ты убила его, – сказала Мелани, и взгляд ее стал жестким. – А теперь, дорогая, скорее тащи его отсюда.

Скарлетт наклонилась, ухватила за обутые в сапоги ноги убитого и потянула. До чего же он был тяжел и какой неожиданно слабой показалась она себе! Что, если у нее не хватит сил сдвинуть его с места? Она повернулась к трупу спиной, подхватила его ноги под мышки и, наклонившись всем телом вперед, сделала шаг. Труп сдвинулся, и она рывками поволокла его за собой. Нарыв на пальце, про который она от волнения совсем позабыла, напомнил о себе такой острой, пульсирующей болью, что она скрипнула зубами и переступила на пятку. Напрягая все силы, она потащила труп через холл, оставляя позади красную полосу. Пот выступил у нее на лбу.

– Если он зальет кровью двор, мы не сможем уничтожить следы, – еле выдохнула она. – Дай мне твой пеньюар, Мелли, я закутаю ему голову.

Бледное лицо Мелани стало пунцовым.

– Не будь дурочкой, я не стану на тебя смотреть, – сказала Скарлетт. – На мне нет ни нижней юбки, ни панталон, не то я бы сняла.

Сжавшись в комочек у стены, Мелани стянула через голову рваное полотняное одеяние и молча перебросила его Скарлетт, старательно прикрывая свою наготу руками.

«Какое счастье, что я не наделена такой непомерной стыдливостью», – подумала Скарлетт, оберывая рваным пеньюаром изуродованную голову солдата и не столько видя, сколько чувствуя, какие муки испытывает от своей наготы Мелани.

Рывками потащила она труп через холл, добралась до заднего крыльца и, остановившись, чтобы вытереть пот со лба, оглянулась на Мелани, все еще сидевшую у стены, подтянув острые колени к обнаженной груди. «Как это глупо – страдать в такую минуту из-за своей застенчивости, – с раздражением подумала Скарлетт. – Конечно, это все от ее непомерной благовоспитанности...» В Скарлетт это всегда возбуждало только презрение... И тут ей неожиданно стало стыдно. Ведь что ни говори.., что ни говори, а Мелани вылезла из постели, хотя еще не оправилась после родов, схватила тяжеленную саблю и бросилась ей, Скарлетт, на выручку. На это требовалось особое мужество – такое, каким сама Скарлетт, если признаться честно, не обладала: крепкая, как шелковая пряжа, несокрушимая, как сталь, сила духа, проявленная Мелани еще на долгом-долгом пути домой в страшную ночь падения Атланты. Это скромное, не бросающееся в глаза мужество, отличавшее всех Уилксов, было чуждо Скарлетт, но

она, хоть и против воли, отдавала ему, должное.

– Ложись в постель, – бросила она через плечо. – Ты же отправишься на тот свет, если не ляжешь. Я закопаю его, а потом все здесь приберу.

– Я вытру это – лоскутным ковриком, – сказала Мелани, с перекошенным лицом глядя на лужу крови.

– Ладно, вгоняй себя в гроб, мне-то что! И если кто-нибудь вернется с болота раньше, чем я управлюсь, не выпускай их из дома и скажи, что к нам приблудилась лошадь – забрела неизвестно откуда.

Мелани осталась сидеть, вся дрожа, в теплых утренних лучах солнца и только закрыла ладонями уши, когда голова убитого стала со стуком пересчитывать ступеньки крыльца.

Никто не спросил, откуда взялась лошадь. И так было ясно, что она отбилась после сражения от какого-нибудь отряда, и все были ей только рады. Янки лежал в земле, в неглубокой яме, которую Скарлетт вырыла под беседкой. Подпорки, державшие густые виноградные плети, подгнили. Скарлетт ночью подрубила их кухонным ножом, и они повалились бесформенной грудой на свеженасыпанную яму. Наводя порядок а имении, Скарлетт не трогала только эти подпорки, не требовала, чтобы их поставили на место, и если негры и догадывались, что тому причиной, они держали язык за зубами.

Призрак убитого ни разу не встал из своей могилы-ямы, чтобы потревожить ее покой, когда она долгими ночами лежала без сна, так измотавшись за день, что все попытки уснуть были тщетны. Она не испытывала ни угрызений совести, ни страха. И сама изумлялась – почему? Ведь еще месяц назад она никак не смогла бы совершить того, что совершила. Прелестная юная миссис Гамильтон с ее обворожительными ямочками на щеках и по-детски беспомощными ужимками, позвякивая сережками, одним выстрелом превратила лицо человека в кровавое месиво, а потом закопала труп в наспех вырытой собственными руками яме! И Скарлетт мрачно усмехнулась, думая о том, какой ужас обуял бы всех ее знакомых, доводись им это узнать.

«Не стану больше об этом думать, – говорила она себе. – Теперь все позади, и я была бы слабоумной идиоткой, если бы не выстрелила в него. Но верно.., верно, я все-таки немножко не та, что раньше: до возвращения в Тару я бы этого сделать не смогла».

Она не отдавала себе в этом отчета, однако в глубине сознания у нее уже прочно засела мысль, придававшая ей сил всякий раз, когда она сталкивалась с какой-нибудь сложной или непонятной проблемой: «Если я могла убить, значит, это-то уж я и подавно смогу».

Но совершившаяся в ней перемена была глубже, чем ей представлялось. С той минуты, когда она лежала, уткнувшись лицом в грядку за негритянскими хижинами в Двенадцати Дубах, сердце ее день ото дня все более ожесточалось, одеваясь в черствость, как в броню.

Теперь, когда у нее появилась лошадь, Скарлетт могла наконец узнать, что делается у соседей. После возвращения домой она уже тысячу раз задавала себе в отчаянии вопрос: «Неужели мы единственные оставшиеся в живых во всей округе? Неужели все остальные поместья сожжены дотла? Или все успели спастись в Мейкон?» Вспоминая руины Двенадцати Дубов, усадьбы Макинтошей и домишко Слэттери, она страшилась узнать правду. Но лучше уж узнать самое скверное, чем терзаться в неведения. И Скарлетт решила поехать прежде всего к Фонтейнам » – не столько потому, что они были ближайшими соседями, сколько потому, что рассчитывала на помощь доктора Фонтейна. Мелани нуждалась в докторе. Она все еще не оправилась после родов, и ее слабость и бледность пугали Скарлетт.

И как только больной палец на ноге немного зажил и ей удалось натянуть туфлю, она тут же оседлала лошадь янки. Поставив одну ногу в укороченное стремя, другую закинув на луку

мужского (за неимением дамского) седла, она пустила лошадь через поля понаправлению к Мимозе, заранее приготовившись бесстрастно взглянуть на пепелище.

К ее радости и удивлению, выцветший желтый оштукатуренный дом все так же стоял среди мимоз, и вид у него был совсем как прежде. Теплая волна прихлынула к сердцу Скарлетт, и слезы счастья едва не навернулись ей на глаза, когда три женщины с радостными приветствиями выбежали из дома и принялись ее целовать.

Но как только первые изъявления дружеских чувств утихли и все расселись в столовой, по спине Скарлетт пробежал холодок. Янки не дошли до Мимозы, так как она лежала в стороне от главной дороги, и у Фонтейнов сохранился весь скот и все запасы продовольствия, но над усадьбой нависла та же гнетущая тишина, что и над Тарой, что и над всей округой. Все негры, за исключением четырех женщин, прислуживавших в доме, разбежались, испуганные приближением янки. В доме не осталось ни одного мужчины, если, конечно, не считать Джо, сынишки Салли, едва вышедшего из пеленок. Женщины жили одни: бабушка Фонтейн, которой шел восьмой десяток, ее сноха, которую все еще именовали Молодой Хозяйкой, хотя ей уже перевалило за пятьдесят, и Салли, которой только что сравнялось двадцать. До ближайших поместий далеко, беззащитность женщин бросалась в глаза, но если им и было страшно, то они не подавали виду. Возможно, подумалось Скарлетт, они не жалуются, потому что слишком боятся фарфорово-хрупкой, но несгибаемой бабушки Фонтейн. Скарлетт сама побаивалась этой старой дамы с весьма острым глазом и не менее острым языком, в чем ей не раз приходилось убеждаться в прошлом.

И хотя этих женщин не связывали кровные узы, а разница в возрасте была очень внушительной, совместно перенесенные испытания сроднили их. Все три носили черные траурные, домашним способом перекрашенные платья, все были истощены, озабочены, печальны, и хотя ни одна из них не держалась хмуро и угрюмо, ни одна не произнесла ни слова жалобы, за их улыбками и радушными приветствиями угадывалась внутренняя горечь;

Ведь их рабы разбежались, деньги обесценились, Джо, муж Салли, умер в Геттисберге, и Молодая Хозяйка тоже овдовела, так как доктор Фонтейн-младший скончался от дизентерии в Виксберге. Двое других мальчиков Фонтейн, Алекс и Тони, находились где-то в Виргинии, и об их судьбе ничего не было известно, а старый доктор Фонтейн ушел с кавалерией Уиллера.

– Этому старому дураку уже стукнуло семьдесят три, а он все пыжится, хочет казаться молодым, хотя набит ревматизмом с головы до пят не хуже, чем боров блохами, – сказала бабушка, и в глазах ее блеснула гордость за мужа, которую она пыталась замаскировать резкостью своих слов. – Доходят до вас какие-нибудь вести из Атланты? – спросила Скарлетт, как только они уселись в столовой. – Мы в Таре как» в глухой темнице.

– Да что ты, детка, – сказала старая дама, как всегда завладевая разговором. – Мы в таком же положении, как и вы. Знаем только, что Шерман в конце концов все-таки взял город.

– Так. А что он делает теперь? Где он сейчас ведет сражение?

– Да откуда три одинокие женщины, заточенные здесь, в поместье, могут знать о том, что делается на войне, когда уже невесть сколько времени мы не получаем ни писем, ни газет? – ворчливо сказала старая дама. – Одна из наших негритянок перемолвилась словом с негритянкой, которая видела негритянку, которая побывала в Джонсборо, – вот единственный способ, каким доходят до нас вести. Янки будто бы расположились в Атланте как у себя дома, чтобы дать отдых солдатам и лошадям, – так нам было сказано, а уж верно это или нет, мне известно не больше, чем тебе.

Хотя, конечно, отдых им, я думаю, необходим после такой трепки, какую мы им задали.

– И подумать только, что вы все это время были у себя в имении, а мы ничего об этом не знали! – воскликнула Молодая Хозяйка. – Простить себе не могу, что не поехала поглядеть, как

там у вас! Но после того как негры разбежались, здесь столько навалилось дел – просто невозможно было вырваться. И все же следовало бы выкроить время. Не по-соседски получилось. Но мы, конечно, думали, что янки сожгли Тару, как они сожгли Двенадцать Дубов и дом Макинтошей, а вы все перебрались в Мейкон. Нам и в голову не приходило, что вы остались дома, Скарлетт.

– А как мы могли подумать иначе, когда ваши негры забежали сюда с вытаращенными от ужаса глазами и сказали, что янки хотят сжечь Тару? – вмешалась бабушка.

– И мы даже видели... – начала было Салли.

– Не перебивай меня, сделай милость, – оборвала ее старая дама. – Они рассказали, что янки разбили свой лагерь у вас на плантации, а вы все готовились бежать в Мейкон. – И в ту же ночь мы увидели зарево как раз над вашим поместьем. Оно полыхало не один час и так напугало наших дурных негров, что они все тут же дали деру. А что у вас там горело?

– Хлопок – весь хлопок, на сто пятьдесят тысяч долларов, – с горечью сказала Скарлетт.

– Скажи спасибо, что не дом, – изрекла старая дама, уперев подбородок в сложенные на палке руки. – Хлопок всегда можно вырастить, а попробуй вырасти дом. Кстати, вы уже начали собирать хлопок?

– Нет, – сказала Скарлетт. – Да он почти весь погиб, вытоптан. На самом дальнем поле у ручья осталось еще немного – тюка на три, может, наберется, не больше, а что толку? Все наши негры с плантации разбежались, собирать некому.

– Нет, вы только ее послушайте: «Все негры с плантации разбежались, собирать некому!» – передразнила Скарлетт старая дама, бросая на нее уничтожающий взгляд. – А на что же у вас эти хорошенькие ручки, барышня, и ручки ваших двух сестричек?

– У меня? Чтобы я собирала хлопок? – обомлев от возмущения, вскричала Скарлетт, словно бабушка предложила ей совершить какую-то дикую непристойность. – Чтобы я работала, как негрятка, на плантации? Как эта белая гольтьба? Как девчонки Слэттери?

– Белая гольтьба, слышали! Да, уж воистину вы – утонченное, изнеженное поколение! Позвольте мне доложить вам, голубушка, что, когда я была девчонкой, мой отец потерял все до последнего гроша, и пока он не скопил немного денег, чтобы принанять негров, я не считала для себя зазорным честно выполнять любую грубую работу, хотя бы и на плантации. Я и мотыгой землю рыхлила, и хлопок собирала, а ежели понадобится, то и сейчас могу. И похоже, что придется. Белая гольтьба, скажет тоже!

– Но маменька! – вскричала ее сноха, бросая молящие взоры на Скарлетт и Салли в надежде, что они помогут ей умиротворить разгневанную старую даму. – Это же было давно, в другие совсем времена, жизнь ведь так меняется.

– Ничего не меняется, когда приходит нужда честно потрудиться, – заявила пронцательная и несгибаемая старая дама, не поддавшись на увещевания. – Послушала бы твоя маменька, Скарлетт, как ты стоишь тут и заявляешь, что честный труд – это не для порядочных людей, а для белой гольтьбы! «Когда Адам пахал, а Ева пряла...» [note 8](#) Стремясь перевести разговор на другое, Скарлетт торопливо спросила:

– А что слышно о Тарлтонах и Калвертах? Их усадьбы тоже сожгли? А сами они схоронились в Мейконе?

– Янки не дошли до Тарлтонов. Их усадьба тоже ведь, как наша, в стороне от главной дороги. А вот до Калвертов они добрались, и угнали весь их скот, и порезали птицу, а негров забрали с собой... – принялась рассказывать Салли.

Но бабушка не дала ей закончить.

– Ха! Они наобещали негряткам шелковых платьев да золотых побрякушек – вот чем они их заманивали. И Кэтлин Калверт рассказывала, что, когда янки уходили, она видела у

некоторых из них за седлом этих черномазых идиотов. Ну что ж, вместо платьев и сережек солдаты наградят их цветными младенцами, и я не думаю, чтобы кровь янки особенно улучшила их породу.

– Ой, бабушка Фонтейн!

– Не делай, пожалуйста, постного лица, Джейн. Мне кажется, мы все здесь были замужем, или я ошибаюсь? И видит бог, нам не привыкать стать любоваться на крошечных мулатиков. – А почему янки не сожгли усадьбу Калвертов?

– Их дом уцелел благодаря северному акценту второй миссис Калверт и ее управляющего Хилтона, – сказала старая дама, никогда не называвшая бывшую гувернантку Калвертов иначе, как «вторая миссис Калверт», хотя первая жена мистера Калверта скончалась двадцать лет тому назад.

– «Мы стойкие сторонники Федерации», – иронически прогнусавила бабушка, подражая выговору северян, – Кэтлин говорит, они оба клялись и божились, что весь калвертовский выводок – чистокровные янки. Это в то время, как мистер Калверт сложил голову где-то в джунглях! А Рейфорд под Геттисбергом, а Кэйд сражается в Виргинии! Кэтлин говорит, лучше бы они сожгли дом, чем сносить такое унижение. Кэйд, говорит она, сойдет с ума, если узнает об этом, когда вернется домой. Вот что значит – взять в жены янки. У них же ни гордости, ни чувства приличия – на первом месте забота о собственной шкуре... А как это они пощадили вашу усадьбу, Скарлетт?

Скарлетт секунду помедлила с ответом. Она знала, что следующим вопросом будет: «А как все ваши? Как здоровье дорогой Эллин?» – и понимала: у нее не хватит духу сказать им, что Эллин нет в живых. Ведь если она произнесет эти слова, если допустить, чтобы они разбередили ей душу в присутствии этих участливых, сердобольных женщин, ей уже не сдержать слез: они будут литься и литься, пока ей не станет плохо. Но этого нельзя допустить. Ни разу после возвращения домой не позволила она себе выплакаться как следует, а если хоть раз дать волю слезам, от ее так старательно вращенного в себе мужества не останется и следа. Но, глядя в смятении на дружеские лица Фонтейнов, Скарлетт понимала, что эти люди не простят ей, если она утаит от них смерть Эллин. Особенно – бабушка, редко кого дарившая своей благосклонностью и пренебрежительным взмахом сухонькой ручки умевшая показать, что знает цену почти каждому из жителей графства, и вместе с тем искренне привязанная к Эллин.

– Ну, что же ты молчишь? – произнесла бабушка, уставя на нее пронзительный взгляд. – Ты что – не знаешь, как это получилось?

– Видите ли, дело в том, что я вернулась домой лишь на другой день после сражения, – торопливо начала объяснять Скарлетт. – Янки тогда уже ушли. А папа.., папа сказал, что он убедил янки не жечь дом, потому что Сьюлин и Кэррин лежали в тифу, и их нельзя было трогать.

– Впервые в жизни слышу, чтобы янки поступали как порядочные люди, – сказала бабушка, явно недовольная тем, что ей сообщают что-то хорошее о захватчиках. – Ну, а сейчас девочки как?

– Уже лучше, много лучше, они почти поправились, только очень слабы, – сказала Скарлетт. И, чувствуя, что страшивший ее вопрос вот-вот сорвется у бабушки с языка, она еще торопливей перевела разговор на другое: – Я.., я хотела спросить, но можете ли вы одолжить нам немного продуктов? Янки сожрали все подчистую, как саранча. Но если у вас самих туго, то вы, пожалуйста, скажите мне прямо, без всяких стеснений и...

– Пришли Порка с повозкой, и вы получите половину всего, что у нас есть: риса, муки, свинины, немножко цыплят, – сказала старая дама и как-то странно поглядела на Скарлетт.

– Нет, зачем же, это слишком много! Право же, я...

– Молчи! Не желаю ничего слушать. Для чего же тогда соседи?

– Вы так добры, что я просто не знаю... Но мне пора. Дома начнут беспокоиться.

Бабушка внезапно поднялась и взяла Скарлетт под руку.

– Вы обе оставайтесь здесь, – распорядилась она и подтолкнула Скарлетт к заднему крыльцу. – Мне нужно перемолвиться словечком с этой малюткой. Помоги-ка мне спуститься с лестницы, Скарлетт.

Молодая Хозяйка и Салли попрощались со Скарлетт, пообещав в самое ближайшее время приехать ее проведать. Они сгорали от любопытства, но вместе с тем знали: если бабушка сама не найдет нужным поведать им, какой разговор состоялся у нее со Скарлетт, они никогда этого не узнают. «Старухи трудный народ», – прошептала Молодая Хозяйка на ухо Салли, когда они обе принялись за прерванное шитье.

Скарлетт стояла, держа лошадь под уздцы, тупая боль сдавила ее сердце.

– Ну, – сказала бабушка, пронзая ее взглядом, – что там еще случилось у тебя дома? Что ты от нас скрываешь?

Скарлетт поглядела в зоркие старые глаза и поняла, что она может сказать бабушке Фонтейн всю правду без утайки и не заплакать. Никто ее отважится заплакать в присутствии бабушки Фонтейн без ее недвусмысленно выраженного поощрения.

– Мама умерла, – сказала Скарлетт просто.

Рука, опиравшаяся на руку Скарлетт, так напряглась, что сделала ей больно, сморщенные веки, задрожав, прикрыли желтые глаза.

– Янки убили ее?

– Она умерла от тифа. За день до моего возвращения.

– Перестань об этом думать, – приказала бабушка, и Скарлетт увидела, как она сглотнула подкативший к горлу комок. – А как отец?

– Папа.., папа не в себе.

– Как это понять? Говори ясней. Он болен?

– Это потрясло его... Он какой-то странный.., не в себе...

– Что значит – не в себе? Ты хочешь сказать, что он повредился умом?

Было большим облегчением услышать, что кто-то смело называет вещи своими именами. Как хорошо, что эта старая женщина не пытается выразить ей сочувствие, иначе она бы разревелась.

– Да, – сказала она глухо, – он лишился рассудка. Он живет все время как во сне, а временами словно бы даже не помнит, что мама умерла. О, миссис Фонтейн, это выше моих сил – видеть, как он часами сидит, поджидая ее, так терпеливо-терпеливо, а ведь всегда был нетерпелив, как ребенок. Но еще хуже, когда он вдруг вспомнит, что ее не стало. То сидит за часом час, прислушиваясь, не раздадутся ли ее шаги, то вдруг как вскочит, выбежит из дома и – прямо на кладбище. А потом приплетется обратно, лицо все в слезах, и ну твердить снова и снова, да так, что хочется завизжать: «Кэти-Скарлетт, миссис О'Хара умерла, твоя мама умерла!» И эти его слова, сколько бы он их ни повторял, звучат для меня так, словно я их слышу впервые. А иногда по ночам он начинает ее звать, и тогда я вскакиваю с постели, иду к нему и говорю, что она пошла проведать заболевшую негритянку. И он начинает ворчать, что она не жалеет себя, выхаживая больных. И уложить его обратно в постель бывает нелегко. Он совсем как ребенок. О, если бы доктор Фонтейн был здесь! Я уверена, что он как-нибудь помог бы папе. И Мелани тоже нужен доктор. Она плохо поправляется после родов...

– Мелли родила? Она с вами?

– Да.

– А почему она здесь? Почему не в Мейконе у своих родственников, у тетки? Мне всегда

казалось, что вы не слишком-то к ней расположены, мисс, хотя она и доводится родной сестрой Чарли. Ну-ка, объясни, как это произошло.

– Это очень длинная история, миссис Фонтейн. Может быть, мы вернемся в дом и вы присядете?

– Я прекрасно могу слушать стоя, – отрезала бабушка. – А если ты начнешь рассказывать при них, они расхныкаются, разжалобят тебя и доведут до слез. Ну, а теперь выкладывай.

Скарлетт начала, запинаясь, описывать осаду Атланты и состояние Мелани, и по мере того как под острым, пронзительным взглядом старой дамы, ни на минуту не сводившей с нее глаз, текло ее повествование и развертывались события, она находила нужные слова для описания пережитых ею ужасов. Все живо воскресло в ее памяти: одуряющий зной того памятного дня, когда начались роды, ее отчаянный страх, их бегство и вероломство Ретта. Она описала эту сумасшедшую, полную призраков ночь, мерцание бивачных огней – то ли в стане конфедератов, то ли у неприятеля, обгорелые печные трубы, возникшие перед ней на рассвете, трупы людей и лошадей вдоль дороги, разоренный край, голод, ужас при мысли, что и Тара лежит в развалинах.

– Мне казалось, что надо только добраться домой, к маме, и она как-то сумеет все уладить, и я сброшу с плеч эту ношу. Возвращаясь домой, я думала: самое страшное уже позади. Но, узнав, что мама умерла, я поняла: вот оно – самое страшное.

Она опустила глаза и умолкла, ожидая, что скажет бабушка Фонтейн. «Верно, до нее не дошло, чего я натерпелась», – мелькнула у Скарлетт мысль – слишком уж долгим показалось ей наступившее молчание. Но вот старая дама заговорила, и голос ее звучал необычайно тепло – никогда еще Скарлетт не слыхала, чтобы бабушка Фонтейн так тепло говорила с кем-нибудь.

– Дитя мое, это очень плохо для женщины – познать самое страшное, потому что тогда она перестанет вообще чего бы то ни было бояться. А это скверно, когда у женщины нет страха в душе. Ты думаешь, я ничего не поняла из твоего рассказа, не поняла, каково тебе пришлось? Нет, я поняла, все поняла. Примерно в твоём возрасте я видела бунт индейцев – это было после резни в форте Миме. Да, примерно в твоём возрасте, – повторила она каким-то отрешенным тоном, – ведь это было пятьдесят с лишним лет назад. Мне удалось заползти в кусты и спрятаться: я лежала там и видела, как горел наш дом и как индейцы снимали скальпы с моих братьев и сестер. А я лежала в кустах и могла только молиться богу, чтобы сполохи пожара не открыли индейцам меня в моем укрытии. А они выволокли из дома мою мать и убили ее в двадцати шагах от меня. И с нее тоже сняли скальп. И один индеец несколько раз подходил к ней и снова и снова ударял ее томагавком по голове. А я.., я, мамина любимица, лежала там, в кустах, и видела все это... Наутро я направилась к ближайшему жилью, а оно было за тридцать миль от нашего дома. Я шла туда трое суток, пробираясь болотами, прячась от индейцев, и потом все думали, что я лишусь рассудка... Вот тут-то я и встретила доктора Фонтейна. Он лечил меня... Да, да, пятьдесят лет минуло с тех пор, но с той минуты я уже никогда не боялась никого и ничего, потому что самое страшное, что могло случиться со мной, уже случилось. И то, что я больше никогда не знала страха, принесло мне в жизни много бед. Бог предназначил женщине быть скромным, боязливым существом, а если женщина ничего не боится, в этом есть что-то противное природе... Нужно сохранить в себе способность чего-то бояться, Скарлетт.., так же, как способность любить.

Голос ее замер, она стояла молча, и взгляд ее был обращен к тому дню, полстолетия назад, когда она в последний раз испытала страх. Скарлетт нетерпеливо переступала с ноги на ногу. Она надеялась, что бабушка поймет, как ей сейчас трудно, и, может быть, даже укажет какой-то выход. А вместо этого она, как все старики, принялась толковать о том, что произошло, когда никого еще и на свете не было, и что сейчас не может никого интересовать. Скарлетт пожалела, что разоткровенничалась с ней.

– Ладно, поезжай домой, дитя мое, а то там переполошатся, – неожиданно сказала бабушка. – И сегодня же после обеда пришли Порка с повозкой... И не воображай, что когда-нибудь сможешь сбросить свою ношу с плеч. Потому что ты не сможешь. Я знаю.

Бабье лето затянулось в этом году до ноября, дни стояли теплые, и у обитателей Тары немного посветлело на душе. Самое страшное осталось позади. Теперь у них была лошадь, и можно было ездить, а не ходить пешком. На завтрак появилась яичница и на ужин – жареная свинина, и это вносило приятное разнообразие в меню из ямса, арахиса и сушеных яблок, а один раз они даже устроили себе праздник с помощью жареного цыпленка. Старую свинью в конце концов удалось изловить, и она вместе со своим потомством весело похрюкивала и зарывалась в землю в подполе, куда их упрятали. Иной раз поросята поднимали такую шумную возню, что никто в доме не слышал друг друга, но шум этот был приятен. Он напоминал о том, что когда придут холода и настанет время резать свиней, у господ будет свежая свинина, а у негров – требуха, и значит, едой на зиму обеспечены все.

Посещение Фонтейнов укрепило дух Скарлетт больше, чем она сама это понимала. Сознание, что где-то есть соседи, что кто-то из старых друзей уцелел и уцелели их дома, развеяло чувство одиночества и невозвратимой утраты, угнетавшее ее первые недели по возвращении домой. И Фонтейны и Тарлтоны, чьи плантации лежали в стороне от пути, по которому шли войска, щедро делились своими небольшими запасами продуктов. Сосед должен помогать соседу – таков был неписанный закон этого края, – и никто не соглашался взять у Скарлетт ни единого пенни. Она бы сделала то же самое для них, говорили ей; она все возместит им на будущий год натурой, когда ее плантации начнут давать урожай.

Теперь у Скарлетт была еда для всех ее домочадцев, была лошадь, были деньги и драгоценности, взятые у дезертира-янки, и на первый план выступила потребность в одежде. Она понимала, что послать Порка на юг, чтобы купить одежду, было рискованно – янки или свои же конфедераты могли отнять у него лошадь. Но так или иначе, деньги на приобретение одежды и лошадь с повозкой для поездки у нее были и оставалась надежда, что Порк благополучно возвратится домой. Да, худшее осталось позади.

Каждое утро Скарлетт благодарила бога за ясное голубое небо и теплое солнце, ибо каждый погожий день отодвигал неотвратимую минуту, когда без теплой одежды уже не обойтись. И с каждым теплым днем росли груды хлопка в опустевших негритянских хижинах – единственное место на плантации, где теперь можно было хранить собранный хлопок, которого в поле оказалось даже больше, чем предполагал Порк, – его, по-видимому, могло набраться тюка четыре, и скоро все хижины будут забиты им до отказа.

Скарлетт не намеревалась собирать хлопок сама, даже после язвительной отповеди бабушки Фонтейн. Ей казалось просто невообразимым, чтобы она, Скарлетт О'Хара, ныне полновластная хозяйка поместья, пошла работать в поле. Она тем самым поставила бы себя в один ряд с голодранкой миссис Слэттери и ее Эмми. Скарлетт рассчитывала, что собирать хлопок будут негры, а она вместе с выздоравливающими сестрами займется домашним хозяйством, однако тут ей пришлось столкнуться с кастовым чувством еще более сильным, чем ее собственное. При одном упоминании о работе в поле Порк, Мамушка и Присси подняли страшный крик. Они твердили одно: «Мы – домашняя челядь, мы не для полевых работ». Мамушка особенно яростно утверждала, что она никогда не работала даже на усадьбе, не то что на плантации. Она и родилась-то в барском доме у самих Робийяров, а не в негритянской хижине, и выросла прямо в спальне у Старой Хозяйки – спала на полу на тюфячке в ногах ее кровати. Одна только Дилси не произнесла ни слова и в упор, не мигая, так поглядела на Присси, что та съежилась под ее взглядом.

Скарлетт не пожелала слушать их возмущенные протесты и отвела всех на хлопковое поле.

Но Мамушка и Порк работали так медленно и так при этом причитали, что Скарлетт не выдержала и отослала Мамушку на кухню заниматься стряпней, а Порка снарядила в лес с силком и на речку с удочкой – добывать кроликов и опоссумов и удить рыбу. Собрать хлопок было ниже его достоинства, а охота и рыбная ловля самолюбия не ущемляли.

После этого Скарлетт попыталась вывести в поле своих сестер и Мелани, но и от них толку было мало. Мелани охотно, аккуратно и быстро проработала под солнцем час, а затем беззвучно лишилась чувств, после чего ей неделю пришлось пролежать в постели. Сьюлин – угрюмая, со слезами на глазах – попыталась тоже упасть в обморок, но мгновенно пришла в себя и зашипела как ошпаренная кошка, когда Скарлетт плеснула ей в лицо водой из тыквенной бутылки. Кончилось тем, что Сьюлин наотрез отказалась работать.

– Не стану я работать в поле, как негритянка! Ты не можешь меня принудить. Что, если кто-нибудь из наших друзей узнает об этом? Что, если.., если мистер Кеннеди услышит? Господи, да если б мама...

– Ты только помяни еще раз маму, Сьюлин О’Хара, и я тебя отхлестаю по щекам! – вскричала Скарлетт. – Мама работала на этой плантации побольше любой негритянки, и ты знаешь это, госпожа белоручка!

– Неправда! Во всяком случае, не в поле! И меня ты не заставишь! Я пожалуюсь на тебя папе, и он не велит мне работать.

– Посмей только беспокоить отца своими глупостями! – прикрикнула на нее Скарлетт, исполненная страхом за Джералда и злобы на сестру.

– Я помогу тебе, сестричка, – кротко сказала Кэррин. – Я и работаю за Сью и за себя. Она еще не поправилась, ей вредно быть на солнце.

– Спасибо тебе, малышка, – благодарно сказала Скарлетт, не без тревоги, однако, поглядев на младшую сестру.

Задумчивое личико Кэррин, прежде такое бело-розовое и нежное, как лепестки цветущих яблонь, кружимые в воздухе весенним ветерком, утратило теперь все оттенки розового, сохранив лишь сходство с бледным цветком. После того как Кэррин пришла в себя и обнаружила, что Эллин больше нет, что Скарлетт превратилась в фурию и весь мир изменился неузнаваемо, а непрерывный труд сделался законом их существования, она стала молчалива и жила, казалось, как в тумане. Хрупкая натура Кэррин никак не могла примениться к новому образу жизни. Ее разум не в состоянии был охватить всего, что произошло вокруг, и она, словно лунатик, бродила по усадьбе, послушно выполняя указания Скарлетт. Она была очень слаба – и с виду, да и по существу, – но покорна, старательна и услужлива. В те минуты, когда она не была занята какой-нибудь порученной ей работой, ее пальцы перебирали четки, а губы шептали молитвы: она молилась о матери и о Брейте Тарлтоне. Скарлетт и не предполагала, что смерть Брента будет для нее таким ударом и что ее печаль неисцелима. Для Скарлетт Кэррин все еще была «малышка» – слишком еще дитя, чтобы у нее мог быть настоящий роман.

Стоя под солнцем между рядами хлопка, чувствуя, как от бесконечных наклонов и выпрямлений разламывается спина и горят загрубевшие мозолистые ладони, Скарлетт подумала о том, как хорошо было бы иметь сестру, в которой сила и настойчивость Сьюлин сочеталась бы с мягкостью Кэррин. Ведь Кэррин собирала хлопок так исправно и прилежно. Однако через час уже стало ясно, что это не Сьюлин, а Кэррин недостаточно еще оправилась для такой работы. И Скарлетт отослала домой и ее.

Теперь между длинных рядов хлопчатника трудились только Скарлетт, Дилси и Присси. Присси собирала хлопок лениво, с прохладцей и не переставала жаловаться на боль в ногах, ломоту в спине, схватки в животе и усталость, пока мать не кинулась на нее со стеблем хлопчатника и не отстегала так, что та подняла страшный визг. После этого работа стала

спориться у нее лучше, но она старалась держаться на безопасном расстоянии от матери.

Дилси работала молча, неумоимо, как машина, и Скарлетт, которая уже едва могла разогнуть спину и натерла себе плечо тяжелой сумкой, куда собирала хлопок, подумала, что такие работники, как Дилси, на вес золота.

– Дилси, – сказала она, – когда вернутся хорошие времена, я не забуду, как ты себя показала в эти дни. Ты молодчина.

Лицо бронзовой великанши не расплылось от ее похвалы в довольной ухмылке и не сморщилось от смущения, как у других негров. Оно осталось невозмутимым. Дилси повернулась к Скарлетт и сказала с достоинством:

– Спасибо, мэм. Но мистер Джералд и миссис Эллин всегда были очень добры ко мне. Мистер Джералд купил мою Присси, чтобы я не тосковала по ней, и я этого не забыла. Я ведь наполовину индианка, а наш народ не забывает тех, кто делает нам добро. Но я недовольна моей Присси. От нее мало толку. Похоже, она чистая негритьянка, в отца пошла. Отец-то ведь у нее был большой шалопай.

Хотя Скарлетт, в сущности, не получила помощи ни от кого, кроме Дилси, и ей самой пришлось взяться за сбор хлопка, она, невзирая на усталость, воспряла духом, видя, как хлопок медленно, но неуклонно переключевывает с плантации в хижину. В хлопке было что-то придававшее ей уверенность – какая-то надежность. Тара разбогатела на хлопке, как и весь Юг, а Скарлетт была в достаточной мере южанкой, чтобы верить: и Тара, да и весь Юг снова подымут голову над красными просторами земли.

Конечно, хлопка она собрала не так уж много, но все же это кое-что. Она выручит за него немного конфедератских денег, и это даст ей возможность приберечь зеленые купюры и золото из бумажника янки до тех пор, когда без них нельзя будет обойтись. Весной она постарается выволить Большого Сэма и других рабов с плантации, которых мобилизовало правительство Конфедерации, а если их не отпустят, тогда на деньги янки она купит рабов у кого-нибудь в округе. И весной будет сеять и сеять... Распрямив натруженную спину, она окинула взглядом побуревшие к осени поля и увидела перед собой уходящие вдаль акр за акром зеленые всходы будущего урожая.

Весной! Быть может, к весне война кончится и снова настанут хорошие времена. И победит ли Конфедерация или потерпит поражение, все равно жизнь станет легче. Будь что будет, лишь бы не жить в вечном страхе, что тебя оберет до нитки та или другая армия. Когда война кончится, плантация их прокормит. О, лишь бы только кончилась война! Тогда можно будет бросать в землю семена, не боясь, что не доведется снять урожай!

Надежда забрезжила впереди. Война не может длиться вечно. У Скарлетт было немножко хлопка, у нее была лошадь и небольшая, но драгоценная кучка денег. Да, худшие времена остались позади!

Как-то в полдень они сидели за обеденным столом, поглощая новоизобретенный Мамушкой пудинг из кукурузной муки и сушеной черники, подслащенный сорго. Была середина ноября, в воздухе уже чувствовалась прохлада – первая предвестница зимы, – и Порк, стоявший за стулом Скарлетт, спросил, довольно потирая руки:

– А не приспело ли время заколоть свинью, мисс Скарлетт?

– Что, у тебя уже слюнки потекли? Небось спишь и видишь требуху? – с усмешкой спросила Скарлетт. – Да я и сама не прочь отведать свежей свининки, и если погода продержится еще несколько дней, пожалуй, мы...

Мелани перебила ее, замерев с ложкой у рта:

– Слышишь, дорогая? Кто-то едет!

– Кричит кто-то, – встревоженно сказал Порк. В хрустком осеннем воздухе уже отчетливо был слышен стук копыт – частый, как толчки испуганного сердца, – и высокий женский голос, срывающийся на отчаянный вопль:

– Скарлетт! Скарлетт!

Скрестились испуганные взгляды, и в следующее мгновение все вскочили, отодвигая стулья. Несмотря на испуг, искаживший голос, его узнал каждый: кричала, звала на помощь Салли Фонтейн, всего час назад заглянувшая к ним по дороге в Джонсборо перемолвиться словечком. Все бросились, толкая друг друга, к входной двери и увидели, что Салли – растрепанная, шляпа болтается за спиной – вихрем мчится на взмыленной лошади по подъездной аллее к дому. Не осаживая коня, Салли бешеным галопом подскакала прямо к крыльцу и, махнув рукой назад, туда, откуда примчалась, крикнула:

– Янки идут! Я их видела! На дороге! Янки! Одним рывком она подняла лошадь на дыбы у самых ступеней крыльца, пустила ее в три прыжка по газону и, словно на охоте, перемахнула через четырехфутовую живую изгородь. До них донесся глухой стук копыт – сначала с заднего двора, потом с неширокой дороги между хижинами негров, – и они поняли, что Салли поскакала напрямиком через поля к свое усадьбе.

С минуту все стояли оцепенев, а затем Сьюлин и Кэррин начали всхлипывать и цепляться друг за друга, а Уэйд, широко разинув рот и весь дрожа, стоял как пригвожденный к месту, но не издал ни звука. То, чего он все время со страхом ждал еще с той ночи, когда они бежали из Атланты, случилось. Янки пришли, чтобы схватить его.

– Янки? – беспомощно произнес Джералд, – Но янки уже были здесь.

– Матерь божья! – воскликнула Скарлетт, перехватив испуганный взгляд Мелани. На миг все ужасы их бегства из Атланты ожили перед ее мысленным взором: руины домов, пепелища.., а затем – и все то, что передавалось из уст в уста: убийства, истязания, насилия. Она снова увидела перед собой солдата-янки, стоявшего в холле со шкатулочкой Эллин в руках... «Я умру, – подумала она. – Я сейчас умру, прямо здесь, на месте. Я думала, все это позади. Я умру. Я больше не выдержу».

И тут в глаза ей бросилась лошадь – лошадь под седлом, стоявшая у коновязи в ожидании Порка, который должен был отправиться верхом с каким-то поручением к Тарлтонам. Ее лошадь! Ее единственная лошадь! Янки уведут ее! И корову, и теленка! И свинью со всеми поросятами... Сколько ушло времени и сил, чтобы словить эту свинью и ее быстрое, верткое племя! А янки заберут и свинью, и кур-несушек, и петуха, и уток, которыми поделились с ними Фонтейны. И яблоки, и яме, и бобы из кладовой. И муку, и рис, и сушеный горох. И бумажник солдата-янки со всеми деньгами. Они возьмут все и оставят их подыхать с голоду.

– Ничего они не получают! – громко воскликнула Скарлетт, и все ошалело поглядели на нее – уж не рехнулась ли она с испугу? – Я не стану больше голодать! Ничего они не получают!

– Что с тобой, Скарлетт? О чем ты?

– Лошадь! Корову! Свинью! Поросят! Они их не получают. Я не допущу!

Она повернулась к четырем неграм, столпившимся в дверях, – лица их были пепельно-серыми от страха.

– В болото! – коротко сказала она.

– В какое болото?

– К реке, дурни! Гоните свинью и поросят к реке в болото. Вы все гоните их туда. Живей!

Порк и Присси, полезайте в подпол, вытащите поросят. Сьюлин и Кэррин, возьмите корзины, положите в них продукты – все, что влезет, и унесите в лес. Мамушка, опусти серебро обратно в колодец. Да вот еще, Порк! Слушай меня, Порк, не стой как болван! Уведи отсюда папу. Куда, куда! Куда хочешь! Ступай с Порком, па. Вот хороший па, вот умник.

В смятении, в суматохе она все же успела подумать о том, какое воздействие может оказать вид синих мундиров на помутившийся рассудок Джералда. И примолкла на секунду, в растерянности ломая руки. А тут испуганно захныкал Уэйд, ухватившись за юбку Мелани, и она почувствовала, что теряет над собой власть – А я чем могу помочь, Скарлетт? – услышала она среди воплей, всхлипываний и топота шагов спокойный голос Мелани. Лицо Мелани было блее мела, ее трясло как в лихорадке, но этот спокойный голос помог Скарлетт прийти в себя: она поняла, что все надеются на нее и ждут от нее указаний.

– Корову и теленка, – быстро сказала она. – Они на старом выгоне. Возьми лошадь и загони их в болота и...

Она еще не договорила, как Мелани, оторвав ручонку Уэйда от своей юбки, сбежала по ступенькам, подхватила на бегу подол и устремилась к лошади. Мелькнули худые ноги в облаке широких нижних юбок, и Мелани уже была в седле. Ноги ее далеко не доставали до стремян, но она собрала поводья, замолотила по бокам лошади пятками и вдруг с искаженным от ужаса лицом снова резко ее осадил.

– Мой малютка! – вскричала она. – О боже, мой малютка! Янки убьют его! Принеси его мне!

Ухватившись одной рукой за луку, она готова была соскочить с седла, но Скарлетт крикнула:

– Скачи! Скачи! Угони корову! Я позабочусь о ребенке! Скачи, говорю тебе! Неужели ты думаешь, я позволю им тронуть ребенка Эшли? Скачи же!

Мелани бросила через плечо последний, исполненный отчаяния взгляд, снова замолотила пятками и, рассыпая каскады гравия, умчалась по аллее в сторону выгона.

«Вот уж не ожидала, что увижу Мелли Гамильтон в седле по-мужски!» – мельком подумала Скарлетт и бросилась в дом. Уэйд бежал за ней по пятам, всхлипывая, стараясь уцепиться за ее развевающийся подол. Взяв в холле по лестнице, прыгая через две ступеньки, она видела, как Сьюлин и Кэррин с плетеными корзинами в руках спешили к кладовой, а Порк не слишком почтительно тащил Джералда под руку к заднему крыльцу. Джералд что-то бормотал ворчливо, как ребенок, и пытался вырваться.

С заднего двора долетел скрипучий голос Мамушки:

– Да ну же. Присси! Полезай в подпол, передавай мне поросят! Ты что – не понимаешь? Мне же туда с моим брюхом не пролезть! Дилси, поди сюда, вели этой балбеске...

«А мне-то казалось, я так здорово придумала спрятать свиней в подпол, чтоб их не украли, – подумала Скарлетт, вбегая в свою спальню. – Почему, ну почему я не построила для них загон на болоте?» Она рывком выдвинула верхний ящик бюро и, порывшись в платках и

косынках, выгасила бумажник. Торопливо достала кольцо с солитером и бриллиантовые подвески из своей корзинки с рукоделием и сунула их в бумажник. А где его спрятать? В матрасе? В печной трубе? Бросить в колодец? Засунуть себе в корсаж? Нет, только не это! Толстый бумажник может быть заметен, и тогда янки начнут ее обыскивать и разденут догола.

«И тогда я умру!» – с отчаянием подумала она.

Снизу доносился суматошный топот ног, голоса, чьи-то всхлипывания. Среди всего этого смятения Скарлетт пожалела, что рядом с ней нет Мелани. Нет Мелли с ее тихим голосом, Мелли, которая проявила такую отвагу, когда был убит солдат янки. Мелли стоит десятерых. Мелли... Что Мелли ей сказала? Ах да! Ребенок!

Прижимая к груди бумажник, Скарлетт бросилась в другую комнату, где малютка Бо спал в своей низенькой кровати. Она взяла его на руки, и он проснулся и захныкал спросонок, размахивая крошечными кулачками.

Она услышала громкий голос Сьюлин:

– Идем, Кэррин! Идем! Хватит, набрали! Ну же, сестренка, поторапливайся!

С заднего двора доносился отчаянный поросычий визг и возмущенное хрюканье, и, подбежав к окну, Скарлетт увидела Мамушку с извивающимся поросенком под каждой подмышкой, ковылявшую что было сил через хлопковое поле. Следом за ней спешил Порк, тоже с двумя поросятами, подталкивая идущего впереди него Джералда. Джералд, спотыкаясь, брел по бороздам и размахивал тростью.

Скарлетт высунулась из окна и крикнула:

– Уведи свинью, Дилси! Заставь Присси выгнать ее наружу. Угони ее подальше!

Дилси подняла голову: бронзовое лицо ее было встревожено, она держала за края передник, в котором лежала груда столового серебра.

– Свинья укусила Присси и не выпускает ее из подпола.

«Ай да свинья!» – подумала Скарлетт. Она метнулась к себе обратно в комнату и достала из тайничка браслеты, брошь, миниатюру и серебряную чашечку, найденные в ранце убитого янки. Куда все это спрятать? На руках у нее был малютка Бо, в одной руке зажат бумажник, в другой – эти безделушки. Она положила младенца на постель.

Он сразу расплакался, и тут ее осенило. Лучшего места, чем детские пеленки, не придумаешь. Она быстро перевернула Бо на животик, распеленала и сунула бумажник под его подгузник. От такого обращения он разревелся еще громче, засучил ножками, и она торопливо запеленала его снова.

«Ну, теперь, – подумала она, переведя дыхание, – теперь – к болоту!» Подхватив одной рукой заходившегося в плаче младенца, другой рукой прижимая к груди драгоценности, она выбежала на верхнюю площадку в холл. Внезапно шаги ее замедлились, колени подогнулись от страха. Как тихо стало в доме! Какая страшная, мертвенная тишина! Неужели все ушли и оставили ее? Неужели никто не подумал о ней? Она не ждала, что они все уйдут, бросят ее здесь одну. В эти дни с одинокой женщиной может случиться все что угодно... Придут янки...

Какой-то негромкий звук заставил ее подскочить от страха. Резко обернувшись, она увидела своего всеми позабытого сынишку. Он сидел на ступеньках, прижавшись к перилам, и пытался что-то произнести, но только беззвучно разевал рот и смотрел на нее круглыми от ужаса глазами.

– Встань, Уэйд Хэмптон, – приказала она. – Вставай и иди за мной. Мама не может тебя сейчас нести.

Точно маленький испуганный зверек, он бросился к ней и зарылся лицом в ее широкую юбку. Она чувствовала, как он, путаясь в пышных складках, пытается ухватиться за ее ногу. Она начала спускаться с лестницы, но его цепляющиеся руки мешали ей, и она сердито крикнула:

– Отпусти мою юбку, Уэйд! Отпусти и спускайся вниз сам! – Но ребенок только теснее прижимался к ней.

Она спускалась вниз, а снизу все словно бы устремлялось ей навстречу. Все с детства знакомые, любимые вещи, казалось, шептали ей в уши: «Прощай! Прощай» Рыдания подступили у нее к горлу. Дверь в маленький кабинет, где всегда так усердно трудилась Эллин, была приотворена, и Скарлетт бросился в глаза угол старинного секретера. В столовой стулья были сдвинуты с мест, некоторые опрокинуты, на столе – тарелки с недоеденной едой. На полу – лоскутные коврики, которые Эллин сама красила и сама плела. На стене – портрет бабушки Робийяр: высокая прическа, полуобнаженная грудь. Сильно вырезанные ноздри придавали лицу выражение утонченной надменности. Все овеянное бессчетом воспоминаний детства, все – кровная часть ее души – шептало ей: «Прощай, Скарлетт О’Хара! Прощай!» Придут янки и все сожгут!

В последний раз окинула Скарлетт взглядом родительский дом. Потом из болота под прикрытием леса ей суждено будет увидеть только, как рухнет охваченная огнем кровля и из облаков дыма выплывут очертания печных труб.

«Я не могу уйти отсюда, – подумала она, и у нее застучали зубы от страха. – Я не могу покинуть тебя, дом. Папа бы не ушел. Он ведь сказал им: жгите его вместе со мной. Пусть теперь сожгут тебя вместе со мной, потому что я тоже не могу тебя покинуть. Ты – последнее, что у меня есть».

И когда решение было принято, страх сразу куда-то отступил, и осталось только леденящее чувство в груди, словно страх и погибшие надежды застыли там холодным сгустком. Так она продолжала стоять, пока не услышала стук копыт на подъездной аллее, позвякивание уздечек и резкий голос, отдающий команду:

– Спешиться!

Тогда, быстро наклонившись к ребенку, прижавшемуся к ее ногам, она проговорила настойчиво, но необычно для нее мягко и нежно:

– Отпусти мою юбку, Уэйд, сыночек! Беги скорей вниз и через задний двор к болоту – там Мамушка и тетя Мелли. Беги скорей, милый, и ничего не бойся.

Услышав эти, такие непривычно ласковые слова, Уэйд поднял голову, и Скарлетт ужаснулась, увидев его глаза – глаза кролика, попавшего в силлок.

«О, мать божия! – взмолилась она. – Не допусти его до припадка! Нет, нет, только не перед янки! Они не должны знать, что мы их боимся!» И, чувствуя, как Уэйд лишь крепче вцепился в ее подол, произнесла твердо:

– Будь мужчиной, малыш. Подумаешь, свора проклятых янки!

И она стала спускаться с лестницы им навстречу.

Шерман вел свои войска через Джорджию от Атланты к морю. Позади лежали дымящиеся руины Атланты: покидая город, синие мундиры предали его огню. Впереди на триста миль простиралась ставшая по существу беззащитной полоса земля, ибо остатки милиции и старики и подростки из войск внутреннего охранения явно в счет не могли.

Впереди лежали плодородные земли – плантации, служившие приютом женщинам, детям, старикам, неграм. Янки шли, прочесывая пространства шириной в восемьдесят миль, все сжигая по дороге грабя. Сотни домов стояли объятые пламенем, в сотнях домов раздавался стук сапог. Но Скарлетт, глядя, как синие мундиры заполняют холл, не думала о том, что такова участь всего края. Для нее это было чисто личное дело – злодеяние, направленное умышленно против нее и ее близких.

Когда янки ввалились в дом, она стояла в холле возле лестницы, держа на руках младенца, а из складок юбки торчала головка Уэйда, прижавшегося к ее ногам. Одни солдаты, толкая друг друга, бросились вверх по лестнице, другие стали вытаскивать мебель на крыльце вспарывать штыками и ножами обивку кресел, ища спрятанные драгоценности. Наверху они тоже вспарывали тюфяки и перины, я вскоре в воздухе замелькали, поплыли пушинки и стали, кружась, мягко опускаться на пол, на волосы Скарлетт. И бессильная ярость заглушала остатки страха в ее сердце, когда она беспомощно глядела, как вокруг, нее грабят и рушат.

Сержант – кривоногий, маленький, седоватый, с куском жевательного табака за щекой – подошел к Скарлетт, опередив своих солдат, смачно сплюнул на пол и частично ей на подол и сказал:

– Дайте-ка сюда, что это тут у вас, барышня. Она забыла, что все еще держит в руке безделушки, которые хотела спрятать, я с усмешкой – достаточно презрительной, как казалось ей, чтобы не посрамить бабушки Робийяр, – швырнула их на пол, и последовавшая из-за них алчная схватка солдатни доставила ей своего рода злорадное удовольствие.

– Еще, если позволите, вот это колечко и сережки. Скарлетт крепче зажала младенца под мышкой, так что он оказался вниз лицом, отчего стал пунцовым и пронзительно завизжал, и отстегнула свадебный подарок Джералда – гранатовые серьги Эллин. Потом сняла с пальца кольцо с большим сапфиром – подарок Чарльза в день помолвки.

– Не бросайте. Давайте их сюда, – сказал сержант, протягивая руку. – Эти шельмы уже хорошо успели поживиться. Ну, что у вас есть еще? – Его зоркий взгляд скользнул по ее корсажу.

На мгновение у Скарлетт остановилось сердце. Она уже чувствовала, как грубые руки касаются ее груди, распускают шнуровку.

– Больше у меня ничего нет, но у вас, кажется, положено обыскивать свои жертвы?

– Ладно, поверю вам на слово, – добродушно ответил сержант и отвернулся, сплюнув еще разок. Скарлетт вернула ребенка в нормальное положение и стала успокаивать его, покачивая; рука ее нащупала припеленутый бумажник, и она возблагодарила бога за то, что у Мелани есть ребенок, а у ребенка – пеленки.

В верхних комнатах слышен был топот сапог, негодующий скрип передвигаемой мебели, звон разбиваемого фарфора и зеркал, грубая брань, изрыгаемая, когда ничего не удавалось обнаружить. С заднего двора неслись громкие крики:

– Гони их сюда! Не упusti! – И отчаянное кудахтанье кур, криканье уток и гогот гусей. Скарлетт вся сжалась, словно от боли, когда услышала неистовый визг резко оборвавший его выстрел, я поняла, что свинью убили. Черт бы побрал Присси! Она убежала и бросила свинью. Хоть бы уж поросята уцелели! Только бы все благополучно добрались до болота! Но ничего же ведь не известно.

Она недвижно стояла в холле, а мимо нее с криком, с руганью бегали солдаты. Уэйд не разжимал вцепившихся в ее юбку скрюченных от страха пальчиков. Она чувствовала, как он дрожит всем телом, прижимаясь к ней, но не могла заставить себя поговорить с ним, успокоить его. Не могла заставить себя произнести ни слова, не могла обрушиться на янки ни с гневом, ни с мольбами, ни с угрозами. Могла только благодарить бога за то, что хотя еще держат ее и у нее хватает сил стоять с высоко поднятой головой. Но когда кучка бородатых солдат с грохотом спустилась по лестнице, таща награбленное добро, какое подвернулось им под руку, и она увидела в руках одного из них саблю Чарльза, с губ ее против воли сорвался крик.

Эта сабля принадлежала теперь Уэйду. Это была сабля его отца, а прежде – деда, и Скарлетт подарила ее сыну в этом году в день его рождения. Они устроили тогда маленькую торжественную церемонию, и Мелани расплакалась – от гордости, от умиления, от грустных воспоминаний, – поцеловала Уэйда и сказала, что он должен вырасти храбрым солдатом, как его

отец и дедушка. Уэйд очень гордился этим подарком и частенько залезал на стол, над которым висела на стене сабля, чтобы погладить ее. Скарлетт нашла в себе силы молча смотреть на то, как чужие, ненавистные руки выносят из дома принадлежащие ей вещи, любые вещи, но только не это – не предмет гордости ее маленького сынишки. Уэйд, выглядывавший из-за юбок, услышал ее крик, обрел голос и отвагу и громко, горестно всхлипнул, указывая ручонкой на саблю:

– Моя!

– Этого вы не можете взять! – решительно сказала Скарлетт, протягивая к сабле руку.

– Не могу? Вот как? – произнес невысокий солдат, державший саблю, и нагло ухмыльнулся ей в лицо. – Еще как могу! Это сабля мятежника!

– Нет.., нет. Она сохранилась с Мексиканской войны. Вы не имеете права ее брать – это сабля моего маленького сына. Она принадлежала его деду. О, капитан! – воскликнула Скарлетт, оборачиваясь к сержанту. – Пожалуйста, прикажите вашему солдату вернуть мне саблю.

Сержант, довольный неожиданным повышением в чине, шагнул вперед.

– Дай-ка мне глянуть на эту саблю, Боб, – сказал он. Невысокий солдат нехотя протянул ему саблю.

– Тут эфес из чистого золота, – сказал он.

Сержант повертел саблю в руках, луч солнца упал на эфес, на выгравированную на нем надпись, и он громко прочел ее вслух:

– «Полковнику Уильяму Р. Гамильтону. От штаба полка. За храбрость. Буэна-Виста. 1847».

– Ого! – воскликнул сержант. – Я сам дрался при Буэна-Виста, леди.

– Да ну? – холодно произнесла Скарлетт.

– А как же! Жаркое было дело, доложу я вам. В эту войну я таких схваток не видал, как в ту. Так эта сабля принадлежала деду этого мальчика?

– Да.

– Ну, пусть она останется у него, – сказал сержант, удовлетворенный доставшимися ему драгоценностями и безделушками, которые он увязал в носовой платок.

– Но эфес же из чистого золота, – никак не мог успокоиться солдат-коротышка.

– Мы оставим ей эту саблю на память о нас, – усмехнулся сержант.

Скарлетт взяла у него саблю, даже не поблагодарив. Почему она должна благодарить этих грабителей, если они возвращают ей ее собственность? Она стояла, прижав саблю к груди, а кавалерист-коротышка все еще спорил и пререкался с сержантом.

– Ну, черт побери, эти проклятые мятежники еще меня попомнят! – выкрикнул под конец солдат, когда сержант, потеряв терпение, сказал, чтобы он перестал ему перечить и проваливал ко всем чертям. Солдат отправился шарить по задним комнатам, а Скарлетт с облегчением перевела дух. Янки ни словом не обмолвились о том, чтобы сжечь дом. Не сказали ей убираться вон, пока они его не подожгли. Быть может.., быть может... Солдаты продолжали собираться в холле – одни спускались из верхних комнат, другие входили со двора.

– Есть что-нибудь? – спросил сержант.

– Одна свинья, несколько кур и уток.

– Немного кукурузы, ямса и бобов. Эта дикая кошка верхом на лошади, которую мы видели на дороге, успела их тут предупредить, будьте уверены.

– Рядовой Пол Ривер, что у тебя?

– Да почти что ничего, сержант. Нам остались одни объедки. Поехали быстрее дальше, пока вся округа не прознала, что мы здесь.

– А ты смотрел под коптильней? Они обычно там все закапывают.

– Да нет тут коптильни.

– А в хижинах негров пошарил?

– Там ничего, кроме хлопка. Мы его подожгли. Скарлетт мгновенно припомнились долгие дни на хлопковом поле под палящим солнцем, невыносимая боль в пояснице, натертые плечи... Все понапрасну. Хлопка больше не было.

– Чтой-то у вас нет ничего, а, леди?

– Ваши солдаты уже побывали здесь до вас, – холодно сказала Скарлетт.

– Верно. Мы тоже были в этих краях еще в сентябре, – сказал один из солдат, вертя что-то в пальцах. – А я и позабыл.

Скарлетт увидела, что он разглядывает золотой наперсток Эллин. Как часто поблескивал он на пальце Эллин, занятой рукодельем! Вид наперстка воскресил рой мучительных воспоминаний о тонких бледных руках с этим наперстком на пальце. А теперь он лежал на грязной, мозолистой ладони этого чужого человека и скоро отправится в путь на север, где какая-нибудь янки будет щеголять этой краденой вещью – наперстком Эллин!

Скарлетт опустила голову, чтобы враги не увидели ее слез, и они тихонько покатались по щекам и закапали на личико младенца. Сквозь застилавшую глаза пелену она видела, как солдаты двинулись к выходу, слышала, как сержант громким, хриплым голосом отдавал команду. Янки уходили, дом остался цел, но истерзанная воспоминаниями об Эллин Скарлетт уже не находила в себе сил радоваться. Удалявшееся позвякивание сабель и стук копыт не принесли ей облегчения, и она стояла, совсем вдруг обессилев, равнодушная ко всему, и слышала, как они отъезжают, нагружившись краденым, – увозят одежду, одеяла, картины, кур, уток, свинью...

Потом в носу у нее защекотало от дыма и запаха гари, и она безучастно обернулась: ей уже не было дела до хлопка, страшное напряжение сменилось апатией. В открытые окна столовой она видела дым, медленно ползущий из негритянских хижин. Это разлетался по ветру хлопок. Это разлетались по ветру деньги, которые должны были пойти в уплату налогов и прокормить их в зимние холода. А ей оставалось только смотреть, как они тают, спасти их она не могла. Ей доводилось видеть и раньше, как горит хлопок, и она знала – справиться с этим огнем нелегко, даже если за дело берутся мужчины. Хорошо еще, что хижины расположены вдали от дома. И хорошо еще, что нет ветра: ни одна искра не долетит до крыши.

Внезапно она обернулась и замерла; все тело ее напряглось, словно у пойнтера, делающего стойку. Расширенными от ужаса глазами она смотрела в глубь крытого перехода, ведущего в кухню. Из кухни тянуло дымом!

На бегу, где-то между холлом и кухней, она положила младенца на пол. Вырвалась из цепких ручонок Уэйда, отпихнув его к стене, вбежала в полную дыма кухню и попятилась, сразу закашлявшись. Дым ел глаза, и слезы потекли у нее по щекам. Но она ринулась вперед, прикрыв нос и рот подолом юбки.

В кухне, слабо освещенной одним маленьким оконцем, ничего нельзя было разглядеть из-за густых клубов дыма, но Скарлетт услышала шипение и потрескивание огня. Прищурившись, прикрывая глаза рукой, она всматривалась в дымовую завесу и увидела языки пламени, расплывшиеся по полу, ползущие к стенам. Кто-то вытащил из топившегося очага горящие поленья, разбросал их по всей кухне, и сухой, как трут, сосновый пол мгновенно занялся, заглатывая огонь, как воду.

Скарлетт метнулась обратно в столовую и схватила ковер, с грохотом опрокинув при этом два стула.

«Мне же нипочем не потушить пожара... Нипочем, нипочем! О господи, если бы кто-нибудь помог! Пропал дом..., пропал! О боже мой, боже мой! Вот что этот коротконогий мерзавец держал на уме, когда сказал, что мы его еще попомним! Ах, зачем я не отдала ему сабли!»

Пробегая по переходу, она заметила своего сынишку – он забился в угол, прижимая к себе саблю. Глаза у него были закрыты и личико застыло в каком-то расслабленном, неестественном покое.

«Господи! Он умер! Умер от страха!» – промелькнула у нее порожденная отчаянием мысль, но она побежала дальше – в конец перехода, где возле кухонной двери всегда стояла бадья с питьевой водой.

Она сунула ковер в бадью и, набрав побольше воздуха в легкие, ринулась снова в темную от дыма кухню, плотно захлопнув за собой дверь. Целую, как ей показалось, вечность она, кашляя, задыхаясь, кружилась по кухне. Била и била мокрым ковром по струйкам огня, змеившимся вокруг нее. Дважды загорался подол ее длинной юбки, и она тушила его голыми руками. Ее одурял тошнотворный запах паленых волос, выпавших из прически вместе со шпильками и рассыпавшихся по плечам. Но куда бы она ни повернулась, языки пламени тотчас взвивались у нее за спиной, все ближе и ближе к стенам, к крытому переходу, ведущему в дом. Огненные змейки вились, плясали вокруг нее, и, теряя силы, она понимала, что все ее усилия тщетны.

Отворилась дверь, и ворвавшийся поток воздуха сильнее раздул пламя. Дверь со стуком захлопнулась, и в водовороте дыма Скарлетт, полуослепшая от слез, увидела Мелани: она затаптывала ногами огонь и колотила по горящему полу чем-то темным и тяжелым. Скарлетт видела, как ее шатает, слышала ее кашель, на мгновение сквозь серую пелену проглянуло ее бледное, напряженное лицо с зажмуренными от дыма глазами. Протекла еще целая вечность, пока они вдвоем, бок о бок, боролись с огнем, и наконец Скарлетт стала замечать, что огненных змей становится меньше, что они слабеют. И тут Мелани неожиданно повернулась к ней, вскрикнула и со всей силы ударила ее ковром по спине. Скарлетт покачнулась и полетела куда-то в дымный мрак.

Открыв глаза, она увидела, что лежит на заднем крыльце, голова ее покоится на коленях у Мелани, и лучи послеполуденного солнца заливают ей лицо. Руки, лицо, плечи нестерпимо жгло. Хижины негров все еще были окутаны клубами дыма, дым продолжал обволакивать все вокруг, и в воздухе стоял удушливый запах горелого хлопка. Скарлетт увидела клочья дыма, выползавшие из кухни, и вскочила было, порываясь броситься туда, но Мелани удержала ее, сказав спокойно:

– Лежи тихо, дорогая. Пожар потушен.

С минуту она лежала неподвижно, закрыв глаза, с облегчением дыша, и слышала где-то рядом мирное посапывание Бо и привычную для уха икоту Уэйда. Значит, он жив, слава тебе господи! Она открыла глаза и поглядела на Мелани. Волосы у нее опалило огнем, лицо было черным от сажи, но глаза возбужденно сверкали, и она улыбалась.

– Ты похожа на негрятенку, – пробормотала Скарлетт, устало зарываясь глубже головой в то, что служило ей подушкой.

– А ты – на персонаж из «Минстрел шоу». [note 9](#)

– Зачем ты меня ударила?

– Затем, моя дорогая, что у тебя все платье на спине занялось. Я не думала, что ты потеряешь сознание, хотя, видит бог, ты столько сегодня натерпелась, что можно было и на тот свет отправиться... Я побежала домой, как только привязала в лесу наших животных, и чуть не умерла со страху, думая о том, что ты с малюткой осталась здесь одна. Эти.., янки не обидели тебя?

– Ты хочешь сказать: не обесчестили ли они меня? Нет, – заверила ее Скарлетт и застонала, попытавшись сесть. Если голова ее покоилась относительно удобно – на коленях Мелани, то телу лежать на полу было далеко не так приятно. – Но они украли все, все. У нас ничего больше нет... Интересно, чему это ты так радуешься?

– Мы не потеряли друг друга и наших детей, и у нас есть крыша над головой, – сказала Мелани, и голос ее звучал радостно и звонко. – О большем в наши дни не приходится и мечтать... Господи, Бо, кажется, лежит мокрый! А янки, верно, прихватили заодно и пеленки? Ой, Скарлетт! Что это у него тут?

Она испуганно сунула руку под пеленку и извлекла оттуда бумажник. С минуту она так смотрела на него, словно видела этот предмет впервые, потом расхохоталась – неудержимо, почти истерически.

– Ни один человек на свете, кроме тебя, не мог бы до этого додуматься! – воскликнула она и, обвинив руками шею Скарлетт, поцеловала ее. – Ты самое поразительное существо на свете, ни у кого нет такой сестры, как ты.

Скарлетт не противилась этим объятиям: она была еле жива от усталости, похвала приятно льстила ее самолюбию, а потом – в сизой от дыма кухне – в ее душе укрепилось чувство уважения к золовке и зародилось нечто похожее на дружескую близость.

«Одного у нее не отнимешь, – не могла не признаться себе Скарлетт, – когда нужна помощь, Мелани всегда тут как тут».

Внезапно резко похолодало и наступили морозы. Студеным ветром тянуло из-под всех дверей, и стекла, расшатавшиеся в рамах, монотонно дребезжали. С деревьев облетала последняя листва, и только сосны, не потеряв своего убранства, холодными, темными громадами высились на фоне бледного неба. Изрытая колдобинами красная глина дорог обледенела, и голод простер свои крыла над Джорджией.

Скарлетт не без горечи вспоминала свой последний разговор с бабушкой Фонтейн. В тот день – два месяца назад, – который, казалось, отодвинулся куда-то в далекое прошлое, она сказала старой даме – и сказала от чистого сердца, – что самое худшее уже позади. Теперь это стало ребяческим преувеличением. Пока солдаты Шермана не прошли вторично через Тару, у нее еще были ее маленькие сокровища – немного продуктов и немного денег, были соседи, которым больше повезло, чем ей, и хлопок, который помог бы продержаться до весны. Теперь не было ни хлопка, ни продуктов, деньги утратили свое значение, так как на них ничего нельзя купить, а соседи терпели не меньшую нужду, чем она. У нее, на худой конец, все же осталась корова с телянком, лошадь и несколько поросят, а у соседей и того не было – всего какие-то крохи провизии, которые они успели зарыть или спрятать в лесу.

Усадьбу Тарлтонов – Прекрасные Холмы – янки сожгли дотла, и миссис Тарлтон с четырьмя дочерьми переселилась в дом управляющего. Дом Манро, расположенный в окрестностях Лавджоя, тоже сровняли с землей. В Мимозе сгорело деревянное крыло дома, главная же часть здания уцелела благодаря толстой штукатурке и отчаянной борьбе с огнем, в которую вступили все женщины Фонтейн и негры. Только усадьбу Калвертов янки пощадили и на этот раз: снова спасло вмешательство управляющего Хилтона, уроженца Севера, однако ни единой животины, ни единого початка кукурузы на плантации не осталось.

Перед Тарой, как и перед всей округой, стояла одна задача: как добыть еду? У большинства семей не было ничего, кроме остатков последнего урожая ямса и арахиса, да еще дичь, которую они приносили из лесу. И каждый делился всем, что у него было, с теми, у кого было еще меньше, как это делалось всегда в более благополучные времена. Но очень скоро делиться стало нечем.

В дни, когда Порку сопутствовала удача, в Таре питались кроликами, или опоссумами, или зубаткой. В остальное время довольствовались капелькой молока, орехами гикори, жареными желудями и ямсом. И чувство голода не покидало их никогда. Скарлетт казалось, что она не может шагу ступить, чтобы не увидеть протянутые к ней руки, с мольбой устремленный на нее взгляд. И это сводило ее с ума, ведь она была голодна не меньше других.

Она приказала зарезать телянка, так как он поглощал слишком много драгоценного молока, и в этот вечер все в Таре заболели, объевшись парной телятиной. Скарлетт знала, что следует заколоть хотя бы одного поросенка, но все откладывала это и откладывала, надеясь вырастить из поросят полноценных свиней. Поросята были еще такие крошечные. Какой толк заколоть их сейчас – там и есть-то почти нечего; а если дать им подрасти, тогда совсем другое будет дело. Ночь за ночью обсуждала она с Мелани, послать или не послать Порка верхом на лошади, дав ему денег, чтобы он попытался купить каких-нибудь продуктов. И все никак не могла на это решиться, боясь, что у него отнимут и лошадь и деньги. Никому же не было известно, где сейчас янки. Они могли быть за тысячу миль от Тары или за рекой. Однажды Скарлетт, обуреваемая отчаянием, начала сама собираться в дорогу на поиски пропитания, но истерические вопли всех домочадцев заставили ее отказаться от своей затеи.

Порк рыскал по окрестностям, порой забирался, как видно, далеко, так как возвращался

только под утро, и Скарлетт не спрашивала его, где он пропал. Иногда он приносил дичь, иногда несколько початков кукурузы или мешок сухого гороха. Как-то раз притащил домой петуха и утверждал, что поймал его в лесу. Они с превеликим аппетитом, но и не без чувства вины прикончили этого петуха, ибо все отлично понимали: петуха Порк украл, так же как горох и кукурузу. Вскоре после этого как-то ночью он постучался к Скарлетт, когда весь дом уже спал, и смущенно показал ей свою ногу с порядочным зарядом дроби в икре. Пока она накладывала повязку, он сконфуженно объяснил, что его накрыли при попытке проникнуть в Фейетвилле в чей-то курятник. Скарлетт не спросила, чей это был курятник, – только ласково потрепала Порка по плечу, и на глаза у нее навернулись слезы. Негры ужасно раздражали ее порой, но ведь такую преданность не купишь ни за какие деньги! Теперь все они – и белые и черные – стали как бы членами одной семьи, и негры могли рискнуть жизнью ради того, чтобы на столе для всех была еда.

В другие времена к мелким кражам Порка следовало бы отнестись более серьезно, быть может, он даже заслуживал хорошей взбучки. В другие времена Скарлетт по меньшей мере должна была бы его строго отчитать. «Никогда не забывай, дорогая, – говорила Эллин, – что ты несешь ответственность не только за физическое, но и за нравственное здоровье черных рабов, которых бог вверил твоему попечению. Ты должна понимать, что они как дети и за ними нужен глаз да глаз, как за детьми, и ты обязана во всем подавать им хороший пример».

Но сейчас Скарлетт старалась не вспоминать о наставлениях Эллина. Поощряя воровство, жертвами которого, быть может, становились люди, терпевшие еще большую нужду, чем она сама, Скарлетт не испытывала угрызений совести. Нравственная сторона этого поступка не тревожила ее. Вместо того чтобы дать Порку взбучку или хотя бы усомниться в его поведении, она только пожалела, что в него угодили из дробовика.

– Ты должен быть осторожнее, Порк. Мы не хотим потерять тебя. Что нам тогда делать? Ты всегда был хорошим, преданным слугой, и когда мы снова раздобудем немножко денег, я куплю тебе большие золотые часы и велю выгравировать на них что-нибудь из Библии. К примеру: «За верную и преданную службу».

Порк расплылся в довольной улыбке и потрогал свою забинтованную ногу.

– До чего ж хорошо вы это сказали, мисс Скарлетт. А когда вы думаете раздобыть эти деньги?

– Не знаю, Порк, но так или иначе, я их непременно раздобуду. – Она смотрела на него невидящим взглядом, в котором была такая неистовая горечь и боль, что он беспокойно поежился. – Когда-нибудь, после того как кончится война, у меня будет много, очень много денег, и я уже никогда больше не буду знать ни голода, ни холода. И никто из моих близких и слуг. Мы все будем носить красивые платья, и каждый день есть жареных цыплят, и...

Она не договорила. Одно из строжайших правил, установленных ею самой в Таре, за неукоснительным выполнением которого она неусыпно следила, гласило: никто и никогда не должен вспоминать про вкусные блюда, какие он когда-то едал, или мечтать вслух о том, что ему сейчас хотелось бы съесть, будь у него такая возможность.

Порк тихонько выскользнул из комнаты, а она все еще стояла, хмуро глядя в пространство. В те, прежние, безвозвратно канувшие в прошлое времена жизнь была так разнообразна, так полна сложных, волнующих проблем! Как завоевать любовь Эшли, не потеряв ни одного из поклонников, как заставить их по-прежнему ходить за нею по пятам с убитым видом? Как скрыть от старших маленькие погрешности по части приличий? Как подразнить или задобрить ревнивых подружек, какую материю выбрать на платье и каким фасоном сшить, какой прическе отдать предпочтение... О, сколько еще всевозможных задач, которые необходимо было решить! Теперь жизнь удивительно упростилась. Теперь важно было только иметь достаточно пищи,

чтобы не умереть с голоду, достаточно одежды, чтобы не окоченеть от холода, да крышу над головой, которая не слишком бы сильно протекала.

В эти дни Скарлетт впервые начал посещать кошмар, преследовавший ее потом долгие годы. Это всегда был один и тот же сон, ничто в нем не менялось, только страх от раза к разу возрастал и даже в часы бодрствования мучил ее ожиданием ночи, когда кошмар повторится снова. Ей глубоко запали в память все события того дня, которые предшествовали этому кошмару.

Холодные дожди шли уже неделю, и дом продувало насквозь сырыми сквозняками. Мокрые поленья в камине дымили, не давая тепла. С утра в доме уже не было никакой еды, кроме молока, так как запасы ямса иссякли, а силки и удочки Порка не принесли на сей раз добычи. На следующий день предстояло заколоть одного из поросят, иначе все в доме опять останутся без еды. Истощенные, голодные лица – белые и черные – смотрели на Скарлетт изо всех углов, безмолвно взывая о пище. Было ясно, что придется, рискуя потерей лошади, послать Порка купить продуктов. И к довершению всех несчастий Уэйд лежал в жару и жаловался на боль в горле, а ни доктора, ни лекарств не было.

Голодная, измученная, Скарлетт отлучилась ненадолго от посмели Уэйда, предоставив его заботам Мелани, и прилегла вздремнуть. Раздираемая страхом и отчаянием, она ворочалась с боку на бок, чувствуя, как заledenели у нее ноги, и напрасно стараясь уснуть. Одна и та же мысль без конца сверлила мозг: «Что же мне делать? Куда броситься? Неужели на всем свете нет никого, кто бы мне помог?» Как могло сразу рухнуть все, что казалось таким надежным, таким прочным? Почему нет возле нее какого-нибудь сильного мудрого человека, который снял бы с ее плеч эту ношу? Она не в силах больше ее тащить. Не для того она родилась на свет. И тут она заснула тяжелым, беспокойным сном.

Ей снилось, что она в какой-то чужой стране; ее несло и кружило в вихре тумана, столь густого, что ей не было видно даже своих рук. Земля зыбилась и уплывала у нее из-под ног. Все вокруг было призрачно и жутко. И тихо, сверхъестественно тихо, и она чувствовала себя потерянной и испуганной, как ребенок, заблудившийся в лесу. Ее мучил голод, она дрожала от холода и так боялась чего-то притаившегося где-то рядом, в тумане, что ей хотелось закричать, но она не могла. Какие-то существа тянулись к ней из тумана, чьи-то руки молча, безжалостно старались ухватить ее за подол и утянуть за собой куда-то глубоко-глубоко в зыблущуюся под ногами землю. И тут она вдруг поняла, что где-то среди этого тусклого полумрака есть теплое, надежное пристанище, есть тихая гавань. Но где? Сможет ли она туда добраться, пока эти руки не утянули ее за собой в зыбучие пески?

Внезапно она увидела, что бежит – бежит, словно обезумевшая, сквозь этот туман, и бежит, и плачет, и кричит, и, раскинув руки, старается уцепиться за что-нибудь, но встречает повсюду только пустоту и влажный туман. Где же это пристанище? Оно ускользало от нее, но оно было где-то здесь, скрытое от нее туманом. Если бы только найти его! Она была бы спасена тогда! Но от страха у нее подгибались колени, и голова кружилась от голода. Она отчаянно вскрикнула, открыла глаза и увидела наклонившееся над ней встревоженное лицо Мелани, которая трясла ее за плечо, стараясь разбудить.

Сон этот повторялся снова и снова всякий раз, когда она ложилась спать на голодный желудок. А это случалось куда как часто. Она так боялась повторения этого сна, что не решалась заснуть, хотя и не переставала лихорадочно твердить себе, что ничего страшного в этом сне нет. Абсолютно ничего – ну, туман, что же тут страшного? Совершенно нечего бояться... И тем не менее мысль о том, что она опять окажется среди этого тумана в каком-то неизвестном краю, нагоняла на нее такой страх, что она стала ночевать в спальне Мелани, чтобы та могла разбудить ее, если она опять начнет стонать и метаться во власти этого кошмара.

Нервное напряжение сказалось на ней: она похудела, сошел румянец. В лице ее уже не было прежней приятной округлости: впалые щеки, резкая линия скул и косо разрезанные зеленые глаза придавали ей сходство с голодной одичавшей кошкой.

«Жизнь и днем достаточно похожа на кошмар, чтобы они мучили меня еще по ночам!» – с отчаянием думала она и начала отделять часть своего дневного рациона, чтобы съесть перед сном.

В сочельник Фрэнк Кеннеди с небольшим продовольственным отрядом притрусил в Тару в тщетной надежде найти хоть немного зерна и мяса для армии. Тощие, оборванные солдаты были похожи на бродяг, и лошади под ними – увечные, со вздутыми животами – явно попали в этот отряд потому, что не годились для боевых действий. Люди, так же как их лошади, – все, за исключением Фрэнка, – были списанные в запас калеки – кто без руки, кто без глаза, кто с негнущейся ногой. Почти на всех были синие мундиры, снятые с убитых янки, и на какую-то секунду обитатели Тары оцепенели от ужаса, думая, что к ним опять нагрянули солдаты Шермана.

Отряд заночевал в Таре; разместившись в гостиной на полу, все с наслаждением вытянулись на мягком ковре – ведь из месяца в месяц они спали под открытым небом и на голой земле, хорошо еще, если усыпанной сосновыми иглами. Несмотря на свои лохмотья и грязные бороды, это были хорошо воспитанные люди, они мило болтали и шутили, отпускали комплименты и страшно радовались, что им довелось провести сочельник в большом доме, среди красивых женщин, совсем как в былые времена. Они отказывались вести серьезные разговоры о войне и что-то ввали напропалую, стараясь рассмешить дам и принести в этот разграбленный, опустошенный дом хоть чуточку праздничного веселья и радости.

– Все почти совсем как прежде, когда к нам съезжались гости, верно? – радостно шепнула Сьюлин на ухо Скарлетт. Сьюлин была на седьмом небе от счастья, снова принимая у себя своего поклонника, и не сводила глаз с Фрэнка Кеннеди. Скарлетт с удивлением обнаружила, что Сьюлин может казаться почти хорошенькой, невзирая на ужасную болезненную худобу. Щеки у нее разрумянились, взгляд смягчился, глаза блестели.

«Похоже, она в самом деле неравнодушна к нему, – со снисходительным презрением подумала Скарлетт. – И пожалуй, может стать почти нормальным человеком, если обзаведется мужем, – хотя бы такой старой интендантской крысой, как Фрэнк».

Даже Кэррин немного повеселела в этот вечер и уже не смотрела на всех отрешенным взглядом. Выяснилось, что один из солдат знал Брента Тарлтона, даже видел его в самый день гибели, и Кэррин решила после ужина подробно поговорить с этим солдатом с глазу на глаз.

А за ужином Мелани удивила всех: она нашла в себе силы побороть свою застенчивость и была необычно оживлена. Она смеялась, и шутила, и, можно сказать, почти что кокетничала с одноглазым солдатом, который в ответ из кожи лез вон, стараясь проявить галантность. Скарлетт понимала, каких душевных и физических усилий стоило это Мелани, испытывавшей в присутствии любого мужчины мучительные приступы застенчивости. К тому же она ведь еще далеко не оправилась после болезни. Правда, она упрямо утверждала, что вполне окрепла, и в работе оставляла позади себя даже Дилси, но Скарлетт знала, что Мелани еще больна. Стоило ей поднять что-то тяжелое, как лицо ее белело, а иной раз после какого-нибудь физического напряжения она так неожиданно опускалась на землю, словно у нее подкашивались ноги. Но сегодня Мелани, так же как Кэррин и Сьюлин, прилагала все усилия к тому, чтобы солдаты не скучали в сочельник. Одна только Скарлетт не была рада гостям.

К ужину, состоявшему из арахиса, сушеного гороха и сушеных яблок, тушенных в печи,

которые Мамушка торжественно поставила на стол, отряд сделал свой вклад в виде поджаренной кукурузы и ребрышек, и гости заявили, что они уже давненько не едали столь прекрасных блюд. А Скарлетт смотрела, как они едят, и ей было не по себе. Она не только жалела каждый кусок, который они отправляли в рот, но и чувствовала себя точно на иголках, боясь, как бы кто из гостей не пронюхал ненароком, что Порк накануне заколол поросенка. Сейчас поросычья туша висела в кладовой, и Скарлетт угрюмо пригрозила всем своим домочадцам, что выцарапает глаза каждому, кто хоть словом обмолвится об этом перед гостями или посмеет упомянуть о сестрах и братьях покойного, надежно запертых в загоне на болоте. Голодные солдаты сожрут поросенка за один присест, а узнав про живых поросят, конфискуют их для армия. Она боялась и за корову и за лошадь и жалела, что не угнала их в болото, а привязала на опушке леса у края выгона. Если отряд заберет у нее всю живность, никто в доме не протянет до весны. Восполнить эту потерю будет нечем. Вопрос о том, чем будет питаться армия, ее не тревожил. Пусть армия сама кормит себя – как сумеет. А ей и так нелегко прокормить все свои рты.

На десерт гости преподнесли всем «шомполушки», достав их из ранцев, и Скарлетт впервые увидела своими глазами этот новый вид фронтового довольствия армии конфедератов, по адресу которого было отпущено не меньше шуток, чем по адресу вшей. Это было нечто спиралевидное, более всего похожее на кусок обугленного дерева. Гости настоятельно предлагали Скарлетт отведать кусочек, и когда она наконец отважилась на это, открыла, что под угольно-черной поверхностью скрывается несоленый кукурузный хлеб. Солдаты замешивали свою порцию кукурузной муки на воде, добавляли соли (если она у них была), обмазывали шомпола густым тестом и запекали над костром. Получалось нечто столь же твердое, как леденцы, и столь же безвкусное, как опилки, и Скарлетт, с трудом вонзив в угощение зубы, поспешила под общий хохот отдать его обратно. Она перехватила взгляд Мелани и прочла в нем свои собственные мысли: «Как могут они сражаться на таком скудном пайке?» Трапеза тем не менее протекала достаточно весело, и даже Джералд, с несколько отсутствующим видом восседавший во главе стола, ухитрился извлечь из глубин своего затуманенного сознания какие-то обрывки воспоминаний о том, как надлежит вести себя гостеприимному хозяину, и неуверенно улыбался. Мужчины болтали, женщины расцветали улыбками и всячески старались угодить гостям, но когда Скарлетт неожиданно повернулась к Франку Кеннеди, желая осведомиться у него о здоровье мисс Питтипэт, она тут же забыла о своем намерении, пораженная выражением его лица.

Фрэнк уже не смотрел неотрывно на Сьюлин – его взгляд блуждал по комнате, перебегая с растерянного лица Джералда на голый, не застеленный коврами пол, на камин без привычных безделушек на полке, на вспоротую солдатскими штыками обивку кресел и выпирающие пружины, на разбитое зеркало над сервантом, на прямоугольники невыцветших обоев там, где до прихода грабителей на стенах висели картины, на убогую сервировку стола, на аккуратно починенные, но ветхие платья дам, на сшитую из мешковины одежду Уэйда...

Франку вспоминался этот дом, каким он знал его прежде, и на его усталом лице было написано страдание и бессильный гнев. Фрэнк любил Сьюлин, ему нравились ее сестры, он с уважением относился к Джералду и был всей душой привязан к этому семейному очагу. После опустошительного набега Шермана на Джорджию перед глазами Франка прошло немало страшных картин, пока он объезжал штат, собирая поставки для армии, но ничто не ранило его сердце так глубоко, как зрелище этого разоренного гнезда. Фрэнку страстно хотелось сделать что-нибудь для семейства О'Хара, особенно для Сьюлин, но он понимал, что ничем не может им помочь. И, преисполненный жалости, он в задумчивости покачивал головой и прищелкивал языком, топорща жесткие усы. Неожиданно встретившись глазами со Скарлетт, он заметил, как

она возмущенно вспыхнула, понял, что ее гордость задета, и смущенно уставился в тарелку.

Дамы горели желанием услышать новости. После падения Атланты почта не работала уже четыре месяца, и все в Таре находились в полном неведении о том, где теперь янки, как сражается армия конфедератов, что делается в Атланте и какова судьба знакомых и друзей. Фрэнк, который по долгу службы ездил по всей округе, был сам не хуже любой газеты, а в некотором отношении даже лучше, ибо знал почти всех от Мейкона до Атланты, а многим к тому же доводился родственником и мог сообщить немало интересных подробностей и сплетен, которые обычно в газеты не попадают. И теперь, под взглядом Скарлетт, он, чтобы скрыть свое замешательство, торопливо принялся выкладывать новости. Армия конфедератов, сообщил он, снова заняла Атланту, после того как Шерман со своим войском покинул город, но этот трофей уже не имел цены, так как янки сожгли там все, что могло гореть.

– Но мне казалось, что Атланту выжгли в ту ночь, когда мы оттуда бежали! – недоуменно воскликнула Скарлетт. – Мне казалось, наши жгли ее, отступая.

– О нет, мисс Скарлетт, – запротестовал весьма фраппированный ее словами Фрэнк. – Мы никогда не жжем наших городов, если там остались жители. Вы видели пожары, но это горели военные и провиантские склады и литейные заводы – их жгли, чтобы они не достались неприятелю. Только это, и ничего больше. Когда Шерман занял город, все жилые дома и магазины стояли абсолютно не тронутые огнем. И он разместил в них своих солдат.

– А как же жители? Он... он их поубивал?

– Кое-кого убил, но не пулями, – мрачно ответил одноглазый воин. – Как только Шерман занял Атланту, он тотчас заявил мэру, что все население должно покинуть город – чтобы ни единой живой души не осталось. А в городе было много стариков, которые не выдержали бы переезда, и больных, которых нельзя было трогать с места, и женщин, которые.., ну, словом, которых тоже нельзя было трогать. И он выгнал их всех из жилищ в ужасающий ливень, в бурю, выгнал сотни и сотни людей и оставил в лесах под Раф-энд-Реди, а генералу Худу передал, что тот может прийти и забрать их. И очень многие не вынесли столь жестокого обхождения, многие погибли от пневмонии.

– Но почему же он так поступил? Они ведь не могли причинить ему никакого зла, – вскричала Мелани.

– Он заявил, что ему нужно очистить город, чтобы дать отдых своим солдатам и лошадям, – отвечал Фрэнк. – И он дал им отдых до середины ноября, после чего оставил город. А уходя, поджег его, спалил все дотла.

– Как, неужели все? – в ужасе воскликнули дамы. Это было непредставимо – неужели этого многолюдного, кипучего города, который они так хорошо знали, не стало? Не стало красивых домов в густой тени деревьев, не стало больших магазинов и нарядных отелей? Мелани с трудом удерживалась от слез – ведь в этом городе она родилась, там был ее дом. У Скарлетт тоже защемило сердце, потому что она успела полюбить Атланту – этот город стал для нее второй родиной после Тары.

– Ну, почти что все, – поспешил смягчить свой удар Фрэнк, обескураженный расстроенными лицами дам, и тут же постарался придать себе веселый вид – он же никак не хотел их огорчить. Это мгновенно повергло в расстройство его самого, и он испытывал чувство ужасной беспомощности. Нет, он не мог заставить себя сказать страшную правду. Пускай узнают ее от кого-нибудь другого.

Не мог он поведать им о том, что увидела армия конфедератов после своего возвращения в Атланту: ряды печных труб, акр за акром торчавших над пепелищами; улицы, заваленные грудями обгорелых обломков и кирпича; старые деревья, умиравшие от ожогов, роняя на землю обугленные ветви, которые уносило порывами студеного ветра. Ему вспомнилось, как от этого

зрелища дурнота подступила у него к горлу, вспомнилось, какие ожесточенные проклятия срывались с губ конфедератов, когда руины города предстали их глазам. Приходилось уповать лишь на то, что женщины никогда не узнают об ограблении кладбища, так как это совсем бы их убило. Чарльз Гамильтон и родители Мелани были похоронены там. Фрэнк до сих пор мучили кошмары, в которых перед ним возникало это кладбище. В поисках драгоценностей янки взламывали склепы, раскапывали могилы. Они грабили трупы, срывали с гробов серебряные украшения и ручки, золотые и серебряные именные таблички. Жалкую и страшную картину являли собой скелеты и еще не истлевшие трупы, валявшиеся среди обломков своего последнего земного пристанища.

Не мог поведать им Фрэнк и об участии кошек и собак. Домашние животные играют слишком большую роль в жизни своих хозяек. А Фрэнк и сам очень любил и кошек и собак, и зрелище сотен погибавших с голоду животных, оставшихся без призора, когда их хозяев так внезапно и жестоко выгнали из города, потрясло Фрэнка почти столь же глубоко, как вид разграбленного кладбища. Изголодавшиеся, испуганные, замерзавшие от холода животные одичали, более сильные стали нападать на слабых, а слабые ждали, когда издохнут слабейшие, и затем пожирали их трупы. И над останками вымершего города грациозные стервятники испещряли зимнее небо зловеще черными пятнами.

Фрэнк порывлся в памяти, ища, каким утешительным сообщением он мог бы сделать приятное женщинам.

– Кое-какие дома все же уцелели, – сказал он. – Из тех, что стояли особняком на больших земельных участках, вдали от других строений, и огонь до них не добрался. И церкви уцелели тоже, и здание масонской ложи. И несколько магазинов. Но деловая часть города и все кварталы, прилегающие к железнодорожным путям и к площади Пяти Углов, – все это, увы, сровняли с землей.

– Значит, – вскричала Скарлетт, – тот склад возле вокзала, который достался мне в наследство от Чарльза, тоже сгорел?

– Если это возле вокзала, то да, по-видимому, но... – Неожиданно лицо Фрэнка расцвело улыбкой. – Как же я запамятовал! Могу вас порадовать, дамы! Дом вашей тетушки Питтипэт цел. Немножко его повредило, но в общем он стоит как стоял.

– Почему же он уцелел?

– А он кирпичный и, кажется, единственный в городе под шиферной крышей, ну и, верно, потому не загорелся от искр. К тому же он – последний дом на северной окраине города, а в том конце пожары не так свирепствовали. Правда, янки, которые были в нем расквартированы, разнесли там внутри все в клочья. Они даже пустили на топливо плинтусы и лестницу красного дерева, да это все ерунда! Сам дом в хорошем состоянии. Когда на прошлой неделе я видел мисс Питти в Мейконе...

– Вы видели ее? Ну, как она?

– Превосходно! Ну, просто превосходно! Когда я сказал ей, что ее дом уцелел, она вознамерилась тотчас вернуться в Атланту., если, понятно, этот старый негр, дядюшка Питер, не станет возражать. Очень многие жители Атланты уже вернулись, потому что чувствовали себя беспокойно в Мейконе. Шерман не взял Мейкона, но все боятся, что уилсоновские молодчики устроят набег на город, а это будет похуже Шермана.

– Но это же глупо – возвращаться в город, где почти не уцелело домов. Как они там будут жить?

– Они живут в палатках, в сараях и в сколоченных на скорую руку хижинах, мисс Скарлетт, или ютятся вместе по шесть-семь семей в каждом из уцелевших домов. И пытаются восстановить город. И не нужно так говорить, это вовсе не глупо. Вы же не хуже меня знаете,

что это за народ. Они накрепко прикипели сердцем к своему городу, не меньше, чем чарльстонцы к Чарльстону, и никаким янки, никаким пожарам не оторвать их от Атланты. Они же.., прошу прощения, мисс Мелли, – упрямы как мулы во всем, что касается Атланты. Правду сказать, непонятно – почему. Мне этот город всегда казался таким напористым, нагловатым выскочкой. Ну, да я прирожденный сельский житель и вообще не любитель городов. И еще скажу вам: те, что приехали первыми, – это и есть самые умные и шустрые. А те, что приедут последними, не найдут ни бревна, ни камня, ни кирпичика на месте своих домов, так как все тащат кто что может себе на постройку. Еще позавчера я видел, как миссис Мерриуэзер и мисс Мейбелл вместе со своей старой негритянкой нагружали кирпичами тачку. А миссис Мид сказала мне, что намерена построить бревенчатую хижину, как только доктор возвратится и сможет помочь ей в этом деле. Она жила в такой хижине, когда впервые приехала в Атланту – по-тогдашнему в Мартасвилл, – сказала миссис Мид, – и совсем не прочь снова пожить в такой же. Понятно, она шутила, но это только показывает, какое у них там у всех настроение.

– Я считаю, что они очень мужественные люди, – с гордостью произнесла Мелани. – Верно, Скарлетт?

Скарлетт кивнула: мрачная гордость за полюбившийся город переполнила ее сердце. Да, это был напористый, нагловатый выскочка-город, и этим он импонировал ей. Он не походил на затянутые в корсет старые города, манерные и ханжеские; жизнь в нем переливалась через край, и этим он тоже был ей люб. «Я сама как Атланта, – подумала она. – Ни пожарам, ни янки меня не сломить».

– Если тетя Питти возвратится в Атланту, то нам, Скарлетт, тоже надо бы вернуться туда и пожить с ней, – сказала Мелани, прерывая ход ее мыслей. – Она умрет там со страху одна.

– Как же я могу все здесь бросить, Мелли? – раздраженно сказала Скарлетт. – Если тебе так не терпится уехать – уезжай. Я тебя не держу.

– Ах, я как-то не подумала об этом, дорогая, – воскликнула Мелани, густо покраснев от смущения. – Как это эгоистично с моей стороны! Конечно, ты не можешь оставить Тару, и.., и я думаю, что дядюшка Питер и кухарка сумеют позаботиться о тетушке.

– Тебе ничто не мешает уехать, – сухо сказала Скарлетт.

– Я не оставлю тебя, ты же знаешь, – сказала Мелани. – И к тому же я умерла бы там со страху бел тебя.

– Ну, как знаешь. Меня, во всяком случае, ничем не заманишь обратно в Атланту. Стоит им только построить там несколько домов, как Шерман вернется и снова сровняет с землей весь город.

– Нет, Шерман не вернется, – сказал Фрэнк, и как он ни крепился, лицо его помрачнело. – Он прошел через весь штат к побережью. На прошлой неделе янки взяли Саванну и, говорят, проникли в глубь Южной Каролины.

– Саванну взяли?

– Да. Ну видите ли, леди, Саванна не могла выстоять. Ее некому было защищать, хотя они там и поставили под ружье всех от мала до велика – всех мужчин, способных хоть как-то передвигать ноги. Вы, кстати, знаете, что когда янки двинулись на Милледжвилл, у нас призвали на фронт всех курсантов из военных училищ, даже из самых младших классов, и открыли тюрьмы, чтобы наберечь свежее пополнение для армии? Да, друзья, всех заключенных, которые согласны были пойти на фронт, выпустили и обещали им помилование, если они дотянут до конца войны. Меня прямо мороз по коже подирает, как подумаю об этих мальчишках-курсантах в одном строю с ворами и убийцами.

– Как! Всех преступников выпустили на волю, чтоб они могли нас грабить?

– Ничего, мисс Скарлетт, не волнуйтесь. Они далеко отсюда, и притом показали себя

отменными солдатами. Я так понимаю: если человек – вор, это не мешает ему быть хорошим солдатом, не правда ли?

– По-моему, это было сделано правильно! – негромко сказала Мелани.

– Ну, а я так не считаю, – решительно заявила Скарлетт. – У нас тут и без них достаточно воров бродит по округе, не говоря уже о янки и... – Вовремя спохватившись, она не закончила фразы, а мужчины рассмеялись.

– Не говоря уже о янки и нашей интендантской службе, – договорил за нее кто-то из гостей, заставив ее покраснеть.

– А где же генерал Худ со своей армией? – поспешила ей на выручку Мелани. – Он ведь мог отстоять Саванну!

– Ну, что вы, мисс Мелани! – Фрэнк был озадачен, и в голосе его прозвучала укоризна. – Генерала Худа вовсе и не было на этом участке фронта. Он сражается в Теннесси, пытается оттянуть туда янки из Джорджии.

– И как же здорово это у него получается! – презрительно воскликнула Скарлетт. – Он дал этим чертовым янки пройти через всю нашу территорию, а нам для защиты оставил мальчишек школьного возраста, преступников и стариков из внутреннего охранения.

– Дочка, – внезапно подал голос Джералд, – какие выражения ты себе позволяешь! Твоя мать будет очень огорчена.

– Да, да, чертовым янки! – с жаром вскричала Скарлетт. – И не подумаю называть их по-другому!

При упоминании об Эллине все почувствовали себя неловко, разговор сразу оборвался, и на этот раз опять выручила Мелани.

– А вы, будучи в Мейконе, не повидались с Милочкой и Индией Уилкс? Может быть.., может быть, у них есть какие-нибудь сведения об Эшли?

– Помилуйте, мисс Мелли, – обиженно сказал Франк, – вы же понимаете – узнай я что-нибудь про Эшли, я бы тут же прискакал из Мейкона прямо к вам. Нет, у них нет о нем вестей, но только вы не тревожьтесь, мисс Мелли. Я знаю, вы, конечно, давно ничего о нем не слышали, но какие могут быть вести от человека, когда он в тюрьме? Однако в тюрьмах у янки дело обстоит далеко не так худо, как у нас. Что ни говори, еды у них там хоть отбавляй, и одеял, и медикаментов тоже хватает. Нет, у них не то что у нас – мы вот не можем прокормить самих себя, а наших узников и подавно.

– О да, у янки еды хоть отбавляй! – с горечью воскликнула Мелани. – Только они не делятся ею с пленными. Вы же это сами знаете, мистер Кеннеди. Вы говорите так, просто чтобы меня успокоить. Вы знаете, что наши пленные погибают там от голода и холода и лишены медицинской помощи и лекарств, потому что янки люто нас ненавидят! Господи, если бы только мы могли стереть с лица земли этих янки! О, я знаю, что Эшли...

– Не смей так говорить! – вскричала Скарлетт, у которой стеснило грудь от страха. Пока никто не произнес вслух, что Эшли мертв, в сердце ее еще теплилась надежда на то, что он жив. Но она чувствовала: как только эти слова будут произнесены, в тот же миг его для нее не станет.

– Полно, миссис Уилкс, не тревожьтесь так о вашем муже, – пытался утешить Мелани одноглазый воин. – Я тоже попал в плен после первого боя при Манассасе, а потом меня обменяли. Так пока я был в тюрьме, меня кормили как на убой – жареные цыплята, оладьи...

– Думаю, что вы врунишка, – с чуть заметной улыбкой произнесла Мелани, и Скарлетт впервые уловила в тоне ее слов, обращенных к мужчине, какой-то намек на игривость. – А сами вы так не думаете?

– Думаю, – со смехом признался одноглазый воин, хлопнув себя по колену.

– Если вы не прочь перейти в гостиную, я спою вам святочный гимн, – сказала Мелани,

желая перевести разговор на другое. – Фортепьяно – один из тех немногих предметов, которые янки не могли унести с собой. Оно ужасно расстроено, как ты считаешь, Сьюлин?

– Чудовищно! – сказала Сьюлин, радостно улыбаясь и кивком подзывая к себе Фрэнка.

Но когда все направились к двери, Франк, немного поотстав, потянул Скарлетт за рукав. – Могу я сказать вам два слова наедине?

Ее мгновенно объял страх; решив, что он хочет поговорить о конфискации их живности, она приготовилась к беспардонной лжи.

Когда все вышли из комнаты и они остались вдвоем у камина, напускная веселость, оживлявшая черты Фрэнка, потухла, и Скарлетт увидела перед собой немолодого усталого человека с сухим обветренным лицом цвета опавших листьев и редкими рыжеватыми, уже тронутыми сединой бакенбардами. Он безотчетно пощипывал их и смущенно откашливался, приводя этим Скарлетт в великое раздражение.

– Я жутко расстроился, узнав о смерти вашей маменьки, мисс Скарлетт.

– Прошу вас, не надо об этом.

– А ваш папенька – это у него с самого...

– Да, да, он не в себе, как вы могли заметить.

– Он крепко ее любил, что верно, то верно.

– О, мистер Кеннеди, пожалуйста, не будем...

– Простите, мисс Скарлетт. – Он нервно потоптался на месте. – По правде говоря, я хотел обсудить кое-что с вашим папенькой, а теперь вижу, что это никак не получится.

– Может быть, я могу помочь вам, мистер Кеннеди? Вы видите – глава семьи теперь я.

– Так понимаете ли, я... – начал Фрэнк и снова растерянно вцепился в свои бакенбарды. – Дело-то, правду сказать, в том... Словом, мисс Скарлетт, я хотел попросить у вашего папеньки руки мисс Сьюлин.

– Вы хотите сказать, – обрадованно воскликнула изумленная Скарлетт, – что еще не говорили с па о Сьюлин? Хотя ухаживаете за ней уже не первый год!

Он покраснел, смущенно улыбнулся и стал совсем похож на робкого, застенчивого подростка.

– Видите ли.., я... Я не знал, согласится ли она выйти за меня. Я много старше ее, а в вашем доме вечно толпилось столько красивых молодых людей...

«Ну да! – подумала Скарлетт. – Только толпились-то они вокруг меня, а не вокруг нее!» – Да я и сейчас не знаю, согласится ли она. Я никогда ее не спрашивал, но она, конечно, догадывается о моем чувстве к ней. Я... я думал попросить разрешения на наш брак у мистера О'Хара и признаться ему во всем как на духу. У меня нет ни цента, мисс Скарлетт. Когда-то у меня – да простится мне такая нескромность, – но когда-то у меня была куча денег. Теперь же мой конь и то, что на мне, – вот и все мое достояние. Я, понимаете ли, как только завербовался, продал всю свою землю и все деньги вложил в облигации, а вы сами знаете, много ли они теперь стоят. Да к тому же у меня их все равно уже нет, так как янки сожгли дом моей сестры и они сгорели вместе с ним. Я понимаю, что это ужасная наглость с моей стороны просить руки мисс Сьюлин теперь, когда у меня нет ни гроша за душой, но... В общем, я рассудил так. Я как-то свыкся с мыслью, что никто не знает, что с нами будет, когда война придет к концу. Мне лично это представляется вроде как концом света. Все стало так неверно и ненадежно, вот я и подумал: это было бы огромным утешением для меня, а быть может, и для мисс Сьюлин, если бы мы обручились. Это дало бы нам какую-то уверенность. Я, мисс Скарлетт, не буду настаивать на браке, пока не смогу обеспечить мисс Сьюлин, а когда это будет, я и сам не знаю. Но если подлинная любовь и преданность имеют какую-то цену в ваших глазах, вы можете с уверенностью считать, что в этом смысле мисс Сьюлин богаче многих.

Он сказал это так просто и вместе с тем с таким достоинством, что Скарлетт была тронута, хотя его вид и забавлял ее. Как можно влюбиться в Сьюлин – было выше ее понимания. Сестра казалась ей воплощением чудовищного эгоизма, слюнтяйства и мелкого пакостничества.

– Ну что ж, мистер Кеннеди, – сказала она ласково. – По-моему, все будет хорошо. Мне кажется, я могу ответить вам за отца. Он всегда был о вас самого высокого мнения и надеялся, что Сьюлин станет вашей женой.

– И он не изменил своего мнения и теперь? – воскликнул Франк, просияв. – Разумеется, нет, – отвечала Скарлетт, с трудом подавляя усмешку: ей вдруг вспомнилось, как Джералд не раз бесцеремонно кричал Сьюлин через стол: «Ну что, мисс? Ваш пылкий поклонник все еще вынашивает свое предложение руки и сердца? Может, мне пора спросить, каковы его намерения?» – Сегодня же вечером я с ней поговорю! – сказал Фрэнк, губы у него задрожали, он схватил руку Скарлетт и с силой ее потряс. – Вы так добры, мисс Скарлетт.

– Я пришлю ее к вам, – с улыбкой сказала Скарлетт, направляясь в гостиную. Там Мелани уже села за фортепьяно. Это был чудовищно расстроенный инструмент, но некоторые аккорды все же звучали приятно, и когда Мелани запела, остальные подхватили гимн: «Внемлите архангелов пенью...» Скарлетт приостановилась на пороге. Слушая сладостные звуки этого старинного святочного гимна, невозможно было поверить, что ураган войны дважды едва не смел их с лица земли, что кругом лежит разоренный край, что голодная смерть стоит у них за плечами. Скарлетт резко обернулась к Франку:

– Почему вы сказали, что конец войны представляется вам концом света?

– Вам я скажу правду, – медленно проговорил Фрэнк, – но мне бы не хотелось, чтобы мои слова встревожили остальных дам. Война долго не продлится. Свежих пополнений нет, а дезертирство из армии все возрастает, хоть мы и не хотим в этом признаваться. Понимаете, солдаты не в силах сражаться вдали от дома, зная, что их близкие погибают от голода. И они бегут домой, чтобы раздобыть для них пропитание. Винить их я не могу, но это ослабляет наши ряды. Да и армия тоже не может сражаться без пищи, а ее нет. Я это знаю, поскольку, как вы понимаете, добывать продовольствие – это моя служба. После того как мы снова заняли Атланту, я исколесил здесь вдоль и поперек всю округу и не набрал на пропитание даже скворцу. И та же самая картина на триста миль к югу, до самой Саванны. Люди мрут с голоду, железнодорожные пути взорваны, боеприпасы на исходе, нового оружия не поступает, нет ни сапог, ни кожи на сапоги... Так что видите, конец уже близок.

Но Скарлетт поразило не столько крушение надежд на победу Конфедерации, сколько сообщение об отсутствии продовольствия. Она ведь собиралась снарядить Порка на поиски продуктов и одежды, дав ему лошадь, повозку, несколько золотых монет и федеральные банкноты. Но если Фрэнк говорит правду...

Впрочем, Мейкон же не был взят. В Мейконе должны быть продукты. Как только продовольственный отряд двинется дальше, она рискнет своей драгоценной лошадью и отправит Порка в Мейкон. А там будь что будет.

– Ладно, не стоит говорить сегодня о таких неприятных вещах, мистер Кеннеди, – сказала Скарлетт. – Ступайте посидите в мамином маленьком кабинете, а я пошлю к вам Сьюлин, чтобы вы могли..., чтобы дать вам возможность немного побыть с ней наедине.

Фрэнк покраснел, заулыбался и выскользнул из комнаты. Скарлетт смотрела ему вслед.

«Жаль, что он не может жениться на ней прямо сейчас, – подумала она. – Одним бы ртом меньше».

В апреле генерал Джонстон, снова принявший на себя командование остатками своей былой армии, сдался на милость победителя в Северной Каролине и тем положил конец войне. Но весть эта долетела до Тары лишь двумя неделями позже. Дел на плантации было по горло, тратить время на разъезды и собирание новостей никто не имел, ни малейшей возможности, все соседи сами находились в таком же положении, и посещения стали редкими, а известия доходили медленно.

Пахота была в разгаре, огородные семена и семена хлопка, привезенные Порком из Мейкона, ложились в землю. После возвращения из этого путешествия Порк, в сущности, был уже ни на что не годен, так раздувало его от гордости: ведь он вернулся целый и невредимый и привез целую повозку одежды, битой птицы, окороков, мяса, муки и семян. Снова и снова пускался он в повествование о том, как на обратном пути избежал множества опасностей, пробираясь глухими вьючными тропами, проселками, давно не езженными дорогами и заброшенными проселками. Он находился в пути пять недель – пять мучительных для Скарлетт недель. Но когда он возвратился, Скарлетт не проронила ни слова упрека – так была она счастлива, что поездка оказалась успешной, и так рада тому, что довольно много денег Порк привез обратно, не потратив. Практическая сметка подсказывала ей, что за птицу и за большую часть провизии Порк вообще ничего не платил, почему и осталось у него столько денег. Порк посрамил бы самого себя, если бы потратил ее деньги в то время, как по дороге ему то и дело попадались никем не охраняемые птичники и коптильни.

Теперь, когда в доме появилась кое-какая еда, все в Таре принялись за дело, стараясь вернуть поместью хотя бы некоторое подобие нормального уклада жизни. И для каждой пары рук нашлась работа, очень-очень много работы, и работе этой не предвиделось конца. Пожухлые стебли прошлогоднего хлопка надо было убрать с поля, чтобы приготовить его для нового посева, а не привыкшая к плугу лошадь упиралась и весьма неохотно тащилась по пашне. Огород надо было вскопать и засеять. Надо было нарубить дров. Надо было приниматься за возведение загонов и ограды, которая тянулась когда-то милью за милей и которую янки походя сожгли в своих кострах. Силки, поставленные Порком на кроликов, надо было проверять дважды в день, а на реке насаживать новую наживку на крючки. Надо было застилать постели, подметать полы, стирать, мыть посуду, кормить кур и свиней, собирать яйца из-под наседок. Надо было доить корову и пасти ее возле болота, не спуская с нее глаз, так как в любую минуту могли вернуться янки или солдаты Франка Кеннеди и увести ее с собой. Даже для малыша Уэйда нашлось дело. Каждое утро он с важным видом брал корзинку и отправлялся собирать веточки и щепки на растопку.

Весть о капитуляции принесли братья Фонтейн, первыми вернувшиеся с войны домой. Алекс, у которого все еще чудом держались на ногах сапоги, пришел пешком, а Тони хоть и был бос, но зато ехал верхом на неоседланном муле. Так уж повелось в этой семье, что в более выгодном положении всегда оказывался Тони. За четыре года, проведенных под открытым небом, под солнцем и ветром, оба брата стали еще смуглее, еще худее и жилистей, а неухоженные черные бороды, отросшие на войне, сделали их совсем неузнаваемыми.

Спеша домой, в Мимозу, они лишь на минутку заглянули в Тару – расцеловать своих приятельниц и сообщить им о капитуляции. Все, конец, с войной покончено, сказали они, и казалось, это их мало трогало и они не особенно были расположены углубляться в эту тему. Единственно, что их интересовало, это – уцелела Мимоза или ее сожгли. На своем пути от Атланты к югу они видели только печные трубы там, где стояли прежде дома их друзей, и им

уже казалось безумием надеяться на то, что их дом избежал такой же участи. Услышав радостную весть, они вздохнули с облегчением и потом долго смеялись, хлопая себя по ляжкам, когда Скарлетт рассказала им, как Салли вихрем примчалась в Тару, лихо перемахнув верхом через живую изгородь.

– Салли – смелая девчонка, – сказал Тони, – и ужас как ей не повезло, что ее Джо ухлопали. Не найдется ли у вас тут у кого жевательного табачку, Скарлетт?

– Ничего, кроме самосада. Па курит его, пользуясь стеблем кукурузного початка.

– Ну, так низко я еще не пал, – сказал Тони. – Но верно, докачусь и до этого со временем. – А как поживает Димити Манро? – волнуясь и смущаясь, спросил Алекс, и Скарлетт смутно припомнила, что он, кажется, был равнодушен к младшей сестренке Салли.

– Хорошо. Она у своей тетушки в Фейетвилле. Ведь их дом в Лавджое сожгли. А вся остальная семья в Мейконе.

– Он, собственно, хотел спросить, не выскочила ли Димити замуж за какого-нибудь бравого полковника из войск внутреннего охранения, – посмеиваясь, сказал Тони, и Алекс бросил на него свирепый взгляд.

– Ну разумеется, нет, – улыбаясь, сказала Скарлетт.

– Может, и зря не вышла, – мрачно изрек Алекс. – Как, черт подери..., прошу прощенья, Скарлетт. Но как может мужчина сделать предложение девушке, когда всех его негров отпустили да свободу, имение разорили и у него нет ни цента в кармане?

– Вы знаете, что это нисколько не волнует Димити, – сказала Скарлетт. Она могла отдавать должное Димити и хорошо о ней отзываться, так как Алекс Фонтейн никогда не принадлежал к числу ее поклонников. – Да чтоб мне сгореть... Ох, еще раз прошу прощенья, Скарлетт. Надо мне отвыкнуть от этой привычки, не то бабуля шкуру с меня сдерет. Но не могу же я предложить девушке выйти замуж за нищего. Может быть, ее это и не волнует, но это волнует меня.

Пока Скарлетт беседовала с братьями Фонтейнами на переднем крыльце, Мелани, Сьюлин и Кэррин, услышав о капитуляции армии конфедератов, тихонько проскользнули в дом, и когда Фонтейны прямо через поля за домом направились к себе в Мимозу, Скарлетт вошла в холл и услышала рыдания – все трое плакали, сидя на софе в маленьком кабинетике Эллин. Итак, все было кончено, погибла прекрасная сияющая мечта, погибло Правое Дело, которым они жили, которому отдали своих друзей, мужей, возлюбленных. И свои семейные очаги – на разорение. Права Юга, казавшиеся им незыблемыми на веки веков, теперь стали пустым звуком.

Но Скарлетт не проливала слез. Когда она узнала про капитуляцию, первой ее мыслью было: «Слава тебе господи! Теперь уж никто не заберет корову. И лошадь тоже. Теперь можно достать серебро из колодца, и каждый будет есть вилкой и ножом. Теперь я без боязни могу объехать всю округу и поискать, где можно раздобыть чего-нибудь съестного».

Как гора с плеч! Не вздрагивать больше от испуга, заслышав стук копыт! Не просыпаться во мраке среди ночи, не прислушиваться затаив дыхание – в самом ли это деле или ей просто почудилось позвякивание упряжки во дворе, топот, резкие голоса янки, отдающих приказы... А главное, самое главное – Тара теперь спасена! Чудовищный кошмар не повторится больше. Теперь уже не придется ей, стоя на лужайке, смотреть, как клубы дыма вырываются из окон любимого отцовского дома, слушать, как бушует пламя и с треском обрушивается внутрь крыша.

Да, Дело, за которое они сражались, потерпело крах, но война всегда казалась Скарлетт нелепостью и, разумеется, любой мир куда лучше. Никогда глаза ее не загорались восторгом при виде ползущего вверх по древку звездно-полосатого флага и мурашки не пробегали по телу при звуках «Дикси». И не пылал в ее душе тот фанатический огонь, который помогал многим переносить во имя Правого Дела и лишения, и тошнотворные обязанности сиделки, и ужасы осады, и голод последних месяцев. Все это теперь позади, с этим покончено навсегда, и она не

станет это оплакивать.

Все позади! Позади война, которой, казалось, не будет конца, которая пришла непрошенная и неожиданно-негаданно так рассекла ее жизнь надвое, что она теперь с трудом могла припомнить, что было в те прежние, беззаботные дни. Оглядываясь назад, она бесстрастно взирала на хорошенькую девчонку Скарлетт О'Хара в изящных зеленых сафьяновых туфельках и пышных, источающих аромат лаванды кринолинах и с недоумением вопрошала себя: неужели это была она? Неужели это она – та Скарлетт О'Хара, покорительница сердец всего графства, повелительница сотни рабов, наследница богатого поместья, надежно защищенная своим богатством, как щитом, окруженная любовью обожающих родителей, готовых исполнить любое ее желание? Избалованная, беспечная девчонка, никогда не знавшая ни в чем отказа и не сумевшая только стать женой Эшли.

Где-то на крутой извилистой дороге, по которой она брела последние четыре года, эта девчонка с ее надушенными платьями и бальными туфельками незаметно потерялась, оставив вместо себя молодую женщину с жестким взглядом чуть раскосых зеленых глаз, пересчитывающую каждый пенни, не гнушающуюся любой черной работой, женщину, потерявшую все, кроме неистребимой красной земли, на которой она стояла среди обломков. Она прислушивалась к всхлипываниям, доносившимся из кабинета Эллин, а в мозгу ее уже творилась работа:

«Мы посеем еще хлопка, еще много, много хлопка. Завтра же пошлю Порка в Мейкон купить семян. Теперь янки уже не сожгут наш хлопок, и войскам Конфедерации он тоже не нужен. Великий боже! Хлопок этой осенью должен взлететь в цене до небес!» Она прошла в кабинет Эллин и, не обращая внимания на плачущих сестер и Мелани, присела к секретеру, взяла гусяное перо и стала подсчитывать, сколько у нее в наличии денег и сколько она сможет прикупить на них семян для посева хлопка.

«Война окончилась, – снова подумала она и внезапно выронила перо. Ощущение безмерного счастья затопило ее, – Война окончилась, и Эшли... Если Эшли жив, он возвратится домой. А думает ли об этом Мелани, оплакивающая сейчас крах Правого Дела?» – вдруг мелькнула у нее мысль.

«Скоро мы получим письмо... Нет, не письмо. Почта еще не работает. Но скоро... Словом, так или иначе, он скоро даст нам знать о себе!» Но проходили дни, складываясь в недели, а от Эшли не было вестей. Почта в Южных штатах работала еле-еле, а в сельских местностях не работала вовсе. Время от времени какой-нибудь случайный заезжий человек из Атланты привозил письмецо от тетушки Питти, слезно молившей Мелани и Скарлетт вернуться к ней. Но от Эшли вестей не было.

После капитуляции Юга подспудно тлевшая между Скарлетт и Сьюлин распря из-за лошади вспыхнула с новой силой. Поскольку теперь опасность нападения янки миновала, Сьюлин возжелала ездить с визитами по соседям. Тоскуя от одиночества, от утраты прежнего веселого общения с друзьями и знакомыми, Сьюлин страстно рвалась навестить соседей – прежде всего хотя бы для того, чтобы убедиться, что во всех других поместьях дела идут не лучше, чем в Таре. Но Скарлетт проявила железное упорство. Лошадь нужна для дела: возить дрова из леса, пахать. И Порку надо ездить на лошади – искать, где можно купить провизии. А по воскресеньям коняга заслужила право попасть на выгоне и отдохнуть. Если Сьюлин припала охота наносить визиты, никто не мешает ей отправиться пешком.

До прошлого года Сьюлин едва ли хоть раз за всю жизнь прошла пешком более ста ярдов, и предложение Скарлетт совсем не показалось ей заманчивым. Она осталась дома, ворчала,

плакала и то и дело восклицала: «О, если бы мама была жива!» – за что в конце концов получила от Скарлетт давно Обещанную затрещину, – которая оказалась настолько крепкой, что опрокинула ее среди неистового визга на постель и вызвала переполох во всем доме. После этого у Сьюлин явно поубавилось желаниа хныкать – во всяком случае, в присутствии Скарлетт.

Скарлетт не соврала, говоря, что хочет, чтобы лошадь отдыхала, но она сказала лишь полуправду. Другая половина правды заключалась в том, что сама Скарлетт в первый же месяц после окончания войны побывала с визитами у всех соседей, и то, что она увидела на знакомых с детства плантациях, в домах у знакомых с детства людей, сильнее поколебало ее мужество, чем ей хотелось бы в этом признаться.

У Фонтейнов – благодаря отчаянной скачке, вовремя предпринятой Салли, – дела шли лучше, чем у других, но их положение казалось благополучным лишь на фоне поголовного бедствия. Бабушка Фонтейн так до конца и не оправилась после сердечного приступа, приключившегося с ней в тот день, когда она возглавила борьбу с пожаром и отстояла от огня свой дом. Старый доктор Фонтейн медленно поправлялся после ампутации руки. Тони и Алекс неумело пахали и мотыжили землю. Перегнувшись через ограду, они пожали Скарлетт руку, когда она приехала их проведать, и отпустили шуточки по адресу ее разваливающейся повозки, но в глубине их темных глаз притаилась горечь: ведь, подсмеиваясь над Скарлетт, они подсмеивались и над собой. Она попросила их продать ей кукурузных зерен для посева, и они пообещали выполнить ее просьбу и тут же ударились в обсуждение хозяйственных проблем. Рассказали, что у них двенадцать кур, две коровы, пять свиней и мул, которого они пригнали домой с войны. Одна из свиней только что сдохла, и они боятся, что за ней могут пасть и другие. Слушая, как эти бывшие денди, для которых модный галстук был едва ли не главным предметом серьезного беспокойства, озабоченно говорят о свиньях, Скарлетт рассмеялась, и в ее смехе тоже прозвучала горькая нотка.

Все очень радушно принимали ее в Мимозе и настояли, чтобы она взяла кукурузные семена в подарок, без денег. Фонтейновские темпераменты мгновенно вспыхнули как порох, когда она положила зеленую купюру на стол, и братья наотрез отказались принять деньги. Скарлетт взяла зерна и украдкой сунула долларовую бумажку в руку Салли. Сейчас Скарлетт просто не верилось, что эта Салли – та самая молодая женщина, которая принимала ее восемь месяцев назад, когда она только что возвратилась в Тару. Та Салли тоже была очень бледна, но дух ее не был сломлен. Теперь она казалась мертвой, опустошенной, словно поражение Юга отняло у нее последнюю надежду.

– Скарлетт, – прошептала она, сжимая купюру в руке. – К чему было все это? За что мы сражались? О, мой бедный Джо!

– Я не знаю, за что мы сражались, и не желаю знать, – сказала Скарлетт. – Меня это не интересует. И никогда не интересовало. Война – мужское занятие, а не женское. Меня сейчас интересует только одно – хороший урожай хлопка. Возьми этот доллар и купи Джо какую-нибудь одежду. Видит бог, она ему не помещает. Я не намерена вас грабить, как бы Алекс и Тони ни старались быть рыцарями.

Братья проводили ее до повозки, галантно, невзирая на свой оборванный вид, помогли ей взобраться на козлы, пошутили – весело и непринужденно, чисто по-фонтейновски, – но картина их обнищания стояла у Скарлетт перед глазами, когда она покидала Мимозу, и по спине у нее пробежал холодок. Она сама так устала от нищеты и скаредности! Как приятно было бы увидеть людей, живущих в довольстве, не тревожась о куске хлеба на завтрашний день!

Кэйд Калверт возвратился к себе в Сосновые Кущи, и Скарлетт, поднявшись по ступенькам старого дома, в котором она так часто танцевала в былые счастливые времена, и поглядев Кэиду в лицо, увидела на нем печать смерти. Кэйд страшно исхудал и все время кашлял, полулежа на

солнце в кресле, набросив на колени плед, но при виде Скарлетт лицо его просветлело. Небольшая простуда застряла у него где-то в грудной клетке, сказал он, делая попытку подняться Скарлетт навстречу. Слишком много приходилось спать под дождем. Но скоро он поправится и вместе со всеми примется за дело.

Катлин Калверт, слышав их голоса, вышла из дома на веранду. Глаза ее встретились за спиной брата с глазами гостыи, и Скарлетт прочла в них горькую истину и отчаяние. Кэйд, быть может, и не понимал, но Кэтлин понимала. В Сосновых Куцах царило запустение, в них буйствовали сорняки, на полях начала пробиваться молодая сосновая поросль, а дом стоял заброшенный, неопрятный. Сама Кэтлин очень похудела и держалась натянуто.

Кэтлин и Кэйд жили в этом пустом, странно гулком доме вместе со своей мачехой-янки, четырьмя маленькими единокровными сестренками и Хилтоном – управляющим-янки. Скарлетт всегда недолюбливала Хилтона, как не любила она и отцовского управляющего Джонаса Уилкерсона, а сейчас, когда Хилтон не спеша направился к ней и приветствовал ее как равный равную, невлюбила еще пуще. Прежде его отличала та же смесь угодливости и нахальства, которая была присуща и Уилкерсону, но теперь, когда мистер Калверт и Рейфорд погибли на войне, а Кэйд был смертельно болен, всю угодливость Хилтона как ветром сдуло. Вторая миссис Калверт никогда не умела поставить себя с неграми-слугами так, чтобы заслужить их уважение, и трудно было ожидать, что она больше преуспеет с белым слугой.

– Мистер Хилтон был так добр, что не покинул нас в эти трудные времена, – явно нервничая и неуверенно поглядывая на свою молчаливую падчерицу, произнесла миссис Калверт. – Чрезвычайно добр. Вы, вероятно, слышали, как он дважды спас наш дом, когда здесь был генерал Шерман. Просто не знаю, что бы мы делали без него, ведь у нас совсем нет денег, и Кэйд...

На бледных щеках Кэйда вспыхнул румянец, а Кэтлин опустила длинные ресницы и сжала губы. Скарлетт видела, что их душил бессильный гнев – нелегко им было чувствовать себя в долгу у этого управляющего-янки. А миссис Калверт, казалось, вот-вот заплачет. Опять она совершила какую-то оплошность. Она вечно попадала впросак. Прожив в Джорджии двадцать лет, она так и не научилась понимать этих южан. Она никогда не знала, чего не следует говорить своим пасынкам, и вместе с тем, что бы она ни сказала и ни сделала, они были неизменно вежливы с ней. И она давала в душе обеты богу, что уедет на Север, к родителям, забрав с собой детей, и оставит навсегда этих высокомерных, загадочных и чуждых ей людей.

После таких визитов у Скарлетт отпала охота навещать Тарлтонов. Все четыре брата погибли ни войне, усадьбу сожгли. Тарлтоны ютились теперь в домике управляющего, и Скарлетт никак не могла заставить себя поехать их проведать. Но Сьюлин и Кэррин упрашивали ее, и Мелани сказала, что это было бы не по-соседски – не проведать мистера Тарлтона, вернувшегося с войны, – и как-то в воскресенье они все же собрались и поехали.

Это посещение было самым тяжелым из всех.

Приближаясь к развалинам дома, они увидели Беатрису Тарлтон: в рваной амазонке, с хлыстом под мышкой, она сидела на ограде загона и безучастно смотрела в никуда. Кривоногий, малорослый чернокожий мальчик – объездчик лошадей – сидел с ней рядом, и вид у него был не менее угрюмый, чем у нее. Загон, в котором всегда резвились жеребята и стояли спокойно-грациозные породистые кобылы, был пуст, если не считать одного-единственного мула, на котором мистер Тарлтон возвратился с войны домой.

– Клянусь богом, я просто не знаю, куда себя девать теперь – после того, как не стало моих красавцев, – сказала миссис Тарлтон, соскакивая с изгороди. Стороннему человеку могло бы показаться, что она говорит о своих четырех погибших на войне сыновьях, но гости из Тары поняли, что речь идет о лошадях. – Все мои красавчики пали. И моя бедняжка Нелли! Останься у

меня хотя бы Нелли! Ничего, кроме этого проклятого мула. Проклятого мула, – повторила она, с возмущением глядя на костлявое животное. – Это же оскорбление памяти моих чистокровных красоток – держать в их загоне мула. Мулы – это противоестественные, ублюдочные создания, и следовало бы издать закон, запрещающий их разводить!

Джим Тарлтон, обросший косматой бородой, делавшей его совершенно неузнаваемым, с громкими приветствиями появился из домика управляющего и расцеловался с дамами, а следом за ним оттуда высыпали и его четыре рыжеволосые дочери в залатанных платьях, спотыкаясь о вертевшихся в ногах черных и пегих собак, которые при звуках чужих голосов всей дюжиной с лаем бросились наружу. И от напускной веселости, проявляемой всем этим семейством, Скарлетт мороз подрал по коже – это было еще страшнее, чем затаенная горечь в глазах обитателей Мимозы или дух смерти, витавший над Сосновыми Кущами.

Тарлтоны настояли, чтобы гости остались отобедать, – ведь теперь такие посещения стали редкостью, говорили они, и ужасно хочется узнать какие-нибудь новости. У Скарлетт не было никакой охоты засиживаться в гостях – атмосфера этой семьи действовала на нее угнетающе, – но ее сестрам и Мелани хотелось побыть подольше, и в конце концов они все остались обедать и отведали немножко мяса и сушеных бобов, которыми их потчевали.

По поводу скудости угощения было отпущено немало шуток, и сестры Тарлтон так заливались смехом, рассказывая, к каким ухищрениям научились они прибегать, переделывая свои старые туалеты, словно смешнее этого ничего нельзя было придумать. Мелани вторила им, с изумившей Скарлетт шутливостью оживленно повествуя о лишениях и трудностях, которыми полна их жизнь в Таре. А у Скарлетт слова не шли с языка. Дом казался ей опустевшим без четырех высоченных братьев Тарлтонов, которые должны были бы сидеть здесь, развалившись в креслах, покуривая сигары и поддразнивая девушек. А если она ощущает эту пустоту, то что же должны чувствовать сами Тарлтоны, мужественно разыгрывающие веселую комедию перед своими соседями?

Кэррин говорила мало, но когда все встали из-за стола, она подошла к миссис Тарлтон и что-то прошептала ей на ухо. Миссис Тарлтон изменилась в лице, вымученная улыбка сползла с ее губ, она протянула руку и обхватила тоненькую талию Кэррин. Они вместе вышли из комнаты, и Скарлетт, почувствовав, что она больше ни секунды не может оставаться в этих стенах, последовала за ними. Они пошли по дорожке через сад, и Скарлетт увидела, что их путь ведет к семейному кладбищу. Повернуть обратно к дому теперь было уже невозможно. Это выглядело бы слишком грубо. Но зачем же Кэррин понадобилось тащить мать к могилам ее сыновей, в то время как Беатриса Тарлтон так, старалась держаться мужественно?

За кирпичной оградой, под темными кедрами, белели два новых мраморных надгробия – настолько новых, что дождь еще ни разу не успел забрызгать их красной глиной.

– Мы получили их на прошлой неделе, – с гордостью объяснила миссис Тарлтон. – Мистер Тарлтон поехал в Мейкон и привез их в фургоне.

Надгробные плиты! Сколько же они могли стоить? Сочувствие, которое поначалу испытывала Скарлетт к Тарлтонам, внезапно испарилось. Люди, которые могут тратить драгоценные деньги на могильные плиты, в то время как еда так дорога, что к ней не подступиться, не заслуживают симпатии. И к тому же на плитах были высечены надписи – по несколько строк на каждой. А чем больше слов, тем больше денег. Вся семейка, как видно, рехнулась! А во что еще обошлось им привезти сюда тела трех братьев! Тело Бойда так и не нашли.

Между могилами Брента и Стюарта возвышалось надгробие с надписью: «Они были добрыми и любящими при жизни и в смерти остались неразлучны».

На другом надгробии были высечены имена Бойда и Тома и какая-то латинская надпись,

начинавшаяся словами: «Dulce et...» Но Скарлетт это ничего не говорило, так как во время пребывания в Фейетвиллском пансионе ей удалось обойти латынь стороной.

Отвалить столько денег за могильные плиты! Нет, они просто идиоты! Скарлетт была так возмущена, словно Тарлтоны пустили на ветер ее деньги, а не свои.

А в глазах Кэррин появился какой-то необычный блеск.

– Какие прекрасные слова, – прошептала она, указывая на первое надгробие.

«Понятно, это в ее вкусе. Всякая сентиментальность трогает ее до слез».

– Да, – сказала миссис Тарлтон. Голос ее потеплел. – Нам казалось, что это очень хорошая надпись, – они ведь погибли почти одновременно. Сначала Стюарт, а потом Брент – он подхватил знамя, выпавшее из рук брата.

На обратном пути Скарлетт была молчалива. Она думала о том, что видела в домах, которые посетила, и невольно возвращалась мыслями к тем временам, когда край этот процветал и в каждом доме было полно гостей, полно черных слуг и полно денег, а на усердно обработанных полях величаво возрастал хлопок.

«Еще через год все эти поля покроются молодой сосновой порослью, – подумала она, глядя на обступивший поля со всех сторон лес, и по телу у нее пробежала дрожь. – Без негров мы едва-едва сумеем свести концы с концами. Никто не сможет обработать большую плантацию без негров, и много земли останется невозделанной, и скоро на месте полей снова подымутся леса. Никто не сможет посеять много хлопка, и как же мы будем тогда жить? Какая участь ждет всех плантаторов? Городские жители как-нибудь устроят свою жизнь. Они всегда находили пути. А плантаторы будут отброшены на сто лет назад, к временам первых пионеров, бревенчатых хижин, крошечных клочков обработанной земли и жизни на грани вымирания».

«Нет, – подумала она мрачно. – Не бывать такому с Тарой. Скорее я сама впрягусь в плуг. Вся округа, весь штат может, если им это нравится, зарастать лесами, но в Таре я этого не допущу. Я не стану разбазаривать последние деньги на могильные плиты и тратить время на вздохи по проигранной войне. Мы как-нибудь выкрутимся. Я знаю, что мы бы все выкрутились, если бы мужчин не перебили на войне. Потеря негров – это еще не самое худшее из зол. Ужасна потеря мужчин, молодых мужчин. – Она снова подумала о четырех братьях Тарлтонах, о Джо Фонтейне, о Рейфорде Калверте, о братьях Манро и о всех прочих юношах из Фейетвилла и Джонсборо, чьи имена читала в списках раненых и убитых. – Мы бы как-нибудь справились, если бы уцелело достаточно мужчин, но...» Новая мысль поразила ее: а что, если она захочет снова выйти замуж? Конечно, ей это ни к чему. Одного раза вполне достаточно. К тому же единственный человек, за которого она могла бы Пожелать выйти замуж, уже женат и неизвестно, жив ли. Но что, если ей все-таки захочется выйти замуж? Кто же теперь остался? Кто мог бы жениться на ней? Мысль эта потрясла ее.

– Мелли, – сказала она, – какая же участь ждет теперь наших женщин-южанок?

– Что ты имеешь в виду?

– То, что я сказала. Что с ними будет? Им же теперь не за кого выйти замуж. Понимаешь, Мелли, после того как всех мужчин перебили, тысячи женщин в Южных штатах обречены будут умереть старыми девами.

– И бездетными, – добавила Мелани: ей эта сторона вопроса казалась наиболее существенной.

По-видимому, такая мысль уже не раз приходила в голову Сьюлин, сидевшей в глубине повозки, потому что она вдруг расплакалась. Сьюлин не получала вестей от Франка Кеннеди с самого рождества и не знала – плохая ли работа почты тому виной или непостоянство ее возлюбленного, который лишь играл ее чувствами и уже забыл о ней. А может быть, он погиб в последние дни войны, что было бы, конечно, все же предпочтительнее, чем оказаться

брошенной. Погибший возлюбленный придает хотя бы некий ореол значительности своей безутешной невесте – вроде того, какой окружает теперь Кэррин и Индию Уилкс, – в то время как на долю брошенной не достается ничего.

– О, бога ради, перестань! – воскликнула Скарлетт.

– Да, тебе легко говорить! – всхлипывала Сьюлин. – Ты была замужем, у тебя ребенок, все знают, что был кто-то, кто тебя любил. А каково мне? И у тебя еще хватает низости бросать мне в лицо, что я старая дева, хотя ты понимаешь, что это не моя вина! По-моему, это гадко!

– Ну, замолчи! Ты знаешь, я терпеть не могу тех, кто вечно хнычет. Ты прекрасно понимаешь, что наш старина Джо-Рыжие-Бакенбарды цел и невредим и скоро вернется и женится на тебе. Он достаточно для этого глуп. Другое дело, что я бы лично предпочла остаться старой девой, чем получить такого мужа.

Какое-то время в глубине повозки царило молчание. Кэррин с рассеянным видом утешала сестру, машинально поглаживая ее руку: мыслями она была далеко – на лесной тропе, по которой три года назад скакала верхом с Brentом Тарлтоном, – и в глазах ее появился странный экзальтированный блеск.

– Ах, – грустно вздохнула Мелани, – не могу себе представить Юг без наших прекрасных юношей! А как бы он расцвел, будь они живы! Мы должны быть мужественными, энергичными и умными, как они, Скарлетт. Все мы, у кого есть сыновья, должны вырастить их достойными занять место ушедших, вырастить их такими же храбрыми, как те.

– Таких, как они, уже не будет никогда, – тихо сказала Кэррин. – Никто не может их заменить.

И весь остаток пути они больше не разговаривали.

Как-то, несколькими днями позже, Кэтлин Калверт на закате солнца приехала в Тару. Приехала она, сидя верхом в дамском седле на муле – такой жалкой, хромоногой, вислоухой твари Скарлетт отродясь еще не видала, – да и сама Кэтлин – в платье из вылинявшей полосатой бумажной ткани, которая раньше шла только на одежду для слуг, в шляпе, завязанной под подбородком обрывком шпагата, – являла почти столь же жалкое зрелище. Она подъехала к дому, но не спешила, и Скарлетт с Мелани, стоявшие на крыльце, любуясь закатом, спустились по ступенькам ей навстречу. Кэтлин была так же бледна, как и Кэйд в тот день, когда Скарлетт заезжала их проведать, – бледное, суровое лицо ее казалось застывшим, как фарфоровая маска, словно она дала обет молчания и боялась хоть единым словом его нарушить. Но сидела она на своем муле очень прямо и голову держала высоко.

Скарлетт внезапно вспомнился прием у Уилксов и как они с Кэтлин перешептывались по поводу Ретта Батлера. Как свежа и хороша была в тот день Кэтлин в пене голубого органди с душистыми розами у пояса, в маленьких черных бархатных туфельках, зашнурованных крест-накрест вокруг стройных лодыжек. Ничто не напоминало прежде грациозной девочки в этой застывшей фигуре, каменно восседавшей на муле.

– Нет, заходить я не буду, спасибо, – сказала она. – Я заехала только сообщить вам, что выхожу замуж.

– Как?

– За кого же?

– Кэти, какая великолепная новость!

– Когда же свадьба?

– Завтра, – сказала Кэтлин, и что-то в ее голосе смело радостные улыбки с их лиц. – Я приехала сообщить вам, что венчаюсь завтра в Джонсборо., и никого из вас не приглашаю на

свадьбу.

Они проглотили это сообщение молча, озадаченно глядя на Кэтлин. Наконец Мелани заговорила:

– Это кто-нибудь, кого мы знаем, моя дорогая?

– Да, – ответила Кэтлин. – Это мистер Хилтон.

– Мистер Хилтон?

– Да, мистер Хилтон, наш управляющий.

Скарлетт едва не вскрикнула: «Ой!», но Кэтлин, упершись взглядом в Мелани, внезапно произнесла негромко, с неистовым отчаянием в голосе:

– Мелли, если ты заплачешь, я этого не выдержу! Я умру! Мелани стояла молча, опустив голову, и только тихонько погладила вдетую в стремя ногу в неуклюжем самодельном башмаке.

– И не надо меня гладить! Этого я тоже не перенесу. Рука Мелани упала, но головы она не подняла.

– Ладно, я поехала. Хотела просто сообщить вам. – Кэтлин натянула поводья, лицо ее снова стало белой фарфоровой маской.

– Как Кэйд? – спросила совершенно оторопевшая Скарлетт, беспомощно стараясь чем-то заполнить тягостное молчание.

– Он умирает, – коротко сообщила Кэтлин. Голос ее звучал холодно, безучастно. – И я сделаю все, насколько это в моих силах, чтобы он умер спокойно, не тревожась обо мне и понимая, что, когда его не станет, я буду не одна, обо мне позаботятся. Дело в том, что наша мачеха отбывает завтра с детьми на Север. Ну, все, мне надо ехать.

Мелани подняла голову и встретила жесткий взгляд Кэтлин. Глаза Мелани были полны сочувствия и понимания, а на длинных ресницах блестели слезинки, и внезапно горькая улыбка – совсем как у ребенка, который храбрится, стараясь не заплакать от боли, – искривила губы Кэтлин. От всего этого у Скарлетт голова совсем пошла кругом: она никак не могла освоиться с мыслью, что Кэтлин Калверт выходит замуж за управляющего, – Кэтлин Калверт, дочь богатого плантатора, Кэтлин, у которой было так много поклонников, как ни у одной девушки в графстве, не считая, конечно, самой Скарлетт.

Кэтлин наклонилась, Мелани встала на цыпочки. Они поцеловались. Потом Кэтлин резко дернула поводья, и старый мул тронулся с места.

Мелани смотрела ей вслед, слезы струились по ее щекам. Скарлетт все еще никак не могла прийти в себя от изумления.

– Мелли, она что – рехнулась? Как могла она влюбиться в него?

– Влюбиться? Боже мой, Скарлетт, какие ужасные мысли приходят тебе в голову! Ах, бедная Кэтлин! Бедный Кэйд!

– Да брось ты! – воскликнула Скарлетт, которую все это уже начинало раздражать. Ей было досадно, что Мелани как-то всегда ухитрялась глубже, чем она сама, вникнуть в суть вещей. Помолвка Кэтлин поразила ее своей неожиданностью, но вовсе не показалась чем-то трагическим. Конечно, это не большое удовольствие – выходить замуж за янки, за белую шваль, но в конце-то концов девушка не может жить одна-одинешенька на плантации, ей нужен муж, чтобы помочь управиться с хозяйством.

– Вот об этом самом я и толковала тебе, Мелли, на днях. У девушек теперь нет женихов, и им приходится выходить за кого попало.

– Да совершенно не обязательно им выходить замуж! Ничего нет постыдного в том, чтобы оставаться незамужней. Возьми к примеру хоть тетю Питти. Господи, да, по мне, лучше смерть, чем такой брак! И я уверена, что Кэйду тоже легче было бы увидеть Кэтлин мертвой. Это конец рода Калвертов. Подумай только, за кого она.., какие у них будут дети! Послушай, Скарлетт,

скорей вели Порку оседлать лошадь, скачи за Кэтлин и скажи – пусть она лучше переходит жить к нам.

– Еще чего! – вскричала Скарлетт, пораженная тем, как Мелани походя распоряжается ее помещьем. У Скарлетт не было ни малейшего намерения кормить еще один рот. Она уже готова! была заявить об этом, но что-то в удрученном лице Мелани заставило ее сдержаться. – Она же не согласится, Мелани, – подошла она к делу с другой стороны. – Ты сама понимаешь. Она слишком горда, для нее это будет то же, что принять милостыню.

– Да, ты права, ты права! – совершенно расстроенная, пробормотала Мелани, глядя, как оседает на дорогу маленькое облачко красной пыли.

«Ты живешь тут уже который месяц, – угрюмо подумала Скарлетт, глядя на золовку, – и тебе ни разу не пришло в голову, что ведь, в сущности, ты принимаешь от меня подавание. И никогда, думаю, и не придет. Таких, как ты, не смогла изменить даже война, ты мыслишь и действуешь так, словно ничего не произошло, словно мы по-прежнему богаты как Крез и не знаем, куда девать продукты, и сколько в доме гостит народу, не имеет для нас значения. И похоже, ты будешь сидеть у меня на шее до конца дней моих. Но только не с Кэтлин в придачу – нет, покорно благодарю!»

В то жаркое лето после заключения мира Тара перестала быть уединенным островком. Месяц за месяцем через плантации лился поток страшных, бородатых, оборванных, похожих на пугала людей со стертymi в кровь ногами; они взбирались на красный холм и присаживались отдохнуть на затененном крыльце, моля о пище и о ночлеге. Солдаты армии конфедератов возвращались домой. Остатки армии Джонстона перебросили по железной дороге из Северной Каролины в Атланту, выгрузили их там, и они пустились в дальнейшее паломничество пешком. Когда волна солдат генерала Джонстона спала, за нею следом побрели измученные ветераны виргинской армии, а за ними – солдаты западных войск; все стремились на юг, к своим домам, которых, быть может, и не существовало более, к своим семьям, давно, быть может, рассеявшимся по свету или погребенным в земле. Почти все шли пешком, а наиболее удачливые ехали верхом на костлявых лошадях или мулах, которых согласно условиям капитуляции им разрешали сохранить, но бедные животные были настолько истощены, что самому неопытному глазу было ясно: ни одно из них не дотянет до далекой Флориды или Южной Джорджии.

Домой! Домой! Одна мысль владела умами всех солдат. Некоторые были молчаливы, печальны, другие веселы, полны презрения к лишениям, но и тех и других поддерживала мысль: войне конец, мы возвращаемся домой. И мало кто испытывал горечь поражения.

Это выпало на долю женщин и стариков. А солдаты отважно сражались, и теперь им хотелось одного: вернуться к мирному труду землепашцев под флагом страны, за которую шла борьба.

Домой! Домой! Они не могли говорить ни о чем другом – ни о битвах, ни о ранах, ни о плене, ни о будущем. Пройдет время, и они начнут вспоминать сражения и рассказывать своим детям и внукам о схватках, атаках, налетах, о шутливых проделках, о голоде, раненых, форсированных маршах... Но не сейчас. У одних не было ноги, у других – руки, у третьих – глаза, и почти у всех были шрамы, которые станут ныть в сырую погоду, если они доживут лет до семидесяти, но все это казалось им сейчас несущественным. Дальше жизнь пойдет по-другому.

И одно было общим для всех – для старых и молодых, для разговорчивых и молчаливых, для богатых плантаторов и изможденных бедняков – все равно страдали от дизентерии и вшей. Вшивость стала таким неизменным спутником солдат-конфедератов, что они уже машинально и бездумно почесывались даже в присутствии дам. Что до дизентерии – «кровоавой лихорадки», как деликатно называли эту болезнь дамы, – то она, по-видимому, не пощадила никого от рядового до генерала. Четыре года существования на грани голодной смерти, четыре года на рационе самой грубой, зачастую почти несъедобной пищи сделали свое дело, и каждый солдат, искавший пристанища в Таре, либо страдал этой болезнью, либо только что от нее оправился.

– Похоже, во всей армии не сыщется ни одного здорового брюха с крепкими кишками, – мрачно изрекла Мамушка, обливавшаяся потом у очага, готовя горький отвар из корня ежевики, который Эллин считала чудодейственным лекарством от всех желудочных заболеваний. – Сдается мне, не янки побили наших жентмунов, а просто, у наших жентмунов кишки не выдержали. Какой жентмун может сражаться, ежели у него в кишках вода?

И одного за другим она поила их всех отваром, не предваряя лечения пустыми вопросами о состоянии желудка, и все, один за другим, покорно, хотя порой и кривясь, пили ее снадобье, вспоминая, быть может, другие суровые черные лица в далеком отсюда краю и другие непреклонные черные руки с ложкой целебного снадобья.

В такой же мере непреклонна была Мамушка и в вопросах «обчества» и неусыпно следила

за тем, чтобы ни один обовшивевший солдат не переступил порога Тары. Мамушка препровождала их всех за густые заросли кустарника, где предлагала им разоблачиться, снабжала куском щелочного мыла, лоханкой горячей воды, а также простынями и одеялами – прикрыть наготу, пока она будет кипятить их одежду в огромном стиральном котле. Женская половина дома горячо протестовала против такого обращения, унижающего честь солдата, но все протесты были бесплодны. Мамушка отвечала на это, что еще большему унижению подвергнутся они сами, если обнаружат на себе вошь.

Когда солдаты стали появляться на плантации почти ежедневно, запротестовала сама Мамушка: она не желала пускать солдат в спальни. Ее преследовал страх, что какая-нибудь шустрая вошь ускользнет от ее зоркого глаза. Во избежание пререканий Скарлетт превратила в спальню гостиную, устланную мягким ковром. Мамушка снова подняла крик, протестуя против кощунственного обращения с ковром покойной мисс Эллин, но на сей раз Скарлетт была тверда. Где-то же солдатам надо спать! И через несколько месяцев после заключения мира на мягком ворсе ковра стали появляться потертости, а вскоре грубая основа и уток проглянули в тех местах, где прогулялись неосторожный солдатский каблук или шпора.

И у каждого солдата все жадно выпрашивали про Эшли. А Сьюлин с достоинством осведомлялась о мистере Кеннеди. Но никто из солдат ничего о них не слышал, да и не имел особой охоты распространяться о пропавших без вести. Им повезло, они уцелели, и им не хотелось думать о тех, кто покоится в безымянных могилах и никогда не вернется домой.

Вся семья старалась укрепить мужество Мелани после каждого пережитого ею разочарования. Нет, конечно, Эшли не умер в тюрьме. Тюремный капеллан обязательно написал бы им, если бы это случилось. Эшли, без сомнения, сейчас возвращается домой, но путь-то ведь далекий. Да боже ты мой, даже на поезде это несколько суток езды, а если он идет пешком, как эти солдатики?.. «Почему он не пишет?» – «Но, дорогая, вы же знаете, как работает почта – через пень колоду, как говорится, хотя железнодорожное сообщение и восстановилось». – «А что, если.., что, если он умер на пути домой?» – «Но послушайте, Мелли, какая-нибудь женщина, пусть даже янки, непременно известила бы нас об этом...» – «Какая-нибудь янки? Хм...» – «Ах, Мелли, порядочные женщины есть и там. Да, да, есть! Господь бог не мог населить целую страну такими людьми, среди которых не было бы ни единой порядочной женщины! Скарлетт, ты помнишь, как мы встретили однажды в Саратоге очень славную женщину-янки? Расскажи про нее Мелани».

– Славную? Как бы не так! – сказала Скарлетт. – Эта янки спросила меня, сколько гончих собак мы держим, чтобы травить ими наших негров. Я согласна с Мелли. Я еще не встречала ни одного славного янки – ни женщины, ни мужчины. Но ты не плачь, Мелли. Эшли вернется. Путь-то далекий, а ведь может.., может, у него нет сапог. И тут, вообразив себе босоногого Эшли, Скарлетт чуть не расплакалась сама. Другие солдаты могли приковылять домой, обернув ноги тряпьем – обрывками ковра или мешковиной, но только не Эшли. Он должен был возвратиться домой, гарцуя на коне, в красивом мундире и сверкающих сапогах, с пером на шляпе. Думать, что Эшли может быть низведен до такого же униженного состояния, как эти солдаты, было невыносимо для Скарлетт.

Как-то в июле, в послеполуденный час все обитатели Тары в полном составе собрались на заднем крыльце дома, с интересом наблюдая, как Порк разрезает первую поспевшую в огороде дыню, и! тут до слуха их долетел стук копыт по гравию подъездной аллеи. Присси лениво поплелась к переднему крыльцу, в то время как остальные принялись горячо обсуждать, спрятать ли дыню или подать ее на ужин, если окажется, что подъехал какой-нибудь солдат.

Мелли и Кэррин говорили шепотом, что надо угостить солдата, а Скарлетт, нашедшая поддержку в лице Сьюлин и Мамушки, шипела на ухо Порку, чтобы он поживее спрятал дыню.

– Не глупите, девочки! Нам самим-то едва достанется по кусочку, а если там два-три голодных солдата, то не видать нам этой дыни как своих ушей, – говорила Скарлетт.

Порк стоял с дыней в руках, не зная, к какому же они в конце концов придут решению, и тут все услышали возгласы Присси:

– Батюшки светы! Мисс Скарлетт! Мисс Мелли! Идите сюда скорей!

– Кто там? – воскликнула Скарлетт и, вскочив со ступенек, бросилась через холл. Мелани бежала за ней по пятам, остальные спешили следом.

«Эшли! – пронеслось у Скарлетт в голове. – Или, быть может...» – Это дядюшка Питер! Дядюшка Питер от мисс Питти!.. Все выбежали на крыльцо, и глазам их предстала высокая фигура старого седовласого тирана тетушки Питти, слезавшего с тонкохвостой клячи, покрытой вместо седла куском одеяла. На широком черном лице привычное выражение спокойного достоинства не без борьбы уступало место восторгу от встречи со старыми друзьями, вследствие чего лоб дядюшки Питера прорезали строгие морщины, – а рот расплывался в улыбке, как пасть старой беззубой гончей.

Все – и белые, и черные – сбежали по ступенькам ему навстречу, все жали ему руки и засыпали вопросами, но голос Мелани прозвучал отчетливее других:

– Тетушка не заболела, нет?

– Нет, мэм. Она держится, храни ее господь, – отвечал дядюшка Питер, бросая такой суровый взгляд сначала на Мелани, затем на Скарлетт, что они сразу почувствовали себя провинившимися, хотя еще не отдавали себе отчета – в чем. – Она держится, но она шибко в обиде на вас, молодые мисс, и если уж говорить напрямки, так и я тоже!

– Почему, дядюшка Питер? Что мы такое...

– Да уж не прикидывайтесь, будто не знаете! Мало, что ли, писала она вам? Писала и писала, просила приехать. Я ж тоже не слепой – видал, как она получит ваше письмо и сидит, слезами обливается. У вас, значит, столько много делов на этой старой ферме, что вам нипочем нельзя воротиться домой?

– Но, дядюшка Питер...

– И как это вас угораздило оставить мисс Питти одну-одинешеньку, когда она страх как всего боится? Вы же не хуже моего знаете – мисс Питти отродясь не жила одна, а уж нынче, как воротилась из Мейкона, так день и ночь трясется и трясется от страха. И мне велено сказать вам напрямки: я, дескать, в толк не возьму, как могли они этак покинуть меня в час моих великих испытаний.

– Ладно уж, замолчи! – резко оборвала его Мамушка, задетая за живое тем, что дядюшка Питер окрестил Тару «старой фермой». Да где ему – городскому неучу-негру – понимать разницу между фермой и плантацией! – А у нас тут что – не «час испытаний»? А мы тут как же будем без мисс Скарлетт, без мисс Мелли? Может, они нам нужнее вашего! Чего ж это мисс Питти не позовет к себе своего братца, ежели она в такой беде?

Дядюшка Питер бросил на нее уничтожающий взгляд.

– Мы уже почитай сколько лет не знаем с мистером Генри, и мы слишком старые, чтоб менять теперь наши привычки. – Он повернулся к дамам, которые всеми силами старались сдержать улыбки. – А вам, молодые мисс, должно быть стыдно: бросили бедную мисс Питти одну, когда у нее половина друзей поперемерла, а другие в Мейконе, а в Атланте полным-полно солдат-янки и вольных голодранцев-ниггеров. Мелани и Скарлетт смиренно выслушали эту отповедь, но в конце концов не выдержали и расхохотались, припав друг к другу на плечо. Подумать только: тетушка Питти отрядила дядюшку Питера в Тару, чтобы отчитать их и привезти обратно! Тут уж и Порк, и Дилси, и Мамушка разразились громким хохотом, радуясь тому, что поноситель их любимой Тары явно посрамлен. Сьюлин и Кэррин хихикали, и даже по

лицу Джералда пробежало подобие улыбки. Смеялись все, за исключением дядюшки Питера, который со все возрастающим гневом досадливо переминался с одной огромной плоской ступни на другую.

– А ты-то для чего, черномазый? – с усмешкой спросила Мамушка. – Так одряхлел, что не можешь защитить свою хозяйку? Дядюшка Питер был оскорблен до глубины души.

– Одряхлел? Это я одряхлел? Нет, мэм! Я не дам мисс Питти в обиду и никогда не давал.. Не я, что ли, оберегал ее, когда мы с ней удирали в Мейкон? Не я, что ли, охранял ее, когда туда пришли янки и она так напугалась, что каждую минуту падала в обморок? Не я, что ли, привез ее обратно в Атланту и всю дорогу берег и ее, и серебро ейного папеньки? – Произнося эту свою защитительную речь, дядюшка Питер вытянулся во весь рост. – Так я ж не о том – мне что, трудно разве о ней позаботиться? Я о том, как на это поглядят.

– На что – на это.., кто поглядит?

– А люди – вот я о чем толкую. Как люди поглядят на то, что мисс Питти живет одна. Люди нехорошее говорят про незамужних дам, которые живут сами по себе, – провозгласил дядюшка Питер, и всем стало ясно, что тетушка Питтипэт в его глазах осталась все той же хорошенькой шестнадцатилетней девушкой, репутацию которой необходимо было защищать от злых языков. – Л я не хочу, чтобы ее имя трепали в городе. Нет, мэм. И не хочу я, чтобы она пускала в дом постояльцев, лишь бы не жить одной. Так я ей и сказал. «Нет, – сказал я, – не бывать этому, покамест живы ваши единокровные». Только, видать, кровные-то родственнички отворачиваются. Мисс Питти – она совсем как дитя малое и...

При этих словах Скарлетт и Мелани совсем зашлись от смеха и, громко всхлипнув, опустили на ступеньки крыльца. Наконец Мелани утерла слезы, набежавшие от смеха на глаза.

– Бедный дядюшка Питер! Не сердись, что я смеялась. Мне, право, стыдно. Прости меня! Но мы, Скарлетт и я, никак не можем вернуться сейчас домой. Может быть, в сентябре, когда снимем урожай хлопка, я и вернусь. Неужели тетушка заставила тебя проделать весь этот путь для того только, чтобы привезти нас домой на этом тощем животном?

Тут у дядюшки Питера внезапно отвалилась челюсть и на черном морщинистом лице изобразилось смущение и испуг. Оскорбление выпяченная нижняя губа вернулась в обычное положение с таким же проворством, с каким черепаха втягивает голову в спасительный панцирь.

– Мисс Мелли, видать, стар я стал, гляди-ка, из ума вон, зачем она меня послала, а ведь дело-то важное. Письмо привез вам. Мисс Питти не хотела доверить его почте, никому не могла доверить, окромя меня...

– Письмо! Мне? От кого?

– Да дело-то такое, хм... Мисс Питти, значит, говорит мне:

«Питер, ты как-нибудь поаккуратней сообщи об этом мисс Мелли» – а я и говорю...

Мелли поднялась со ступенек, прижав руки к груди.

– Эшли? Эшли? Он умер?

– Нет, мэм! Нет! – со всей мочи завопил дядюшка Питер, и голос его сорвался. Он судорожно рылся в нагрудном кармане своей рваной куртки. – Жив он! Вот оно – письмо! Он домой возвращается. Он... Боже милостивый, держи ее, Мамушка! Дайте-ка я...

– Убери свои руки, старый осел! – загремела Мамушка, подхватывая сомлевшую Мелани и не давая ей упасть. – Ах ты, благочестивый старый осел! «Сообщи ей поаккуратней!» Порк, бери ее за ноги. Мисс Кэррин, подержите ей голову. Давайте положим ее на диван в гостиной.

Все, кроме Скарлетт, суетились вокруг потерявшей сознание Мелани, все что-то испуганно восклицали, кто-то побежал за водой и подушками, и на дорожке перед домом остались только Скарлетт и дядюшка Питер. Скарлетт стояла, ошеломленно глядя на старого негра, беспомощно

размахивавшего письмом. Его черное старческое лицо жалобно сморщилось, словно у ребенка, которого распекает мать, от чувства собственного достоинства не осталось и следа.

В первые мгновения Скарлетт не могла двинуться с места, не могла произнести ни слова, и, хотя в мозгу ее звенело: «Он жив! Он возвращается домой!», она не ощущала ни радости, ни волнения – ничего, кроме потрясения и оцепенелости. Голос дядюшки Питера – жалобный, молящий – доносился к ней откуда-то издалека:

– Мистер Уилли Бэрт из Мейкона – он нашим сродни – привез мисс Питти письмо-то. Мистер Уилли был в одной тюрьме с мистером Эшли. Мистер Уилли раздобыл лошадь и добрался быстро. А мистер Эшли – тот идет пешком...

Скарлетт выхватила у него письмо. Она узнала почерк мисс Питти, и письмо было адресовано Мелани, но это не породило в Скарлетт ни секундного колебания. Она разорвала конверт, и записочка мисс Питти упала на землю. Кроме записки, в конверте был еще сложенный в несколько раз листок бумаги – засаленный, замызганный от пребывания в грязном кармане, обтрепанный по краям. Рукою Эшли на нем была сделана надпись: «Миссис Джордж Эшли Уилкс, через мисс Сару-Джейн Гамильтон, Атланта или Двенадцать Дубов, Джонсборо, Джорджия».

Дрожащими пальцами Скарлетт развернула листок и прочла:

«Любимая, я возвращаюсь домой, к тебе...» Слезы заструились по ее лицу, и она не могла прочесть больше ни строчки, а сердце заколотилось так, что ей казалось – сейчас оно разорвется от переполнявшей его радости. Прижав письмо к груди, она взлетела на крыльцо и – через холл, мимо гостиной, где все обитатели дома хлопотали, мешая друг другу, вокруг лежавшей в обмороке Мелани, – вбежала в маленький кабинетик Эллин. Захлопнув за собой дверь, она заперла ее на ключ и бросилась на старую софу, плача, смеясь, прижимая к губам письмо.

«Любимая, – шептала она, – я возвращаюсь домой, к тебе».

Здравый смысл подсказывал всем, что Эшли – если только ему не удастся отрастить крылья – не сможет добраться из Иллинойса в Джорджию раньше чем через несколько недель, если не через несколько месяцев, и тем не менее, стоило какому-нибудь солдату показаться в глубине подъездной аллеи, как у каждого начинало бешено колотиться сердце. Любое бородатое пугало могло обернуться Эшли. А если даже это был не Эшли, то кто-то мог принести весть о нем или письмо от тетушки Питти с известием об Эшли. И все население дома – и белое, и черное, – заслышав звук шагов, выбегало на крыльцо. Вид человека в военной форме заставлял каждого бросаться с выгона, с хлопкового поля, от поленницы дров ему навстречу. На какое-то время после получения письма работы на плантации почти остановились. Никто не хотел оказаться вне дома, когда появится Эшли, а меньше всех – Скарлетт.

И конечно, она не могла требовать от других, чтобы они занимались своими делами, когда сама забросила все.

Но шли недели, а Эшли все не было, и не приходило больше никаких о нем вестей, и жизнь на плантации понемногу вошла в обычную колею. Сердечной тоске и напряженному ожиданию тоже ведь положен свой предел. Однако в душу Скарлетт мало-помалу закрался тревожный страх, что с Эшли случилась какая-то беда по дороге. Рок-Айленд так далеко, а из тюрьмы он мог выйти слабым и больным. Денег у него нет, и край, через который лежит его путь, исполнен ненависти к конфедератам. Если бы только знать, где он находится, она послала бы ему денег, послала бы все до последнего пенни, заставила бы голодать всю семью, лишь бы он мог быстрее вернуться домой на поезде. «Любимая, я возвращаюсь домой, к тебе». В первые мгновения неистовой радости, когда ее глазам предстали эти строки, они означали для нее лишь одно:

Эшли возвращается домой, к ней. Затем, поостыв, она поняла, что Эшли возвращается не к ней, а к Мелани. К Мелани, которая бегаёт по дому, распевая от радости словно птичка. И временами у Скарлетт мелькала горькая мысль: а ведь Мелани могла умереть в Атланте от родов! Все бы так превосходно устроилось тогда. По истечении приличествующего срока она могла бы выйти замуж за Эшли и стать доброй мачехой малютке Бо. И когда нечто подобное приходило ей на ум, она уже не спешила испросить у господина прощения, не пыталась уверить его, что у нее не было ничего такого в мыслях. Она утратила страх перед господней карой.

Солдаты забредали в дом по одному, по двое, дюжинами, и все – голодные. Скарлетт в отчаянии говорила себе, что даже нашествие саранчи было бы не столь страшно. Она проклинала старый обычай гостеприимства, укоренившийся в эпоху процветания Юра, обычай, согласно которому ни одного заезжего человека – будь он благородного или простого сословия – нельзя отпустить дальше в путь, не накормив » его самого, и его лошадь, не предоставив ему ночлега и не выказав должного радушия. Скарлетт понимала, что прежний уклад жизни канул в прошлое навеки, но все остальные обитатели Тары не могли этого понять, не понимали этого и солдаты, и каждый из них был принят в доме как долгожданный гость.

И поток мимо бредущих не иссякал, а сердце Скарлетт ожесточалось. Солдаты поедали съестные запасы, заготовленные на несколько месяцев впрок, поедали овощи, выращивая которые она гнула спину, продукты, для приобретения которых ей пришлось покрыть не одну милю. Продукты эти добывались с великим трудом, а деньги в бумажнике янки таяли быстро. Сейчас в нем осталось уже всего несколько зеленых бумажек и только две золотые монеты. Почему должна она кормить всю эту ораву голодных мужчин? Война окончилась. Солдатам уже не придется больше грудью защищать ее дом от неприятеля. И она дала распоряжение Порку: когда в доме солдаты, подавать на стол поменьше еды. Распоряжение это оставалось в силе до тех пор, пока она не заметила, что Мелани, все еще не вполне окрепшая после появления на свет Бо, заставляет Порка отдавать ее долю солдатам, а себе берет нечто почти не различимое невооруженным глазом.

– Прекрати это, Мелани, – обрушилась на нее Скарлетт. – Ты пока еще еле на ногах держишься, и если не станешь есть как следует, то сляжешь совсем, и нам придется за тобой ухаживать. Пусть солдаты немного поголодают. Они от этого не умрут. Они выдерживали это четыре года, выдержат и еще.

Мелани поглядела на нее, и Скарлетт впервые увидела откровенный бунт в ее всегда таком ясном взоре.

– Ах, Скарлетт, не брани меня! Позволь мне поступать по-своему. Всякий раз, когда я отдаю какому-нибудь бедняге свою порцию, и думаю о том, что, быть может, где-то там на Севере какая-то женщина, повстречав моего Эшли на пути, делится с ним своим обедом, и это дает ему силы брести домой, ко мне.

«Моего Эшли».

«Любимая, я возвращаюсь домой, к тебе».

Скарлетт молча отвела глаза. Но после этого разговора Мелани заметила, что на столе стало появляться больше еды, даже если присутствовали посторонние, хотя Скарлетт по-прежнему жалела для них каждый кусок.

Если солдаты были слишком больны – а такие забредали к ним частенько – и не могли двинуться дальше, Скарлетт весьма и весьма неохотно предоставляла им постель. Каждый больной был лишним ртом, который приходилось кормить. И кто-то должен был за ним ухаживать – значит, одним работником меньше на прополке, на пахоте, на огороде, на возведении ограды. Раз какой-то верховой, направлявшийся в Фейетвилл, оставил у них на крыльце совсем юного парня со светлым пушком над верхней губой: юноша этот валялся у

дороги без сознания, и верховой перекинул его через седло и привез в ближайшую усадьбу – в Тару. Все подумали, что это, верно, один из тех курсантов, которые были призваны в армию, когда Шерман повел наступление на Милледжвилл, но узнать наверняка им ничего не удалось, так как юноша умер, не приходя в сознание, а содержимое карманов не помогло установить его личность.

Это был пригожий мальчик, по-видимому, из родовитой семьи, и, быть может, где-то дальше к Югу какая-то женщина день и ночь глядела на дорогу, гадая, скоро ли он вернется домой, – совершенно так же, как Скарлетт и Мелани в безумной надежде вглядывались в каждую бородастую фигуру, появляющуюся на аллее, ведущей к дому. Они похоронили юношу на своем семейном кладбище, рядом с тремя маленькими братьями О'Хара, и пока Порк засыпал могилу, Мелани отчаянно рыдала, думая о том, что, быть может, какой-нибудь чужой человек сделает то же для ее Эшли.

Так же как и этот безвестный юноша, попал к, ним и Уилл Бентин – он был без сознания, когда однополчанин привез его в Тару, перекинув через луку седла. Уилл погибал от пневмонии, и, укладывая его в постель, женщины со страхом думали, что он разделит участь безымянного солдата, погребенного на их кладбище.

У него было изжелта-бледное малярийное лицо, какие нередко встречаются среди малоимущего населения Южной Джорджии, светлые рыжеватые волосы и почти бесцветные голубые глаза, хранившие кроткое и терпеливое выражение, даже когда он бредил. Одна нога у него была ампутирована до колена, и на культю держался кое-как обструганный деревянный обрубок. Всем было ясно, что он из небогатой семьи, – точно так же как никто не сомневался, что юноша, которого они недавно похоронили, явно был сыном какого-нибудь плантатора. Откуда пришла к ним эта уверенность, никто из женщин не смог бы объяснить. Уилл был так же грязен и небрит и так же обовшивел, как многие джентльмены из хороших семей, попадавшие к ним в поместье. А речь его в бреду была отнюдь не менее правильна, чем язык близнецов Тарлтонов. И все же подобно тому, как они умели мгновенно отличать породистую лошадь от полукровки, так и здесь все инстинктивно почувствовали. Что Уилл – человек не из их среды. Впрочем, это никак не мешало им прилагать все силы к тому, чтобы спасти ему жизнь.

Изнуренный годом заключения в тюрьме, измученный длинным переходом на плохо пригнанной деревянной ноге, он уже не имел сил бороться с пневмонией и день за днем в бреду снова и снова переживал все битвы, стонал и пытался вскочить с постели. Но ни разу за все время не позвал он к своему ложу ни матери, ни жены, ни сестры, ни возлюбленной, и это очень встревожило Кэррин.

– У каждого человека должны быть какие-то близкие, – говорила она. – А у этого словно бы нет ни единой родной души на всем белом свете.

Однако, несмотря на истощение, организм у него оказался крепким, и хороший уход помог ему преодолеть болезнь. Настал день, когда в бледно-голубых глазах стало заметно отчетливое восприятие действительности, и взгляд его упал на Кэррин: она сидела возле его постели, перебирая четки, и лучи утреннего солнца играли в ее белокурых волосах.

– Значит, вы все же не приснились мне, – произнес он своим глуховатым, бесцветным голосом. – Надеюсь, я не доставил вам слишком много хлопот, мэм?

Выздоровление его подвигалось туго; день за днем он тихо лежал, глядя на магнолия за окном, и присутствие его почти не ощущалось в доме. Кэррин прониклась к нему симпатией; его тихая необременительная немногословность импонировала ей. И нередко в знойные послеполуденные часы она подолгу молча просиживала у его постели, отгоняя мух.

Кэррин вообще была молчалива в эти дни: тоненькая, хрупкая, она неслышно, как привидение, двигалась по дому, выполняя те работы, которые были ей под силу. И много

молилась, ибо стоило Скарлетт без стука заглянуть к ней в комнату, как она неизменно заставляла Кэррин коленопреклоненной возле кровати. Зрелище это всякий раз вызывало досаду у Скарлетт, считавшей, что время молитв прошло. Если бог нашел нужным так их покарать, значит, он прекрасно обходится без их молитв. У Скарлетт религия всегда носила характер сделки. Она обычно обещала богу вести себя хорошо в обмен на те или иные его милости. Но бог, по ее мнению, то и дело нарушал условия сделки, и теперь она чувствовала себя свободной от любых обязательств по отношению к нему. И всякий раз, застав Кэррин в молитве на коленях, в то время как той надлежало вздремнуть после обеда или заняться починкой белья, она злилась, считая, что сестра уваливает от участия в совместных трудах.

Примерно это она и сказала Уиллу Бентину как-то вечером, когда он уже стал вставать с постели, и была немало поражена, услышав в ответ такие, произнесенные бесцветным глуховатым голосом слова:

– Не трогайте ее, мисс Скарлетт. Это приносит ей утешение.

– Утешение?

– Конечно. Она молится за вашу матушку и за него.

– За кого Это – «за него»?

Бело-голубые глаза без удивления поглядели на нее из-под рыжеватых ресниц. Ничто, по-видимому, не могло ни удивить, ни взволновать Уилла Бентина. Быть может, он видел слишком много неожиданного и непредставимого, чтобы сохранить способность изумляться. Ему не казалось странным, что младшая сестра не раскрывала Скарлетт своего сердца. Он принимал это как нечто само собой разумеющееся, как и то, что Кэррин нашла возможным делиться с ним, совсем чужим ей человеком.

– За своего поклонника, за этого мальчика – Брента, не знаю, как его фамилия, который погиб при Геттисберге.

– За своего поклонника? – переспросила Скарлетт. – Какая чушь! И он, и его брат были моими поклонниками.

– Да, она мне тоже так говорила. Похоже, что все юноши во всем графстве были вашими поклонниками. Но тем не менее он стал ее поклонником, после того как вы отвергли его. Ведь он обручился с мисс Кэррин, когда в последний раз приезжал домой на побывку. Она говорит, что ей никто никогда не нравился – только он, и она получает успокоение, молясь за него.

– Чепуха! – сказала Скарлетт, почувствовав легкий укол ревности.

Она с любопытством поглядела на этого худосочного человека с костлявыми плечами, сутулой спиной, рыжеватыми волосами и спокойным немигающим взглядом. Вот, значит, как – ему известны секреты ее семьи, которые сама она не потрудились узнать. Так вот почему Кэррин бродит по дому как сомнамбула и все время молится богу. Ничего, это пройдет. Тысячи девушек забывают своих мертвых возлюбленных., да и мертвых мужей тоже. Она же пережила потерю Чарльза. А в Атланте она знала одну женщину, которая трижды вдовела за войну и все же не утратила способности интересоваться мужчинами. Именно эти соображения она и высказала Уиллу, но он покачал головой.

– Мисс Кэррин не такая, – убежденно сказал он. Уилл оказался приятным собеседником, потому что сам говорил мало, но умел слушать и понимать. Скарлетт делилась с ним своими сомнениями по части сева, прополки, рыхления почвы, откорма свиней и разведения коров, и он давал ей добрые советы, так как имел небольшую ферму в Южной Джорджии и двух негров. Он знал, что теперь его негры получили свободу, а ферма заросла сорняком и молодой сосной. Его единственная сестра несколько лет назад уехала со своим мужем в Техас, других родственников у него не было, и он остался один как перст на всем белом свете. Впрочем, это, казалось, мало волновало его, так же как и потеря ноги, которой он лишился в Виргинии.

И после целого дня тяжелой работы, после воркотни негров, нытья и шпилек Сьюлин, после бесконечно повторявшихся вопросов Джералда – где Эллин? – Скарлетт отдыхала душой, беседуя с Уиллом. Ему она могла сказать все. Она даже рассказала ему, как застрелила янки, и расцвела от гордости, услышав его немногословную похвалу:

– Чистая работа!

Мало-помалу все обитатели дома нашли путь в комнату Уилла, все шли к нему со своими тревогами и бедами – все, даже Мамушка, которая поначалу держалась с ним холодно, памятуя, что он невысокого происхождения и владелец всего двух рабов. Как только Уилл смог ковылять по дому, он тотчас нашел себе работу – стал плести корзины и чинить поломанную янки мебель. Кроме того, он очень умело резал по дереву, и Уэйд не отходил от него ни на шаг, так как Уилл вырезал ему всевозможные игрушки – первые в его жизни настоящие игрушки. Теперь, когда в доме появился Уилл, все, отправляясь по своим делам, уже спокойно оставляли на него Уэйда и двух малюток, ибо он не хуже Мамушки умел позаботиться о них, – разве что только Мелани превосходила его в умении успокоить раскричавшегося белого или черного младенца.

– Вы были неслыханно добры ко мне, мисс Скарлетт, – сказал однажды Уилл, – а ведь я для вас чужой человек. Я доставил вам уйму беспокойства и хлопот, и если вы не против, я бы хотел пожить здесь еще и помочь в работе чем смогу, пока не расплачусь с вами хоть немного за вашу заботу обо мне. Совсем-то расплатиться, до конца, я не смогу никогда, потому как жизнь человеческая слишком дорога – ее ничем не оплатишь.

Итак, Уилл Бентин остался жить в Таре, и как-то незаметно, само собой, значительная часть груза, лежавшего на плечах Скарлетт, переместилась на его костлявые плечи.

Настал сентябрь, и пришла пора собирать хлопок. Однажды после полудня, погожим, солнечным днем ранней осени Уилл Бентин, сидя на ступеньках крыльца у ног Скарлетт, неторопливо повествовал своим бесцветным голосом о непомерных ценах за очистку хлопка на новой хлопкоочистительной машине под Фейетвиллом. Однако сегодня в Фейетвилле ему удалось выяснить, что расходы можно будет сократить на четверть, если на две недели предоставить лошадь и повозку в пользование хозяина машины. Но заключать сделку он не стал – решил сначала обсудить все со Скарлетт.

Она поглядела на долговязого, сухопарого человека, жевавшего соломинку, прислонясь к колонне крыльца. Несомненно – как частенько утверждала Мамушка – сам бог послал его сюда, и Скарлетт не раз спрашивала себя, что бы все они делали последние несколько месяцев, если бы не Уилл. Он всегда был немногословен, никогда не суетился без толку, никогда не проявлял излишнего интереса к тому, что происходило вокруг, но знал решительно все про всех обитателей усадьбы. И работал не покладая рук. Работал молча, старательно и со знанием дела. И хотя у него не было ноги, он работал быстрее, чем Порк, и умел заставить работать Порка, что Скарлетт казалось равносильным чуду. Когда у коровы сделались колики, а на лошадь напала какая-то таинственная хворь, грозившая унести ее на тот свет, Уилл не отлучался от них ни днем, ни ночью и выходил обеих. Его умение выторговывать нужную цену вызывало уважение Скарлетт: он мог уехать утром верхом с двумя-тремя бушелями яблок, сладкого картофеля и других овощей и возвратиться с семенами, куском ткани, мукой и другими необходимыми предметами, и она понимала, что ей никогда не удалось бы всего этого раздобыть, как ни лихо научилась она торговаться.

Мало-помалу Уилл Бентин стал как бы членом семьи О'Хара и спал на раскладной кровати в маленькой гардеробной, смежной со спальней Джералда. Он больше не заговаривал об отъезде, а Скарлетт, страшась, как бы он их не покинул, тоже старательно обходила эту тему. Порой у нее мелькала мысль, что, не будь он человеком низкого происхождения и обладай хоть крупницей самолюбия, он бы вернулся к родному очагу, даже если этого очага больше не

существует. И тут же она принималась мысленно жарко молить судьбу о том, чтобы он оставался с ними как можно дольше. Насколько же легче жить, когда в доме ость мужчина.

И будь у Кэррин чуть больше мозгов, чем у мыши, думала Скарлетт, она заметила бы, что Уилл к ней неравнодушен. Скарлетт была бы бесконечно благодарна Уиллу, если бы он посватался к Кэррин. Конечно, до войны Уилла никак нельзя было бы считать подходящей партией для Кэррин. Он не принадлежал к клану плантаторов, хотя и к белой гольфтьбе его никто бы тоже не причислил. Он был просто небогатый фермер, не шибко образованный, говоривший и писавший с грамматическими ошибками и начисто лишенный того светского лоска, который в глазах всех О'Хара был неотъемлемой принадлежностью джентльмена. Сказать по правде, Скарлетт не раз задавала себе этот вопрос – можно ли считать Уилла джентльменом, и пришла к заключению, что нельзя. Мелани горячо защищала его: человек с таким добрым сердцем, такой внимательный к людям – это врожденный джентльмен, утверждала она. Скарлетт понимала, что Эллин упала бы в обморок при одной мысли, что ее дочь может сочетаться браком с человеком, подобным Уиллу, но это тоже не тревожило Скарлетт: волей-неволей ей слишком часто приходилось пренебрегать заповедями Эллин. Мужчин было мало, а девушкам надо же было выходить за кого-то замуж, да и поместью требовалась мужская рука. Но Кэррин, все глубже и глубже погружавшаяся в свой молитвенник и с каждым днем все больше терявшая связь с реальным миром, относилась к Уиллу тепло, как к брату, и он стал для нее чем-то столь же привычным, как Норк.

«Будь у Кэррин хоть искра благодарности в душе за все, что я для нее сделала, – с горечью думала Скарлетт, – она бы вышла за Уилла замуж и не позволила бы ему уехать от нас. Так нет, она будет вечно убиваться по этому глупому мальчишке, у которого, верно, и в мыслях-то никогда ничего серьезного по отношению к ней не было».

Но так или иначе, Уилл продолжал жить в их доме – по каким причинам, Скарлетт не знала, – и чисто деловые отношения, установившиеся между ними, были ей приятны и вполне ее устраивали. К повредившемуся умом Джералду Уилл проявлял глубочайшую почтительность, но подлинной главой дома была в его глазах Скарлетт.

Она одобрила его план отдать внаймы лошадь, хотя это на какое-то время лишало их средства передвижения. Конечно, больше всех это огорчит Сьюлин. Ведь самым большим удовольствием для нее было проехаться с Уиллом в Джонсборо или Фейетвилл, когда он отправлялся туда по делам. Одетая с бору да с сосенки – во все, что оставалось лучшего у женской половины обитателей Тары, – она наносила визиты друзьям, собирала новости со всей округи и начинала снова чувствовать себя мисс О'Хара из поместья Тара. Она никогда не упускала случая удрать с плантации и покрасоваться среди людей, которым не было известно, что она самолично застилает постели и полет огород.

«Мисс Гордячке придется две недели посидеть дома, – думала Скарлетт, – а нам, хочешь не хочешь, потерпеть ее нытье и воркотню».

Мелани с ребенком на руках тоже вышла на крыльцо, расстелила на полу старое одеяльце и посадила на него Бо, чтобы дать ему поползать. Получив очередное письмо Эшли, Мелани либо радостно распевала, сияя от счастья, либо впадала в состояние беспокойного тоскливого ожидания. Но и ликующая и подавленная, она пугала своей бледностью и худобой. Без единой жалобы она выполняла свою долю работ, хотя здоровье никак не возвращалось к ней. Старый доктор Фонтейн определил ее болезнь как женское недомогание и в полном согласии с доктором Мидом заявил, что ей вообще не следовало иметь детей. Он без стеснения предрек, что еще одни роды убьют ее.

– Сегодня в Фейетвилле мне попалась на глаза одна весьма занятная штучка, – сказал Уилл. – Я подумал, что вам, сударыня, будет интересно это увидеть, и решил прихватить ее с

собой. – Порывшись в заднем кармане брюк, он вытащил обшитый лыком коленкоровый бумажник, который смастерила для него Кэррин, и достал оттуда денежную купюру Конфедерации.

– Если вам кажется, – Уилл, что в деньгах Конфедерации есть что-то занятное, то я никак не разделяю вашего мнения, – резко сказала Скарлетт, так как один вид этих денег приводил ее в исступление. – У папы в сундуке лежит этих бумажек на три тысячи долларов, и Мамушка давно рвется заклеить ими дыры на чердаке, чтобы там не гулял сквозняк. И, пожалуй, я так и сделаю. Тогда, по крайней мере, от них будет какой-то толк.

– «Державный Цезарь, обращенный в тлен...» – пробормотала Мелани с грустной улыбкой. – Не нужно, Скарлетт, не делай этого. Сохрани их для Уэйда. Он, когда подрастет, будет гордиться ими.

– Насчет державного Цезаря я ничего не слышал, – терпеливо промолвил Уилл, – а вот то, что вы сказали насчет Уэйда, мисс Мелли, – так ведь и я как раз о том же. Тут на обороте наклеен стишок. Я знаю, мисс Скарлетт не больно жалуется стихи, но мне казалось, эти могут прийти ей по душе.

Он перевернул купюру. С оборотной стороны на нее был наклеен кусок оберточной бумаги, исписанный бледными самодельными чернилами. Уилл откашлялся и неторопливо прочел:

– Называется: «Стихи на оборотной стороне денежной купюры Конфедерации»:

Это знак, не имеющий больше цены, —
Сохрани его, друг дорогой,
Это символ когда-то прекрасной страны,
Разоренной жестокой рукой.

Да поведаст он свой печальный рассказ
Том, кто память хранит о былом,
О земле – колыбели священной для нас,
О грозе, полыхавшей огнем. [note 10](#)

– О какие прекрасные, какие волнующие слова! – воскликнула Мелани. – Нет, Скарлетт, ты не должна позволять Мамушке заклеивать деньгами щели на чердаке. Это же не просто бумажки, как правильно сказано в стихах., это память о той жизни, которая ушла безвозвратно.

– Ах, Мелли, не будь такой сентиментальной! Бумага все равно остается бумагой, а у нас ее так мало, и мне надоело слышать Мамушкину воркотню из-за щелей на чердаке. А когда Уэйд подрастет, у меня, надеюсь, найдется для него достаточно зеленых банкнот вместо этих никчемных бумажек.

Уилл, который во время этого разговора приманивал к себе малютку Бо, показывая ему купюру и заставляя ползти по одеялу, поднял голову и, заслонив глаза от солнца рукой, поглядел на подъездную аллею.

– К нам еще кто-то пожаловал, – сказал он – Еще один солдат.

Скарлетт посмотрела туда и увидела ставшую привычной картину: бородатый человек в серых и синих лохмотьях – остатках военной формы обеих армий – медленно брел по кедровой аллее, с трудом волоча ноги, понуро опустив голову.

– А я-то думала, что с солдатами уже покончено, – сказала Скарлетт. – Надеюсь, этот не очень изголодался.

– Думаю, что очень, – промолвил Уилл. Мелани поднялась.

– Пойду вельо Дилси поставить еще один прибор, – сказала она. – И надо удержать Мамушку, чтобы она не набрасывалась на этого беднягу прямо с порога, и не стаскивала с него рубище, и не...

Она так внезапно умолкла на полуслове, что Скарлетт подняла на нее глаза. Мелани держалась рукой за горло, словно ее что-то душило, и было видно, как на шее под кожей у нее быстро-быстро бьется голубая жилка. Лицо ее совсем побелело, а карие глаза казались неестественно огромными и почти черными от расширившихся зрачков. «Она сейчас потеряет сознание!» – подумала Скарлетт и, вскочив со ступенек, обхватила ее за плечи.

Но Мелани отбросила ее руку и в мгновение она сбежала с крыльца. Она летела по аллее словно птица, раскинув руки, одна касаясь ступнями гравия, ее линияльные юбки развевались... И Скарлетт вдруг все поняла, и это прозрение обрушилось на нее как удар. Она прислонилась к колонне, чтобы не упасть, и когда солдат поднял заросшее белокурой бородкой лицо и стал, глядя на дом, словно не находя в себе сил сделать еще хоть шаг, у Скарлетт остановилось сердце. А затем оно толкнулось о ребра и забилося бешено, когда Мелли с нечленораздельным криком упала в объятия этого оборванного солдата и его голова склонилась к ее лицу. Не помня себя, Скарлетт бросилась вниз по ступенькам, но рука Уилла удержала ее, ухватив за юбку.

– Не надо, не мешайте им, – тихо сказал он.

– Уберите руку, болван! Уберите руку! Это ЖР Эшли! Но он продолжал удерживать ее за юбку.

– Ведь это же как-никак ее муж, верно? – мягко проговорил он, и, теряя рассудок от бессильной ярости и непомерного счастья, Скарлетт в смятении взглянула на него и прочла в глубине его глаз понимание и участие.

Данная книга была скачана с сайта Librs.net.

notes

Note1

Пикник или прием на открытом воздухе, во время которого гостей угощают жареным на вертеле мясом, причем туша – бычья, баранья, свиная – жарится целиком, и это кушанье носит то же название.

Note2

Молитвенное песнопение, построенное в форме диалога.

Note3

Роберт Эммет (1778—1803) – ирландский буржуазный революционер боролся за независимую ирландскую республику, был казнен.

Note4

Сокращенное от «Диксиленд», распространенного названия Южных штатов.

Note5

Улица в Париже, где находились самые дорогие магазины.

Note6

Строка из стихотворения английского поэта XVII в. Ричарда Лавлейси.

Note7

Распространенный в Америке напиток из коньяка или виски с водой, сахаром, льдом и мятой.

Note8

«Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто господином был тогда?» – строка из в народной песни.

Note9

Популярные в середине XIX в, эстрадные представления, участники некоторых, загримированные под негров, играли на банджо, тамбурине, кастаньетах, пели, танцевали, перебрасывались шутками.

Note10

Шекспир У. Гамлет, акт 5, сцена 1.